

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 18. № 3

2019

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Язык и общество: актуальные исследования»

“Language and Society: Current Researches”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 18. No. 3

2019

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019

Том 18. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2019

Volume 18. No. 3

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2019. Vol. 18. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue:

“Language and Society: Current Researches”

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia) (Registration Certificate ПИ № ФС77-25016 of June 29, 2006)

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**; **MLA (USA)**, **CrossRef (USA)**, **DOAJ (Sweden)**, **EBSCO (USA)**, **ProQuest (USA)**, **CiteFactor (Canada)**, **COPAC* (Great Britain)**, **Google Scholar (USA)**, **Journalindex.net (USA)**, **JournalSeek (USA)**, **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory (USA)**, **OCLC WorldCat® (USA)**, **SHERPA/RoMEO (Spain)**, **MIAR (Spain)**, **ZDB (Germany)**, “CyberLeninka” Scientific Electronic Library (Russia), “Socionet” Information Resources (Russia), etc.

Address of the Editorial Office:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal Website: <https://l.jvolsu.com>
English version of the Website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Editorial Staff:

Assoc. Prof. Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)
Prof. Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Prof. Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)
Prof. Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)
Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof. Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik); Prof. Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk); Prof. Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia); Prof. Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium); Prof. Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow); Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow); Prof. Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg); Assoc. Prof. Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd); Prof. Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd); Prof. Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany); Prof. Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia); Prof. Dr. *L.P. Krysin* (Moscow); Prof. Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd); Prof. Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg); Prof. Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Volgograd); Prof. Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod); Prof. Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine); Assoc. Prof. Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria); Prof. Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd); Prof. Dr. *L. Shipelovich* (Warsaw, Poland); Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *M.V. Rassakhatskaya*,
I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova*, *Yu.V. Chemeteva*
Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing Sept. 03, 2019.

Date of publication Nov. 27, 2019. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 26.5. Published pages 28.5.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–71).

Order 171. «C» 27.

Open price

Address of the Publishing House and Printing House:
Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

© Volgograd State University, 2019

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019. Т. 18. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера:

«Язык и общество: актуальные исследования»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25016 от 29 июня 2006 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**; **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://i.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://i.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шентухина* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)

д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)

канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);

д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);

д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);

д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);

д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);

д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);

д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);

д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);

д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);

д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);

д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры:

М.В. Рассахатская, И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов:

О.С. Волкова, Ю.В. Чеметева

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 03.09.2019 г.

Дата выхода в свет 27.11.2019 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 26,5.

Уч.-изд. л. 28,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–71).

Заказ 171. «С» 27.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА:

«ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО:

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

<i>Биткеева А.Н., Вингендер М., Михальченко В.Ю.</i> Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект	6
<i>Шапошникова И.В.</i> Динамические модели в социолингвистике и социокоммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период	24
<i>Ларина Т.В., Сурьянараян Н., Юрьева Ю.Б.</i> Социокультурный контекст, формы обращения и стили коммуникации (на примере британского и индийского вариантов английского языка)	39
<i>Пицальникова В.А.</i> Эксперимент как составная часть методологии сопоставительных исследований	52
<i>Озюменко В.И.</i> Конструирование социальной реальности в медиадискурсе: стратегия информационной неоднозначности	64
<i>Боженкова Н.А., Катыхев П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н.</i> Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии	76
<i>Бубнова И.А.</i> Награды как ценностные императивы государства и общества	93
<i>Вострякова Н.А.</i> Русские гендерные отношения в учебных материалах по РКИ как предмет осмысления в мусульманской аудитории	103

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Земичева С.С.</i> Эмоциональные концепты «Плач» и «Смех» в дискурсе носителя народно-речевой культуры	116
<i>Сафонова Т.В.</i> Функционирование фразеологических единиц в детективной прозе Б. Акунина	130
<i>Кондратьева О.Н.</i> Анекдоты как источник изучения стереотипного образа региона (на примере анекдотов о Сибири)	140

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

<i>Митягина В.А., Новикова Э.Ю., Ванкова Л.</i> Я и Мы в корпоративном дискурсе: реализация социокультурных и лингвопрагматических параметров коммуникации	150
--	-----

<i>Газизов Р.А., Ленец А.В., Тахтарова С.С.</i> Электронная коммуникация в аспекте лингвистической вежливости (на материале немецкой лингвокультуры) [На англ.]	162
<i>Астафурова Т.Н., Олянич А.В.</i> Лингвосемиотика протективной коммуникации [На англ.]	172
<i>Шамне Н.Л., Павлова Е.Б.</i> Лингвопрагматика англоязычного ресторанного интернет-дискурса [На англ.]	182
<i>Голубева Т.М.</i> Персуазивность гиперболы в политическом дискурсе (на материале высказываний британских политиков)	195

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Матьцина М.С.</i> Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические подходы	206
<i>Тоназ А.И.</i> Понятия делопроизводства и архивного дела в терминологических стандартах: сопоставительный аспект	217
<i>Юдина Н.В., Фельдман Н.Б.</i> Хремотонимы в профессиональном дискурсе атомной и космической отраслей	227
<i>Вилмек В., Махортова Т.Ю., Сидорова И.Г.</i> Модель структурирования невербальных средств коммуникации: межкультурный аспект (на примере чешской и русской культур) [На англ.]	239

ДИСКУССИИ

<i>Яновская И.В., Чижикова О.В., Золотых Н.В.</i> Лингвокогнитивные механизмы индивидуально-авторского начала в поэтическом дискурсе	251
<i>Шильникова О.Г., Белолипская Г.С.</i> Литературно-художественный журнал: социокультурная миссия и функции в литературно-художественной коммуникации	262

РЕЦЕНЗИИ

<i>Петрова А.А., Солнышкина М.И.</i> Письменная коммуникация: текстовый и лингвистический подходы к теории и эмпирии (Рец. на кн.: Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuanfang zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift [Text] / Н. Hausendorf, W. Kesselheim, H. Kato, M. Breitholz. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2017. – 414 S.)	276
--	-----

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE:

“LANGUAGE AND SOCIETY: CURRENT RESEARCHES”

- Bitkeeva A.N., Wingender M., Mikhailchenko V.Yu.*
Language Prognosis and Language Diversity
in the Russian Federation:
Sociolinguistic Aspect 6
- Shaposhnikova I.V.* Dynamic Models
in Sociolinguistics
and Socio-Communicative Attitudes
of the Russian Language Personality
in the Post-Soviet Period 24
- Larina T.V., Suryanarayan N., Yuryeva Yu.B.*
Socio-Cultural Context,
Address Forms and Communicative Styles
(A Case Study of British and Indian Englishes) 39
- Pishchalnikova V.A.* Experiment
as an Integral Part of the Methodology
of Comparative Research 52
- Ozyumenko V.I.* Social Reality Formation
in Media Discourse:
Information Ambiguity Strategy 64
- Bozhenkova N.A., Katyshchik P.A., Ionova S.V.,
Afanasyeva E.M., Saakyan L.N.*
Russian Political Discourse
in the Focus of Linguistic Ecology 76
- Bubnova I.A.* Awards as Value Imperatives
of a State and Society 93
- Vostryakova N.A.* Russian Gender Relations
in Educational Materials on RFL
as a Subject of Reflection
in the Muslim Audience 103

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Zemicheva S.S.* Emotional Concepts
“Crying” and “Laugh” in the Discourse
of the Folk-Speech Culture Keeper 116
- Safonova T.V.* Functions of Phraseological Units
in Detective Prose of B. Akunin 130
- Kondratyeva O.N.* Jokes as the Source of Study
Stereotypic Image of Region
(On an Example of Jokes About Siberia) 140

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Mityagina V.A., Novikova E.Yu., Vankova L.*
I and We in Corporate Discourse:
The Realization of Sociocultural
and Linguopragmatic Characteristics
of Communication 150

- Gazizov R.A., Lenets A.V., Takhtarova S.S.*
Electronic Communication
in the Aspect of Linguistic Politeness
(Based on the Material of German Linguoculture) 162
- Astafurova T.N., Olyanich A.V.* Semioliinguistics
of Protective Communication 172
- Shamne N.L., Pavlova E.B.* Linguistic Pragmatics
of English Language Restaurant Online Discourse 182
- Golubeva T.M.* Hyperbole as a Persuasion Tool
in Political Discourse
(The Case of British Politicians’ Speech) 195

MATERIALS AND REPORTS

- Matytsina M.S.* Critical Discourse Analysis:
Theoretical and Methodological Approaches 206
- Topaz A.I.* The Concepts of Office Work
and Archiving in Terminological Standards:
A Comparative Aspect 217
- Yudina N.V., Feldman N.B.* Chrematonyms
in the Professional Discourse
of the Nuclear and Space Industry 227
- Vilimek V., Makhortova T.Yu., Sidorova I.G.* A Model
of Non-Verbal Communication Means Structuring:
An Intercultural Aspect (On the Material
of the Czech and Russian Cultures) 239

DISCUSSIONS

- Yanovskaya I.V., Chizhikova O.V., Zolotykh N.V.*
On Linguistic and Cognitive Mechanisms
of Author’s Identity Representation
in Poetic Discourse 251
- Shilnikova O.G., Belolipskaya G.S.*
Literary Magazine:
Its Social-and-Cultural Mission and Functions
in the Literary Communication 262

REVIEWS

- Petrova A.A., Solnyshkina M.I.*
Writing Communication:
Textual and Linguistic Approaches
to Theory and Empirism (Book Review:
Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuanfang
zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit
und durch Schrift [Text] / H. Hausendorf, W. Kesselheim,
H. Kato, M. Breitholz. – Berlin ; Boston :
De Gruyter, 2017. – 414 S.) 276

www.volsu.ru

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

UDC 81'27(470+571)

LBC 81.006.2

Submitted: 01.02.2019

Accepted: 12.09.2019

LANGUAGE PROGNOSIS AND LANGUAGE DIVERSITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

Aysa N. Bitkeeva

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

Monika Wingender

Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany

Vida Yu. Mikhailchenko

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the methodological basis of sociolinguistic research into language perspectives with a focus on linguistic diversity in the Russian Federation, the study of which is closely connected with such sociolinguistic concepts as language situation, language policy and language planning. Over the recent decades, sociolinguistics has witnessed a real boom in new research showing a growing variety of methods for studying linguistic diversity. Closer consideration of these papers shows that the authors focus on the search for tools to analyze the prerequisites, history and current situation of linguistic diversity. However, research methods for the future development of linguistic diversity – linguistic forecasting, lack for scientific representation. Analysis of the prospects for the development of languages in present-day conditions is no less relevant research topic. The identification of the laws of language development requires a comprehensive approach from the position of sociolinguistics, which leads to the multifaceted nature of scientific research, the consideration of the object not only from the linguistic point of view, but also from sociolinguistic, psycholinguistic, ethnolinguistic etc. factors. The authors present an overview of sociolinguistic methods. As part of a combination of methods, which is justified by the variety of goals and subjects of linguistic forecasting, the authors analyze some possible methods of sociolinguistic forecasting (parametric, statistical, discursive) and their practical application in the study of linguistic diversity. The article concludes with forecasts for linguistic diversity in the Russian Federation.

Key words: sociolinguistic methods, language perspectives, language situation, language policy, language planning.

Citation. Bitkeeva A.N., Wingender M., Mikhailchenko V.Yu. Language Prognosis and Language Diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 6-23. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

УДК 81'27(470+571)

ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 01.02.2019

Дата принятия статьи: 12.09.2019

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Айса Николаевна Биткеева

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия;
Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Моника Вингендер

Гиссенский университет им. Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия

Вида Юозовна Михальченко

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются методологические основы социолингвистического прогнозирования с акцентом на анализе языкового многообразия в Российской Федерации, исследование которого тесно связано с такими социолингвистическими понятиями, как «языковая ситуация», «языковая политика» и «языковое планирование». Показывается, что в последние десятилетия наблюдается увеличение публикаций по проблемам социолингвистики, демонстрирующих расширение набора методов изучения языкового многообразия и отражающих поиск инструментов анализа его предпосылок, истории и актуального состояния. Констатируется отсутствие работ, посвященных методам лингвистического прогнозирования. Утверждается актуальность осмысления перспектив развития языков в современных условиях и необходимость комплексного подхода при выявлении закономерностей данного процесса, который определяет многоаспектность научного исследования, рассмотрение объекта не только с собственно лингвистической точки зрения, но и с учетом социо-, психо- и этнолингвистических факторов. В статье приводится обзор социолингвистических методов. В рамках комбинирования методов, которое обусловлено сложностью целей и разнообразием предметов лингвистического прогнозирования, охарактеризованы некоторые из его методов (параметрический, статистический, дискурсивный) и их практическое применение при изучении языкового многообразия. Выдвигаются прогнозы относительно языкового многообразия в Российской Федерации.

Ключевые слова: социолингвистические методы, перспективы развития языков, языковая ситуация, языковая политика, языковое планирование.

Цитирование. Биткеева А. Н., Вингендер М., Михальченко В. Ю. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 6–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

Введение

В последние десятилетия для лингвистики особенно актуальной стала тема развития методов, теорий и подходов в междисциплинарном аспекте. Так, в социолингвистике наблюдается настоящий бум новых исследований, демонстрирующих растущее многообразие методов. Большое количество работ появилось в англоязычном научном пространстве (см.: [Discursive Approaches..., 2016; Research Methods..., 2015; The Oxford Handbook..., 2018; The Routledge Handbook..., 2018]); в отечественной науке о языке также уделяется особое внимание развитию методологической базы, расширению аспектов социолингвистических исследований (см., например: [Национальные языки в эпоху глобализации..., 2012; Язык и общество, 2016; Языковая политика..., 2016; и др.]). Такие работы освещают динамику развития социолингвистики как науки, подчеркивают ее междисциплинарный статус.

В данной статье сделан акцент на анализе языкового многообразия в Российской Федерации, исследование которого тесно свя-

зано с такими социолингвистическими понятиями, как «языковая ситуация», «языковая политика» и «языковое планирование». При ближайшем рассмотрении названных отечественных и зарубежных сборников статей становится ясно, что их авторы фокусируются на поиске инструментов анализа предпосылок, истории и актуальной ситуации языкового многообразия. Однако удивляет тот факт, что в этих изданиях нет материалов, посвященных методам изучения перспектив, то есть будущего развития языкового многообразия – лингвистического прогнозирования, хотя касающаяся его тема в социолингвистических работах затрагивалась, например, в советский период. Так, Л.Б. Никольский в 1970 г. отмечал, что связь между прогнозированием и языковым планированием очевидна, так как последнее имплицитно прогнозирует дальнейшее развитие языков [Никольский, 1970, с. 12–13]. Что касается конкретных методов лингвистического прогнозирования, то при их разработке исследователи сталкиваются с определенными проблемами, очевидно обусловленными гетерогенностью целей и множествен-

ностью областей прогнозирования, требующих применения комплекса различных методов. Ввиду этого, думается, необходимо комбинирование разных методов (в соответствии с *mixed methods approach*), которое будет способствовать прогнозированию развития языкового многообразия. Прежде чем подробнее обсудить проблемы прогнозирования в социолингвистике, представим обзор социолингвистических методов, включающий сбор материала и его интерпретацию, что позволит показать актуальность целей, предмета и методов лингвистического прогнозирования. Согласно методике *mixed methods approach* охарактеризуем параметрический, статистический и дискурсивный методы и продемонстрируем возможности их применения при исследовании языкового многообразия, в качестве выводов предложим прогнозы относительно языкового многообразия в Российской Федерации.

Обзор методов в социолингвистике

Социолингвистические методы можно разделить на две большие группы: 1) методы сбора материала и 2) методы его интерпретации. К первой группе относятся анкетирование, наблюдение, интервьюирование, тестирование, анализ письменных источников и др., ко второй группе – количественные и качественные методы. Для обработки материала чаще всего используются разновидности корреляционного анализа, который применяется для изучения взаимосвязей между социальными и языковыми переменными величинами. Выбор методов и их сочетание зависят от специфики рассматриваемой проблемы. Так, при исследовании латентных явлений влияния родного языка на речь билингва на функционально втором языке можно объединить анкетирование с методами экспериментальной фонетики; формирования двуязычия – применить анкетирование и записи речи (или письменные тесты); качества письменной речи – опрос и анализ письменных источников билингва, связанный с поисками индекса качества речи. Все указанные сочетания разных методов и приемов были реализованы в социолингвистических работах 1980–2000-х гг.: [Аюпова, 1988; Дырхеева, 2002; Биткеева, 2006; Мето-

ды..., 1976; Михальченко, 1984; 2014; 2018; и др.]. Отметим, что для их успешного объединения, обеспечивающего убедительный, достоверный результат, необходимо следить за возможностью такого их использования, при котором данные, полученные одним методом, контролировались бы данными, полученными посредством другого, например, субъективные данные (самооценки) о знании функционально второго языка уточняются объективными – анализом устных и письменных тестов. Это взаимодействие методов наблюдается при изучении качества речи: самооценка и объективная оценка практических знаний билингва исследователем.

В последние десятилетия отечественная социолингвистика пополнилась новыми приемами и методами сбора и интерпретации материала: появилась потребность в методах анализа с применением компьютерных технологий, обращении к методам смежных наук. Так, политологи, экономисты создают программы мониторинга политической, экономической ситуации в мире, системы антикризисного реагирования на внутривнутриполитические, международные конфликты, модели прогнозирования изменения политической ситуации в мире в ближайшие десятилетия [Ахременко, 2006; Барановский, Владиславлева, 2002; Бородкин, 2016; и др.]. Анализ перспектив развития языков в современных условиях не менее актуальная тема. Выявление закономерностей развития языков требует от социолингвистики комплексного подхода, что обуславливает многоаспектность научного исследования, рассмотрение объекта не только с собственно лингвистической точки зрения, но и с учетом социо-, психо- и этнолингвистических факторов.

В современной социолингвистике активно используются достижения мировых технологий: создаются информационные базы данных языков, программы мониторинга языковой ситуации в регионах мира, системы антикризисного реагирования на внутривнутриполитические, международные и языковые конфликты, модели прогнозирования изменений политической ситуации, языковой ситуации в мире на отдаленный во времени период. Это помогает систематизировать материал, расширять фактологическую базу исследований, выво-

дять их на более высокий уровень, решать важные задачи лингвистической науки.

Так, в диахронической социолингвистике стали применять метод реинтерпретации данных разных наук для выяснения социолингвистических истин. Исследователи шире используют прием изучения языковых биографий информантов для выявления динамики речевой практики разных поколений. Важным приемом сбора материала и интерпретации условий развития социальных функций языка можно считать составление социолингвистического портрета языка, а для определения социального статуса информантов – поиск маркеров индивидуальной речи.

Существуют программы, с помощью которых проводится текстологический анализ, например, на частотность эмоционально окрашенных слов и выражений, позволяющий сделать вывод о позиции общества по тому или иному актуальному вопросу. Эти частотные единицы можно квалифицировать как социолингвистические маркеры.

Комплексный подход представляет картину возможных сценариев развития языка. Например, анализ языка электронной коммуникации может дополнить и уточнить исследование, посвященное выявлению имплицитной информации. Поскольку политика и идеология неизбежно влияют на общественное политическое сознание общества, объективные данные возможно получить в результате изучения материалов социальных сетей, но не публикаций СМИ, которым характерна определенная предсказуемость.

Прогнозирование в социолингвистике

Опираясь на описанные методы сбора материала и его интерпретации, а также вышеупомянутое их комбинирование, обратимся к основам прогнозирования в социолингвистике.

Как уже говорилось ранее, связь языкового планирования с прогнозированием была актуальной темой уже в советском языкознании. Прогнозирование находится в исследовательском поле перспективной социолингвистики, занимающейся проблемами планирования и прогнозирования языкового развития в прикладном контексте. Очевидно, прикладные

исследования теснее связаны с текущими политическими процессами, направлены на разрешение текущих проблемных ситуаций в предельно сжатые сроки. Так, А.Д. Швейцер писал о том, что принципы планирования и прогнозирования широко использовались в процессе языкового строительства в СССР, и отмечал, что языковое планирование должно опираться на научное прогнозирование [Швейцер, 1977, с. 154]. Ю.Д. Дешериев выделял пять областей прогнозирования, которые представлены в «Словаре социолингвистических терминов», где оно толкуется как «исследование конкретных перспектив развития как отдельного языка, его внутренней структуры, так и языковой ситуации в той или иной социальной общности. К этим областям относятся:

- 1) развитие языков в мире;
- 2) судьба отдельных языков;
- 3) развитие общественных функций языков;
- 4) структурное развитие языков;
- 5) развитие и взаимодействие языков» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 271].

Если рассматривать это определение в контексте многообразия предмета социолингвистики, становится понятной сложность точной формулировки целей этого направления исследований, поскольку очевидно и их многообразие. Итак, наряду с оценкой перспектив исчезающих языков лингвистическое прогнозирование преследует (или должно) такие цели:

- описание количественного и качественного развития языковых ситуаций;
- предсказание и предотвращение этнолингвистических конфликтов;
- прогнозирование хода *nation-building* и его влияние на развитие языкового многообразия в многонациональных обществах.

Однако и этого недостаточно для исчерпывающего исследования языкового многообразия, поскольку в целом необходимо выяснить, каковы же масштабы прогнозирования: 1) предсказание хода развития языков и языковых сообществ, основанное на данных или/и 2) разработка рекомендаций для правительства, политики, общества и др. Оперативное использование прогнозной информа-

ции способно сократить время на выработку решения, повысить результативность, не допустить возникновения вероятной проблемы или ослабить ее.

В рамках статьи мы вынуждены ограничиться лингвопрогнозом хода языкового развития, основанном на синхронных данных. Предлагаем комбинирование методов (параметрического, статистического и дискурсивного), обусловленное многообразием целей и предмета лингвистического прогнозирования.

Лингвопрогноз: методы и их реализация

Традиционные методы прогнозирования включают подробное обследование разных языковых общностей, изучение способов организации их языковой жизни, речевой практики, а также оценку приверженности родному языку и готовности приложить усилия для поддержки своего языка в разных этнолингвистических условиях.

Одним из таких методов является *параметрический анализ* – комплексное исследование факторов, влияющих на степень витальности языков, корреляционный анализ которых представляет прогностическую картину развития языковых общностей.

За основу анализа берутся основные параметры витальности языка: 1) демографическая мощность; 2) тип расселения, степень компактности проживания этнической группы; 3) коммуникативная мощность языка; 4) языковая компетенция, символическая мощность языка; 5) конфессиональные характеристики этнической группы и т. д.

Комплексный анализ указанных параметров представляет прогностическую картину развития языковых общностей. В разных языках она разная: фиксируется как положительная, так и отрицательная динамика.

При оценке жизнеспособности языков, которая измеряется шириной и интенсивностью их применения в социально значимых сферах общения, важным показателем становится *демографическая мощность* [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 97], соотношение количества владеющих им с количеством членов соответствующей этнической группы.

Перепись населения 2010 г. свидетельствует о том, что в Российской Федерации проживают носители 275 языков. Коренные мажоритарные народы представлены 30 языковыми общностями, коренные миноритарные народы – 62, а этнические меньшинства – 45–50. В перечень включены все носители того или иного языка вплоть до единичных представителей народа. Для социолингвистической оценки важны не общие подсчеты этносов, а анализ языковых общностей. Большинству народов России свойственно увеличение этнической общности, представляющей собой базовую языковую общность (от 1 до 18 %). У некоторых народов этническая общность уменьшается, например: русские (-4 %), адыгейцы (-1 %), башкиры (-4 %), кабардинцы (-2 %), карелы (-31 %), коми (-21 %), марийцы (-7 %), удмурты (-11 %), чувашаи (-8 %). Обычно в таком случае наблюдается потеря параметров языковой общности: адыгейцы (-1 %), кабардинцы (-3 %), карелы (-64 %), коми (-35 %), марийцы (-16 %), удмурты (-24 %), чувашаи (-20 %). Тревожным для функционального развития языков является показатель потери языка представителями народа. Здесь исключение представляют народы, у которых увеличивается процент знающих этнический язык: черкесы (-4 %), карачаевцы (-10 %), лезгины (-2 %), чеченцы (-19 %).

В условиях, когда доля титульного народа в населении региона невелика, функциональное развитие языка сталкивается с трудностями. Демографическое неравновесие приводит, в частности, к тому, что русский язык доминирует, им владеет подавляющее большинство населения, некоторые жители считают его родным языком, и их количество постоянно растет. Так, по переписи 2010 г. признают русский родным 18,2 % титульного населения Мордовии, 20,2 % марийцев в Марий Эл, 34,9 % удмуртов в Удмуртской Республике, 5 % татар в Республике Татарстан, 7,7 % башкир в Республике Башкортостан (Итоги Всероссийской переписи населения..., с. 272). Владение же русским языком во всех республиках достигает 80–90 %.

Значимым параметром успешного функционирования языка является *способ расселения* языковой общности. Если этнической общности характерно дисперсное расселение

и малочисленность, ассимиляционные процессы протекают быстро. Языки таких общностей становятся функционально неравнозначными доминирующему языку, менее престижными. Крупные этнические группы, которых отличает компактный тип проживания, как правило, менее подвержены влиянию доминирующей языковой социальной среды на этническую группу, ее язык; ассимиляция отстывает, и сохраняется этноязыковое своеобразие группы. Это касается и молодого поколения, наиболее активной и динамичной части этнической группы.

К компактному типу расселения склонны этносы, у которых сохранились традиции большой семьи. Немаловажную роль играют и конфессиональные характеристики этнической группы. Для республик Российской Федерации более характерен сельский способ расселения титульных наций, который связан с более низким уровнем образования и более высоким уровнем языковой компетенции на родном языке, чем у горожан. В городах чаще всего преобладает русское или русскоязычное население, а представители титульных наций подвержены сильной языковой ассимиляции.

В оценке витальности языка значима его *символическая мощьность*. Язык играет важную роль в менталитете народа, поскольку менталитет народа как социоэтнической группы представляет собой совокупность образа мыслей, символов, духовных и морально-этических установок. Это регулятор жизнеспособности данной языковой общности. В последние годы в российском научном сообществе идут дискуссии по поводу нового толкования понятия «родной язык». Предпосылкой послужил тот факт, что некоторые представители ранее однородной в языковом и культурном плане общности не признают родным языком «свой» язык, а пользуются в повседневной жизни «чужим», и таким образом меняется их этническая идентичность. Действительно, встречается «языковой нигилизм» определенной части титульных народов ряда республик, обнаруживающийся в нежелании знать свой язык из-за его «социальной непрестижности». Отметим, что в кавказских республиках это негативное явление выражено гораздо слабее. Однако, как показывают поле-

вые исследования, все же для большинства народов Российской Федерации понятие «родной язык» неразрывно связано с понятием языка своего народа, независимо от степени владения им. Родной язык служит одним из основных признаков этнической принадлежности человека, важным этническим символом. О болезненности этой темы свидетельствуют активные в течение 2018 г. дебаты на федеральном и региональных уровнях о добровольном изучении национальных языков в школе.

Коммуникативная мощьность определяется количеством социальных функций языка. Сегодня в Российской Федерации только русский язык в полной мере реализует свои функции и, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в стране, выполняет государствообразующую, консолидирующую роль. Русский язык преподается на всех уровнях образовательной системы, его доминирующее положение объясняется статусом государственного языка Российской Федерации, а также тем, что владение им способствует поступлению в высшие учебные заведения России, возможности получения престижной профессии, мобильности в пределах страны и т. д. Часто региональные языки республик, провозглашенные государственными языками, не обладают, например, достаточно развитыми функциональными стилями, не в состоянии выполнять те или иные общественные функции.

По данным Министерства образования и науки РФ за 2015/16 учебный год, обучение проходило всего на 5 языках многочисленных коренных народов России: с 1-го по 4-й класс – на крымско-татарском, мордовском эрзя и чувашском, с 1-го по 11-й класс – на башкирском и татарском. Несколько лучше обстояло дело с обучением на языках в сельской местности. В селах обучение шло на 12 языках: с 1-го по 4-й класс – на аварском, мордовском мокша, осетинском, удмуртском и чеченском, с 1-го по 9-й класс – на марийском луговом, с 1-го по 11-й класс – на башкирском, даргинском, крымско-татарском, мордовском эрзя, татарском, чувашском (Данные Министерства науки и образования РФ). Отметим, что обучение на языке вовсе не означает, что все предметы школьного цикла преподаются на нем, чаще всего обучение проводится в

рамках таких дисциплин, как язык и литература. В подавляющем большинстве школ в республиках родной язык коренного населения изучается как предмет, практически иностранный язык, с недостаточным количеством часов, отведенных на его освоение.

В сфере СМИ на региональных государственных языках в разных республиках также складываются разные ситуации, например, периодика отличается количеством выпускаемых номеров и объемом тиража. По данным Российской книжной палаты за 2016 г., самое большое количество газет выходило на татарском языке – 176 наименований, башкирском – 71, чувашском – 44, аварском – 22, чеченском – 21, осетинском – 15, марийских языках – 14, удмуртском – 13, лезгинском – 9, даргинском – 8. Меньше всего газет издавалось на калмыцком и коми – 5 наименований, крымско-татарском – 4, ингушском, мордовских эрзянском и мокшанском – по 3 наименования, адыгейском – 2 (Российская книжная палата).

В сфере радио и телевидения ситуации примерно одинаковые: большая часть эфирного времени отдана русскоязычным передачам, на национальных языках в основном транслируются новости, программы, посвященные национальной культуре.

Языки, объявленные государственными, почти не используются в важнейших официальных сферах – административном управлении, делопроизводстве и др. За титульными языками законодательно не закреплено обязательное их употребление в главных официальных сферах, что допускает расплывчатые формулировки. Так, в законе Республики Мордовия использование мордовского языка (мокшанского или эрзянского) в области делопроизводства, судопроизводства, государственных органах, организациях и предприятиях, а также на этикетках и в номенклатурных списках товаров, производимых в Мордовии, допускается «при необходимости» (Закон Республики Мордовия, III, ст. 11, IV, ст. 17, 20). Такая формулировка фактически означает, что можно не пользоваться языком, оправдываясь тем, что необходимости не было.

Одна из положительных тенденций функционального развития миноритарных языков

Российской Федерации в том, что малые языки активно функционируют в сфере информационных технологий, находят свою аудиторию. Об этом говорилось в аналитических обзорах исследователей на лингвистическом форуме, прошедшем в Институте языкознания РАН в апреле 2019 года.

Перспективы развития языка зависят и от *конфессионального фактора*. Отметим, что у мусульманских народов, для которых характерны традиции большой семьи, компактное расселение, часто отмечается более высокий уровень знания родного языка, этнической интеграции и т. д.

Таким образом, для выявления специфики языковой жизни разных общностей необходимо провести некоторые процедуры социолингвистического характера:

– проследить тенденции развития исследуемых языковых общностей за 2–3 десятилетия: определить увеличение или уменьшение количества их членов и последовательность / прерывистость этих процессов (по данным переписи населения);

– выявить отношение к языку среди исследуемых сообществ: знание языка (по данным переписи населения);

– дать оценку объективных возможностей применения своего языка в разных сферах общения: наличие радио- и телепередач на исследуемом языке (конкретные социолингвистические исследования);

– изучить реальное функционирование исследуемого языка как в конкретных языковых общностях, так и у отдельных носителей (конкретные социолингвистические исследования).

Получив с использованием перечисленных процедур данные о языковой общности, можно перейти к прогнозированию ее развития: предположить возможность развития положительного или отрицательного функционального сдвига в рассматриваемом языке.

В обобщенном виде языковое развитие в России можно представить следующим образом:

– если в течение 2–3 десятилетий удерживается прежнее количество членов языковой общности или же оно увеличивается, то вполне возможно дальнейшее сохранение и увеличение данной языковой общности;

– если количество членов языковой общности уменьшается постепенно или иногда при одноразовом частичном увеличении, то возможна борьба тенденций к сокращению или же расширению языковой общности; результат такой конкуренции зависит от соотношения витальности языка и силы давления этнолингвистических условий;

– если количество членов языковой общности постоянно уменьшается, можно прогнозировать последовательное исчезновение данного сообщества, его культуры и языка; в этом случае необходимо торопиться исследовать язык, записать его звучание, описать структуру, так как любой язык – итог человеческого творчества, часть богатства культуры всего человечества и он должен остаться навсегда в мировой сокровищнице языков и культур.

Проиллюстрируем сказанное данными, представленными в таблице.

Из таблицы видно, что в подавляющем большинстве случаев 1) каждые 10 лет уменьшается базовая этническая общность и 2) в связи с этим (кроме арчинского языка) снижается количество знающих язык соответствующего языкового сообщества. Эти две тенденции вызывают предположение об их продолжении в будущем.

Указанные тенденции позволяют прогнозировать продолжение процесса выхода из области активного функционирования названных языков малочисленных народов России. Несколько иное состояние обнаруживают остальные языки Российской Федерации (численностью носителей более 50 000). Прежде всего это сворачивание социальных функций языка, что проявляется в его замене в тех или иных сферах общегосударственным или местным государственным языком и свидетельствует об отрицательном языковом сдвиге.

Совокупность языковых общностей России с прогностической точки зрения можно описать по 4 моделям:

1. Стабильный тип развития языка (русский язык и др.).
2. Перспективный тип развития языка (чеченский, татарский и др.).
3. Нестабильный тип развития языка (большинство языков РФ).

4. Слабо перспективный тип развития языка (миноритарные языки, языки диаспор и др.) [Биткеева, 2018].

Тенденции в развитии языкового многообразия в России показывают, что требуется дальнейшая разработка методов прогнозирования, позволяющих не только анализировать актуальное развитие языков, но и предложить инструменты для этого.

В прогнозировании при выявлении языкового конфликта может быть использован *статистический метод*. Он направлен на определение социального напряжения по языковым вопросам. Определить его – значит найти меру влияния отдельных закономерностей и причин на развитие проблемы. В социологии существует ряд методов установления уровня социальной напряженности. Она измеряется в основном посредством тестов, позволяющих определить степень удовлетворенности респондентов реализацией их потребностей. Однако, как отмечают исследователи, опросные методы дают возможность получить информацию о состоянии общественного мнения, но не предоставляют инструментов для своевременного регулирования уровня напряжения, предупреждения дестабилизирующих общество социальных конфликтов. Очевидна необходимость комбинирования методов установления факторов, детерминирующих напряженность, определения социальных групп с высоким уровнем неудовлетворенности, предвидения форм ее проявления, степени воздействия на дестабилизацию развития и укрепления общества [Баранова, Фролов, 2012, с. 51–65].

Охарактеризуем подробно применяемый социологами метод построения моделей развития и реализации социального конфликта. Посредством этого метода устанавливаются соответствия между стадиями развития напряженности (качественная характеристика), ее уровнями (количественная характеристика) и формами проявления, влияющими на стабильность общества. Уровни развития напряженности зависят от неудовлетворенности населения, несоответствия между его предпочтениями, потребностями и реальным положением дел. Выделяются следующие уровни такого несоответствия: латентный (фоновый), повышенный, высокий, критический.

Языки малочисленных (миноритарных) народов

Национальность	Численность народа, 2010 г.	Динамика численности народа, с 2002–2010 гг.	Родной язык данного народа	Численность знающих данный язык в РФ, 2010 г.	Динамика численности знающих данный язык в РФ, с 2002–2010 гг.
Абазины	43 341	+14,23 %	Абазинский	37 831	-1,09 %
Алеуты	482	-10,74 %	Алеутский	45	-74,29 %
Андийцы	11 780	-45,98 %	Андийский	5 800	-75,56 %
Арчинцы	12	-86,52 %	Арчинский	970	+85,11 %
Ахвазцы	7 930	+24,37 %	Ахвахский	270	-96,37 %
Бежтинцы	5 958	-3,87 %	Бежтинский	6 072	-6,02 %
Вепсы	5 936	-27,96 %	Вепский	3 613	-37,20 %
Водь	64	-12,33 %	Водский	68	-91,21 %
Годоберинцы	427	-27,96 %	Годоберинский	128	+24,27 %
Гунзибцы	918	-8,02 %	Гунзибский	1 012	-44,97 %
Долганы	7 885	+8,59 %	Долганский	1 054	-78,34 %
Ижорцы	266	-18,65 %	Ижорский	123	-66,02 %
Ительмены	3 193	+0,41 %	Ительменский	82	-78,70 %
Каратинцы	4 787	-20,90 %	Каратинский	255	-96,12 %
Кереки	4	-50,00 %	Керекский	10	-33,33 %
Кеты	1 219	-18,41 %	Кетский	213	-56,08 %
Коряки	7 953	-9,04 %	Корякский	1 665	-44,85 %
Манси	12 269	7,32 %	Мансийский	938	-65,84 %
Нанайцы	12 003	-1,29 %	Нанайский	1 347	-65,34 %
Нганасаны	862	+3,36 %	Нганасанский	125	-75,25 %
Ненцы	44 640	+8,08 %	Ненецкий тундровый и лесной	21 926	-29,97 %
Нивхи	4 652	-9,88 %	Нивхский	1 347	+95,78 %
Ороки	295	-14,74 %	Орокский	47	-26,56 %
Орочи	596	-13,12 %	Орочский	8	-96,89 %
Рутульцы	35 240	+17,75 %	Рутульский	30 360	+3,33 %
Саамы	1 771	-11,05 %	Саамский	353	-55,15 %
Таты	1 585	-31,18 %	Татский	2 012	-33,29 %
Телеуты	2 643	-0,26 %	Телеутский	975	-48,47 %
Тофалары	762	-8,96 %	Тофаларский	93	-75,40 %
Тубалары	1 965	+11,33 %	Тубаларский	229	-47,48 %
Удэгейцы	1 496	-9,72 %	Удэгейский	103	-54,63 %
Ульчи	2 765	-5,08 %	Ульчский	154	-78,96 %
Ханты	30 943	+7,90 %	Хантыйский	9 584	-29,36 %
Цахуры	12 769	+23,18 %	Цахурский	10 596	+8,44 %
Цезы	11 683	-100,00 %	Цезский	12 467	-18,81 %
Чамалинцы	24	+100,00 %	Чамалинский	500	-78,77 %
Челканцы	1 181	+38,13 %	Челканский	310	-42,49 %
Чукчи	15 908	+0,89 %	Чукотский	5 095	-34,19 %
Чулымцы	355	-45,88 %	Чулымский	44	-83,70 %
Шорцы	12 888	-7,78 %	Шорский	2 839	-54,28 %
Эвенки	37 843	+6,52 %	Эвенкийский	4 802	-36,68 %
Эвены	22 383	+17,37 %	Эвенский	5 656	-21,09 %
Энцы	227	-4,22 %	Энецкий	43	-63,87 %
Юги	1	-94,74 %	Югский	1	-99,24 %
Юкагиры	1 603	+6,23 %	Юкагирский	370	-38,74 %

Примечание. В таблице приводятся не все языки коренных малочисленных народов России, так как, с одной стороны, по некоторым языкам данные переписи отсутствуют, а с другой – некоторые данные непонятны или не вызывают доверия, например, багвалинцы – 5 человек, а знающие этнический язык – 1 447 (?).

Латентный (фоновый) уровень характеризуется относительной сбалансированностью условий и требований. При опросе респондентов такое состояние выражается в нейтральной оценке ситуации. Это не означает отсутствия проблемы, проявляется конструктивная социальная активность населения, выражающаяся в устных письменных обращениях граждан в местные органы управления с пожеланиями и требованиями уладить ситуацию.

Повышенный уровень социального напряжения выражает явное несоответствие между ожиданиями, потребностями и реальным положением дел; он характеризуется ростом обеспокоенности ситуаций, распространением тревоги относительно потенциальных угроз, недоверием властям. Проявляются признаки готовности противостоять нежелательным изменениям. Возможно проведение мирных акций, митингов, при этом адресат требований – местные власти.

Высокий уровень социальной напряженности связан с ростом неудовлетворенности, осознанием ситуации, реально угрожающей интересам субъектов. Формы проявления очевидны через обострение проблемных ситуаций, характерно формирование образа врага, проведение многочисленных митингов. Адресат требований – региональные власти.

Уровень языкового конфликта характеризуется завершением осознания обществом глубокого несоответствия социально-политической ситуации его ценностям и интересам, обострением недовольства, которое приобретает массовый характер. Протестующие, как правило, обращают претензии в высокие (федеральные) властные структуры [Баранова, Фролов, 2012, с. 52].

Для измерения напряженности используются опросные методы, позволяющие зафиксировать текущие мнения, актуальные в социуме. Опросные листы строятся по методу шкалирования степени значимости факторов для информантов и неудовлетворенности положением дел по предложенным параметрам. *Шкала важности* в анкете – порядковая шкала с указанием границ от 1 до 6: 1. Совсем не важно. 2. Практически не важно. 3. Скорее не важно, чем важно. 4. Скорее важ-

но, чем не важно. 5. Важно. 6. Очень важно. *Шкала неудовлетворенности* демонстрирует показатель социальной напряженности: 1. Полностью удовлетворен. 2. Практически удовлетворен. 3. Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен. 4. Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен. 5. Практически не удовлетворен. 6. Полностью не удовлетворен.

Прогностическая модель социальной напряженности выстраивается динамическим рядом развития показателя индекса социальной напряженности. Прогнозирование напряженности с целью определения возможных путей и средств ее снижения должно ответить на два вопроса: какого уровня социальной напряженности можно ожидать в будущем? какие условия и каким образом нужно изменить, чтобы достичь нейтрализации уровня социальной напряженности?

Описанная модель применима и к анализу языковых конфликтов. В качестве примера рассмотрим актуальную для России проблему добровольного изучения родных языков. Предыстория ситуации, которая назревала давно, такова. 20 июля 2017 г. по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле Президент Российской Федерации поручил Генеральной прокуратуре совместно с Рособназдором проверить соблюдение в субъектах Российской Федерации положений законодательства, касающихся обеспечения прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов России и государственных языков республик Российской Федерации. В апреле 2018 г. в Госдуму был внесен законопроект о добровольном изучении национальных языков в школах республик Российской Федерации, согласно которому преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации должно происходить на добровольной основе и не в ущерб преподаванию и изучению русского языка. Этот факт вызвал недовольство в республиках, что привело к созданию группы «За сохранение родных языков в обязательной части учебных планов общего образования» из представителей разных народов и республик Российской Федерации. Законопроект подвергся критике в национальных республиках, после этого последовала волна активной популяризации род-

ных языков в форме праздников, олимпиад и т. д. В контексте обсуждаемой темы в тот период в СМИ преобладали такие, например, заголовки: «В Татарстане настаивают на возврате обязательного изучения татарского языка», «Курултай башкир попросил Госдуму не принимать закон о добровольном изучении национальных языков», «Чувашские активисты потребовали дать республикам право самим решать судьбу национальных языков» и т. д. Это свидетельствует об отрицательном настрое в регионах относительно решения данного вопроса. В республиках Российской Федерации отмечалась социальная напряженность по данному вопросу, имели место митинги, протесты в пользу обязательного изучения родных языков. Так, в Республике Калмыкия был проведен опрос среди разных социальных групп в июне 2018 г. (в период введения проекта постановления) и в апреле 2019 г. (ИА БАН). В нем участвовало около 60 человек: представители интеллигенции, студенты, пенсионеры. Цель опроса – определить степень социального напряжения по языковому вопросу, выяснить, поддерживает ли население введение добровольного изучения языков в школе, удовлетворено ли оно действиями власти в этом вопросе, поддерживается ли уменьшение количества часов на родной язык в школе и т. д.

Как показал опрос, неудовлетворенных введением добровольного изучения языков среди населения Калмыкии оказалось в июне 2018 г. около 79 % респондентов, участвовать в акциях протеста в республике сочли для себя возможным 64 %, исключили возможность протестов 27 %, затруднились ответить 9 %. Удовлетворенных опцией добровольного изучения родных языков оказалось всего 21 % (ИА БАН). Анализ публикаций СМИ того времени показал, что у населения возросли обеспокоенность сложившейся ситуацией, массовая тревога, недоверие руководству, попытки противостоять нежелательным изменениям. В этот период в республике зафиксировано проведение пикетов, митингов с требованием отменить указанный законопроект.

В 2018 г. наблюдался критический уровень социальной напряженности по вопросу добровольного изучения языка, обострение

протестной деятельности, особенно в социальной группе интеллигенции, студентов. В 2019 г. отмечена некоторая стабилизация ситуации до уровня латентной социальной напряженности – неудовлетворенных введением добровольности изучения родных языков оказалось 56 % респондентов, 31 % сочли возможным участвовать в акциях протеста, 47 % исключили возможность выступать в акциях протеста. Удовлетворенных возможностью добровольного изучения родных языков оказалось 44 % (ИА БАН). Отмечена нейтральная оценка ситуации, что не означает отсутствия проблемы, выявлена активность населения в форме устных письменных обращений в местные органы управления с пожеланиями и требованиями уладить ситуацию.

Дискурсивный анализ. Наряду с параметрическим и статистическим методами эффективным для прогнозирования дальнейшего развития языкового многообразия является дискурсивный метод. С помощью дискурс-анализа можно раскрыть структуры знаний и аргументации в определенном сообществе, а кроме того и аргументативные паттерны большого спектра акторов в дебатах о языках, то есть в дебатах как представителей власти, занимающихся вопросами языковой политики, так и представителей языковых общностей. Сначала опишем значение дискурс-анализа в области языковой политики в целом, затем приведем актуальные примеры реализации языковой политики Российской Федерации и покажем, как дискурсивный анализ может способствовать прогнозированию.

Дискурс-анализ в области языковой политики и языкового планирования основывается на их определении как социального процесса. Например, в работе Е. Баракос и Дж.В. Унгер, посвященной дискурсивным подходам к изучению языковой политики, показано, что для учета и анализа ее многочисленных уровней и воздействия ученому необходимо теоретически, методологически и эмпирически обращаться к политике с точки зрения структуры и агента, а это становится возможным благодаря применению различных форм критического дискурсивного анализа ситуаций языковой политики [Discursive Approaches..., 2016, p. 2]. Е. Баракос объеди-

няет языковую политику с критическим дискурс-анализом: в модели языковой политики, которую анализирует исследователь, на первый план выдвигается дискурс как неотъемлемый ее компонент; она составлена, принята, интерпретирована, контекстуализирована и реконтекстуализирована в языке и посредством его [Barakos, 2012, p. 169]. Дискурсивный подход к языковой политике, по мнению Е. Баракос, предполагает, что она является частью деятельности по созданию смысла, которой руководит сеть социальных субъектов, действующих в определенных контекстах / времени / месте. Благодаря интеграции дискурса двойная функция языка как объекта языковой политики и средства ее конструирования или реконструирования может быть лучше проблематизирована [Barakos, 2016, p. 32].

Для чего нужны дискурсивные подходы к исследованию языковой политики? В отличие от подходов, базирующихся на классификации различных признаков языковых ситуаций, они позволяют лучше отразить динамику процессов в обществе и взаимодействия разных акторов. На базе исследования структур знаний и аргументации в определенном сообществе можно обнаружить области этноязыковой напряженности, выяснить, как дискурсивно реализуется роль (например, маргинализация) этноязыковых групп или конструируется единство и разнообразие в многоязычных государствах.

В качестве примера рассмотрим результаты исследования М. Вингендер (полностью они будут опубликованы в «Wiener Slawistischer Almanach» [Wingender]), которая, выявляя поля напряженности в языковой политике между федеральным центром Российской Федерации и Республикой Татарстан, показывает, как дискурс-анализ может быть продуктивно применен для изучения языковой политики в России. Объектом дискурсивного анализа послужили различные материалы: официальные – как федеративные, так и республиканские – документы, касающиеся языковой политики, и доступные онлайн-тексты СМИ, посвященные языковым проблемам. В центре внимания исследователя – тема поддержки vs. ограничения языкового многообразия. М. Вингендер установ-

лен внушительный ряд официальных инструментов языковой политики (законы, программы, концепции), который показывает ее динамику. Дискурс-анализ этих документов раскрывает определенные аргументативные паттерны, реализованные со стороны как федеративного центра, так и Республики Татарстан. Дискурс-анализ текстов СМИ по языковым вопросам закрепляет или дополняет эти аргументативные паттерны.

Сравнительный анализ официальных документов федерального и республиканского уровней и текстов СМИ позволил описать дискурс как «пинг-понг» между федеральным центром и Республикой Татарстан, что реализуется:

- в дискурсивном событии, касающемся дву- или многоязычия;
- реакциях на федеральном и республиканском уровнях: законы и концепции;
- реакциях на федеральном и республиканском уровнях: дебаты в СМИ.

Детальный анализ дискурсов относительно их течения, дискурсивных событий и субдискурсов выявляет три кульминации в дебатах о языковой политике.

Кульминация I: Вопрос графики языка.

Дискурсивное событие: Закон Республики Татарстан от 1999 г. о переходе татарского алфавита с кириллицы на латиницу.

Поскольку вопрос о графике татарского языка был прояснен на федеральном уровне в 2002 г. и кириллица была законодательно закреплена в качестве графической системы для татарского языка (дополнение к Закону «О языках народов Российской Федерации»), эта тема сегодня малоактуальна.

Кульминация II: Постепенное функциональное ограничение национальных языков.

Дискурсивное событие: Меры в системе образования, принятые начиная с 2007 года.

Примеры:

– *Отмена национально-регионального компонента образования (2007 г.) и введение ЕГЭ.*

Поддискурс: ущемление национальных языков.

– *Новый Федеральный закон об образовании (2012 г.).*

Поддискурс: равноправие народов и языков.
– *Предложения (2013 г.) о внесении поправок в Закон «О языках народов Российской Федерации» (1991 г.) с требованием установления «русского как родного языка».*

Поддискурс: существующее до сих пор ущемление русского vs. ущемление национальных языков.

– *Закон Республики Татарстан о государственных языках (2013 г.) и новый закон Республики Татарстан об образовании (2013 г.).*

Поддискурс: равноправие двух государственных языков Татарстана.

Кульминация III: Отмена обязательного преподавания государственных языков республик.

Дискурсивное событие: Концепции о преподавании русского языка.

Примеры:

– *Проект концепции Российской Федерации о преподавании русского языка (2015 г.) и концепция Российской Федерации о преподавании русского языка (2016 г.).*

Поддискурс: обязательное преподавание национальных языков.

– *Речь В.В. Путина в Йошкар-Оле на заседании президентского Совета по межнациональным отношениям в июле 2017 года.*

Поддискурс: федеральные стандарты в системе образования vs. право на преподавание государственных / национальных языков.

– *Федеральный законопроект о добровольном изучении национальных языков, апрель 2018 г. (внесение изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»).*

Поддискурс: право на образование на родных языках и изучение национальных языков.

Охарактеризованный дискурс с его кульминационными моментами отражает динамику языковой политики в Российской Федерации относительно дебатов между федеральным центром и республиками.

Для повторяющихся аргументативных паттернов проведен дополнительный анализ топосов (о понимании топоса см.: [Wengeler, 2003]). При этом различаются следующие дискурсивные сообщества: сторонники укрепле-

ния позиции татарского языка в Татарстане, сторонники укрепления позиции русского языка в Татарстане и сторонники укрепления позиции русского языка на федеральном уровне. Немаловажно, что эти позиции могут коррелировать с этнической принадлежностью акторов дискурса, но такая корреляция не абсолютна. Например, не все татары выступают за обязательное преподавание татарского языка и не все русские в Татарстане – против.

В качестве примера приведем только несколько топосов, каждый из которых упоминается отдельными дискурсивными сообществами.

Сторонники укрепления татарского языка в Татарстане:

– топос многонациональности: этническое и языковое многообразие как богатство; Россия как многонациональная страна;

– топос равноправия: равенство двух республиканских государственных языков (русского и татарского) в Татарстане.

Сторонники укрепления русского языка в Татарстане:

– топос пользы: социальная выгода русского языка; татарский как бесполезный язык; – экономический топос: русский язык как катализатор социального подъема.

Сторонники укрепления русского языка на федеральном уровне:

– топос единства: русский язык как скрепа для российской идентичности;

– топос приоритета: приоритет федерального государственного языка перед республиканскими государственными языками.

Что касается реализации топосов, то те из них, которые используются двумя или более дискурсивными сообществами, представляют особый интерес, поскольку наполняются различными аргументами. К таким топосам относятся следующие:

– топос безопасности: укрепление татарского языка и поощрение языкового многообразия как необходимое условие для предотвращения этноязыковых конфликтов в многонациональном государстве / сильная позиция русского языка и языковое единство, а также *nation-building* исключительно на основе русского языка как необходимые критерии для национальной безопасности и избежания этноязыковых конфликтов;

– топос родного языка: сторонники укрепления татарского языка приводят как аргумент конституционное право на изучение и преподавание родного языка / сторонники укрепления русского языка в Татарстане требуют дать и русскому статус «родного»;

– топос ущерба: отмена обязательного преподавания татарского государственного языка в Татарстане вредит языковому разнообразию и угрожает татарскому языку / обязательное преподавание татарского государственного языка в Татарстане происходит в ущерб количеству часов преподавания русского языка и уровню его знания.

Подводя итог, отметим, что с начала 2000-х гг. существует напряженность между федеральным центром и республикой Татарстан в области языковой политики. Очевидно, что в последние годы произошло усиление мер со стороны федерального центра, особенно касательно добровольного преподавания республиканских государственных языков и национальных языков. Возможности действий республик в Российской Федерации относительно мер языковой политики все чаще ограничиваются.

После краткого анализа актуальной языковой политики в Российской Федерации и в завершение описания возможностей дискурсивного метода для изучения языковой политики обозначим перспективы его использования для социолингвистического прогнозирования:

– анализ динамики предшествующего развития языковой политики позволяет делать заключения о динамике последующего;

– выявление повторяющихся аргументативных паттернов дает возможность прогнозировать степень напряженности в языковой политике и возможности предотвращения напряженности;

– изучение дискурсивных механизмов языковой политики раскрывает многообразные факторы (идеологические, политические, экономические, социальные и др.) и таким образом делает возможным влияние на дальнейшее развитие языкового многообразия;

– исследование взаимодействия большого спектра акторов и их дискурсов позволяет «поставить диагноз» языковой политике и, опираясь на него, целенаправленно принять меры в будущем.

Заключение

Результаты исследования подтверждают, что прогнозирование языкового развития есть инструмент языковой политики и языкового планирования.

Социолингвистическое прогнозирование языковых процессов включает три основных этапа: 1) анализ сложившейся ситуации, 2) прогноз относительно ее развития, 3) опережающее отражение масштаба проблемы и разработка инструментов, которые влияют на развитие, например, с целью предотвращения и решения языковых конфликтов.

В статье рассмотрены лишь некоторые возможные методы языкового прогнозирования с опорой на современные языковые данные. Наиболее эффективным подходом является триангуляция методов исследования, которая подтверждает результаты комбинированных методик и при которой данные, полученные с применением одного метода верифицируют данные, извлеченные посредством других методов.

Лингвистическое прогнозирование необходимо рассматривать как инструмент языковой политики, способный помочь в улучшении языковой ситуации, укреплении национальных языков, что особенно важно для многонациональных стран, таких как Россия, которые в силу полиэтничности и многоязычия постоянно находятся в поисках правильного баланса: как сочетать целостность государства, языковую централизацию и потребность поликультурного населения страны в сохранении своих языков и культур.

Для того чтобы лингвопрогноз стал инструментом языкового планирования требуется, во-первых, высокая степень вовлеченности государственных структур и общественных организаций в сферу сохранения языков, языкового многообразия в целом, во-вторых, участие самих языковых общностей в процессе создания и культивации идеологием, способствующих формированию образа перспективного современного языка.

Сегодня необходимы разработка государственной целевой программы по сохранению и ревитализации языков России, сотрудничество с языковыми сообществами, учет их мнения при определении языковой полити-

ки, важна опора на лингвистическую экспертизу и мнение языкового сообщества при рассмотрении вопроса о введении в образовательный стандарт обязательного изучения коренных языков, включая титульные языки республик, выработка законодательной инициативы о соблюдении языковых прав всех народов страны, пропаганда на государственном уровне идеи о культурном и психологическом преимуществе двуязычия (многоязычия) по сравнению с одноязычием, о том, что русский язык, знание которого необходимо всем гражданам Российской Федерации, должен усваиваться детьми не вместо этнического языка, а вместе с ним.

Таковы некоторые размышления о роли социолингвистического прогнозирования в вопросе сохранения баланса между языковым единством и языковым разнообразием в многонациональном государстве. Очевидно, что необходимо дальнейшее развитие методов данного прогнозирования, за которым в будущих работах последует разработка инструментов для рекомендаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахременко А. С., 2006. Политический анализ и прогнозирование. М. : Гардарики. 333 с.
- Аюпова Л. Л., 1988. Вопросы социолингвистики: типы двуязычия в Башкирии. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 69 с.
- Баранова Г. В., Фролов В. А., 2012. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. № 3 (335). С. 50–65.
- Барановский Е. Г., Владиславлева Н. Н., 2002. Методы анализа международных конфликтов. М. : Науч. кн. 240 с.
- Биткеева А. Н., 2006. Калмыцкий язык в современном мире (социолингвистический аспект). М. : Наука. 364 с.
- Биткеева А. Н., 2018. Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1 (61). С. 31–37.
- Бородкин Л. И., 2016. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб. : Алетейя. 306 с.
- Дырхеева Г. А., 2002. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН. 187 с.
- Методы билингвистических исследований : сб. ст., 1976 / редкол.: А. Н. Баскаков, В. Ю. Михальченко. М. : [б. и.]. 130 с.
- Михальченко В. Ю., 1984. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс : Мокслас. 224 с.
- Михальченко В. Ю., 2014. Языковой конфликт в полиэтничном государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : докл. и сообщ. Междунар. конф. (г. Москва, 16–19 сент. 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко. М. : [б. и.]. С. 209–213. URL: https://iling-ran.ru/library/sociolingva/2014_language_policy.pdf.
- Михальченко В. Ю., 2018. Национально-языковая политика и языковые конфликты // Пятнадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения» (г. Москва, 14–15 июня 2017 г.): в 2 ч. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения: докл. и материалы. М. : МГИМО-Университет. С. 12–13.
- Национальные языки в эпоху глобализации: Россия-Монголия, 2012 / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко. М. ; Улан-Батор : Тезаурус. 464 с.
- Никольский Л. Б., 1970. Прогнозирование и планирование языкового развития : докл. на VII Междунар. социол. конгр. (г. Варна, Болгария, 1970). М. : [б. и.]. 14 с.
- Словарь социолингвистических терминов, 2006 / отв. ред. В. Ю. Михальченко; сост. : Т. Б. Крючкова [и др.]. М. : Ин-т языкознания РАН. 312 с.
- Швейцер А. Д., 1977. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. М. : Наука. 176 с.
- Язык и общество : энциклопедия, 2016. М. : Азбуковник. 872 с.
- Языковая политика в контексте современных языковых процессов, 2016 / отв. ред. А. Н. Биткеева. М. : Азбуковник. 471 с.
- Barakos E., 2012. Language policy and planning in urban professional settings: bilingualism in Cardiff businesses // Current Issues in Language Planning. Vol. 13, iss. 3. P. 167–186.
- Barakos E., 2016. Language Policy and Critical Discourse Studies: Toward a Combined Approach // Discursive Approaches to Language Policy / E. Barakos, J. W. Unger (eds.). L. : Palgrave Macmillan. P. 23–49.
- Discursive Approaches to Language Policy, 2016. E. Barakos, J. W. Unger (eds.). L. : Palgrave. 299 p.
- Research Methods in Language Policy and Planning. A Practical Guide, 2015 / F. M. Hult, D. Cassels Johnson (eds.). Chichester, West Sussex : John Wiley & Sons. 280 p.

- The Oxford Handbook of Language Policy and Planning, 2018 / J. W. Tollefson, M. Pérez-Milans (eds.). Oxford : Oxford University Press. 784 p.
- The Routledge Handbook of Language and Politics, 2018 / R. Wodak, B. Forchtner (eds.). L. ; N.Y. : Routledge. 716 p.
- Wengeler M., 2003. Topos und Diskurs. Begründung einer argumentationsanalytischen Methode und ihre Anwendung auf den Migrationsdiskurs (1960–1985). Tübingen : De Gruyter. 573 p.
- Wingender M. Aktuelle Diskurse zu Sprachen und Sprachenpolitik in der Russischen Föderation (Debatten zwischen dem Föderationszentrum und der Republik Tatarstan) // Wiener Slawistischer Almanach / B. Brehmer, T. Reuther (eds.). Wien : [S. n.]. (In drucken).

ИСТОЧНИКИ

- Данные Министерства науки и образования РФ – Данные Министерства науки и образования Российской Федерации. Медиа школа, 2016.
- Закон Республики Мордовия – Закон Республики Мордовия от 06.05.1998 № 19-3 «О государственных языках в Республике Мордовия». URL: <http://docs.cntd.ru/document/804950557>.
- Итоги Всероссийской переписи населения – Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 т. Т. 4, кн. 1. М. : Статистика России, 2012. 847 с.
- ЛА БАН – Личный архив А.Н. Биткеевой, 2018, 2019. Рос. кн. п. URL: www.bookchamber.ru/statistics.html.

REFERENCES

- Akhremenko A.S., 2006. *Politicheskiy analiz i prognozirovaniye* [Political Analysis and Forecasting]. Moscow, Gardariki Publ. 333 p.
- Ayupova L.L., 1988. *Voprosy sotsiolingvistiki: tipy dvuyazychiya v Bashkirii* [Issues of Sociolinguistics: Types of Bilingualism in Bashkiria]. Sverdlovsk, Izd-vo Uralskogo universiteta. 69 p.
- Baranova G.V., Frolov V.A., 2012. *Metodologiya i metodika izmereniya sotsialnoy napryazhennosti* [Methodology and Measurement of Social Tensions]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 3 (335), pp. 50-65.
- Baranovskiy E.G., Vladislavleva N.N., 2002. *Metody analiza mezhdunarodnykh konfliktov* [Methods of Analysis of International Conflicts]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ. 240 p.
- Bitkeeva A.N., 2006. *Kalmytskiy yazyk v sovremennom mire (sotsiolingvisticheskiy aspekt)* [Kalmyk Language in the Modern World (Sociolinguistic Aspect)]. Moscow, Nauka Publ. 364 p.
- Bitkeeva A.N., 2018. *Razvitie yazykov Rossiyskoy Federatsii: dinamika, problemy, prognozy* [Development of Languages of the Russian Federation: Dynamics, Problems, Forecasts]. *Voprosy filologii*, no. 1 (61), pp. 31-37.
- Borodkin L.I., 2016. *Modelirovaniye istoricheskikh protsessov: ot rekonstruktsii realnosti k analizu alternativ* [Modeling of Historical Processes: From Reconstruction of Reality to Analysis of Alternatives]. Saint Petersburg, Aleteya Publ. 306 p.
- Dyrkheeva G.A., 2012. *Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: problemy funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya* [Buryat Language in Bilingualism: Problems of Functioning and Prospects of Development]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 187 p.
- Baskakov A.N., Mikhailchenko V.Yu., eds., 1976. *Metody bilingvisticheskikh issledovaniy: sb. st.* [Methods of Bilingual Studies. Collected Articles]. Moscow. 130 p.
- Mikhailchenko V.Yu., 1984. *Problemy funktsionirovaniya i vzaimodeystviya litovskogo i russkogo yazykov* [Problems of Functioning and Interaction of the Lithuanian and Russian Languages]. Vilnius, Mokslas Publ. 224 p.
- Mikhailchenko V.Yu., 2014. *Yazykovoy konflikt v polietnicheskom gosudarstve* [Language Conflict in Multiethnic Country]. Bitkeeva A.N., Mikhailchenko V.Yu., eds. *Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire: dokl. i soobshch. Mezhdunar. konf. (g. Moskva, 16–19 sent. 2014 g.)* [Language Policy and Language Conflicts in Contemporary World. Reports and Papers of the International Conference (Moscow, September 16–19, 2014)]. Moscow, pp. 209-213. URL: https://iling-ran.ru/library/sociolingva/2014_language_policy.pdf.
- Mikhailchenko V.Yu., 2018. *Natsionalno-yazykovaya politika i yazykovye konflikty* [National Language Policy and Language Conflicts]. *Pyatnadsatyy mezhvuzovskiy seminar po lingvostranovedeniyu «Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologiya obucheniya» (Moskva, 14–15 iyunya 2017 g.): v 2 ch. Ch. 1. Yazyki v aspekte lingvostranovedeniya: dokl. i materialy.* [Fifteenth Interuniversity Seminar on Linguistics “Linguistics: Methods of Analysis, Teaching Technology (Moscow, June 14–15, 2017). In 2 parts. Part 1. Languages in the Aspect of Linguistic and Cultural Studies. Reports and

- Proceedings]. Moscow, MGIMO-Universitet, pp. 12-13.
- Bitkeeva A.N., Mikhailchenko V.Yu., eds., 2012. *Natsionalnye yazyki v epokhu globalizatsii: Rossiya-Mongoliya* [National Languages in the Era of Globalization: Russia-Mongolia]. Moscow, Ulan-Bator, Tezaurus Publ. 464 p.
- Nikolskiy L.B., 1970. *Prognozirovaniye i planirovaniye yazykovogo razvitiya: dokl. na VII Mezhdunar. sotsiolog. kongr. (g. Varna, Bolgariya, 1970)* [Language Development Forecasting and Planning. Report at the 7th International Sociological Congress (Varna, Bulgaria, 1970)]. Moscow. 14 p.
- Mikhailchenko V.Yu., ed., 2006. *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN. 312 p.
- Shveytser A.D., 1977. *Sovremennaya sotsiolingvistika. Teoriya. Problemy. Metody* [Modern Sociolinguistics. Theory. Problems. Methods]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Yazyk i obshchestvo: entsiklopediya*, 2016 [Language and Society: Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik Publ. 872 p.
- Bitkeeva A.N., ed., 2016. *Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh protsessov* [Language Policy in the Context of Modern Language Processes]. Moscow, Azbukovnik Publ. 471 p.
- Barakos E., 2012. Language Policy and Planning in Urban Professional Settings: Bilingualism in Cardiff Businesses. *Current Issues in Language Planning*, vol. 13, iss. 3, pp. 167-186.
- Barakos E., 2016. Language Policy and Critical Discourse Studies: Toward a Combined Approach. Barakos E., Unger, J.W., eds. *Discursive Approaches to Language Policy*. London, Palgrave, pp. 23-49.
- Barakos E., Unger, J.W., eds., 2016. *Discursive Approaches to Language Policy*. London, Palgrave. 299 p.
- Hult F.M., Cassels Johnson D., eds., 2015. *Research Methods in Language Policy and Planning. A Practical Guide*. Chichester, West Sussex, John Wiley & Sons. 280 p.
- Tollefson J.W., Pérez-Milans M., eds., 2018. *The Oxford Handbook of Language Policy and Planning*. Oxford, Oxford University Press. 784 p.
- Wodak R., Forchtner B., eds., 2018. *The Routledge Handbook of Language and Politics*. London, New York, Routledge. 716 p.
- Wengeler M., 2003. *Topos und Diskurs. Begründung einer argumentationsanalytischen Methode und ihre Anwendung auf den Migrationsdiskurs (1960–1985)*. Tübingen, De Gruyter. 573 p.
- Wingender M., Aktuelle Diskurse zu Sprachen und Sprachenpolitik in der Russischen Föderation (Debatten zwischen dem Föderationszentrum und der Republik Tatarstan). Brehmer B., Reuther T., eds. *Wiener Slawistischer Almanach*, 83, Wien (accepted for printing).

SOURCES

- Dannye Ministerstva nauki i obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii* [Data of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation. Media shkola], 2016.
- Zakon Respubliki Mordoviya ot 06.05.1998 № 19-Z «O gosudarstvennykh yazykakh v Respublike Mordoviya»* [Law of the Republic of Mordovia Dated May 6, 1998 no. 19-3 “On State Languages in the Republic of Mordovia”]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/804950557>.
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda. V 11 t. T. 4, kn. 1* [Results of Population Census of 2010. In 11 Vols. Vol. 4, book 1]. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2012. 847 p.
- Lichnyy arkhiv A.N. Bitkeevoy, 2018, 2019* [Personal Archive of A. N. Bitkeeva, 2018, 2019].
- Rossiyskaya knizhnaya palata* [Russian Book Chamber]. URL: www.bookchamber.ru/statistics.html.

Information about the Authors

Aysa N. Bitkeeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1/1, 125009 Moscow, Russia; Head of the Department of Oriental Languages, Moscow State Pedagogical University, Prosp. Vernadskogo, 88, 119571 Moscow, Russia, aisa_bitkeeva@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Monika Wingender, Doctor, Professor, Director, Giessen Center for Eastern European Studies, Justus Liebig University Giessen, Otto Behaghel Strasse, 10 D, 35394 Gissen, Germany, monika.wingender@slavistik.uni-giessen.de, <https://orcid.org/0000-0002-9651-8693>

Vida Yu. Mikhailchenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1/1, 125009 Moscow, Russia, vida-mi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0953-3466>

Информация об авторах

Айса Николаевна Биткеева, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, пер. Б. Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия; заведующая кафедрой восточных языков, Московский педагогический государственный университет, просп. Вернадского 88, 119571 г. Москва, Россия, aisa_bitkeeva@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Моника Вингендер, доктор, профессор, руководитель научного центра «Восточная Европа», Гиссенский университет им. Юстуса Либига, ул. Отто Беагеля, 10 D, 35394 г. Гиссен, Германия, monika.wingender@slavistik.uni-giessen.de, <https://orcid.org/0000-0002-9651-8693>

Вида Юозовна Михальченко, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН, пер. Б. Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия, vida-mi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0953-3466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.2>

UDC 81'272
LBC 81.055.52

Submitted: 09.06.2019
Accepted: 30.09.2019

**DYNAMIC MODELS IN SOCIOLINGUISTICS
AND SOCIO-COMMUNICATIVE ATTITUDES
OF THE RUSSIAN LANGUAGE PERSONALITY IN THE POST-SOVIET PERIOD**

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article focuses on the range of scientific issues which have been studied by sociolinguists who apply dynamic models mainly to the material of the English language. Priority is given to network models and their predecessors – the study of relationships within semantic fields. The author's observations of the circulation of the meanings as they are reflected in the Russian associative-verbal network (hereafter AVN) provide supporting evidence for the links between the dimensions of socio-communicative networks (strength, density, direction of contacts) and the emergence of favorable conditions for socially significant language changes. Sociolinguists discovered this type of correlation earlier using other methods on English materials. The instability of the social environment of the post-Soviet world manifests itself (within three generations) in the dynamics of socio-communicative attitudes concerning the ways people manipulate the bodies of language units. Thus attested shifts in motivational orientations of the Russian language personality can be studied further on as potential activators of socially conditioned language changes. The AVN materials allow scientists to consider the psychological dimensions in their interpretations of sociolinguistically significant dynamics. The use of AVN models in the light of actual (within 3-4 generations) diachrony opens up the prospect of developing associative variantology as a new branch of experimental psychosociolinguistics; the study of the circulation of word meanings in the semantic field of culture provides valuable empirical data for ethnopolitical sociolinguistics.

Key words: network models, associative verbal network, circulation of word meanings, actual diachrony, experimental psycho-sociolinguistics, ethno-political sociolinguistics.

Citation. Shaposhnikova I.V. Dynamic Models in Sociolinguistics and Socio-Communicative Attitudes of the Russian Language Personality in the Post-Soviet Period. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 24-38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.2>

УДК 81'272
ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 09.06.2019
Дата принятия статьи: 30.09.2019

**ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ
И СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Ирина Владимировна Шапошникова

Институт филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия;
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор научных проблем, для решения которых в социолингвистике используются динамические модели, созданные преимущественно на материале английского языка. Особое внимание уделено сетевым моделям и их становлению в процессе изучения смысловых связей языковых единиц в рамках семантических полей. Проведенные наблюдения за движением значений единиц ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка подтвердили выводы о наличии зависимости между параметрами социокоммуникативных сетей (силы, плотности, направленности контактов) и возникновением

условий для социально обусловленных языковых изменений, полученные ранее на английском материале с применением других методов. Неустойчивость социальной среды постсоветского пространства проявляет себя (в пределах трех поколений) в динамике социокоммуникативных установок применительно к оперированию телами языковых знаков. Смена мотивационно-установочных ориентиров русской языковой личности способствует активации социально обусловленных языковых изменений. Принципы построения ассоциативно-вербальной сети позволяют учесть психологический фактор в интерпретации социолингвистически значимой динамики. Использование ассоциативно-вербальных моделей в аспекте актуальной диахронии открывает перспективу развития ассоциативной вариантологии как раздела экспериментальной психосоциолингвистики, а изучение движения значений в смысловом поле культуры дает ценный эмпирический материал для этнополитической социолингвистики.

Ключевые слова: сетевая модель, ассоциативно-вербальная сеть, движение значений, актуальная диахрония, экспериментальная психосоциолингвистика, этнополитическая социолингвистика.

Цитирование. Шапошникова И. В. Динамические модели в социолингвистике и социокоммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 24–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.2>

Введение

Научные модели, позволяющие описать и объяснить изменчивость объекта, называют динамическими. Для социолингвистики это – модели, дающие ключ к пониманию языковых процессов в части их социальной обусловленности. Эти модели, как отмечает В.А. Тишков, оказались особенно востребованными в антропологических исследованиях постсоветского времени, когда возникла острая потребность в разработке подходов для понимания новой реальности, показавшей симптомы разрывов с традицией и даже ее радикальной смены. Старые статические подходы к изучению «традиционных обществ» оказались во многом несостоятельными [Тишков, 2016, с. 101]. Быстрое исчезновение советского государства с конфликтами и противоречиями на фоне разнообразных спонтанных практик политической мобилизации этничности привело к необходимости осмыслить и объяснить суть происшедших перемен и полученного народами бывшего СССР перестроечного опыта. Вопросы динамики этносоциокультурных процессов начали разрабатываться в рамках новых дисциплин: этносоциологии, этнополитологии и др. [Губогло, 2016; Тишков, 2016; Феномен междисциплинарности..., 2016]. Одной из таких междисциплинарных отраслей стала этнополитическая социолингвистика, которая изучает функционирование и взаимодействие языков в меняющемся этносоциальном контексте [Губогло, 2016, с. 73–77]. Задачи этого направления М.Н. Губогло связывает с

выявлением языковых потребностей населения и оценкой последствий «этноязыкового волюнтаризма» эпохи перестройки. «Деформацию» языковой политики в разных регионах бывшего СССР, политизацию языка, стремление решить вопросы борьбы за власть за счет игнорирования реалий языковой ситуации, в особенности роли русского языка как социального капитала и национального достояния народов РФ, автор трактует как последствия этнизации политики [Губогло, 2016, с. 73–77].

Нельзя не согласиться с М.Н. Губогло, показавшим недооценку в прошлом советской социолингвистикой этнополитических аспектов языковой жизни народов СССР и связавшим такое положение дел с характерным для прошлого акцентом на исследовании языка «вне человека», а не «на речевом поведении человека» [Губогло, 2016, с. 76]. Такая постановка проблемы требует учета психологического фактора в построении динамических моделей взаимодействия языковых процессов и социальных практик. В данной статье мы обратимся к потенциалу динамических моделей «языка в человеке», которые относятся к разряду сетевых и, как нам представляется, способны помочь в оценке выявившихся на постсоветском пространстве этносоциополитических аспектов функционирования языка. Сетевые динамические модели пригодны и для поиска ответов на фундаментальные вопросы лингвистики об актуальной вариативности языка, о социокоммуникативных условиях, запускающих языковые изменения. Вместе с тем эти

модели позволяют учесть психологические аспекты социокоммуникативной деятельности человека.

**Динамика в синхронии и диахронии:
языковая вариативность
и языковые изменения**

Динамическое взаимодействие социальных и языковых процессов имеет пространственно-временную отнесенность, которая должна быть учтена в соответствующих моделях. Традиционным для лингвистики является разделение синхронных и диахронических подходов в рассмотрении языковых изменений, вызванных социальными факторами. Синхронный аспект преимущественно высвечивает проблему языковой вариативности. Для ее изучения лингвист идентифицирует и описывает социолингвистические переменные с их функциональной спецификой по уровням языка и характерной социальной дистрибуцией. Вариативность как естественное состояние языка может поставлять субстантный материал для *языковых изменений*, однако сама по себе не может быть к ним приравнена. Для оценки устойчивости и направленности изменений (в особенности на фонетическом и грамматическом уровнях) необходимо время, превышающее жизнь одного поколения наблюдателей.

Диахроническая социолингвистика ограничена в выборе методов и приемов исследования из-за невозможности живого, актуального наблюдения за предметно-содержательной стороной ушедшей в прошлое социальной и языковой деятельности. Ей приходится во многом опираться на готовые лексикографические и текстовые ресурсы, возможность обработки которых, впрочем, существенно расширилась с появлением компьютерных технологий. При этом обнаружение социально детерминированных языковых изменений *макроуровневого порядка* (затрагивающих эпохи и значительные пласты вербальных единиц), равно как и *микроуровневая динамика* значений отдельных лексем, базируется преимущественно на историческом анализе лексикографических источников и семантических категорий (часто представленных в виде полевых структур). Исследования такого плана

необходимы для оценки и описания *динамики ядра лексического состава языка* и связанных с этой процедурой прикладных решений.

Диахроническая социолингвистика фиксирует ряд знаковых для второй половины прошлого века процессов в системе английского языка, интенсивно развивающихся и в новом тысячелетии. Так, Дж. Хьюз [Hughes, 1989], активно использующий приемы построения семантических полей лексики, объединенной социально-культурными условиями бытования, прибегает к данным Оксфордского словаря, в котором приводятся даты первого и последнего употребления слов в текстах. Семантические поля становятся предметом рассмотрения в исторической ретроспективе с учетом реконструкции по сохранившимся из прошлого источникам широкого социокультурного контекста, в котором функционировали рассматриваемые группы лексем в разные периоды их существования в языке. Социальный контекст восстанавливается параллельно с тематическими лексико-семантическими полями. При данном подходе автор получает материал, позволяющий не только выносить суждения о содержании наблюдаемых собственно языковых изменений, но и о детерминирующих реструктурирование лексико-семантических полей социальных факторах. Дж. Хьюзу удалось выявить такие социально обусловленные сдвиги в смысловой структуре больших групп лексики, как секуляризация религиозных терминов (*clerk, cell, worship, passion* утратили исходную исключительно сакральную отнесенность к религиозным практикам); морализация и демократизация статусных слов (например, *noble, villain* перешли из простых именовании социального статуса в единицы оценочного типа, а значение слова *free* утратило исходные ассоциации с качествами, присущими только людям определенных сословий) и др. Рост экономики капитализма и зависимости от денежного оборота активизирует специализацию значений по типу монетаризации, по данным Дж. Хьюза, с 1550 г. особенно экстенсивно и интенсивно, с вовлечением все большего количества слов, и с увеличением частоты их употребления [Hughes, 1989, p. 36–37]. Целый ряд лексем, называвших прежде более разнообразную по своему содержанию деятель-

ность, ассоциируются теперь только с товарно-денежным обменом (ср. др.-англ. *sellan* – ‘давать, отдавать, в том числе и в обмен на что-то’; совр. *sell* – ‘продавать’). Влияние денег не только трансформировало семантику многих унаследованных от древнеанглийского языка слов, но и привело к появлению большого количества заимствований, которые отражают новые сферы деятельности и отношений в обществе: отношения собственности, налогообложение, кредитно-банковская сфера, коррупция и др. [Hughes, 1989, p. 36–37]. Очевидно, что для рядовых носителей языка такого рода изменения не были заметны и осознаваемы, время их протекания превышало сроки жизни отдельных индивидов.

Ключевые механизмы языковых изменений при взаимодействии различных факторов подробно и новаторски раскрыты У. Лабовом на современном материале американского английского (ANAE)¹. Автор последовательно идентифицирует субстантные, структурные и функциональные признаки, попадающие в разряд изменений, анализирует весь открывшийся на новом материале комплекс факторов, среди которых особое внимание уделяется когнитивным и культурным. Они осмысливаются (на основе возрастной специфики восприятия и освоения языковых явлений) у детей как характерная для них трансмиссия (*transmission of change*), а у взрослых – диффузия (*diffusion of change*). Рассматривается большой спектр конвергентных и дивергентных явлений изменчивости, включая и такие, которые сопряжены, в той или иной степени, с разными актами идентификации носителей языка [Labov, 1994; 2001; 2007; 2010]. В итоге в лингвистике формируется системное представление о когнитивных и мотивационно-прагматических основаниях языковых изменений.

Работы У. Лабова и другие инициированные и проведенные выдающимися учеными исследования на английском материале [Chambers, Trudgill, 2004; Trudgill, 2014; Wolfram, Schilling-Estes, 2006] показали всю сложность и многофакторность языковой изменчивости. Ее характер, скорость, причинно-следственные механизмы существенно (иногда радикально) отличаются по уровням языковой системы. С точки зрения внутриязыковых закономерностей это обусловлено функциональной

спецификой единиц каждого уровня и их подсистем, в частности, степенью влияния на понимание речи и передачу информации в процессе общения.

Информативна для понимания характера и природы воплощения *социальных значений* в единицах разного уровня статья П. Экерт и У. Лабова [Eckert, Labov, 2017], выполненная на фонетико-фонологическом материале. Авторы отмечают, что значения как конвенциональные ассоциации различий реального мира с различными языковыми формами по своей природе всегда социальны. В социолингвистическом плане актуальна социальность индексального порядка, то есть тот функциональный компонент значения, который несет информацию о говорящем как социальном акторе в речевой ситуации. Социолингвистическое значение в этом смысле возникает во взаимодействии между собеседниками. Заданный таким образом ракурс рассмотрения обязывает к исследованию связи референциальной составляющей с индексальной у единиц, показывающих вариативность на разных уровнях языковой системы. Конкретные фонетические единицы (звуки), свободные от смысловой референциальной нагрузки, склонны выполнять индексальную социальную функцию, в то время как парадигматические структуры абстрактно-фонологического уровня, неосознаваемые в своей совокупности носителем языка, служат в качестве маркеров социальных значений. Социолингвистические переменные, как правило, не выполняют референциальной функции, однако морфо-синтаксическая и лексико-прагматическая семантика языкового знака может усиливать его индексацию социальности потенциал. Так, отрицание само по себе реализует референциальную функцию, в то время как количество негативных частиц выступает в качестве интенсификатора. Вариативность нагружает референциальный знак дополнительным индексующим значением [Eckert, Labov, 2017, p. 469]. Само наличие макросоциальных параметров возраста, гендера, этничности не гарантирует обязательной индексации этих различий в языковом формате, но вероятность проявления этих параметров на локальном уровне рассмотрения конкретной разновидности языка у отдельного языкового коллектива

ва имеется. Следовательно, не любая вариативность в языке может быть социально значимой, однако переменные социолингвистического порядка направлены на высвечивание какого-то социально маркированного свойства. Они неустойчивы и изменчивы в той же мере, как и соответствующие социальные признаки [Eckert, Labov, 2017, p. 469].

Вопрос о языковых изменениях и их распространении авторы осмыслиют с опорой на сетевую модель, в которой языковые изменения протекают по сети контактов между индивидами. Кластеризацию индивидуальных контактов исследователи ставят в зависимость от предметно-содержательной стороны совместной деятельности вступающих в контакт индивидов. Рассмотрев ряд сетевых параметров, усиливающих или ослабляющих социальную индексацию переменных, авторы приходят к выводу о том, что фундаментальное свойство языка человека – наличие в его арсенале ограниченного количества «пустых» в смысловом плане единиц, свободных от референции, но создающих при комбинировании друг с другом бесконечное количество несущих значение слов и предложений, – способствует передаче и распространению социально маркированных смыслов [Eckert, Labov, 2017, p. 491]. *Движение значений лексических единиц* в их *социокоммуникативной обусловленности* приобретает в этом плане, как нам думается, особую актуальность.

Языковая вариативность и практика нормирования

Влияние современных технологий СМИ на движение значений и связанные с ним механизмы языковых изменений по-разному оцениваются обывателями и социолингвистикой. На оси исторического времени вплоть до современного состояния языковых процессов жизнь технологий передачи на расстояние письменных, а тем более звуковых форм чрезвычайно мала по своей протяженности. По подсчетам П. Традгила, письменной традиции отведено не более 5 % истории существования языка, а электронным средствам и того меньше – примерно 0,1 % [Trudgill, 2014, p. 221]. Автор отмечает, что изменения были присущи языку во все периоды его существо-

вания, задолго до технологических революций, давших человеку письменность и электронные средства передачи информации. Основные закономерности, которые приводят к изменениям, сокрыты преимущественно в прямом коммуникативном контакте (*face-to-face communication*), живой речевой деятельности людей и не возводятся к распространенному дилетантскому суждению о приоритетной роли СМИ. Она не может всерьез рассматриваться в случае с фонетическими и грамматическими изменениями, в отличие от лексических [Trudgill, 2014, p. 218].

Более того, Дж. Хьюз, рассуждая о вариативности современного английского языка в постколониальном контексте, обращает особое внимание на источники, формирующие лексическое ядро в разных стандартных вариантах этого языка. Он усматривает гораздо больше сходств между языком господствующих в мире журналистских практик СМИ, чем между речью индивидов в реальных сообществах носителей английского языка в разных странах (например, в Британии и Америке) [Hughes, 1989, p. 359]. Вместе с тем автор отмечает некоторые существенные изменения в ядре лексического состава современного английского, общие для разных вариантов этого языка, связывая их не только с технологическими инновациями последних десятилетий, но и с социокультурными последствиями глобализации при нарастающей американизации социальных практик. Одним из ярко выраженных признаков современного английского языка Дж. Хьюз считает рост подвижности границ между разными регистрами речи, что проявляет себя в конкретных группах лексем. Например, устаревание некогда центральных в ценностном плане лексем (*sin, honour, soul, virginity*); переход в сферу общепотребительных слов экзотических (*paparazzi, mafia, ghetto, assassin*), специальных (*stress, mess, guy, stuff*), «классических литературных» (*animal, basic, conversation, environment*) лексем [Hughes, 2000, p. 369]. Если для создателей лексикографической традиции Оксфордского словаря на рубеже XIX и XX вв. главным ориентиром при отборе лексик и описании ядра лексического состава языка были лучшие образцы классической английской литературы, то специфика совре-

менной эпохи, по утверждению Дж. Хьюза, заключается в том, что установить границы понятию литературного языка очень трудно, поскольку он впитал в себя огромные пласты обыденной просторечной и обсценной лексики, а образ литературного труда в настоящее время формируется на основе разнообразия новых критериев [Hughes, 2000, p. 335–336]. Эти особенности заставляют исследователя говорить о поиске новых подходов к описанию лексического ядра языка: он предлагает рассматривать данное понятие с опорой на критерий формальности, способной воплощаться в разных вариантах по шкале «более-менее» (formal, common, colloquial, slang, obscenity) и заменяющей прежнюю более жесткую категорию литературности [Hughes, 2000, p. 372–373].

Представляя специфику лексического состава английского языка в модели поля, группирующей разные лексические слои вокруг общепотребительного (common) ядра, Дж. Хьюз отмечает не только общую тенденцию к его неустойчивости, подвижности регистров речи, но и другие признаки, отражающие последствия американского «культурного империализма», брутализации (роста обсценной составляющей), пересмотра рубрик культурных табу, характерных в большей мере для языка молодежи [Hughes, 2000, p. 396–397]). Изменение чувствительности к содержанию социально табуированных сфер лингвист связывает со сменой ценностных императивов. Из двух полюсов сферы табу – неподлежащего упоминанию всуе сакрального (прежде преимущественно ассоциировавшегося с вопросами веры и религии) и невыразимо порочного – центр тяжести в плане употребительности и эмоциональной силы явно сместился в сторону второго. Появившаяся новая сфера табу маркирует расовые, этнические признаки выходцев из Африки и Азии, в меньшей степени из Ирландии, Шотландии, Уэльса (*nigger, paki, paddy, jock*) и др. [Hughes, 2000, p. 396–397]².

Подводя итоги краткому экскурсу в проблематику выявления ядра лексического состава, следует заметить, что в условиях постколониальной дивергенции английского языка, развития его вариативности на социокультурной основе, вопрос этносоциокуль-

турной идентификации и использования языка в качестве ее инструмента выходит на первый план. Работа по поиску критериев научного описания языка в новообретенных форматах его вариативности не может не учитывать потребности в самоидентификации проживающих в разных странах и разной этносоциополитической реальности англоязычных народов. Во многих ключевых аспектах эта проблематика, которую можно также отнести к этнополитической социолингвистике, актуальна и для других мировых языков (включая русский) с характерной для них спецификой.

С развитием компьютерных технологий в лексикографии старые методы выявления ядра лексического состава с опорой на логический, историко-этимологический и историко-культурологический анализ лексического состава в его привязке к быстро уходящим в прошлое социальным практикам не смогут претендовать на самодостаточность. Стремление сохранить и сделать достоянием будущего богатство унаследованного от прошлого языкового наследия будет приходить в противоречие с психически актуальным использованием языка при отсутствии должного внимания к последнему со стороны профессионального сообщества, ответственного за фиксацию и нормирование языка.

Индивид и сообщество: сетевые модели в социолингвистике и культурная идентичность

При анализе языковой вариативности и социально обусловленных языковых изменений перед исследователем встает вопрос о содержании оппозиции «Индивид – Сообщество». Противоречия, которые она порождает, разрешаются, в частности, с помощью моделирования сети социальных контактов индивида, то есть выявления его отношений с другими индивидами: кто с ним общается, как часто, в каких именно условиях и контекстах, по каким поводам. Интенсивность и разветвленность индивидуальных контактов создают разноуровневую коммуникативную сеть социальных связей разной силы и плотности. Сам индивид рассматривается как субъект сетевых взаимодействий, представляющих собой

кластеры родственных, дружеских, профессиональных и иных типов связей. Л. Милрой вводит понятие шкалы оценки сетевых характеристик говорящих (a Network Strength Scale), учитывающей обнаруженные в ходе полевых исследований параметры значимых контактов индивидов [Milroy, Gordon, 2003, p. 121]. В работах Дж. Милроя, Л. Милрой [Milroy, 1987; Milroy, Milroy, 1985] и других ученых выявляется зависимость между плотностью (силой или слабостью) коммуникативной сети, ее разветвленностью, тенденцией к внутренней интеграции и закрытости или наоборот, открытости для внешних контактов, и склонностью языка, который используется интегрированными в сеть индивидами, к изменчивости (или сохранности). Рассматривалось также влияние географической и социальной мобильности говорящих, сфер их экономической занятости, потребностей в идентификации и иных социально значимых аспектов жизнедеятельности на характер сети социальных контактов и соответствующие индексы интегрированности в нее говорящих. Было показано, что чем выше индекс плотности сети социальных контактов, тем глубже интегрирован говорящий в свое сообщество [Milroy, Gordon, 2003, p. 121]. Особо интересны для нас исследования процессов ослабления социокоммуникативной сети с вытекающими отсюда количественными и качественными последствиями для активизации языковых изменений [Milroy, Gordon, 2003, p. 127–130]. Эти параметры представляются нам актуальными для рассмотрения движения значений слов в постсоветском контексте.

Мы исходим из того, что формирование индивидуальной сети социальных контактов в значительной степени зависит от условий внешней среды. В онтогенезе социокоммуникативная сеть первична по отношению к субъекту как данность, подлежащая интериоризации наряду с другими предметно-содержательными культурными реалиями, включая тела языковых знаков и ассоциированные с ними значения, то есть язык как внешний объект. Ребенок испытывает воздействие социокоммуникативной сети длительное время, адаптируясь к ней и не будучи в состоянии произвольно управлять ею. В использовании и интерпретации полученных с помощью

сетевых моделей данных, по нашим наблюдениям, можно наметить два подхода. Первый (удобен для изучения языковой интеграции малых социальных групп) – трактовка сети социальных контактов как индивидуального феномена, то есть достояния индивида. Назовем его условно «приоритет индивида». Он реализуется в работах большинства социолингвистов-англистов (см., например: [Hudson, 2007; 2010; Milroy, 1987; Milroy, Milroy, 1985]), которые критикуют традиционное понятие языкового сообщества (speech community) как относительно изолированного, имеющего преимущественно географическую локализацию образования. Такой подход представляется им неэффективным для объяснения динамики привнесенных глобализацией процессов социальной и языковой вариативности. Альтернативно предлагается трактовка места пребывания сообщества в качестве культурного концепта (для которого больше подходит английский термин «community of practice»), пригодного для изучения социолингвистических процессов в миграционном контексте [Milroy, Gordon, 2003, p. 134].

Второй подход декларирует приоритет сообщества, которое, как показывает на примере сдвига гласных Северных городов в США У. Лабов, концептуально (в культурно-историческом и когнитивном плане) первично по отношению к индивиду [Labov, 2010, p. 208–235]. Сдвиг гласных Северных городов представляет собой важный маркер территориальной вариативности американского английского по границе континентального Севера и Центрального ареала. Эта граница, как свидетельствуют данные ANAE и специальные эксперименты на распознавание локализации информантов, уже более века является самой выраженной и устойчивой в диалектном континууме США [Labov, 2010, p. 235]. Последовательная реализация сдвига в городах Севера контрастирует с гетерогенностью вокалических систем городов Центрального ареала [Labov, 2010, p. 214]. Несмотря на то что сдвиг гласных Северных городов остается в поле неосознанного социального смысла, У. Лабов считает возможным трактовать его как эффект утвердившегося в течение нескольких поколений культурного империализма янки (Yankee Cultural Imperialism). Подробный ана-

лиз культурной специфики ведения хозяйства и идеологической организации сообществ на новых землях в ходе продвижения на Запад старожильского населения южан нагорья, сформировавших поселения центральных ареалов с одной стороны, и янки, продвигавшихся из разных регионов Новой Англии с другой, показал, что последние, в отличие от первых, продвигались целыми сообществами с высокой степенью сохранности взрослого населения на новой территории по истечении 10 лет. Янки строили города, располагая дома вдоль оживленных дорог, из-за особого внимания к грамотности школы и колледжи строились в приоритетном порядке. Южане же продвигались одиночными семьями и малыми группами, останавливаясь в изолированных сельских районах и не задерживаясь долго на новых местах [Labov, 2010, p. 213]. Организация жизни сообществ янки обеспечила продолжительный, постоянный контакт (преемственность) среди детского населения и сделала возможной целостную передачу фонологической системы на Севере. У. Лабов приходит к выводу о том, что речевое поведение индивида вряд ли может быть адекватно истолковано без знания сообщества, к которому он принадлежит. В рассматриваемом случае движущие механизмы звукового изменения на Севере передаются через культурную преемственность, предшествующую личному опыту индивида. Она не сводится только к непосредственному сетевому взаимодействию (*face-to-face interaction*). Член сообщества, осваивающий культурно значимые языковые формы, получает информацию о них в опыте, однако этот опыт далек от непосредственной актуальной коммуникации [Labov, 2010, p. 368–369]. Видимо, здесь У. Лабов имеет в виду то, что этот опыт не порождается в текущей коммуникативной ситуации, как другие социально маркированные смыслы, а является когнитивным и культурным наследием прошлого, закрепленным в разных видах деятельности. Автор также приводит показательные факты, подтверждающие, что такого рода информация усваивается детьми не старше 9–10 лет, поэтому в речи тех, кто оказался на Севере в более позднем возрасте, сдвига гласных не наблюдается [Labov, 2010, p. 8–9].

Ассоциативно-вербальная сеть и динамика социокоммуникативных установок русской языковой личности

Нам представляется, что сетевые подходы должны учитывать следующий факт: малые социальные группы как исходные ячейки социокоммуникативной сети не находятся в вакууме, они включены в смысловое поле культуры, в котором действуют свои законы смыслообразования (смыслоутратности). Не только отдельные представители народов постсоветского мира, но и сами эти народы остаются частями большой социокоммуникативной среды в общегосударственном воплощении на суперэтническом (цивилизационном, общероссийском) уровне. Влияние общего для российской цивилизации смыслового поля культуры имеет разную интенсивность (силу, плотность) и экстенсивность (разветвленность, охват) в разных его частях (локусах) с прототипическими и менее явными, периферийными признаками. В СССР длительное время наблюдалась высокая устойчивость социокоммуникативных сетей с внутренней направленностью векторов интересов коммуникантов. Конец 80-х и 90-е гг. прошлого века отмечены значительными и глубокими изменениями социокоммуникативного плана.

В постсоветский период динамика социокоммуникативных сетей определялась воздействием целого комплекса факторов. Среди них: ликвидация партийно-хозяйственного и идеологического организующих начал, приведшая к радикальной смене характера экономической деятельности при распаде прежних производственных связей; обвальная деиндустриализация; повышенные ожидания от новых рыночных регуляторов и непонимание реальных механизмов работы капиталистического рынка. Отсутствие у большинства советских людей опыта общения с внешним миром на фоне открытия границ привело к оживлению внутренних и внешних миграционных процессов, смещению вектора интересов больших групп населения с внутреннего на внешний. Все это создало экстремальную ситуацию для большей части населения бывшего СССР. Характерный для смутного времени кризис подлинности (идентичности) проявил себя в кон-

фликтности обесмысливающих друг друга смысловых образований в сознании людей. Это состояние личности психологи называют смыслоутратностью [Магомед-Эминов, 1998, с. 37]. Мы предполагаем, что противоречия смыслоутратности как социокультурного феномена независимо от их осознаваемости могут отразиться на социокоммуникативных установках языковой личности в тот период времени, когда они были для нее актуальны. Именно эти противоречия определяют в значительной мере и те деформации в языковой политике, которые были допущены в эпоху перестройки. Их исследование предполагает включение психологического фактора в рассмотрение социолингвистических реалий, поэтому может производиться в настоящее время с опорой на сетевую ассоциативно-вербальную модель «языка в человеке». С развитием ассоциативной лексикографии в последние десятилетия российская психолингвистика получила в свое распоряжение источники (ЕВРАС, РАС, САНРЯ, СИБАС)³, позволяющие оценивать динамику смысловых систем у нового поколения носителей русского языка. Преимущества такой модели, как ассоциативно-вербальная сеть (АВС) заключаются в ее актуальности и активности, доступности для статистической обработки и анализа всего массива ассоциатов (макроуровень) и отдельных ассоциативных полей (АП) (микроуровень). На макроуровне возможно не только выявить необходимое для системного анализа психически актуальное лексическое ядро (ассоциативные доминанты языковой личности), но и построить прилегающие к нему в разной степени удаленности и укорененности связей лексические слои, что очень важно для оценки вариативности языка и выработки стратегии его нормирования. Постоянное пополнение и обновление экспериментальной базы вербальных ассоциатов уже в настоящее время создает условия для исследований *актуальной диахронии* (с возможностью отслеживать динамику сети в пределах трех-четырех поколений).

Массовый ассоциативный эксперимент, проведенный в азиатских регионах России, выявил «ассоциативных лидеров» (на начало 2014 г.) по количеству реакций: **человек** (10 011), **деньги** (4 036), **дом** (2 584),

друг (2 342). По количеству стимулов (укорененности смыслов в разнообразии связей) это: **человек** (450), **жизнь** (345), **дом** (335), **деньги** (263), **хорошо** (261), **плохо** (260), **друг** (253), **нет** (235), **мир** (232), **я** (230) (СИБАС). Сходную, хотя и не совсем идентичную, системную иерархию находим и в европейской части России: **человек** (594), **жизнь** (497), **дом** (465), **плохо** (269), **хорошо** (264), **нет** (257), **деньги** (249), **мир** (240), **друг** (236), **я** (215). (Данные ЕВРАС взяты из [Уфимцева, 2017, с. 95].) Сопоставление с рейтингом ассоциатов прошлого века показывает существенное продвижение ассоциата **деньги** (с 19-й позиции в САНРЯ на 8-ю в РАС, с сохранением лидерства в первой десятке в XXI в.) и **я** (не вошедшего даже в список первых тридцати лидеров САНРЯ, но начавшего постепенное восхождение в период перестройки и стремительно переместившегося в первую десятку лидеров ядра в XXI в.). Это отражает прошедшую смену предметно-содержательного опыта новых видов деятельности после перестройки и соответствующие сдвиги в социокультурных установках русской языковой личности. «Монетаризацию», как и другие отмеченные Дж. Хьюзом устойчивые изменения, можно отследить на микроуровне на материале отдельных сегментов АВС при сравнении данных нескольких десятилетий. Проведенные нами на этапе редактирования материалов СИБАС исследования показали, что в культуре пользования языком произошли серьезные трансформации. Заметна «брутализация» языкового сознания молодых россиян, что отражается не только в новоявленной прагматичности смыслов, небывалом наплыве прежде табуизированных форм вербальной оценки, но и в вытеснении реалий своего культурного поля на периферию смысловой структуры сознания. Пустота заполняется вульгарными инородными реалиями. «Брутализация» и «этнизация» языкового сознания отмечаются и на макро-, и на микроуровнях АВС носителей русского языка.

Психически актуальные социально обусловленные процессы могут быть выявлены и описаны в терминах *психоглоссы*⁴, позволяющих увидеть трансформацию социально и культурно обусловленных лексических значений в поле личностных смыслов испытуемых. Здесь

мы исходим из принятой в российской психолингвистике модели сознания как динамического процесса, в котором выявляются чувственная ткань образа, обеспечивающая субъекту связь с внешним миром, значения и личностный смысл. Чувственная ткань и личностный смысл психофизиологичны, индивидуальны; значения же надиндивидуальны, как социально-культурный продукт, результат коллективного опыта взаимодействия с ушедшим предметно-содержательным миром, они не психофизиологичны. Личностный смысл – это результат присвоения значений субъектом. Поэтому «движение значений» есть процесс смыслообразования, воплощение значений через чувственную ткань и личностный смысл у ныне живущих субъектов (более подробно о структуре сознания см.: [Леонтьев, 2005, с. 91–96]). Онтогенетически, «вживляясь» в окружающую среду в ходе активной деятельности, человек интериоризирует («вращивает» внутрь) через чувственную ткань и личностные смыслы весь свой вербальный и социокоммуникативный опыт взаимодействия с миром. АВС как часть когнитивной сети человека содержит проекцию социокоммуникативной сети испытуемых, что дает нам шанс на изучение следов ее функционирования, которые сигнализируют о социокоммуникативных установках языковой личности применительно к актуальному использованию языковых знаков. АВС должна отразить в той или иной мере ослабление (или наоборот, усиление) связей внешней социокоммуникативной сети. Это можно проверить на макро- и микроуровнях анализа. Выявить изменчивость, измерить и интерпретировать ее можно, в частности, с помощью когнитивных и мотивационно-прагматических психоглосс, показывающих векторы смыслообразования или смыслоустратности у языковой личности.

В отличие от моделей индивидуальных кластеров внешних сетей социальных контактов АВС представляет собой комплексный, многомерный объект, способный отразить все факторы (включая осознаваемые и частично неосознаваемые), попадающие под рубрику социальных (social dimensions). Экспериментально доказанная возможность получить через АВС доступ к усредненной языковой личности и фундаментальные положения о ее природе, выработанные в отечественной на-

уке на русском материале [Караулов, 2010], мотивируют ученых использовать ассоциативно-вербальные методики для исследования процессов социокультурной идентификации. АВС пригодны для анализа социально и культурно значимых явлений, которые могут представлять интерес не только сами по себе, но и в качестве условий для возникновения языковой вариативности и языковых изменений.

Под социокоммуникативными установками мы понимаем установки на использование тех или иных вербальных единиц в определенных отношениях и связях, выработавшихся в ходе сложившихся в рассматриваемый период социокоммуникативных практик. Интенсивность (сила) связей ассоциатов в сети находит отражение в частотных показателях: единожды встретившиеся ассоциаты условно выделяются как периферия АП, а все повторяющиеся с разной частотностью – как ядро, что не исключает разную степень интенсивности его компонентов. Экстенсивность (укорененность в разнообразии связей) измеряется количеством разных реакций в структуре АП.

Рассмотрим некоторые признаки динамики смысловых процессов на примере АП «народ» (см. табл. 1) в связи с отмеченным нами ослаблением сети социальных контактов во внутреннем пространстве бывшего СССР.

В АП «народ» отчетливо выявляется 6 смысловых зон. Статистика их интенсивности в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии) приводится в таблице 2.

Психоглоссы, которые выявляются при анализе конкретных ассоциатов в каждой смысловой зоне, отчетливо показывают движение доминантных смыслов во времени. Это движение поддается интерпретации в контексте оппозиций: *народ (люди) vs. толпа; онтологическое единство vs. случайное сборище, безликая масса; народ vs. скот; активность, целеполагание vs. пассивность, стихийная спонтанность; планетарность vs. местечковость; глобально общегосударственный, цивилизационный vs. локально этнический, национально-расовый контекст; трудовая деятельность vs. развле-*

Таблица 1

Сравнительный анализ АП «народ» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС

Общая структура и наполнение ассоциативных полей	САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Разные	75	67	205	185
Единичные	54	52	154	124
Устойчивые	148	57	342	401
Отказы	0	0	6	8
Всего реакций	202	109	502	533

Таблица 2

Статистика интенсивности смысловых зон в АП «народ», %

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988–1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
Зона 1. Номинации, дефиниции, раскрывающие суть понятия			
36,48 (11,11)	38,59 (73,33)	55,84 (41,86)	53,11 (33,33)
16,66 (1,58)	15,38 (6,66)	15,58 (2,78)	14,51(3)
Зона 2. Какими качествами обладает народ, какой он			
23,64 (0)	19,29 (53)	12,86 (26,92)	12,71 (32,55)
29,62 (0)	36,84 (31,25)	22 (16,66)	28,22 (15,11)
Зона 3. Народ как субъект деятельности и объект воздействия			
0 (0)	10,52 (22,22)	2,33 (37,93)	2,24 (42,85)
7,4(0)	5,76 (22,22)	13,63 (37,93)	15,32 (35,71)
Зона 4. Локации, место развития, где находится народ			
2,7 (0)	7(0)	9,35 (1,69)	9,72 (0)
12,96 (0)	7,69 (0)	17,53 (1,69)	12 (0)
Зона 5. Принадлежность, причастность (идентификационная матрица)			
29 (0)	12,28 (0)	9,94 (2,27)	13,96 (0)
5,55 (0)	11,53 (0)	6,49 (2,27)	4,83 (0)
Зона 6. Атрибуты (материальной и духовной культуры), свойства (черты характера, ценности) и права			
7,43 (3,7)	10,52 (6,25)	9,64 (23,94)	8,22 (16,12)
29,62 (3,7)	19,23 (6,25)	24,67 (11,26)	3,38 (8,06)

Примечание. Данные по ядру каждой зоны приводятся первыми, периферии – вторыми. В скобках указывается % негативно-оценочных ассоциатов от общего количества реакций в каждой зоне.

чения и гедонизация; позитивно vs. негативно оценочные смыслы. В разные периоды времени в каждой из смысловых зон центр тяжести смещался в ту или иную сторону в пределах каждой из этих оппозиций, а специфическое сочетание совокупно явленных при этом смысловых воплощений (граней) образа «народ» соответствовало специфике эпохи. Так, в 70-е гг. прошлого века (САНРЯ) образ народа устойчиво позитивен, непротиворечив: народ выступает как творческая (движущая) сила, имеющая статус нации и способная к целеполаганию, как творец, победитель и труженник. В перестройку (РАС), напротив, центр тяжести первой зоны переместился в сторону тотального негатива. Ср.: САНРЯ: люди 39; толпа 6; масса 5; нация, творец 2; РАС:

толпа 16; быдло, массы, стадо 2⁵. Признаки смыслоутратности характерны и для зоны 2: исключительно позитивный и самодостаточный образ 70-х гг. уступил место негативно-оценочному перестроечному, с акцентами озлобления, глупости, голода и бедности, страдания и загнанности. В зоне 6 устойчиво самодостаточные сила, дружба и труд в ядре САНРЯ сменяются политизированными ассоциатами с партией, дополненными целым рядом единичных, создающих противоречивую картину жалостливости и бунта на фоне политических реалий перестройки (выборы, Ельцин и пр.).

В XXI в. (ЕВРАС, СИБАС) у детей смутного времени смыслоутратность не преодолена. Негативная оценочность охватывает

практически все зоны. Отраженный в них автостереотип противоречив и неустойчив. Так, члены оппозиции *народ (люди) vs. толпа* почти равновесны, конкретное содержание других ассоциатов претерпело существенную трансформацию в сторону акцентуаций национального, местечкового родоплеменного и даже расового контекста. Сказывается отсутствие у молодых людей единого целеполагания, совместного опыта деяний цивилизационного формата. В РАС фиксируется значительная расшатанность социокультурной идентичности, в СИБАС и ЕВРАС отражается некоторая мобилизация сознания, восстановление утраченного в перестройку позитива, но образ все еще противоречив. Народ предстает скорее как ведомая враждебно-шумящая и объединяющаяся против власти *толпа*, чем организованная, способная к жизнестойкому целеполаганию сила. К *озлоблению* с 90-х гг. добавились негативные смыслы *обманутости, нищеты, жестокости, враждебности и дикости (варварства)*. Проявляются смыслы, характерные для господства гедонистической модели как фактора толпообразования. Яркие противоречия между *жизнью и смертью, весельем, гуляньем и ликованием* с одной стороны, и *озлоблением, голодным бунтом яростной и бующей «обманутой» толпы* с другой. Преобладающие в зоне 4 САНРЯ элементы планетарного мышления почти исчезают в РАС, значимость событий внутри страны (СССР) выходит на первый план. В СИБАС и ЕВРАС фиксируется частичное восстановление картины с абсолютным преобладанием контекста *страны-России* и местечковых смыслов. В зоне 5 САНРЯ суперэтническая идентификация (*советский*) – самая устойчивая. На фоне радикализации идентифицирующих переоценок 90-х гг. усиливается этнический контекст: *русский* подавляет *советский*. *Российская* идентичность (новообразование XXI в.) явно выражена в СИБАС, в то время как в ЕВРАС она присутствует в импликациях *многонациональный* и *православный*. Здесь ярче выражен именно *русский* (супер)этнический план. Зона 6 претерпела кардинальную содержательную перестройку. Из прежних устойчивых реакций советского времени воспроизводится только *сила*. *Труд*,

дружба, армия, партия и даже *культура с историей* уже не актуальны для нового образа. В нем преобладают акценты на *демократии, власти и силе*, вхожи новые смыслы *единения, государственности, выборов, верности, свободы* и пр. Ядро устойчиво насыщается негативными смыслами толпообразования (*бунт, восстание, глупость*), которые усиливаются за счет периферии. Ощущение разобщенности, характерное для местечкового образа народа, порождает тенденцию к *единению (сплочению)* в новое время, для многих не подкрепленную иными видами деятельности кроме развлечений.

Выводы

Ассоциативно-вербальные сетевые модели, будучи гибкими динамическими системами, отражают структуру и содержание социокоммуникативных установок языковой личности с учетом изменчивости ее смысловых акцентов. Вербальные ассоциации несут информацию об этносоциокультурных сферах, в которых осуществляются коммуникативные акты и кристаллизуется мотивационная структура языковой личности. Такие трансформации в сети социальных контактов сообщества носителей русского языка, как смена ее ориентации (внутри – вовне), сфер деятельности и социально-экономического уклада, ослабление связей и плотности контактов приводят к трансформации социокоммуникативных установок, что становится очевидным в пределах АВС трех поколений и маркируется статистикой психоглосс (направленности смысловых акцентуаций). Изменения социокоммуникативных установок могут стать социально и психически обусловленной базой для будущей трансформации значений слов. Изучение вариативности и языковых преобразований в пределах актуальной диахронии при условии накопления новых экспериментальных данных может способствовать развитию ассоциативной вариатологии и этнополитической социолингвистики. Экспериментально полученные сетевые модели «языка в человеке» должны использоваться при взаимной верификации данных, полученных иными социолингвистическими методами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ANAE – Labov W., Ash Sh., Boberg Ch., 2006. The Atlas of North American English. Phonetics, Phonology and Sound Change. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. 318 p.

² На особую чувствительность к социальным различиям с расовой и этнической подоплекой в США указывают и другие исследователи (см., например: [Milroy, Gordon, 2003, p. 108–112]). Расовая и этническая принадлежность переплетается со спецификой иммиграции в разных частях США, классовой принадлежностью и деклассированием некогда благополучных этнических меньшинств в новых условиях мегаполисов, устойчиво сохраняющимися тенденциями к сегрегации в американской культуре. Все эти сложные проявления социальных противоречий имеют локальную специфику, поэтому сеть социальных контактов в каждом из таких сообществ имеет свои особенности, а языковые проявления этничности варьируются очень существенно от сообщества к сообществу [Milroy, Gordon, 2003, p. 108–112, 115].

³ В 70-е гг. XX в. был создан словарь ассоциативных норм (САНРЯ), в период с 1988 по 1997 г. – ассоциативный тезаурус (РАС) на основе трехэтапного массового эксперимента с постепенным наращиванием АВС. Новейшие данные были получены в параллельном для азиатской и европейской частей России эксперименте, они сгенерированы в ассоциативные словари 2008–2013 гг. (ЕВРАС, СИБАС), полностью сопоставимые по репрезентативности и составу единиц. Экспериментальные региональные базы данных в настоящее время содержат материалы одного этапа массового эксперимента (каждая из них включает ассоциаты, полученные на 1 000 стимулов от 500 условных испытуемых, что составляет не менее 5 000 анкет, по 100 стимулов в каждой, предъявленных 5 000 студентов в каждом регионе).

⁴ Психоглоссы – маркеры смысловых акцентуаций, которые выявляются при статистической обработке АП. Статистика позволяет измерить направленность смысловых акцентуаций в его структуре. В термине «психоглосса» элемент «психо-» указывает на психическую природу смысловой акцентуации, которая представляет собой часть смысловой структуры образа мира языковой личности испытуемых, «-глосса» – на вербализованный характер смысла, его явление носителю языка в виде языковых единиц [Шапошникова, 2018].

⁵ Цифры показывают частоту актуализации ассоциата в эксперименте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Губогло М. Н., 2016. Этносоциология и этнополитология в системе междисциплинарного знания // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М. : ИЭА РАН. С. 70–77.
- Караулов Ю. Н., 2010. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : Изд-во ЛКИ. 264 с.
- Леонтьев А. Н., 2005. Лекции по общей психологии. М. : Смысл : КДУ. 511 с.
- Магомед-Эминов М. Ш., 1998. Трансформация личности. М. : ПАРФ. 494 с.
- Тишков В. А., 2016. Новая политическая антропология // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии ; отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М. : ИЭА РАН. С. 100–105.
- Уфимцева Н. В., 2017. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем : коллектив. моногр. / И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева ; под ред. В. В. Красных. М. : Гнозис. С. 21–96.
- Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии, 2016 / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М. : ИЭА РАН. 458 с.
- Шапошникова И. В., 2018. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 255–273. DOI: 10.17223/18137083/64/23.
- Chambers J. K., Trudgill P., 2004. Dialectology. Cambridge : Cambridge University Press. 201 p.
- Eckert P., Labov W., 2017. Phonetics, phonology and social meaning // Journal of Sociolinguistics. Vol. 21, iss. 4. P. 467–496.
- Hudson R. A., 2007. Language Networks. The New Word Grammar. Oxford : Oxford University Press. 275 p.
- Hudson R. A., 2010. An Introduction to Word Grammar. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press. 332 p.
- Hughes G., 1989. Words in Time. A Social History of the English Vocabulary. Oxford : Basil Blackwell. 271 p.
- Hughes G., 2000. A History of English Words. Oxford : Blackwell Publishers. 428 p.
- Labov W., 1994. Principles of Linguistic Change. Vol. 1. Internal Factors. Oxford : Basil Blackwell. 664 p.
- Labov W., 2001. Principles of Linguistic Change. Vol. 2. Social Factors. Oxford : Blackwell Publishers. 592 p.
- Labov W., 2007. Transmission and diffusion // Language. № 83. P. 344–387.

- Labov W., 2010. *Principles of Linguistic Change. Vol. 3. Cognitive and Cultural Factors.* Oxford : Wiley-Blackwell. 448 p.
- Milroy J., Milroy L., 1985. Linguistic change, social network and speaker innovation // *Journal of Linguistics.* Vol. 21, iss. 2. P. 339–384.
- Milroy L., 1987. *Language and Social Networks.* 2nd ed. Oxford : Blackwell. 232 p.
- Milroy L., Gordon M., 2003. *Sociolinguistics: method and interpretation.* Malden : Blackwell Publishing Ltd. 261 p.
- Trudgill P., 2014. Diffusion, drift, and the irrelevance of media influence // *Journal of Sociolinguistics.* Vol. 18, iss. 2. P. 214–222.
- Wolfram W., Schilling-Estes N., 2006. *American English. Dialects and Variation.* 2nd ed. Malden : Blackwell Publishing Ltd. 452 p.
- Leontyev A.N., 2005. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures in General Psychology]. Moscow, Smysl Publ., KDU Publ. 511 p.
- Magomed-Eminov M.Sh., 1998. *Transformatsiya lichnosti* [Transformation of Personality]. Moscow, PARF Publ. 494 p.
- Tishkov V.A., 2016. Novaya politicheskaya antropologiya [New Political Anthropology]. Komarova G.A., ed. *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoy etnologii* [The Phenomenon of Interdisciplinarity in Russian Ethnology]. Moscow, IEA RAN, pp.100-105.
- Ufimtseva N.V., 2017. Etnopsikholingvistika kak razdel teorii rechevoy deyatel'nosti [Ethnopsycholinguistics as a Branch of the Theory of Speech Activity]. Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnykh V.V., Ufimtseva N.V., eds. *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokulturologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem: kollektiv. monogr.* [(Neo)psycholinguistics and (Psycho)-linguoculturology: New Sciences About Homo Loquens. Collective Monograph]. Moscow, Gnozis Publ., pp. 21-96.
- Komarova G.A., ed., 2016. *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoy etnologii* [The Phenomenon of Interdisciplinarity in Russian Ethnology]. Moscow, IEA RAN. 458 p.
- Shaposhnikova I.V., 2018. Psikhoglossy, markiruyushchie tsivilizatsionnyu identifikatsiyu rossiyskikh studentov (po materialam massovykh assotsiativnykh eksperimentov) [Psychoglosses of the Civilizational Identity of Russian Students (Based on Large-Scale Associative Experiments)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 3, pp. 255-273. DOI: 10.17223/18137083/64/23.
- Chambers J.K., Trudgill P., 2004. *Dialectology.* Cambridge, Cambridge University Press. 201 p.
- Eckert P., Labov W., 2017. Phonetics, Phonology and Social Meaning. *Journal of Sociolinguistics,* vol. 21, iss. 4, pp. 467-496.
- Hudson R.A., 2007. *Language Networks. The New Word Grammar.* Oxford, Oxford University Press. 275 p.
- Hudson R.A., 2010. *An Introduction to Word Grammar. Cambridge Textbooks in Linguistics.* Cambridge, Cambridge University Press. 332 p.
- Hughes G., 1989. *Words in Time. A Social History of the English Vocabulary.* Oxford, Basil Blackwell. 271p.
- Hughes G., 2000. *A History of English Words.* Oxford, Blackwell Publishers. 428 p.
- Labov W., 1994. *Principles of Linguistic Change. Vol. 1. Internal Factors.* Oxford, Basil Blackwell. 664 p.

ИСТОЧНИКИ

- ЕВРАС – Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС / сост. Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. 2014. URL: <http://ilingran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 03.03.2019).
- РАС – Русский ассоциативный словарь / сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998. Т. 1–2. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 03.03.2019).
- САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 03.03.2019).
- СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2018 / авт.-сост.: И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения: 03.03.2019).

REFERENCES

- Guboglo M.N., 2016. Etnosotsiologiya i etnopolitologiya v sisteme mezhdistsiplinarnogo znaniya [Ethnosociology and Ethnopolitology in the System of Interdisciplinary Knowledge]. Komarova G.A., ed. *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoy etnologii* [The Phenomenon of Interdisciplinarity in Russian Ethnology]. Moscow, IEA RAN, pp. 70-77.
- Karaulov Yu.N., 2010. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Izd-vo LKI. 264 p.

- Labov W., 2001. *Principles of Linguistic Change. Vol. 2. Social Factors*. Oxford, Blackwell Publishers. 592 p.
- Labov W., 2007. Transmission and Diffusion. *Language*, no. 83, pp. 344-387.
- Labov W., 2010. *Principles of Linguistic Change. Vol. 3. Cognitive and Cultural Factors*. Oxford, Wiley-Blackwell. 448 p.
- Milroy J., Milroy L., 1985. Linguistic Change, Social Network and Seaker Innovation. *Journal of Linguistics*, vol. 21, iss. 2, pp. 339-384.
- Milroy, L., 1987. *Language and Social Networks*. 2nd ed. Oxford, Blackwell. 232 p.
- Milroy L., Gordon M., 2003. *Sociolinguistics: Method and Interpretation*. Malden, Blackwell Publishing Ltd. 261 p.
- Trudgill P., 2014. Diffusion, Drift, and the Irrelevance of Media Influence. *Journal of Sociolinguistics*, vol. 18, iss. 2, pp. 214-222.
- Wolfram W., Schilling-Estes N., 2006. *American English. Dialects and Variation*. 2nd ed. Malden, Blackwell Publishing Ltd. 452 p.

SOURCES

- Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., eds. *Russkiy regionalnyy assotsiativnyy slovar-tezaurus EVRAS* [Russian Associative Dictionary-Thesaurus EVRAS]. 2014. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (accessed 3 March 2019).
- Karaulov Yu.N., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. *Russkiy assotsiativnyy slovar* [Russian Associative Dictionary]. Moscow, 1994-1998, vol. 1-2. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 3 March 2019).
- Leontyev A.A., ed. *Slovar assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1977. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (accessed 3 March 2019).
- Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A., eds. *Russkaya regionalnaya assotsiativnaya baza dannykh. Sibir i Dalniy Vostok – 2008–2018* [Russian Regional Associative Database. Siberia and Far East – 2008–2018]. URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed 3 March 2019).

Information about the Author

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, 630090 Novosibirsk, Russia; Professor, Department of Intercultural Communication, Department of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Pirogova St., 2, 630090 Novosibirsk, Russia, i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Информация об авторе

Ирина Владимировна Шапошникова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН, ул. Николаева, 8, 630090 г. Новосибирск, Россия; профессор кафедры межкультурной коммуникации, профессор кафедры общего и русского языкознания, Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 2, 630090 г. Новосибирск, Россия, i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.3>

UDC 811.111'246.2
LBC 81.432.1-022

Submitted: 05.05.2019
Accepted: 02.09.2019

**SOCIO-CULTURAL CONTEXT, ADDRESS FORMS
AND COMMUNICATIVE STYLES
(A CASE STUDY OF BRITISH AND INDIAN ENGLISHES)¹**

Tatiana V. Larina

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Neelakshi Suryanarayan

University of Delhi, Delhi, India

Yuliya B. Yuryeva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The purpose of this study is to identify differences in the use of Address Forms for an unfamiliar addressee in British and Indian English and explain them through a sociocultural context. Given the fact that address forms are dependent on both situational and geographical parameters, and taking into account the rich cultural diversity of India, the study is limited to address forms used by residents of the two capital cities – London and Delhi. The material was collected through observations and questionnaires and was analysed with a comparative analysis (both quantitative and qualitative) and reference to the theory of cultural differences, intercultural pragmatics, politeness theory and the theory of culturally specific communication styles or communicative ethnic styles. For clarification of the results, the interview method was also used, attempting to establish the regularity with which the representatives of the given cultures use nominative address forms for an unfamiliar addressee, the choice of address forms for different age groups and gender and the sociocultural factors affecting the choice of address forms. The analysis of experimental data shows significant differences both in the choice of address forms and in their functioning, it convincingly demonstrates the influence of the Hindi language and local culture on the Indian version of the English language, on the communicative behaviour of Indian bilinguals in the given situation and their communication style in general.

Key words: address forms, sociocultural context, identity, bilingual, ethnocultural communication style, British English, Indian English, Hindi, linguistic experiment.

Citation. Larina T.V., Suryanarayan N., Yuryeva Yu.B. Socio-Cultural Context, Address Forms and Communicative Styles (A Case Study of British and Indian Englishes). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 39-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.3>

УДК 811.111'246.2
ББК 81.432.1-022

Дата поступления статьи: 05.05.2019
Дата принятия статьи: 02.09.2019

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ, ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ
И СТИЛИ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
БРИТАНСКОГО И ИНДИЙСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)¹**

Татьяна Викторовна Ларина

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Нилакши Сурьянараян

Делийский университет, г. Дели, Индия

Юлия Борисовна Юрьева

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Аннотация. Цель данного исследования – выявить различия в использовании форм обращения к незнакомому адресату в британском и индийском вариантах английского языка и объяснить их с опорой на социокультурный контекст. Учитывая зависимость форм обращения от ситуативных и географических параметров, а также принимая во внимание богатое культурное разнообразие Индии, авторы ограничились изучением обращений, которые используются жителями столиц – Лондона и Дели. Материал, полученный в ходе включенного наблюдения и анкетирования, был исследован с применением сопоставительного анализа (как количественного, так и качественного) и с опорой на теорию культурных различий, межкультурную прагматику, теории вежливости и культурно-специфичных стилей коммуникации, или коммуникативных этностилей. Для уточнения результатов применялся метод интервью, посредством которого были решены задачи по выявлению регулярности использования номинативных форм обращения к незнакомому адресату представителями изучаемых культур; набора форм обращения к незнакомым людям разного возраста и пола; социокультурных факторов, влияющих на выбор форм обращения. Проведенный анализ экспериментальных данных показал существенные различия в наборе форм обращения, их функционировании, убедительно продемонстрировал влияние языка и культуры хинди на индийский вариант английского языка, коммуникативное поведение индийских билингов в рассмотренной ситуации, а также стиль их коммуникации.

Ключевые слова: формы обращения, социокультурный контекст, идентичность, билингв, этнокультурный стиль коммуникации, британский английский, индийский английский, хинди, лингвистический эксперимент.

Цитирование. Ларина Т. В., Сурьянараян Н., Юрьева Ю. Б. Социокультурный контекст, формы обращения и стили коммуникации (на примере британского и индийского вариантов английского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 39–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.3>

Введение

Формы обращения (далее – ФО) являются важным исследовательским объектом социолингвистики и социокогнитивной лингвистики, поскольку они демонстрируют то, как общественные отношения и основанные на них ценности отражены в сознании, социальных категориях, лексической системе языка и этикете общения. Другими словами, ФО – это свидетельства взаимосвязи языка, культуры, менталитета и коммуникации.

ФО представлены различными единицами, среди которых ученые выделяют местоименные формы 2-го лица, имена собственные, термины родства, титулы, прозвища и прилагательные [Fitch, 1998]. Их выбор и предпочтительность зависят от контекста в широком понимании этого термина.

ФО представляют собой важный и крайне чувствительный элемент социального взаимодействия. Через них проявляется как идентичность говорящего [Карасик, 2016; Larina, Ozyumenko, Kurteš, 2017], так и его отношение к собеседнику; они могут демонстриро-

вать равенство или неравенство, уважение или неуважение, симпатию или антипатию, близость или отчужденность, любовь или враждебность и т. д. Выбор определяется различными аспектами социального, ситуативного и эмоционального контекста: возрастом, полом, статусом, уровнем близости, физическим и эмоциональным состоянием и др. Для успешного общения важно выбрать правильную ФО в соответствии с контекстом, намерением говорящего и ожиданиями собеседника. В условиях межкультурной коммуникации ситуация выбора ФО становится более сложной, чем при общении в рамках одной культуры, поскольку зависит еще и от социокультурного контекста. Как отмечает И. Кечкеш, «язык отражает ранее известную реальность, но он готов изменяться, как этого требуют социально-культурные факторы» [Кечкеш, 2014, с. 11]. Исследователь выделяет два типа контекстов, в которых проявляется знание внешнего мира: «актуальные, ситуативные, внеязыковые контексты и “старые”, предыдущие, прежние контексты, которые закодированы в словах и лингвистических единицах» [Кечкеш, 2014, с. 7].

Последние И. Кечкеш называет преконтекстами. Опираясь на эту классификацию, в качестве преконтекста, включающего весь прежний опыт и знания народа, которые закреплены в языке, можно рассматривать и культуру. В разных социокультурных контекстах предпочтение отдается разным категориям ФО. Например, если в западных культурах широко употребляются имена собственные, то во многих восточных культурах их использование имеет существенные ограничения и в ряде контекстов предпочтение отдается терминам родства [Которова, 2018; Anchimbe, 2011; Khalil, Larina, Suryanarayan, 2018; Larina, Khalil, 2018; Wierzbicka, 2016; Wong, 2006; и др.]. В каждой культуре есть своя система ФО и правил их употребления, которые отражают социокультурные различия, тип взаимоотношений и опираются на культурные ценности, понимание вежливого и невежливого поведения, что было показано в многочисленных исследованиях [Фирсова, 2013; Формановская, 1989; Afful, 2006; Aliakbari, Arman, 2013; Carreira, 2005; Chesnokova, 1996; Clyne, 2009; Clyne, Norrby, Warren, 2009; Fitch, 1998; Oyetade, 1995; и др.]. Несмотря на то что представители одного и того же культурного сообщества могут иметь индивидуальные особенности и предпочтения при обращении к адресату, существуют некоторые общие социокультурные правила, которым следует большинство в данном сообществе и которые отличают одну коммуникативную культуру от другой.

Убедительные доказательства определяющей роли социокультурного контекста при выборе ФО дают результаты сопоставительных исследований (см., например: [Смит, Ларина, 2003; Braun, 1988; Yuryeva, Rudakova, Larina, 2018; и др.]). Они подтверждают тезис о том, что «осмысление сложных взаимоотношений между дискурсом и обществом наиболее полно и естественно достигается при сочетании лингвистического и социального подходов» [Водак, 2006, с. 109]. Однако, на наш взгляд, особенно значимые результаты по установлению социокультурных факторов, влияющих на набор и выбор ФО, дает изучение функционирования ФО в различных вариантах одного и того же языка (см., например: [Hughson, 2009; Larina, Suryanarayan, 2013; Wong, 2006]). Они показывают, как заимство-

ванный язык приспособливается к потребностям и ценностям этнической культуры, а также как новая культура воздействует на родной язык.

В статье рассматриваются лексические и функционально-прагматические особенности ФО в двух вариантах английского языка – британском (далее – BrE) и индийском (далее – IndE). Учитывая тот факт, что ФО и их функционирование в значительной степени зависят и от ситуативного, и от более широкого географического контекста, а также принимая во внимание богатое культурное разнообразие Индии, мы ограничились исследованием обращений к незнакомому адресату, которые используются жителями столиц – Лондона и Дели. Поскольку большинство представителей среднего класса Дели являются по меньшей мере билингвами, рассмотрим, как общепринятые традиции и нормы языка и культуры хинди влияют на выбор ФО носителями английского языка в Индии в ситуации «обращение к незнакомому адресату». Таким образом, цель нашего исследования – выявить различия в использовании ФО к незнакомому адресату в британском и индийском вариантах английского языка с учетом социокультурного контекста. Поскольку к важнейшим составляющим культуры относятся социокультурная организация общества и базирующиеся на ней ценности, мы принимаем во внимание такие параметры культуры, как социальная дистанция и дистанция власти (подробно о них см.: [Hofstede, 1984; 1991]), или горизонтальная и вертикальная дистанция, что позволит объяснить существенные различия в использовании ФО в британской и индийской лингвокультурах.

Материал и методология

Материал для анализа был собран с помощью методов этнографического наблюдения и анкетирования. Для уточнения результатов использовался метод интервью. Анкеты были составлены с учетом гендерных и возрастных различий информантов. С целью рассмотреть, как данные социальные факторы влияют на выбор и предпочтительность ФО, мы предложили респондентам 4 коммуникативные ситуации, в которых необходимо было обратиться к прохожему на улице и спро-

суть о времени или направлении пути. В этих ситуациях предполагалось:

I. Обращение к мужчине старшего возраста.

II. Обращение к женщине старшего возраста.

III. Обращение к мужчине, равному по возрасту или младше.

IV. Обращение к женщине, равной по возрасту или младше.

В анкетировании приняли участие 100 респондентов: 50 говорящих на BrE и 50 индийских билингвов, говорящих на IndE и хинди. Все они – представители среднего класса (студенты и преподаватели, а также служащие компаний) в возрасте от 18 до 60 лет. Всего было собрано 150 анкет и получено 600 реплик. Для того чтобы охарактеризовать влияние родной лингвокультуры на использование английского языка, мы попросили индийских билингвов заполнить по две анкеты – на английском языке и хинди.

В центре нашего внимания были следующие исследовательские вопросы:

1. С какой регулярностью представители рассматриваемых культур используют номинативные ФО?

2. Какие ФО употребляются по отношению к незнакомым адресатам разного возраста и пола?

3. Какое влияние на выбор ФО оказывают социокультурные факторы?

Сопоставительный анализ полученного материала (как количественный, так и качественный) осуществляется с опорой на теорию культурных различий [Hofstede, 1984; 1991], межкультурную прагматику [Kecskes, 2014; Wierzbicka, 2003], теорию вежливости [Brown, Levinson, 1987; Leech, 2014; Watts, 2003] и этнокультурных стилей коммуникации [Ларина, 2007; 2009; Gudykunst, Ting-Toomey, 1990; House, 2006; Larina, 2015].

В статье представлены предварительные результаты нашего исследования, которые раскрывают существенные сходства и различия, а также современные тенденции в использовании ФО в BrE и IndE.

Результаты эксперимента

Выявленные в результате работы различия касались лексического наполнения ФО, частотности их употребления и прагматического значения. Эти результаты подтвердили наши предварительные наблюдения и выводы, сделанные в ранее проведенных исследованиях [Larina, Suryanarayan, 2013], а также позволили установить некоторые новые особенности.

В BrE номинативные ФО к незнакомому адресату имеют ограниченный характер. В нашем материале в среднем они были употреблены всего в 9 % случаев (табл. 1). Наиболее частотной оказалась инициальная формула привлечения внимания *Excuse me* ‘извините’. Она была использована в 77,6 % проанализированных реплик. В некоторых случаях (12,4 %) обращение начиналось с приветствия. Вариативность употребления номинативных ФО в рассмотренных ситуациях в BrE оказалась незначительной. Несколько чаще они употреблялись в адрес тех, кто старше: 12 % – к мужчинам, 10 % – к женщинам. По отношению к тем, кто одного возраста с адресантом и младше, ФО составили 8 и 6 % соответственно. При обращении к старшим в основном употреблялись ФО *sir / madam* (в скобках после реплики указывается пол и возраст респондента, а также (факультативно) возраст адресата):

(1) **Excuse me Sir!** Would you show me how to get to the bus stop, please. (ж. / 34);

(2) **Excuse me Madam,** could you show me the way to the bus station, please. (м. / 38).

Таблица 1

Частотность употребления номинативных ФО в адрес незнакомого человека носителями BrE, IndE и хинди, %

Ситуация обращения	BrE	IndE	Hindi
К мужчине старшего возраста	12	95	100
К женщине старшего возраста	10	95	100
К мужчине, равному по возрасту или младше	8	30	75
К женщине, равной по возрасту или младше	6	20	45
Всего (в среднем)	9	60	80

В адрес равного по возрасту и младше британские респонденты использовали неформальные обращения, однако в очень незначительном количестве: *buddy* (4 %), *mate* (4 %), *dear* (4 %), *luv (love)* (2 %):

(3) Hey, **buddy**, could you show me the way to the bus stop, please. (м. / 38);

(4) Hello **mate**! Could you help me, please? (м. / 58);

(5) Excuse me **dear**, could you show me the way to the bus stop, please. (ж. / 41);

(6) Excuse me, **luv**! Would you show me how to get to the bus stop? Please. (м. / 51).

Как видно из примеров (1–6), информанты употребляли ФО только в сочетании с формулой привлечения внимания или приветствия. Самостоятельно она нигде не использовалась как инициальная. Это свидетельствует о том, что прежде, чем обратиться с запросом информации или просьбой, коммуниканты – носители британской культуры, говорящие на BrE, – выбирают элементы фатической коммуникации, что позволяет сохранить некоторую дистанцию в общении.

В отличие от британских респондентов, представители индийской культуры, говорящие на английском языке (IndE), продемонстрировали явно выраженную тенденцию к употреблению номинативных ФО при обращении к незнакомым людям (в среднем – 60 % всех высказываний). При этом 95 % респондентов сочли необходимым их использование при обращении к старшим (как мужчинам, так и женщинам). Значительно реже они употреб-

лялись при обращении к тем, кто младше: 30 % – к мужчинам, 20 % – к женщинам.

В качестве особенности исследуемых ФО можно рассматривать их разнообразие, которое проявляется при употреблении как английских, так и заимствованных из языка хинди обращений. Характерным отличием от BrE стало использование при обращении к незнакомым адресатам терминов родства (в среднем – 52 %). При этом вариативность их употребления незначительная: 55 % – при обращении к старшим (мужчинам и женщинам в одинаковой пропорции), 50 % – к равным по возрасту или младше. Важно подчеркнуть, что это были как английские термины родства (*uncle, aunty*), так и заимствованные из хинди (*bhai* ‘брат’, *bhaiya* ‘старший брат’, *behen* ‘сестра’, *didi* ‘старшая сестра’ и др.) (табл. 2). В половине случаев к ним прибавлялась заимствованная из хинди частица *ji (jee)*, выражающая особую почтительность и уважение: *uncle ji, aunty ji, didi ji, behen ji* и т. д. К обращению *bhai* ‘брат’ добавлялось слово *sahib (saab, sahab, sahib)*, также имеющее значение почтительности: *bhai sahib, bhaisaab*:

(7) **Bhai saab**, is there a metro station nearby?

Уточним, что слово *sahib (saab, sahab)* сохранилось с колониальных времен, когда оно использовалось как уважительная ФО к белому человеку. В современном IndE, по нашим наблюдениям, его часто употребляют

Таблица 2

Номинативные ФО в адрес незнакомого человека, используемые носителями BrE, IndE и хинди

Ситуация	BrE		IndE		Hindi	
	%	ФО	%	ФО	%	ФО
К мужчине старшего возраста	12	<i>sir, mate</i>	95	<i>sir, uncle, uncle ji, bhaiya, bhai saab, bhaisahab</i>	100	<i>sir, uncle, uncle ji, bhaiya, bhaisahab, bhai ji, chacha ji, kaka ji, baaba ji, babu ji</i>
К женщине старшего возраста	10	<i>madam</i>	95	<i>madam, ma'am, old lady, aunty, aunty ji, mata ji, behen ji, didi, didi ji</i>	100	<i>madam, ma'am, aunty, aunty ji, behen ji, didi ji, bhabhi ji, mata ji, chachi ji</i>
К мужчине, равному по возрасту или младше	8	<i>mate</i>	30	<i>buddy, yaar, bhai, bhaisahab</i>	75	<i>buddy, babu, yaar, dost, uncle, uncle ji, bhai, bhaiya, bhaisahab</i>
К женщине, равной по возрасту или младше	6	<i>honey love</i>	20	<i>ma'am, miss, behen ji</i>	40	<i>ma'am, miss, behen ji</i>

со словом *bhai* ‘брат’. Кроме того, в нашем материале имеются случаи употребления этого слова в функции обращения в сочетании с названиями профессий: *doctor sahib*, *engineer sahib*.

Рассмотрим ФО в IndE в исследуемых нами ситуациях.

При обращении к старшему по возрасту мужчине, помимо *sir*, 55 % респондентов использовали термин *uncle*. Отметим, что данное обращение употребляли информанты в возрасте от 17 до 53 лет. Оно оказалось предпочтительным по отношению к тем, кто значительно старше по возрасту:

(8) **Uncle ji**, could you please tell me the time? (53-летний профессор университета – пожилому мужчине).

В случае менее существенной разницы в возрасте, как прокомментировали наши информанты, предпочтение отдается обращениям *bhaiya* ‘брат’, *bhai saab* или *bhaisahab* ‘уважаемый брат’:

(9) **Bhaiya**, what is the time please?

Сходная тенденция прослеживается и при обращении к старшей по возрасту женщине. Здесь использовались как *madam* (или *ma'am*), так и термин родства *aunty* (55 % обращений). Некоторые информанты отметили, что в зависимости от разницы в возрасте наряду с *aunty* они употребляют также термины *didi* ‘старшая сестра’ или *behen* ‘сестра’. В качестве единичных случаев встретились *mata ji* ‘уважаемая мама’ и *old lady*, указывающие на существенную разницу в возрасте. Данные факты свидетельствуют о том, что возраст в индийской культуре – это ценность, а его подчеркивание – проявление уважения. Как и в первой ситуации, половина респондентов, употребляющих термины родства, добавляли к ним уважительную частицу *ji* (*aunty ji*) или слово *sahib* (*saab*, *saha*):

(10) **Aunty ji**, could you tell me how to get to the metro station? (м. / 35 – к пожилой женщине);

(11) **Didi ji**, is there a market nearby for vegetables? (ж. / 50);

(12) **Bhaisahab**, is this bus going to the hospital? (м. / 30).

При обращении к тем, кто равен адресанту по возрасту или младше (ситуации III, IV), уменьшается как количество употреблений номинативных ФО в целом (хотя и незначительно), так и использование терминов родства. При обращении к мужчинам ФО применялись в 30 % случаев, к женщинам – в 20 %. Тем не менее половину из ФО (по 50 %) составили термины родства. В ситуации III это были *bhai* и *bhaisahab*, в ситуации VI – *behen ji*. Помимо терминов родства, при обращении к женщине употреблялись английские обращения *ma'am* и *miss*. При обращении к мужчине использовалось заимствованное из хинди слово *yaar* ‘друг’ и неформальное английское обращение *buddy*.

Как видно из примеров (10–12), в IndE обращение может выступать инициальной репликой, в отличие от BrE, где оно предваряется приветствием или формулой привлечения внимания *Excuse me*. При этом обращение с запросом информации или просьбой имеет прямой характер.

Результаты проведенного эксперимента продемонстрировали, что IndE находится под существенным влиянием языка и культуры хинди. В рассмотренных ситуациях оно проявилось как в частотности употребления номинативных ФО, так и в их наполняемости: половина обращений – это термины родства.

Кроме того, результаты показали обоюдное влияние языков (английского и хинди), а также значительное воздействие национальной культуры говорящих на их коммуникативное поведение независимо от того, на каком языке они говорят (см. табл. 1, 2). Двустороннее влияние проявляется в том, что не только ФО из языка хинди проникают в IndE, но и английские формы, как показал наш материал, также находят свое применение, когда собеседники говорят на хинди. При этом мы не утверждаем, что данное наблюдение имеет универсальный характер, поскольку, как уже отмечалось, информантами были представители среднего класса, проживающие в Дели. Очевидно, что в провинциальных городах и сельских районах влияние английского языка на хинди окажется менее выраженным, а возможно, и вовсе будет отсутствовать.

Что касается коммуникативных и функционально-прагматических особенностей,

выявленных в ходе сопоставительного анализа, то среди важнейших из них можно выделить следующие:

1) говоря на языке хинди, индийские билингвы используют ФО с большей регулярностью, чем при общении на IndE;

2) при общении на хинди во всех анализируемых ситуациях термины родства употребляются в качестве ФО чаще, чем в IndE;

3) используемые в обращении на хинди термины родства разнообразны, они выражают узкую семантику и указывают на различия в возрасте и линии родства;

4) говоря на хинди, коммуниканты демонстрируют, с одной стороны, тенденцию к установлению статусной асимметрии даже при общении с равными, а с другой – тенденцию к сближению.

Как показали результаты эксперимента, говоря на хинди при обращении к старшему, независимо от пола адресата, 100 % респондентов использовали номинативные ФО, большую часть которых (около 90 %) составили термины родства. К тем, что встречались в IndE (*bhaiya*, *bhaisahab*, *bhai ji* ‘старший брат, уважаемый брат’ и *didi ji*, *behen ji* ‘старшая сестра, уважаемая сестра’, *uncle*, *uncle ji*, *aunty*, *aunty ji*) прибавились: *babu ji* ‘уважаемый отец’, *baaba ji* ‘уважаемый дедушка’, *mata ji* ‘уважаемая мама’, *chacha ji*, *kaka ji* ‘уважаемый младший брат отца’, *chachi ji* ‘уважаемая жена папиного младшего брата’, *bhabi ji* ‘уважаемая жена брата’.

В обращениях к человеку, равному по возрасту или младше, адресант учитывает гендер адресата. Если при обращении к мужчине частотность номинативных ФО снизилась со 100 до 75 %, то к женщине она упала до 45 %. Возможно, это объясняется тем, что в ситуациях публичного общения к женщинам принято относиться с особым уважением и любой знак фамильярности может быть неверно истолкован. В пользу данного предположения свидетельствует и то, что ФО к незнакомым женщинам более формальны, чем к мужчинам. В нашем материале такие обращения представлены либо английскими *ma'am* и *miss*, либо словами из хинди *behen* ‘сестра’ с маркером вежливости *ji* – *behen ji* ‘уважаемая сестра’.

ФО в адрес незнакомых молодых мужчин оказались не только более частотными,

но и более разнообразными, чем обращения к молодым женщинам. Значительную часть (63 %) составили термины родства (как английские, так и хинди). Показательным является тот факт, что при обращении к ровеснику или мужчине младшего возраста, помимо *bhai*, *bhaiya* ‘брат’, *bhaisahab* ‘уважаемый брат’, были использованы термины родства, называющие родственников старшего поколения (*uncle ji* ‘уважаемый дядя’, *babu ji* ‘уважаемый отец’), что говорит о широкой семантике данного термина. Меньшей частотностью характеризуется обращение *yaar* ‘друг’, которое предпочли 33 % информантов. Неформальное английское обращение *buddy* встретилось всего 1 раз.

Анализ использования ФО на языке хинди позволяет более четко определить особенности культуры и культурных ценностей, которые влияют на коммуникативное поведение. Он свидетельствует о том, что в данном языке категории родства охватывают не только тех, кто связан семейными отношениями, но и более широкий круг людей или почти всех, с кем общается говорящий. Этот факт подтверждают данные словарей и работы других исследователей (см.: [Mehrotra, 1985, p. 43]). В «Longman-CIIL English-English-Hindi Dictionary» (URL: <https://www.abebooks.com/9788131731314/Longman-CIIL-English-English-Hindi-Dictionary-Central-Institute-8131731316/plp>) отмечаются широкие возможности использования терминов родства в адрес людей, не являющихся членами семьи:

– *bhai sahab* (or *sahib*), *bhaiya* – старший брат, старший брат друга, старший брат жены, каждый, кто старше по возрасту (*elder man of the society*);

– *didi* – старшая сестра, учительница, женщина старшего возраста (*elderly woman of the society*);

– *kkaaka* / *chahchaa* – младший брат отца (дядя), друг отца, отец друга, каждый, кто старше по возрасту (*elderly man of the society*);

– *kaakii* / *chaahchii* – жена папиного младшего брата (тетя), мать друга, жена папиного друга, женщина старшего возраста;

– *bhabi* – жена старшего брата, жена друга, пожилая замужняя женщина.

При употреблении указанных терминов в ситуации, не связанной с семейными отно-

шениями, к ним обязательно добавляется маркер вежливости *ji (jee): didi ji, kaka ji, chacha ji* и т. д.

Обсуждение результатов эксперимента

Результаты проведенного исследования продемонстрировали влияние социокультурного контекста на выбор и частотность употребления ФО даже в тех ситуациях, когда люди используют варианты одного и того же языка. При выборе ФО коммуниканты руководствуются своими культурными ценностями и нормами, пониманием вежливого поведения.

Для объяснения выявленных различий в употреблении ФО мы обратились к анализу социокультурного контекста, прежде всего – к социокультурной организации общества и культурным ценностям. Такие социальные параметры, как горизонтальная и вертикальная дистанции между адресатами, были успешно использованы Дж. Личем при описании прагматического выбора ФО [Leech, 1983, p. 126]. Для межкультурного исследования мы находим эти параметры чрезвычайно важными [Leech, Larina, 2014, p. 24–25], поскольку они являются основными характеристиками культуры [Hofstede, 1984; 1991].

При рассмотрении британской и индийской культур в соответствии с указанными параметрами обнаруживаются существенные различия. Британская культура является крайне индивидуалистической, или я-ориентированной [Ларина, Озюменко, 2016; Larina, Ozyumenko, Kurteš, 2017], для нее характерна значительная горизонтальная и незначительная вертикальная дистанции. Следовательно, основные культурные ценности, которыми британцы руководствуются как в жизни, так и в коммуникативном поведении, – это дистанция (горизонтальные отношения) и равенство (вертикальные отношения). Индийская культура, напротив, является коллективистской. Она характеризуется незначительной горизонтальной дистанцией, мы-ориентированностью, но при этом значительной вертикальной дистанцией. Следовательно, важнейшие ценности – близость отношений (горизонтальная шкала), но в то же время их иерархия, то есть уважение к статусу и почтение к старшим (вертикальная шкала).

Указанные культурные различия позволяют объяснить зафиксированные нами коммуникативные особенности. Поскольку номинативные ФО являются маркером близости, они в незначительной степени используются в британской культуре, где в основе вежливости лежит соблюдение дистанции в общении. При обращении к незнакомому человеку предпочтение отдается нулевой ФО и формуле привлечения внимания *Excuse me*. Представляется вполне логичным также, что в культуре, где ценится дистанция в общении и семья является нуклеарной, термины родства в коммуникативных ситуациях, не связанных с семейными отношениями, не используются. Такие лексические единицы, как *uncle, aunty, brother, sister* и др., обозначают только родственников, более того, даже в рамках семейной коммуникации их употребление становится все менее регулярным.

Важной культурной ценностью британцев является равенство, они воздерживаются от указания на асимметрию в отношениях, даже когда она присутствует, что становится все более заметным в последнее время. Наше исследование подтверждает тот факт, что использование формальных обращений *sir* и *madam* значительно сократилось [Смит, Ларина, 2003; Hinton, 2006], неформальность в общении допускается все чаще и не нарушает норм вежливости. Названные особенности формируют британский стиль коммуникации, который применительно к рассмотренной ситуации можно назвать «анонимным» или «анонимно-эгалитарным» [Larina, Suryanarayan, 2013].

Для представителей индийской культуры, напротив, важно выразить близость к собеседнику, но в то же время подчеркнуть его статус. С этой целью они приспособливают стиль коммуникации к своим коммуникативным потребностям. Поскольку английский язык не предоставляет носителям индийской культуры возможности для реализации в полной мере коммуникативных намерений, они активно прибегают к языку хинди, заимствуя из него необходимые ФО. Здесь мы видим яркий пример речевой аккомодации, когда индийские билингвы корректируют чужой им стиль речи, приспособливая его для выражения своих ценностей, отношений и намерений.

При этом они демонстрируют уникальную и чрезвычайно интересную особенность – в одном и том же контексте применяют две противоположные стратегии. Для того, чтобы показать близость, индийские билингвы широко используют как английские термины родства (*uncle* и *aunty*), так и единицы из языка хинди (*bhaiya*, *behen*, *didi* и др.). Употребляя эти слова, они реализуют стратегию сближения, вовлеченности, утверждая, что смотрят на собеседника как на члена семьи, то есть включают его в свой ближний круг. Здесь мы наблюдаем яркое проявление мы-идентичности представителей индийской культуры, демонстрацию позитивной вежливости [Brown, Levinson, 1987], или вежливости сближения [Ларина, 2009]. В то же время, добавляя к термину родства частицу *ji* или слово *sahib*, они выражают почтение к адресату и подчеркивают его статус: *uncle ji* ‘уважаемый дядя’, *didi ji* ‘уважаемая старшая сестра’. В силу данных особенностей мы идентифицируем индийский стиль коммуникации как иерархически-солидарный (*solidarity-hierarchical*) или интимно-иерархический (*kinship-hierarchical*) [Larina, Suryanarayan, 2013].

Заключение

В ходе исследования были проанализированы ФО к незнакомому адресату и их функционирование в коммуникации на британском и индийском вариантах английского языка. Полученные данные позволили выявить существенные различия и определить основные тенденции. Они показали, что в BrE номинативные ФО используются крайне редко, предпочтение отдается нулевой ФО и формуле привлечения внимания *Excuse me*. В IndE, напротив, номинативные ФО в адрес незнакомца являются конвенциональными, при этом значительное место среди них занимают термины родства (как английские, так и заимствованные из языка хинди). Приведенные факты подтверждают справедливость слов А. Вежбицкой о необходимости изучения терминов родства (несмотря на противоположное мнение антропологов, связанное с принадлежностью этой группы лексики к прошлому) для получения представления о том, как носители многих

языков понимают свой социальный мир [Wierzbicka, 2013, p. 303].

Результаты исследования подтвердили положение о том, что социокультурная реальность часто представлена в сознании людей в виде различных и не всегда совпадающих категорий, что влияет на коммуникативное поведение и предопределяет его. Используя термины родства при обращении к незнакомому человеку, представители индийской культуры выражают свои ценности – близость и в то же время почтение.

Наличие таких коммуникативных особенностей объясняется спецификой социокультурных контекстов, коммуникативных ценностей, различий в понимании вежливости и определяет вектор их влияния на британский и индийский стили коммуникации.

Представленные в статье существенные тенденции функционирования ФО в рассматриваемых вариантах английского языка могут быть уточнены при дальнейшем изучении ФО в аспекте социальных и гендерных факторов. Продолжение исследовательского проекта мы видим в расширении коммуникативных ситуаций и контекстов, а также анализе других вариантов английского языка.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

The study was carried out in the framework of “5-100” RUDN Program.

Некоторые результаты исследования были представлены на конференции *Languages, Nations, Cultures Pluricentric Languages in Context(s)* (LNC 2019), Stockholm University, 22–24 May, 2019 и частично опубликованы в [Larina, Suryanarayan, 2013].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Водак Р., 2006. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Политическая лингвистика. Вып. 19. С. 107–116. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11671164_70394265.pdf.
- Карасик В. И., 2016. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 20, № 4. С. 56–77. DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77.

- Кечкеш И., 2014. Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. № 1. С. 7–18.
- Которова Е. Г., 2018. Анализ терминов родства с помощью Естественного Семантического Метаязыка: подход Анны Вежбицкой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 22, № 3. С. 701–710. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-701-710.
- Ларина Т. В., 2007. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 66, № 3. С. 3–17.
- Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки слав. культур. 512 с.
- Ларина Т. В., Озюменко В. И., 2016. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // Cuadernos de Rusística Española. Vol. 12. P. 57–68.
- Смит С., Ларина Т. В., 2003. Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской) // Русистика. № 1. С. 79–91.
- Фирсова Н. М., 2013. Испанский речевой этикет. М.: Либроком. 208 с.
- Формановская Н. И., 1989. Речевой этикет и культура общения. М.: Высш. шк. 159 с.
- Afful J. B. A., 2006. Address Terms among University Students in Ghana: A Case Study // Language and Intercultural Communication. Vol. 6, iss. 1. P. 76–91.
- Aliakbari M., Arman T., 2008. The Realization of Address Terms in Modern Persian in Iran: A Sociolinguistic Study // Linguistik Online. Vol. 35, iss. 3. P. 3–12.
- Anchimbe E. A., 2011. On Not Calling People by Their Names: Pragmatic Undertones of Sociocultural Relationships in a Postcolony // Journal of Pragmatics. Vol. 43, iss. 6. P. 1472–1483.
- Braun F., 1988. Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures. Berlin: Mouton de Gruyter. 374 p.
- Brown P., Levinson S. D., 1987. Politeness: Some Universals in Language Usage. 17th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 358 p.
- Carreira M. H. A., 2005. Politeness in Portugal: How to Address Others // Politeness in Europe / L. Hickey, M. Stewart (eds.). P. 306–316. (Multilingual Matters).
- Chesnokova O., 1996. Dialogic Motivation of Spanish Forms of Address // Dialoganalyse VI. Referate der 6. Arbeitstangung. Teil 1. Prag: Max Niemeyer Verlag Tübingen. P. 487–491.
- Clyne M., 2009. Address in Intercultural Communication Across Languages // Intercultural Pragmatics. Vol. 6, iss. 3. P. 395–409.
- Clyne M., Norrby C., Warren J., 2009. Language and Human Relations: Style of Address in Contemporary Language. Cambridge: Cambridge University Press. 196 p.
- Fitch K. L., 1998. Speaking Relationally: Culture, Communication, and Interpersonal Connection. N.Y.: The Guilford Press. 239 p.
- Gudykunst W., Ting-Toomey S., 1990. Culture and Interpersonal Communication. Thousand Oaks: Sage Publications. 248 p.
- Hinton S., 2006. Call Me Madam or the Lost Key Word // English Today. Vol. 22, iss. 2 (86). P. 45–46.
- Hofstede G. H., 1984. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage Publications. 327 p.
- Hofstede G. H., 1991. Cultures and Organizations: Software of the mind. L.; N.Y.: McGraw-Hill. 306 p.
- House J., 2006. Communicative styles in English and German // European Journal of English Studies. Vol. 10, iss. 3. P. 249–267.
- Hughson J., 2009. Diversity and Changing Values in Address: Spanish Address Pronoun Usage in an Intercultural Immigrant Context. Frankfurt a/M: Peter Lang. 324 p.
- Kecskes I., 2014. Intercultural Pragmatics. Oxford: Oxford University Press. 277 p.
- Khalil A., Larina T., Suryanarayan N., 2018. Sociocultural Competence in Understanding Forms of Address: Case Study of Kinship Terms in Different Cultural Contexts // EDULEARN18 Proceedings: 10th International Conference on Education and New Learning Technologies (Palma, Spain, 2–4 July, 2018). P. 3038–3045. DOI: 10.21125/edulearn.2018.0799.
- Larina T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics. Vol. 7, iss. 2. P. 195–215. DOI: 10.1163/18773109-00702003.
- Larina T., Khalil A., 2018. Arabic Forms of Address: Sociolinguistic Overview // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. XXXIX – WUT 2018: Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects. P. 229–309. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.44>.
- Larina T., Ozyumenko V., Kurteš S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse: Anglo-Slavonic Perspectives // Lodz Papers in Pragmatics. Vol. 13, iss. 1. P. 109–128.
- Larina T., Suryanarayan N., 2013. *Madam or Aunty ji: Address Forms in British and Indian English as*

- a Reflection of Culture and Cognition // Variation in Language and Language Use: Linguistic, Socio-Cultural and Cognitive Perspectives / M. Reif, J. A. Robinson, M. Pütz (eds.). Frankfurt a/M : Peter Lang. P. 190–217.
- Leech G., 1983. Principles of Pragmatics. L. : Longman. 250 p.
- Leech G., 2014. The Pragmatics of Politeness. Oxford : Oxford University Press. 343 p.
- Leech G., Larina T., 2014. Politeness: West and East // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. № 4. P. 9-34.
- Mehrotra R. R., 1985. Sociolinguistics in Hindi context. New Delhi : Oxford and IBH Publishing Company. P. 39–79.
- Oyetade S. O., 1995. A Sociolinguistic Analysis of Address Forms in Yoruba // Language in Society. № 24. P. 515–535.
- Watts R., 2003. Politeness. Oxford : Oxford University Press. 304 p.
- Wierzbicka A., 2003. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. 2nd ed. Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter. 502 p.
- Wierzbicka A., 2013. Kinship and Social Cognition in Australian Languages: Kayardild and Pitjantjatjara // Australian Journal of Linguistics. Vol. 33, iss. 3. P. 302–321. DOI: 10.1080/07268602.2013.846458.
- Wierzbicka A., 2016. Back to ‘Mother’ and ‘Father’ Overcoming the Eurocentrism of Kinship Studies through Eight Lexical Universals // Current Anthropology. Vol. 57, no. 4. P. 408–429.
- Wong J., 2006. Contextualizing *Aunty* in Singaporean English // World Englishes. Vol. 25, iss. 3/4. P. 451–466.
- Yuryeva J., Rudakova E., Larina T., 2018. Sociolinguistic and Sociocultural Features of Language Use: Forms of Address in British English and Spanish // EDULEARN18 Proceedings : 10th International Conference on Education and New Learning Technologies (Palma, Spain, 2–4 July, 2018). P. 3046–3052. DOI: 10.21125/edulearn.2018.0800.
- Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 56-77. DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77.
- Kecskes I., 2014. Slovo, kontekst i kommunikativnoe znachenie [Word, Context and Communicative Meaning]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no. 1, pp. 7-18.
- Kotorova E.G., 2018. Analiz terminov rodstva s pomoshchyu Estestvennogo Semanticheskogo Metazyzyka: podkhod Anny Vezhbitskoy [Analysis of Kinship Terms Using Natural Semantic Metalanguage: Anna Wierzbicka’s Approach]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 22, no. 3, pp. 701-710. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-701-710.
- Larina T.V., 2007. Etnostilistika v ee kommunikativnom aspekte [Ethnostylistics in Its Communicative Aspect]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Language and Literature], vol. 66, no. 3, pp. 3-17.
- Larina T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural Traditions]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 512 p.
- Larina T.V., Ozyumenko V., 2016. Etnicheskaya identichnost i ee proyavlenie v yazyke i kommunikatsii [Ethnic Identity in Language and Communication]. *Cuadernos de Rusística Española*, vol. 12, pp. 57-68.
- Smit S., Larina T.V., 2003. Obrashchenie v angliyskoy kommunikativnoy kulture (v sopostavlenii s russkoy) [The Reference in the English Communicative Culture (In Comparison with Russian)]. *Rusistika* [Russian Language Studies], no. 1, pp. 79-91.
- Firsova N.M., 2013. *Ispanskiy rechevoy etiket* [Spanish Speech Etiquette]. Moscow, Librokom Publ. 208 p.
- Formanovskaya N.I., 1989. *Rechevoy etiket i kultura obshcheniya* [Speech Etiquette and Communication Culture]. Moscow, Vysshaya shkola. 159 p.
- Afful J.B.A., 2006. Address Terms Among University Students in Ghana: A Case Study. *Language and Intercultural Communication*, vol. 6, iss. 1, pp. 76-91.
- Aliakbari M., Arman T., 2008. The Realization of Address Terms in Modern Persian in Iran:

REFERENCES

Vodak R., 2006. Vzaimosvyaz «diskurs – obshchestvo»: kognitivnyy podkhod k kriticheskomu diskurs-analizu [Mediation Between Discourse and Society: Assessing Cognitive Approaches in CDA]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], iss. 19, pp. 107-116. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11671164_70394265.pdf

Karasik V.I., 2016. Diskursivnoe proyavlenie lichnosti [Discourse Manifestation of Personality].

- a Sociolinguistic Study. *Linguistik Online*, Vol. 35, iss. 3, pp. 3-12.
- Anchimbe E.A., 2011. On Not Calling People by Their Names: Pragmatic Undertones of Sociocultural Relationships in a Postcolony. *Journal of Pragmatics*, vol. 43, iss. 6, pp. 1472-1483.
- Braun F., 1998. *Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures*. Berlin, Mouton de Gruyter. 374 p.
- Brown P., Levinson S.D., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 358 p.
- Carreira M.H.A., 2005. Politeness in Portugal: How to Address Others. Hickey L., Stewart M., eds. *Politeness in Europe*, pp. 306-316. (Multilingual Matters).
- Chesnokova O., 1996. Dialogic Motivation of Spanish Forms of Address. *Dialoganalyse VI. Referate der 6. Arbeitstagung*. Teil 1. Prag, Max Niemeyer Verlag Tübingen, pp. 487-491.
- Clyne M., 2009. Address in Intercultural Communication Across Languages. *Intercultural Pragmatics*, vol. 6, iss. 3, pp. 395-409.
- Clyne M., Norrby C., Warren, J., 2009. *Language and Human Relations: Style of Address in Contemporary Language*. Cambridge, Cambridge University Press. 196 p.
- Fitch K.L., 1998. *Speaking Relationally: Culture, Communication, and Interpersonal Connection*. New York, The Guilford Press. 239 p.
- Gudykunst W., Ting-Toomey S., 1990. Culture and Interpersonal Communication. *Sage Series in Interpersonal Communication*. Thousand Oaks, Sage Publications. 248 p.
- Hinton S., 2006. Call me Madam or the Lost Key Word. *English Today*, vol. 22, iss. 2 (86), pp. 45-46.
- Hofstede G.H., 1984. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA, Sage Publications. 327 p.
- Hofstede G.H., 1991. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London, New York, McGraw-Hill. 306 p.
- House J., 2006. Communicative Styles in English and German. *European Journal of English Studies*, vol. 10, iss. 3, pp. 249-267.
- Hughson J., 2009. *Diversity and Changing Values in Address: Spanish Address Pronoun Usage in an Intercultural Immigrant Context*. Frankfurt am Mein, Peter Lang. 324 p.
- Kecskes I., 2014. *Intercultural Pragmatics*. Oxford, Oxford University Press. 277p.
- Khalil A., Larina T., Suryanarayan N., 2018. Sociocultural Competence in Understanding Forms of Address: Case Study of Kinship Terms in Different Cultural Contexts. *EDULEARN18 Proceedings : 10th International Conference on Education and New Learning Technologies (Palma, Spain, 2-4 July, 2018)*, pp. 3038-3045. DOI: 10.21125/edulearn.2018.0799.
- Larina T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, vol. 7, iss. 2, pp. 195-215. DOI: 10.1163/18773109-00702003.
- Larina T., Khalil A., 2018. Arabic Forms of Address: Sociolinguistic Overview. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. XXXIX - WUT 2018: Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects*, pp. 229-309. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.44>.
- Larina T., Ozyumenko V., Kurteš S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse: Anglo-Slavonic Perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, vol. 13, iss. 1, pp. 109-128.
- Larina T., Suryanarayan N., 2013. Madam or Auntji: Address Forms in British and Indian English as a Reflection of Culture and Cognition. Reif M., Robinson J.A., Pütz M., eds. *Variation in Language and Language Use: Linguistic, Socio-Cultural and Cognitive Perspectives Series*. Frankfurt am Mein, Peter Lang, pp. 190-217.
- Leech G. 1983. *Principles of Pragmatics*. London, Longman. 250 p.
- Leech G., 2014. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford, Oxford University Press. 343 p.
- Leech G., Larina T., 2014. Politeness: West and East. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no. 4, pp. 9-34.
- Mehrotra R.R., 1985. *Sociolinguistics in Hindi Context*. New Delhi, Oxford and IBH Publishing Company, pp. 39-79.
- Oyetade S.O., 1995. A Sociolinguistic Analysis of Address Forms in Yoruba. *Language in Society*, no. 24, pp. 515-535.
- Watts R., 2003. *Politeness*. Oxford, Oxford University Press. 304 p.
- Wierzbicka A., 2003. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter. 502 p.
- Wierzbicka A., 2013. Kinship and Social Cognition in Australian Languages: Kayardild and Pitjantjatjara. *Australian Journal of Linguistics*, vol. 33, no. 3, 2013, pp. 302-321. DOI: 10.1080/07268602.2013.846458.
- Wierzbicka A., 2016. Back to 'Mother' and 'Father' Overcoming the Eurocentrism of Kinship Studies through Eight Lexical Universals. *Current Anthropology*, vol. 57, no. 4, pp. 408-429.

Wong J., 2006. Contextualizing Aunty in Singaporean English. *World Englishes*, vol. 25, iss. 3/4, pp. 451-466.

Yuryeva J., Rudakova E., Larina T., 2018. Sociolinguistic and Sociocultural Features of Language Use: Forms of Address in British

English and Spanish. *EDULEARN18 Proceedings: 10th International Conference on Education and New Learning Technologies (Palma, Spain, 2-4 July, 2018)*, pp. 3046-3052. DOI: 10.21125/edulearn.2018.0800.

Information about the Authors

Tatiana V. Larina, Doctor, Professor, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 10/2, 117198 Moscow, Russia, larina-tv@rudn.university, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Neelakshi Suryanarayan, PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Slavic and Finno-Ugorean Languages, University of Delhi, 110007 Delhi, India, neelakshi55@yahoo.co.in, <https://orcid.org/0000-0002-6657-2533>

Yuliya B. Yuryeva, Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 10/2, 117198 Moscow, Russia, yurevayb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7366-6669>

Информация об авторах

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, 117198 г. Москва, Россия, larina-tv@rudn.university, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Нилакши Сурьянараян, PhD, профессор, заведующая кафедрой славянских и финно-угорских языков, Делийский университет, 110007 г. Дели, Индия, neelakshi55@yahoo.co.in, <https://orcid.org/0000-0002-6657-2533>

Юлия Борисовна Юрьева, аспирант кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, 117198 г. Москва, Россия, yurevayb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7366-6669>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4>

UDC 81'0:001.891.5
LBC 81.006

Submitted: 29.03.2019
Accepted: 02.09.2019

EXPERIMENT AS AN INTEGRAL PART OF THE METHODOLOGY OF COMPARATIVE RESEARCH

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The author offers an associative experiment as an effective means for identifying the psychologically relevant content of the word and its specificity in various languages. The comparative study of lexical units is usually based on explanatory dictionaries, which cannot fix the dynamics of language units connected to the oral activity of individuals. The author theoretically justifies the identification of a set of features of association, which make it possible to effectively compare the structure and content of associative fields of different words and languages. It is highlighted in the article that it is important to interpret the relation between stimulus and reaction, rather than the content of a particular associate. It allows us to offer fundamentally different parameters for creating associative fields of compared languages. The field is based now only on frequency of associates. The “stimulus – reaction” relation that is regarded as a verbal action makes it possible to actualize the motive of the verbal action in the semantics of associates. This allows us to clarify methods of identifying the personal meaning represented by the associate and to find out dominant features of the association that may become the basis for determining the semantic difference between meanings. The author sets parameters by which one can estimate how the meaning of a word of the compared languages changes. The parameters help to define: a decrease in the number of actualized semantic signs in different zones of the associative field; reduction of the diversity of reactions and the number of single reactions in the associative fields; the prevalence of the number of conceptual and operational reactions over emotionally evaluative reactions and reactions-conceptions; a decrease in the number of metaphorical and nationally specific or culturally significant reactions; changing of the positive connotation of a lexeme to neutral and negative; the number of rejections (in percentage correlation with the total set of associates).

Key words: methodology, experiment, speech action, associate, stimulus, associative field, meaning, semantics.

Citation. Pishchalnikova V.A. Experiment as an Integral Part of the Methodology of Comparative Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 52-63. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4>

УДК 81'0:001.891.5
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 29.03.2019
Дата принятия статьи: 02.09.2019

ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МЕТОДОЛОГИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вера Анатольевна Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье показана эффективность использования эксперимента для выявления психологически актуального содержания слова и его специфики в различных языках в противоположность традиционным сопоставительным исследованиям лексических единиц, опирающимся на толковые словари, которые не могут зафиксировать динамику языковых единиц, связанную с речевой деятельностью индивидов. Теоретически обосновано установление совокупности признаков ассоциирования, позволяющих эффективно сопоставлять структуру и содержание ассоциативных полей разных слов и языков. Аргументирована важность интерпретации отношения «стимул – реакция», а не конкретного содержания ассоциата, что дает возможность предложить принципиально иные параметры моделирования ас-

социативного поля в сравниваемых языках, строящегося в современной лингвистике только на частотности ассоциатов. Отмечено, что это соотношение, рассматриваемое как речевое действие, позволяет актуализировать в семантике ассоциатов мотив речевого действия, уточнить приемы обнаружения личностного смысла, представленного ассоциатом, и выявить доминантные признаки ассоциирования, которые могут стать основанием для определения семантической разницы сопоставляемых значений. Выделены параметры, позволяющие установить изменение значения слова в сравниваемых языках: уменьшение количества актуализируемых смысловых признаков в разных зонах ассоциативного поля; снижение степени разнообразия реакций и количества единичных реакций в составе ассоциативных полей; преобладание количества понятийных и операциональных реакций над эмоционально-оценочными и реакциями-представлениями; уменьшение количества метафорических национально-специфических или культурно значимых реакций; смена положительной коннотации лексемы на нейтральную и отрицательную; число отказов от ассоциирования (в процентном соотношении со всей совокупностью ассоциатов).

Ключевые слова: методология, эксперимент, речевое действие, ассоциат, стимул, ассоциативное поле, смысл, семантика.

Цитирование. Пищальникова В. А. Эксперимент как составная часть методологии сопоставительных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 52–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4>

Введение

Культурная асимметрия определяется совокупностью взаимосвязанных культурно-исторических факторов: системой ценностей общества, спецификой его социокультурной организации, религиозными взглядами и личностными потребностями носителей лингвокультуры, намерениями и целями индивидов, что в целом специфически отражается в структуре и содержании ассоциативно-вербальной сети. Поэтому психолингвистическое исследование вербальных ассоциаций, способных верифицировать философские и социологические построения, в современной науке приобретает все большую актуальность. Особое место занимает экспериментальное изучение базовых ценностей общества, выполняющих для индивида и социума ориентирующую, нормативную и интерпретативную функции: человек воспринимает базовые ценности как свои личные предпочтения, определяющие его отношение к действительности, самому себе и в целом смысл человеческого бытия. Философы и социологи рубежа XIX–XX вв. теоретически рассматривали зависимость системы ценностей от специфики культуры, функции ценностей и их роль в жизни индивида и социума, соотношение факта и ценности, касались проблемы динамичности ценностей и условий их кризиса и смены и т. д. При этом существенные свойства ценности как научного концеп-

та представлялись по-разному: от отождествления с новой идеей до понимания ценности как культурно-исторического стереотипа, в том числе поведенческого, детерминирующего повседневное функционирование человека и общества, в частности, мотивы индивидуальных или коллективных действий. Вне определенной исторически сложившейся системы ценностей общество существовать не может, хотя в каждой системе имеется специфическое соотношение универсальных и национально обусловленных ценностей, разное их количество и степень проявления, неодинаковый характер взаимодействия с другими, иные ценностные доминанты. Складываются системы ценностей только в результате аксиологической деятельности человека, представляющей собой обязательный, скрытый или эксплицированный момент его бытия, так или иначе фиксированный в ассоциативно-вербальной сети.

С расширением межкультурных контактов в современном мире асимметрия ценностных систем все более препятствует эффективной коммуникации, и потому необходимо детальное изучение культурных ценностей, казалось бы, вполне соотносимых по содержанию, но на деле оказывающихся включенными в разные структуры и регулирующие разные социальные и культурные процессы.

Все сказанное требует выявления психологически актуальных смыслов, соотноси-

мых индивидами с теми или иными социально одобряемыми ценностями, а значит, поиска методик сбора и анализа языковых данных, в том числе и экспериментальных, способных обнаружить автоматизированные речевые операции и эффективно исследовать структуру речевого действия. В этом смысле результативным может стать свободный ассоциативный эксперимент при условии интерпретации отношения «стимул – реакция», адекватной общей теории деятельности [Леонтьев, 2004] и теории речевой деятельности [Леонтьев, 1969].

Кроме того, как упоминалось ранее, экспериментальная проверка различных гипотез и выводов, касающихся проявлений асимметричности культур, осуществляется недостаточно, в том числе и при сопоставлении значений лексических единиц, поскольку оно чаще опирается на лексикографические источники, которые, что вполне естественно, не могут зафиксировать динамику единиц языка, связанную с «языковыми вмешательствами» [Гумбольдт, 1984, с. 318] индивида в действительность. Между тем экспериментальное обнаружение психологически актуального содержания, стоящего за сопоставляемыми словами, может помочь решению этой задачи, важной как самой по себе, так и в связи с определением национальной специфики картин мира носителей разных лингвокультур, поскольку значение слова фиксирует «ставшее достоянием моего сознания... обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже умения как “обобщенного образа действия”, “нормы поведения” и т. п.» [Леонтьев, 2004, с. 242]. Свободный ассоциативный эксперимент, в котором носители языка реагируют на словостимул, не обдумывая его, обнаруживая актуальный для них смысл стимула в данных условиях ассоциирования, осуществляя в речевом действии акт предикации, предоставляет исследователю все перечисленные выше вербализованные формы существования опыта.

В психолингвистике теоретически обосновано и экспериментально верифицировано представление о том, что явления действи-

тельности, воспринимаемые человеком в структуре его деятельности и общения, отображаются в сознании в виде причинных, временных, пространственных и других связей явлений и эмоций, фиксирующихся в ассоциативно-вербальной сети [Караулов, 1999]. Поэтому ассоциативное поле слова (далее – АП) специфически отражает стоящее за ним содержание: знания, вербализованные и невербальные, универсальные и национально специфичные, а также ментальные «правила» оперирования ими.

Характер актуальных реакций на словостимулы позволяет моделировать содержание слова на материале, обладающем психической значимостью для индивидов, а не только на основе лексикографических источников, содержащих лексические инварианты.

При этом методологически важно представить объект, в котором совмещаются социальные, психологические и иные аспекты коммуникации. Таковым является речевое действие, специфика которого определяется в отношении «стимул – реакция». Это отношение устанавливается в свободном ассоциативном эксперименте, максимально приближенном к условиям стихийной речевой деятельности [Леонтьев, 1969].

В данной статье теоретически обосновывается методология анализа ассоциативного поля по совокупности признаков ассоциирования, которые позволяют эффективно сопоставлять фрагменты картин мира носителей разных языков. Интерпретация отношения «стимул – реакция», а не конкретного содержания ассоциата, позволяет предложить принципиально иные параметры моделирования АП в сопоставляемых языках, которое сейчас строится, как правило, только на частотности ассоциатов [Васильева, 2017]. Специфика характера предикации между стимулом и реакцией проявляется в признаке ассоциирования. По сути, определение такого параметра и есть установление специфики речевого действия. Признак ассоциирования, повторяющийся в разных зонах АП, позволяет обнаружить с достаточной высокой степенью точности мотив речевого действия и может стать основанием для установления семантической разницы сопоставляемых значений.

Методология экспериментального исследования

Известно, что ядро АП вербального стимула фиксирует, как правило, стереотипное использование лексемы в типичных коммуникативных ситуациях (наиболее частотную их сочетаемость) [Караулов, 2000]. Ядра ассоциативных полей соотносимых слов разных языков могут внешне совпадать / не совпадать по количеству выделенных в них смысловых признаков, а также существенно различаться по их содержанию и иерархии компонентов. В ближней и дальней периферии АП концентрируются реакции, эксплицирующие личностные смыслы, которые отражают разную степень отхождения от типичного словоупотребления в связи с мотивом конкретного речевого акта, что дает достоверный материал и для анализа семантических изменений слова. Вместе с тем ассоциаты периферийных зон поля могут, хотя и в разной мере, представлять смысловые признаки ядра (подробно см.: [Пищальникова и др., 2019]). При этом именно эксперимент способен выявить характер и разную «скорость» динамики ассоциативных полей сопоставляемых слов.

Гипотеза исследования

Снижение числа актуализируемых признаков ассоциирования в разных (часто во всех) зонах АП определяет его специфику и характер динамики значения слова-стимула. Как правило, этот процесс сопровождается: снижением коэффициента разнообразия реакций и количества единичных реакций; количественным преобладанием понятийных и операциональных реакций над эмоционально-оценочными и реакциями-представлениями в результате ослабления индивидуальных ассоциативных связей со словом; уменьшением количества метафорических и национально-специфичных или культурно значимых реакций на слово; изменением положительной коннотации лексемы на нейтральную или отрицательную; возрастанием числа отказов от ассоциирования, поскольку слово практически перестает использоваться в актуальной речевой деятельности и утрачивает ранее характерные для него ассоциативные связи.

Анализ результатов эксперимента

Характеристика ассоциативного поля «вежливый»

Аргументируем сформулированную гипотезу экспериментальным исследованием синонимического ряда с доминантой *вежливый*, некоторые компоненты которого, традиционно относимые лексикографической практикой к синонимам, психологически актуальной для носителей языка таковыми не являются [Пищальникова, Яо, 2019]. Ограниченные рамки статьи не позволяют представить анализ всех компонентов синонимического ряда, поэтому мы акцентируем самые показательные процессы в его динамике. При этом цель исследования – показать методику анализа АП, позволяющую устанавливать такие процессы и определять специфические параметры для его моделирования.

Наш эксперимент был направлен на решение нескольких задач: установить актуальное психологическое содержание, связываемое исследуемой группой носителей современного русского языка с лексемой *вежливый*; выявить возможную динамику ее содержания; показать наличие соответствий / несоответствий структуры ассоциативных полей соотносимых слов при изучении разных языков (русского и китайского).

В эксперименте принимала участие 1 000 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет (критерии их отбора составлены по Российскому ассоциативному словарю (РАС)). Экспериментальная анкета (в разных вариациях) включала 12 слов-стимулов: *вежливый* и его синонимы *учтивый*, *корректный*, *предупредительный*, *обходительный*, *любезный*, *деликатный*, *услужливый*, *отзывчивый*, *тактичный*, *куртуазный*, *галантный*, отобранных на основе лексикографических данных и обратного эксперимента на слово *вежливый*. Из всего массива полученных анкет приемом случайных чисел для детального анализа было отобрано 120.

Условия проведения эксперимента стандартные: при предъявлении анкеты, в которой необходимые для анализа слова-стимулы перемежались словами-дистракторами, было предложено отреагировать «первым пришед-

шим в голову словом», то есть не обдумывая стимул, в ограниченное экспериментатором время.

В состав АП лексики *вежливый* вошли следующие реакции: *человек 24, воспитанный 14, добрый 6, обходительный 4, учтивый 4, ответ 3, хороший 3, воспитание 2, галантный 2, интеллигент 2, приятный 2, ребенок 2, солдат 2, аргумент, благодарный, вежливые люди, вопрос, воспитанность, внимательный, галстук, гость, гражданин, грубый, джентльмен, добродушный, добр в общении, друг, здравствуйте, интеллигентный, лось, любезный, люди, милый, мужчина, начальник курса, незнакомый, общительный, опрятный, поступок, преподаватель, приветливый, приличный, пример, салфетка, сильный, симпатия, сотрудник, старый, странный, сын, тактичность, толерантный, тон, улыбка, уступчивый, ученик, цветы* (120/57/6/44 – общее количество реакций / количество разных реакций / количество отказов испытуемых от ассоциирования / количество единичных реакций).

В ядро поля условно включаем ассоциаты с частотностью не ниже 4: *человек 24, воспитанный 14, добрый 6, обходительный 4, учтивый 4*, в ближнюю периферию – *ответ 3, хороший 3, воспитание 2, галантный 2, интеллигент 2, приятный 2, ребенок 2, солдат 2, аргумент*, все остальные реакции относятся к дальней периферии. Следует отметить, что существуют разные точки зрения на формирование зон АП. Так, многие исследователи не разграничивают ближнюю и дальнюю периферию поля, а выделяют ядро, куда включаются все неединичные реакции, и периферию, состоящую из единичных реакций (см., например: [Баландина, 2019]). Такая точка зрения логична, если ассоциаты интерпретируются вне предикативной связи со стимулом, а только на основе словарей. Однако если, вслед за А.А. Леонтьевым, рассматривать соотношение «стимул – реакция» как речевое действие, направленное на реализацию личностного смысла (а именно он интересует психолингвиста прежде всего) в ядро поля следует поместить именно единичные реакции, а частотные реакции, как правило перациональные, реализуют устойчивое психологическое значение, «замыкают» границы АП сло-

ва. Обоснование такой модели – предмет особого разговора, и в рамках данной статьи мы лишь обозначим проблему, используя традиционный признак выделения ядра АП – частотность реакций, с тем чтобы акцентировать только доказательство заявленной гипотезы.

Наибольшее количество ассоциатов представлено операциональной (неосознаваемо воспроизводимой) реакцией *человек*, что позволяет выделить в ядре поля операциональный параметр (признак) ‘носитель качества’, отражающий стереотипное представление о человеке как носителе качества ‘вежливый’.

Кроме того, в ядре ассоциативного поля актуализируются признаки ‘соблюдение приличий’, ‘положительное отношение к личности другого человека’. Процентное соотношение ассоциатов, актуализирующих выделенные признаки, таково: 54,55 : 31,81 : 13,64. В центре ядра АП находится ассоциат, свидетельствующий о неосознаваемой актуализации лексики, не представляющей личностного содержания, но актуализирующий стереотип. Коэффициент разнообразия реакций – 0,6, что также свидетельствует о значительной степени стереотипности ассоциатов носителей русского языка.

Почти для трети респондентов *вежливый* и *вежливость* не обязательно связываются с этикетом: признак ‘соблюдение приличий’ (этикет) реализуется у русских лишь в 31,81 % реакций. Не отражена в ядре АП русских и иерархичность в реализации вежливого поведения.

Все отмеченные ядерные признаки представлены и ассоциатами ближней периферии *обходительный 4, учтивый 4, ответ 3, хороший 3, воспитание 2, галантный 2, интеллигент 2, приятный 2, ребенок 2, солдат 2*. Признак ‘соблюдение приличий’ реализуется в 57,7 % реакций, ‘носитель качества’ – в 23,1 %, ‘положительное отношение к личности другого человека’ – 19,2 %. Коэффициенты разнообразия ассоциатов в этой части – 0,38.

В дальней периферии ядерные признаки АП также представлены: ‘носитель качества’ – *вежливые люди, гость, гражданин, джентльмен, друг, люди, мужчина, начальник курса, незнакомый, преподаватель, сотрудник, старый, сын, ученик* (выделены ре-

акции, которые могут быть истолкованы неоднозначно); ‘соблюдение приличий’ – *благодарный, внимательный, воспитанность, интеллигентный, любезный, приветливый, приличный, тактичность, толерантный, уступчивый*; ‘положительное отношение к личности другого человека’ – *добродушный, добр в общении, симпатия*.

Вместе с тем в дальней периферии состав признаков, отчасти повторяясь, закономерно расширяется: ‘средство проявления приличия’ – *аргумент, вопрос, галстук, здравствуйте, опрятный, поступок, пример, салфетка, тон, улыбка, цветы*; характер проявления вежливости – *общительный*; ‘антонимическое противопоставление слову-стимулу’ – *грубый*; ‘эмоциональное отношение к носителю признака, представленного словом-стимулом’ – *странный, лось, сильный*. Такие признаки говорят о том, что для носителей русского языка важны внешние показатели вежливости, что косвенно свидетельствует о формальном характере базовой ценности «вежливость».

Основной признак ассоциирования, выделяемый в ядре АП стимула *礼貌的* / вежливый – ‘носитель качества’: *孩子* / ребенок 32, *学生* / учащийся (ученик и студент) 27, *我* / я 17, *人* / человек 12, *同学* / одноклассник 9 (~ 54,3 % реакций). При этом два ассоциата – *礼节* / этикет, *问候* / приветствия – интерпретируют понятийное значение слова и представляют признак ‘этикет’, что связано с устойчивыми традициями реализации вежливости как ритуала. В ядерных ассоциатах представлен и признак ‘иерархичность в реализации вежливого поведения’: самым вежливым должен быть *孩子* / ребенок как младший по возрасту, далее – *学生* / учащийся (ученик и студент) как человек, всегда занимающий подчиненную ступень в социальной иерархии и *我* / я как индивидуальное приятие необходимости быть вежливым. *同学* / одноклассник, одноклассник демонстрирует актуальность категории лица в китайской культуре: равные по статусу люди, как и другие, должны быть вежливыми по отношению друг к другу. *人* / человек – операциональная реакция, указывающая на абстрактного носителя морально-этической категории. Выделенные признаки в полной мере соответствуют традиционным представлениям

китайцев о вежливости как необходимой коммуникативной составляющей, реализующейся в определенных ритуалах.

В ближнюю периферию вошло 25 различных ассоциатов с разной частотностью (29,04 % от общего количества реакций). В этой группе выделяются следующие смысловые признаки, актуальные для респондентов: ‘носитель качества’ – *朋友* / друг, *女孩子* / девушка, *绅士* / чиновник в отставке или крупный землевладелец, имеющий хорошее образование, *我们* / мы, *狗* / собака, *弟弟* / младший брат 2, *中国人* / китаец 2; ‘форма реализации этикетного поведения’ – *握手* / пожать руку, *微笑* / улыбка, *你好* / привет. При этом признак ‘иерархичность в реализации вежливого поведения’ реализуется не так очевидно, как в ядре АП. Большинство ассоциатов ближней периферии актуализирует самый частотный признак ядерной зоны АП. В дальней периферии представлены следующие признаки ассоциирования: ‘носитель качества’ – *晚辈* / младшее поколение, *书生* / кабинетный ученый, *年轻人* / молодой человек, *青年* / молодежь, *长辈* / старшее поколение, *工人* / рабочий, *少年* / юноша, *陌生人* / незнакомец, *好孩子* / хороший ребенок (обычно речь идет о послушных детях), *好人* / хороший человек, *少先队员* / пионер, *少年* / юноша, *陌生人* / незнакомец; ‘способ реализации этикета’ – *榜样* / образец, *说话* / говорить, *发言* / выступить с речью, *文学* / литература; ‘формы реализации этикета’ – *穿着* / наряд, *打招呼* / поздороваться, *送礼* / делать подарки, *谢谢* / спасибо; ‘условия проявления вежливости’ – *初次见面* / встретиться впервые, *音乐会* / торжественный вечер, концерт; ‘исторические истоки вежливости’ – *汉朝* / династия Хань. В этой зоне АП актуализируются выделенные ранее ядерные, а также дополнительные признаки. Таким образом, очевидно несоответствие состава признаков ассоциирования в русском и китайском ассоциативных полях.

Особенно важно подчеркнуть, что при сопоставлении ассоциативных полей носителей разных языков необходимо устанавливать не только сходство и различие в *признаках ассоциирования*, что уже само по себе показательно, но и в мотивах выбора того или иного признака. Например, ассоциация *коррупция* – *деньги* характерна для русских и

китайцев, но она представляет разный способ мотивации речевого действия, поскольку для китайца значимое условие коррупции – личные качества взяточника и взяточдателя, для русского – социальные условия, в которых взяточдатель «действует не по своей воле». Второй общий смысловой компонент, объединяющий часть понятийных ассоциатов АП *коррупция*, – коррумпирующая среда: в русском – *власть* 18, *государство* 14, *Россия* 8, *правительство* 3, *органы* 3, *страна* 2, *власть в РФ*, *Госдума*, *общество*, *система*; в китайском – *政治* / политика 4, *权力* / власть 3, *体制* / система 2, *制度* / строй 2 [Пэй, 2018]. Однако этот признак тоже мотивирован по-разному: носители русского языка считают, что коррумпируется прежде всего власть (государство) и ее институты; примечательно, что прямое указание на коррупцию во власти в китайских ассоциатах представлено не частотно – *权力* / власть 3, а на первое место выходит политическая коррупция. Если суммировать китайские ассоциаты, объединенные признаком ‘коррумпирующая среда’, то их количество (11 из 200; ср. в русском – 52 из 200) указывает на принципиальное доверие к власти и перенесение ответственности за коррупцию на конкретных чиновников и граждан. Третий смысловой признак, объединяющий часть понятийных ассоциатов, – ‘носители коррупции’: в русском: *чиновник* 18, *полицейский* 5, *депутаты* 4, *чиновничество*, *бюрократия*, *аппарат*, чиновники, которые допущены к *должности* и *управлению*. В китайском языке: *贪官* / продажный чиновник 19, *官员* / чиновник 13, *政府* / правительство 13, *高官* / высокопоставленный чиновник 4, *官场* / чиновничьи круги 2, *官僚体系* / бюрократическая система 2, *官僚* / бюрократия. Количество ассоциатов у носителей китайского языка больше, но только за счет детализации понятия «чиновник». Показательно, что китайцы не соотносят коррупцию с полицией и депутатами, реакция *廉政* / честное и неподкупное правительство указывает на положительное отношение к нему, закрепленное в актуальном лозунге, тогда как в русских ассоциатах проявляется однозначно негативное отношение к правительству. Коррупция рассматривается носителями обеих культур и как преступление: в русском языке – *преступление* 5, *взя-*

точничество, в китайском – *贪污* / казнокрадство 11, *犯罪* / преступление, *公款吃喝* / устроить банкет за счет государства. Только в китайских ассоциатах отмечены реакции, которые свидетельствуют о наличии четкой противопоставленности понятий «коррупция» – «антикоррупция»: *反腐败* / антикоррупция 5, *廉洁* / неподкупность 5, *正义* / справедливость 3, *廉政* / честное и неподкупное правительство, *正直* / честный. В русском АП обнаруживается единичная операциональная реакция *анти*.

Анализ АП по признакам ассоциирования с целью верификации полученных результатов необходимо сопоставить с распределением компонентов АП по группам, отражающим характер знания, репрезентируемого словом, представляющим разную степень обобщенности основных компонентов значения: понятийные, эмоционально-оценочные, реакции-представления, операциональные [Пищальникова, 2002]. Такое распределение позволяет понять, какие из них наиболее подвижны в семантическом плане и выявлять степень сформированности значений слов и понятий, выраженных лексемами, а также специфику закрепления слова в ассоциативно-вербальных сетях индивидов.

В АП «вежливый» выделим понятийные реакции: *воспитанный* 14, *обходительный* 4, *учтивый* 4, *воспитание* 2, *галантный* 2, *благодарный*, *воспитанность*, *внимательный*, *интеллигентный*, *любезный*, *общительный*, *опрятный*, *приветливый*, *приличный*, *тактичность*, *толерантный*, *уступчивый*; реакции-представления: *интеллигент* 2, *ребенок* 2, *солдат* 2, *галстук*, *гость*, *гражданин*, *джентльмен*, *друг*, *мужчина*, *начальник курса*, *незнакомый*, *старый*, *сын*, *ученик*, *цветы*, *преподаватель*, *здравствуйте*, *сотрудник*, *пример*, *салфетка*, *лось*; эмоционально-оценочные: *добрый* 6, *хороший* 3, *приятный* 2, *милый*, *странный*, *симпатия*, *сильный*, *добродушный*, *добр в общении*; операциональные: *человек* 24, *ответ* 3, *вежливые люди*, *аргумент*, *люди*, *улыбка*, *вопрос*, *тон*, *грубый*, *поступок*.

Понятийные и операциональные реакции составляют 64,0 % от общего количества ассоциатов: респонденты понимают значение слова и воспроизводят частотные сочетания с ним, но это только привычная форма реали-

зации стереотипного отношения, тогда как психологически актуальные индивидуальные признаки в ассоциатах практически не отражены. Это подтверждается и составом реакций-представлений: они стереотипны, индивидуальные образы-представления не частотны – всего 0,6 % (*галстук, начальник курса, незнакомый, старый, лось*). Эмоционально-оценочные реакции при этом ограничиваются выражением самых общих положительных характеристик (за исключением единичной реакции *странный*, наличие которой принципиально не меняет выявленных тенденций). Все сказанное позволяет предполагать, что вежливость как морально-этическая ценность в исследуемой группе респондентов не актуальна.

С целью определения динамики АП сравним данные РАС и данные нашего ассоциативного эксперимента (по времени они отстают друг от друга от 12 до 33 лет; количество ассоциатов в полях сопоставимо: 102 и 120 при одинаковом количестве отказов): «вежливый: человек 29; отказ 6; мальчик 4; воспитанный, очень 3; интеллигент, мужчина, обходительный, ответ, приятно, учтивый, хороший 2; бегемот, бережливый, благовоспитанный, вежливость, великолепный, гад, господин, гость, гражданин, грубый, гусь, дедушка, джентльмен, дяденька, как ворона, клетка, кролик, культурный, лох, малый, парень, партнер, пацан, пес, подхалим, приятный, ребенок, слуга, старик, старичок, студент, такой, товарищ, уступчивый, учитель, хороший такой, черт, школьник, юноша, я 1; 102 + 55 + 0 + 43» (РАС, т. 1, с. 80).

Очевидно совпадение значительной части операциональных ядерных ассоциатов сравниваемых полей, что свидетельствует о структурно-содержательной стабильности понятия, обозначенного словом *вежливый*, однако в РАС отмечены разговорные конструкции (*вежливый очень, вежливый гад, вежливый такой*), отсутствующие в экспериментальных данных 2018 года.

Экспериментальное исследование слов синонимического ряда вежливый

Экспериментальное исследование синонимического ряда слова *вежливый* свидетельствует о том, что ряд лексем, рассмат-

риваемых лексикографическими источниками как синонимичные, не является таковым для респондентов изучаемой группы; часть слов этого ряда претерпевает значительные изменения, которые привели или могут привести к выпадению их из совокупности синонимов слова *вежливый*.

Для анализа мы отобрали слова-стимулы, входящие в АП «вежливый», как в разной степени синонимичные ему, так и получившие наибольшее количество отказов ассоциирования. Последнее свидетельствует о том, что слово редко включается в речевую деятельность, а, следовательно, понятие, обозначенное им, не является актуальным для носителя языка. Если количество отказов значимо, это может свидетельствовать о том, что выраженное словом-стимулом понятие находится в процессе изменения содержания и в силу этого изменяется его частотность.

Характеристика ассоциативного поля «деликатный»

В ядро АП входят реакции, которые представляют следующие признаки: ‘качества, определяющие понятие’ – *тактичность 14, аккуратность 10, вежливость 10, обходительность 10, мягкость 7, осторожность 7, воспитанность 6, тонкость 5*; ‘средство проявления качества’ – *манеры 7 (210/78/33/52)*. Ядро АП определяется понятийными реакциями, составляющими 33,6%. В реакциях-представлениях отмечено 7 одинаковых ассоциатов, что свидетельствует о семантической освоенности слова, но одновременно и о стереотипности ассоциативных связей.

В ближней периферии, помимо указанного признака, реализуются ‘условие развития и проявления деликатности’ – *ум 2, осторожность 2, уместность 2, уважение 2, воспитание 2*, ‘носитель качества’ – *мама 2*; ‘сфера проявления деликатности’ – *в общении 2*, которые обнаруживаются и в дальней периферии, но в последней зоне АП актуализируются и другие: ‘средство проявления качества’ – *перчатки*, ‘причина проявления качества’ – *вынужденный*. При общей характеристике поля единичные реакции, как правило, не учитываются, но мы полагаем, что их анализ является необходимым для установ-

ления специфики АП, поскольку такие ассоциаты указывают на потенциальное направление изменения значения слова-стимула.

Большое количество понятийных реакций свидетельствует о том, что личностного смысла у слова-стимула в процессе речевого действия практически не возникает: носители языка используют для предикации, как правило, интересубъектные понятийные признаки. Отсюда можно заключить, что *деликатность* не является частотной единицей для представления психологически актуальных смыслов в речевой деятельности респондентов и не обозначает понятия, аксиологически значимого для них. Такой вывод подтверждается операциональными реакциями (*стирка 3, в общении 2, проблемы 2*), количество которых возрастает в дальней периферии (*общение, нужна, в вопросе, в разговоре, вопроса, проявлять, замечание, отношение, подход, улыбка*) и в целом составляет 0,9 % от общего числа реакций.

Показательно, что в эксперименте обнаруживается незнание значения слова-стимула, приводящее к смысловой аттракции слов *деликатесный* и *деликатный*: *деликатесный, меню, еда, пирожное, краб*. Сделанные выводы подтверждаются низким процентом разнообразия реакций (0,38 %), большим количеством отказов от ассоциирования (15,7 % респондентов) и ассоциированием контрольной группы на стимул *деликатный*: *человек 14, вежливый 5, тактичный 5, вопрос, старик, воспитанный, ответ, еда, продукты*.

Характеристика ассоциативного поля «предупредительный»

Еще более показательно АП стимула *предупредительность* в контрольной группе: *осторожность 10, заранее 3, страх 2, разумный, качество, предосторожность, опасность, опасение, гордость, командир (30/10/8/7)*. Очевидно, что большая часть ассоциатов, входящих в него, обнаруживает непонимание значения слова-стимула и его деривационных связей: 66,7 % реакций связываются со значением ‘предупреждать’ как «1. несов. перех. заранее ставить кого-л. в известность, уведомлять о чем-л.; 2. а) своевременно принятыми мерами опережать чьи-л. действия, предотв-

ращать что-л.; б) предугадывая, исполнять (чье-л. желание, намерение и т. п.)» (СРСРЯ, т. 2, с. 278).

В понятийных реакциях поля «предупредительность» актуализируется семантический признак ‘предостеречь, предостережение’, так как респонденты не знают значения слова *предупредительность* и не включают его в синонимический ряд слова *вежливый (осторожность 10, заранее 3, разумный, предосторожность, качество, опасность, опасение, гордость)*. Непонимание значения слова, проявившееся во всех ассоциатах, в том числе частотных, свидетельствует о его неупотребительности в речевой деятельности респондентов (*страх 2, командир*). Важно и то, что в этом АП отсутствуют эмоционально-оценочные реакции, в которых наиболее ярко представлена субъективная мотивация индивида, и операциональные реакции, которые отражают, как правило, умение индивида использовать частотные словосочетания. Наконец, 8 отказов из 30 подтверждают, что респонденты не используют данный стимул в своей речевой деятельности. Следовательно, состав АП с очевидностью обнаруживает, что респонденты не соотносят стимулы *предупредительный / предупредительность* с АП «вежливость», и это указывает на изменение состава синонимического ряда с доминантой *вежливый*. Контрольный эксперимент 2019 г. на слово-стимул *предупредительный* показал: в 100 % реакций выявляется значение ‘своевременно принятыми мерами опережать чьи-либо действия’: *выстрел 16, сигнал 9, ракета 2, окрик 1*.

Характеристика ассоциативного поля «тактичный»

Ассоциаты на стимул *тактичный* (190/75/4/33) мы рассматриваем в связи с большим количеством отказов на ассоциирование: ~ 1,6 %.

Большая часть понятийных ассоциатов объединяется значением ‘внешний признак поведения’; значительно количество операциональных реакций: ~ 1,13 % (*подход 4, ход 4, поступок 4, вопрос 3, тон, слово*); всего ~ 1,4 % реакций поля актуализируют признак ‘осторожный, бережный’ (*аккуратный 4, ос-*

торожный 3, понимающий 2), нет ассоциатов, представляющих признак ‘чувство меры’, характеризующий специфику значения слова *тактичный*.

Часть ассоциатов актуализирует признаки лексемы *тактический*, что косвенно свидетельствует о ее непонимании: *тактический* 3, *правильный* 2, *стратег* 2, *стратегия* 2, *танк* 2, *думающий* 2, *план* 2, *умный* 2, *хитрость* 2, *бой*, *игрок*, *предусмотрительный*, *расчетливый*, *оперативный*, *международный*, *логичный*, *хитрый*, *часы*. О непонимании слова *тактичный* свидетельствуют также ассоциаты *пунктуальный* 4, *точный* 2, *дотошный*, *порядок*, представляющие признак ‘точный’, фонетическое ассоциирование *тактичный* – *практичный*, неоднозначно интерпретируемые реакции *боязнь*, *демократичный*, *скользкий*, *честность*, недифференцированная положительная оценка: *хороший*, а также 17 отказов на ассоциирование.

Характеристика ассоциативного поля «участливый»

Актуальное разрушение состава синонимического ряда *вежливый* подтверждается и ассоциативным полем «участливый» (81/26/15/17). В ядре наибольшую частотность имеют ассоциаты *активный* 25, *человек* 12, *активность* 5, *неравнодушный* 5, показывающие, что ~ 89,4 % респондентов производят слово от *участвовать* в значении ‘совместно действовать, быть сотрудником в чем-нибудь, действовать в каком-нибудь общем деле, принимать участие в чем-нибудь’. Это подтверждается: реакциями периферии поля (*инициативный* 4, *конкурс* 4, *активист* 3, *инициатива* 3, *соревнование* 3, *актив*, *бегун*, *везде и всегда*, *время препровождать*, *интерес*, *интересный*, *искатель*, *квест*, *класс*, *торжественный вечер*, *концерт*, *завсегдатой*, *избиратель*, *работа в команде*, *уборка*, *учение*, *шустрый*); самым высоким коэффициентом разнообразия ассоциатов, представляющих это значение, – 5,0; большим количеством отказов от ассоциирования – 1,8 %. Совокупность показателей говорит о том, что новое значение слова *участливый*, не отмеченное словарями, уже закреплено в ассоциативно-вербальных связях респондентов

и активно функционирует в их речевой деятельности.

Вместе с тем в АП представлены и реакции, реализующие значение *участливый* как ‘отзывчивый, готовый оказать помощь, содействие, обнаружить сочувствие, склонный к состраданию’, но при всем разнообразии они не входят в ядро значения слова и частотность самой активной реакции более чем в 4 раза ниже частотности реакции, отражающей неверное толкование слова.

Характеристика ассоциативного поля «услужливый»

Еще более очевидно изменение в значении слова *услужливый* (81/26/15/17). Респонденты дали ~ 27,0 % отказов на это словостимул, и АП «услужливый» (*официант* 12, *слуга* 12, *подлиза* 12, *человек* 12, *обходительный* 12, *помощь* 9, *прогнуться* 6, *прислуга* 3, *пассажир* 2, *низкий* 2, *вежливость* 2, *родители*, *умный*, *податливый*, *товарищ*, *юноша*) имеет самый низкий уровень разнообразия (0,03) среди всех полей стимула *вежливый* и его синонимов.

Доминантный смысловый признак, объединяющий 56,0 % ассоциатов ядра поля, – ‘прислуживать’; в ядро поля входит также частотный признак ‘негативное отношение к носителю качества’ (*подлиза* 12): слово *услужливый* уже не воспринимается большинством респондентов как синоним к *вежливый*, чему способствует развитие отрицательной коннотации у слова, соотносимого респондентами с низкой социальной оценкой ряда профессий, представляющих обслуживающий персонал.

Отметим, что сходные тенденции изменения значения наблюдаются и в слове *殷勤的* / *услужливый*, особенно в группе эмоционально-оценочных ассоциатов, большее количество которых представляет негативную оценочность: *小人* / *подлый человек* 14. Данный ассоциат актуализирует признак ‘низкий в нравственном отношении, бесчестный’, ‘выражающий низость, бесчестность’, не отмеченный у лексемы *殷勤的* / *услужливый* ни в одном из китайских толковых словарей. Этот же компонент значения актуализирован частотными реакциями *подхалимство*, *низко-*

поклонство, заискивать, держать камень за пазухой, злонамеренный, лицемерный, дурное дело, а также частотными ассоциатами *плохой человек, прислужник, отвратительный, негодяй, предатель* и др.

Представленный анализ ряда ассоциатов позволяет говорить не только о разрушении синонимического ряда *вежливый*, но и косвенно свидетельствует о снижении актуальности вежливости как социально одобряемого отношения к окружающим в русской группе респондентов: она уже не является лично актуальной, ценностной, а ограничивается самым общим представлением о ее содержании, внешних средствах и способах реализации.

Выводы

Анализ признака ассоциирования, лежащего в основе отношения между стимулом и реакцией, может использоваться как для эффективного выявления психологически актуальных смыслов, стоящих за словом в одном языке, так и для сопоставления значения слов (и выраженных ими понятий) и их динамики в разных языках. Предложенные нами параметры сопоставления ассоциативных полей универсальны и могут быть применены в сопоставительных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баландина Е. С., 2019. Я-идентификация носителей русской, китайской и арабской культур // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12, вып. 2. С. 95–98.
- Васильева С. П., 2017. Динамика ценностных смыслов ассоциативного поля «Мир» в региональном языковом сознании сибиряков // Политическая лингвистика. № 2 (62). С. 19–26.
- Гумбольдт В. фон, 1984. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. 397 с.
- Караулов Ю. Н., 1999. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 180 с.
- Караулов Ю. Н., 2000. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 191–206.
- Леонтьев А. А., 1969. Язык. Речь. Речевая деятельность. М. : Просвещение. 214 с.

- Леонтьев А. Н., 2004. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл : Академия. 352 с.
- Пищальникова В. А., 2002. Значение слова: к основам когнитивной семантики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 1, вып. 1. С. 73–83.
- Пищальникова В. А., Панарина Н. С., Степыкин Н. И., Хлопова А. И., Шевченко С. Н., 2019. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. М. : Р-Валент. 200 с.
- Пищальникова В. А., Яо Чжипэн, 2019. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или Динамика значения слова 殷勤的/ услужливый в китайской лингвокультуре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. Т. 9, № 1 (30). С. 56–65.
- Пэй Цайся, 2018. Социально-философский аспект исследования антиценности «коррупция» (на материале русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 14 (809). С. 187–197.

СЛОВАРИ

- РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : АСТ : Астрель, 2002. 781 с.
- СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. Т. 2./ под ред. Т. Ф. Ефремовой. М. : АСТ, 2006. 718 с.

REFERENCES

- Balandina E.S., 2019. Ya-identifikatsiya nositeley russkoy, kitayskoy i arabskoy kultur [I-Identification of the Bearers of the Russian, Chinese and Arab Cultures]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], vol. 12, iss. 2, pp. 95-98.
- Vasilyeva S.P., 2017. Dinamika tsennostnykh smyslov assotsiativnogo polya «Mir» v regionalnom yazykovom soznanii sibiryakov [Dynamics of the Value Meanings of the Associative Field “Mir” in the Regional Linguistic Consciousness of Siberians]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], no. 2 (62), pp. 19-26.
- Humboldt V. fon, 1984. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 397 p.

- Karaulov Yu.N., 1999. *Aktivnaya grammatika i asociativno-verbalnaya set* [Active Grammar and Associative-Verbal Network]. Moscow, Institut russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova RAN. 180 p.
- Karaulov Yu.N., 2000. Pokazateli natsionalnogo mentaliteta v asociativno-verbalnoy tsepi [Indicators of National Mentality in Associative-Verbal Chain]. *Yazykovoie soznanie i obraz mira* [Linguistic Consciousness and Image of the World]. Moscow, Institut yazykoznanija RAN, pp. 191-206.
- Leontyev A.N., 2004. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Smysl Publ., Akademiya Publ. 352 p.
- Leontyev A.A., 1969. *Yazyk. Rech. Rechevaya deyatel'nost* [Language. Speech. Speech Activity]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 214 p.
- Pishchalnikova V.A., 2002. Znachenie slova: k osnovaniyam kognitivnoy semantiki [The Meaning of the Word: To the Foundations of Cognitive Semantics]. *Vestnik Novosibirskogo gosuniversiteta. Seriya: Istorija, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], vol. 1, iss. 1, pp. 73-83.
- Pishchalnikova V.A., Panarina N.S., Stepykin N.I., Khlopova A.I., Shevchenko S.N., 2019. *Assotsiativnyy eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psikholingvistiki* [Associative Experiment: Theoretical and Applied Prospects of Psycholinguistics]. Moscow, R-Valent Publ. 200 p.
- Pishchalnikova V.A., Yao Chzhipen, 2019. Sluzhit by rad – prisluzhivatsya toshno, ili Dinamika znacheniya slova 殷勤的 / usluzhlivyy v kitayskoy lingvokulture [<I will> Serve, Willingly – Be Osequious, Never, or Dynamics of the Meaning of the Word 殷勤的 Pleasing in Chinese Language Culture]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics], vol. 9, no. 1 (30), pp. 56-65.
- Pey Tsaysya, 2018. Sotsialno-filosofskiy aspekt issledovaniya antitsennosti «korruptsiya» (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [Socio-Philosophical Research of the Anti-Value “Corruption” (A Contrastive Analysis of Russian and Chinese Languages)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], iss. 14 (809), pp. 187-197.

DICTIONARIES

- Karaulov Yu.N., ed. *Russkiy assotsiativnyy slovar. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaksii* [Russian Associative Dictionary. In 2 vols. Vol. 1. From Stimulus to Reaction]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2002. 781 p.
- Efremova T.F., ed. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka. V 3 t. T. 2.* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 3 vols. Vol. 2]. Moscow, AST Publ., 2006. 718 p.

Information about the Author

Vera A. Pishchalnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Theory of Linguistics and Comparative Linguistics Department, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38, 119034 Moscow, Russia, pishchalnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0992-0466>

Информация об авторе

Вера Анатольевна Пищальникова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, pishchalnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0992-0466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.5>

UDC 811.111'42:304.444
LBC 81.432.1-51

Submitted: 01.02.2019
Accepted: 30.08.2019

SOCIAL REALITY FORMATION IN MEDIA DISCOURSE: INFORMATION AMBIGUITY STRATEGY¹

Vladimir I. Ozyumenko

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. Modern media have become an important ideological tool in conveying and forming a certain view of the world and attitude towards it. While complying with the interests of the power structures, they shape public opinion by means of increasingly sophisticated media technologies and techniques. The article introduces multilevel means of creating ambiguity of a media text: verbs with the semantic component 'without proof', lexical units with semantics of uncertainty, means of expressing epistemic modality, interrogative headings, etc. The regular use of these means observed in the media enables the author to consider ambiguity as one efficient strategy of public opinion manipulation. The data for the study were obtained from quality British and American newspapers and news websites that cover events related to Russia. By using the methods of linguistic pragmatics and sociolinguistics as well as critical discourse analysis, it was proved that the ambiguity is a widely spread method in modern media, it enables journalists to write about unconfirmed facts and introduce a certain attitude towards them into the minds of the audience without bearing any responsibility for unsubstantiated information.

Key words: media discourse, persuasion, manipulation, ambiguity, public opinion, English.

Citation. Ozyumenko V.I. Social Reality Formation in Media Discourse: Information Ambiguity Strategy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 64-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.5>

УДК 811.111'42:304.444
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 01.02.2019
Дата принятия статьи: 30.08.2019

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В МЕДИДИСКУРСЕ: СТРАТЕГИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ¹

Владимир Иванович Озюменко

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Аннотация. Современные СМИ стали важным идеологическим инструментом, конструирующим и передающим определенный взгляд на мир и отношение к нему. Выполняя заказ власти, они формируют общественное мнение, используя для этого все более утонченные медийные технологии и приемы. В статье представлены результаты исследования, в ходе которого были выявлены равноуровневые средства создания неоднозначности медийного текста: глаголы с семантическим компонентом 'without proof', лексические единицы с семантикой неопределенности, средства выражения эпистемической модальности, вопросительные заголовки и др. Регулярность их употребления позволила автору квалифицировать неоднозначность как одну из стратегий манипулирования общественным мнением. Исследование было выполнено на материале качественных британских и американских СМИ, которые освещают события, связанные с Россией, и формируют отношение к ней. Результаты анализа, проведенного с применением методов лингвопрагматики, социолингвистики и критического дискурс-анализа, показали, что в современных англоязычных СМИ широко используется стратегия неоднозначности. Она дает возможность журналистам писать о ничем не подкрепленных фактах, внедрять в сознание аудитории определенное отношение к ним, избегая при этом ответственности за распространение неподтвержденной информации.

Ключевые слова: медиадискурс, убеждение, манипуляция, неоднозначность, общественное мнение, английский язык.

Цитирование. Озюменко В. И. Конструирование социальной реальности в медиадискурсе: стратегия информационной неоднозначности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 64–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.5>

Введение

Взгляд на язык как деятельность [Земская, 2004; Постовалова, 1982; Austin, 1976; Searl, 1969; и др.] позволил признать за ним активную роль в конструировании социально-культурного мира и мышления [Гайда, 2014, с. 10]. В настоящее время общепризнанным является тот факт, что язык используется не только как средство выражения мысли и осуществления коммуникации, но и как важный идеологический инструмент, передающий и конструирующий определенный взгляд на мир. Большую роль в этом играет язык средств массовой информации [Dijk, 2009, p. 8]. Высказанная почти сто лет назад идея о том, что пресса оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения, определение нашей «когнитивной карты мира» ('cognitive map of the world') [Lippmann, 1922] не только не потеряла своей значимости, но и, благодаря современным техническим средствам, стала еще более актуальной. Особая роль СМИ, которые по праву считаются четвертой властью, обуславливается их прямым выходом на широкую аудиторию, что дает им большие возможности в формировании общественного мнения. Хотя основная функция массмедиа по-прежнему заключается в том, чтобы информировать и просвещать, то есть служить информационным мостом между событиями и обществом, в современном социуме медийный дискурс становится все более обремененным идеологическим содержанием, выступает как социальная сила, обычно действующая в поддержку интересов различных экономических и политических элит [White, 2000, p. 379].

Объективность СМИ и достоверность передаваемой информации традиционно являются в журналистике базовой ценностью. Однако в последнее время мы становимся свидетелями того, как пресса создает дискурс, который согласуется со взглядами, выгодными власти. Это касается и так называемых свободных СМИ в демократическом обществе. Исследования, проводимые в рамках критического дискурс-анализа, политической

лингвистики и медиадискурса, содержат многочисленные факты того, как и при помощи каких средств пресса способствует внедрению нужных власти идей в сознание общества (см.: [Иванова, 2016; Солопова, Чудинов, 2018; Чернявская, 2006; Чудинов, 2006; Fairclough, 1989; Fowler, 1991; Wodak, 2007; и др.]).

Значимость СМИ в современном мире определяется еще и тем, что именно журналисты выбирают темы для общественного обсуждения. Т.Г. Добросклонская справедливо называет отбор фактов одной из эффективных медиатехнологий, связанных с идеологической функцией, отмечая, что он позволяет интерпретировать события, расставлять политические акценты, служит действенным инструментом информационной политики, а также может использоваться как мощное оружие для ведения информационной войны [Добросклонская, 2009, с. 89]. Так, среди активно обсуждаемых в последнее время в западных СМИ событий можно назвать дела Скрипалей и Бутиной, вмешательство России в выборы в США, которое на данный момент так и не получило своего подтверждения. Освещая эти события, пресса выполняет информационную функцию, однако то, как эти события преподносятся и часто упоминаются, свидетельствует о том, что СМИ прямо или косвенно дают им оценку и показывают социуму, как именно их нужно воспринимать и оценивать.

Общественное мнение формируется посредством разнообразных способов и приемов воздействия на аудиторию, которые становятся все более утонченными [Иванова, Чанышева, 2014; Комалова, 2019; Чернявская, 2006; Шейгал, 2004; McCombs, Reynolds, 2002; и др.], при этом они нередко принимают агрессивную форму [Озюменко, 2017]. В современном медийном дискурсе наблюдается смещение от прямого убеждения к манипуляции, являющейся видом эффективного скрытого воздействия на сознание, при котором подавляется рациональное восприятие информации адресатом и навязываются заданные смыслы [Клушина, 2008, с. 45]. Адресат при этом не может сопротивляться манипуляции и становится ее

жертвой [Dijk, 2006, p. 361]. Манипулятивное воздействие осуществляется «путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2014, с. 25]. Другими словами, манипуляция – это «использование скрытых возможностей языка с целью навязать адресату определенное представление о действительности, сформировать нужное отношение к ней, вызвать необходимую оценку, эмоциональную или поведенческую реакцию» [Озюменко, 2017, с. 206]. Как показали проведенные исследования, манипулятивное воздействие осуществляется при помощи многообразных стратегий и тактик, различных языковых и неязыковых средств (см.: [Иванова, Садуов, 2008; Кара-Мурза, 2004; Копнина, 2014; Ларина, Озюменко, Пономаренко, 2011; Сковородников, Копнина, 2012; Шейгал, 2004; Chilton, 2011; Dijk, 2006; и др.]).

В данной статье анализируются равноуровневые языковые средства выражения неоднозначности, рассматриваемой в качестве стратегии манипулирования, поскольку адресату предоставляется информация, подлинность которой не доказана, однако в силу особенностей восприятия текста она остается в его памяти как достоверная и влияет на мировосприятие. Стратегия неоднозначности широко применяется в последнее время для освещения событий, в той или иной мере касающихся России, что, с одной стороны, позволяет СМИ избегать обвинений в том, что они распространяют непроверенные сведения, а с другой – дает возможность влиять на общественное мнение, формируя негативный образ России.

Материал и методология исследования

Материал для исследования извлечен из британских и американских газет (*The Economist*, *The Guardian*, *The Financial Times*, *The Telegraph*, *The Washington Post*, *The New York Times* и др.), текстов новостных сайтов (*BBC*, *Reuters*, *Fox News*, *Politico*) и других источников информации, которые освещают события, касающиеся России.

С использованием методов социолингвистики, лингвопрагматики и критического дис-

курс-анализа [*Critical Discourse Analysis...*, 2007; Dijk, 2006; 2009; Fairclough, 1995; 2001; *Methods of Critical Discourse Analysis*, 2001; Wodak, 2007; и др.] в исследовании рассматриваются медийные приемы и языковые средства создания неопределенности и неоднозначности в газетных текстах (отбор информации, ее тиражирование, умолчание фактов, слова, содержащие в своей семантике компонент ‘неопределенность’, средства эпистемической модальности, пассивный залог, вопросительные заголовки и др.), а также прагматическая пресуппозиция [Bekalu, 2006; Fairclough, 1995; Levinson, 1983].

Неоднозначность в текстах СМИ

Достоверность передаваемой информации в существенной мере зависит от качества СМИ. В так называемой «желтой» прессе она значительно ниже, чем в качественных изданиях. Однако в последнее время исследователи обращают внимание на тенденцию к использованию и в качественной прессе сведений, полученных «из вторых рук», на отсутствие источника информации, неточности в передаваемых новостях, умолчание (см. например: [Клушина, 2008; Clark, 2010]), что приводит к неопределенности и неоднозначности медийных текстов.

Рассмотрим пример:

(1) US officials believe that Russia was responsible for causing mysterious brain injuries to American diplomats in Cuba, it was claimed yesterday (*The Times*, 12.09.2018) – ‘Американские чиновники считают, что Россия была ответственна за причинение таинственных мозговых травм американским дипломатам на Кубе, было заявлено вчера’ (Здесь и далее преднамеренно дается буквальный перевод, поскольку это позволяет точнее передать содержание оригинального текста).

Очевидно, что данное заявление недостоверно. В нем отсутствуют как сведения об источнике заявления, так и конкретная информация об американских чиновниках и травмах, которые названы таинственными. Однако, печатая такой материал, журналисты показывают, что верят или, во всяком случае, допускают, что он правдив. Суждения подобного рода, которые не подкреплены фактами,

но могут быть восприняты как истинные, мы квалифицируем как неоднозначные (неопределенные, двусмысленные).

Согласно В. Эмпсону, неопределенность (двусмысленность) состоит, главным образом, в существовании двух возможных интерпретаций слова или предложения, между которыми читатель вынужден выбирать [Empson, 1966]. В приведенном примере (1) предложение можно толковать на основе, во-первых, пропозиции, отражающей положение дел в реальном мире (например, по вине России были причинены таинственные травмы мозга американским дипломатам), во-вторых, модальной версии данного суждения: возможно, некоторые американские чиновники думают / верят / считают / предполагают, что в таинственном происшествии виновата Россия. Особое внимание здесь следует обратить на глагол *to believe* ('верить, считать'), в семантике которого, как это следует из его словарной дефиниции, есть компонент 'without proof' ('без доказательств'): «accept that something is true, especially without proof» (OELD).

Важно отметить, что то или иное суждение может восприниматься как истинное в результате самого факта его появления в СМИ. Среднестатистический получатель информации, в принципе признающий, что не все сообщения СМИ соответствуют действительности, часто не имеет ни времени, ни желания разбираться в их достоверности. Хотя он не обязательно верит всему, что сообщают СМИ, его знание о мире в значительной степени обусловлено именно этой информацией [Клушина, 2014; Gilbert, Tafarodi, Malone, 1993]. Если же та или иная необоснованная новость повторяется многократно, она и вовсе перестает ставиться под сомнение и степень ее достоверности в восприятии аудитории возрастает.

Языковые средства создания неоднозначности в тексте СМИ

Глаголы с семантическим компонентом 'without proof'

Среди активно используемых лексических средств, которые могут создавать неоднозначность суждения, мы выделили глаголы

believe, claim, allege, suggest, являющиеся глаголами мышления и используемые для выражения восприятия мира человеком. Словарные дефиниции этих глаголов (CD; MD; OELD) показывают, что помимо основного значения у всех есть дополнительный семантический компонент 'without proof'. Получателю информации, который обращает внимание главным образом на основное значение глагола, данный компонент представляется не столь очевидным, он, как правило, не актуализируется, а иногда нивелируется, однако для манипулятивных целей имеет важное значение. Рассмотрим данные глаголы подробнее.

Глагол *claim* определяется следующим образом: «to say that something is true or is a fact, although you cannot prove it and other people might not believe» (CD) ('сказать, что что-то является правдой или фактом, хотя вы не можете этого доказать, а другие люди могут этому не верить'):

(2) Several Russian suspects have been identified in the Salisbury spy assassination attempt after the nerve agent used was found in a perfume bottle, **it is claimed** (The Times, 20.07.2018) – 'Несколько российских подозреваемых были обвинены в покушении на шпиона в Солсбери после того, как использованный нервнопаралитический газ был обнаружен во флаконе с духами, утверждаетс'я'.

Глагол *claim* в данном случае употреблен в пассивной конструкции с отсутствующим агентом в конце предложения как запоздалый комментарий к основной части сообщения, касающегося умозрительных предположений о попытке убийства бывшего российского шпиона. Читателя, вероятнее всего, заинтересует предшествующая информация, а тот факт, что она приводится без доказательств и неизвестно кем, останется незамеченным.

Глагол *allege* (как и его производные *alleged, allegation, allegedly*) также имеет в своей дефиниции семантический компонент 'without proof': «to say that someone has done something illegal or wrong without giving proof» (CD) ('сказать, что кто-то совершил что-то незаконное или неправильное без предоставления доказательств'), причем этот компонент включен в толкование, то есть является частью лексического значения глагольной единицы.

цы, а следовательно, всегда актуализируется в контексте:

(3) Prosecutors have **alleged** that she used her relationship with the unnamed American political operative, with whom she was living, “as simply a necessary aspect” of her covert activities on behalf of Russia (Los Angeles Times, 19.07.2018) – ‘Прокуроры утверждают, что она использовала свои отношения с неназванным американским политиком, с которым жила с целью скрыть свою деятельность, проводимую в пользу России’;

(4) The federal indictment, brought by special counsel Robert Mueller, represents the most **detailed allegations** to date of illegal Russian meddling during the campaign that sent Trump to the White House (Chicago Tribune, 17.02.2018) – ‘Федеральное обвинительное заключение, предъявленное специальным прокурором Робертом Мюллером, представляет собой наиболее подробные на сегодняшний день обвинения (необоснованные обвинения. – В. О.) в незаконном вмешательстве русских во время кампании, приведшей Трампа в Белый дом’.

Пример (4) требует особого комментария, поскольку в нем используется определение *detailed*, которое означает наличие многих фактов и обычно употребляется со словами *analysis, description, information, investigation, study* (MD), то есть детальным может быть анализ, описание, расследование, информация, изучение. В отношении обвинения *detailed* предполагает наличие фактов, цифр, дат и других объективных данных в поддержку обвинения, что логически не согласуется со значением лексемы *allegation* (‘голословное утверждение’). Подобная комбинация несочетаемых слов вряд ли может быть случайной. Хотя суждение (4) по сути неоднозначно, слово *detailed* создает у читателя впечатление доказательности и наводит на мысль о вине России.

(5) The **allegations** included **claims** that the Russians’ operations “included supporting the presidential campaign of then-candidate Donald J. Trump and disparaging Hillary Clinton” (The Guardian, 23.07.2018) – ‘Обвинения содержали утверждения о том, что действия русских «включали поддержку президентской кампании тогдашнего кандидата Дональда Дж. Трампа и оскорбление Хиллари Клинтон»’.

В примере (5) употреблены две лексемы с семантическим компонентом ‘without proof’ –

allegations и *claims*: недоказанные обвинения (*allegations*) включают не имеющие доказательств заявления (*claims*). Однако семантический компонент ‘without proof’ не актуализируется и в сознании читателя, вероятно, останутся: русские / поддержка Трампа / оскорбление Хиллари Клинтон.

Глагол *suggest* в одном из значений также содержит семантический компонент ‘without proof’: «communicate or show an idea or feeling **without** stating it directly or **giving proof**» (CD). В медийных текстах *to suggest* часто встречается именно в этом значении:

(6) The same documents **suggest** the Russian embassy extended a further four invitations to Brexit’s biggest funder, but it is not known if they were accepted (The Observer, 08.08.2018) – ‘Те же документы говорят / наводят на мысль, что российское посольство направило еще четыре приглашения крупнейшему спонсору Brexit, но неизвестно, были ли они приняты’.

Здесь рассматриваемый глагол выражает значение, противоположное значению словосочетания *but it is not known*, что способствует усилению истинности первой части пропозиции. Если не известно, были ли приглашения приняты, то заявление о том, что они были направлены, уже воспринимается как истинное.

К рассматриваемой группе можно отнести и глагол *appear*: «come into sight; become visible or noticeable, especially without apparent cause, seem»; «give the impression of somethingbeing» (OELD) (‘появиться в поле зрения; стать видимым или заметным, особенно без видимой причины, казаться; создать впечатление чего-то существующего’):

(7) After the statement’s release, Donald Trump said that Russia **appeared** to be behind the attack (Guardian, 15.03.2018) – ‘После выхода заявления Дональд Трамп сказал, что Россия, видится (вероятно, стоит) за атакой’.

Хотя данный глагол в соответствии со своей семантикой создает только впечатление чего-то существующего, последствия предположений, приведенных в (7), как известно, оказались более чем серьезными (высылка из Великобритании российских дипломатов, введение санкций и др.).

Подчеркнем, что восприятие фактического содержания сообщений требует меньших усилий со стороны читателей, чем анализ семантики рассматриваемых глаголов. Отмеченные семантические детали, как правило, остаются на периферии сознания и не привлекают внимания аудитории.

Языковые единицы, выражающие неопределенность источника информации и субъектов действия

Рассмотренные выше глаголы, наряду с некоторыми другими (например, *say, report, know, seem*), часто используются в типичных для медийных текстов инфинитивных конструкциях (*Nominative-with-the-Infinitive construction*), которые усиливают неоднозначность, так как субъект действия или источник информации в них часто опускается:

(8) **It is believed** that this may have been carried out by GRU and may have continued after that date (Independent, 14.03. 2018) – ‘Считается, что это могло быть выполнено ГРУ и могло продолжаться после этой даты’.

Как отмечается в словарях, формула «someone / something is believed to be» используется для выражения того, что достоверность чего-то является общим мнением большинства людей, хотя это и не было доказано: «it is the general opinion of most people that something is true although it has not been proved» (MD). Словосочетание *most people* в толковании эксплицирует высокую вероятность истинности суждения и позволяет утверждать, что читатель воспримет высказывание с конструкцией «someone / something is believed to be» как правдивое.

Неопределенность источника или участников ситуации создается также использованием неопределенных местоимений *some, one, someone, somebody* (*some officials* ‘некоторые чиновники’, *some sources* ‘некоторые источники’, *someone in Putin’s circle* ‘кто-то из окружения Путина’ и т. д.); неопределенного или нулевого артикля (*a senior Russian lawmaker* ‘некий высокопоставленный российский законодатель’, *an investigator* ‘некий следователь’); а также выражений *unnamed officials* ‘неназванные официальные лица’,

unidentified person ‘неустановленное лицо’, *unconfirmed reports* ‘неподтвержденные сообщения’ [Ozyumenko, Larina, 2018]. В результате употребления перечисленных языковых единиц и конструкций создается неясность того, кто служит источником информации или исполнителем называемого действия:

(9) **Some sources** have linked GRU agents to the downing of Malaysian airlines flight MH17 (The Guardian, 06.08.2018) – ‘Некоторые источники связывают агентов ГРУ с падением малазийского лайнера MH17’;

(10) For the first time, prosecutors also linked Ms. Butina to **an unnamed** wealthy Russian oligarch who they said has deep ties to the Kremlin’s presidential administration and often travels to the United States (The New York Times, 28.07.2018) – ‘Впервые прокуроры также связали г-жу Бутину с неназванным богатым российским олигархом, который, по их словам, имеет тесные связи с президентской администрацией Кремля и часто ездит в Соединенные Штаты’.

Языковые единицы, выражающие эпистемическую модальность

Языковые единицы, выражающие эпистемическую модальность, являются еще одним средством создания неоднозначности, неопределенности, поскольку выражают разную степень вероятности, позволяя говорить о действии, совершение которого не доказано. Среди них прежде всего следует отметить модальные глаголы *could, may, might*.

(11) Trump himself has been reluctant to acknowledge the interference and any role that it **might have played** in propelling him to the White House (Chicago Tribune 17.02.18) – ‘Сам Трамп неохотно признавал вмешательство [в выборы] и ту роль, которую оно, возможно, сыграло в продвижении его в Белый дом’;

(12) The prime minister told the UK’s allies that such an attack **could have taken place** on the streets of any of their cities (Guardian, 15.03.2018) – ‘Премьер-министр сказала союзникам Великобритании, что такая атака могла иметь место на улицах любого из их городов’.

В примере (11) глагол *might* обозначает действие, которое, возможно, вообще не имело места, а в (12) глагол *could* выражает дей-

ствие, совершение которого возможно гипотетически.

По нашим наблюдениям, широкое распространение в текстах СМИ получили прилагательные и наречия, указывающие на вероятность действия: *possible, possibly, probably, presumably, likely* и др. Эти единицы позволяют авторам утверждать истинность практически всего, о чем они пишут, и избегать обвинений в предоставлении ложной информации:

(13) A public inquiry concluded in 2016 that Putin had **probably** approved the killing (Guardian, 04.04.2018) – ‘Публичное расследование в 2016 году пришло к заключению, что Путин, вероятно, одобрил убийство’;

(14) Russia experts said the Kremlin **was likely** behind the effort (Politico, 16.02.2018) – ‘Эксперты по России заявили, что Кремль, вероятно, стоит за этими действиями’.

Данные прилагательные и наречия могут сочетаться с языковыми единицами, выражающими меру и степень проявления признака, что усиливает восприятие упомянутого в высказывании действия как действительно совершенного: *highly likely* ‘с высокой вероятностью’, *more than likely* ‘более, чем вероятно’, *most likely, overwhelmingly likely* ‘в высшей степени вероятно’, *almost certain(ly)* ‘почти наверняка’. Можно предположить, что чем меньше соответствует истине навязываемая обществу идея, тем больше усиливается степень ее вероятности средствами языка. Так, всего через неделю после инцидента в Солсбери, при отсутствии каких-либо доказательств Тереза Мей произнесла ставшее впоследствии широко тиражируемым выражение *highly likely* ‘весьма вероятно’, говоря о том, что Россия несет ответственность за нападение на Сергея Скрипалю и его дочь Юлию, и предупредила, что Великобритания не потерпит такой «наглой попытки убить ни в чем не повинных гражданских лиц на нашей земле»:

(15) After chairing a meeting of the national security council, the prime minister told MPs that it was **“highly likely”** that Russia was responsible for the attack on Sergei Skripal and his daughter, Yulia. She warned that Britain would not tolerate such a

“brazen attempt to murder innocent civilians on our soil” (The Guardian, 13.03.2018) – ‘После проведения заседания Совета национальной безопасности, премьер-министр сказала депутатам, что «весьма вероятно», что Россия несет ответственность за нападение на Сергея Скрипалю и его дочь Юлию. Она предупредила, что Великобритания не потерпит такой «наглой попытки убить мирных жителей на нашей земле»’.

Подобное заключение сделало и правительство Великобритании:

(16) ... The government has concluded that it is **highly likely** that Russia was responsible for the act against Sergei and Yulia Skripal (The Guardian, 13.03.2018) – ‘...Правительство пришло к выводу, что весьма вероятно, что Россия была ответственна за акт нападения на Сергея и Юлию Скрипаль’.

Через несколько дней министр иностранных дел Борис Джонсон пошел еще дальше, заявив, что решение использовать нервнопаралитический газ против бывшего шпиона «в высшей степени вероятно» (*overwhelmingly likely*) является личным решением российского президента Владимира Путина:

(17) Foreign Secretary Boris Johnson of Britain said on Friday that it was **“overwhelmingly likely”** that President Vladimir V. Putin of Russia personally ordered the nerve agent attack against a former Russian spy this month (The New York Times, 16.03.2018) – ‘Министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон заявил в пятницу, что «в высшей степени вероятно», что президент России Владимир Путин лично отдал приказ о нападении с применением нервнопаралитического газа на бывшего российского шпиона в этом месяце’.

Шесть месяцев спустя, по-прежнему при отсутствии доказательств участия России в данном инциденте, Тереза Мей заявила, что нападение на Скрипалей «почти наверняка» (*almost certain*) было совершено по указанию сверху, а г-н Уоллес уже без всякого сомнения утверждает, что Путин несет за это прямую ответственность:

(18) Mrs May said that it was **“almost certain”** the attack on the former Russian spy Sergei Skripal, 67, and his daughter, Yulia, 34, was authorised by someone senior outside the GRU, the Russian military intelligence agency. However, Mr Wallace said that Mr

Putin bore direct responsibility (The Times, 06.09.2018) – ‘Миссис Мей сказала, что «почти наверняка» нападение на бывшего российского шпиона Сергея Скрипала, 67 лет, и его дочь Юлию, 34 года, было санкционировано кем-то высокопоставленным и не из ГРУ, российского агентства военной разведки. Однако г-н Уоллес сказал, что прямую ответственность за это несет господин Путин’.

Выражения, создающие эффект неоднозначности, в устах высокопоставленных политиков звучат неуместно и даже иронично. Однако энтузиазм СМИ при тиражировании таких высказываний британских лидеров не оставляет сомнений в том, что четвертая власть выступает единым фронтом с государственной властью. Несмотря на наличие в выражениях политических деятелей Великобритании языковых средств со значением эпистемической модальности, можно сказать, что навязывание обществу идеи о вине России носит в данном случае агрессивный характер (подробно об этом см.: [Озюменко, 2017]).

Как показал проведенный анализ, в медийных текстах часто наблюдается комбинация разноуровневых средств со значением неопределенности, что усиливает неоднозначность высказывания, снимая с журналиста ответственность за недостоверность фактов, и тем самым дает больше возможности озвучивать самые невероятные идеи:

(19) Though an indictment is a charge only, it **presumably** relies on hard evidence of a wide and deep Russian project – so wide and so deep that it **could** only have been approved and paid for by the Kremlin (Fox News, 22.02. 2018) – ‘Хотя обвинительное заключение – это всего лишь обвинение, оно, по-видимому, опирается на убедительные доказательства широкого и глубокого российского проекта – настолько широкого и глубокого, что он мог быть одобрен и оплачен только Кремлем’.

Высказывание содержит обвинение России во вмешательстве в президентские выборы в США. При отсутствии какой-либо аргументации в нем использованы две единицы с модальным значением: *presumably* ‘по-видимому’ (‘обвинение, по-видимому, опирается на убедительные доказательства’) и *could* ‘мог бы’ (‘проект мог быть одобрен и оплачен только Кремлем’). Однако, просматривая статью, читатель вряд ли обратит на

них внимание. В его долгосрочной памяти останутся: российский проект / убедительные доказательства / Кремль / вмешательство в выборы.

Вопросительные заголовки

Эффективным средством подачи неподтвержденного материала и в то же время воздействия на аудиторию являются вопросительные заголовки [Озюменко, 2017; Ozyumenko, Larina, 2017; 2018]. Заголовки в целом – важная часть медийного дискурса. Знакомая с новостями, читатель в первую очередь просматривает их. Они не только передают информацию, но и заостряют внимание на наиболее важных для СМИ фактах. Заголовки в форме вопроса занимают здесь особое место: представляя факты / события в виде вопроса, пресса не претендует на их достоверность, однако в таких заголовках содержится определенная пресуппозиция.

(20) Has Russia carried out state-sponsored assassinations in the UK? (Guardian, 04.08.2018) – ‘Осуществляла ли Россия спонсируемые государством убийства в Великобритании?’;

(21) Does Russia present a credible threat to the UK? (Guardian, 15.03.2018) – ‘Представляет ли Россия реальную угрозу для Великобритании?’.

В приведенных примерах содержится негативная пресуппозиция о том, что Россия спонсирует убийства в других странах (20), несет в себе реальную угрозу (21) и потому есть причины ее бояться. Данная пресуппозиция усиливается еще и тем, что перед словами *assassinations* («убийство») и *threat* («угроза») стоят определения (*state-sponsored assassinations, credible threat*), которые «перетягивают» на себя вопрос, повышая таким образом степень достоверности реалий, называемых существительными.

Заключение

В исследовании был поставлен вопрос о том, как информационный текст, прямая цель которого состоит в описании текущих событий, при помощи различных технологий все чаще используется для манипуляции общественным сознанием. Выявлена значимость таких при-

емов конструирования социальной реальности, как отбор информации, частотность ее тиражирования даже в случае неподтвержденности, отсутствие или преднамеренное умолчание фактов, двусмысленность суждений.

Системность и регулярность употребления языковых средств, создающих неопределенность и двусмысленность текста, позволяют считать неоднозначность в современном медийном дискурсе одной из стратегий манипулирования. Она дает возможность журналистам писать о неподтвержденных фактах и не нести ответственности за распространение недостоверной информации, оказывая при этом существенное влияние на формирование общественного мнения.

Суждения, подобные тем, что были приведены в качестве примеров, как правило, закрепляются в сознании людей в силу того, что появляются в СМИ независимо от реализации в текстах эпистемической модальности. Кроме того, при чтении или просмотривании текста читатели, в своем большинстве, не обращают внимания на «модальные нюансы», в их сознании фиксируются утверждаемые в прессе факты и формируются создаваемые ею образы. Выделенные средства неопределенности, которые используются журналистами для своей подстраховки, как правило, не попадают в сферу внимания читателя или не задерживаются в его сознании. Это дает некоторую свободу СМИ и делает их эффективным проводником идей властных структур, формирующих общественное мнение.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

The study was carried out in the framework of “5-100” Project RUDN Program.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайда С., 2014. Философия стиля // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : коллектив. моногр. / под. ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. М. : Флинта : Наука. С. 9–17.
- Добросклонская Т. Г., 2009. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 85–94.
- Земская Е. А., 2004. Язык как деятельность : Морфема. Слово. Речь. М. : Яз. слав. культуры. 688 с.
- Иванова С. В., 2016. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. № 5 (59). С. 28–37.
- Иванова С. В., Садуов Р. Т., 2008. Политическая коммуникация как образец речевого манипулирования // Политическая лингвистика. № 2 (25). С. 52–59.
- Иванова С. В., Чанышева З. З., 2014. Технологии дискурсивного оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа // Политическая лингвистика. № 2. С. 39–49.
- Кара-Мурза С. Г., 2004. Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм. 528 с.
- Клушина Н. И., 2008. Стилистика публицистического текста. М : МедиаМир. 244 с.
- Клушина Н. И., 2014. Этические аспекты массовой коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. № 1. С. 59–66.
- Комалова Л. Р., 2019. Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 23, № 1. С. 149–164.
- Копнина Г. А., 2014. Речевое манипулирование. М. : Флинта : Наука. 170 с.
- Ларина Т. В., Озюменко В. И., Пономаренко Е. Б., 2011. Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. № 1. С. 28–37.
- Озюменко В. И., 2017. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: От манипуляции – к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21, № 1. С. 203–220.
- Постовалова В. И., 1982. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М. : Наука. 223 с.
- Сковородников А. П., Копнина Г. А., 2012. Тексты СМИ как поле речевых манипуляций и их разоблачений (на материале российской прессы) // Лингвистика речи. Медиастилистика : коллектив. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. М. : Флинта. С. 467–492.
- Солопова О. А., Чудинов А. П., 2018. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia’s V-Day // Вестник Российского университета дружбы

- бы народов. Серия: Лингвистика. Т. 22, № 2. С. 313–337.
- Чернявская В. Е., 2006. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М. : Флинта. 136 с.
- Чудинов А. П., 2006. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука. 256 с.
- Шейгал Е. И., 2004. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис. 326 с.
- Austin J. L., 1976. How to Do Things with Words. 2nd ed. Oxford ; New York : Oxford University Press. 192 p.
- Bekalu M. A., 2006. Presupposition in news discourse // *Discourse and Society*. Vol. 17, no. 2. P. 147–172.
- Chilton P., 2011. Manipulation // *Discursive Pragmatics* / J. Zienkowski, J. O. Östman, J. Verschueren (eds.). Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins. P. 176–189.
- Clark C., 2010. Evidence of evidentiality in the quality press 1993 and 2005 // *Corpora*. Vol. 5, no. 2. P. 139–160.
- Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity, 2007 / G. Weiss, R. Wodak (eds.). London, Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan. 336 p.
- Dijk T. A. van, 2006. Discourse and manipulation // *Discourse and Society*. Vol. 17, iss. 3. P. 359–383.
- Dijk T. A. van, 2009. Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk. Cambridge : Cambridge University Press. 287 p.
- Empson W., 1966. Seven Types of Ambiguity. N.Y. : New Directions. 256 p.
- Fairclough N., 1989. Language and Power. Harlow ; N.Y. : Longman. 259 p.
- Fairclough N., 1995. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. Harlow : Longman. 265 p.
- Fairclough N., 2001. Critical discourse analysis as a method in social scientific research // *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer (eds.). L. : Thousand Oaks ; New Delhi : Sage. P. 121–139.
- Fowler R., 1991. Language in the News. L. ; N.Y. : Routledge. 254 p.
- Gilbert D. T., Tafarodi R. W., Malone P. S., 1993. You can't not believe everything you read // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 65, № 2. P. 221–233.
- Levinson S., 1983. Pragmatics. Cambridge : Cambridge University Press. 420 p.
- Lippmann W., 1922. Public Opinion. N.Y. : Macmillan. 427 p.
- McCombs M., Reynolds A., 2002. News influence on our pictures of the world // *Media Effects: Advances in Theory and Research* / J. Bryant, D. Zillman (eds.). Mahwah New Jersey : L. Elbaum Associates. P. 1–18.
- Methods of Critical Discourse Analysis, 2001 / R. Wodak, M. Meyer (eds.). London, Thousand Oaks ; New Delhi : Sage. 200 p.
- Ozyumenko V., Larina T., 2017. From manipulation to aggression: analysis of media discourse in the situation of information confrontation // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017. Vienna, HOFBURG Congress Centre, book 3, vol. 2. P. 737–744.
- Ozyumenko V., Larina T., 2018. How to understand a media text in the language classroom: ambiguity as a strategy of manipulation // *Edulearn 18 : Proceedings of 10th International Conference on Education and New Learning Technologies (Palma de Mallorca, Spain, 2–4 July)*. Palma, IATED Academy. P. 1626–1633. DOI: 10.21125/edulearn.2018.
- Searle J., 1969. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge : Cambridge University Press. 203 p.
- White P. R. R., 2000. Media objectivity and the rhetoric of news story structure // *Discourse and Community: Doing Functional Linguistics*. Ventola E. (ed.). Tübingen : Verlag Gunter Narr. P. 379–394.
- Wodak R., 2007. Critical discourse analysis // *Qualitative research practice*. L. : Sage. P. 185–201.

СЛОВАРИ

- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>.
- MD – Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british>.
- OELD – Oxford English Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition>.

REFERENCES

- Gayda S., 2014. *Filosofiya stilya* [Philosophy of Style]. Solganik G. Ya., Klushina N.I., Smirnova N.V., eds. *Diskurs i stil: teoreticheskie i prikladnye aspekty: kollektiv. monogr.* [Discourse and Style: Theoretical and Applied Aspects: Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 9–17.
- Dobrosklonskaya T.G., 2009. *Lingvisticheskie sposoby vyrazheniya ideologicheskoy modalnosti v mediatekstakh* [Linguistic Methods of Expression the Ideological Modality in Mediatexts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*

- [Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication], no. 2, pp. 85-94.
- Zemskaya E.A., 2004. *Yazyk kak deyatelnost: Morfema. Slovo. Rech* [Language as an Activity: Morpheme. Word. Speech]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 688 p.
- Ivanova S.V., 2016. Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozdanie efekta demonizatsii [Linguistic Resources Employed in an Information Warfare: Demonization Effect Techniques]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], no. 5 (59), pp. 28-37.
- Ivanova S.V., Saduov R.T., 2008. Politicheskaya kommunikatsiya kak obrazets rechevogo manipulirovaniya [Political Communication as a Model of Verbal Manipulation]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], no. 2 (25), pp. 52-59.
- Ivanova S.V., Chanysheva Z.Z., 2014. Tekhnologii diskursivnogo oformleniya slukhov v politicheskom diskurse massmedia [Rumor Introducing Discursive Technologies in Mass Media Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], no. 2 (48), pp. 39-49.
- Kara-Murza S. G., 2004. *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. Moscow, Algoritm. Publ. 528 p.
- Klushina N.I., 2008. *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [The Style of Journalistic Text]. Moscow, MediaMir Publ. 244 p.
- Klushina N. I., 2014. Eticheskie aspekty massovoy kommunikatsii [The Ethical Aspects of Mass Communication]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no. 1, pp. 59-66.
- Komalova L., 2019. Rerezentatsiya verbalnogo obraza akta agressii v informatsionnom universume angloyazychnykh SMI [Representation of the Verbal Image of Aggression in the Informational Universe of the English-Language Mass Media]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 23, no 1, pp. 149-164.
- Kopnina G.A., 2014. *Rechevoe manipulirovanie* [Speech Manipulation]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 170 p.
- Larina T., Ozyumenko V., Ponomarenko E., 2011. Yazykovye mekhanizmy manipulirovaniya obshchestvennym mneniem v angliyskikh i russkikh informatsionnykh tekstakh [Language Mechanisms Used to Manipulate Public Opinion in English and Russian News Texts]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no.1, pp. 28-37.
- Ozyumenko V.I., 2017. Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: Ot manipuliyatsii – k agressii [Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 21, no. 1, pp. 203-220.
- Postovalova V.I., 1982. *Yazyk kak deyatelnost. Opyt interpretatsii kontseptsii V. Gumboldta* [Language as an Activity. The Experience of Interpreting the Concept of V. Humboldt]. Moscow, Nauka Publ. 223 p.
- Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A., 2012. *Teksty SMI kak pole rechevykh manipuliyatsiy i ikh razoblacheniy (na materiale rossiyskoy pressy)* [Media Texts as a Field of Speech Manipulations and Their Disclosures (On the Material of the Russian Press)]. *Lingvistika rechi. Mediastilistika: kollektiv. monogr., posvyashch. 80-letiyu prof. G.Ya. Solganika* [Speech Linguistics. Mediastilistika. Collective Monograph Dedicated to the 80th Anniversary of Professor G.Ya. Solganik]. Moscow, Flinta Publ., pp. 467-492.
- Solopova O.A., Chudinov A.P., 2018. Diakhronicheskiy analiz metafor v britanskom korpuse tekstov: kolokola pobedy i Russia's V-Day [Diachronic Analysis of Political Metaphors in the British Corpus: From Victory Bells to Russia's V-Day]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 22, no. 2, pp. 313-337.
- Chernyavskaya V.E., 2006. *Diskurs vlasti i vlast diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya* [Discourse of Power and Power of Discourse. Problems of Speech Exposure]. Moscow, Flinta Publ. 136 p.
- Chudinov A.P., 2006. *Politicheskaya lingvistika*. [Political Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ. 256 p.
- Sheygal E.I., 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnosis Publ. 326 p.
- Austin J.L., 1976. *How to Do Things with Words*. Oxford, New York, Oxford University Press. 192 p.
- Bekalu M.A., 2006. Presupposition in News Discourse. *Discourse and Society*, vol. 17, no. 2, pp. 147-172.
- Chilton P. 2011. Manipulation. Zienkowski J., Östman J.O., Verschueren, J., eds. *Discursive Pragmatics*. Amsterdam and Philadelphia, John Benjamins, pp. 176-189.
- Clark C., 2010. Evidence of Evidentiality in the Quality Press 1993 and 2005. *Corpora*, vol. 5, no. 2, pp. 139-160.
- Weiss G., Wodak R., eds., 2007. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*.

- London, Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan. 336 p.
- Dijk T.A., van, 2006. Discourse and Manipulation. *Discourse and Society*, vol. 17, iss. 3, pp. 359-383.
- Dijk T.A., van, 2009. *Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge, Cambridge University Press. 287 p.
- Empson W., 1966. *Seven Types of Ambiguity*. New York, New Directions. 256 p.
- Fairclough N., 1989. *Language and Power*. Harlow and New York, Longman. 259 p.
- Fairclough N., 1995. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. Harlow, Longman. 265 p.
- Fairclough N., 2001. Critical Discourse Analysis as a Method in Social Scientific Research. Wodak R., Meyer M., eds. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Thousand Oaks and New Delhi, Sage, pp. 121-139.
- Fowler R., 1991. *Language in the News*. London, New York, Routledge. 254 p.
- Gilbert D.T., Tafarodi R.W., Malone P.S., 1993. You Can't not Believe Everything You Read. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 65, no. 2, pp. 221-233.
- Levinson S., 1983. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press. 420 p.
- Lippmann W., 1922. *Public Opinion*. New York, Macmillan. 427 p.
- McCombs M., Reynolds A., 2002. News Influence on Our Pictures of the World. Bryant J., Zillman D., eds. *Media Effects: Advances in Theory and Research*. Mahwah New Jersey, L. Erlbaum Associates, pp. 1-18.
- Wodak R., Meyer M., eds., 2001. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Thousand Oaks, New Delhi, Sage. 200 p.
- Ozyumenko V., Larina T., 2017. From Manipulation to Aggression: Analysis of Media Discourse in the Situation of Information Confrontation. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017*. Vienna, HOFBURG Congress Centre, book 3, vol. 2, pp. 737-744.
- Ozyumenko V., Larina T., 2018. How to Understand a Media Text in the Language Classroom: Ambiguity as a Strategy of Manipulation. *Edulearn18: Proceedings of 10th International Conference on Education and New Learning Technologies (Palma de Mallorca, Spain, 2-4 July)*. Palma de Mallorca, IATED Academy, pp. 1626-1633. DOI: 10.21125/edulearn.2018.
- Searle J., 1969. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, Cambridge University Press. 203 p.
- White P.R.R., 2000. Media Objectivity and the Rhetoric of News Story Structure. Ventola E., ed. *Discourse and Community: Doing Functional Linguistics*. Tübingen, Verlag Gunter Narr, pp. 379-394.
- Wodak R., 2007. Critical Discourse Analysis. *Qualitative Research Practice*. London, Sage, pp. 185-201.

DICTIONARIES

- Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>.
- Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british>.
- Oxford English Living Dictionaries*. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition>.

Information about the Author

Vladimir I. Ozyumenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 6, 117198 Moscow, Russia, ozyumenko-vi@rudn.university, <https://orcid.org/0000-0001-7587-3007>

Информация об авторе

Владимир Иванович Озюменко, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, ozyumenko-vi@rudn.university, <https://orcid.org/0000-0001-7587-3007>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>

UDC 81'42:32
LBC 81.055.1

Submitted: 24.12.2018
Accepted: 28.06.2019

RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE IN THE FOCUS OF LINGUISTIC ECOLOGY¹

Natalya A. Bozhenkova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Pavel A. Katyshev

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Svetlana V. Ionova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Elmira M. Afanasyeva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Levon N. Saakyan

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article provides an overview of typological mechanisms in the arrangement of communicative practices in modern political discourse and methods of verbal explication of its axiological and symbolic constituents, determining mental universals in individual/collective consciousness. The study provides a systematic characterization of linguistic and social-and-cultural dominants in political interaction. Verbal indicators of social asymmetry are identified. The description of the language of political discourse aspectual data are summarized. A multilevel analysis of the component structure of political interactions is carried out. The genre specifics of legitimate and illegitimate communicative acts is taken into consideration. The combination of the methods applied in discourse analysis, such as linguistic cognitive projection, linguistic-and-cultural interpretation and functional-and-pragmatic examination of text units, enabled the researchers to identify and qualify linguo-semiotic elements of political practices. Hence, an ecolinguistic typology of basic linguistic components of political communication acts characterized by various legitimacy degrees has been carried out. The study revealed a possibility to single out a specific communicative range in Russian political discourse, in the framework of which linguistic and cultural resources of ideologically charged discursive practices would be actualized and the area of possible communication risks would be significantly expanded.

Key words: political discourse, ecolinguistics, legitimate political practices, illegitimate political practices, linguistic-and-cultural dominants, verbal indicators, communicative risks.

Citation. Bozhenkova N.A., Katyshev P.A., Ionova S.V., Afanasyeva E.M., Saakyan L.N. Russian Political Discourse in the Focus of Linguistic Ecology. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 76-92. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>

УДК 81'42:32
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 24.12.2018
Дата принятия статьи: 28.06.2019

РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ФОКУСЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ¹

Наталья Александровна Боженкова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Павел Алексеевич Катышев

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Светлана Валентиновна Ионова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Эльмира Маратовна Афанасьева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Левон Николаевич Саакян

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются типологические механизмы организации коммуникативных практик современного политического дискурса и способы языковой экспликации его аксиологических и символических конститuentов, детерминирующих ментальные универсалии индивидуального / коллективного сознания. Представленная статья является результатом совместной работы авторов под руководством Н.А. Боженковой, предложившей методологическую концепцию исследования, направленную на системную характеристику лингво- и социокультурных доминант политического взаимодействия и установление вербальных показателей социальной асимметрии. На основе этой концепции обобщены аспектные данные описания языка политического дискурса. Позиция авторского коллектива базируется на многоуровневом анализе компонентной структуры политических интеракций с учетом жанровой специфики легитимных (Э.А. Афанасьева) и нелегитимных (П.А. Катышев) коммуникативных актов. Совмещение методов дискурс-анализа, лингвокогнитивной проекции, лингвокультурологических истолкований и функционально-прагматического рассмотрения текстовых единиц дало возможность выявить и квалифицировать лингвосемиотические элементы политических практик (П.А. Катышев, Л.Н. Саакян) и на этом основании осуществить эколингвистическую типологизацию (С.В. Ионова) базисных языковых составляющих актов политического общения, различных по степени легитимности. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о возможности выделения особого коммуникативного регистра русскоязычного политического дискурса, в котором актуализируются лингвокультурные ресурсы различных дискурсивных практик и одновременно существенно расширяется зона возможных коммуникативных рисков.

Ключевые слова: политический дискурс, эколингвистика, легитимные политические практики, нелегитимные политические практики, лингвокультурные доминанты, речевые маркеры, коммуникативные риски.

Цитирование. Боженкова Н. А., Катышев П. А., Ионова С. В., Афанасьева Э. М., Саакян Л. Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 76–92. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>

Введение

Современные геополитические условия, отличительной чертой которых являются интегративно-миграционные процессы, актуализируют многочисленные проблемы семиотико-семасиологической организации социально-коммуникативной системы – от установления принципов образования ее аксиологических компонентов в условиях поликультурности и полилингвизма до описания норм речевого поведения, характерных для данного универсума.

В этой связи оказывается закономерным появление новой, образовавшейся на стыке экологической и языковедческой проблемати-

ки области исследований – *эколингвистики*, предмет которой детерминируется дихотомией «объект – среда» и может быть, на наш взгляд, экстраполирован на любые социальные взаимоотношения. Соответственно, в рамках эколингвистики выделяются два подхода к изучению социокоммуникативных проблем – рассмотрение их через призму *экологии языка / речи* и *экологии человека / общества*. Сочетание указанных подходов лежит в основе проводимого нами анализа материала и позволяет определить эколингвистику как синергетическую область языкознания, объектом которой являются: 1) состояние языка как семиотической системы, обусловленное влиянием на языковое сознание социума и его ре-

чевую культуру различных экстралингвистических факторов; 2) способы «защиты» языка как компонента коммуникативной интеракции от негативных влияний и одновременно методы и пути его сохранения, обогащения и развития². Подчеркнем, что причины формирования эколлингвистики и решаемые ею проблемы имеют универсальный характер (актуальны для всех языковых сообществ), поскольку ее аксиологической доминантой является «сохранение языковой идентичности этноса и на этой основе нравственного здоровья общества и национальной безопасности государства» [Бернацкая, 2014, с. 28].

Корпус лингвоэкологических проблем русскоязычного пространства, констатируемых учеными, объем и динамичен, поскольку сама лингвоэкологическая ситуация – явление диффузное. Вместе с тем, несмотря на отсутствие единого метаязыкового аппарата, явно выделяются следующие:

- лексико-семантические утраты (в первую очередь архаизация книжной лексики и «выпадение» из языкового сознания носителей значительного количества паремиологических единиц) и одновременное восстановление историзмов (слов и фразеологизмов) в качестве функционирующих языковых единиц (с изменением / расширением их семасиологического компонента);

- жаргонизация³ / вульгаризация речи (особенно медийной) и лавинообразное «внедрение» иноязычных вербальных знаков (как правило, англицизмов / американизмов), являющихся варваризмами;

- «размывание» этико-эстетических норм речевого общения, обусловленное определенной утратой ценностного компонента русской (и не только) классической литературы и сосуществованием во множестве современных текстов диалектически несоотносимых явлений (например, инвективной / обценной лексики и общего пафоса высказывания);

- «переосмысление» / дискредитация вербальных знаков, являющихся национальными символами (государственной власти, исторических побед, этнокультурной причастности и др.);

- манипулятивное использование социально-культурных терминов и коннотативная амбивалентность трансляции идеологически

маркированных единиц, определяемые не столько принципиальными политическими установками коммуникантов, сколько латентными целями управления аудиторией;

- конструирование, воспроизводство и зачастую монетизация дискурсивных практик, оказывающих вредоносное воздействие на мировоззрение, ценностные предпочтения и поведение социума, в особенности на подрастающее поколение (вовлекающие дискурсивные практики радикальных сообществ; дискурсы, связанные с пропагандой суицида, растлением малолетних и т. д.).

Очевидно, что обозначенный круг эколлингвистических проблем охватывает все сферы жизнедеятельности человека, но наиболее заметными они оказываются в пространстве политической коммуникации уже на том основании, что, будучи включенным в этнокультурное поле любого социума, политическое общение эксплицирует многоярусную систему идей, целей и интересов государства в целом.

Политическая жизнь языка и природа политического языка, несмотря на значительное число работ в этой области, до сегодняшнего дня остаются непознанными. Какими знаковыми компонентами «оснащается» современный политический язык, как трансформируется языковое сознание его носителей и возможно ли сегодня говорить об особом коммуникативном регистре русскоязычного политического дискурса XXI века? В аспекте эколлингвистических взглядов возникает необходимость описания сущности современного политического дискурса, выявления его категориальных единиц и формулирования ряда лингвопрагматических закономерностей, которые могут быть экстраполированы на решение экологических задач языка в целом.

Материал и методы

Основным методологическим вектором в описании политической коммуникации, опосредованной различными социокультурными условиями, был выбран дискурс-анализ, выявляющий, как *создаются* и *поддерживаются* идеологически маркированные объекты, включенные в универсум, и как они *актуализируются* в хронотопическом аспекте. Вер-

фикация методологической концепции исследования позволила осуществить сопоставительный анализ лингвосомиотических доминант легитимных / нелегитимных политических практик и провести эколингвистическую типологизацию базовых конституентов актов политического общения, различных по степени легитимности.

Материалом исследования легитимных политических дискурсивных практик послужили скрипты выступлений (имеющих тематическую и жанровую общность) представителей российской политической элиты, в связи с чем особое внимание отводилось опубликованным в официальных источниках пресс-релизам, текстам брифингов, комментариев и интервью, эксплицирующим сущностное единство (при неоднозначности идеологических позиций) лингвосомиотических конституентов политического пространства (более 1000 текстовых единиц). Изучение нелегитимных политических дискурсивных практик проводилось на материале корпуса текстов, собранных на этапе досудебного расследования случаев вовлечения граждан в деятельность террористических организаций, функционирование которых запрещено на территории Российской Федерации решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 года. В корпус включено 43 записи устных бесед продолжительностью 74 часа и объемом в 405 тыс. словоупотреблений.

Целостность предлагаемой концепции изучения коммуникативного взаимодействия, ориентированной не только на национально-ценностные категории социума, но и на напряженные точки институционального общения, относительно которых осуществляется манипуляция общественным сознанием, и репрезентативность материала исследования обеспечивают, по мнению авторов, достоверность выводов проведенного сопоставительно-типологического анализа.

Результаты и обсуждение

Политическое взаимодействие как социально-коммуникативная сфера оказалось в фокусе российского научного интереса в последней трети XX в., когда постперестроечные инновации в русском языке приобрели харак-

тер этнокультурных маркеров. Категоризация учеными дефиниции *политический дискурс*, как и в ситуации с дискурсом в целом, привела к появлению внушительного списка определений: одни исследователи (А.П. Чудинов, М.М. Лазар и др.) используют термин «политический дискурс» как данный *a priori*; другие (А.Н. Баранов, Е.И. Шейгал, Т.А. ван Дейк, Р. Водак и др.) считают его синонимичным номинациям *политическая коммуникация*, *политический язык*, *язык политики*; третьи (М.Б. Паршин, Ю.С. Степанов и др.) отказываются признать за ним строго лингвистическое значение. Расхождение взглядов ученых объясняется тем, что политический дискурс – чрезвычайно неоднородный объект исследования, поскольку «лежит на пересечении разных дисциплин: политологии, социальной психологии, лингвистики – и связан с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных (“политических”) ситуациях» [Демьянков, 2001, с. 118].

С точки зрения авторов статьи, *политический дискурс* есть речевая деятельность субъектов в сферах политического институционального общения, детерминированная определенной социально-ролевой иерархией и объективированная в виде совокупности текстовых единиц политической направленности во всем их жанровом и функциональном многообразии. Будучи разновидностью дискурса институционального, политический дискурс характеризуется совокупностью конститутивных признаков (системностью, функциональной завершенностью, отсутствием строгих структурных ограничений, коммуникативной определенностью) и реализует те же функции, что и дискурс в целом, – информативную, делимитативную, аргументативную, групповыделительную и персуазивную. Специфически принято считать агональную функцию, функцию социальной идентификации, функцию контроля, имманентно включающую манипуляцию общественным сознанием, интерпретационную функцию, способствующую созданию «языковой реальности» поля политики [Паршина, 2004]. В этот перечень включим и функции, констатированные Д. Грейбер: определение повестки дня (*agenda setting*), распространение информации (*information dissemination*), проекция в будущее и прошлое (*projection to*

future and past) [Graber, 1981, p. 198]. Последние характеристики, актуализируясь в рамках политической коммуникации, и определяют базисный признак политического дискурса – его использование в качестве инструмента овладения властью, ее перераспределения и сохранения. Так, распространение информации о состоянии дел в политическом сообществе – важнейшая функция политических интеракций по отношению к гражданскому обществу, поскольку его члены обычно не имеют собственного опыта политического участия и их знания складываются на основе предлагаемых им «вербальных картинок». Такие сообщения имеют разные формы (описания, мнения, выводы) и реализуются в различных жанрах (официальном заявлении, послании законодательному органу, пресс-конференции, интервью и др.). Наряду с эксплицитной информацией текстовые единицы содержат имплицитно-коннотативные элементы (эмотивно окрашенные ключевые слова, репрезентирующие политические ориентации и ценности; патриотические символы и пр.), при этом значимыми оказываются хронотопические характеристики вербального акта, его «подчиненность» историко-культурным и аксиологическим факторам, система паралингвистических компонентов. Соответственно, политический дискурс «означивает» все конститuentы социального поля: они или составляют собственно предмет общения (референциальный аспект), или становятся элементами прагматического контекста, в том числе и прагматическими пресуппозициями.

Особую картину политического мира определяют дифференциальные характеристики политического дискурса: специфическая институциональность, ритуальность и смысловая неопределенность, подкрепляемая неразрывной связью политических текстов с экстралингвистическими компонентами коммуникативной ситуации, в которой они были созданы, и одновременно с системой когнитивных установок адресанта. В этой связи встает вопрос о специфичности языкового обрамления политических дискурсивных практик и наличии самостоятельной системы профессионально ориентированных знаков – вербальных / невербальных / «семасиологически скрытых» (термин наш). Многие

ученые (в отличие, например, от В.З. Демьянкова) отказывают системе политических языковых знаков в уникальности, подчеркивая, что своеобразные черты политического дискурса не всегда поддаются процедуре идентификации и обычно «не выходят за рамки соответствующих идиоэтнических языков» [Паршин, 2001, с. 193].

Внешняя «неспецифичность» политической коммуникации объясняется ее явной ориентацией на массового адресата: медиаресурсы становятся не только средой и средством ее существования, но и выступают как субъекты политической деятельности. Соответственно, политический дискурс XXI в. включает в состав участников новые группы носителей языка и приобретает новые формы, позволяющие актуализировать и транслировать даже такие виды политической деятельности, которые ранее не получали легитимных форм проявления.

В то же время основное качество политического дискурса – агональный характер, оставаясь его семиотической константой, составляет тот признак, по которому «он может быть отграничен от близких коммуникативных явлений» [Шейгал, 2000, с. 120]. Открывшая соревновательность в межличностном / институциональном / кросс-культурном политическом взаимодействии детерминирует эволюционную специфику политического дискурса: усиливается конфликтогенность как результат выраженного через язык столкновения взаимодействующих субъектов, реализуются дезинтегративные коммуникативные стратегии, наблюдается использование инвективных знаков и др. Большая часть агональных тактик политического дискурса является его коммуникативной нормой, предельные же формы коммуникации в сфере политики – осознаваемые партиципантами установки на противостояние, деструктивность, разрушение достигнутого согласия и сотрудничества (см., например: [Юрислингвистика, 2006]) – предполагают, с нашей точки зрения, необходимость введения эволюционного контроля.

Нельзя не учитывать и тот факт, что новые технологии генерируют новые средства, методы и жанры трансляции информации; это ведет к появлению новых моно- и полисемио-

тических систем коммуникации и вносит коррективы в политическое общение: расширяются его тематические границы, изменяются дискурсивные параметры и способы языковой экспликации (форумы, социальные сети, блог политика и др.). Дисплейный текст как форма сетевых медиа обладает особыми дифференциальными признаками: поликодовостью (мультимедийностью), нелинейностью (разветвленностью и отсутствием начала / конца), интерактивностью (непосредственной связью с адресатом и обратным воздействием на структуру текста). Это напрямую влияет как на макроструктуру политического дискурса, так и на его языковые компоненты: увеличиваются объем и плотность дискурса; проявляется неоднозначность и «разнобой» употребляемых единиц⁴; смысл слова выхолащивается до пустой оболочки, которую можно наполнить любым, вплоть до противоположного, содержанием. В результате политическая коммуникация характеризуется энтропией, адекватность восприятия текста существенно снижается, обуславливая тем самым активизацию эколингвистических проблем, а поддерживаемые глобальной сетью «токсичные» коммуникативные практики оказывают значительное влияние на когнитивно-психологическую организацию и конкретную личности, и аудитории в целом.

Самым сложным в аспекте эколингвистики оказывается видоизменение функциональной нагрузки политической дискурсивной практики: к трем основным параметрам (информирование, манипуляция и контроль) добавляется четвертый, свойственный ранее лишь СМИ, – развлечение аудитории. Это неслучайно: при построении диалогического взаимодействия в политической среде (как легитимной, так и нелегитимной) значимость вербальных и невербальных средств, снимающих «напряженность контекста», многократно увеличивается – особая институциональность нередко детерминирует невозможность эксплицитного маркирования идеологом, что замещается включением широкого спектра прецедентных единиц и своеобразных коммуникативных приемов⁵. Таким образом, можно констатировать следующие важнейшие характеристики политического дискурса: метафоричность, эвфемистичность, лозунговость

(с явной демонстрацией дихотомии «плохо – хорошо», «свой – чужой»), утверждение «абсолютной истины» и одновременно иррациональность, которая опирается на традиции, ритуалы и неопределенность денотатов.

Язык политики сегодня инкорпорируется в бытовое и бытийное общение самых широких гражданских масс: признаки политического обнаруживаются и в так называемой культуре повседневности, и в практиках вовлечения в деятельность нелегальных сообществ. В этой связи для описания поля экологических проблем в языке российской политики представляется корректным разделить дискурсивные практики в соответствии с антиномией «легитимность / нелегитимность» и охарактеризовать «болевые места» коммуникативного поведения субъектов политического поля в ракурсе эколингвистической парадигмы.

Легитимные политические практики в аспекте эколингвистических проблем

Легитимные политические дискурсивные практики, являясь «ареной» выражения идеологических постулатов определенных социальных элит и одновременно платформой формирования общественного мнения по различным позициям, имеют многочисленные способы экспликации. В политических науках легитимность рассматривается как «качественная характеристика властных отношений, связанная с поддержанием убежденности граждан в том, что существующие политические институты и отношения соответствуют или должны соответствовать данному обществу и ценностно-нормативной динамике эволюции политических коммуникаций и публичной сферы» [Завершинский, 2016, с. 8]. При этом подчеркивается, что изучение властных коммуникаций неизбежно сводится к анализу символических структур политической власти и/или форм, методов, стратегий, тактик ведения политической коммуникации. Исследования лингвистов позволяют зафиксировать речевые особенности интеракции «власть – общество», определить (бес)перспективность их существования в условиях развития современного общества, тем самым обеспечить успешность легитимации принимаемых политических решений.

В этой связи представляется корректным относить к легитимным политическим практикам те дискурсивные акты, в которых хотя бы одна из трех его составляющих – субъект, адресат, содержание речевого произведения – принадлежит сфере политики. При таком – полевом (в терминологии Е.И. Шейгал) – подходе в центре оказываются «первичные» жанры (программные документы, официальные речи, выступления государственных лиц и др.), а на периферии находятся жанры вторичные, или конвергентные, сочетающие в себе элементы политического и иных видов дискурса (аналитические статьи, комментарии политических выступлений, письма в редакцию, пародии и т. д.). Однако при более детальном анализе конститутивных признаков трех перечисленных составляющих оказывается недостаточно: субъект и адресат, будучи политическими фигурами, могут вести, например, сугубо бытовой диалог. Соответственно, к названным элементам, с нашей точки зрения, необходимо добавить цель и перлокутивный эффект речевого акта, поскольку именно эти составляющие и позволяют идентифицировать коммуникацию как легитимную политическую практику. Кроме того, без их учета невозможно говорить об интеракционной модели коммуникации.

В условиях легитимной политической практики целеполагание и перлокутивный эффект должны (в идеале) совпадать, поскольку достижение, «семиотическое закрепление», трансляция ценностно-прагматического опыта (цель) и осмысленная ретрансляция аудиторией определенных аксиологических доминант (перлокутивный эффект) только в совокупности обеспечивают важнейшую компоненту антиномии «власть – общество» – нормативную заданность общественных отношений и социальную принудительность. При этом отметим дихотомичность соотношения категорий: с одной стороны, политический дискурс продуцирует и эксплицирует стандарты статусно-ролевого поведения, закрепляет бинарные отношения «норма / ненорма», «допустимое / недопустимое», «благо / зло» и т. п., выражающиеся в моральных императивах, кодексах поведения, правовых актах и др.; с другой – социальный институт политики «производит» и трансли-

рует новые дискурсы (в форме идей, принципов, образов и иных символических фигур), которые задают «фокусные центры нашего видения и осмысления реальности» [Русакова, Русаков, 2008, с. 194].

Особую актуальность в данном ракурсе приобретает словарь политической действительности – своего рода «концептуарий социально значимых смыслов (кодов), символов, понятий и способов их представления» [Карасик, 2007, с. 268]. Его можно считать *первым* признаком, обнаруживающим специфику легитимных политических практик. Современная политическая жизнь маркируется преимущественно отрицательно заряженными лексемами: *санкции, кибератаки, коррупция, разоблачение, провокация, разрыв договора о... , раскольничья церковь, угрозы, изоляция России, удар по России, «смерть» Скрипаля, штиль, нацистские лозунги, террористические атаки, вмешательство в выборы, заговор, импичмент* и др.⁶, в результате текстовые единицы, формирующие коммуникативно-идеологическую среду современного человека, приобретают отчетливую инвективную окрашенность.

Анализ частотности употребления единиц русского языка одновременно демонстрирует, что на периферию русского лексикона сместился значительный пласт слов, эксплицирующих важнейшие понятия русской культуры: *сострадание, жалость, милосердие, совесть, стыдливость, добродетель, человеческое достоинство, справедливость, Родина, патриотизм*. Форма вербального знака известна носителям языка, но диапазон функционирования уменьшается, употребление автоматизируется, а «содержание часто клишируется, превращаясь в штамп, и подвергается процессу энантиосемизации» [Ионова, Шаховский, 2012, с. 142]. По данным социолингвистики, кривая активности ключевого слова русского политического дискурса *Родина / родина*⁷, с 70-х гг. идет на спад (пик – 30–60-е гг.), лишь с 2014 г. отмечается небольшой подъем. Слово *патриотизм* нередко наполняется противоположным содержанием: *старая идеология; последнее прибежище негодяев; то же, что экстремизм* и др. Показательно в этом плане выступление радиоведущей К. Лариной:

Сегодня на «Дожде» я пыталась сказать, что всем самым чудовищным в человеке мы обязаны патриотизму. Патриотизм разрушителен, он ничего не создает, кроме трескотни, вранья, лицемерия. Патриотизм не совместим со свободой, он убивает свободу мысли, свободу творчества, свободу самореализации... Патриотизм сам по себе является религией вчерашнего дня, религией мертвых (Ларина К. Блог «Эхо Москвы», 03.02.2014).

Нельзя не отметить вместе с тем, что сегодня в политическом дискурсе наблюдается постепенный возврат традиционной семантики слова:

В чувстве патриотизма присутствуют различные составляющие, всех не перечислишь, поэтому выделим лишь главные его векторы. Это любовь к своей стране. Это уважение, а в определенных обстоятельствах и любовь, к своему государству. Это любовь к своему народу (В.В. Путин, <https://www.putin-today.ru/archives/20531>);

Коммуникативная активизация таких идеологем, как *Родина, патриотизм, национальная идея, героизм, спасение, защита, объединение*, не только свидетельствует о новом явлении в легитимных дискурсивных практиках – «эстетизации политики», но и, бесспорно, демонстрирует высокую ценностную составляющую данных понятий, определяющую их место в официальной политической информации.

Второй особенностью легитимных политических практик можно считать появление новых способов «депозитивации» общественного сознания, наиболее значимые из которых: 1) образование лексических композитов-оксюморонов (*исчадие добра, ужас восторга, любовь-ненависть, достижение провала / неудачи* и т. п.), вносящих в положительное понятийное поле отрицательный компонент; 2) включение языковых единиц, характеризующихся «размытой универсальностью» – минимальным / нулевым содержанием (*прогресс, общественное мнение, путь созидания, истинная справедливость* и др.); 3) специфическая эвфемизация, превращающаяся на уровне адресата в дисфемию (*наведение конституционного порядка, вежливые люди, введение демократических принципов, наши западные партнеры* и др.). Совокупность таких вербальных знаков, получающих

метафорическое преломление в социально-коммуникативной реальности, не только порождает устойчивые коннотативные негативы, но и организует направленную «информационную вертикаль», которая транслирует заранее предложенные темы и формирует общественное мнение в параметрах односторонней коммуникации. Неслучайно происходящее сегодня в медийном политическом поле уже окрестили «войной формулировок»: от того, как будет названа активная часть населения – *гражданским обществом, протестным электоратом* или *ресурсом правящего режима*, – зависит, как будет выстраиваться публичная политика. В этой связи существенно возрастает роль фразеологизированных публицистических стандартов, социально-типичных оценочных номинаций, прецедентных феноменов, привлекаемых в поле интерпретации и составляющих единое для коммуникантов «знание о мире». Например, в диалоге С. Минаева и И. Ружейникова с А. Хинштейном (радио «Маяк», 19.10.2010), содержанием которого была «горячая новость» – дело о червяке в тарелке губернатора Тверской области Д. Зеленина, – доминантным центром становится гротескное представление международного престижа России в (*нано*)*червяках* и чиновников в образе *червяков, вылезавших из всех дыр*. В сообщении корреспондента «с места событий» (сюжет о грузинско-российском шпионском скандале, радио «Эхо Москвы», 05.11.2010) номинации *заговор* и *шпионы* с первых фраз формируют оценочное поле, а тематическое выражение *шпионский скандал* вводит фрейм ‘вербовка – внедрение – шифровка – секретная информация – связной – секретная операция – разоблачение – доказательства – предание гласности’, подкрепляемый последующими сообщениями блока. С *доказательствами* связывается *документальный фильм* (ср.: *документ* – ‘свидетельство, служащее доказательством’), однако лексемы *фильм* и *шпион* актуализируют в сознании адресата представление о *шпионском фильме*, позволяя рассматривать референтный эпизод как часть некоего сценария и задаваться вопросом о реальности / театральности события. Постоянные «сказуемые» легитимных политических практик, маркирующие их переменные «подлежащие»,

метафорически транслируют идеологические константы и стереотипы, которые осознанно / неосознанно закладываются в социуме и ментальном поле этноса.

Можно констатировать, что вся риторика русскоязычного политического дискурса последнего времени направлена на «перформативное» субъектности, идеологии и истории в целом: с одной стороны, создаются новые (или актуализируются старые) символические атрибуты (ср.: *Крым наш! vs. Партия жуликов и воров!*), расширяется спектр прецедентных текстов и имен исторических деятелей (*Георгиевская ленточка, Александр III*), с другой – многочисленные лингвосомиотические конститuentы (лозунги, слоганы, эмблемы, награды) дискредитируются и даже упраздняются в результате функционирования в политическом поле значительного числа публицистических, кинематографических и иных текстов с односторонними отрицательно-оценочными характеристиками данных символов. Приведем в связи с этим слова Ю.М. Лотмана о том, что «символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [Лотман, 2010, с. 185]. Соответственно, устранение символа из сознания социума видоизменяет доминантные смыслы, вырабатываемые и закрепляемые в пространстве языка, и порождает новый образ мира.

Третьим специфическим признаком легитимных политических практик следует считать их имманентную манипулятивную направленность. В политической дискуссии люди, как правило, пытаются «уйти от ответа» на неприятные вопросы, скрыть нежелательные факты, при этом оказать воздействие на собеседника и «навязать» свое мнение. Однако и сам язык, как отмечает Т.М. Николаева, «располагает достаточным для этого набором средств – диалого-композиционных, синтаксических, собственно грамматических. Иначе говоря, язык обладает свойствами самоманипулирования» [Николаева, 1990, с. 225]. Действенными приемами, позволяющими вариативно интерпретировать действительность, в русском языке являются: номинализация (замена существительным прилагательного

или глагола, ср.: *Полиция жестоко расправилась с демонстрантами – Расправа с демонстрантами; поступать подло – подлый поступок – подлец*); «языковая демагогия» (непрямое воздействие на реципиента, при котором субъективное утверждение, или ассерция, маскируется под суждение, воспринимающееся как общеизвестный факт, или пресуппозицию, что обычно маркируется конструкциями *Как Вы все знаете; Как известно; Общеизвестный факт* и др.); персеверация (многократное настойчивое повторение⁸, воздействующее и на языковое сознание, и на подсознание адресата информационного сообщения).

В качестве иллюстрации последнего приема приведем пример политической «игры с культурным кодом». 10 июня 2017 г. в Киеве на мероприятии по случаю введения безвизового режима Украины с Евросоюзом президент Украины П.А. Порошенко процитировал фрагмент стихотворения М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия». Это выступление транслировалось в СМИ, попало в социальные сети, «прошло через сито» многочисленных журналистских комментариев. Таким образом, лермонтовский текст стал не только элементом речи политика, но и вошел в масскультурный контекст. Вслед за «выпадом» П.А. Порошенко в адрес России, в медиапространстве 10–11 июня 2017 г. активно обсуждалась ситуация «культурного поединка» двух президентов. С одной стороны, в российских СМИ преобладал акцент на «поэтической дуэли» глав государств, о чем свидетельствуют заголовки публикаций:

Путин объяснил Порошенко смысл стихотворения про «немытую Россию» (НТВ, <https://www.ntv.ru/novosti/1820544/>);

Путин ответил на слова Порошенко о «немытой России» цитатой из Шевченко (ИНТЕРФАКС, <https://www.interfax.ru/russia/566737>).

С другой стороны, в российских СМИ был восстановлен ретроспективный контекст – толкование президентом РФ стихотворения М.Ю. Лермонтова во время встречи с победителями Всероссийского конкурса «Учитель года – 2016». Приведем цитату выступления В.В. Путина:

Или «Прощай, немытая Россия». Казалось бы, такая вещь, грубоватая по отношению к стране: «Страна рабов, страна господ, / И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ». Но те, кто хочет увидеть этот негатив, на этом останавливаются, а там есть второе четверостишие: «Быть может, за стеной Кавказа / Укроюсь от твоих пашей, / От их всевидящего глаза, / От их всеслышающих ушей». Это написано когда? По-моему, в 1841 году. А в связи с чем? Он ехал на Кавказ. Он же был офицер и воевал за интересы Отечества. С одной стороны, он не приемлет вот этого официоза, наушничества и всяких слежек и так далее, с другой стороны, он готов жизнь отдать за интересы страны и Родины. Он был чрезвычайно храбрым человеком. И вторую часть стараются часто не замечать (Президент России, <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53031/videos>).

На волне поэтического поединка двух президентов в интернет-пространстве появляется передача Е. Яковлева «“Прощай, немытая Россия” – фейк?» (авторский цикл «Цифровые истории»), в которой авторство М.Ю. Лермонтова ставится под сомнение и выдвигается гипотеза о том, что стихотворение написал польский поэт Т.Л. Заблоцкий (https://www.youtube.com/watch?v=I7nx_CQmqWc). Тем самым политические баталии переводятся в сферу филологических дискуссий, а художественный текст в ситуации политического противоборства становится и аргументом противостояния, и особого рода «политическим громоотводом».

Произведение М.Ю. Лермонтова в речи П.А. Порошенко выполняет роль авторитетной ссылки: вырванный из контекста начальный стих – идеологический символ разрыва отношений Украины с Россией. В.В. Путин в свою очередь дает историко-биографический комментарий текста с учетом его эстетической целостности. Очевидно, что легитимный политический дискурс становится «многослойным»: в него «вплетается» дискурс художественных практик, «провоцируя» толкование реальных фактов в соотношении с литературными произведениями и оказываясь базисом метафоризации политического факта как такового.

Четвертой характеристикой легитимных политических практик, особым образом актуализирующей эколлингвистические проблемы, следует считать институциональную реверсию. Несмотря на расширение возмож-

ностей общественного участия в социальных интеракциях, формы коммуникативного взаимодействия общества и власти конструируются, как правило, в соответствии со стратегией «сверху – вниз». В результате вырабатываются специальные речевые клише, закрепляются особые языковые знаки, воспринимающиеся субъектами политического поля как соответствующие дискурсивным задачам формулы регулирования поведения членов сообщества, при этом категоричность императива нивелируется лояльным отношением со стороны гражданского общества: проявления властной коммуникации часто считаются оправданными, поскольку в таких случаях демонстрируются позитивные ценности и образцы поведения (*жизнь, порядок, толерантность, законность, эффективность* и др.). Пресуппозиционное поле партиципантов, актуализирующее военные лозунги (*Ни шагу назад!; Не отдадим завоевания Октября!; Сражайся так, чтоб не отдать ни уголка земли родной*), и конструкции, обеспечивающие безопасность трудовой деятельности (*Запрещается прикасаться; Отключить перед работой; Не входить*), естественным образом превращают речевые формулы-запреты в шаблоны дискурсивных политических практик (*обязаны, должны, виноваты, невозможно, нельзя, запрещено, не принимается, не положено* и др.), а мизерное «вкрапление» языковых единиц, маркирующих истинное назначение властных структур – выполнять роль институциональных «слуг народа» (*создавать условия, способствовать, помогать, уважаемый, будьте любезны, позовольте, спасибо* и др.), трактуется как особый личностный признак, обусловленный воспитанием или образованием. Приведенные единицы, с нашей точки зрения, являются как показателями выработанной властной доминанты в языке, так и факторами эффективной реализации функции воздействия, подчас нарушающего экологическое пространство субъектов политической деятельности.

Причиной и одновременно следствием институциональной реверсии оказывается смещение социальных ролей, подмена понятий «право» и «обязанность» применительно к разным участникам интеракции: народ наделяется исключительно обязанностями,

власть – одними правами. Неслучайно мы наблюдаем сегодня вербальную замену понятия «власть» понятием «владычество»: *господство, превосходство, всемогущество, правление, диктатура, хозяин, корона, трон, престол* и др., тогда как в языковом сознании институциональных «низов» оценка деятельности представителей власти выражается следующим образом: *засилие, иго, правители, власть имущие, власти предержащие* и др. Отметим, что проблема «номинация и власть» vs «власть номинации» не столько демонстрирует возможности языковой системы, сколько определяет пропозицию конструкции и вектор дальнейшего инкорпорирования знака в иные дискурсивные поля (вспомним, что еще Конфуций наставлял правителей начинать правление с изменения имен, дабы постигнуть суть вещей).

Расширение процесса институциональной реверсии в политическом пространстве вкупе с акцентуацией негативного / сокращением позитивного поля языкового сознания субъектов коммуникации и одновременным расширением референциального плана высказываний приводит к появлению новой реальности, в рамках которой формируются иные контекстуальные понятия, нормы вербального поведения, стереотипы оценок и коммуникативные традиции универсума в целом, что сближает структуру и композицию легитимных политических практик с практиками нелегитимными и даже нелегальными.

Нелегитимные политические практики в аспекте эволюционистических проблем

Нелегитимные (особенно нелегальные) политические практики представляют собой отдельную область эволюционистических исследований, которые дают полную картину использования символических возможностей языка как специфического (для человечества) способа регулирования интерактивности, межтеловой координации, позволяющей достичь результатов, недоступных для одного человеческого тела или человека [Steffensen, Fill, 2014, p. 18]. При этом цели нелегальных политических организаций лежат вне интересов отдельных индивидов, поскольку индивиды при

соответствующей психологической обработке демонстрируют готовность действовать согласно планам включающей их группы и вопреки возможным личным издержкам. По характеру последствий, вызванных данным влиянием, подобные политические практики принято называть также социальными «неэкологичными», наносящими вред социуму и входящим в него членам.

Оставляя в стороне темы правового регулирования, пресечения и профилактики нелегальных политических практик, обратимся к описанию того, как организуются интерактивные форматы нелегитимных политических дискурсов на примере технологий вовлечения, применяемых в деятельности радикальных организаций.

С учетом того, что под вовлечением в деятельность радикальных организаций понимается «побуждение, приобщение людей (объектов вовлечения) к (со-)участию в какой-либо, в том числе противоправной, деятельности посредством трансляции, возбуждения либо формирования в их создании специфической мотивационной установки в процессе речевого и иного воздействия субъекта (вовлекателя), осуществляемого в конкретных социальных условиях, реальном или виртуальном дискурсе» [Хазимуллина, 2016, с. 466–467], организация данного процесса может быть описана с точки зрения единства и раздельности трех составляющих неэкологичной интеракции: социокоммуникативного контекста, стадий вовлекающего воздействия, дискурсивного строя.

На уровне социокоммуникативного контекста рассмотрение вовлечения в деятельность радикальной организации связано с ответом на вопрос: «Что представляет собой вовлекатель (корпоративный субъект) как носитель определенной политической идеологии?». С описанием социокоммуникативного контекста дискурсов тесно связаны представления:

– о типе организации с точки зрения ее отношения к членству в группе (обычно такие организации являются группами инклюзивного типа – сообществами, которые решают свои задачи путем увеличения численности, регулярного обновления состава группы, организационных перестановок и т. д.);

– ее идеологии, включающей предписания о должной пропаганде отстаиваемых политических идей;

– ее устройстве, иерархические особенности которого обуславливают степень осознанного отношения к членству в группе (как правило, новички и рядовые члены группы рассматриваются как индивиды, которые в меньшей степени посвящены в истинные цели организации, а потому подлежат опеке и направленной идеологической обработке, или «обучению»);

– ее правовом статусе, от которого зависит политическая программа сообщества и, соответственно, выбор агитационных форм (исповедование группой радикальной идеологии приводит к признанию таких организаций нелегальными, а потому влияет на выбор скрытых форм агитационной работы, вплоть до использования тайного языка для сокрытия опознавательных атрибутов);

– технологичности воспроизводимого ей процесса вовлечения, демонстрирующего продуманность и типизированность моделей склонения и удержания adeptов и стейкхолдеров (внешних, невовлеченных носителей позитивного общественного мнения).

Отметим, что процесс вовлечения в деятельность радикальных организаций стадиялен в силу того, что требует контроля активности аудитории и характеризуется постепенностью в приобщении вовлекаемых к цели и задачам организации. Стадии вовлекающего воздействия определяются переходом от этапа включения в сообщество к этапу самововлечения, предполагающему личную инициативу со стороны adeptа. Соответственно, вовлечение, представляя собой процесс изменения состояний и установок вовлекаемых лиц, может быть описано либо с позиции взаимодействия организации с обществом как реальным и потенциальным источником единомышленников, новых adeptов и стейкхолдеров, либо с точки зрения присвоения и применения объектами вовлечения идеологии организации.

В первом случае вовлечение трактуется как четырехэтапный процесс постепенного и системного приобщения ин-группой представителей аут-группы: образование сообщества; совместное совершение какой-либо деятельности членами ин-группы, имеющими разную степень приобщенности; созидание об-

раза организации вместе с лояльно настроенными членами аут-группы (например, стейкхолдерами, родственниками, правозащитниками, авторитетами религиозных общин и др.); выход на более широкую аудиторию, в том числе путем использования дигитальных форматов публичности [Agaeva et al., 2018, p. 142].

Во втором случае вовлечение описывается как последовательность состояний, характеризующих степень инкорпорированности объектов (субъектов) в деятельность радикальных организаций, – от состояний заинтересованности, вызываемых стимулирующими аттракциями, до полного погружения в деятельность ин-группы [Хазимуллина, 2016, с. 463].

Как отмечается в работах ученых (см., например: [Фомина, 2016; Хазимуллина, 2016; Agaeva et al., 2018]), на каждом этапе вовлечения обнаруживаются:

– специфические намерения вовлекателя, связанные с попытками формирования благоприятного коммуникативного фона, неявным изучением кандидатуры на возможность ее работы в организации, удержанием внимания кандидата на желательных для группы ценностях, задачах, ритуалах и т. д.;

– типичные стратегические линии речевого поведения вовлекателя, чья императивность, эксплицитность и категоричность проявляются все больше по мере включения adeptа в ин-группу;

– характерное реактивное поведение, свидетельствующее о вовлеченности / невовлеченности объекта (ср. возможные реакции вовлеченности: согласие, запрос дополнительной информации, отчет о проделанной работе, участие в планировании мероприятий и т. д.);

– особые жанры вовлечения (обучающие мероприятия, дружеские встречи с целью расположения первичной аудитории, прокламации, книги идеологической направленности, молитвы и т. д.).

Важнейшими показателями вовлеченности в деятельность радикально настроенных групп являются маркеры: мелиоративной оценки «своих» и, напротив, пейоративной – «чужих»; готовности к выполнению чего-либо противозаконного, сокрытию его и маскировке; инклюзивности, кооперативности, самоидентификации (инклюзивные глаголы: *пригласить кого-л., приводить кого-л. куда-л.,*

делать вместе что-л. и др.; местоимения: *мы, наши* и др.; выражения с семантикой общности, объединения, вхождения (включения) в группу: *вместе с (нами), с теми, (кто) я, совместно* и др.; самоназвания, как шуточные, так и маскирующие); коммуникативной активности (например, активного и рефлексивного слушания); регулярности выполнения ритуальных действий (присутствия на мероприятиях, посещения их и т. д.); близости к внутрисловному контексту (например, использование жаргонных элементов, не вызывающих трудностей при восприятии сообщения; пропозиций, вводящих сведения о событиях и обстоятельствах, связанных с жизнедеятельностью организации; информационных поводов, относительно которых формулируются реплики общающихся и т. д.).

Дискурсивное поведение вовлекателя состоит в том, что он проводит обучающие и иные занятия, использует специальные обращения с целью усиления апеллятивной и контактоустанавливающей функций, активизирует и направляет деятельность вовлекаемых, доминирует в диалогах, настойчиво проводит ключевые идеи, разъясняет необходимые положения, дает оценку, советы, директивные указания, осуществляет контроль за восприятием и пониманием информации, получаемой участниками, убеждает участников группы в необходимости выполнения призывных действий, сообщает о решениях вышестоящего руководства, информирует о предстоящих делах, руководит планированием совместной деятельности, мотивирует вовлекаемых, следит за активностью подчиненных, может позволить себе критику, перебивы, повышенную тональность в отношении подопечных.

Дискурсивное поведение вовлекаемых заключается в том, что они соблюдают субординацию по отношению к коммуникативному лидеру, склонны соглашаться с субъектом вовлечения; объем и развернутость их реплик варьирует в зависимости от этапа вовлечения; они дают ответы на поставленные лидером вопросы, спрашивают разрешения для того, чтобы активно участвовать в разговоре, интерпретируют происходящее под углом зрения лидера, советуются с ним, отчитываются перед ним, демонстрируют позитивный настрой на восприятие информации,

выполняют домашние задания, стремятся лучше разобраться в обсуждаемых вопросах, готовят отчет о работе, принимают и соблюдают нормы взаимодействия в группе.

Следовательно, описание дискурсивного строя вовлекающих практик осуществляется в ходе рассмотрения и оценки выбора их участниками фактур общения (устной / письменной / цифровой, непосредственной / опосредованной, реальной / виртуальной коммуникации) > жанровых форм > средств их реализации. При этом коммуникативно-семиотические механизмы кодирования интенции вовлечения демонстрируют такую иерархическую организацию актов общения, за счет которой речевые стратегии вовлекателя и вовлекаемого обеспечиваются совокупностью конститутивных элементов: пассажами, текстовыми макростратегиями, локальными речевыми актами, локальными значениями и передающими их лексическими единицами, грамматическими формами и средствами локального синтаксиса.

Соответствие показателей реализации установки на вовлечение и состояний погруженности в искомый социокоммуникативный контекст этапам наводимого психосемиотического воздействия свидетельствует о глубине адаптации символической системы к условиям определенных неэкологичных политических практик, а также об уровне «интоксикации» сознания, вызванной воздействием на индивидов рассматриваемой социальной среды.

Заключение

Слово есть феномен, претерпевающий бесконечное развитие и подвергающийся таким же непрерывным исследованиям: язык как базисный атрибут человека, выделяющий его из всей экосистемы, является самым ярким маркером взаимоотношений объекта и среды и, соответственно, «должен сохранять все признаки человечности» [Бернацкая, 2014, с. 28]. Однако процессы многовекового бытования вербальных знаков демонстрируют расширение семасиологической емкости слова, поскольку дискурсивные практики находятся в состоянии взаимопроникновения и взаимодополнения, детерминированных мыслительными, поведенческими, этнокультурными компонента-

ми социальных отношений. В этой связи политический дискурс как отдельное пространственно-временное образование и вместе с тем системное явление, эксплицирующее многомерный лингвоментальный материал, оказывается наиболее «чувствительным» к различного рода трансформациям, что обуславливает «токсичность» политического пространства и тем самым нарушение лингвоэкологии.

Производные значения знаковых единиц, порождаемые в результате использования определенных стратегий, тактик, вербализованных и «семасиологически скрытых» способов эксплицирования / вуалирования интенций участников, развиваются на основе вербально-семиотических ассоциаций и формируют сложнейшую по структуре текстовую / дискурсивную единицу, имеющую «многопластовый» семантический «заряд» и высочайший экспрессивно-эмоциональный потенциал. Таким образом, политическая логосфера как часть экосистемы – это не столько продукт деятельности общества, сколько его генератор: «пронизывая» все пласты общечеловеческой логосферы, она активно формирует правила коммуникативных интеракций включенных в нее субъектов, их социально-иерархическую структуру и лингвоэтнический универсум в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных / нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

The reported study was funded by RFBR, grant number 18-012-00574 “Linguistic and Cultural Dominants of Legitimate and Illegitimate Political Discursive Practices in Russian-Language Communication: A Typological Research”.

² Отметим комментарий А.П. Сковородникова: «Представляется, что травма языку может быть нанесена только в том случае, если травмировано сознание народа, говорящего на этом языке» [Сковородников, 2013, с. 208].

³ В ряде случаев, бесспорно, исключение жаргонной лексики из репертуара публицистической / разговорной речи нецелесообразно, так как ее экспрессию и «экономную точность» невозможно восполнить другими средствами.

⁴ Например, употребление ономов – географических названий (с закреплением в законодательных актах!) в формах, чуждых грамматической системе русского языка: *Республика Беларусь* с соединительным *a* вместо *o*; *Молдова* с усечением *-ия* и др.

⁵ Иллюстрацией тезиса могут послужить стилизованные под фольклор тексты, активно используемые в предвыборных кампаниях: *Милый мой рычит, как лев, / Он теперь в КПРФ. / Что же он не в духе? / Там одни старухи*. Здесь в форме народной частушки реализованы как минимум две важные функции политического дискурса – агональная и развлекательная.

⁶ Неделя хороших новостей, объявленная в России в период проведения чемпионата мира по футболу, стала скорее исключением из правил.

⁷ По мнению многих ученых, *Родина* не просто концепт, идеологема или константа русской культуры: сила воздействия и укорененность (а потому непереводаемость) этого слова в сознании носителей русского языка настолько велика, что данный знак рассматривают как «риторическую машину, механика которой настроена на производство дискурсивных практик» [Сандомирская, 2001, С. 3].

⁸ Персеверация является неотъемлемым элементом различных суггестивных и театрализованных дискурсов – от рекламного до религиозного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернацкая А. А., 2014. Лингвоэкология и «критика языка» // *Экология языка и коммуникативная практика*. № 2. С. 15–31.
- Демьянков В. З., 2001. Интерпретация политического дискурса в СМИ // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М. : Изд-во МГУ. С. 116–133.
- Завершинский К. Ф., 2016. Легитимация политической власти: морфология научного дискурса // *ПОЛИТЭКС*. Т. 12, № 4. С. 4–18.
- Ионова С. В., Шаховский В. И., 2012. Человек и его языковая среда: эколингвистический аспект // *Антропология языка = The Anthropology of Language* : сб. ст. / отв. ред. С. Р. Омельченко. М. : Флинта : Наука. Вып. 2. С. 137–148.
- Карасик В. И., 2007. *Языковые ключи*. Волгоград : Парадигма. 520 с.
- Лотман Ю. М., 2010. *Непредсказуемые механизмы культуры*. Таллинн : TLU Press. 232 с.
- Николаева Т. М., 1990. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста* : сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Наука. С. 225–226.

- Паршин П. Б., 2001. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Проблемы прикладной лингвистики = Scripta linguisticae applicatae : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Васильева. М. : Азбуковник. С. 181–207.
- Паршина О. Н., 2004. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : монография. Астрахань : Изд-во АГТУ. 195 с.
- Русакова О. Ф., Русаков В. М., 2008. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург : УрО РАН : Ин-т междунар. связей. 282 с.
- Сандомирская И., 2001. Книга о родине : Опыт анализа дискурсивных практик. Wien : Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. 282 S. (Wiener slawistischer Almanach ; Sonderband 50).
- Сковородников А. П., 2013. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. С. 205–233.
- Фомина Ю. С., 2016. Особенности реализации речевых актов побуждения в текстах экстремистской направленности // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII, ч. 3. С. 441–451.
- Хазимуллина Е. Е., 2016. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII, ч. 3. С. 453–469.
- Шейгал Е. И., 2000. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена. 386 с.
- Юрислингвистика-7 : Язык как феномен правовой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр., 2006 / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 348 с.
- Araeva L. A., Katyshev P. A., Osadchiy M. A., Olenev S. V., 2018. Recontextualization of the Religious Term ‘Ziyarat’: Critical Discourse Study // European Journal of Science and Theology. Vol. 14, № 5. P. 137–147.
- Graber D., 1981. Political Languages // Handbook of Political Communication. Beverly Hills ; L. : Sage Publications. P. 195–224.
- Steffensen S. V., Fill A., 2014. Ecolinguistics: The state of the art and future horizons // Language Sciences. Vol. 41A. P. 6–25. DOI: 10.1016/j.langsci.2013.08.003.
- Criticism”]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 15-31.
- Demyankov V.Z., 2001. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of Political Discourse in Mass Media]. *Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Language of Mass Media as an Object of Interdisciplinary Research]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 116-133.
- Zavershinskiy K.F., 2016. Legitimatziya politicheskoy vlasti: morfologiya nauchnogo diskursa [Legitimation of Political Power: Morphology of Scientific Discourse]. *POLITEKS*, vol. 12, no. 4, pp. 4-18.
- Ionova S.V., Shakhovskiy V.I., 2012. Chelovek i yego yazykovaya sreda: ekolingvisticheskiy aspekt [Person and Lingual Environment: An Ecolinguistic Aspect]. Omelchenko S.R., ed. *Antropologiya yazyka = The Antropology of Language: sb. st.* [The Antropology of Language. Collected Articles]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., iss. 2, pp. 137-148.
- Karasik V.I., 2007. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Volgograd, Paradigma Publ. 520 p.
- Lotman Yu.M., 2010. *Nepredskazuemye mekhanizmy kultury* [Unpredictable Mechanisms of Culture]. Tallinn, TLU Press. 232 p.
- Nikolaeva T.M., 1990. O printsipe «nekooperatsii» i/ili o kategoriyakh sotsiolingvisticheskogo vozdeystviya [On the Principle of “Non-Cooperation” and/or on the Categories of Sociolinguistic Impact]. Arutyunova N.D., ed. *Logicheskii analiz yazyka. Protivorechivost i anomalnost teksta: sb. st.* [Logical Analysis of Language. The Contradictory and Anomalous Text. Collected Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 225-226.
- Parshin P.B., 2001. Issledovatel'skie praktiki, predmet i metody politicheskoy lingvistiki [Research Practices, Subject and Methods of Political Linguistics]. Vasilyeva N.V., ed. *Problemy prikladnoy lingvistiki = Scripta linguisticae applicatae: sb. st.* [Problems of Applied Linguistics = Scripta Linguisticae Applicatae. Collected Articles]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 181-207.
- Parshina O.N., 2004. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii: monografiya* [Strategies and Tactics of Speech Behavior of the Modern Political Elite of Russia. Monograph]. Astrakhan, Izd-vo AGTU. 195 p.
- Rusakova O.F., Rusakov V.M., 2008. *PR-Diskurs: teoretiko-metodologicheskii analiz* [PR-Discourse: Theoretical and Methodological

REFERENCES

Bernatskaya A.A., 2014. Lingvoekologiya i «kritika yazyka» [Linguistic Ecology and “Language

- Analysis]. Yekaterinburg, UrO RAN, Institut mezhdunarodnykh svyazey. 282 p.
- Sandomirskaya I., 2001. Kniga o rodine: opyt analiza diskursivnykh praktik [A Book About the Homeland: The Experience of Analyzing Discourse Practices]. Wien, Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. 282 p. (Wiener slawistischer Almanach ; Sonderband 50).
- Skovorodnikov A.P., 2013. O predmete ekolingvistiki primenitelno k sostoyaniyu sovremennogo russkogo yazyka [On the Way of Ecolinguistics Can Be Applied to the State of Contemporary Russian Language]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 1, pp. 205-233.
- Fomina Yu.S., 2016. Osobennosti realizatsii rechevykh aktov pobuzhdeniya v tekstakh ekstremistskoy napravlenosti [Features of Verbal Acts of Motivation in Extremist Texts]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana], vol. 12, part 3, pp. 441-451.
- Khazimullina E.E., 2016. Mekhanizm rechevogo вовлечения v deyatelnost ekstremistskikh organizatsiy [Mechanism of Speech Involvement by Extremist Organisations]. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana], vol. 12, part 3, pp. 453-469.
- Sheygal E.I., 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 386 p.
- Golev N.D., ed., 2006. *Yurislingvistika-7: Yazyk kak fenomen pravovoy kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Legal Linguistics-7: Language as a Phenomenon of Legal Communication: Inter-University Collection of Scientific Papers]. Barnaul, Izd-vo Altayskogo universiteta. 348 p.
- Araeva L.A., Katyshev P.A., Osadchiy M.A., Olenev S.V., 2018. Recontextualization of the Religious Term 'Ziyarat': Critical Discourse Study. *European Journal of Science and Theology*, vol. 14, no. 5, pp. 137-147.
- Graber D., 1981. Political Languages. *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London, Sage Publications, pp. 195-224.
- Steffensen S.V., Fill A., 2014. Ecolinguistics: The State of the Art and Future Horizons. *Language Sciences*, vol. 41A, pp. 6-25. DOI: 10.1016/j.langsci.2013.08.003.

Information about the Authors

Natalya A. Bozhenkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, natalyach@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>

Pavel A. Katyshev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, katpa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Svetlana V. Ionova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Elmira M. Afanasyeva, Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Project Scientific and Research Laboratory of Innovative Means in Russian Language Teaching, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, elmira_afanaseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1544-4715>

Levon N. Saakyan, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, sahalev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5046-7894>

Информация об авторах

Наталья Александровна Боженкова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, natalyach@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>

Павел Алексеевич Катышев, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, katpa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Светлана Валентиновна Ионова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Эльмира Маратовна Афанасьева, доктор филологических наук, главный научный сотрудник проектной научно-исследовательской лаборатории инновационных средств обучения русскому языку, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, elmira_afanaseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1544-4715>

Левон Николаевич Саакян, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, sahalev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5046-7894>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.7>

UDC 81'27
LBC 81.006.2

Submitted: 10.03.2019
Accepted: 28.08.2019

AWARDS AS VALUE IMPERATIVES OF A STATE AND SOCIETY

Irina A. Bubnova

Moscow City University (MGPU), Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a study on the texts and decrees on awarding and statutes of the highest orders of the USSR and modern Russia - the Order of Lenin and the Order of St. Andrew the First-Called. The purpose of the study was to identify the virtue imperatives that meet main goals of some stage in the state's development and transmit them through civil decorations in order to construe a sociocultural layer of a value picture of the world and, accordingly, to design a type of personality with a set of socially welcomed models of behavior, that is being in demand at a certain time period. The texts of decrees and statutes are analyzed with the reference to a method of content analysis, which resulted in distinction between the leading super-topical themes that are viewed as a reflection of a required public interest. Verification and clarification of the results was continued with a text compression method and conclusion on the virtue imperatives of both historical periods under study. In the USSR industrialization, ideological construction associated with the formation of moral excellence coordinates of the individual, the development of agriculture and science were (in descending order) of leading value, which in general corresponds to the main functions of the governmental institution. The leading virtue imperative of modern Russia is the sphere of ideology, meanwhile, reassessment of the value system is based primarily on samples of the Soviet past, which causes cognitive dissonance and can lead to unpredictable results.

Key words: sociolinguistics, value picture of the world, highest state awards, value imperatives, content analysis, text, text compression method, linguistic experiment.

Citation. Bubnova I.A. Awards as Value Imperatives of a State and Society. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 93-102. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.7>

УДК 81'27
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 10.03.2019
Дата принятия статьи: 28.08.2019

НАГРАДЫ КАК ЦЕННОСТНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Ирина Александровна Бубнова

Московский городской университет (МГПУ), г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты изучения текстов указов о награждении и статутах высших орденов СССР и современной России – ордена Ленина и ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Основная задача исследования – выявление ценностных императивов государства, отвечающих главным целям конкретного этапа его развития, транслируемых через награды и направленных на формирование социокультурного плана ценностной картины мира и, соответственно, востребованного в данный исторический момент типа личности, следующего определенным социально одобряемым моделям поведения. Тексты указов и статутах рассмотрены с применением контент-анализа с последующим выделением супертема, отражающих направленность государственных интересов. Верификация и уточнение результатов контент-анализа проведены в ходе эксперимента при помощи метода сжатия текста. Установлены ценностные императивы СССР (по убыванию): индустриализация, идеологическое строительство, связанное с формированием системы смысло-жизненных координат личности, развитие сельского хозяйства и науки, что в целом соответствует основным функциям государства, обеспечивающим его существование. Главный ценностный императив современной России – идеология, при этом переформатирование системы ценностей опи-

рается на образцы советского прошлого, что вызывает состояние когнитивного диссонанса в обществе, результат которого непредсказуем.

Ключевые слова: социолингвистика, ценностная картина мира, высшие государственные награды, ценностные императивы, контент-анализ, текст, метод сжатия текста, лингвистический эксперимент.

Цитирование. Бубнова И. А. Награды как ценностные императивы государства и общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 93–102. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.7>

Введение

Проблема ценностей, то есть тех морально-нравственных ориентиров, руководствуясь которыми выстраивает свою жизнь каждый член социума, была и остается актуальной для гуманитарных наук. Современная лингвистика не является исключением, так как только с помощью языка ценности становятся частью сознания личности, определяя ее деятельность и поведение. Для социолингвистики, которая сосредоточена на диаде «язык – общество», важны и изменения в языке, происходящие под влиянием внешних факторов [Крысин, 2004], так и ценностная картина мира [Карасик, 2004], в которой, помимо этнокультурной составляющей (по Ю.С. Степанову – культурных констант), выделяется и социокультурная составляющая [Карасик, 2004]. Она, по мнению В.И. Карасика, имеет непосредственное отношение к различным видам оценочных суждений, обусловленных в значительной мере идеологией (например, о собственности, смерти, труде, подвиге и т. д.), и передается через различные социальные институты. Вся их деятельность, несмотря на многообразие транслируемой в массовое сознание информации, подчинена одной важнейшей цели – формированию типа человека с определенной системой ценностей и моделями поведения, востребованными государством на каком-либо этапе его исторического развития [Карасик, 2004, с. 141]. Среди этих институтов есть те, чья функция регуляции жизнедеятельности общества сомнений не вызывает, например, средства массовой коммуникации, которые являются не просто чрезвычайно мобильной, но и универсальной системой координации, регламентации и управления процессами, протекающими в социуме. Роль других институтов в формировании стереотипизированных представлений личности о мире не столь очевидна, однако не менее значима. К таковым относится

институт наград, позволяющий государству доносить до членов общества одобряемую и социально желательную модель поведения и эксплицировать таким образом наиболее важные для него ценностные императивы.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты указов о награждении высшими государственными наградами СССР и РФ – орденом Ленина и орденом Святого апостола Андрея Первозванного. В силу того, что количество получивших орден Ленина в СССР за время его существования составляет 431 418 человек, мы ограничились периодом с 1930 (время учреждения первого типа ордена) по 1934 г. (появление второго типа ордена и связанное с этим изменение его статута). За этот промежуток времени данный орден вручался около 700 раз, доступной в открытых источниках является информация о 94 лицах и коллективах, удостоенных данной награды (Орден Ленина № 1–700). Тексты, содержащие эту информацию, и стали объектом предпринятого анализа. Орден Святого апостола Андрея Первозванного был восстановлен в 1998 году. С этого момента им были награждены 19 человек (Список кавалеров ордена Святого апостола Андрея Первозванного), причем последняя дата его вручения – 28 марта 2019 года. Нами проанализированы все указы о награждении орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Предмет исследования – ценностные приоритеты государства, отраженные в критериях, являющихся основаниями для награждения высшими государственными наградами в СССР и Российской Федерации.

Основным методом установления критериев, эксплицирующих ценностные императивы, был избран контент-анализ [Григорьев, Раствов, 2001], главное достоинство которого зак-

лючается в возможности выделять в сплошном массиве анализируемых текстов отдельные темы, содержащие определенную идею, в нашем случае – маркер ценности.

При выделении тем – процедуре, обуславливающей валидность полученных результатов [Berelson, 1971; Krippendorff, 1980], – мы ориентировались на два основных вопроса, определяющих цель предпринятого исследования: 1) какие ценности транслировались через систему наград, то есть являлись приоритетными для государства в советский и постсоветский периоды его развития; 2) какими качествами личности должен обладать человек, чтобы быть достойным высшей государственной награды.

Отбор основных тем, представляющих собой аналитические категории / параметры анализа, осуществлялся в ходе изучения текстов указов в соответствии с общепринятым алгоритмом. За единицу счета был принят отдельный текст указа, поэтому выделение данной единицы обуславливалось естественными границами рассматриваемых документов.

Полученные в результате осуществления эксперимента темы были универсализированы и сведены к нескольким супертемам, отражающим основные цели и, следовательно, доминирующие в изучаемый период развития страны ценности. Количественные подсчеты были дополнены качественной оценкой, что не только допускается самой процедурой контент-анализа, но и часто считается необходимым его этапом, поскольку сам метод направлен, по словам О.А. Леонтович, на обнаружение «как явного, эксплицитно выраженного, так и имплицитного, латентного содержания, которое не имеет эксплицитных индикаторов и предполагает определенную долю интерпретации содержания» [Леонтович, 2011, с. 71]. Все это позволило решить основную задачу, поставленную в работе, – выявить доминирующие ценности и, соответственно, тип личности с определенными моделями поведения, основанными на ценностных ориентирах, рассматриваемых государством как предпочтительные.

С целью верификации и уточнения сделанных по результатам контент-анализа выводов был проведен пилотный психолингвистический эксперимент с использованием метода сжатия текста, отражающего одну из

важнейших особенностей механизма речевой деятельности, состоящую, как отмечают исследователи, в выделении слушающим / читающим инвариантных языковых характеристик разных уровней значимости как основы для целесообразного восстановления всего текста с наибольшей точностью [Гинзбург, Пестова, Степанов, 1968]. Нами была избрана полностью отвечающая поставленным в работе задачам методика перифразы, предполагающая постепенную компрессию полного текста вплоть до ее предельного вида – перифразы-свертывания, или набора ключевых слов, в ходе которой каждая из перифраз выступает как квазисиноним к исходному материалу, а сама методика оказывается, как было экспериментально доказано ее авторами [Сахарный, 1982; Сахарный, Штерн, 1988; Сиротко-Сибирский, Штерн, 1988], весьма эффективной при исследовании содержательной структуры развернутого текста.

Эксперимент проводился с использованием текстов статuten орденов Ленина (Орден Ленина – высшая государственная награда СССР) и Святого апостола Андрея Первозванного (Государственные награды Российской Федерации), которые были предъявлены испытуемым с тремя заданиями, сформулированными следующим образом:

1. Напишите одно предложение так, чтобы оно передавало основное содержание статута ордена (размер предложения не ограничивается).

2. После выполнения первого задания напишите одно предложение, чтобы оно передавало основное содержание статута ордена, но в нем было бы не более 10 слов.

3. После выполнения второго задания выделите набор из 10 ключевых слов статута.

Общее количество участников эксперимента на данном этапе – 25 человек, все испытуемые – студенты вуза, средний возраст – 20 лет.

Результаты и обсуждение

Орден Ленина

В результате квантификации всего исследуемого массива текстов указов о награждении орденом Ленина было выделено 7 основных понятийно-тематических единиц, отража-

ющих определенную направленность взглядов, интересов, ценностных ориентаций государства и, соответственно, норм деятельности и поведения личности, которые признавались достойными высшей награды (см. табл. 1, 2).

Качественный анализ индикаторов всех выделенных понятийно-тематических единиц позволяет свести их к нескольким супертемам, отражающим ценностные императивы государства: 1) государственное строительство, в том числе идеологическое, отражающее востребованную модель человека; 2) индустриализация; 3) сельскохозяйственное строительство; 4) научное строительство, необходимое прежде всего для укрепления обороноспособности страны, то есть защитой ее суверенитета, и здравоохранением, что обусловлено непосредственно созданием условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, а следовательно, сохранение и увеличение населения страны и повышение качества его жизни (от-

метим, что проведенный нами анализ указов о награждении Орденом Трудового Красного Знамени, касающийся государственных приоритетов в более ранний период его развития, показал, что научное строительство в тот временной промежуток в значительной степени было связано с образованием).

Важным, на наш взгляд, является и тот факт, что орденом Ленина был отмечен труд целых коллективов заводов и сельскохозяйственных предприятий, а при награждении отдельных лиц учитывался их личный вклад в развитие той или иной сферы. Например, Г.М. Крижижановского, вице-президента Академии наук СССР, наградили за непосредственную разработку и внедрение плана ГОЭЛРО, В.А. Кипрова и Н.И. Евсикова, красноармейцев-подрывников, – за самоотверженную, быструю и героическую работу в деле ликвидации пожара на Майкопских нефтяных промыслах, И.М. Губкина, вице-президента Академии

Таблица 1

Ценностные императивы государства, отраженные в понятийно-тематических единицах

Понятийно-тематические единицы	Индикаторы понятийно-тематических единиц в текстах указов
Деятельность в непроизводственной сфере	Активность, содействие, социалистическое строительство
Деятельность в сфере укрепления государственности	Организация братского содружества союзных республик, укрепление равенства народов, населяющих СССР, улучшение и упрощение государственного аппарата, приспособление государственного аппарата к задачам строительства социализма, борьба с бюрократизмом, бесхозяйственностью и безответственностью в советских и хозяйственных организациях, чистка госаппарата
Деятельность по выполнению поставленных планов в промышленности и сельском хозяйстве	Выполнение пятилетки в 2,5 года, пятилетнего плана нефтяной промышленности в 2,5 года, обязательств перед государством
Деятельность в сфере становления и развития промышленности	Электрификация СССР, план ГОЭЛРО, восстановление и запуск заводов, восстановление и реконструкция нефтяной промышленности, организация с/х и строительства заводов комбайнов, налаживание массового производства с/х техники, особые выдающиеся заслуги в деле машиностроения
Деятельность в сфере становления и развития сельского хозяйства	Организация тракторных станций, обеспечение выполнения поставленных в с/х задач, сев, уборка урожая, засыпка семян, укрепление колхозов и совхозов
Деятельность в сфере науки, в том числе освоения новых территорий	Разрешение исторической задачи сквозного плавания по Ледовитому океану в одну навигацию, выдающиеся заслуги в области медицины
Личностные характеристики (модели поведения), проявленные в экстремальных ситуациях	Помощь, спасение, умелое использование достижений советской авиации, обеспечение надежной работы моторов в перелетах на льдины, малоизученные условия Ледовитого океана, исключительно инициативная, четкая и самоотверженная работа, беззаветная преданность, героическая деятельность на благо Советского народа, Новая Земля, самоотверженность, быстрая и героическая работа, ликвидация пожара на Майкопских нефтяных промыслах

**Основания для награждения орденом Ленина
(в % ко всем выделенным тематическим единицам)**

Понятийно-тематические единицы	Коллективы	Отдельные лица
Деятельность в непромышленной сфере	1	–
Деятельность в сфере укрепления государственности	–	2
Деятельность по выполнению поставленных планов в промышленности и сельском хозяйстве	11	32
Деятельность в сфере становления и развития промышленности	2	14
Деятельность в сфере становления и развития сельского хозяйства	7	1
Деятельность в сфере науки, в том числе освоения новых территорий	–	7
Личностные характеристики (модели поведения), проявленные в экстремальных ситуациях	–	23
<i>Всего</i>	<i>21</i>	<i>79</i>

наук СССР, – за работы в области нефтяной промышленности, О.Ю. Шмидта, начальника экспедиции на ледоколе «Александр Сибиряков», и других членов экспедиции – за успешное разрешение исторической задачи сквозного плавания по Ледовитому океану в одну навигацию и т. д.

В целом выделенные супертемы, служившие основанием для награждения орденом Ленина, соответствуют основным функциям государства, то есть важнейшим направлениям его деятельности: политической, экономической и социальной (внутренние), а также функции обороны страны (внешняя), в совокупности обеспечивающим само его существование (подробно о функциях государства см.: [Рыбаков, 2017]).

В результате эксперимента был получен трижды компрессированный текст статута.

Предложения, полученные в результате выполнения респондентами первого задания, в среднем состояли из 28 слов, самое длинное из них – 36, самое короткое – 16. Типичные ответы на первое задание:

(1) Орден Ленина – это высшая награда СССР, которой награждаются граждане за исключительные заслуги перед государством, которые соответствуют ценностям СССР и направлены на развитие общества и дружбы народов.

(2) Орденом Ленина награждаются за особо важные заслуги и исключительные достижения перед советским государством и обществом, за выдающиеся деяния, совершенные на благо страны и общества.

Предложения, полученные в результате выполнения респондентами второго задания, в среднем состояли из 12 слов, самое длинное из них – 18, самое короткое – 7. Типичные ответы:

(3) Орден Ленина давался за развитие и укрепление советского государства.

(4) Орден Ленина – высшая награда за исключительные достижения перед советским народом.

Очевидно, что и в первом, и во втором случаях компрессии подвергались разделы статута, в которых подробно перечисляются те, кто может быть награжден, и указывается, за что вручается данный орден. Поставленные в эксперименте жесткие ограничения на количество и длину предложений (во втором случае) проявились в том, что испытуемые, опуская детали, стремились обобщить все описанные в статуте действия, заслуживающие признания, делая вывод о наиболее важных для государства ценностях, достойных быть отмеченными наградой. При этом в подавляющем большинстве случаев оставлялось и упоминание о том, кому посвящены совершенные подвиги.

Ключевые слова, выделенные в результате выполнения третьего задания, также фиксируют три параметра: 1) кто награждается – *граждане СССР, коллективы, предприятия, объединения, населенные пункты*; 2) за какие заслуги, то есть ценности – *укрепление, развитие, экономика, производство, (самоотверженный) труд, изобретение, защита (Отечества), обороноспособность, дружба, сотрудничество, мир, на-*

ука, культура, исключительные достижения, боевые действия, герой, революционное движение, социальный прогресс, работа; 3) заслуги перед кем – (социалистическое) Отечество, народ, (социалистическое) общество, советское государство, страна.

В целом сравнение супертем, выделенных в ходе контент-анализа указов о награждении, и данных, полученных в экспериментах по компрессии текста статута ордена Ленина, показывает, что они коррелируют, причем эксперимент эксплицировал связь между конкретными достижениями, которые отражают ценности государства, создающие основу для его существования и жизнеобеспечения: *строительство и укрепление государства, развитие промышленности, сельского хозяйства, науки*, транслируемые через наградную систему, и наградами, вручаемыми от имени всего народа его гражданам и коллективам.

**Орден Святого апостола
Андрея Первозванного**

Основные понятийно-тематические единицы, выражающие ценностные императивы

современной России и, следовательно, передающие требования государства к нормам поведения личности и системе ее ценностно-смысловых ориентаций, достойным высшей государственной награды, которые были получены в результате квантификации текстов указов о награждении орденом Святого апостола Андрея Первозванного, отражены в таблицах 3, 4.

Особо интересен тот факт, что выделенные тематические единицы изначально совпадают с супертемами, отражающими ценностные императивы государства. Прежде всего это касается деятельности в непроизводственной сфере, которая, по своей сути, является сферой идеологии, что и отражается в индикаторах понятийно-тематических единиц: *духовное и нравственное возрождение России, гражданская позиция, общественная деятельность, культура и литература*, всегда относившихся именно к идеологическим инструментам. Примечательно также то, что индикаторы и имена награжденных, если оценивать эти параметры именно как сопряженные друг с другом, представляют собой взаимоотрицающие тезисы, иначе

Таблица 3

**Ценностные императивы государства,
отраженные в понятийно-тематических единицах**

Понятийно-тематические единицы	Индикаторы понятийно-тематических единиц в текстах указов
Деятельность в непроизводственной сфере, в том числе в сфере культуры и литературы	Вклад в духовное и нравственное возрождение России, высокая гражданская позиция, активная общественная деятельность, выдающийся вклад в развитие отечественной и мировой музыкальной и хореографической культуры и искусства, отечественной литературы, отечественной культуры
Государственная деятельность	Выдающиеся заслуги перед Отечеством, многолетняя плодотворная государственная деятельность
Деятельность в сфере внешней политики	Выдающиеся заслуги в укреплении дружбы и сотрудничества между народами Российской Федерации и КНР, России и Азербайджана, личный вклад в укрепление мира и дружбы между народами
Деятельность в сфере науки, в том числе в ВПК	Выдающиеся достижения в области здравоохранения

Таблица 4

**Основания для награждения орденом Святого апостола Андрея Первозванного
(в % ко всем выделенным тематическим единицам)**

Понятийно-тематические единицы	Коллективы	Отдельные лица
Деятельность в непроизводственной сфере	–	63
Государственная деятельность	–	5
Деятельность в сфере внешней политики	–	16
Деятельность в сфере науки, в том числе ВПК	–	16
<i>Всего</i>	<i>0</i>	<i>100</i>

говоря, объекты, которые могут быть объединены между собой только в рамках аутистического мышления. Сам создатель учения об аутизме Э. Блейлер многократно отмечал, что аутизм «ставит на место одного понятия другое, имеющее при объективном рассмотрении лишь второстепенные общие компоненты с первым», при этом «перемешивает бесцеремонно настоящее, прошедшее и будущее <...> воспоминания, которые давно уже стали недоступны реалистическому мышлению, используются им как недавние, может быть, им даже отдается предпочтение, так как они меньше наталкиваются на противоречие с актуальностью» [Бейлер]. Другими словами, этот тип мышления заменяет реальность моделью, которая внешне вполне логична, презентабельна и, главное, вполне может использоваться в работе с массовым сознанием для решения определенных задач. В рассматриваемом нами случае парадокс заключается в том, что все (за исключением двух человек), кто получил высшую государственную награду за «духовное и нравственное возрождение России, активную гражданскую позицию», в советское время были награждены орденами и медалями СССР, причем также за вклад в идеологическое воспитание: лауреаты Сталинской и Ленинской премий и кавалеры ордена Ленина – С.В. Михалков и Р.Г. Гамзатов, орденами Ленина, Красного Знамени и Трудового Красного Знамени были награждены Д.А. Гранин, И.К. Архипова, Д.С. Лихачев и другие кавалеры российского ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Большинство из награжденных в период СССР носили звание Героя Социалистического Труда. Можно говорить о том, что с психолингвистических позиций язык указов и статута ордена является некогерентным, утверждения, высказываемые в этих текстах, не связываются в непротиворечивые умозаключения, и это не позволяет определить смысловое содержание ценности идеологического строительства, несмотря на то, что именно сегодня данная сфера деятельности, как показывает анализ, – приоритет государства.

Менее важной, если судить по количеству награжденных, представляется деятельность в сфере внешней политики и науки, причем, как и в предыдущем случае, награжден-

ные за эти заслуги политические деятели занимали высшие должности в партийной иерархии в СССР, а академики Б.В. Петровский и В.И. Шумаков также были кавалерами ордена Ленина и Героями Социалистического Труда, и все их выдающиеся заслуги в области здравоохранения относятся к советскому периоду развития нашей страны.

Следует отметить, что выделяемые в ходе качественного анализа супертемы свидетельствуют о низкой значимости, второстепенности (если не полном отсутствии) ценностей, касающихся таких сфер, как промышленное и сельскохозяйственное производство, государственное строительство и укрепление суверенитета страны, что является скрытым показателем смены иерархии главных государственных функций и, соответственно, изменения основных государственных целей.

Компрессия текста статута ордена Святого апостола Андрея Первозванного, проведенная в ходе эксперимента трижды, дала следующие результаты.

Предложения, полученные в процессе выполнения респондентами первого задания, в среднем состояли из 17 слов, самое длинное из них – 27, самое короткое – 11. Типичным был следующий ответ:

(5) Орденом Святого апостола Андрея Первозванного награждаются видные государственные деятели, выдающиеся представители разных сфер за исключительные заслуги перед Россией.

Предложения, полученные в результате выполнения респондентами второго задания, в среднем состояли из 8 слов, самое длинное из них – 12, самое короткое – 6, причем часто до 50 % включенных в предложение слов являлись названием самого ордена. Типичный ответ:

(6) Орденом Святого Андрея Первозванного награждаются видные деятели.

В обоих случаях, в отличие от текста статута ордена Ленина, компрессии подвергся прежде всего раздел, касающийся лиц, которые могут быть награждены, в частности, фразы *другие граждане Российской Федерации; главы и руководители правительств зарубежных государств*, а также правила

ношения ордена, которые оказались нерелевантными для респондентов. Что касается критериев награждения, то менее существенной деталью, которая была исключена, явились слова *способствующие процветанию, величие и славе России*.

Исключенные из перечня необходимых сведений в ходе компрессии текста статута при выполнении первых двух заданий, эти слова попадают в список ключевых как уточняющие смысл *исключительных заслуг* выдающихся государственных деятелей и, соответственно, отражающие декларируемые государством ценностные приоритеты: *процветание, величие, слава России, развитие международной дружбы*. Однако большая часть ключевых слов относится к правилам ношения ордена и конкретизирует льготы, получаемые его кавалерами: *цепь, звезда, портрет, музей, (плечевая) лента, апостол, святой, вера, розетка, служба, государственный чин, мечи, кавалер, пенсия*, то есть в фокус внимания респондентов попадает один из признаков тех, «кто награждается». Содержание этого признака расширяется за счет уточнения того, какие привилегии имеет награжденный.

В целом результаты, полученные в ходе компрессии текста статута, не дают основания утверждать, что через высшую государственную награду России – орден Святого апостола Андрея Первозванного – в сознание обычного гражданина страны передаются какие-либо ценности, которые могут стать основой для формирования определенной модели поведения. Можно предполагать, что объяснение такого положения, с одной стороны, лежит в области семантики слов *процветание, величие, слава*, которые не только относятся к группе абстрактной лексики, но и не имеют определенного смысла и трактуются различными способами. Именно такие слова, как отмечал Г. Лебон, обнаруживают огромный манипулятивный потенциал и оказывают магическое воздействие на сознание [Лебон, Тард, 1998, с. 47]. Исходя из этого, можно было ожидать высокую степень вариативности реакций, отражающих смысловое содержание использованных в тексте статута слов для каждого респондента. Тем не менее наше предположение не подтвердилось:

все полученные ответы представляли собой буквальное воспроизведение целой фразы, что позволяет усомниться в существовании связи между словами *процветание, величие, слава* и современной Россией в сознании участников эксперимента. Однако такое допущение, безусловно, может рассматриваться лишь как гипотеза, требующая экспериментальной проверки.

Выводы

Проведенное исследование позволяет с высокой степенью уверенности утверждать следующее.

1. Ценностные императивы государства, транслируемые через высшие государственные награды, в советский и современный периоды его развития кардинально различаются.

2. В СССР (по крайней мере на раннем этапе его становления) орден Ленина вручался за самоотверженный (включая коллективный) труд, значительный вклад в становление и развитие промышленности, в том числе оборонной, сельского хозяйства, науки, решавшей задачи, которые определяли рост уровня жизни населения и безопасности границ, а также личное мужество и героизм, проявленные при выполнении задач государственной важности. Из этого следует, что основные ценности государства были связаны с ростом экономического потенциала и укреплением суверенитета страны. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что все достижения, а также модели поведения кавалеров ордена Ленина использовались в сфере идеологического строительства, имплицитно очерчивая тот идеал человека, который был необходим государству.

3. В современной Российской Федерации единственным ценностным императивом является идеологическое строительство, именно эта ценность транслируется через высшую государственную награду – орден Святого апостола Андрея Первозванного. Однако формирование нового типа человека в силу отсутствия реальных образцов, подкрепляемых осязаемыми конкретными и признаваемыми общественным сознанием заслугами, опирается прежде всего на примеры советского прошлого. Такая ситуация не может не вызы-

вать когнитивного диссонанса, и, соответственно, в данных условиях попытки социальных институтов переформатировать социокультурный план ценностной картины мира в сознании личности способны привести к непредсказуемым результатам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейлер Э. Аутистическое мышление // Psychology Online.Net. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-70.html> (дата обращения: 27.02.2019).
- Гинзбург Е. Л., Пестова В. А., Степанов В. Г., 1968. Операции сжатия как средства форсированной реконструкции текста // Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики) / отв. ред. А. А. Леонтьев. М. : Наука. С. 101–104.
- Григорьев С. И., Растов Ю. Е., 2001. Основы современной социологии. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та. 375 с.
- Карасик В. И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис. 390 с.
- Крысин Л. П., 2004. Русское слово, свое и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Яз. слав. культуры. 888 с.
- Лебон Г., Тард Г., 1998. Психология толп. Мнение и толпа. М. : Ин-т психологии РАН : КСП+. 416 с.
- Леонтович О. А., 2011. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис. 224 с.
- Рыбаков В. А., 2017. Функции государства: системный подход // Вестник Омского университета. Серия: Право. № 2 (51). С. 14–18.
- Сахарный Л. В., 1982. Актуальное членение и компрессия текста (к использованию методов информатики в психолингвистике) // Теоретические аспекты деривации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Мурзина. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. С. 29–38.
- Сахарный Л. В., Штерн А. С., 1988. Набор ключевых слов как тип текста // Психолингвистические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. С. 34–51.
- Сиротко-Сибирский С. А., Штерн А. С., 1988. К измерению качества работы предметизатора // Предметный поиск в традиционных и нетрадиционных ИПС : сб. науч. тр. Вып. 8. С. 131–147.
- Berelson B., 1971. Content Analysis in Communication Research. N.Y. : Hafner Publishing Company. 220p.
- Krippendorff K., 1980. Content Analysis: An Introduction to its Methodology. Beverly Hills, CA : Sage Publishers. 191 p.

ИСТОЧНИКИ

- Государственные награды Российской Федерации. URL: http://www.award.gov.ru/andrey_order.html (дата обращения: 06.02.2019).
- Ордена Ленина № 1–700. URL: <http://www.medals-sss.ru> (дата обращения: 06.02.2019).
- Орден Ленина – высшая государственная награда СССР. URL: <http://antiques-consulting.com/orden-lenina-vyshshaya-gosudarstvennaya-nagrada-sssr-opisanie-tipy-i-vidy.html> (дата обращения: 06.02.2019).
- Список кавалеров ордена Святого апостола Андрея Первозванного (Российская Федерация). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1511012> (дата обращения: 06.02.2019).

REFERENCES

- Bleuler E. *Autisticheskoe myshlenie* [Autistic Thinking]. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-70.html> (accessed 27 February 2019).
- Ginzburg E.L., Pestova V.A., Stepanov V.G., 1968. Operatsii szhatiya kak sredstva forsirovannoy rekonstruktsii teksta [Shrink Operation as a Means of Accelerated Reconstruction of the Text]. Leontyev A.A., ed. *Teoriya rechevoy deyatel'nosti (problemy psikholingvistiki)* [Theory of Speech Activity (Psycholinguistics Problems)]. Moscow, Nauka Publ., pp. 101-104.
- Grigoryev S.I., Rastov Yu.E., 2001. *Osnovy sovremennoy sotsiologii* [Fundamentals of Modern Sociology]. Barnaul, Izd-vo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 375 p.
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 390 p.
- Krysin L.P., 2004. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian Word in the Context of Native and Foreign Interpretation: Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. 888 p.
- Lebon G., Tard G., 1998. *Psikhologiya tolpy. Mnenie i tolpa* [Crowd Psychology. Opinion and the Crowd]. Moscow, Institut psikhologii RAN, KSP+. 416 p.

- Leontovich O.A., 2011. *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Methods of Communicative Research]. Moscow, Gnozis Publ. 224 p.
- Rybakov V.A., 2017. Funktsii gosudarstva: sistemnyy podkhod [The Functions of the State: System Approach]. *Vestnik Omskogo universiteta Seriya: Pravo* [Herald of Omsk University. Series: Law], no. 2 (51), pp. 14-18.
- Sakharnyy L.V., 1982. Aktualnoe chlenenie i kompressiya teksta (k ispolzovaniyu metodov informatiki v psikholingvistike) [Actual Segmentation and Text Compression (To the Use of Computer Science Methods in Psycholinguistics)]. Murzin L.N., ed. *Teoreticheskie aspekty derivatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Theoretical Aspects of Derivation. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Perm, Izd-vo Permskogo universiteta, pp. 29-38.
- Sakharnyy L.V., Shtern A.S., 1988. Nabor klyuchevykh slov kak tip teksta [Keyword Set as Text Type]. *Psikholingvisticheskie aspekty v sisteme professionalno-orientirovannogo obucheniya inoyazychnoy rechevoy deyatelnosti: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Psycholinguistic Aspects in the System of Vocational-Oriented Learning of Foreign Language Speech Activity. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Perm, Izd-vo Permskogo universiteta, pp. 34-51.
- Sirotko-Sibirskiy S.A., Shtern A.S., 1988. K izmereniyu kachestva raboty predmetizatora [On Measuring the Quality of the Work of the Prefabricator]. *Predmetnyy poisk v traditsionnykh i netraditsionnykh IPS: sb. nauch. tr.* [Object Search in Traditional and Non-Traditional IPS. Collection of Scientific Papers], iss. 8, pp. 131-147.
- Berelson B., 1971. Content Analysis in Communication Research. New York, Hafner Publishing Company. 220 p.
- Krippendorff K., 1980. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. Beverly Hills, CA, Sage Publishers. 191 p.

SOURCES

- Gosudarstvennye nagrody Rossiyskoy Federatsii* [State Awards of the Russian Federation]. URL: http://www.award.gov.ru/andrey_order.html (accessed 6 February 2019).
- Ordена Lenina № 1–700* [Order of Lenin no. 1–700]. URL: <http://www.medal-sss.ru/> (accessed 6 February 2019).
- Orden Lenina – vysshaya gosudarstvennaya nagrada SSSR* [Order of Lenin – The Highest State Award of the USSR]. URL: <http://antiquesconsulting.com/orden-lenina-vyssshaya-gosudarstvennaya-nagrada-sss-opisanie-tipy-i-vidy.html> (accessed 6 February 2019).
- Spisok kavalerov ordena Svyatogo apostola Andreyа Pervozvannogo (Rossiyskaya Federatsiya)* [List of Recipients of the Order of Saint Andrew the Apostle the First-Called (Russian Federation)]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1511012> (accessed 6 February 2019).

Information about the Author

Irina A. Bubnova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Foreign Philology Department, Moscow City University (MGPU), 2 Selskokhozyaystvennyy Proezd, 4, 129226 Moscow, Russia, aribubnova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1024-600X>

Информация об авторе

Ирина Александровна Бубнова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии, Московский городской университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226 г. Москва, Россия, aribubnova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1024-600X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.8>

UDC 811.161.1'243
LBC 81.411.2-99

Submitted: 11.01.2019
Accepted: 26.08.2019

RUSSIAN GENDER RELATIONS IN EDUCATIONAL MATERIALS ON RFL AS A SUBJECT OF REFLECTION IN THE MUSLIM AUDIENCE

Natalya A. Vostryakova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The article analyzes the textbook of the Russian language “The Road to Russia” by V.E. Antonova, M.M. Nakhabina, M.V. Safronova, A.A. Tolstykh, which is in demand at the elementary, basic and first certification levels of training of foreigners in Russia and abroad. Special attention is drawn to the speech practice and visual materials of this textbook, that represent gender relations in Russia, which might be ambiguously perceived by students who profess Islam. It is shown that when comprehending such materials, students often do not take into account the traditional moral values of the Russians and make inadequate moral conclusions. The necessity of considering these issues is explained by the fact that this textbook is applicable to an “ideal foreigner”; it does not take into account the confessional characteristics of students and significant differences in the organization of life in different countries. The article distinguishes particular texts and topics of the textbook, the study of which should be accompanied by special cultural commentary of the teacher, as well as speech material that might be excluded from the educational process, since its presentation in the Muslim audience is not appropriate. A reasoned conclusion is drawn on the necessity of compiling a textbooks aimed at forming a positive opinion on Russia among foreign Muslim students and harmonizing relations between speakers of different faith-based cultures.

Key words: cross-cultural communication, Russian as a foreign language, RFL, Russian gender relations, Educational Linguistics, Islam, educational text, educational dialogue.

Citation. Vostryakova N.A. Russian Gender Relations in Educational Materials on RFL as a Subject of Reflection in the Muslim Audience. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 103-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.8>

УДК 811.161.1'243
ББК 81.411.2-99

Дата поступления статьи: 11.01.2019
Дата принятия статьи: 26.08.2019

РУССКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛАХ ПО РКИ КАК ПРЕДМЕТ ОСМЫСЛЕНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОЙ АУДИТОРИИ

Наталья Анатольевна Вострякова

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье анализируется учебник русского языка В.Е. Антоновой, М.М. Нахабиной, М.В. Сафроновой, А.А. Толстых «Дорога в Россию», востребованный на элементарном, базовом и первом сертификационном уровнях обучения иностранцев в России и за рубежом. Обращается внимание на его речевые и визуальные материалы, представляющие русские гендерные отношения и неоднозначно понимаемые студентами, исповедующими ислам. Показывается, что, осмысляя такие материалы, учащиеся часто не принимают во внимание традиционные нравственные ценности россиян и делают неадекватные моральные выводы. Включение этих материалов объясняется тем, что данный учебник является универсальным, ориентированным на «абстрактного» иностранца, не учитывает конфессиональных особенностей студентов и существенных различий в организации жизни разных стран. В статье определяются отдельные тексты и темы учебника, изучение которых должно сопровождаться специальными культурологическими комментариями преподавателя, а также речевой материал, который можно исключить из образовательного процесса, поскольку его представление в мусульманской аудитории нецелесообразно. Делается аргументированный вывод о необходимости создания учеб-

ных пособий, нацеленных на формирование положительного мнения иностранных студентов-мусульман о России и гармонизацию отношений между носителями разных конфессиональных культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный, РКИ, русские гендерные отношения, лингводидактика, ислам, учебный текст, учебный диалог.

Цитирование. Вострякова Н. А. Русские гендерные отношения в учебных материалах по РКИ как предмет осмысления в мусульманской аудитории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 103–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.8>

Введение

В настоящее время основной иностранный контингент подготовительных факультетов российских вузов – граждане стран Азии и Африки. Большинство из них по своему вероисповеданию – мусульмане. Однако особенности преподавания русского языка в такой аудитории в отечественной лингводидактике исследованы мало, а осуществление эффективной межкультурной коммуникации на уроке русского преподавателя-иноверца (или атеиста) со студентами-мусульманами и достижение последними высоких академических результатов обучения, как показывает практика, весьма проблематичны.

В большинстве случаев на подготовительных факультетах студенческие группы формируются без учета национальной и религиозной принадлежности учащихся. Национально-ориентированных учебников РКИ мало, и используются они редко. Специальных изданий, ориентированных на мусульманскую аудиторию, на сегодняшний день не существует. Поэтому учебный процесс, в который включены мусульмане, организуется, как правило, без учета их религиозной специфики, с опорой на универсальные учебники и пособия по РКИ, являющиеся для студентов главным источником знаний о русском языке и России. При этом социокультурная информация о нашей стране, заключенная в учебниках, может быть негативно воспринята учащимися данной конфессиональной группы, что снижает эффективность обучения.

Критическое восприятие студентами-мусульманами русских гендерных отношений при изучении учебника «Дорога в Россию»

Как показали наши многолетние наблюдения за студентами-мусульманами (из Ира-

ка, Ирана, Йемена, Саудовской Аравии, Палестины, Египта, Судана, Марокко, Турции, Афганистана, Пакистана, Нигерии, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Ганы, Кении, Бангладеш, Нигерии, Индонезии), обучавшимися на подготовительном факультете Волгоградского государственного технического университета в 2004–2019 гг., русские гендерные образы и отношения, представленные в универсальных учебниках и пособиях по РКИ, не всегда понимаются и позитивно воспринимаются учащимися. Проиллюстрируем данное утверждение на примере популярного учебника В.Е. Антоновой, М.М. Нахабиной, М.В. Сафроновой, А.А. Толстых «Дорога в Россию», используемого при обучении РКИ на элементарном, базовом и первом сертификационном уровнях (Антонова и др., 2003а; Антонова и др., 2004; Антонова и др., 2006а; Антонова и др., 2006б).

Читая тексты и выполняя упражнения из данного учебника, иностранцы знакомятся с *лучшими представителями российских мужчин и женщин*, которыми мы гордимся (писателем П.П. Бажовым, поэтом Ф.И. Тютчевым, педагогом Н. Нестеровой, фотографом Е. Рождественской и др.). При этом если личность известного писателя А.П. Чехова (Антонова и др., 2006а, с. 52–56) всегда вызывает у них интерес и восхищение, то профессиональная деятельность «героя нашего времени» С. Бодрова (Антонова и др., 2004, с. 174–175) кажется им сомнительной для мужчины и не достойной внимания. Протицируем слова нашего студента из Афганистана: «Почему я должен учить текст об этом артисте? Если бы он был ученым, я согласен, но артист...».

Такая реакция объясняется тем, что в исламе отношение к артистам, деятелям искусства, театру, кино и телевидению неодобрительное, поскольку они способствуют праздному времяпрепровождению и отвлекают людей от служения Всевышнему. Поэтому

студенты-мусульмане обычно не выбирают профессии из сферы искусств и культуры. Ценность искусства для них зависит от его пользы и соответствия законам шариата. Искусство приветствуется, если утверждает положительные исламские идеалы, гармонию в человеке и обществе. Если же оно пропагандирует отрицательные явления в человеческом обществе, демонстрирует нарушение норм исламского поведения – его осуждают (см.: Каково отношение ислама к театру? 09.10.2014. URL: <https://islam-today.ru/veroucenie/vopros-otvet/kakovo-otnosenie-islama-k-teatru>). Вследствие этого сценарии спектаклей и фильмов в мусульманских странах редактируются на предмет соответствия законам шариата.

Не меньшие сложности этического характера возникают в мусульманской аудитории при знакомстве с Мисс Вселенной Оксаной Федоровой (Антонова и др., 2004, с. 221) и топ-моделью Натальей Водяновой (Антонова и др., 2006б, с. 163–164). Признать уважаемым их род занятий многие учащиеся не готовы, так как модельный бизнес, с точки зрения ислама, является индустрией греха, которая провоцирует порочное поведение мужчин, не уважает честь женщин и разрушает женские жизни.

Модельному бизнесу европейских стран мусульмане предлагают свою «правильную» альтернативу. Модная одежда, по их мнению, должна защищать женщину от похотливых взглядов и соответствовать нормам ислама. Девушки-модели должны демонстрировать коллекции в стиле «хиджаб», но присутствовать при этом могут только зрительницы-женщины (подробно см.: Раджабов Хаджи-Мурат. Разбитые мечты, или Индустрия модного греха. 06.04.2012 г.).

Неоднозначно воспринимается студентами и **активная роль женщины в общественной жизни**, типичная для российской действительности, продемонстрированная в «Дороге в Россию» на примере судеб княгини Ольги, Е. Дашковой, М. Тенешевой, А. Вавиловой, Л. Слиски и других героинь. Это может выявляться при обсуждении текстов о них, а также выполнении одного из заданий учебника (Антонова и др., 2004, с. 159), в котором учащимся предлагается прочитать фрагменты статей из молодежной газеты и выразить

свое отношение к нашим современницам – Марине и Даше: Марина – студентка, мечтает стать образованным человеком и работать экскурсоводом в Москве. 19-летняя Даша, не выбрав профессии, выходит замуж. Она хочет всегда быть стройной и красивой и знает, что будет хорошей женой и хозяйкой. Высказывая мнение об этих девушках, студенты-мусульмане не критикуют Дашу. С их точки зрения, она выбирает достойный жизненный путь, поскольку жизнь женщины легче, чем мужчины, ей не обязательно зарабатывать самой и, следовательно, нет необходимости получать образование. В России же качественное образование считается немаловажным условием жизненного успеха человека вне зависимости от его гендерной принадлежности.

В учебнике «Дорога в Россию» студентам также предлагаются диалоги и упражнения, в которых рассказывается о **совместной учебе юношей и девушек** в российском университете, их распорядке дня, общем студенческом досуге – походах в гости, кафе, на дискотеку, пляж и т. д. При этом в целях обеспечения доступности и наглядности такие материалы часто сопровождаются иллюстрациями, нейтральными с точки зрения носителей русской культуры, но неэтичными по мнению мусульман: на них юноши могут изображаться в пижаме, нижнем белье (по утрам и вечерам), плавках (на пляже) и даже полунагими (при иллюстрации словосочетания *мыться под душем*) (Антонова и др., 2003а, с. 271; Антонова и др., 2006а, с. 22, 23, 28). Девушки представлены на рисунках в европейской одежде, без хиджаба, часто – в коротких платьях и даже бикини (на пляже). Они игриво улыбаются молодым людям (Антонова и др., 2006а, с. 28), танцуют с ними и даже целуются (Антонова и др., 2003а, с. 133; Антонова и др., 2006а, с. 24).

Нередкая для студенческой жизни **ситуация знакомства** лиц противоположного пола описывается в «Дороге в Россию» неоднократно. При этом возмущение вызывает у студентов-мусульман диалог из учебника, который предлагается учащимся на базовом уровне для аудирования:

- Виктор, посмотри, с какой симпатичной девушкой танцует Андрей. Ты не знаешь, кто это?
- Знаю, это моя младшая сестра.

– Познакомь меня со своей младшей сестрой. Она мне очень понравилась (Антонова и др., 2004, с. 158).

По словам учащихся из Афганистана, Пакистана, Ирака, Ирана, Саудовской Аравии, друг Виктора проявляет дерзость. Его слова компрометируют честь девушки, поэтому Виктору следует не знакомить друга с сестрой, а немедленно проучить парня, применив физическую силу.

Нередко демонстрируется в анализируемом учебнике *ситуация свидания, способы приглашения на него и поведение на нем*. При этом юноши предстают в ней не только влюбленными, романтичными и терпеливыми, но и весьма легкомысленными. Ср.:

1) – Кому позвонить? Анне? Марии? Наташе? (Антонова и др., 2003а, с. 272);

2) – Кого ты ждешь, Таню?

– Нет, сегодня я жду Веру (Антонова и др., 2003а, с. 151).

Девушки в «Дороге в Россию», договариваясь с юношами о возможной встрече, ведут себя уверенно, смело высказывают свою точку зрения и подчас даже мучают поклонников (Антонова и др., 2004, с. 251; Антонова и др., 2006а, с. 58). Смущение у студентов вызывает диалог Анны и Антона (Антонова и др., 2003а, с. 222), в котором капризная Анна под разными предлогами отказывается от свидания с Антоном, но с удовольствием соглашается пойти с ним в гости к Ивану, тем самым демонстрируя свои истинные предпочтения. Еще большее замешательство возникает у мусульман при чтении диалога темнокожего Роберта и Алены, в котором он настойчиво и нагло (с их точки зрения) приглашает девушку на свидание и получает многократный завуалированный отказ. На вопрос авторов учебника о том, нравится ли Роберт Алене, иностранцы обычно отвечают правильно. Могут они догадаться и о причинах непрямого отказа девушки. Однако сама тематика такого диалога и постыдные, «низменные» устремления Роберта вызывают у них чувства неловкости и замешательства.

Более экстравагантные способы приглашения на свидание и знакомства описываются в учебных текстах «Жди меня», «Позвони

мне» и в безымянном тексте из субтеста по «Лексике. Грамматике» базового уровня (Антонова и др., 2004, с. 33–34, 110–111, 219). При этом если персонажи из первых двух текстов удивляют студентов-мусульман своей смелостью и находчивостью (для поиска любимых они используют телевизионную программу или уличную рекламу), то герои последнего текста могут вызвать у них осуждение:

Когда я служил в армии, я переписывался с одной девушкой. Эту девушку я никогда не видел и не знал раньше. Просто она писала мне хорошие, нежные письма (Антонова и др., 2004, с. 219).

Подробно ситуация свидания описывается в двух текстах учебника – «Измайловский парк» и «Завтрак». В Измайловском парке гуляют молодой человек и симпатичная девушка (словесное описание их прогулки дополняет иллюстрация, изображающая целующихся влюбленных) (Антонова и др., 2003а, с. 133). «Почему рядом с ними нет отца, брата или другого надежного свидетеля? Как они могли прийти туда вдвоем?» – такие вопросы задают при чтении этого текста студенты-мусульмане.

В тексте «Завтрак» (Антонова и др., 2004, с. 68–70) описывается, как женщина по имени Клара, не будучи знакомой с молодым писателем Александром Орловым, отправляет ему письмо, в котором назначает встречу в дорогом ресторане, чтобы поговорить о его новой книге. Там она заказывает себе дорогие блюда, а несчастный писатель, оплачивая их совместный завтрак, остается без средств к существованию.

Поведение этих героев озадачивает студентов из мусульманских и немусульманских стран. Приведем типичные реакции: «Почему они встречались вдвоем?; Почему писатель заплатил за Клару, для чего? Ведь она немолодая и некрасивая...; Почему Клара не заплатила за себя сама?». Ответ на последний вопрос находим в исследованиях по русской культуре и этикету: «Завоевать расположение русской женщины можно при условии, если вы ведете себя с ней как джентльмен, как покровитель и защитник. <...> Если вы ухаживаете за девушкой, то должны быть готовы платить за нее в кафе, ресторане, кино, театре и т. д. В России это воспринимается

“слабым” полом как... нечто само собой разумеющееся. <...> ...они [русские женщины] расценивают мужскую готовность платить за них как свидетельство надежности, опоры, истинно джентльменского отношения к ним. <...> Как правило, женщины, соглашаясь, чтобы за них платили, не собираются при этом брать на себя никаких обязанностей... флиртовать и т. д. <...> В России женщина хочет быть независимой, но предпочитает, чтобы при этом за нее платили. Такая позиция уникальна, поскольку отличается как от принятых на Западе норм поведения, так и от восточных традиций» [Сергеева, 2005, с. 109–110].

Иностранцы не знают данных особенностей русского этикета и не считают, что мужчины обязаны платить за неприятных им незнакомых женщин. Они не понимают, что в тексте «Завтрак» молодой писатель Орлов, несмотря на бедственное материальное положение, стремился сохранить свою репутацию джентльмена. Клара же, догадываясь об этом обстоятельстве, эксплуатировала его порядочность. Поэтому вина ее, с точки зрения русских, не в том, что она позавтракала за чужой счет, а в том, что чересчур смело для русской женщины назначила свидание незнакомому мужчине и, несмотря на намеки, не захотела уменьшить его расходы, отказавшись во время завтрака от дорогих блюд в пользу дешевых.

Тема одиночества, долгого ожидания любви поднимается в текстах «Свадебный марш» и «Портрет» (Антонова и др., 2004, с. 177–178, 243–244). Поскольку для понимания гендерных отношений нужна социальная зрелость, эти тексты сложны для вчерашних школьников, которыми являются в большинстве своем студенты подготовительного факультета.

Рассказанные в них истории имеют хэппи-энд. Настоящую любовь персонажи находят в самых демократичных местах (в подземном переходе, около метро) и быстро проникаются доверием к своим избранникам. При этом особенно шокирует учащихся поведение одинокой Наташи, которая не только инициировала знакомство с незнакомым мужчиной, пришедшим на свидание к другой женщине, но и попросила его прилюдно себя поцеловать, чтобы ввести в заблуждение подруг и получить их одобрение.

Заметим, что в знак благодарности за подаренную жизнь целует доктора Булгакова и пациентка из контрольного текста базового уровня субтеста «Говорение» (Антонова и др., 2004, с. 240–241). Ее поцелуй кажется невинным и естественным русским людям, но также не одобряется мусульманами.

Неоднократно изображается в учебных текстах «Дороги в Россию» и **идеальная русская семья**, поскольку формирование умения рассказывать о семье (своей, друга, известной личности) предусматривается программой первого сертификационного уровня обучения: это Антон и его родственники из текста «Моя семья», дружные и любящие бывать на концертах Наташа и Антон, супруги Пушкины, Чеховы, Стриженовы, многодетная семья художницы Марии Елисейевой (Антонова и др., 2003а, с. 73, 192–193; Антонова и др., 2004, с. 100–101; Антонова и др., 2006а, с. 55–56, 59; Антонова и др., 2006б, с. 13) и др. Знакомясь с такими персонажами, учащиеся легко осмысливают идеал русской семьи, русские семейные ценности.

Тема семьи, трудностей ее создания и укрепления представлена в «Дороге в Россию» также на материале адаптированных публицистических и художественных текстов. Так, читая рассказ А.П. Чехова «С женой поссорился» (Антонова и др., 2006б, с. 30–31), учащиеся могут задуматься над тем, почему так легко возникают семейные ссоры (отметим, что юмористический подтекст этого произведения прекрасно осознается студентами вне зависимости от их религиозной принадлежности). Воспринимая газетные тексты, они должны поразмышлять над тем, почему японский миллионер Ютака Хориз поселился в России и какой должна быть его новая русская жена (Антонова и др., 2004, с. 170–171), сравнить семейные традиции России, Италии, Америки и рассказать о семейных традициях своей страны и семьи (Антонова и др., 2006а, с. 45–46), обсудить необходимость существования центров планирования семьи и даже выразить мнение по поводу необходимого количества детей в современной семье (Антонова и др., 2006а, с. 11–12).

Все адаптированные публицистические тексты имеют небольшой объем и написаны доступно для студентов первого сертифика-

ционного уровня обучения. Однако работа с ними в мусульманской аудитории затруднена. По-видимому, они не вполне соответствуют возрастным интересам студентов (гендерную проблематику студенты разного возраста осмысливают по-разному). Иностранцы 18–20 лет еще не задумываются серьезно над семейными проблемами и не готовы их обсуждать. Взрослые же учащиеся (которых обычно немного) часто отказываются разговаривать о своей личной жизни публично, особенно о разводах, конфликтах, многоженстве и пр.

Кроме того, трудности в обсуждении данных текстов и изучении темы «Семья» могут быть обусловлены требованиями мусульманского этикета, который не допускает расспросов о женской части семьи. Показательны в этой связи результаты анкетирования Т.А. Кротовой, проведенного в 2002–2014 гг. среди арабских студентов (из Сирии, Йемена, Омана, Ливана, Туниса и Марокко) от 18 до 32 лет, которые изучали русский язык на разных этапах в России, Великобритании, Польше и Германии. Лишь 52 % опрошенных ею респондентов выразили готовность обсуждать свою семью с преподавателем и студентами из других стран, 38 % заняли нейтральную позицию, 5 % ответили, что им будет неприятно подобное обсуждение. При этом отвечать на вопросы о жене, матери и сестре категорически не готовы 19 % опрошенных, 5 % сказали, что постараются изменить тему разговора, а 19 % – что затруднятся ответить [Кротова, 2014, с. 93, 96–97; 2015, с. 27, 72–73, 108].

Дискомфорт в мусульманской аудитории возникает при необходимости изучать тексты *о женском кокетстве, внебрачных связях*. Студенты считают такие явления непростительными. Резкое осуждение у них вызывает, например, замужняя Наташа из текста «Отдых в Ялте» (Антонова и др., 2003а, с. 311), флиртующая с двумя молодыми людьми в отсутствие мужа. Неодобрительно относятся они и к роману А. Ахматовой с художником Б. Анрепом, который довольно корректно описывается в тексте о поэтессе (Антонова и др., 2004, с. 123–124).

Сложно обсуждать с мусульманами также поведение «целестремленного человека» Оли Журановой из текста «Рождественские

каникулы» (Антонова и др., 2006б, с. 136–140), которая терпит любовное фиаско, приезжая из маленького города в Москву. Мечтая стать женой богатого человека, она вступает в связь со своим немолодым начальником и остается без работы и денег. На наш взгляд, данный текст можно исключить из образовательного процесса в мусульманской аудитории, поскольку он не сообщает ценной культурологической информации и дискредитирует представителей русской культуры в глазах иностранцев.

Отметим, что сходные наблюдения имеются и у других исследователей. Так, сложности у турецких филологов университета Фатих (изучающих русскую литературу на языке оригинала в своей стране) вызвали роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и рассказ А.П. Чехова «Дама с собачкой», которые затрагивают тему кризиса семейных отношений и супружеских измен. Как отмечают И.Ш. Юнусов, М. Озтюрк и К. Юнал, студенты понимали прелесть и ценность любви, но резко осуждали адюльтеры литературных героев (подробно см.: [Юнал, Юнусов, 2015, с. 93; Юнусов, Озтюрк, 2012, с. 163]). Анализируя высказывания турецких учащихся о героях Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, Ш. Юнусов и К. Юнал пришли к выводу, что их религиозное мировоззрение детерминировало интерпретацию ими супружеского конфликта в художественных текстах [Юнал, Юнусов, 2015, с. 95]. Турецкие юноши и девушки единодушно считали, что семейный долг всегда должен уступать место любви и что герои этих произведений обманывают не только супругов, но и самих себя, так как за греховную связь им придется отвечать перед Всевышним.

Причем, в отличие от русских авторов и читателей, они не склонны были оправдывать или прощать недостойное поведение Анны Карениной или Анны Сергеевны и Дмитрия Дмитрича Гурова из рассказа А.П. Чехова, поскольку прелюбодеяние для мусульман – тяжкий грех, стоящий в одном ряду с многобожием и убийством, его искупление невозможно [Юнал, Юнусов, 2015, с. 91–92].

Более того, осмысляя роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и рассказ А.П. Чехова «Дама с собачкой», турецкие учащиеся отказывались признавать эстетическую цен-

ность этих классических русских произведений, поскольку они повествовали о неприличных, аморальных историях. Это объясняется тем, что, с точки зрения ислама, любой письменный текст (в отличие от устного) обладает непререкаемым авторитетом и потому должен учить образцовому поведению. Он не может и не должен учить плохому, а безнравственное не может быть эстетически совершенным [Юнал, Юнусов, 2015, с. 92–95]. Следовательно, чтобы художественный текст представлялся значимым для учащихся, исповедующих ислам, он должен утверждать достойное нравственное поведение героев.

В некоторых случаях специфика мусульманского отношения к гендеру **не позволяет понять юмор**. Например, преподаватель русского языка Е. Крисанова обратила внимание на особенности восприятия студентами учебного текста «Счастливая скамейка». Сюжет текста таков: молодой человек из-за начавшегося на улице дождя вынужден был принести в свой дом чужого неизвестного ребенка и объяснять его появление родителям. Студенты-иранцы не могли допустить мысли о возможности внебрачной связи героя и потому не восприняли юмор рассказа: «Мы не поняли. Родители подумали, что он женился, а им не сказал?» (Крисанова Е. Братья-мусульмане. 22.01.2014. URL: <http://ohrussian.com/bez-rubriki/bratya-musulmane.html>).

Обобщая наши наблюдения за восприятием студентами-мусульманами материалов учебника «Дорога в Россию», подчеркнем, что сегодня он является одним из лучших, используется во многих странах мира (России, Иране, Египте, Китае, Вьетнаме, Индии и др.), имеет национальные версии с грамматическими комментариями, которые облегчают работу с ним. В частности, для мусульман представляют интерес арабская и персидская версии учебника (Антонова и др., 2001), грамматический комментарий и словарь для говорящих на персидском языке (Антонова и др., 2003б).

Неприятие рассматриваемой конфессиональной аудиторией учебных текстов и диалогов можно наблюдать в отношении материалов многих современных учебников и пособий по РКИ. Мусульмане не только проявляют любопытство по отношению к принци-

пиально новому для них образу жизни, но и испытывают растерянность, неловкость, смущение, замешательство, возмущение. В некоторых случаях они могут выражать насмешку и даже презрение по отношению и к персонажам текстов, и к представителям русской культуры в целом.

Заметим, что негативная реакция учащихся, по-видимому, еще ярче проявляется в процессе преподавания РКИ в традиционных мусульманских странах. Она порождает необходимость для преподавателей тщательно анализировать материалы универсальных учебников и пособий с точки зрения нравственно-этической ценности для мусульман и отбирать издания таким образом, чтобы уменьшить культурные конфликты и подчеркнуть сходство изучаемой и родной культур [Сейд, Муса, 2015, с. 267–269]. В этой связи, думается, не случайно в вузах Ирана не используют учебник «Дорога в Россию» в полном объеме: на элементарном уровне он применяется, а на базовом и первом сертификационном – нет [Дастанмуз, 2017, с. 13–14; Шоджаи, 2007, с. 96].

Нормы гендерной коммуникации с точки зрения мусульман

Проблема восприятия студентами-мусульманами русских гендерных отношений, представленных в универсальных учебниках и учебных пособиях по РКИ, не была предметом специальных научных исследований. Нам удалось обнаружить лишь несколько замечаний, более или менее тесно связанных с ней.

С точки зрения мусульман, достойными и рекомендуемыми к использованию на всех уровнях образования являются учебные пособия, в которых материал освещается в соответствии с исламской системой ценностей, а научные факты подкрепляются кораническими аятами и сунной [Кротова, 2012б, с. 356]. Однако универсальные учебники РКИ ориентированы на обучение студентов в светской России и обычно не подразумевают обращение к религиозным текстам и лексике. Они презентуют современную русскую разговорную речь, российскую действительность и традиционные семейные и гендерные отноше-

ния, принятые в нашей стране. В целях обеспечения наглядности учебники содержат большое количество изображений живых существ, фотографий девушек без хиджабов, учебных текстов и диалогов, которые отражают недозволенные, греховные, с точки зрения ислама, взаимоотношения русских людей и вызывают осуждение у мусульман.

Так, в исследовании М. Мозами и Т.Г. Ткач установлено, что иранские студенты-филологи, изучающие русский язык на родине, испытывают культурный шок при осмыслении учебных диалогов между русскими мужчинами и женщинами из российских учебных пособий. Обучающихся потрясает, что героями диалогов выступают лица противоположного пола, не являющиеся близкими родственниками, а также возможность ведения таких диалогов в необщественном месте [Мозами, Ткач, 2011, с. 42].

Об этом же писала преподаватель Е. Крисанова, работающая с иранцами в Москве. Она отмечала, что в процессе аудирования одного из учебных диалогов учащиеся были возмущены неприличным, по их мнению, поступком иностранца, который на автобусной остановке предложил незнакомой русской девушке поболтать, чтобы потренировать свой русский язык и скоротать время в ожидании транспорта: «А что, в России можно знакомиться с девушкой на остановке?», – произнес потрясенный иранец. – «Я же хороший человек и не хочу жениться!» (Крисанова Е. Братья-мусульмане. 22.01.2014. URL: <http://ohrussian.com/bez-rubriki/bratya-musulmane.html>).

Объяснение этой реакции находим в работах ученых-востоковедов. В них показано, что в исламском обществе религия определяет систему взаимоотношений и социальных ролей мужчины и женщины и ограничивает свободу последней в общественных местах и быту. Подробно эти особенности охарактеризованы, например, в статьях Д. Еремеева. Приведем некоторые обобщения, представленные в его работах.

Женщина, с точки зрения мусульман, принадлежит отцу или мужу и потому не может брать на себя какие-либо обязательства без их разрешения (учиться, работать, заключать брак, свидетельствовать в суде, делать медицинскую операцию, передвигаться по

городу и т. п.) и находиться наедине с мужчиной, который не является ее родственником, в необщественном месте [Еремеев, 1989б, с. 58–60]. Эти требования могут трактоваться весьма жестко.

Живет мусульманка на своей половине дома, куда не входят чужие мужчины. Она никогда не садится с ними за один стол или на одну скамью, не заходит в кафе, предназначенное для мужчин, ездит на специальных автобусах, живет в гостиницах на особых этажах и посещает концерты и парки в «дамские часы», чтобы исключить случайные встречи с посторонними мужчинами.

Учеба и карьера для мусульманки не являются приоритетной жизненной целью. Многие профессии запретны для нее, так как не согласуются с ее правовым статусом (например, профессия юриста, судьи) или требуют контактов с чужими мужчинами (например, профессия инженера, геолога, археолога, официантки и др.). Она может работать лишь там, где коллектив исключительно женский: на ткацких, швейных предприятиях, в женских школах, кафе и т. п. [Еремеев, 1989б, с. 60].

Сватовство у мусульман осуществляется только через родственников. Инициаторами брака являются родители жениха. Свадьба невозможна +++без брачного договора, и до его заключения жениху не разрешается общаться с невестой [Еремеев, 1989а, с. 53–55; Еремеев, 1989б, с. 59]. Празднуют свадьбу истинно верующие жених и невеста в разных компаниях и в разные дни, так как законы шариата запрещают совместное веселье мужчин и женщин.

Знакомства без посредников на улице, в парке, кино мусульманами осуждаются. Мужчина никогда не заговорит с незнакомой женщиной на улице, так как знает, что это породит конфликт с мужчинами ее семьи. Если же женщина обменяется несколькими словами со случайным прохожим, она становится объектом сплетен и пересудов [Еремеев, 1989б, с. 59]. При знакомстве мужчина не может поцеловать ни щеку, ни руку женщины. На Западе это считается общепринятым, но в исламских странах категорически неприемлемым [Сканави, 2004, с. 70].

Для защиты женщины от посторонних мужчин в исламском обществе используется

специальная одежда. Она представляет собой различные накидки (хиджаб, паранджа, абайя, чадра, джилъбаб, бурка и др.), которые позволяют скрыть от посторонних глаз все тело женщины, включая лицо, руки и ноги. Короткие юбки и шорты осуждаются [Еремеев, 1989б, с. 58]. Для мужчин минимум, который должен быть покрыт одеждой, – это тело между пупком и коленом. Однако в иллюстрациях универсальных учебников РКИ, рассчитанных на «абстрактного» иностранца, эти требования к внешнему виду, как уже говорилось, не соблюдаются, что вызывает смущение и дискомфорт у мусульманских учащихся.

Кроме политики половой сегрегации, в исламском обществе культивируется превосходство мужского пола. На узкой дороге, в дверях женщина не имеет права обгонять мужчину, она должна пропустить его вперед. Не принято уступать ей место и в общественном транспорте [Еремеев, 1989а, с. 52].

В исламском обществе женщину постоянно контролирует отец, брат или муж. Ей часто не разрешают выходить из дома одной, без сопровождения близких родственников мужского пола. Причем даже ребенок мужского пола на основании своего гендерного статуса может приказывать взрослой женщине [Еремеев, 1989а, с. 52; Еремеев, 1989б, с. 60] и считаться ее достойным, полноправным сопровождающим в общественных местах. Нарушителей гендерного запрета на посещение общественных мест строго наказывают, вплоть до смертной казни.

Неравноправный тип отношений порождает гендерную специфику в коммуникативном поведении мусульман на родном языке, которая может оказывать интерферирующее влияние на их русскую речь. В частности, разговор арабского мужчины с арабской женщиной – это общение вышестоящего человека с нижестоящим. Арабский мужчина более свободен в коммуникации и чаще инициирует диалог на арабском и русском языках (даже на начальном этапе обучения). Его публичная речь экспрессивна, образна и насыщена комплиментами, поскольку красноречие является для арабов одним из необходимых качеств настоящего мужчины [Сканави, 2004, с. 69]. Он активно использует жесты в общении, часто прикасается к собеседнику и пожимает

ему руку, выражая свою симпатию и доверие. Однако прикосновения к арабке (не родственнице) в ходе беседы недопустимы, они будут восприняты как оскорбление.

В отличие от мужчины арабская женщина не может начать разговор первой, она более сдержанна и осторожна в своих высказываниях, и ей требуется больше времени на адаптацию в российской образовательной среде. Ее коммуникативная дистанция при общении с другими женщинами и мужчинами в особенности больше, чем между собеседниками-мужчинами [Кротова, 2012а, с. 57–58; 2015, с. 83–84, 134]. В русской же культуре коммуникативные контакты между полами происходят на равных. В связи с этим ситуации общения между мужчинами и женщинами в русском обществе непривычны и сложны для понимания арабов и других мусульман, а потому нуждаются в разъяснении и специальном тренинге [Кротова, 2015, с. 138].

Идеальная мусульманская женщина – это образцовая жена, мать и хозяйка. Скромность – ее главное достоинство. Увлечение нарядами, наличие поклонников и флирт с ними осуждаются. Брак считается священной обязанностью всех мусульман, а безбрачие – преступлением перед обществом. «Худший из мертвых тот, кто умер холостым», – утверждает исламский хадис. Спрос на невест в мусульманских странах превышает предложение, девушек выдают замуж рано (с 9–13 лет), поэтому «старых дев» практически нет [Еремеев, 1989а, с. 53; Еремеев, 1989б, с. 60].

Несмотря на то что ислам узаконил многоженство и временные браки, которые могут заключаться даже на один день, нравственное поведение полов регламентируется строгим кодексом приличий. В мусульманских странах не целуются и не обнимаются на людях. Любовь, даже между супругами, скрывается от посторонних глаз. Супруги редко появляются вместе. Муж старается не говорить о своей жене и даже не упоминать ее имя [Еремеев, 1989а, с. 52–54; Еремеев, 1989б, с. 59–60].

Предосудительным считается у мусульман и вопрос о здоровье жены знакомого или друга, подарок ей по случаю праздника, дня рождения [Еремеев, 1989б, с. 60], что также следует учитывать преподавателю в процес-

се изучения материала универсального учебника РКИ.

Резюмируя сказанное по данному вопросу, подчеркнем, что в научной литературе проблема понимания студентами-мусульманами русских гендерных отношений, отраженных в учебниках и пособиях по РКИ, ранее подробно не рассматривалась. Однако, опираясь на работы востоковедов, отдельные замечания преподавателей, можно предположить, что критическое, дискомфортное восприятие этой категорией учащихся некоторых учебных диалогов, текстов и иллюстраций на гендерную тему связано с причинами не языкового, а культурологического характера. Оно обусловлено принципиальными различиями в системе гендерных отношений и социальных ролей мужчины и женщины в разных культурах и наиболее явно обнаруживается при освоении учебных материалов студентами из традиционных мусульманских стран (Саудовской Аравии, Пакистана, Ирака, Ирана, Палестины и др.).

Заключение

В настоящее время обучение студентов-мусульман на подготовительных факультетах российских вузов повсеместно осуществляется с опорой на универсальные учебники и пособия по РКИ, которые позволяют студентам сформировать основы вторичной коммуникативной и межкультурной компетенций на русском языке. Однако отдельные тексты, диалоги, задания и иллюстрации из таких учебников, рассказывающие о русских гендерных отношениях, нередко вызывают негативную реакцию и отторжение у учащихся, исповедующих ислам.

Это объясняется тем, что авторы универсальных учебников и пособий по РКИ ориентируются на «абстрактного» иностранца и не учитывают религиозной специфики обучающихся, принципиальных различий в организации современной российской жизни и жизни мусульманских стран. Они также стремятся приблизить содержание учебников к реальной российской действительности, сделать их актуальными, интересными, проблемными, чтобы вызвать у студентов коммуникативную реакцию. С этой целью в учебники РКИ мо-

гут включаться материалы, неоднозначно интерпретируемые с точки зрения традиционных общечеловеческих и российских ценностей и даже отражающие переживаемый современной Россией нравственный кризис.

Отсутствие взаимопонимания между мужчинами и женщинами, фривольный характер их отношений, распространенность внебрачных связей – все эти неприглядные черты российского общества конца XX – XXI в., как уже было показано на примере «Дороги в Россию», обнаруживаются в современной учебной литературе для иностранцев. Мусульмане воспринимают их крайне негативно, что обусловлено религиозной спецификой их обществ и особенностями социальных ролей в них мужчины и женщины. При этом представители мусульманских стран не знают, какие нравственные и семейные ценности традиционны для россиян и одобряются ими, не улавливают эмоционального отношения авторов учебников к персонажам текстов и часто делают неадекватные моральные выводы.

В этих ситуациях преподавателю следует не игнорировать реакцию мусульман, а выяснять основания их оценки и учитывать полученную информацию в процессе дальнейшей работы. Ряд проблемных материалов нужно исключать из учебного процесса (при необходимости компенсируя их другими), ряд – сопровождать культурологическими комментариями.

Кроме того, в силу религиозных, национальных, возрастных или личных особенностей мусульмане могут быть не готовы публично обсуждать нравственные проблемы личного, семейного характера. В этих случаях им нужно предлагать нейтральные в психологическом отношении тексты и задания, так как игнорирование их позиции может привести к конфликту в межкультурном общении на уроке и отрицательно скажется на мотивации и результатах обучения.

Как известно, все люди с удовольствием изучают то, что им нравится. Поэтому учебники РКИ не должны шокировать студентов-мусульман, они должны нравиться им, вызывать интерес, формировать положительное мнение о России, оптимизировать их общение с носителями русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дастамуз С., 2017. Использование учебников по РКИ при обучении русскому языку иранцев в университете «Аль-Захра» // Русский язык за рубежом (специальный выпуск). Русистика Ирана. С. 12–15. URL: https://journal-rfl.pushkininstitute.ru/files/Иран_развороты.pdf

Еремеев Д., 1989а. Женщина и ислам // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 51–55.

Еремеев Д., 1989б. Женщина и ислам // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 58–62.

Кротова Т. А., 2012а. Гендерные особенности межкультурной коммуникации в арабском мире и их учет в процессе обучения русскому языку как иностранному // Русский язык в межкультурной коммуникации : материалы Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию каф. практич. рус. яз. Иван. гос. ун-та (г. Иваново, 6 сент. 2012 г.) / отв. ред. Ф. Ф. Фархутдинова. Иваново : Изд-во Иван. гос. ун-та. С. 55–59.

Кротова Т. А., 2012б. Традиции исламской системы образования в процессе обучения арабских учащихся русскому языку // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : материалы II Международ. науч.-метод. конф. (г. Воронеж, 26–27 янв. 2012 г.) / отв. ред. Е. А. Пляскова. Воронеж : Истоки. С. 355–361.

Кротова Т. А., 2014. Обучение русскому языку в условиях полиэтнической группы: проблемы педагогического взаимодействия // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 3. С. 89–101.

Кротова Т. А., 2015. Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся в практике обучения РКИ : дис. ... канд. пед. наук. М. 243 с.

Моазами М., Ткач Т. Г., 2011. Культурные и психологические трудности изучения русского языка в мусульманской аудитории (на примере иранских учащихся) // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 2. С. 41–45.

Сейд Х. З., Муса А., 2015. Национальная культура и обучение иностранным языкам в мусульманских странах // Символ науки. № 12-2. С. 266–269.

Сергеева А. В., 2005. Русские : стереотипы поведения, традиции, ментальность. 3-е изд. М. : Флинта : Наука. 313 с.

Сканави А., 2004. Арабский этикет. Языковые изыски, которые всегда на пользу // Азия и Африка сегодня. № 7. С. 68–72.

Шоджаи М., 2007. Преподавание русского языка в Иране (на примере подготовительного курса) // Русский язык за рубежом. № 4. С. 92–96.

Юнал К., Юнусов И., 2015. Специфика восприятия русской литературы в мусульманских сообществах (на примере Турции) // Русский язык за рубежом. № 3. С. 89–96.

Юнусов И. Ш., Озтюрк М., 2012. О некоторых особенностях преподавания русской литературы турецким студентам // Филология и культура. № 2 (28). С. 161–164.

ИСТОЧНИКИ

Антонова и др., 2001 – Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень) на персидском языке / пер. Алиреза Акбарипур. М. : Изд-во ЦМО МГУ ; СПб. : Златоуст, 2001. 344 с.

Антонова и др., 2003а – Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень). М. : Изд-во ЦМО МГУ ; СПб. : Златоуст, 2003. 344 с.

Антонова и др., 2003б – Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень). Грамматический комментарий и словарь к учебнику для говорящих на персидском языке / пер. Алиреза Акбарипур. М. : Изд-во ЦМО МГУ ; СПб. : Златоуст, 2003. 108 с.

Антонова и др., 2004 – Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (базовый уровень). М. : Изд-во ЦМО МГУ ; СПб. : Златоуст, 2004. 256 с.

Антонова и др., 2006а – Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (первый уровень). В 2 т. Т. 1. СПб. : Златоуст, 2006. 200 с.

Антонова и др., 2006б – Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (первый уровень). В 2 т. Т. 2. СПб. : Златоуст, 2006. 184 с.

REFERENCES

Dastamuz S., 2017. Ispolzovanie uchebnikov po RKI pri obuchenii russkomu yazyku irantsev v universitete «Al-Zakhra» [Textbooks RFL in the Program of Teaching the Russian Language to the Iranian Students in Alzahra University].

- Russkiy yazyk za rubezhom (spetsialnyy vypusk). Rusistika Irana*. [Russian Language Abroad (Special Issue). Iranian Russian Studies], pp. 12-15. URL: https://journal-rla.pushkininstitute.ru/files/Iran_razvoroty.pdf.
- Eremeev D., 1989a. Zhenshchina i islam [Woman and Islam]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], no. 1, pp. 51-55.
- Eremeev D., 1989b. Zhenshchina i islam [Woman and Islam]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], no. 2, pp. 58-62.
- Krotova T.A., 2012a. Gendernye osobennosti mezhkulturnoy kommunikatsii v arabskom mire i ikh uchet v protsesse obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Gender Features of Intercultural Communication in the Arab World and Their Consideration in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language]. F.F. Farkhutdinova, ed. *Russkiy yazyk v mezhkulturnoy kommunikatsii: materialy Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 30-letiyu kaf. praktich. rus. yaz. Ivan. gos. un-ta (g. Ivanovo, 6 sent. 2012 g.)* [Russian Language in Intercultural Communication. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Department of Practical Russian Language of Ivanovo State University (Ivanovo, September 6, 2012)]. Ivanovo, Izd-vo Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 55-59.
- Krotova T.A., 2012b. Traditsii islamskoy sistemy obrazovaniya v protsesse obucheniya arabskikh uchashchikhsya russkomu yazyku [Traditions of the Islamic Education System in the Process of Teaching Russian to Arab Students]. Plyaskova E.A., ed. *Problemy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin inostrannym uchashchimysya: materialy II Mezhdunarod. nauch.-metod. konf. (g. Voronezh, 26–27 yanv. 2012 g.)* [Problems of Teaching Philological Disciplines to Foreign Students. Proceedings of the 2nd International Scientific and Methodical Conference (Voronezh, January 26–27, 2012)]. Voronezh, Istoki Publ., pp. 355-361.
- Krotova T.A., 2014. Obuchenie russkomu yazyku v usloviyakh polietnicheskoy gruppy: problemy pedagogicheskogo vzaimodeystviya [Learn Russian Language in Terms Multiethnic Groups of the Problem of Pedagogical Interaction]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], no. 3, pp. 89-101.
- Krotova T.A., 2015. *Etnoorientirovannaya sistema lingvokulturnoy adaptatsii arabskikh uchashchikhsya v praktike obucheniya RKI: dis. ... kand. ped. nauk* [Ethno-Oriented System of Linguistic and Cultural Adaptation of Arab Students in the Practice of Teaching RFL. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 243 p.
- Moazami M., Tkach T.G., 2011. Kulturnye i psikhologicheskie trudnosti izucheniya russkogo yazyka v musulmanskoj auditorii (na primere iranskikh uchashchikhsya) [Cultural and Psychological Problems of Teaching Russian Language Muslim Audience (Iranian Students)]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kulturologiya. Pedagogika. Metodika*, no. 2, pp. 41-45.
- Seyd Kh.Z., Musa A., 2015. Natsionalnaya kultura i obuchenie inostrannym yazykam v musulmanskikh stranakh [National Culture and Foreign Language Teaching in Muslim Countries]. *Simvol nauki*, no. 12-2, pp. 266-269.
- Sergeeva A.V., 2005. *Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost* [The Russians: Stereotypes of Behaviour, Traditions, Mentality]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 313 p.
- Skanavi A., 2004. Arabskiy etiket. Yazykovye izyski, kotorye vsegda na polzu [Arabic Etiquette. Language Delights, Which Are Always Good]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], no. 7, pp. 68-72.
- Shodzhay M., 2007. Prepodavanie russkogo yazyka v Irane (na primere podgotovitel'nogo kursa) [Teaching of Russian Language in Iran (On the Example of the Preparatory Course)]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language abroad], no. 4, pp. 92-96.
- Yunal K., Yunusov I., 2015. Spetsifika vospriyatiya russkoy literatury v musulmanskikh soobshchestvakh (na primere Turtsii) [The Specificity of the Perception of Russian Literature in Muslim Communities (On the Example of Turkey)]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 3, pp. 89-96.
- Yunusov I.Sh., Oztyurk M., 2012. O nekotorykh osobennostyakh prepodavaniya russkoy literatury turetskim studentam [Some Features of Teaching Russian Literature Turkish Students]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], no. 2 (28), pp. 161-164.

SOURCES

- Antonova V.E., Nakhabina M.M., Safronova M.V., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu. Uchebnik russkogo yazyka (elementarnyy uroven) na persidskom yazyke* [The Road to Russia:

- Russian Language Textbook (Elementary Level). In Persian]. Moscow, Izd-vo TsMO MGU, Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2001. 344 p.
- Antonova V.E., Nakhabina M.M., Safronova M.V., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu. Uchebnik russkogo yazyka (elementarnyy uroven)* [The Road to Russia: Russian Language Textbook (Elementary Level)]. Moscow, Izd-vo TsMO MGU, Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2003. 344 p.
- Antonova V.E., Nakhabina M.M., Safronova M.V., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu. Uchebnik russkogo yazyka (elementarnyy uroven). Grammaticheskiy kommentariy i slovar k uchebniku dlya govorya shchikh na persidskom yazyke* [The Road to Russia: Russian Language Textbook (Elementary Level). Grammar Review and Vocabulary to the Textbook for Speakers of the Persian Language]. Moscow, Izd-vo TsMO MGU, Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2003. 108 p.
- Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu. Uchebnik russkogo yazyka (bazovyy uroven)* [The Road to Russia: Russian Language Textbook (Basic Level)]. Moscow, Izd-vo TsMO MGU, Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2004. 256 p.
- Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu. Uchebnik russkogo yazyka (pervyy uroven). V 2 t. T. 1* [The Road to Russia: Russian Language Textbook (First Level). In 2 vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2006. 200 p.
- Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu. Uchebnik russkogo yazyka (pervyy uroven). V 2 t. T. 2* [The Road to Russia: Russian Language Textbook (First Level). In 2 vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2006. 184 p.

Information about the Author

Natalya A. Vostryakova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Volgograd State Technical University, Prosp. V.I. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, vostrjakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6795-6929>

Информация об авторе

Наталья Анатольевна Вострякова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. В.И. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, vostrjakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6795-6929>

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9>

UDC 81'42:81'271.16

LBC 81.055.52

Submitted: 11.10.2018

Accepted: 20.06.2019

EMOTIONAL CONCEPTS “CRYING” AND “LAUGH” IN THE DISCOURSE OF THE FOLK-SPEECH CULTURE KEEPER¹

Svetlana S. Zemicheva

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The study is performed with the aim of reconstructing the worldview of the informant – a traditional folk culture representative, the application of a cognitive-discursive approach to linguistic analysis of transcribed discourse of spontaneous speech determines its novelty and relevance. The reliability of the results is ensured with a considerable amount of speech material (more than 300 utterances). The particular attention is given to evaluative contexts, the analysis of which resulted in reconstruction of the value aspect of the speaker's worldview. It was established that in the informant's speech both universal and specific characteristics of the concepts “Laughter” and “Crying” are manifested. As universal characteristics, the relationship of the emotive and perceptual components in the structure of the studied concepts is determined, the prevalence of negative emotions over positive nominations, the inclusion of these concepts in virtue oppositions (i.e. “us” – “them”) is established. The features of the traditional folk worldview were reconstructed, including value of the family, attention to the material side of life, comprehension of animals as creatures of a lower layer in comparison with humans. The following personal characteristics of the informant are revealed: a high level of speech culture and communicative competence, vagueness, self-irony, the desire to harmonize communication.

Key words: linguistic person studies, emotional concept, laugh, crying, folk-speech culture, everyday speech, discourse-analysis.

Citation. Zemicheva S.S. Emotional Concepts “Crying” and “Laugh” in the Discourse of the Folk-Speech Culture Keeper. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 116-129. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9>

УДК 81'42:81'271.16

ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 11.10.2018

Дата принятия статьи: 20.06.2019

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ПЛАЧ» И «СМЕХ» В ДИСКУРСЕ НОСИТЕЛЯ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Светлана Сергеевна Земичева

Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Аннотация. Работа выполнена на материале расшифровок естественной речи носителя традиционной народной культуры, что определило новизну проведенного исследования. Его актуальность обусловлена применением когнитивно-дискурсивного подхода к анализу текстов с целью реконструкции картины мира

информанта. Достоверность исследования обеспечивается значительным объемом речевого материала (более 300 высказываний). Особое внимание уделяется оценочным контекстам, изучение которых позволило описать картину мира носителя народной речевой культуры в ценностном аспекте. Установлено, что в речи информанта проявляются как универсальные, так и специфические характеристики концептов «Плач» и «Смех». В качестве универсальных определены взаимосвязь эмотивного и перцептивного компонентов в структуре рассматриваемых концептов, преобладание номинаций негативных эмоций над позитивными, включенность этих концептов в ценностные оппозиции (например, «свой» – «чужой»). Реконструированы особенности картины мира носителя народно-речевой культуры: ценность семьи, внимание к материальной стороне жизни, отношение к животным как существам низшего порядка по сравнению с человеком. Выявлены индивидуально-личностные черты информанта: высокий уровень речевой культуры и коммуникативной компетенции, некатегоричность, способность к самоиронии, стремление к гармонизации общения.

Ключевые слова: лингвоперсонология, эмоциональный концепт, смех, плач, народно-речевая культура, бытовая речь, дискурс-анализ.

Цитирование. Земичева С. С. Эмоциональные концепты «Плач» и «Смех» в дискурсе носителя народно-речевой культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 116–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9>

Введение

Заявленная тема разрабатывается в рамках масштабного проекта по изучению феномена диалектной языковой личности Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), русской, малограмотной крестьянки, коренной жительницы с. Вершинино Томского района Томской области. Источником материала послужили расшифровки спонтанной речи информанта, записанной Е.В. Иванцовой и Л.Г. Гынгазовой в полевых условиях. Использовались также данные словаря, фиксирующего индивидуальный лексикон (ПСДЯЛ).

Исследование проведено с опорой на лингвоперсонологический подход, при котором в центре внимания оказывается «человек говорящий» – конкретная языковая личность. Он востребован в работах как отечественных [Гынгазова, 2007; Иванцова, 2002; 2014; Казакова, 2007; Ружицкий, 2017; Соломина, 2013; и др.], так и зарубежных [Asahi, 2009; Johnstone, 1996] ученых. Особенностью реализации этого подхода томскими диалектологами является недифференциальное описание лексикона диалектоносителя (учитываются как локально ограниченные, так и общерусские элементы).

Цель статьи – реконструировать фрагмент картины мира носителя народно-речевой культуры, представленный концептами «Плач» и «Смех».

Работа продолжает исследование эмоциональной лексики в идиолекте В.П. Вершининой, начатое под руководством Л.Г. Гын-

газовой (см.: [Борисова, 2012; Васильченко, 2015]).

Плач и смех – психофизиологические реакции, поэтому в семантике соответствующих единиц можно выделить два компонента: 1) эмоция (радость, печаль); 2) внешнее проявление эмоции (звуки, мимические движения, выделение слезной жидкости). Наличие в семантике номинаций смеха и плача компонента ‘эмоция’ позволяет рассматривать их как репрезентанты эмоциональных концептов.

Данные обозначения изучались в разных аспектах, как правило, на материале литературного языка [Казарина, Аль-Хаснави, 2013; Крейдлин, Переверзева, 2011; Попова, 2015; Ружицкий, 2017]. Работы, посвященные анализу этих единиц в диалектной речи, немногочисленны. Описаны, в частности, обозначения плача на материале донских говоров [Григорьева, 2009], архангельских говоров [Савельева, 2011], русских говоров в целом [Букринская, Кармакова, 2013]. В статье Л.Н. Коберник рассматривались метафорические номинации плача в одном из сибирских говоров [Коберник, 2012]. При этом все вышеназванные диалектологические исследования выполнены в рамках структурно-семантического подхода на основе имеющихся словарей. Анализ функционирования данных единиц в бытовой речи на обширном текстовом материале, насколько нам известно, не проводился, чем обусловлена новизна настоящей работы.

Представление об оппозиции «плач» – «смех» в традиционной культуре дано в словаре «Славянские древности», где указано, что

эти действия в народной традиции выступают как форма ритуального поведения, и описана их роль в славянских обрядах [Белова, 2012; Толстая, 2012].

Под термином «концепт» в данной статье понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996, с. 90].

Эмоциональный концепт, по Н.А. Красавскому, представляет этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое ментальное образование, вербализованное средствами языка и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы, вызывающие пристрастное к ним отношение человека [Красавский, 2001, с. 29].

Исследование проведено с применением методики дискурс-анализа бытового диалога, апробированной зарубежными лингвистами [Eftekar, 2012; Johnstone, 1996]. Она применялась также О.А. Казаковой при анализе жанров, используемых языковой личностью [Казакова, 2007].

В данной статье материал ограничен вербальными единицами (глаголами *смеяться, хохотать, плакать, реветь*, их дериватами и синонимами); анализ невербального поведения языковой личности проводится лишь в единичных случаях и в будущем может стать основой самостоятельного исследования.

Результаты исследования

Концепт «Плач»

В анализируемом лексиконе зафиксировано 30 номинаций плача² в 208 контекстах. Самым частотным является глагол *плакать* (168 употреблений).

Субъектом плача чаще выступают другие люди (75 % примеров), реже – сам информант (25 %). Обычно субъект действия – женщины (90 % примеров), однако есть упоминания мужского и детского плача.

Для реконструкции исследуемого фрагмента картины мира диалектоносителя значима классификация высказываний на основе признака «причина плача».

Как правило, слезы вызваны смертью родственников. Примеры весьма многочисленны (26 текстов). В некоторых случаях они представляют собой детализированные рассказы³:

(1) В сорок восьмым году она [мать] умерла у нас восемнадцатого апреля. Всё как сейчас гляжу: пошла к им... – ну я тут жила, Степан жил тут... Ну и... пошла к им, иду, *пла-ачу*, а он: «Ты не плачь, не плачь! Ну чё *плакать*, ну чё? Болела она...» А я прям упала на кровать и *реву рёвом*. Он меня уговаривает-уговаривает: «Не плачь». Теперь хоть *заревись*, никто не уговорит ничё. Одна себе *плачу*, *плачу*...;

(2) Ох, как она *ревела* – *вижже 'ла* прям! Вот так: «У-у-у!» – изо всёй силы. Кодá стали закрывать-то это [гроб], она прям никак: прямо её до'ржут её прям все, она дак: «Дайте я хыть маленько ешо погляжу!» [Собиратель: Один сын?] Один был. Мальчик.

В приведенных примерах номинации плача сочетаются с глаголами движения (*пошла, иду*), обозначениями физического проявления эмоций (*упала на кровать, до'ржут*), междометиями (*Ох, У-у-у*), употреблены в конструкциях с прямой речью, что делает описание действия наглядным. Интенсивность переживания передается с помощью разноуровневых средств: фонетических (протяжка гласных: *пла-ачу, угова-ариват*), словообразовательных (*заревись*), лексических (синонимы: *ревела, вижжелла*; частицы: *прям, прямо, дак*), фразеологических (*реву рёвом, изо всёй силы*), синтаксических (повторы: *не плачь, не плачь; плачу, плачу*). Такие ярко окрашенные эмоциональные фрагменты, как правило, встречаются в рассказах о смерти ближайших родственников – детей, родителей.

Однако возможно проявление сочувствия и по отношению к незнакомым людям, что указывает на восприятие смерти вообще как трагического события. В таких примерах в большинстве случаев речь идет о гибели молодых людей:

(3) [В ответ на рассказ односельчанки о гибели племянника:] Жалко всё равно. [Односельчанка: Это бы жа... [лко] только родне, а так-то...] Дак а чё... дак, во'споди, пошто'? Я его не видала, не знаю – всё равно жалко. Всё равно жалко, у меня *слёзы* прямо.

В то же время смерть пожилого человека воспринимается скорее как норма. При

этом противопоставляется естественная и насильственная смерть:

(4) Я *плакала* прям об ей [пожилой односельчанке, подруге], ши́бко плакала. Мне не жалко, что она умерла, ну года подошли – умерла. Мне жалко, что её так, смерть-то така́... убить, надо же Татьяне-то [дочери] было!

Убийство матери оценивается как грубое нарушение этических норм, разрушение базовых человеческих ценностей.

Плач как эмоциональное проявление человека вписан в систему поведенческих норм. В частности, он обязателен в похоронном ритуале. Внимание говорящего к соблюдению данного обряда подтверждается цитированием похоронных причитаний односельчан:

(5) Ши́бко она *плакала*, Надя. Валя не так *плакала*. Только... «О́споди! Осталась я с де́точками со своими». А эта: «Зачем в Бело́ву поехала? Может, в тру́дну минуту тебе бы, мама, помо́чь надо было».

Для обозначения обрядового голошения наряду с глаголом *плакать* используются и специальные единицы (*при́чет / причёт, прививать, голосить*):

(6) [Собиратель: А у гроба как-то специально причитали?] Ну она так *плакала*: «Ой, мамочка! Родна́ моя кормилица, мамочка! Прости меня за всё. Много я тебе горя принесла». Она же ребёночка принесла в девках, Рая-то. Ну а... позор же, как вроде бы. Ну кто-то мне говорил, что она, говорили, никто́ там, *привыва́ла* ешо́ [на похоронах]: «Спасибо тебе, что пособи́л мне малых дедушек порóстити».

С.М. Толстая отмечает, что в восточнославянской традиции оплакивание умерших – преимущественно женская обязанность [Толстая, 1999, с. 141], однако в дискурсе В.П. Вершининой есть упоминания мужского плача:

(7) [О муже умершей сестры] Как давай ре́вом реветь! <...> Да с *причётом* прям: «Да никогда она меня не ревновала! <...> Да чё ты меня оставила, Прокофьевна, идно́го оставила!» Ну вот так.

Как видно из примеров (5), (6), (7), в речи жителей села сохраняются некоторые элементы традиционных похоронных плачей, речевые формулы и клише, восходящие к фольклорной

традиции (*родна́ моя кормилица; малые де-тушки*). Звучат канонические жанровые мотивы благодарности умершему, сожаления, просьбы о прощении, подчеркивается одиночество, покинутость живых. В то же время включение в ритуальный текст фактов жизни конкретной семьи индивидуализирует его.

В единичном контексте упоминается ритуальный плач по политическому деятелю:

(8) Мы дак *плакали* [когда умер Брежнев]. Шура [сестра] дак изо всёй силы *плачет*, а я маленько.

Можно предположить, что это действие воспринимается информантом как не вполне искреннее.

Близкой к ситуации смерти является ситуация поминовения усопших:

(9) А́ли год [о годовщине смерти сына] ему было, ли сколь было – я ши́бко *поплакала* на моги́лках-то...

Однако номинации плача актуализируются в связи с ней значительно реже (3 примера).

В некоторых случаях причиной плача является болезнь родственников. Несмотря на ограниченное количество примеров (всего 4), они весьма выразительны, поскольку говорящий подчеркивает ценность семьи, родственных связей:

(10) «Перелом, че́люзди, в больницу поло́жили» [племянницу]. Ой, я прям *плакала*, дня два *плакала*! Жалко всё равно своё.

Среди регулярно упоминаемых причин плача можно назвать расставание с близкими (7 примеров):

(11) Бутылку взяла да и пришла [односельчанка] к Рае, с бутылкой: «Не знаю, куды́ деваться!» Сама, гыт, чуть не *рёвом ревет*, *плачет*. Что увезли эту [отец забрал внучку, долго жившую в деревне с бабушкой].

Частный случай такого расставания – призыв в армию или на войну, представляющий особый культурный сценарий:

(12) Были кто где: косили, сило́с закладывали [когда началась война]. Это же двадцать второго июня. Мне кажется, что мы на работе все были. Приезжа́т к нам бригадир. Бригадир подъезжа́т к

нам, и говорит: «Ну, ребята, плохо дело. <...> Вот так и так, война началась». Кто заплакал, кто чё. <...> Вот Степана [мужа] третьего июля взяли. <...> А мы тут остались. Приехали, работать стали. Я всё плакала, плакала по Степану;

(13) Васеньку-то [внука односельчанки] взяли в а́рмию, а я то... она жыле́т, ши́бка, я знаю, что она жыле́т. Ну и... как? Как не будешь жалеть? Чужих [и то] жалко. <...> Поля, гыт, так похудела, плачет, говорит... прям ре́вом реве́т, гыт. Это, Васю-то прово... проводила.

Плач может быть вызван также поведением родственников, нарушающим этические нормы (пьянство, курение, пристрастие к азартным играм, употребление матерной лексики молодой женщиной):

(14) У Кати-то тоже эта... Она сама рассказывала: Маринкины папирасы нашла. Выла да выла, гыт, я прямо.

Как правило, в таких случаях речь идет о переживаниях старших родственников за судьбу младших или жены о муже (всего 6 примеров).

Примеры, в которых плач вызывают люди, не являющиеся родственниками, единичны:

(15) Ой, как она зарыдала, зарыдала, завывала! [после ссоры с подругой];

(16) Ну, он прямо... Вот не поверите, не хвастаю: плакал! Прямо плакал, меня уговаривал [выйти замуж].

В примере (16) субъектом плача, испытывающим любовные переживания, выступает мужчина. По-видимому, такое поведение воспринимается говорящим как необычное, отклоняющееся от нормы, на что указывает включение в речь дополнительного маркера достоверности (*не хвастаю*).

Таким образом, анализ функционирования номинаций плача выявляет прежде всего ценность семьи, родственных отношений в картине мира информанта.

Нередко (15 примеров) упоминается плач из-за материальных проблем. Ситуации этого типа неоднородны. В одних из них, особенно если субъект действия – говорящий, а ущерб значителен, плач оправдан:

(17) Я пошла и говорю: «Ой! Тя́тя», – говорю. Тя́тей мы звали-то [отца]. Говорю: «Картош-

ки-то у меня в погребу ниско́ль нет, все выгребли». Пла́чу!

В других случаях такой плач не вызывает сочувствия. Ироническое отношение к переживаниям из-за материальных проблем отражено в цитировании слов односельчанки:

(18) Ну ты знашь, она кака́, прям руками – ну ей восемьдесят два года – да руками, как вот конь хле́шшэтся. «Ой, жалко мне его [проданный дом], Верочка Прокофьевна, до сме́рти жалко. Я так во-ою, во-ою, во-ою!»

В приведенном контексте негативная оценка передается посредством сравнения с животным, а также интонации. В нашем материале имеются контексты, в которых ирония, насмешка по отношению к той же ситуации выражаются еще более явно, превращаясь в передразнивание:

(19) Вот чё поделаю мале́нко – лежу, лежу, лежу. [Вспомнила, как говорила соседка:] «Вою, вою, вою», как Катерина Васильевна! [Смеётся]. Всё: «Ой, я вою, вою, вою!» Так и я.

На ироническое отношение указывает интонация говорящего и невербальная реакция, сопровождающая слова (смех). Непосредственно высмеивается многократный повтор слова *вою* в рассказе односельчанки. Можно предположить, что переживания из-за продажи дома кажутся Вере Прокофьевне преувеличенными, поскольку рассказчица не потеряла дом, а продала и получила деньги.

Среди анализируемых контекстов имеются и такие, в которых на вербальном уровне выражается сочувствие, однако невербальные средства указывают на иронию:

(20) Она [племянница] на крыле́ц-то села, да прямо плачет тамо-ка: «Да мамочка, да взяла́ бы ты меня с собой, ой!» А мне так жалко [усмехается]. «Взяла б меня с собой: я живу, как не знаю кто, для всех чужа́». <...> А мне надо было пополам уж разделить эту гря́ду-то, в се́рдке-то, а я говорю: «Бери, хоть туды́ ли сюды́, бери. Это, к берегу, ли это ли». Ага. А им, Сергей пришёл, я говорю: «Сергей, вы дайте ей огоро́д-то». [Собиратель: А почему они усебя не дают ей?] Ну дак от не дают, дак как посо́дишь?

В данном случае насмешка информанта вызвана, вероятно, осознанием неискренности, демонстративности поведения родственницы.

Таким образом, плач может быть объектом этической оценки. Ситуации, в которых чужой плач подвергается высмеиванию, указывают на глубинную связь рассматриваемых эмоциональных концептов, дают ценный материал для реконструкции картины мира языковой личности. При этом если плач по умершему человеку воспринимается всегда сочувственно, не допускает иронии, то слишком бурное проявление эмоций из-за смерти животного вызывает у крестьянки недоумение и насмешку:

(21) А она [родственница] пошла, прям *плачет*: «Ой, даже зубки оскалила, как ей [собаке] тяжёла сме́рточка была» [*смеётся*]. Аня-то.

Плач и причитания по животному оцениваются как неуместные действия в связи с тем, что в крестьянской картине мира животные – «низшие» существа по сравнению с человеком [Иванцова, 2003, с. 138].

Объектом насмешки также может быть детский плач:

(22) [Односельчанка: А я думала, он, может, ешо побудет. А потом все разошлись, а он [маленький внук] сидит на диване да у меня плачет. Я думаю...] *Плачет?* [Односельчанка: Я думала, он смеётся, а он плачет.] [В.П. *смеётся*.]

Отношение к детским слезам как несерьезным, не заслуживающим внимания актуализируется и в воспоминаниях информанта о собственном детстве:

(23) Едут из городу, кото́ры на теле́ гав-то там. А я спрашиваю: «Тятю там нашего не на́лили?» «Не видали» [надо], а я «не на́лили». А они гыт: «На ём волки срать уехали» [*усмеяется*] – это мне ответили. <...> Ой! Я «*ы-ы-ы!*». Я *ревела*-то, прям *ревела!* Неужели ум был? *Ха-ха-ха-ха!* От така́ была [маленькая]. И всё-то помню!

Детский плач не вызывает сочувствия, воспринимается как норма поведения, характерная для определенного возраста. Детский плач имеет особую сигнальную функцию, что актуализируется при использовании поговорки:

(24) [Подруга пообещала В.П. мазь и забыла.] Дитя не *плачет*, мать не разумеет.

В этом случае плач выступает как действие, необходимое для достижения результата. Та-

кое восприятие детских слез, по-видимому, характерно для народной культуры в целом. На это указывает, в частности, употребление фразеологизма *золота́ слеза не выпадет*, зафиксированного в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ, вып. 38, с. 254).

Концепт «Смех»

В рассматриваемом материале представлено 14 номинаций, зафиксированных в 100 высказываниях.

Субъектом действия, как и при обозначении плача, чаще выступают другие люди (79 % примеров), реже – сам говорящий (21 %).

Высказывания можно классифицировать по нескольким основаниям. Одним из них является коммуникативная роль, выполняемая говорящим.

Так, исследуемая языковая личность может инициировать шутку (4 примера):

(25) А он привёл чёрных этих, чуре́ки ли, узбеки ли – кто они? Привёл их ко мне, а сам-то [племянник] чернёхонький тоже. А я говорю: «А это тоже ваш же?» Они *хохочут*. Я говорю: «Тожe и́хный парень».

При этом смех собеседников является ожидаемой реакцией. Его отсутствие – признак коммуникативной неудачи, восприятия шуточного высказывания всерьез:

(26) Я говорю: «Напиши открыточку, это, Татьяна, проздра́вь». У ей много открыток, старых. Она написала. Поздравили её, Галя пошла, я говорю: «Унеси проздра́вь. Да мне, говорю [шутливо], за шшо́чкой принеси пиися́т грамм». Она гыт: «Ладно». А я говорю: «Ой, ты не скажи... Я *шутю́*, говорю, ты не скажи!» Ну она, видно, сказала. Ну она это... «Придёт, она тебе принесёт». Я говорю: «Ты, поди, сказала? Я *шуткой* же, *посмеялась* – кого за шшо́чкой принесёшь? Ну, я говорю, я *шуткой* прямо». Гляжу – она летит, Татьяна. «Тётя Вера, так ничё не осталось хорошенького, а... какой? «Аг-дам», внесла ли чё ли... купила, бутылку.

Чаще всего В.П. Вершинина выступает как ценитель чужой шутки (6 примеров):

(27) Я тот раз болела, воспаление, как обратилась к врачу-то, он сразу сказал, Юрий Ефимыч-то: «Девка, да у тебя же воспаление лёгких, гыт!» А я так *засмеялась* даже.

Смех вызывает, видимо, несоответствие номинации *девка* пожилому возрасту пациентки, отражающее в то же время доброжелательное отношение врача.

Говорящий может также занимать позицию объекта шутки, насмешки (5 примеров). Такие высказывания чаще всего носят характер предположения:

(28) Она, поди, *смеётся* надо мной? Скажет, это... ешо́ ткёт!

В других случаях отчетливо выражена самоирония:

(29) Я и говорю: «Это стреля́т [о звуках во время пожара]». Я не знаю чё. И гла́вно, Шарик не лает! А я завёртываюсь. Думаю: «Меня бы только не убили». <...> А Поля-то говорит: «А тебя, гыт, и даром никто не возьмёт. А ты, гыт, завёртываеся, ага». *Хохочет* надо мной.

Основанием для классификации высказываний может быть характер комического объекта. Принципиальных отличий в описании говорящим собственного поведения и поведения других людей не обнаруживается. В обоих случаях преобладает вербальный юмор (15 примеров). Вербальный акцент в восприятии смешного может задаваться через номинацию речевого жанра, предназначенного для развлечения:

(30) Да они там [*а*]некто́ ты рассказывают, *хохочут*.

Смешные тексты и смех понимаются как атрибут праздника, в частности свадьбы:

(31) Валя там [на свадьбе] поделала дело́ в! «Вот, гыт, тебе, Алла Юрьевна, сундучок, чтобы не любил тебя чужой мужичок! Вот тебе веник – не проси у свекровки денег». Все, гыт, *рёвом ревели хохотали* [от Валиных прибауток].

Отметим необычное средство выражения интенсивного проявления положительных эмоций: используется фразеологический оборот *рёвом реветь*, в литературном языке обозначающий интенсивный плач.

Смех, судя по текстам диалектной языковой личности, типичен для народного гуляния, молодежных игр:

(32) Там крикнешь: «Вот такой-то мне номер!» – он пойдёт, его прямо ремнём стегнут – ну *для смеху*, конечно, не больно [об игре в «номера»];

(33) [Собиратель: Вы загадки знаете?] Да а кого теперь знаю, забыла. Два брата пошли в море купаться – это ведёрки. Четыре бра́тчика... четыре братца в одну луночку пи́сиют. Это корову до́ят. <...> Мно-ого я знала, раньше всё загадывали все... *Хохо́ чут!*

Включение загадок в группу развлекательных текстов обусловлено как их функционированием среди молодежи, так и, возможно, скрытым эротическим подтекстом, на что указывает последняя загадка.

Смех вызывают и удачно подобранные, необычные слова и выражения:

(34) По радио слыхала: «Голова семьи, гыт...» «Кто, гыт, голова семьи?» – «Конечно, я». <...> Я так *смеялась* одна себе;

(35) А мы, говорит, состряпали на поминки Ольге – сестра-то умерла – да, гыт, мусску́ силу. Я так всё *смеюсь*, думаю... Мусску́ силу надо поменять, гыт, разламывать! [жесткую выпечку].

Вызывают смех неправильно произнесенные имена:

(36) А тут на дорогу уки́дываю, он истанови́лся: «Знашь чё, Вера Прокофьевна? Ты это снег на дорогу не кидай!» Он дорожником работал-то. Я говорю: «А чё?» – «И скажи своей Проси́нье, чтобы она не кидала!» Мне чё-то *смешно* показалось. Аксинья-то возит, а он: «Скажи... скажи своей Проси́нье, чтобы она не кидала на дорогу!»

Было отмечено, что молодым жителям села могут казаться смешными некоторые диалектные слова:

(37) Аня *смеётся* наша, гыт: «Кака́ же охлю́иха, кака́ охлю́иха?» Я говорю: «Ну как сказать? Засранка».

В то же время сама В.П. Вершинина, носитель архаического типа говора, воспринимает с насмешкой многие новые слова, заимствования⁴.

Как комическое воспринимается несоответствие слов действительности (4 случая). Как правило, речь идет при этом о намеренных шалостях, комизм основывается на информационном превосходстве одного из участников коммуникации:

(38) А мужик-то у ей был такой *просме'шник*. А она [односельчанка] хлеб-то испекёт, всё никуды'шно: корки-то отско'чут у ней. А у меня булочка пересидела, они может пересидеть отскочить... Жидко заме'сишь, в печку посо'дишь, они корки отско'чут: корки по себе, тесто по себе... А она на стол ложки поло'жила, да и... хлеб-то разре'зала... ну, так... пополам, поло'жила. Он взял туды' ложки склал, все. Ага. Вот она ходит шарится, и'шшэт, и'шшэт: «Куды'-то ложки я девала, не знаю куды'...» А он – *ха-ха-ха-ха-ха!* – *хохочет*.

В некоторых случаях юмор основывается на эффекте неожиданности, обмане ожиданий:

(39) Ольга пришла. А я воду там оставила. А потом пришла Фи'за. Потом идёт *хохочет* Маруся: «Ой! Я думала, что я первая, думала, Вера ешо', поди', не открыла, спит!».

Объектом сферы комического, кроме специальных развлекательных текстов и ситуативно кажущихся смешными слов, фраз, является также поведение человека.

Упоминания физиологического юмора при этом редки (4 примера):

(40) «Ой, мы сейчас над Сашкой, гыт, *хохотали!*» Я говорю: «А чё он?» – «Он, гыт, перьди'т. Сидит, гыт, и чиха'т и перьди'т, чиха'т да перди'т». А с ём, видно, плохо уж было.

Напрямую особенности подобного юмора не комментируются, однако в ряде случаев он воспринимается скорее как неуместный, ненормативный. В приведенном фрагменте на это указывает финальное высказывание.

Как правило, сфера комического в представлении крестьянки связана с нарушением социальных норм. В частности, упоминается смех над пьяным человеком:

(41) Она стоит вот тут от, ну – растрепалась така', волосёнки коротеньки таки' – ну так ничё, хоро'шенька была, а сейчас от така' толшыно'й, как холодильник стоит! Мы с Володей *хохочем* – он до слёз *хохотал* даже. Ага. Она стоит – ну дурочка и дурочка. Ну пья'на, пья'на и есь.

Непонимание и насмешку вызывает у крестьянки чрезмерная любовь к домашним животным:

(42) Дак она это... так он всё ласково ши'бко – ой! Ну... растаяла вся. Ну я прямо сiju *смеюсь* над

имя'. *Хе-хе!* [Собиратель: Оба любители?] И он любит, ага, «люблю, гыт, я». Три кы'ски тоже [у него]. А я *смеюсь*.

Смех, как и плач, может быть объектом этической оценки. По-видимому, как неэтичный воспринимается смех над старым человеком:

(43) ...Ба'ушка наша была – ца'рьство небесно ей, – от тут, мы чаем, так самовар – а сама «пук!» И тя'тя сидит, сын её сидит, дядя Григорий, я. Ну я ма'ленька была, небольша'... ..Помню я, хорошо. Она это пу'кнула, а дядя Григорий, сын-то это её, и говорит: «Не усери'сь!» – хы! – на неё. Так я *хохотала!* [восходящая интонация] Сейчас бы не *захохотала*, а тогда' прям *хохочу*.

При этом в некоторых случаях говорящий стремится смягчить негативную оценку качеств другого человека. Информант оправдывает поведение незнакомых людей:

(44) «О'споди! Стирала всё. Серёжка-то ночав'л, да весь обосса'лся. И про'стынь всю ибосса'л, и идея'лу, гыт, обосса'л всю...» < > Она *хохочет*, Ленка-то: «От тебе женихи!» Ага. Я говорю: «Ну если бы так, дак он...» Ну если бы... мне кажется, Катя, из а'рмии его уволили, если бы он обоссы-ва'л ка'жрый день бы. Ка'жрый раз. Может, редко быва'т.

Смягчение негативной оценки в данном контексте происходит через использование маркеров некатегоричности (*мне кажется, ну, может*), а оправдание строится с помощью логических аргументов. Возможно, причиной служит и осознание неприемлемости физиологического юмора, и общее этическое правило «не говорить о других плохо даже в их отсутствие», «не осуждать других», которое строго соблюдается информантом [Иванцова, 2002, с. 75–76].

Смягчение негативной оценки может происходить через использование бранного слова по отношению к близкому, любимому человеку:

(45) Ну Аня его [мужа], кода'... поруга'тся, [он] напьётся, она: «Вражи'на». Ну враг, видно. Вражи'на. [Собиратель: И Вы его так?] Я *смею*. Ну я чё буду так-то [зло] говорить [о племяннике].

Подобное употребление слова окрашено сочувствием и направлено, вероятно, на гармо-

низацию отношений в семье⁵. Контекст дает основания предполагать, что резко отрицательная номинация женой мужа, даже в ситуации конфликта, воспринимается как ненормативная, а использование бранного слова третьим лицом имеет цель перевести конфликтную ситуацию в шутивную плоскость, что приводит к снятию напряжения⁶.

Отрицательно оценивается чрезмерное проявление веселья вскоре после похорон близкого родственника:

(46) Валя уходит [выходит], гыт – и ноги кве'рху, и руки кве'рху: «Ха-ха-ха, ха-ха-ха» – *хохочет* [интонация неодобрения: Валя недавно похоронила мать].

Такое поведение считается допустимым только для маленького ребенка, не осознающего ситуацию:

(47) А лёля-то моя была, тётка Прасковья-то, – мама всё поминала... Мама ишь кака' была! Ну это, мне кажется, глупо она рассуждала. Померли это, а раньше поми'... на поми'нкав сладко-то ели, ходили, дети-то... А лёля, гыт, скака-ат бе'гат! При-ска'кват по тёсу – тёс накладный был, она: «Эх-тирилех, у нас поминки будут!» А там готовят, стряпают да всё, кисели ва'рют, она: «Эх-тирилех!..» Мать умерла, а ей три года было. Ну чё она? Видит, что поминки, а почём знат чё? А мама всё ругала: «Кака' была». Что «эх-тирилех» – мать умерла, она гыт: «Поминки будут». Дак ну если без ума, чё бы она говорила? Раз не было ума.

Таким образом, для говорящего важен не только сам факт нарушения запрета на смех во время траура, но и осознанность / неосознанность данного действия, поэтому в первом случае такое поведение осуждается, а во втором – оправдывается.

Классификация высказываний, в которых эксплицируется концепт «Смех», может быть построена и на основе признака «объединяющий» (смех вместе с кем-то) / «разобщающий» (смех над кем-то).

Информант чаще говорит об «объединяющем» (добром, незлобивом) смехе, о чем свидетельствуют все приведенные выше примеры. «Разъединяющий» (презрительный, уничижительный) смех упоминается редко. Как правило, для этого используются устойчивые обороты *на' смех* и *на смеху'*:

(48) А один тут-ка [кричит]: «Да чё это? Каки' подарки [ветеранам] были?» Раз... поди бы, матом. «Каки' подарки там были? Мыло дали! Это чё, *на' смех* мыло дали?» От так от, по радио так...;

(49) А у него ешо' девочка, эта Катя-то родила'сь. А это... девочка была. Ну он... звал её. То ли *на' смех* звал, то ли, поди, обманывал. Звал её. Она не поехала.

Маркером, задающим пространства своего и чужого, является в том числе язык:

(50) Мы зовём «пластики», а она [украинка] «пилю'шки». Мы *смеёмся*, *на' смех* зовём «пилю'шки».

Диалектный фразеологический оборот *на смеху'* указывает на отсутствие авторитета, уважения к определенному человеку:

(51) А тут Устинья Лаврентьевна была, така' *на смеху'*, ну... ху'денька така', задры'пана;

(52) Страшный тоже такой был! <...> Как-то не любили его девчонки. <...> А всех сватал он прямо, многих здесь сватал, за его никто не шёл. <...> Ну сильно он был как-то... ну как вроде *на смеху'*. Не в почёте был.

В этом случае говорящий присоединяется к коллективному мнению, сформировавшемуся в микросоциуме, тем самым частично снимая с себя ответственность за негативную оценку. Однако и здесь наблюдается смягчение (*ху'денька*), некатегоричность оценки (маркеры неуверенности: *как-то*, *вроде*).

Важность соблюдения социальных норм подчеркивается в высказываниях, субъектом которых выступает коллектив:

(53) Езжайте [на свадьбу], *не смешите* людей, чтобы всё хорошо было там.

К этому типу высказываний относится и пословица:

(54) Поторопилась [и пролила масло]. Поспешишь – людей, гыт, *насмешишь*.

Некоторые примеры указывают, что смех может вызывать и негативную эмоциональную реакцию – обиду:

(55) [Рассказывает о том, как подшутили односельчанки в магазине] Таня [продавец] гыт: «За

рис-то ты не рашшыта'лась». <...> А я на стол-то укладываю [купленные продукты]: «Какой рис-то? Какой рис-то?» Да и на стол-то укладываю, булочки-то... <...> До сех пор обижаюсь. <...> Они *рэвом ревут хохочут* обе...

В данном случае негативные эмоции испытывает сам говорящий, ставший объектом розыгрыша, насмешки. Подобная эмоция может проецироваться и на других людей. При этом желание причинить обиду может маскироваться шуткой, то есть имеет место сознательно осуществляемый косвенный речевой акт:

(56) А я говорю: «Дак вам ничё это, та'мо-ка можно [задерживать пенсию], а нам нельзя?» Вроде *шуткой*, а сама в обиду говорю.

Смена положительных эмоций на отрицательные, происходящая в коллективном сознании, может быть связана с утратой обрядов, уничтожением традиции:

(57) [Собиратель: А обливались раньше?] Угу. Где придётся. Раньше же воду-то возили на лошадях, в ка'дкав. Кто где видит кого, так льют из ка'дков. Истано'вят лошадь и выльют. Весело', *вижжа'т, хохо'чут!* Нихто' не обижался. А счас облей, дак оби'дуются ешо'.

Выводы

Функционирование единиц, номинирующих эмоциональные концепты «Смех» и «Плач», в индивидуальном дискурсе отражает как черты коллективной картины мира, свойственной носителям народно-речевой культуры, так и индивидуально-личностные особенности информанта.

Преобладание номинаций негативных эмоций (примерно 2/3 всех единиц и 2/3 контекстов) соответствует общеязыковым закономерностям.

В то же время значительное преобладание в обеих группах высказываний, где субъектом действия выступают другие люди (3/4 всех примеров), не согласуется с выводами других ученых об эгоцентричности картины мира информанта [Гынгазова, 2007; Иванцова, 2006]. Этот факт объясняется спецификой концептов, включающих компонент внешнего, наблюдаемого действия. Если собственно эмоции воспринимаются прежде всего «изнутри», то смех

и плач могут быть восприняты извне. Возможно, именно поэтому в фокусе внимания оказываются эмоциональные проявления других людей.

Среди причин плача выделяются: смерть, поминовение усопших, болезнь близких людей, ненормативное поведение родственников, разлука с ними. Среди других причин чаще всего упоминается потеря имущества (нередко воспринимаемая с иронией). Таким образом, анализ концепта «Плач» выявляет ценность семьи в картине мира информанта, что совпадает с выводами, сделанными ранее [Иванцова, 2014, с. 324], и в целом типично для диалектной языковой личности.

Количественный анализ контекстов свидетельствует о том, что плач – характеристика преимущественно женского поведения, менее типичная для мужчин, однако мужской плач не осуждается, представление о ненормативности данного действия реконструируется лишь косвенно.

Плач и смех амбивалентны: плач может быть объектом насмешки, косвенно выражающей отрицательную оценку, а смех – причиной обиды.

Смех и плач в диалектной картине мира воспринимаются не только как выражение эмоций, но и как разновидность звукового поведения, регламентируемого обществом. Специфика оценок отражает своеобразие картины мира носителя традиционной культуры (детский плач и смех понимаются как норма, плач по животному – как негативное действие, не вызывающее сочувствия).

Установлено, что в картине мира носителя народно-речевой культуры сохраняются культурные константы, связанные с эмоциональными проявлениями человека, но имеет место и трансформация этой сферы. Плач соотносится с ритуалами похорон, поминок, призыва в армию и текстами похоронных причитаний. Смех, напротив, связан с представлением о празднике, традиционных молодежных гуляниях и играх, с текстами анекдота, прибауток, загадок.

Плач и смех вписаны в ценностную оппозицию «свое» – «чужое», конкретизируя ее эмоциональный аспект: «свое» – это сфера проявления сочувствия, «чужое» – объект насмешек. Имеет место и связь эмоциональ-

ных концептов с оппозицией «раньше» (где смех был объединяющим, общим) – «теперь» (где утрачены традиционные формы веселья).

Причиной смеха могут быть слова, поведение человека, несоответствие слов действительности. Анализ использования глаголов *смеяться*, *хохотать* свидетельствует о высоком уровне речевой культуры информанта из диалектной среды: поводом для смеха служит преимущественно вербальный, а не телесный юмор. Проявляются в анализируемом фрагменте дискурса и такие индивидуальные черты языковой личности, как некатегоричность, стремление к гармоничному бесконфликтному общению, чувство юмора, способность к самоиронии.

В заключение отметим, что анализ категорий трагического и комического в индивидуальном дискурсе с учетом вербального и невербального компонентов поведения языковой личности является одним из перспективных подходов к ее исследованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 16-18-02043 “The Culture of Russian People in Dialect Language and Text: Constants and Transformation”.

² За единицу подсчетов принят лексико-семантический вариант, то есть слово или оборот в одном из своих значений.

³ При цитировании фрагментов речи принята следующая система обозначений: фрагменты связного дискурса отделены точкой с запятой; в квадратных скобках приведены пояснения или вопросы собирателей; многоточие в угловых скобках указывает на пропуск части текста; полужирный шрифтом маркируется эмфатическое ударение; курсивом выделены анализируемые единицы.

⁴ Е.В. Иванцовой отмечалось, что смех может быть скрытым показателем метаязыкового сознания. Эта его функция реализуется при употреблении диалектоносителем многих лексических единиц – книжных слов, не полностью освоенных неологизмов, некоторых метафор, а также в случае речевых оговорок [Иванцова, 2002, с. 51, 254, 280].

⁵ Использование бранных слов по отношению к себе и близким в иной функции – развлечение

– зафиксировано при анализе текстов носителя просторечия [Соломина, 2013].

⁶ Неконфликтность отмечается исследователями как одна из базовых черт характера исследуемой личности (о других тактиках гармонизации общения, используемых ею, см.: [Маслова, 2014]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белова О. В., 2012. Смех // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения. Т. 5. С. 74–75.
- Борисова К. М., 2012. Фразеологическое представление чувств и эмоций в идиолекте сибирского старожила // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы Всерос. молодеж. конф. (г. Томск, 23–25 авг. 2012 г.) / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск : Изд-во ТГУ. С. 62–64.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е., 2013. Глаголы со значением ‘исполнять похоронный обрядовый плач’ в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 2013. СПб. : Нестор-История. С. 74–83.
- Васильченко А. А., 2015. Экспрессивная составляющая в лексике чувств и эмоций (на материале идиолексикона диалектной языковой личности) // Siberia Lingua. № 1. С. 22–26.
- Григорьева Н. А., 2009. Вербализация плача в донских казачьих говорах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2 (36). С. 112–115.
- Гынгазова Л. Г., 2007. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск : UFO-PLUS. С. 78–109.
- Иванцова Е. В., 2002. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та. 312 с.
- Иванцова Е. В., 2003. К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф. (г. Томск, 21–23 окт. 2003 г.) / редкол. : Т. А. Демешкина (отв. ред.) [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та. Вып. 2, ч. 1. С. 135–146.
- Иванцова Е. В., 2006. Диалектный словарь сравнений как источник изучения языковой личности сибирского старожила // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3. Языковые аспекты регионального существования человека : материалы Междунар. науч. конф. (г. Томск, 9–11 нояб. 2005 г.). – Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 104–112.

- Иванцова Е. В., 2014. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // *Языковая личность : Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология : в 2 ч. / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М. : ЛЕНАНД. Ч. 1. С. 308–347.*
- Казакова О. А., 2007. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та. 200 с.
- Казарина В. И., Аль-Хаснави А. Р., 2013. Специфическая лексико-грамматическая группа глаголов с семей 'звук' // *Филологос. № 16 (1). С. 25–31.*
- Коберник Л. Н., 2012. Метафорический подход к изучению семантических описаний чувств и эмоций // *Вестник науки Сибири. № 1 (2). С. 294–301.*
- Красавский Н. А., 2001. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград : Перемена. 495 с.
- Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И., 2011. Основные противопоставления на множестве телесных звуков // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 11 (73). С. 80–101.*
- Кубрякова Е. С., 1996. Концепт // *Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во МГУ. С. 90–92.*
- Маслова А. В., 2014. Реализация установки на гармоничное общение в речи диалектной языковой личности // *Экология языка и коммуникативная практика. № 1 (2). С. 143–149.*
- Попова С. А., 2015. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «смех» в русской языковой картине мира // *Сибирский филологический журнал. № 1. С. 232–238.*
- Ружицкий И. В., 2017. «Смех» Достоевского глазами лексикографа // *Stephanos. № 6 (26). С. 37–47. DOI: 10.24249/2309-9917-2017-26-6-37-47.*
- Савельева М. К., 2011. Сравнительно-сопоставительный анализ семантической структуры глаголов звучания в литературном русском языке и севернорусских говорах (архангельских и камчатских) // *Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Серия «Гуманитарные науки». № 1 (17). С. 152–157.*
- Соломина Е. В., 2013. Об особенностях идиолексикона носителя городского просторечия // *Вестник Томского государственного университета. № 374. С. 37–41. DOI: 10.17223/15617793/374/7.*
- Толстая С. М., 1999. Обрядовое голошение: семантика, прагматика, функции // *Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик. С. 135–148.*
- Толстая С. М., 2012. Слезы // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. М. : Междунар. отношения. Т. 5. С. 42–46.*
- Asahi Y., 2009. “Cookbook” method and koineformation: a case of the Karafuto dialect in Sakhalin // *Dialectologia. № 2. P. 1–21. URL: http://www.publicacions.ub.edu/revistes/ejecuta_descarga.asp?codigo=401 (date of access: 02.07.2018).*
- Ebtekar P., 2012. Whose voice is telling a story? // *TESOL in Context: Special Edition S3. November. URL: http://www.tesol.org.au/files/files/269_parisa_ebtekar.pdf (date of access: 02.07.2018).*
- Johnstone B., 1996. The linguistic individual. Self-expression in language and linguistics. N. Y. : Oxford university press. 234 p.

ИСТОЧНИКИ

- ПСДЯЛ* – Полный словарь диалектной языковой личности : в 4 т. / под ред. Е. В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – 4 т.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. : Наука, 2004. Вып. 38. 372 с.

REFERENCES

- Belova O.V., 2012. Smekh [Laughter]. Tolstoy N.I., ed. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar: v 5 t.* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, vol. 5, pp. 74–75.
- Borisova K.M., 2012. Frazеologicheskoe predstavlenie chuvstv i emotsiy v idiolekte sibirskogo starozhila [Phraseological Representation of Feelings and Emotions in the Individual Lexicon of the Siberian Old-Timer]. Demeshkina T.A., ed. *Traditsii i innovatsii v filologii XXI veka: vzglyad molodykh uchenykh: materialy Vseros. molodezh. konf. (g. Tomsk, 23–25 avg. 2012 g.)* [Traditions and Innovations in Philology of the 21st Century: the View of Young Scientists. Proceedings of the All-Russian Youth Conference (Tomsk, August 23–25, 2012)]. Tomsk, Izd-vo TGU, pp. 62–64.
- Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E., 2013. Glagoly so znacheniem ‘ispolnyat pokhoronnyy obryadovyy plach’ v russkikh govorakh [Verbs with the Meaning ‘Perform Burial Ritual Crying’ in Russian Dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2013* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials

- and Research) 2013]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 74-83.
- Vasilchenko A.A., 2015. Ekspressivnaya sostavlyayushchaya v leksike chuvstv i emotsiy (na materiale idioleksikona dialektnoy yazykovoy lichnosti) [Expressive Component in the Vocabulary of Feelings and Emotions (On the Material of the Individual Lexicon of the Dialect Language Personality)]. *Siberia Lingua*, no. 1, pp. 22-26.
- Grigoryeva N.A., 2009. Verbalizatsiya placha v donskikh kazachyikh govorakh [Lamentation Verbalization in the Don Cossacks Dialects]. *Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 2 (36), pp. 112-115.
- Gyngazova L.G., 2007. Fizicheskoe i dukhovnoe prostranstvo v diskurse nositelya traditsionnoy kultury [Physical and Mental Space in the Discourse of the Traditional Culture-Bearer]. *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Images of Russian World: Space Models in Language and Text]. Tomsk, UFO-PLUS, pp. 78-109.
- Ivantsova E.V., 2002. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Phenomenon of the Dialect Language Personality]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 312 p.
- Ivantsova E.V., 2003. K voprosu o stilevoy stratifikatsii diskursa nositelya traditsionnogo govora [On the Stylistic Stratification of the Discourse of Traditional Dialect Speaker]. Demeshkina T.A. et al., eds. *Aktualnye problemy rusistiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Tomsk, 21-23 okt. 2003 g.)* [Actual Problems of Russian Studies. Proceedings of the International Scientific Conference (Tomsk, October 21-23, 2003)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, iss. 2, part 1, pp. 135-146.
- Ivantsova E.V., 2006. Dialektnyy slovar sravneniy kak istochnik izucheniya yazykovoy lichnosti sibirskogo starozhila [Dialect Dictionary of Comparisons as a Source of Studying the Language Personality of the Siberian Old-Timer]. *Aktualnye problemy rusistiki. Vyp. 3. Yazykovye aspekty regionalnogo sushchestvovaniya cheloveka: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Tomsk, 9-11 noyab. 2005 g.)*. [Actual Problems of Russian Studies. Iss. 3. Linguistic Aspects of the Regional Existence of a Man: Proceedings of the International Scientific Conference (Tomsk, November 9-11, 2005)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, pp. 104-112.
- Ivantsova E.V., 2014. Issledovanie tipologicheskikh chert dialektnoy yazykovoy lichnosti [Study of Typological Features of the Dialect Language Personality]. Golev N.D., Shpilnaya N.N., eds. *Yazykovaya lichnost: Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya: v 2 ch.* [Language Personality: Modeling, Typology, Portraying. Siberian Linguopersonology. In 2 parts]. Moscow, LENAND, part 1, pp. 308-347.
- Kazakova O.A., 2007. *Dialektnaya yazykovaya lichnost v zhanrovom aspekte* [Dialect Language Personality in the Genre Aspect]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 200 p.
- Kazarina V.I., Al-Khasnavi A.R., 2013. Spetsificheskaya leksiko-grammaticheskaya gruppa glagolov s semoy 'zvuk' [Specific Lexical-Grammatical Group of Verbs with Seme 'Sound']. *Filologos*, no. 16 (1), pp. 25-31.
- Kobernik L.N., 2012. Metaforicheskiy podkhod k izucheniyu semanticheskikh opisaniy chuvstv i emotsiy [A Metaphorical Approach to the Study of Semantic Descriptions of Feelings and Emotions]. *Vestnik nauki Sibiri* [Siberian Journal of Science], no. 1 (2), pp. 294-301.
- Krasavskiy N.A., 2001. *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokulturakh* [Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures]. Volgograd, Peremena Publ. 495 p.
- Kreydlin G.E., Pereverzeva S.I., 2011. Osnovnye protivopostavleniya na mnozhestve telesnykh zvukov [Corporeal Sounds: Basic Oppositions]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Culturology. Oriental Studies], no. 11 (73), pp. 80-101.
- Kubryakova E.S., 1996. Kontsept [Concept]. Kubryakova E.S., ed. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 90-92.
- Maslova A.V., 2014. Realizatsiya ustanovki na garmonichnoe obshchenie v rechi dialektnoy yazykovoy lichnosti [Realization of Harmonious Mood of Communication in Speech of Dialect Language Personality]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 1 (2), pp. 143-149.
- Popova S.A., 2015. Obraznaya i stsennaya sostavlyayushchie mentalnoy struktury «smekh» v russkoy yazykovoy kartine mira [Figurative and Scenario Components of the Mental Structure "Laughter" in the Russian Language Map of the World]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 1, pp. 232-238.

- Ruzhitsky I.V., 2017. «Smekh» Dostoevskogo glazami leksikografa [“Laugh” in Dostoevsky’s Works Through the Eyes of a Lexicographer]. *Stephanos*, no. 6 (26), pp. 37-47. DOI 10.24249/2309-9917-2017-26-6-37-47.
- Savelyeva M.K., 2011. Sravnitelno-sopostavitelnyy analiz semanticheskoy struktury glagolov zvuchaniya v literaturnom russkom yazyke i severnorusskikh govorakh (arkhangel’skikh i kamchatskikh) [Comparative Typological Analysis of the Verbs of Sounding Semantic Structure in the Standard Russian Language and Northern Russian Idioms (Arkhangelskiy and Kamchatkiy)]. *Vestnik Kamchatskoy regionalnoy assotsiatsii «Uchebno-nauchnyy tsentr»*. «Gumanitarnye nauki» [Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. The Humanities], no. 1 (17), pp. 152-157.
- Solomina E.V., 2013. Ob osobennostyakh idioleksikona nositelya gorodskogo prostorechiya [Idiolexical Specifics of Russian Urban Vernacular Speaker]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 374, pp. 37-41. DOI: 10.17223/15617793/374/7.
- Tolstaya S.M., 1999. Obryadovoe goloshenie: semantika, pragmatika, funktsii [Ritual Lamentation: Vocabulary, Semantics and Pragmatics]. Tolstaya S.M., ed. *Mir zvuchashchiy i molchashchiy: semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kulture slavyan* [World of Sounds and Silence: Semiotics of the Sound and Speech in the Traditional Culture of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., pp. 135-148.
- Tolstaya S.M., 2012. Slezy [Tears]. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar : v 5 t.* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, vol. 5, pp. 42-46.
- Asahi Y., 2009. «Cookbook» Method and Koine-Formation: A Case of the Karafuto Dialect in Sakhalin. *Dialectologia*, no. 2, pp. 1–21. URL: http://www.publicacions.ub.edu/revistes/ejecuta_descarga.asp?codigo=401 (accessed 02 July 2018).
- Ebtekar P., 2012. Whose Voice Is Telling a Story? *TESOL in Context: Special Edition S3. November*. URL: http://www.tesol.org.au/files/files/269_parisa_ebtekar.pdf (accessed 2 July 2018).
- Johnstone B., 1996. *The Linguistic Individual. Self-Expression in Language and Linguistics*. New York, Oxford university press. 234 p.

SOURCES

- Ivantsova E.V., ed. *Polnyy slovar dialektnoy yazykovoy lichnosti: v 4 t.* [The Complete Dictionary of a Dialect Language Personality. In 4 vols.]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 2006–2012. 4 vols.
- Sorokoletov F.P., ed. *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004, iss. 38. 372 p.

Information about the Author

Svetlana S. Zemicheva, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Laboratory of General and Siberian Lexicography, Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russia, optysmith@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3266-3696>

Информация об авторе

Светлана Сергеевна Земичева, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии, Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Россия, optysmith@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3266-3696>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.10>

UDK 81'42:821.161.1
LBC 81.055.1-36

Submitted: 14.01.2019
Accepted: 29.05.2019

FUNCTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN DETECTIVE PROSE OF B. AKUNIN

Tatyana V. Safonova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Abstract. The author considers the problem of stylistic functions of linguistic units in modern Russian prose works through analyzing phraseological units in the detectives of B. Akunin. The article presents the most frequent types of phraseological units (idioms, set phrases, proverbs, sayings, popular expressions and other types of clichéd utterances) as representation of a personal literary style of this author. The research results point to their stylistic variety with high literary, colloquial, low colloquial, and slang units among them. The major types of phraseological unit conversion are distinguished as a prove of the writer's personal style, including, complete deformation of a component composition of a set phrase, reduction of the lexical length of phraseological units (implication), distribution of any component composition of the unit (explication), combining two or more phraseological units into a single set expression (contamination), replacement of a component in the composition of phraseological units with words of general literary layers (lexical variation), etc. The stylistic functions of all phraseological units under study are interpreted as retro-representation of the language of a certain time period, stylistic imitation of the communicative tone of oral speech, verbal characteristics of the characters who are referred to various social groups, and creation of humorous tone of the story. A comprehensive description of phraseological units used in modern fiction has revealed their artistic and stylistic potential.

Key words: vocabulary, phraseology, phraseological unit, set phrase, detective prose, variability, function, B. Akunin.

Citation. Safonova T.V. Functions of Phraseological Units in Detective Prose of B. Akunin. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 130-139. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.10>

УДК 81'42:821.161.1
ББК 81.055.1-36

Дата поступления статьи: 14.01.2019
Дата принятия статьи: 29.05.2019

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЕ Б. АКУНИНА

Татьяна Владимировна Сафонова

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Аннотация. Автор статьи обращается к некоторым проблемам функционирования языковой системы в произведениях современной художественной литературы. В качестве объекта анализа избраны фразеологические единицы русского языка. Материалом для исследования послужили произведения Б. Акунина, созданные в жанре детектива. В статье охарактеризованы наиболее частотные типы фразеологических единиц (идиомы, устойчивые фразы, пословицы, поговорки, крылатые выражения и другие клишированные высказывания), функционирующих в художественном дискурсе писателя. Показано их стилистическое разнообразие: обнаружены книжные, разговорные, просторечные, жаргонные фразеологические единицы. Выделены актуальные для идиостиля писателя способы преобразования фразеологизмов: полная деформация компонентного состава устойчивых оборотов, сокращение лексической протяженности фразеологизма, распространение компонентного состава единицы, объединение двух и более фразеологизмов в единый устойчивый оборот, замена компонентного состава фразеологизма словами свободного употребления и др. Определены стилистические функции фразеологического материала, использованного Б. Акуниным в де-

тективах: воспроизведение языка изображаемой эпохи, в том числе передача оттенков разговорной речи, речевая характеристика персонажей, относящихся к разным социальным слоям, создание юмористического контекста. Комплексное описание фразеологизмов, употребленных в современной беллетристике, позволило выявить их художественный потенциал.

Ключевые слова: лексика, фразеология, фразеологическая единица, устойчивая фраза, детективная проза, варьирование, функционирование, Б. Акунин.

Цитирование. Сафонова Т. В. Функционирование фразеологических единиц в детективной прозе Б. Акунина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 130–139. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.10>

Введение

В литературе Новейшего времени особое место занимает детективная проза. Ее востребованность в художественной практике постмодернизма определяется как внутренней природой данного жанра, так и спецификой современной читательской аудитории.

Детективу в его классическом понимании свойственны стереотипность структуры (завязка – преступление; кульминация – расследование; развязка – разоблачение преступника); наличие рациональных способов решения детективной загадки, доступных читателю, и интересных для него образов сыщика и преступника; отсутствие пространственных описаний, литературных отступлений; динамичный и интригующий сюжет [Марусенко, Скребцова, 2013]. Основная, развлекательная, функция детектива определяет его принадлежность к так называемой массовой (популярной) литературе, целевая аудитория которой – читатель, стремящийся погрузиться в увлекательный и достаточно легкий сюжет, нежели разбираться в хитросплетениях человеческих судеб и философских размышлениях авторов классических произведений. Однако современный читатель становится все более искушенным, все труднее его заинтересовать, удивить. Стремясь максимально расширить потенциальную аудиторию, писатели-постмодернисты раздвигают канонические рамки детективного жанра, трансформируют общепринятую жанровую модель, выходя за горизонты читательских ожиданий.

Наиболее ярко данная тенденция проявляется в творчестве Б. Акунина. Элитарный детектив – так определяют жанр прозы Б. Акунина многие критики и литературоведы (см., например: [Снигирева, Подчиненов, Снегирев, 2017]), выделяя следующие особенности «но-

вого дискурса» писателя: «синтез элементов массовой литературы (клишированность, формульность) с постмодернистскими приемами (интертекстуальность, ирония, пародийность, игровые контаминации с жанровыми схемами)» [Осьмухина, 2016, с. 133], реализация принципа «двойного кодирования», под которым подразумевается своеобразная «модель чтения» (совокупность норм, правил трактовки произведения), позволяющая адресовать детектив широкому кругу читателей; «достоверность воссоздания языковых реалий изображаемой эпохи», «повышенная семиотическая нагрузка текстов» [Амусин, 2009, с. 5].

Изысканность стиля детективов Б. Акунина, аутентичность языку эпохи, смысловая насыщенность во многом достигаются посредством широкого обращения к фразеологическим ресурсам языка. Однако лингвистическое изучение фразеологической составляющей дискурса Б. Акунина только начинается: к проблеме использования в прозе писателя фразеомоделей с семантикой обусловленности обращалась С.С. Сафонова [Сафонова, 2008], вопросу трансформации фразеологических единиц в аспекте языковой стратегии массовой литературы на материале цикла «Нефритовые четки» посвящено исследование Е.Н. Ермаковой и М.В. Прокоповой [Ермакова, Прокопова, 2013], специфика употребления фразеологизмов в произведениях писателя рассматривалась также Н.И. Максимовой и Л.Н. Корниловой на материале «Кладбищенских историй» [Максимова, Корнилова, 2018]. Дальнейшее исследование фразеологии прозы Б. Акунина, на наш взгляд, остается весьма актуальным, поскольку позволяет внести определенный вклад в разработку приоритетных задач современной лингвистики: выявление направлений развития фразеологической системы, описание специ-

фики языка художественных произведений Новейшего времени, изучение феномена языковой личности и др.

Цель данной работы заключается в описании и систематизации фразеологизмов, функционирующих в детективной прозе Б. Акунина, что предполагает установление частотных типов устойчивых единиц, их характеристику с точки зрения синтаксической модели и стилистической окраски, выявление продуктивных способов преобразования фразеологизмов, определение их стилеобразующей функции. Данной целью обусловлено широкое обращение к иллюстративному материалу, базой для которого послужили трилогия «Провинциальный детектив» и цикл «Приключения магистра».

Типы фразеологизмов, функционирующих в детективах Б. Акунина

В исследуемых произведениях представлены устойчивые единицы следующих типов (подробно о разграничении этих типов см.: [Бондаренко, 2011]): 1) **собственно фраземы**: *сломя голову, ни жив ни мертв, курам на смех, с глазу на глаз, сойти с рук, наломать дров, ни свет ни заря, ни сном ни духом, семи пядей во лбу, одного поля ягода, пришло в голову, перегнуть палку* и др.; 2) **устойчивые фразы** (поговорки, афоризмы, клишированные выражения): *Рука руку моет; Камня на камне не оставит; За морем телушка полушка, да рубль перевоз; Дареному коню в зубы не смотрят; Мал золотник да дорог; Все хорошо, что хорошо кончается; Рыба с головы гниет; Брань на воротах не виснет; Вот бог, а вот порог; Лучшие меньше, да лучшие* и др.

С точки зрения функционально-стилистической принадлежности наиболее частотными являются **разговорные фразеологизмы** (98 из 214 зарегистрированных): *как рыба в воде, скатертью дорога, нем как рыба, кусок в горло не лезет, лиха беда начало, ума не приложу, держать ухо востро, утро вечера мудренее, ставить палки в колеса, уносить ноги, родиться в рубашке, вить веревки, выйти сухим из воды*; а также **просторечные** (54 единицы): *хоть волком вой, в омут с головой, метр с кеп-*

кой, на козе не объедешь, не бери в голову, лезть на рожон; реже встречаются **жаргонизмы** (32 единицы): *взять на фу-фу, слить по безналу, варить бабки, гнать тухту, поехали мозги, повело в глюки, полоскать капусту, поехала крыша* и др.; **книжные выражения** (30 единиц): *Все в руке Божьей, быть или не быть, троянский конь, парит на облацах, А завтра – целый мир, канули в Лету, гордиев узел.*

Способы модификации фразеологических единиц

Отличительная черта идиостиля писателя – частое обращение к фразеологическим единицам (далее – ФЕ) как в их исходной, словарной форме, так и в преобразованном виде. Ср.: «Образность и высокая литературность языка прозы Б. Акунина обеспечивается не только свойственной ей интертекстуальностью – насыщенностью цитатами и отсылками к известным текстам, но и активным использованием переосмысленных и окказиональных фразеологических единиц» [Ермакова, Прокопова, 2013, с. 273].

Способы модификаций ФЕ в текстах Б. Акунина разнообразны и отражают практически весь преобразовательный потенциал фразеологии, охарактеризованный в лингвистике (см., например: [Бондаренко, 2011; Мокиенко, 2012]).

Полная деформация – употребление отдельных компонентов ФЕ в качестве смыслового центра фразы, структурно отличающейся от исходной:

(1) Эх, несчастные люмпены. Щепки, отлетевшие от топоров рыночных лесорубов (Внеклассное чтение, с. 59);

(2) Слышал, что с любопытной Варварой приключилось (Внеклассное чтение, с. 125);

(3) Давайте только факты, аргументы потом (Внеклассное чтение, с. 263);

(4) Какое из этих двух зол меньшее – очевидно (Внеклассное чтение, с. 246);

(5) «Коля, заказывай музыку – Влад Соловьев исполнит» (Алтын-толобас, с. 193);

(6) Худшая беда у них тут – не дураки и дороги, а тотальное хамство (Сокол и Ласточка, с. 39);

(7) Что и у других наших висяков по богатым, которые больше не плачут (Внеклассное чтение, с. 103).

Экспликация – расширение компонентного состава ФЕ:

- (8) ...Грести бабки совковой лопатой (Алтын-толобас, с. 193);
- (9) Жизненная мельница все перемелет, была мука, а останется одна мука (Алтын-толобас, с. 125);
- (10) Ключевая пословица москвича: не имей сто рублей (все равно не деньги), а имей сто друзей (ФМ, т. 1, с. 81);
- (11) ...Запускать слона в посудную лавку (Пелагия и черный монах, с. 83);
- (12) ...Отправиться за сотни верст киселя хлебать (Внеклассное чтение, с. 560);
- (13) Дело медлилось за малым (Внеклассное чтение, с. 55);
- (14) Мал да удал, везде побывал, все повидал (Внеклассное чтение, с. 75).

Контаминация – объединение ФЕ, частей (компонентов) двух и более фразеологизмов в одну единицу:

- (15) О, великий и могучий, сам черт в тебе ногу сломит (Внеклассное чтение, с. 365);
- (16) Понадеялся на справную охрану или русский авось – пеняй на себя (Пелагия и белый бульдог, с. 158);
- (17) Двум смертям не бывать, а под лежачий камень – сами знаете (Пелагия и красный петух, с. 289);
- (18) Не посыпаяем голову пеплом, а фиксируемся на позитиве (Алтын-толобас, с. 125).

Лексическое варьирование – замена одного или нескольких компонентов в составе ФЕ словами свободного употребления:

- (19) Долг платежом зелен (Алтын-толобас, с. 192);
- (20) Дело пахнет крематорием (Алтын-толобас, с. 246);
- (21) Всякой плоти по паре (Пелагия и красный петух, с. 90);
- (22) Ахиллесов каблук (Пелагия и красный петух, с. 133);
- (23) Этакого прозаика на мякине не проведешь (Пелагия и черный монах, с. 67);
- (24) Волкова ноги кормят (Внеклассное чтение, с. 233).

Импликация – сокращение компонентного состава ФЕ:

- (25) Но, как говорится, бодливой корове (Внеклассное чтение, с. 445);

- (26) Око за око (Пелагия и красный петух, с. 352);
- (27) Сколько веревочке не виться (Пелагия и красный петух, с. 352);
- (28) «Да-с, на всякого мудреца», – признался Порфирий Петрович (ФМ, т. 1, с. 117);
- (29) На ловца и зверь (ФМ, т. 2, с. 271);
- (30) Но игра стоит... (Алтын-толобас, с. 112);
- (31) С мужчинами так и надо. Знаете, бисер перед свиньями (Внеклассное чтение, с. 204);
- (32) Вот уж воистину: устами младенца (Внеклассное чтение, с. 89).

Вычленение компонентов из состава ФЕ, функционирующих на правах самостоятельного фраземного знака или лексемы:

- (33) ...Пройти огонь с водой (Пелагия и черный монах, с. 407);
- (34) Это бы еще ладно, но ложкой дегтя было то, что подослала денежную клиентку все та же Алтын (Внеклассное чтение, с. 22);
- (35) Дай Бог, своих, родных убережь, а чужую паству, да еще из паршивых овец состоящую, мне ненадобно (Пелагия и черный монах, с. 207);
- (36) Еще раз о быке и Юпитере (ФМ, т. 1, с. 73);
- (37) Мы за гуж беремся (Пелагия и белый бульдог, с. 165).

Экспликация внутренней формы – раскрытие посредством контекста образного представления, ситуации, послужившей основой для создания устойчивой единицы:

- (38) Верховой боярин подъехал ближе, встал подле арапа. Теперь можно было разглядеть и лицо: резкие, сухие черты, нос с горбинкой, а брови при седой бороде черные. По всему видно, большой важности человек. Корнелиус покосился на вельможу. Кланяться, *lomati scharpki* или нет? По воинскому уставу на учениях необязательно. Ну, раз необязательно – так и нечего (Алтын-толобас, с. 124);
- (39) Простонародье глазает, как баре безо всякого смысла шпацуют по аллее взад и вперед, потешается. Даже новые словечки появились: «лодеря гонять» и «лодерничать (Внеклассное чтение, с. 444).

Авторская этимология – раскрытие внутренней формы с опорой не на научное, общезыковое осмысление, а индивидуальное восприятие, что часто обусловлено содержанием текста:

- (40) Поди-ка, возьми его с поличным. Чуть что – раз, и концы в воду. Кстати сказать, это про

них, «разинцев», поговорка придумана, только остальному народу невдомек. «Концами» называют добычу. А вода – вон она, за бортом плещется. Запалился – кидай «концы» в воду, и нипочем не докажут, Река-матушка всё спрячет (Внеклассное чтение, с. 22);

(41) – Я леплю горбатого? – переспросил Фандорин, сделав обиженное лицо. <...> Интересна этимология выражения про «горбатого». Почти не вызывает сомнения, что оно недавнего происхождения и связано с Михаилом Горбачевым, который у русских заработал репутацию болтуна и обманщика. Надо будет потом записать (Алтын-толобас, с. 124).

Окказиональные ФЕ – образные авторские единицы, для создания которых Б. Акунин опирается, как правило, на узуальные устойчивые выражения, преобразуя их структуру и семантику:

(42) Одним махом двух нимф усладядохом (Внеклассное чтение, с. 22);

(43) Значит, ваш подзащитный – невинная овечка, даже не подозревавшая, какого волка пригрела под своей шкуркой (Пелагия и белый бульдог, с. 234);

(44) Позвольте представиться: Ново-Араратский Сатана. Я прислан сюда взболтать тихий омут, выпустать чертей, которые водятся здесь в изобилии (Пелагия и черный монах, с. 309);

(45) Чтобы Божье стадо с паршивыми овцами не смешивалось, существуем мы, Божьи овчарки (Пелагия и красный петух, с. 211);

(46) ...Вопль содомский и гоморский (Пелагия и белый бульдог, с. 146);

(47) У, затворники, старосветские помещики! Визит Магомета к горе! (Внеклассное чтение, с. 377);

(48) Понастроите турусов на колесах, где не надо бы, да и сами под эти колеса и угодите (Внеклассное чтение, с. 377);

(49) Хотела бы боднуть, да Бог рога не дал? А коли так, нечего было на корриду лезть, корова ты безрогая (Пелагия и черный монах, с. 407);

или используя парафразу:

(50) Запретный плод. <...> По виду на разбивателя сердец никак не похожа, но раз интересуется неразрешенными фруктами... (Внеклассное чтение, с. 258).

Комбинированное (комбинаторное) **варьирование** – использование одновременно нескольких способов преобразования исходной единицы:

(51) Нечего лезть с английским уставом в русский монастырь (ФМ, т. 2, с. 53);

(52) В тихом омуте завелись нешуточные черти (Пелагия и белый бульдог, с. 157);

(53) Нет повести банальнее на свете... (Внеклассное чтение, с. 560);

(54) Для него я – обычная хорошенькая женщина (вероятно, на здешнем безрыбье) (Пелагия и черный монах, с. 287);

(55) Нечего и говорить, что с такой репутацией, как у Бубенцова, да еще на провинциальном безрыбье... (Пелагия и белый бульдог, с. 48).

В примере (51) осуществлена экспликация и лексическая мена компонентов; в (52) – экспликация и грамматическое изменение глагольного компонента; в (53) – сокращение и экспликация; в (54) и (55) – вычленение компонента из состава устойчивой фразы с его последующим распространением.

Стилистические функции фразеологических единиц

Широкое использование ФЕ в детективах Б. Акунина обусловлено рядом стилистических задач. Прежде всего фразеологизмы позволяют автору более точно **воссоздать язык описываемой эпохи**. По нашим наблюдениям, на долю исторического повествования приходится большая часть устаревших с точки зрения современного употребления устойчивых единиц, а также оборотов с архаичными грамматическими формами. Например:

(56) Молитвы – и той прочесть не успел. Все в руке Божьей (Алтын-толобас, с. 120);

(57) Капитану, поди, там, наверху, кажется, что он не капитан, а Господь Бог Саваоф, и не на «Северюге» плывет, а парит на облаках (Пелагия и красный петух, с. 10);

(58) Как говорится, из свиного хвоста ермолки не сошьешь (Пелагия и красный петух, с. 297);

(59) – Послушайте, вы, врачу-исцелился-сам! – грозно выкатил он глаза (Пелагия и черный монах, с. 113);

(60) Пробует Степан Трофимычу помогать, да только проку от него, как от монашки приплоду (Пелагия и белый бульдог, с. 89);

(61) Нет чтобы девушку просто обнять и поцеловать. Идиот! Сидел по-над просом, да остался с носом (Пелагия и белый бульдог, с. 148);

(62) У царя дьяк, у дьяка хряк. Вот кто истинно империей-то правит. Никуда без него, вертлявого, не двинешься (Внеклассное чтение, с. 67);

(63) Ничего, ничего, утро вечера мудреней. Что ночью страх, то утром прах (Внеклассное чтение, с. 185);

(64) – Смесьно, – подтвердил Митя. Животики надорвешь. Ничтоже ново под солнцем. Иже возглаголет и речет: се, сие ново есть, уже бысть в вещех, бывших прежде нас (Внеклассное чтение, с. 279).

Описание приключений героев в России 90-х гг. не мыслится без соответствующей идиоматики – арготических элементов, а также жаргонных, просторечных и грубо-просторечных устойчивых оборотов, появившихся в языке перестроечного и постперестроечного периода. Например:

(65) Николас положил неприятному человеку руку на плечо, сильно стиснул пальцы и произнес нараспев: – Борзеешь, вша поднарная? У папы крысячишь? Ну, смотри, тебе жить (Алтын-толобас, с. 50);

(66) – Братан, братан... – зашептал он губами и попытался встать, но Фандорин стиснул пальцы еще сильнее. – Я же не знал... В натуре не знал! Я думал, лох заморский (Алтын-толобас, с. 51);

(67) Первое чувство, которое испытал Фандорин, – не изумление, а абсурдная радость от того, что похититель кейса нашелся. Абсурдная – потому что чему тут радоваться, если от потрясения и сотрясения у человека поехали мозги (отличное идиоматическое выражение из фольклорного блокнота) и его повело в глюки (оттуда же) (Алтын-толобас, с. 87);

(68) Мы ведь с тобой не знаем, до какой степени у них на этой Либерее поехала крыша – похоже, совсем соскочила со стропил (Алтын-толобас, с. 174).

Создание речевого портрета персонажа – еще одна функция фразеологии в детективах Б. Акунина.

Главному герою цикла «Приключения магистра» Николасу Фандорину, британскому гражданину с русскими корнями, свойственно владение несколькими языковыми регистрами: в зависимости от ситуации он то прибегает к жаргонной, просторечной идиоматике, то вновь возвращается к привычному для него «элитарному» языку, нередко использует англицизмы:

(69) Я леплю горбатого, – переспросил Фандорин, сделав обиженное лицо. – Вы хотите сказать, что я гоню туфту? (Алтын-толобас, с. 121);

(70) К чертовой бабушке эту историческую Родину с ее криминальными интригами и головокружительными загадками (Алтын-толобас, с. 177);

(71) План был, что называется, fool-proof («сто процентов верный») (Алтын-толобас, с. 354);

(72) – Dream, midsummer night's dream, – пробормотал Николас, уже почти не сомневаясь, что все ему снится (Алтын-толобас, с. 102).

Юная журналистка Алтын Мамаева – яркая представительница молодого поколения России 90-х. Ее речь образна, экспрессивна, нередко груба, отражает все языковые особенности данного периода, а также сферы ее профессиональной деятельности:

(73) Мы не вскрываем общественные язвы и не посыпаем голову пеплом, а фиксируемся на позитиве. Чтоб люди читали журнальчик и думали: жить стало лучше, жить стало веселей (Алтын-толобас, с. 125);

(74) Надо тебя спрятать. А то оторвут башку, так я и не узнаю, что ты за хрен с горы (Алтын-толобас, с. 122);

(75) Одно из двух: или ты полный придурок, или ты мне лепишь горбатого (Алтын-толобас, с. 121).

В отличие от своего потомка, заранее изучившего тонкости современной ему русской речи, Корнелиус фон Дорн вынужден постигать особенности языка, культуры, нравов русских, только оказавшись в стране, что объясняет присутствие в его речи иноязычных вкраплений:

(76) Вот уж воистину *quod licet Jovi* (Алтын-толобас, с. 146);

(77) *Honor primum, alia deinde* (Алтын-толобас, с. 37),

в то время как транслитерации подвергаются собственно русские выражения, что помогает читателю почувствовать нюансы произношения иностранца, например:

(78) Кланяться, *lomati shapku* или нет? (Алтын-толобас, с. 116).

Не менее яркая языковая личность – помощник Николаса Фандорина Валентин, типичный представитель современного поколения. Его речь – причудливая смесь собственно русской жаргонной, просторечной фразеологии и заимствований, устойчивых

оборотов, явившихся следствием контаминации русских лексических единиц и англицизмов, часто транслитерированных:

(79) – Улет, старфлайт, – мечтательно протянул Валя.

– Какой улет?

– Полный. Мужик какой-то взял и улетел. <...> Наверно, вмазал «белого» или стэмпов нализался – от них тоже крылья вырастают (Внеклассное чтение, с. 85);

(80) – Здесь гоняют лайв, – орала она на ухо Николасу в темном, битком набитом зальчике, где выступала хард-рок группа. – Сегодня жуткий дренаж, просто анкруайабль. <...>

– Да, ник дебильный, – кивнула Валя, в свою очередь не поняв вопроса. – Давайте жать на экзит, пока не стошнило (Внеклассное чтение, с. 199);

(81) – Значит, верный супруг, да? Фэмили мэнь, да? Я, как дура, ему верила, пальцем не касалась! А тут первая попавшаяся пута пальцем поманила – и пожалуйста. <...> А я, значит, вам «олвиз» юзанный, да? (Внеклассное чтение, с. 211).

Многочисленные и разнообразные преобразования ФЕ помогают писателю передать особенности живой разговорной речи (речевую динамику и экспрессию, эмоционально-субъективное отношение персонажа к описываемым событиям), способствуют конкретизации значения фразеологизмов, вносят дополнительные смысловые оттенки, превращая таким образом единицу виртуальную в реально функционирующую в речи структуру.

Важная функция трансформации ФЕ в текстах Б. Акунина – *придание* детективному сюжету необходимого *юмора*. Широкие возможности фразеологии как материала для языкового каламбура не раз отмечались исследователями [Бондаренко, 2001; Мокиенко, 2012; Санникова, 2002]. «Многие фразеологизмы наделены в разной степени особой коммуникативно-прагматической целеустановкой на создание эффекта, вызывающего у слушателя / читателя удовольствие в виде смеха» [Бондаренко, 2001, с. 74].

В своих романах Б. Акунин прибегает к различным способам репрезентации смеха с помощью средств фразеологии. Например:

(82) Николас любил щегольнуть перед какой-нибудь русской путешественницей безупречным московским выговором и знанием современной

идиоматики. Неизменное впечатление на барышень производил прекрасно освоенный трюк: двухметровый лондонец, не по-родному учтивый, с дурацкой приклеенной улыбкой... вдруг говорил: «Милая, не завалиться ли нам в Челси? Там нынче улетная тусовка» (Алтын-голобас, с. 9).

Здесь языковой каламбур основан на употреблении жаргонной идиоматики в нетипичной для нее ситуации.

(83) Когда-то в юности Ник Фандорин неплохо играл в бейсбол, даже был лучшим хиттером школьной команды. Конечно, он не надеялся перефехтовать шустрого гения, но появилась одна идея – дикая, даже полоумная. Шанс она давала самый крохотный. Но угопающий ведь хватается за соломинку, а тут все-таки бита. Прочная, ухватистая, тяжелая (ФМ, т. 1, с. 223).

В данном фрагменте происходит обыгрывание значения устойчивой фразы за счет употребления лексемы «бита» со значением «спортивный снаряд из твердого материала для игры в лапту, бейсбол и пр.», антонимичной компоненту «соломинка» – «нечто малое и часто бесполезное для спасения».

(84) Столичные люди, те ничего, известия о конце света не испугались, только наострили уши и ближе к монаху придвинулись, а вот судейский уборщик... тот от страшного крика на месте обмер, орудие свое уронил, закрестился. А предвестник Апокалипсиса членораздельно говорить от тоски и ужаса более не мог – затрясся всем телом, и по мучнистому, обросшему бородой лицу покатались слезы (Пелагия и черный монах, с. 5).

Согласно христианским представлениям, предвестники Апокалипсиса – Чума, Война, Голод и Смерть – наделены силой сеять хаос и разрушение в мире и сами внушают ужас. Употребление этого выражения применительно к смертному человеку, испытывающему при этом огромное потрясение, и создает необходимый комический эффект.

(85) Могу похвастаться: схиигумен (у него по краю куколя белая кайма) удостоил меня своим святейшим вниманием – клюкой погрозил, чтоб близко не подплывал (Пелагия и черный монах, с. 59).

Устойчивое выражение «уделить внимание» со значением «проявить благосклонность, заботу и пр.» употребляется, как пра-

вило, в ситуациях, имеющих благоприятный исход для участников событий. В данном контексте используется нетипичная для оборота конкретизация его значения.

(86) – Хорошо бы мы с тобой смотрелись, – стал описывать преосвященный. Несемся сломя голову по Большой Дворянской: рясы подобрали, у меня борода по ветру венником, у тебя патлы рыжие полощутся (Пелагия и черный монах, с. 179).

Здесь также посредством текстуально-го окружения конкретизируется семантика фразеологизма, создается более зримая картина событий, что не может не вызвать улыбку у читателя.

(87) Все свои многочисленные успехи на архипастырском поприще Митрофаней приписывал Господу. <...> Но на самом деле больше руководствовался максимой «На Бога надейся, а сам не плошай», и, надо сказать, плошал он редко, не обременял Господа лишними заботами (Пелагия и черный монах, с. 28).

В данном случае языковой каламбур строится на употреблении в пределах одного фрагмента пословицы и ее отдельных компонентов с нетипичными для них распространителями, что переводит их пословичную семантику из религиозного в иной, бытовой план.

Заключение

Таким образом, фразеологическая составляющая детективов Б. Акунина масштабна и представлена разными типами устойчивых единиц, как в словарной форме, так и в преобразованном виде. Способы трансформации фразеологизмов различны: затрагивают как семантику, так и форму единиц; в результате трансформаций нередко возникают окказиональные обороты. Широкое использование в детективных романах фразеологического богатства русского языка в целом позволяет писателю реализовать ряд художественных задач, придает языку его произведений яркость, образность, оригинальность, способствуя созданию неповторимого стиля Б. Акунина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амусин М., 2009. Чем сердце успокоится. Заметки о серьезной и массовой литературе в России

на рубеже веков // Вопросы литературы. № 3. С. 5–45.

Бондаренко В. Т., 2001. О смеховой функции русской фразеологии // Русский язык в школе. № 3. С. 74–76.

Бондаренко В. Т., 2011. Устойчивые фразы в русской речи. Тула : Изд-во ТГПУ. 153 с.

Ермакова Е. Н., Прокопова М. В., 2013. Трансформация фразеологических единиц как языковая стратегия массовой литературы (на материале цикла Б. Акунина «Нефритовые четки») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 3. С. 271–281.

Максимова Н. И., Корнилова Л. Н., 2018. Фразеологизм как компонент идиостиля Акунина-беллетриста и Чхартишвили-публициста в книге «Кладбищенские истории» // Язык. Культура. Коммуникации. № 2. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/652/853> (дата обращения: 26.08.2019).

Марусенко Н. М., Скребцова Т. Г., 2013. Типичное и нетипичное в структуре детектива // Мир русского слова. № 4. С. 74–79.

Мокиенко В. М., 2012. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. Т. 25 (64), № 2, ч. 1. С. 100–109.

Осьмухина О. Ю., 2016. Специфика авторской стратегии Бориса Акунина: жанровый аспект // История русского литературного процесса XI–XX вв. и закономерности его развития на современном этапе : электрон. сб. ст. по материалам III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 20 нояб. 2015 г.). Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2016. С. 133–139.

Санникова В. З., 2002. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Яз. слав. культуры. 552 с.

Сафонова С. С., 2008. Функционирование фразеологических моделей с семантикой обусловленности в языке романов Б. Акунина // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 3 (14). С. 71–74.

Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В., 2017. Борис Акунин и его игровой мир. СПб. : Алетей. 178 с.

ИСТОЧНИКИ

Акунин Б. Алтын-толобас. М. : АСТ, 2017. 384 с.
Акунин Б. Внеклассное чтение. М. : АСТ, 2017. 576 с.
Акунин Б. Пелагия и белый бульдог. М. : АСТ, 2014. 319 с.

- Акунин Б. Пелагия и красный петух. М. : АСТ, 2014. 511 с.
- Акунин Б. Пелагия и черный монах. М. : АСТ, 2015. 416 с.
- Акунин Б. Сокол и Ласточка. М. : АСТ, 2016. 447 с.
- Акунин Б. Ф. М. : в 2 т. М. : АСТ, 2017. Т. 1. 319 с. ; Т. 2. 285 с.

REFERENCES

- Amusin M., 2009. Chem serdtse uspokoiitsya. Zametki o seryeznoy i massovoy literature v Rossii na rubezhe vekov [How the Heart Calms Down. Notes on Serious and Popular Literature in Russia at the Turn of the Century]. *Voprosy literatury*, no. 3, pp. 5-45.
- Bondarenko V.T., 2001. O smekhovoy funktsii russkoy frazeologii [On Humorous Function of Russian Phraseology]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 3, pp. 74-76.
- Bondarenko V.T., 2011. *Ustoychivye frazy v russkoy rechi* [Set Phrases in Russian Speech]. Tula, Izd-vo TGPU. 153 p.
- Ermakova E.N., Prokopova M.V., 2013. Transformatsiya frazeologicheskikh edinits kak yazykovaya strategiya massovoy literatury (na materiale tsikla B. Akunina «Nefritovye chetki») [Phraseological Units Transformation As a Language Strategy of Mass Literature (On the Basis of “Jade Beads” by B. Akunin)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], no. 3, pp. 271-281.
- Maksimova N.I., Kornilova L.N., 2018. Frazeologizm kak komponent idiosstilya Akunina-belletrista i Chkhartishvili-publitsista v knige «Kladbishchenskie istorii» [Phraseological Unit as a Component of Boris Akunin’s and Grigory Chkhartishvili’s Individual in Book “Cemetery Tales”]. *Yazyk. Kultura. Kommunikatsii* [Language. Culture. Communication], no. 2. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/652/853> (Accessed 26 August 2019).
- Marusenko N.M., Skrebtsova T.G., 2013. Tipichnoe i netipichnoe v strukture detektiva [Typical and Non-typical in the Structure of Detective Stories]. *Mir russkogo slova* [The world of Russian word], no. 4, pp. 74-79.
- Mokienko V.M., 2012. Frazeologiya i yazykovaya igra: dinamika formy i smysla [Phraseology and Language Game: The Dynamics of Form and Meaning]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii*, vol. 25 (64), no. 2, part 1, pp. 100-109.
- Osmukhina O.Yu., 2016. Spetsifika avtorskoy strategii Borisa Akunina: zhanrovyy aspekt [Specifics of the Author’s Strategy of Boris Akunin: Genre Aspect]. *Istoriya russkogo literaturnogo protsessa XI–XX vv. i zakonomernosti ego razvitiya na sovremennom etape: elektron. sb. st. po materialam III Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf. (g. Cheboksary, 20 noyab. 2015 g.)* [The History of the Russian Literary Process of the 11th – 20th c. and Patterns of Its Development at the Present Stage: Electronic Collection of Articles based of the Proceedings of the 3rd All-Russian (With International Participation) Scientific and Practical Conference (Cheboksary, November 20, 2015). Cheboksary, Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiiy universitet im. I.Ya. Yakovleva, pp. 133-139.
- Sannikova V.Z., 2002. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Mirror of the Language Game]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2002. 552 p.
- Safonova S.S., 2008. Funktsionirovanie frazeomodeley s semantikoy obuslovlennosti v yazyke romanov B. Akunina [The Functioning of the Phraseological Models with Conditional Semantics in the Language of B. Akunin’s Novels]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (14), pp. 71-74.
- Snigireva T.A., Podchinenov A.V., Snigirev A.V., 2017. *Boris Akunin i ego igrovoy mir* [Boris Akunin and His Game World]. Saint Petersburg, Aletya Publ. 178 p.

SOURCES

- Akunin B. *Altyn-tolobas* [Altyn-Tolobas]. Moscow, AST Publ., 2017. 384 p.
- Akunin B. *Vneklassnoe chtenie* [Extracurricular Reading]. Moscow, AST Publ., 2017. 576 p.
- Akunin B. *Pelagiya i belyy buldog* [Pelagia and the White Bulldog]. Moscow, AST Publ., 2014. 319 p.
- Akunin B. *Pelagiya i krasnyy petukh* [Pelagia and the Red Rooster]. Moscow, AST Publ., 2014. 511 p.
- Akunin B. *Pelagiya i chernyy monakh* [Pelagia and the Black Monk]. Moscow, AST Publ., 2015. 416 p.
- Akunin B. *Sokol i Lastochka* [The Falcon and the Swallow]. Moscow, AST Publ., 2016. 447 p.
- Akunin B. *F.M.* Moscow, AST Publ., 2017, Vol. 1. 319 p. Vol. 2. 285 p.

Information about the Author

Tatyana V. Safonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Russian Language and Literature Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Prosp. Lenina, 125, 300026 Tula, Russia, safonova76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Сафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, просп. Ленина, 125, 300026 г. Тула, Россия, safonova76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.11>

UDC 81'0:82-36
LBC 81.055

Submitted: 26.01.2019
Accepted: 05.06.2019

JOKES AS THE SOURCE OF STUDY STEREOTYPIC IMAGE OF REGION (ON AN EXAMPLE OF JOKES ABOUT SIBERIA)¹

Olga N. Kondratyeva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. The humorous discourse is considered an important source of stereotypic images of the Russian regions. As it reflects territorial peculiarities and their inhabitants, reveals the attitude to various regions in the society, the linguistic analysis of regional stereotypes should become a starting point in the further formation of brands and images of regions. The jokes about Siberia are analyzed in the article and the stereotypic image of this region is reconstructed. Being based on content analysis and a framing method the study is aimed at presenting stereotypes about Siberia in the form of frames (knowledge structures) and their constituents (sub-frames and slots). It is stated that the stereotypic image of Siberia looks quiescent; the jokes reflect a deeply rooted conception of Siberia by residents of other regions of Russia and foreigners as a distant, huge area with severe climatic conditions, rich in natural resources, and an exile place of immigrants who are busy with hard work. Currently Siberia has got another stereotype and is perceived as an object of claims of some boarding countries. The stereotypic image of Siberia is depressive; the majority of regional characteristics that are reflected in jokes convey general negative comprehension. The revealed stereotypes point to necessity of creating a positive image of Siberia.

Key words: image, region, Siberia, stereotype, joke, image studies, lexis, humoristic discourse.

Citation. Kondratyeva O.N. Jokes as the Source of Study Stereotypic Image of Region (On an Example of Jokes About Siberia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 140-149. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.11>

УДК 81'0:82-36
ББК 81.055

Дата поступления статьи: 26.01.2019
Дата принятия статьи: 05.06.2019

АНЕКДОТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АНЕКДОТОВ О СИБИРИ)¹

Ольга Николаевна Кондратьева

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Аннотация. Юмористический дискурс является важным источником изучения стереотипных образов регионов разных стран, фиксирующим наиболее значимые особенности территорий с их населением и эксплицирующим отношение к регионам в обществе. Поэтому лингвистическое изучение региональных стереотипов должно стать отправной точкой в дальнейшем целенаправленном формировании брендов и имиджа российских регионов. В статье анализируются анекдоты о Сибири и реконструируется ее стереотипный образ. Основными методами исследования послужили контент-анализ и фреймовый анализ, заключающийся в представлении содержащейся в анекдотах стереотипной информации в виде фреймов (структур знаний) и их составляющих – субфреймов и слотов. В статье показано, что стереотипный образ Сибири в анекдотах статичен, поскольку они отражают традиционные, укоренившиеся в сознании жителей других регионов России и иностранцев представления о ней как о далеком огромном крае с суровыми климатическими условиями, богатом природными ресурсами, ставшим местом ссылки и тяжелого труда переселенцев. Выявлено, что новым стереотипным признаком стало восприятие Сибири как объекта притязаний других стран. Образ этого региона, созданный в анекдотах, депрессивен: большинство его характеристик имеет ярко

выраженный негативный характер. Результаты исследования могут быть использованы в работе по созданию позитивного имиджа Сибири.

Ключевые слова: образ, регион, Сибирь, стереотип, анекдот, имиджелогия, лексика, юмористический дискурс.

Цитирование. Кондратьева О. Н. Анекдоты как источник изучения стереотипного образа региона (на примере анекдотов о Сибири) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 140–149. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.11>

Введение

Описание образов регионов России является одним из значимых направлений исследований в современной лингвистике, поскольку в настоящее время «необходимость конструирования и трансляции положительного образа территории осознана на официальном уровне и ставится как политическая задача в российских регионах и на общероссийском уровне» [Печищев, 2007, с. 201]. Результатом целенаправленно и грамотно созданного образа региона станет его общественно-политическая, культурно-историческая и инвестиционная привлекательность.

Описания образов территорий (стран и регионов) выполняются преимущественно на материале масс-медиа, социальных сетей или блогосферы, то есть объектом исследования до сих пор становились в основном медиаобразы регионов, являющиеся в некоторой степени искусственными образованиями. Однако, по нашему мнению, любую деятельность по созданию имиджа региона необходимо начинать с изучения образа региона, сформировавшегося в сознании жителей страны, с выявления связанных с конкретной территорией мифов и стереотипов [Кондратьева, Фролова, 2018, с. 80].

Существуют различные методы их определения, например, непосредственный опрос информантов или анализ существующих в культуре суждений об особенностях той или иной области и населяющих ее жителей. Однако, как отмечают Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев, «ориентация на эксплицитные суждения носителей культуры может вводить в заблуждение, поскольку значительное число стереотипов не вполне осознаются их носителями и потому не эксплицируются, и, напротив, в наличии каких-то стереотипов их носитель может не желать признаваться» [Шмелева, Шмелев, 2014, с. 167]. Поэтому для установления territori-

альных стереотипов должны использоваться методы, ориентированные на выявление имплицитных стереотипов, стоящих за высказываниями представителей соответствующей лингвокультуры. Одним из наиболее эффективных методов может стать изучение анекдотов, посвященных отдельной территории и ее жителям.

Тем не менее до настоящего момента попыток исследования территориальных стереотипов с опорой на материал анекдотов предпринято не было, хотя существует и результативно используется аналогичная методика для изучения этнических стереотипов (см., например: [Абильдинова, 2008; Бартминьский, 2009; Жерновая, 2011; Собянина, 2018; Тер-Минасова, 2000; Шмелева, Шмелев, 2014; и др.]).

Следует отметить, что этнические стереотипы характеризуют этнос в целом (см.: [Крысько, 2008; Lippman, 1922; Quasthoff, 1973]), в то время как на территории ряда государств (особенно столь крупных, как Россия) представители одного этноса, в зависимости от места проживания, могут обладать дополнительными специфическими характеристиками. Соответственно, уместно говорить о существовании региональных (например, связанных с Сибирью, Уралом, Дальним Востоком и их жителями) и городских стереотипов (например, связанных с г. Москвой, Санкт-Петербургом и их жителями).

Поскольку стереотипные особенности регионов далеко не всегда совпадают, специфические черты (как правило, представленные в преувеличенном виде) часто интерпретируются как отклонение от стандарта и поэтому считаются смешными, глупыми. Следовательно, именно наиболее характерные черты территорий становятся объектами юмористического осмысления, что и позволяет эксплицировать стереотипный образ региона в процессе анализа анекдотов.

В данный момент проблема изучения стереотипных образов регионов, бытующих в юмористическом дискурсе, остается открытой и апробация методики их исследования является одной из наиболее актуальных задач лингвистики и имиджологии.

Материалом изучения являются анекдоты о Сибири (139 анекдотов), размещенные на сайтах *Анекдоты из России*, *Мир анекдотов*, *Анекдотов.net*. Основными методами исследования послужили контент-анализ и фреймовый анализ, заключающийся в представлении содержащейся в анекдотах стереотипной информации о данном регионе в виде фреймов (структур знаний) и их составляющих – субфреймов и слотов (см., например: [Маленова, Терских, 2015; Сушненкова, 2011; и др.]).

Результаты исследования и их интерпретация

В процессе анализа российских анекдотов установлено, что в юмористическом дискурсе структуру стереотипного медиаобраза Сибири формируют фреймы «Природа и география», «История», «Экономика», «Социальная сфера», «Население».

1. Фрейм «ПРИРОДА И ГЕОГРАФИЯ»

Наиболее часто в юмористическом дискурсе характеристика рассматриваемого региона осуществляется посредством акцентирования внимания на его географических, природных и климатических особенностях, представленных в анекдотах в гипертрофированном виде.

Субфрейм 1.1. «Характеристики территории». В рамках данного фрейма в российских анекдотах объектом юмористической рефлексии становится географическое положение региона, его удаленность от административного центра России и других стран, большая площадь, непривлекательность для жителей и туристов.

Слот 1.1.1. «Большая площадь территории». Одной из значимых характеристик Сибири, плотно укоренившейся в сознании россиянина, является ее огромная площадь. Если в медиадискурсе подобные стереотипные представления репрезентируются лексемами *боль-*

шой, огромный, бескрайний и др., то в анекдотах для указания на крупные размеры Сибири используется сопоставление с размерами европейских стран или гиперболизированное указание на количество китайцев, способных затеряться на столь большой территории:

(1) – Да одна наша Сибирь – это пять Франций! – Весь мир настораживает, что вы меряете свою территорию другими странами.

(2) После совместных учений России, Китая и Индии на территории Сибири потерялась рота китайцев – два миллиона человек.

Слот 1.1.2. «Удаленность территории». В анекдотах акцентируется внимание на удаленности Сибири и от Москвы, и от всего мира. Репрезентантами подобной характеристики региона являются лексемы и сочетания *далеко, далекий, конец мира, край света, Тьмутаракань, у черта на куличках* и др.:

(3) Времена застоя. Распределили одного студента к черту на кулички, то есть в Сибирь. Добрался он месяц. Оставшееся расстояние надо было лететь на вертолете, так как другой транспорт не ходил. Короче, повезли мужика на вертолете. Добрались до места, высота 200 метров. Пилот говорит: «Прыгай!». Студент: «Вы что, охренели? Я же разобьюсь, спуститесь пониже». Пилот: «Сейчас, размечтался. В прошлый раз спустились: один спрыгнул, двое запрыгнули».

Слот 1.1.3. «Непривлекательность региона для проживания и отдыха». Удаленность и суровые климатические условия определяют формирование стереотипного восприятия Сибири как места, непривлекательного для постоянного проживания, отдыха и туризма.

В анекдоте (3) отражено желание жителей региона покинуть его при первой же возможности (ср.: ...Пилот: «Сейчас, размечтался. В прошлый раз спустились: один спрыгнул, двое запрыгнули»). Стремление избежать посещения Сибири также становится в российских анекдотах регулярным поводом для комизации:

(4) Женщина – как мир. В 20 лет она как Африка – мало изучена. В 30 лет она как Индия – мягкая и теплая. В 40 лет она как Америка – технически совершенная. В 50 лет – как Европа, вся в руинах.

В 60 лет – как Сибирь. Все знают, где это, но никто не хочет идти.

(5) – А Вы бывали в Сибири?

– Я живу тихо, скромно и незаметно, чтобы никогда не видеть Сибирь...

Отдых в Сибири в юмористическом дискурсе зачастую становится эвфемизмом крупных политических неудач, устойчиво ассоциируясь с судебным приговором и ссылкой:

(6) Как сообщили в следственном комитете, на днях Сергею Удальцову предложат совершить экскурсию по Ленинским мемориальным местам. Основной маршрут – Сибирь, Шушенское. В окружении Удальцова рассматривают альтернативные варианты экскурсии: шалаш в Разливе или Лондон – Цюрих.

(7) Когда Прохорову пришло по электронной почте письмо с рекламой отдыха в Сибири, то он долго думал, что это: обычный спам или намек на результаты выборов.

Субфрейм 1.2. «Климат». Сибирь традиционно считается одним из самых холодных мест в мире, своеобразным царством мороза, холода, льда и снега, что и определяет высокую частотность данного фрейма в юмористическом дискурсе.

Слот 1.2.1. «Мороз и холод». Стереотипные представления создают образ Сибири как региона с аномально низкими температурами, где мороз и холод характерны не только для зимы, но и для остальных времен года. Репрезентанты этих представлений в анекдотах – *холод, холодно, мороз, крещенский мороз, морозная свежесть, замерзать, оттаять, вечная мерзлота* и др.:

(8) Живем мы в Сибири. Зимы у нас холодные, девчонки по две пары стрингов надевают!

(9) – Привет из Сибири! – Фу, дефис вместо длинного тире! – Это от холода!

(10) Кого-то еще в Сибири выводит из себя реклама жевательной резинки со вкусом морозной свежести?

(11) Лучшая охранная система для машины в России – «Крещенский мороз-2006», доказано в Сибири.

Одной их характерных особенностей анекдотов является регулярное подчеркивание аномальных температур, характерных для Сибири:

(12) На улице погода -30. Посмотрю, думаю, какая погода у друга в Сибири, смотрю – а там -60. Звоню к нему:

– Привет, какая там у вас температура?

– Да ничего, нормально, -30.

– Тю, а я вот на сайте смотрю, -60.

– Так то на улице!

(13) Слушает мужик прогноз погоды. Передают «В Сибири минус 45 градусов». Не поверил мужик, звонит своему другу в Сибирь:

– Слушай, у вас там, говорят, холодина жуткая?

– Да нет, минус 20 – минус 25.

– Да? А по телику сказали, что минус 45.

– А ты сложи!

Соответственно, погода при температуре ниже 20 градусов воспринимается жителями региона как теплая:

(14) – Привет! У нас -7, снег валит вовсю, сугробы и настоящая зима.

– У нас в Сибири -19, снег валит два дня, сугробы с ноября лежат – все радуются теплу и весне.

(15) Понял, что я настоящий сибиряк, когда, просматривая прогноз погоды и видя минимум -25, невольно поймал себя на мысли – «тепло...».

Слот 1.2.2. «Снег и лед». Низкие температуры Сибири закономерно приводят к тому, что вода на данной территории трансформируется в снег и лед, которые в юмористическом дискурсе становятся специфическими круглогодичными характеристиками региона. Наиболее частотные репрезентанты названных стереотипных представлений – *снег, сугробы, метель, лед, каток* и др.:

(16) Зима в Сибири в этом году выдалась особенно снежной. Но дворники этому только рады: никогда еще не вытаивало столько потерянных денег, пустых бутылок, и, что самое главное, Дедов Морозов с вполне свежими подарками.

(17) В Америке престижно иметь во дворе большой бассейн. В Сибири состоятельные люди тоже строят возле своего дома бассейны. Только там прижилось название не бассейн, а каток.

Слот 1.2.3. «Времена года». В анекдотах регулярно акцентируется внимание на повышенной продолжительности сибирской зимы, весна и осень в стереотипном образе Сибири не представлены:

(18) В Сибири 9 месяцев зима, а остальное – лето, лето.

(19) Сибирь, реклама... «Попробуй!!! Выдержи зиму: **НОЯБРЬ!!! ДЕКАБРЬ!!! ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ!!!** И получи дополнительно БОНУС!!! **МАРТ!!!**»

Сибирское лето, согласно стереотипным представлениям, отраженным в юмористическом дискурсе, является исключительно холодным и дождливым либо максимально коротким (один день):

(20) В Библии написано, что **дождь шел 40 дней и 40 ночей**. Они назвали это страшной катастрофой. **В Сибири это называется лето.**

(21) У нас в Сибири два праздника: **Новый год и лето. Оба длятся одинаково.**

(22) – Мужчина, Вы почему такой незагорелый?
– Я из Сибири.

– А что у вас там лета нет?

– Есть, но я в тот день был на работе.

(23) **Лето в Сибири** очень жаркое, главное, не пропустить этот день.

Субфрейм 1.3. «Фауна». Территория Сибири предстает в анекдотах плотно заселенной животными, среди которых наиболее распространены медведи и волки, передвигающиеся непосредственно по улицам городов и деревень и нападающие на людей:

(24) Мой дед, когда в Сибири жил, на медведя в тайгу ходил с голыми руками, он мне писал об этом. Ну как писал, диктовал кому-то.

(25) Замечено: лучшие биатлонисты из России – выходцы из Сибири, потому что волки не прощают ошибок ни в стрельбе, ни в беге.

(26) «Волки у нас цивилизованные», – говорят сибиряки, – «Почтальона сожрут, а почту не тронут».

2. Фрейм «ИСТОРИЯ»

В юмористическом дискурсе о Сибири регулярно встречаются отсылки к историческим событиям, оказавшим существенное влияние на формирование образа региона, и персонажам, связанным в сознании россиян с Сибирью.

Субфрейм 2.1. «Место миграции». Значимым компонентом стереотипного образа Сибири является представление о данном регионе как месте, в котором с давних времен над коренным населением доминировали

переселенцы (вынужденные или добровольные) из других районов России.

Слот 2.1.1. «Место ссылки». Несмотря на то что с 80-х гг. XX в. Сибирь уже официально не является местом ссылки, до сих пор эти стереотипы активно эксплуатируются в анекдотах. К репрезентантам таких стереотипных представлений относятся лексемы *сослать, ссылка, каторга, сидеть* и др.:

(27) Жена – мужу: Если тебя **сошлют в Сибирь**, я, конечно, пойду вместе с тобой, но шубу надо бы купить заранее.

(28) – Папа, ты в школьные годы тоже на «камчатке» **сидел?**

– Нет, в Сибири.

(29) Она поехала за ним в Сибирь и испортила ему всю каторгу.

Наиболее часто комический эффект создается за счет использования лексемы *ссылка*, в частности столкновения значений ‘наказание посредством насильственного переселения в отдаленный регион’, ‘место такого пребывания’ и ‘указание на страницу в Интернете’:

(30) Раньше известность человека определялась количеством **ссылок в Сибирь, сегодня – в Интернете.**

(31) Для получения детальной информации о природе Сибири воспользуйтесь **ссылкой.**

(32) – Вот в статье говорят о том, что раньше было лучше.

– Ага, и трава зеленее, и деревья выше. **И ссылки – ссылочнее.**

– Они не были реферальными. Они были в Сибирь.

Слот 2.1.2. «Место переселения». Рост сибирского населения также традиционно связывается в анекдотах с переселением народов (как в сталинский период, так и в новое время). Репрезентантами данного слота являются лексемы *отправить, переселить, переселение, депортировать, депортация, колонизировать, колония, миграция, эвакуация*.

(33) Хватит уже чернить нашу историю и говорить, что в 1917 году людей **выбрасывали из квартир и усадеб, отправляя в Сибирь! Это просто была программа реновации.** И с тех пор она повторяется раз в сто лет.

(34) Говорят, Рамзан Ахмадович собирается стать новым российским Сталиным? Ага, чтобы **выслать всех грузин в Сибирь!**

Субфрейм 2.2. «Исторические личности». В юмористическом дискурсе встречаются упоминания об исторических личностях, биография которых связана с Сибирью. Это прежде всего декабристы, Ленин, Хабаров.

(35) А знаете ли вы, что **декабристы писали из Сибири** царю прошения с текстом: «Зацени мою ссылку!», а **Николай I** отмечал ссылку как понравившуюся.

(36) **Как сообщили в следственном комитете**, на днях Сергею Удальцову предложат совершить **экскурсию по Ленинским мемориальным местам. Основной маршрут – Сибирь, Шушенское.** В окружении Удальцова рассматривают альтернативные варианты экскурсии: шалаш в Разливе или Лондон – Цюрих.

3. Фрейм «ЭКОНОМИКА»

Экономика Сибири предстает в юмористическом дискурсе как исключительно экспортно-сырьевая. Производственная и сельскохозяйственная сферы, значимые для экономического развития региона, практически не отражены в анекдотах.

Субфрейм 3.1. «Природные ресурсы». Сибирь традиционно считается крупнейшим в России сырьевым центром, в котором сконцентрированы богатые природные ресурсы и полезные ископаемые.

Слот 3.1.1. «Сибирь как ресурсный центр, источник благосостояния». Длительное время регион воспринимался как сырьевой придаток страны, из которого все богатства перекачивались в столицу и распределялись по всей стране, теперь же эти ресурсы воспринимаются как достояние олигархов, источник их благосостояния, что и зафиксировано в российских анекдотах. Подобные стереотипные представления эксплицированы сочетаниями *сырьевой придаток, сырьевая колония*. В пределах рассматриваемого фрейма для репрезентации ресурсных стереотипов также используются комические приемы трансформации прецедентных текстов и вольной расшифровки аббревиатур:

(37) Ошибся Ломоносов: **кто-то другой, а не Россия прирастает** могуществом Сибири.

(38) – Слушай, а из-за чего вся эта возня вокруг ЮКОСа началась?

– Да наверху раньше думали, что **ЮКОС – это просто Юркие Комсомольцы, обогатившиеся Сибирью**, а потом спохватились, что это могут быть Юные Капиталисты, Овладевающие Страной.

Слот 3.1.2. «Виды природных ресурсов». Представления о богатых залежах сибирских природных ресурсов репрезентируются как с помощью родовых номинаций (*природные богатства, минеральные ресурсы, полезные ископаемые, месторождения* и др.), так и с помощью их видовых наименований (*уголь, газ, нефть, золото, самоцветы* и др.):

(39) Чтобы компенсировать потери от закрытия Черкизовского рынка в Москве, премьер-министр России Владимир Путин распорядился отдать Китаю **минеральные ресурсы Сибири и Дальнего Востока.**

(40) Лимузин врезается на перекрестке в Майбах, из лимузина выскакивает олигарх, а из Майбаха медленно, важной походкой выходит генерал ФСБ и говорит: «Ну, ты попал, мужик! Ладно. Собирайся, **поедем в Сибирь, посмотрим НАШИ нефтяные месторождения.** Заодно и колонию себе подберешь».

Слот 3.1.3. «Контроль над природными ресурсами Сибири». В юмористическом дискурсе активно обсуждаются притязания на Сибирь иностранных государств. В качестве претендентов на ее богатства в анекдотах регулярно называются США и Китай:

(41) Перед штурмом Багдада **американские солдаты молятся.**

– Господи, сделай так, чтобы в Тюмени **закончилась нефть.**

– Ты че?

– А тебе **охота защищать демократию в холодной Сибири?**

(42) Сидят в Хабаровске и пьют русский с китайцем.

(К): – Русских мало, а земли много!

(Р): – Ясен пень!

(К): – **Сибирь вы освоить не можете!**

(Р): – Ясен пень!

(К): – **Сибирь мы у вас заберем!**

(Р): – Ясен пень!

(К): – Почему все время «ясень пень»?!

(Р): – Ясен пень, фиг вы у нас получите!

Субфрейм 3.2. «Сельское хозяйство». Из-за суровых климатических условий Сибирь

стереотипно воспринимается как зона рискованного земледелия. Юмористический дискурс, казалось бы, опровергает тезис о непредсказуемости урожая в подобных условиях, но фактически демонстрирует идею бессмысленности любой сельскохозяйственной деятельности в регионе:

(43) В Сибири никогда не бывает сюрпризов с урожаем картошки. **Результат всегда предсказуем:** сколько закопал – столько и выкопал.

4. Фрейм «СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА»

В юмористическом дискурсе Сибирь предстает как депрессивный регион, в котором практически нет никаких условий для жизни.

Субфрейм 4.1. «Социальные проблемы». Удаленность от столицы, суровые климатические условия и ряд иных факторов предопределяют формирование стереотипов о сложной и неустроенной жизни населения в Сибири.

Слот 4.1.1. «Голод». Юмористический дискурс транслирует стереотипные представления о голодающей Сибири, в которой все живое и неживое является пищей для местных жителей:

(44) – Папа, а почему в Сибири нет крокодилов?

– **Голодно в Сибири.**

– Думаешь, они не нашли бы там что покусать?

– Думаю, их там кто-нибудь бы скушал.

(45) В Сибири у людей культ мяса. У сибиряков все, что не бегают и не издает звуки, – это гарнир.

Слот 4.1.2. «Алкоголизм». Согласно стереотипным представлениям, низкие температуры вызывают у жителей Сибири регулярное желание согреться с помощью употребления спиртных напитков, соответственно, в анекдотах сибиряки показаны как постоянно находящиеся в состоянии алкогольного опьянения:

(46) – Я живу в Африке. У нас жарко. Пьем кофе, едим бананы, ходим голые.

– **Я живу в Сибири. У нас холодно. Пьем водку.** Если будем пить кофе и есть бананы, будем ходить голые.

(47) На съезде КПСС Брежнев читает телеграмму: Вот что пишут нам товарищи из Сибири: «Сроч-

но пришлите две цистерны водки, зпт. Народ протрезвел и спрашивает, куда девали царя.

Слот 4.1.3. «Проблемы со снабжением». Удаленность Сибири от центра является причиной формирования стереотипных представлений о существовании сибиряков в режиме самообеспечения:

(48) Иностранные корреспонденты (ИК) интервьюируют сибиряка.

(ИК): – Как у вас в Сибири с жильем?

(С): – **Хорошо в Сибири с жильем. Леса много. Руби себе сколь хочешь и строй терема.**

(ИК): – Как у вас в Сибири с питанием?

(С): – **Хорошо в Сибири с питанием. Леса много, зверья в нем не считано. Завалишь, скажем, лося. Наделаешь пельменей. Ешь – не хочу!**

(ИК): – Как у вас в Сибири с одеждой?

(С): – **Хорошо в Сибири с одеждой. Я же говорю, зверья много. Бей соболя, куницу, бобра. Шей себе шубы и ходи как боярин.**

(ИК): – Не могли бы вы назвать какие-либо негативные стороны жизни в Сибири?

(С): – Холодно, блин!

Субфрейм 4.2. «Неразвитая инфраструктура». Один из наиболее распространенных стереотипов, отраженных в юмористическом дискурсе, – это абсолютное отсутствие в Сибири дорог и нормального транспорта:

(49) – Так ты с Сибири? **Говорят, у вас медведи по дорогам ходят? – Врут, нет у нас дорог.**

(50) – Ты почему сегодня опоздал?

– Да пока **поймал в тайге медведя, пока запряг в санки** и отвез детей в школу, а то лошадь волки ночью сожрали...

В качестве транспортных средств, на которых можно перемещаться по Сибири, в анекдотах предстают танк, Камаз и тягач:

(51) – А надо было бы ВВП на танке Т-90, как в прошлый раз на желтой Калине, **по Сибири проехать!** – Не годится. Там было три Калины: одна основная и две запасные. **А Т-90 – всего в одном экземпляре.**

(52) «Атлас автомобильных дорог Италии». Реклама на обложке: «Фиат Пунто».

«Автоатлас России от Калининграда до Урала». Реклама на обложке: «КАМАЗ».

«Атлас автомобильных дорог Сибири и Дальнего Востока». Реклама на обложке: «Седельный тягач “Урал”».

5. Фрейм «НАСЕЛЕНИЕ»

Достаточно противоречивыми в юмористическом дискурсе являются стереотипы, связанные с населением Сибири.

Субфрейм 5.1. «Малонаселенность». Обширное пространство, которое занимает рассматриваемый регион, сложно представить плотно заселенным людьми, что и рождает стереотипы об огромных безлюдных территориях, по которым можно идти месяцами и не встретить ни одной живой души:

(53) 2033 год. Началась война между Россией и США. Американские диверсанты в полной боевой амуниции уже месяц идут по Сибири. Уставший рядовой спрашивает у капрала:

– Капрал, **мы уже месяц шагаем по Сибири и при этом никого не встретили**, так?

– Да.

– Тогда, может, мы хоть снимем рекламу кока-колы с касок?

Малонаселенность Сибири связывается в анекдотах также с низкими температурами:

(54) Вот так, совершенно ненавязчиво, **природа решает проблему заселения Сибири**.

Субфрейм 5.2. «Жители Сибири». Согласно анекдотам жителями региона являются преимущественно ссыльные и мигранты, полностью вытеснившие коренное население.

Слот 5.2.1. «Ссыльные и мигранты». Как уже было видно в предыдущих фреймах и слотах, в Сибирь редко приезжают добровольно – большая часть населения оказалась здесь вынуждено:

(55) – Сидоров, скажите, где находится **Сибирь**?

– В Азии.

– **А каким путем туда проще всего попасть?**

– **Проще всего через суд.**

(56) – Ты куда этим летом собираешься?

– Да, наверное, **в Сибирь мотануть**.

– Тебе что, делать нечего?

– Я, в принципе, того же мнения, но **прокурор настаивает!**

(57) Богатство России будет прирастать Сибирью, **а ее население**, похоже, **Северным Кавказом и Средней Азией**.

Слот 5.2.2. «Китайцы». Относительно новые стереотипы связаны с активной миграцией китайцев в регион и обсуждением вопроса возможной передачи части сибирской территории Китаю. Юмористический дискурс активно эксплуатирует данные темы и создает стереотипный образ Сибири, в которой китайцы постепенно вытесняют местное население.

(58) Китай поддерживает Россию в ситуации с Крымом и напоминает, что **в Сибири проживает 6 млн китайцев**.

(59) Парадокс – **русские не любят, когда в Сибири живут китайцы**, но мечтают поселить туда прибалтов.

Выводы

Проведенный анализ позволил установить, что стереотипный образ Сибири репрезентирован в юмористическом дискурсе посредством фреймов «Природа и география», «История», «Экономика», «Социальная сфера» и «Население», тесно связанных между собой. В то же время в анекдотах отсутствуют стереотипы о Сибири, связанные с фреймами «Культура», «Наука», «Спорт». Такая организация стереотипного образа свидетельствует о том, что Сибирь воспринимается в первую очередь как регион, статус которого определяется объективно сложившимися обстоятельствами – географическим положением, размером, климатом и природными богатствами. Эти факторы также определили его историю, современное состояние экономики и социальной среды. Обстоятельства, формируемые целенаправленно (достижения в культуре, науке и спорте), пока не стали характеристиками узнаваемого образа Сибири. Для создания ее позитивного образа необходима серьезная работа в данном направлении.

Анализ также показал, что стереотипы о Сибири достаточно статичны, однако в медиадискурсе они являются динамичными. Анекдоты отражают традиционно существующие в сознании значительного количества людей (жителей других регионов России и иностранцев) стереотипные представления о Сибири как о далеком огромном регионе с суровыми климатическими условиями, богатом природными ресурсами сырьевом придалтке

России, месте ссылки и тяжелого труда вынужденных переселенцев. К относительно новым стереотипным признакам можно отнести лишь восприятие Сибири как объекта притязаний других стран.

Образ Сибири в юмористическом дискурсе достаточно депрессивен: большинство существующих стереотипов имеет ярко выраженный негативный характер (стереотипы ‘далеко’, ‘холодно’, ‘безлюдно’, ‘голод’, ‘нищета’, ‘отсутствие инфраструктуры’, ‘волки и медведи’, ‘лагеря и тюрьмы’) и вызывает чувство тревожности.

Проведенное исследование продемонстрировало эффективность использования анекдотов для реконструкции стереотипного образа территории, позволило выявить негативные характеристики Сибирского региона, прочно укрепившиеся в сознании россиян. Это дает возможность начать работу по корректировке отрицательных представлений и эффективному выстраиванию работы при создании позитивного имиджа Сибири.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области, проект № 18-412-420003 p_a «Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона».

The reported study was supported by grant № 18-412-420003 p_a “Kuzbass: Complex Cognitive-Discursive Study of the Regional Image” from the Russian Foundation for Basic Research and the government of Kemerovo oblast, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абильдинова Ж. Б., 2008. Стереотипные представления о русских, казахах и немцах в анекдотах // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия филологическая. № 5 (113). С. 162–165.
- Бартмицкий Е., 2009. Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : сб. ст. / [сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова]. М. : РГГУ. С. 11–21.
- Жерновая О. Р., 2011. Этнокультурные стереотипы ирландцев в современных «антиирландских» шутках и анекдотах // Вестник Нижегородско-

- го государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. № 15. С. 40–49.
- Кондратьева О. Н., Фролова Т. И., 2018. Образ региона в обыденном языковом сознании его жителей (на примере образа Кузбасса) // Психолингвистика. Т. 24, № 2. С. 78–97. DOI: 10.31470/2309-1797-2018-24-2-78-96.
- Крысько В. Г., 2008. Стереотип национальный (этнический) // Этнопсихологический словарь. М. : Академия. 320 с.
- Маленова Е. Д., Терских М. В., 2015. Медиаобраз сибирского региона (по материалам современных американских СМИ) // Человек в мире культуры. № 3. С. 19–30.
- Печищев И. М., 2007. Концепт «столица» как основание для конструирования образа территории (на материале пермских печатных СМИ) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 2. С. 201–204.
- Собянина В. А., 2018. Языковая репрезентация этностереотипов в немецких анекдотах и шутках (на примере интернет-сайтов) // Известия Волгоградского педагогического университета. № 1 (124). С. 125–130.
- Сушненкова И. А., 2011. Лингвокогнитивное моделирование как перспективный метод исследования регионального имиджа (на примере имиджа Омской области) // Вестник Омского университета. № 4 (62). С. 233–237.
- Тер-Минасова С. Г., 2000. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово. 624 с.
- Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д., 2014. Этнические стереотипы в русских анекдотах // Отечественные записки. № 4 (61). С. 167–177.
- Lippman W., 1922. Public Opinion. N. Y. : The Free Press. 422 p.
- Quasthoff U., 1973. Soziales Vorurteil und Kommunikation: Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. Frankfurt a. M. : Athenaum-Verlag. 312 S.

ИСТОЧНИКИ

- Анекдоты из России. URL: <https://www.anekdot.ru>.
- Анекдотов мир.py. URL: <http://www.anekdotovmir.ru>.
- Анекдотов.net. URL: <http://anekdotov.net>.

REFERENCES

- Abildinova Zh. B., 2008. Stereotipnye predstavleniya o russkikh, kazakhakh i nemtsakh v anekdotakh [Stereotypical Ideas About Russians, Kazakhs and Germans in Jokes]. *Vestnik Kazakhskogo*

- natsionalnogo universiteta im. al-Farabi. Seriya filologicheskaya [KazNU Bulletin. Philology Series]*, no. 5 (113), pp. 162-165.
- Bartminskiy E., 2009. Bazovye stereotipy i ikh profilirovanie [Base stereotypes and their profiling]. *Stereotipy v yazyke, kommunikatsii i kulture: sb. st.* [Stereotypes in Language, Communications and Culture. Collected Articles]. Moscow, RGGU, pp. 11-21.
- Zhernovaya O.R., 2011. Etnokulturnye stereotipy irlandtsev v sovremennykh «antiirlandskikh» shutkakh i anekdotakh [Ethnocultural Stereotypes of Irishmen in Contemporary English Anti-Irish Jokes and Funny Stories]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University], no. 15, pp. 40-49.
- Kondratyeva O.N., Frolova T.I., 2018. Obraz regiona v obydenom yazykovom soznanii ego zhiteley (na primere obraza Kuzbassa) [The Image of Region in Ordinary Language Consciousness of Its Residents (On an Example of an Image of Kuzbass)]. *Psycholinguistics*, vol. 24, no. 2, pp. 78-97. DOI: 10.31470/2309-1797-2018-24-2-78-96.
- Krysko V.G., 2008. Stereotip natsionalny (etnicheskij) [National (Ethnic) Stereotype]. *Etnopsikhologicheskij slovar* [Ethnopsychological Dictionary]. Moscow, Akademiya Publ. 320 p.
- Malenova E.D., Terskikh M.V., 2015. Mediaobraz sibirskogo regiona (po materialam sovremennykh amerikanskikh SMI) [Media-Image of Siberian Region (Based on Analysis of the Modern American Media)]. *Chelovek v mire kultury*, no. 3, pp. 19-30.
- Pechishchev I.M., 2007. Kontsept «stolitisa» kak osnovanie dlya konstruirovaniya obraza territorii (na materiale permskikh pechatnykh SMI) [Concept “Capital” as a Basis for Constructing Image of the Territory (On a Material of the Perm Printed Mass-Media)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 2, pp. 201-204.
- Sobyanina V.A., 2018. Yazykovaya reprezentatsiya etnostereotipov v nemetskikh anekdotakh i shutkakh (na primere internet-saytov) [Linguistic Representation of Ethnic Stereotypes in German Anecdotes and Jokes (Based on Internet Websites)]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University], no. 1 (124), pp. 125-130.
- Sushnenkova I.A., 2011. Lingvokognitivnoe modelirovanie kak perspektivnyy metod issledovaniya regionalnogo imidzha (na primere imidzha Omskoy oblasti) [Cognitive-Linguistic Modeling as a Perspective Method of Research of Regional Image (By Example of Image of Omsk Region)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], no. 4 (62), pp. 233-237.
- Ter-Minasova S.G., 2000. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Language and the Intercultural Communications]. Moscow, Slovo Publ. 624 p.
- Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D., 2014. Etnicheskie stereotipy v russkikh anekdotakh [Ethnic Stereotypes in Russian Anecdotes]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], no. 4 (61), pp. 167-177.
- Lippman W., 1922. *Public Opinion*. New York, The Free Press. 422 p.
- Quasthoff U., 1973. *Soziales Vorurteil und Kommunikation: Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps*. Frankfurt am Main, Athenaum-Verlag. 312 S.

SOURCES

- Anekdoty iz Rossii* [Jokes from Russia]. URL: <https://www.anekdot.ru>.
- Anekdotov mir.ru*. URL: <http://www.anekdotovmir.ru>.
- Anekdotov.net*. URL: <http://anekdotov.net>.

Information about the Author

Olga N. Kondratyeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Russian Language, Kemerovo State University, Krasnaya St., 6, 650000 Kemerovo, Russia, Kondr25@rambler.ru, Olnik25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

Информация об авторе

Ольга Николаевна Кондратьева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, Kondr25@rambler.ru, Olnik25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.12>

UDC 81'1:81'276.6
LBC 81.006.3

Submitted: 01.02.2019
Accepted: 05.09.2019

***I* AND *WE* IN CORPORATE DISCOURSE: THE REALIZATION OF SOCIOCULTURAL AND LINGUOPRAGMATIC CHARACTERISTICS OF COMMUNICATION**

Vera A. Mityagina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elina Yu. Novikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Lenka Vankova

University of Ostrava, Ostrava, Czech Republic

Abstract. The paper outlines the significance of the opposition *I* : *We* within corporate discourse, the study of which claims to become one of the main areas of studying professional communication in the age of globalization. The relevance of the study is determined by the need to establish common and different forms of expressing personal and collective aspects in social communicative content in the genre of congratulatory speech. The research material is represented with the texts of congratulatory speeches in the German, Russian and Czech languages. The authors focus on the implementation of the current social and cultural status of a person in the texts, belonging to the genre of corporate discourse, which is defined in the paper as a type of institutional business communication, realized both in special, documentary texts of a given professional sphere, and in a complex of ritual, etiquette and ceremonial texts. In selected language versions, the authors reveal the common rigid structure of speech and the insignificant linguopragmatic and stylistic variability of language means caused by the general positive perlocutivity of this performative genre. The revealed features include, in particular, the self-orientation of congratulatory speeches in German as an explication of active self-presentation, that expresses rationality and individualism of the German collective style; reflection of the collective consciousness of the Russian society in the forms of deixis associated with the expression of intentions *We* : *I+everyone*; as well as obligatory explication of close friendly relations of the sender and the recipient of congratulations in the Czech linguistic culture. The uniformity of linguistic means, noted in the acts of congratulatory speech, is explained as an intention to follow common discourse rules and universal commandments of global professional communication, shared by all discourse participants.

Key words: opposition *I* : *We*, linguoculture, corporate discourse, professional business communication, genre, congratulatory speech, performativity, perlocutivity.

Citation. Mityagina V.A., Novikova E.Yu., Vankova L. *I and We* in Corporate Discourse: The Realization of Sociocultural and Linguopragmatic Characteristics of Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 150-161. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.12>

**Я И МЫ В КОРПОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ:
РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИХ
ПАРАМЕТРОВ КОММУНИКАЦИИ**

Вера Александровна Митягина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Элина Юрьевна Новикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ленка Ванкова

Оставский университет, г. Острава, Чехия

Аннотация. В статье показана значимость оппозиции *Я* и *Мы* в пространстве корпоративного дискурса, изучение которого претендует стать одним из основных направлений исследования профессиональной коммуникации в эпоху глобализации. Актуальность работы обусловливается необходимостью установления общих и отличительных форм выражения личностного и коллективного социокоммуникативного содержания в жанре «поздравление». Материалом для изучения послужили записи поздравительных речей на немецком, русском и чешском языках. Тексты рассматриваемого жанра корпоративного дискурса проанализированы в аспекте реализации в них актуального социокультурного статуса человека. Определена общность жесткой структуры речи и лингвопрагматическая и стилистическая вариативность языковых средств, обусловленная генеральной позитивной перлокутивностью данного перформативного жанра. В качестве особенностей выявлены: Я-ориентированность поздравительных речей на немецком языке как экспликация активной самопрезентации, выражающей рациональность и индивидуалистичность немецкого коллективного стиля; выражение коллективного сознания русского лингвоэтносоциума в формах дейксиса, связанного с выражением интенций *Мы* и *Я + все*; обязательность экспликации близких, дружеских отношений отправителя и получателя поздравления в чешской лингвокультуре. Единообразие языковых средств, наблюдаемое при выражении пожеланий объясняется следованием общим для всех участников дискурса правилам глобальной профессиональной коммуникации, действием унифицирующей тенденции в оформлении коммуникативного поведения ее участников.

Ключевые слова: оппозиция *Я* и *Мы*, лингвокультура, корпоративный дискурс, профессиональная деловая коммуникация, жанр, поздравительная речь, перформативность, перлокутивность.

Цитирование. Митягина В. А., Новикова Э. Ю., Ванкова Л. *Я и Мы* в корпоративном дискурсе: реализация социокультурных и лингвопрагматических параметров коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 150–161. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.12>

Введение

Лингвистическое исследование значимых для реализации социальной природы человека коммуникативных феноменов стало одним из направлений антропологического поворота: рассмотрение вербальных аспектов «встраивания» индивида в социокультурные контексты взаимодействия, а также анализ выполнения его прагматической программы вполне коррелируют со сменами парадигмального фокуса. Культурологом Д. Бахманн-Медик эти

изменения обозначены как «культурные повороты»: интерпретативный, перформативный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный и пикториальный / иконический [Бахманн-Медик, 2017].

Сложность бытия человека в обществе, безусловно, приводит к взаимосвязям и пересечениям данных «поворотов», инициирующим появление междисциплинарных гуманитарных исследований и новых вариантов изучения homo loquens как субъекта этой комплексности. Выбор ракурсов коммуникативного пове-

дения индивида, эвристичных для нескольких гуманитарных направлений, представляется релевантным для многомерного и детального определения актуального социокультурного статуса человека. Одним из таких ракурсов является оппозиция *Я* и *Мы* в экспликациях личности. Емкая дефиниция соотношения *Я* и *Мы* принадлежит Н.А. Бердяеву: «“Мы” есть содержание и качество жизни “я”, ибо всякое “я” предполагает не только отношение к “ты”, но и отношение к человеческому множеству» [Бердяев, 1934, с. 99].

Данная оппозиция рельефно выражена в «перформативном повороте» (Д. Бахманн-Медик), связанном с ритуалистическими и церемониальными измерениями жизни, которые как никакие другие инициируют исследования социальных трансформаций, находящихся в поле зрения антропологической лингвистики, изучающей детерминированные ими пространства дискурсов, социокоммуникативный и концептуальный семиозис, ценностные ориентиры личности и лингвокультурные феномены. Современные лингвистические исследования обеспечивают, таким образом, гарантию отказа от «усредненной» оценки значимых для оптимизации коммуникативного взаимодействия этно- и социокультурных проявлений личности. Так, немецкий лингвист и культуролог М. Шрайбер утверждает, что проблема культурной специфики теряет актуальность в силу того, что западные культуры утрачивают свои особенности [Schreiber, 1993, S. 40]. Безусловно, вестернизация культурного и цивилизационного развития, кульминацией которой стала глобализация, привела к общему знаменателю многие форматы и модулы социального взаимодействия, и изучение проявления оппозиции *Я* и *Мы* в ограниченном правилами коммуникативного поведения дискурсе на материале нескольких языков может привести к эвристичным результатам.

В данной статье выдвигается гипотеза: экспликация оппозиции *Я* и *Мы* в заданном жанре институционального дискурса выражает значимые для культуры коммуникативно-прагматические и стилистические параметры. Если философия, по С. Кьеркегору, должна помочь человеку самому раскрыть свою сущность, реализовать свое Я [Кьеркегор, 1993], то задача лингвистики –

предоставить аргументированный вывод о том, какие лингвопрагматические средства наиболее эффективно решают интеракционные задачи, соответствуя этно-, социо- и лингвокультурным параметрам коммуникантов.

В качестве объекта исследования выступает коммуникативный жанр «поздравление» в пространстве немецкой, русской и чешской лингвокультур.

Поздравление как этикетный речевой жанр встречается во многих типах дискурсивных практик, объединенных базовым признаком институциональной корпоративности: в деловом, административном, академическом дискурсах, бизнес-дискурсе и т. д. Корпоративность проявляется в наличии определенной коллегиальной среды, общности целей, ценностей, интересов и коммуникативных действий, которые формируют универсальный в своей функциональности дискурс. О.А. Евтушенко использует термин «корпоративный жанр» и понимает под ним «совокупность жанров, отражающих ценности и убеждения коллектива, межличностные отношения внутри компании, направленные на объединение коллектива» [Евтушенко, 2012, с. 149]. Согласимся с такой трактовкой корпоративного жанра применительно к жанру «поздравление», дополнив ее следующим уточнением: корпоративность не только реализуется внутри компании, но и распространяется на внешнюю среду взаимодействия института с другим корпоративным сообществом, будь то фирма, вуз, клуб и т. д. В этой связи представляется логичным предложить более широкий взгляд на термин «корпоративность» и экстраполировать его как признак на дискурс в целом. Вслед за И.П. Ромашовой, мы склонны использовать термин «корпоративный дискурс» в отношении институциональной деловой коммуникации. И.П. Ромашова определяет корпоративный дискурс как «разновидность институциональной коммуникации сообщества (организации) или института корпорации в целом, обеспечивающие профессиональную деятельность группы / института, закрепление группы / института в социетальной и дискурсивных системах, формирующие ощущение сопричастности группе и потребность осуществлять эту совместную деятельность» [Ромашова, 2015, с. 45]. Корпоративный дискурс

реализуется в специальных текстах профессиональной деятельности корпорации и в этикетных ритуальных текстах, таких как поздравление.

Жанр «поздравление» обладает следующими универсальными дискурсивными характеристиками вне зависимости от лингвокультуры:

- антропоцентричность (объектом поздравления является человек или коллектив как социальная группа);

- адресность (поздравление всегда имеет конкретного реципиента);

- тематическая соотнесенность (поздравление всегда приурочено к конкретному событию);

- ритуальность (текст поздравления выстраивается по определенному лекалу, имеет шаблонную структуру: 1) обращение – поздравление – пожелание или 2) поздравление – описание заслуг – пожелание);

- прагматическая направленность (в тексте поздравления присутствуют элементы похвалы адресата / PR и брендинга) (подробно о параметрах этого жанра см.: [Гуревич, 2012; Низеева, 2015; Тарасенко, 2016]).

Лингвокультурный анализ поздравительных текстов на разных языках обнаруживает некоторые различия в реализации жанра «поздравление» на структурном, содержательном и вербальном уровнях. Таким образом, исследовательский интерес представляет оппозиция *Я* и *Мы* как форма индивидуального и коллективного дейксиса в поздравительных текстах корпоративного дискурса различных лингвокультур.

Методика

С целью установления лингвокультурных проекций *Я* и *Мы* в корпоративной институциональной среде предпринят кросскультурный анализ выражения личностных и коллективных презентационных смыслов оппозиции *Я* и *Мы* на материале немецкого, русского и чешского языков.

Немецкая культура характеризуется в современной теории межкультурной коммуникации как низко контекстная культура с рациональным индивидуалистским мышлением. Л.В. Куликова, описывая немецкий коммуникативный стиль, указывает на прямоту выс-

казываний, дискурсивную вовлеченность, информативность и истинность коммуникативного действия немцев. При этом исследователь отмечает такие доминирующие черты данного стиля, как статусность обращений, употребление универсальных вербальных средств обращения, приветствия, избыточная эмоциональность, коммуникативная корректность и др. [Куликова, 2004, с. 53–54].

С опорой на данный комплекс коммуникативно-стилистических доминант проведен анализ аспектов самопрезентации в тексте поздравления как конструирования имиджа адресанта и адресата.

Достаточно широко факторы и параметры самопрезентации изучены с общедискурсивных позиций [Карасик, 2009], с точки зрения функционирования дискурсов маркетинга, рекламы, брендинга и PR [Анхольт, Хильдрет, 2010; Русакова, Русаков, 2011; Anholt, 2009], в аспекте презентационной теории дискурса [Олянич, 2004]. Проведены сопоставительные исследования текстов ритуальной и профессиональной коммуникации в аспекте выражения личностного и коллективного дейксиса [Chamonikolasová, 2005; Čmejrková, Daneš, Světlá, 1999; Goldhahn, 2017]. В них осмыслены особенности смены *Мы* как *pluralis auctoris* на активное *Я* под влиянием англоамериканских коммуникативных действий, ставших прототипическими в эпоху глобализации. Рассуждая о презентационных формах личности, Е.Ю. Ильинова и Л.А. Кочетова обращают внимание на общие и национально-специфические конвенции общения, социальный аспект коммуникации, связанный с прагматикой речевого общения, влияющей на способ дискурсивной самопрезентации языковой личности [Ильинова, Кочетова, 2018, с. 37].

Поздравление, по нашему мнению, обладает набором прагматических параметров (хронотоп, презентационность, интересубъективность и др.), позволяющих рассматривать ее в русле презентационного дискурса. В речах такого типа содержится суггестивный компонент выражения отношения говорящего к адресату речи, побуждения к позитивному отношению к адресату речи.

Поздравительная речь, выстроенная по стандартному шаблону, суггестивно эффективна в плане порождения положительной оценки

и восприятия. Достигается это благодаря языковой экспликации презентационной структуры речи. А.В. Олянич отмечает зависимость дискурсивных функций от презентации и репрезентации и говорит о присутствии презентем в любом виде и типе дискурса [Олянич, 2015, с. 150]. Презентемы поздравительной речи имеют следующие характеристики:

– смысловая: презентация заслуг субъекта / совокупности субъектов / объекта поздравления;

– эмоциональная: презентация достоинств субъекта / совокупности субъектов / объекта поздравления;

– суггестивная: воздействие на адресата речи посредством похвалы и презентации достоинств субъекта / совокупности субъектов / объекта поздравления;

– самопрезентативная: презентация адресанта речи через *Я*- / *Мы*-дейксис.

Рассмотрим реализацию оппозиции на материале поздравительных текстов, в которых презентемы *Я* и *Мы* проявляются в разных видах институционального корпоративного дискурса, но реализуют аналогичные статусно-ролевые отношения адресанта и адресата: адресантом во всех случаях выступают руководящие лица, адресатом – представитель своей / другой организации или институт / корпорация в целом. Повод для поздравления – личный / корпоративный юбилей.

Результаты и обсуждение

Материал для анализа сформирован из текстов поздравительных речей руководителей в рамках академического, спортивно-делового, культурного дискурсов (видеозаписи и скрипты речей на немецком, русском и чешском языках). Все речи имеют схожую структуру: поздравление – описание заслуг – пожелание (второй вариант шаблонной структуры). Языковая реализация жанра в каждом из блоков обнаруживает обусловленную социокультурными и лингвопрагматическими характеристиками коммуникации вариативность.

В блоке «Поздравление» наблюдается дифференцированное использование *Я* и *Мы*, которое реализует перформативный характер первой части речи:

(1) **Ich möchte** Peter Scholze ganz herzlich zur Verleihung der Fields-Medaille **gratulieren** (X).

В данном случае ректор поздравляет сотрудника от своего имени как главы организации, но, выбирая форму 1-го лица, хочет подчеркнуть личное отношение к адресату и важность мероприятия.

(2) Уважаемый Алексей Васильевич! **От имени коллег** по Думе Ставропольского края и **от себя лично** поздравляю Вас с 45-летием! (V).

Такая достаточно распространенная формула, объединяющая адресанта с коллективом, в сущности, выражает *Мы* как *Я + все*, и актуальное членение предложения акцентирует *Я*.

Довольно часто в качестве *Мы* выступает и собирательная номинация адресанта:

(3) **Семинар «Алгебра и логика»** при Новосибирском Государственном Университете и Институте математики Сибирского отделения РАН сердечно поздравляет Вас с Вашим 70-летним юбилеем! (II);

(4) Za upřímnost, lidský a profesionální přístup ke své práci si jej váží nejen kolegové na oddělení, ale i **celý management skupiny MND** (XII).

Нарицательная конструкция, обозначающая адресанта в тексте, в большинстве случаев усиливается личными и притяжательными местоимениями:

(5) **Мы** очень ценим Вашу человеческую мудрость, Вашу доброжелательность в отношениях с людьми, неиссякаемые энергию и оптимизм (II);

(6) **Мы** всегда рады видеть Вас в Новосибирске, слушать Ваши доклады **на нашем** семинаре... (II);

(7) Lieber Verein Alemannia Aachen **von unserer Seite vom DFB, Oliver Bierhoff, meiner Trainer Kollegen und mir** natürlich herzlichen Glückwunsch zum 117 jährigen Bestehen Ihres Vereins (VIII).

Наряду с формами *Я* и *Мы* в начале поздравительных речей на немецком, русском и чешском языках используется номинация юбилейного события, и, таким образом, вместо самопрезентации адресанта на передний план выходит презентация адресата:

(8) В этом году «Сургутнефтегаз» отмечает знаменательную дату – **35-летие компании** (III);

(9) **30 Jahre Kulturstiftung** der Länder, Herzlichen Glückwunsch (IX);

(10) **V září letošního roku uplyne 50 let od vzniku** Matematicko-fyzikální fakulty, nyní jedné ze 17 fakult Univerzity Karlovy (XV).

В примере (9) на немецком языке адресант, будучи тренером национальной сборной, официально поздравляет один из старейших клубов, членом которого он не является, но знаком с его деятельностью. Подобные фрагменты всегда имеют форму коллективного поздравления, которая делает речь более официальной и передает общий, корпоративный дух.

Наряду с этим в блоке «Поздравление» в текстах на немецком языке активно реализуется стратегия самопрезентации, в которой, по утверждению специалистов в области коммуникативного немецкого стиля, проявляется его рациональность [Куликова, 2004]. Выделим прежде всего Я-ориентированную самопрезентацию в речи генерального директора компании по случаю юбилея компании-партнера:

(11) Ja schönen guten Tag. **Mein Name ist Dieter Egging** (VI);

(12) **Ich bin der Geschäftsführer von im Porsche-Zentrum Magdeburg** (VI).

Блок «Описание заслуг» характеризуется экспликацией нескольких презентем – суггестивной, смысловой, эмоциональной. Принимая во внимание «личностность» индивидуалистского немецкого коммуникативного стиля, а также тенденцию выражения персонального интереса адресанта в чешской лингвокультуре, следует выделить презентему оценки деятельности адресата в анализируемом материале, которая показывает личностное отношение адресанта и вербализуется как формой Я (*я считаю, я помню* и т. д.):

(13) **Ich** habe sie seitdem noch mehrfach getroffen, das war jedes Mal ein wunderbares Erlebnis **für mich** (XI);

(14) **Sleduji vaši práci už deset let a mohu říci**, že mě pořádé překvapíte něčím novým (VII);

так и формой *Мы* (для выражения коллективного отношения):

(15) Dieses Schlagwort „kooperativer Kulturföderalismus“, das ist etwas, **was wir richtig toll** finden. Und da hat die Kulturstiftung wirklich eine

Schlüsselrolle übernommen; bei den Ankäufen, aber auch bei anderen Projekten (IX);

(16) **Musím** vysoce ocenit nejen odbornost a pracovní nasazení Iva Sušického, ale i jeho schopnost formulovat vize a převádět je do reality. Působil ve společnosti od jejího zrodu ve složitém privatizačním procesu až do současnosti a má výraznou zásluhu na jejích výsledcích. Za to mu patří **naše** upřímné poděkování (XIII).

Следует отметить, что в данном блоке в текстах на немецком и чешском языках наблюдается доминирование формы *Мы*. Как правило, таким образом выражается глубокое уважение, признание, восхищение достижениями юбилея / компании, общее для коллектива, который представляет оратор:

(17) **Wir waren zutiefst beeindruckt** von Ihrer unglaublichen Lebenserfahrung, Ihrer Weisheit, Ihrer Großzügigkeit, Ihrem Humor und auch von Ihrem Vergeben können (XI);

(18) **Wir sind sehr stolz auf ihn**, das ist die höchste Auszeichnung in der Mathematik die international vergeben wird (X);

(19) Und **wir sind mit seiner Tätigkeit sehr zufrieden**, weil alle Wünsche, die wir ihn antragen, damit, die wir auch von Porsche teilweise vorgegeben bekommen, mit welchem Konzept, das Ablaufen könnte erarbeitet er sehr gut (VI).

В данном блоке поздравительной речи на русском языке проявляется коллективное, «общинное» сознание русского лингвоэтносоциума:

(20) **Мы** активно сотрудничаем с вами и вашими учениками по международным грантам. **Мы** всегда рады видеть Вас в Новосибирске, слушать Ваши доклады на нашем семинаре и конференциях, обсуждать с Вами научные проблемы. **Мы** очень ценим Вашу человеческую мудрость, Вашу доброжелательность в отношениях с людьми, неиссякаемые энергию и оптимизм (II);

(21) Вместе **мы** реализовали крупные проекты на шельфе Северного Каспия, в Западной Сибири, в Республике Коми, а также в других регионах России и зарубежья (III).

Я субъекта поздравления проявляется в том, как он выражает личное отношение или причастность к адресату, например:

(22) Das ist eine wahnsinnslange Zeit. **Ich persönlich** erinnere mich wahnsinnig gerne an die

Spiele auf dem Tivoli in Aachen damals in der zweiten Liga mit dem SC Freiburg gegen Alemannia Aachen. Auf dem Tivoli waren immer heiße Spiele, harte umkämpfte Spiele. Daran habe wirklich auch einige sehr gute Erinnerung (VIII);

(23) **Уверен**, что Ваше деятельное участие позволит успешно реализовать проект создания технопарка высоких технологий «Университетский»... (IV);

(24) **Мне**, выпускнику металлургического факультета, приятно видеть у руля нашей Alma mater надежного и целеустремленного человека. **Мы знакомы** много лет, и **я прекрасно знаю Вас** и по работе в министерстве внешнеэкономических связей, и в правительстве области. Сегодня **наше взаимодействие** вышло на качественно новый уровень. Каждый на своем посту, **мы вместе делаем общее дело** – даем путевку в жизнь нашей молодежи (IV);

(25) **Я** сотрудничаю с руководителями многих престижных университетов мира и **считаю**, что Виктор Анатольевич относится к числу лучших руководителей, которых **я знаю** или с которыми **я** когда-либо работал (IV);

(26) **Sám za sebe jsem přesvědčen**, že dnešní laureát, RNDr. Josef Janeček, emeritní ředitel Zoologické zahrady Liberec, snese jen ta nejpřísnější měřítka (XIV).

Подчеркнем, что такие *Я-* и *Мы-*ориентированные формы описания заслуг в текстах на всех рассматриваемых языках узואльно уступают вариантам реализации второго блока, в которых используется местоимение *Вы* или дается развернутая характеристика адресата-юбиляра:

(27) Высокой оценки заслуживает и **Ваша** многолетняя деятельность в газовой отрасли (V);

(28) Сегодня **ваше** предприятие заслужило репутацию одного из самых сильных и успешных в Компании. О нем хорошо отзываются не только в Волгоградской области, но и далеко за ее пределами (I);

(29) **Вся деятельность Алексея Васильевича** органично связана с незабываемыми принципами казачества – народностью, православием, патриотизмом (V);

(30) Важно, что **Компания** отличается безукоризненной деловой репутацией, готовностью к партнерству, подает пример высокой социальной ответственности. Это не только активная благотворительная деятельность, но и масштабные программы, направленные на сохранение нашего исторического, культурного наследия, поддержку образования, здравоохранения, спорта, физкультурного движения (III);

(31) **Erlangen** besitzt mit der hier nur kurz anskizzierten Geschichte ein historisches Profil, wie es auch in dem für seine kulturelle Vielfalt berühmten Franken ohne Beispiel ist (XVI).

Третий блок «Пожелание» демонстрирует вариативность *Я-* и *Мы-*дейксиса, потому что именно в заключительной части жесткий «каркас» жанра поздравительной речи предполагает максимальную экспликацию перлокутивности, направленной на позитивное «программирующее» воздействие, а социокоммуникативный контекст детерминирует выбор номинации для субъекта перформатива. Анализ текстового материала на трех языках позволил выделить следующие варианты использования возможностей *Я-* и *Мы-*дейксиса:

– коллективное выражение готовности субъекта *Мы* к дальнейшей совместной деятельности:

(32) Ja **wir haben** auch **vor in Zukunft** mit der Firma First Content **zusammenzuarbeiten** (VI);

(33) Со своей стороны **мы** будем делать все для того, чтобы **наше сотрудничество и совместные проекты** в области образования, науки и производства и дальше приумножались во благо развития и стратегического сотрудничества России и Казахстана (IV);

– пожелание успехов и процветания от субъекта *Мы*:

(34) Insofern **würden wir uns** sehr wünschen, dass die Kulturstiftung auch weiter diese aktive Rolle des Kooperationspartners, des Moderators einnimmt (IX);

(35) Эти результаты, очевидно, явились плодом заинтересованного и профессионального отношения историков к общему делу, но они не могли быть достигнуты без той прекрасной атмосферы открытости и уверенности, которая возникла с момента начала **нашего** сотрудничества. **Мы** обязаны Вам за это, и **мы** искренне благодарим Вас. Еще раз примите поздравления с юбилеем! (IV);

(36) S odchodem do důchodu a s ukončením pozice ředitele HBZS Hodonín dovolu, abychom panu Fibingrovi poděkovali za veškerou práci, kterou v této funkci svědomitě vykonal. <...> Tímto **mu děkujeme** za výbornou spolupráci a do blízkého odchodu do důchodu **přejeme** hodně zdraví, elánu a životní pohody (XII);

– пожелание успехов и процветания от имени *Я-*отправителя речи поздравления:

(37) Und **ich wünsche** eurem Verein wirklich auch für die Zukunft alles alles Gute und dass ihr, wenn doch mal irgendwie den Sprung schafft in den bezahlten Fußball nach oben ich würde es euch wünschen eure Stadt und euer Verein hätte es wirklich verdient. Das gute herzlichen Glückwunsch, euer Jogi Löw (VIII);

(38) От души **желаю** Вам больших успехов на пути к новым высотам с присущим Вам профессионализмом, целеустремленностью и творческой инициативой (IV);

(39) **Děkuji** vám za vaši obrovskou práci a přeji, aby se vám i v dalších letech dobře dařilo, aby se vás drželo zdraví a aby fakulta využila vaši fyzické i duševní svěžesti k dalšímu obohacení sebe sama (XVII);

(40) Díky, **Radíme**, za vše, co jsi už pro naše pacienty, studenty, stážisty, kolegy, žáky, pro rozvoj kliniky, rozvoj české i mezinárodní urologie a zejména dětské urologie vykonal a **se spolupracovníky Ti přeji** mnoho dalších úspěchů, pevné zdraví a hodně spokojenosti a pohody nejen v práci ale i v rodině a těším se na další setkávání při společné smysluplné náplni naší dlouholeté spolupráce, za kterou Ti děkuji já osobně a velmi si jí vážím (XVIII).

В исследованных текстах на чешском языке имеет место усиление фактора Я за счет обращения к адресату на Ты и по имени (безусловно, только при наличии данного варианта отношений);

– пожелание успехов и процветания от имени Я + Мы:

(41) **Im Namen** der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn und **auch ganz persönlich** noch einmal meinen ganz herzlichen Glückwunsch an Peter Scholze (X);

(42) Я очень надеюсь, что и в будущем мы будем продолжать укрепление нашего партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, направленных на развитие дружественных отношений между Россией и Германией – будь то в области науки, образования, экономики или в рамках развития и поддержки общественно-политического диалога между нашими странами (IV);

(43) **Celá Česko-vietnamská společnost** vám pane profesore přeje hodně zdraví, štěstí, spokojenosti a pohody v dalších letech. **Děkujeme** vám za vše, co jste udělal pro Vietnam, ale také pro **naši** tehdy začínající Česko-vietnamskou společnost. Jsme rádi, že jste stále **naším** aktivním členem. Pane profesore, svojí pracovitostí i láskou k Vietnamu jste se stal **naším** vzorem, moc si vás všichni vážíme, **děkujeme** vám za vaši pomoc a **přejeme** vám z celého srdce hodně a hodně zdraví! (VII).

Конгруэнтность языковых средств, наблюдаемая в данной части поздравительной речи в текстах на немецком, русском и чешском языках, отражает общее для корпоративного дискурса следование правилам профессиональной коммуникации. Эти каноны отличаются универсальностью, обусловленной масштабами деятельности крупных корпораций, известных университетов и выдающихся ученых, общественных деятелей и бизнесменов.

Выводы

Проведенный в рамках исследования анализ позволяет констатировать, что гипотеза относительно значимости оппозиции Я и Мы в корпоративном дискурсе подтвердилась. В текстах жанра «поздравление» на немецком, русском и чешском языках с помощью данной оппозиции выражаются значимые для культуры коммуникативно-прагматические и стилистические параметры, личностные и коллективные презентационные смыслы.

Поздравительная речь характеризуется жесткой структурой и вариативностью языковых средств, которая зависит от лингвокультурных форм воплощения презентационных стратегий и параметров коммуникативного стиля: в текстах на немецком языке активно реализуется рациональность и индивидуалистичность немецкого коллективного стиля; в русскоязычном презентационном корпоративном дискурсе очевидны коллективизм и «общинность» сознания лингвоэтносоциума, а в чешской лингвокультуре следует отметить обязательное обозначение дружеских отношений адресанта и адресата, если таковые имеются, с помощью обращения по имени и на Ты.

Единообразие языковых решений наблюдается в заключительной части речи, в которой выражаются пожелания адресату, что соответствует правилам профессиональной коммуникации, общим для универсального в своих целях и функциях корпоративного дискурса. Таким образом максимально выражается перлокутивность поздравительной речи как перформативного жанра, ориентированного на позитивное «программирующее» воздействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анхольт С., Хильдрет Дж., 2010. Бренд Америка: мать всех брендов. М. : Добрая кн. 232 с.
- Бахманн-Медик Д., 2017. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М. : Новое лит. обозрение. 504 с.
- Бердяев Н., 1934. Я и мир объектов : (Опыт философии одиночества и общения). Париж : Умс-press. 187 с.
- Гуревич Л. С., 2012. Языковая концептуализация поздравления в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Т. 2s (18). С. 80–84.
- Евтушенко О. А., 2012. Корпоративный жанр поздравления в административном дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Филология. Т. 1, № 1. С. 149–154.
- Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А., 2018. Дискурсивная саморепрезентация личности в англоязычном межличностном общении: корпусный прагмасоциолингвистический анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 3. С. 35–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.4>.
- Карасик В. И., 2009. Языковые ключи. М. : Гнозис. 406 с.
- Куликова Л. В., 2004. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение конфронтации национальных коммуникативных стилей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 52–60.
- Кьеркегор С., 1993. Страх и трепет. М. : Республика. 383 с.
- Низеева Д. П., 2015. Фреймовый подход в преподавании немецкой этикетной речи (на примере письменных текстов поздравлений) // Современные проблемы науки и образования. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23409> (дата обращения: 15.01.2019).
- Олянич А. В., 2004. Презентационная теория дискурса. Волгоград : Парадигма. 507 с.
- Олянич А. В., 2015. Презентационный дискурс // Дискурс-Пи. № 3/4 (20/21). С. 148–150.
- Ромашова И. П., 2015. К определению термина «корпоративный дискурс» в современной лингвистике // Омский научный вестник. № 3 (139). С. 42–45.
- Русакова О. Ф., Русаков В. М., 2011. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Изд. 2-е, испр. и доп. Екатеринбург : Дискурс-Пи. 333 с.
- Тарасенко Т. В., 2016. Поздравление как этикетная ситуация в русской, английской и китайской лингвокультурах // Русская грамматика 4.0 : сб. тез. Междунар. науч. симпоз. (г. Москва, 13–15 апр. 2016 г.). М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. С. 396–398.
- Anholt S., 2009. Places: Identity, Image and Reputation. N. Y. : Palgrave Macmillan. 256 p.
- Chamonikolasová J., 2005. Věcný text v české a anglosaské kultuře // Tvůrčí psaní – klíčová kompetence na vysoké škole : sb. příspěv. z Mezinár. konf / ed. by Z. Fišer. Brno : Doplněk. S. 157–165.
- Čmejrková S., Daneš F., Světlá J., 1999. Jak napsat odborný text. Praha : LEDA. 255 s.
- Goldhahn A., 2017. Tschechische und deutsche Wissenschaftssprache im Vergleich: wissenschaftliche Artikel der Linguistik // Forum für Fachsprachen-Forschung. Berlin : Frank & Timme. Bd. 133. 218 S.
- Schreiber M., 1993. Übersetzung und Bearbeitung. Zur Differenzierung und Abgrenzung des Übersetzungsbegriffs. Tübingen : Narr. 353 S.

ИСТОЧНИКИ

- I – Глава Волгограда Андрей Косолапов поздравил коллектив «ЛУКОЙЛ-Нижевожскнефтепродукт» с 25-летним юбилеем Компании. URL: <http://www.gazeta-vid.ru/statii/kompaniya/item/1983-glava-volgograda-andrej-kosolapov-pozdravil-kollektiv-lukoil-nizhnevolzhsknefteprodukt-s-25-letnim-yubileem-kompanii> (дата обращения: 15.01.2019).
- II – Поздравления М.М. Арсланову с юбилеем. URL: <https://kpfu.ru/math/conference/mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferenciya-39algebra/pozdravleniya-s-jubileem> (дата обращения: 15.01.2019).
- III – Поздравления ОАО «Сургутнефтегаз». URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2012-09/4>.
- IV – Поздравления ректору УрФУ В.А. Кокшарова с юбилеем. URL: <https://urfu.ru/ru/media/opinions/congratulation-anniversary/> (дата обращения: 17.01.2019).
- V – Поздравления с юбилеем принимает генеральный директор ООО «Газпромтрансгаз Ставрополь» Алексей Завгороднев. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/26505/3374471/> (дата обращения: 15.01.2019).
- VI – 10 Jahre Agentur FIRST CONTACT – Porsche gratuliert. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z5IENqqCoVo> (date of access: 18.01.2019).

- VII – BLAHOPŘEJEME panu Prof. Ing. Pavlu Valíčkovi, DrSc. – prvnímu předsedovi ČVS k významnému životnímu jubileu. URL: <http://www.cvs-praha.cz/?p=847> (date of access: 15.01.2019).
- VIII – Bundestrainer Joachim Löw gratuliert der Alemannia. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4yjMzR3XSgw> (date of access: 16.01.2019).
- IX – Dr. Sebastian Giesen zu 30 Jahre Kulturstiftung der Länder. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o-pL09my81U> (date of access: 19.01.2019).
- X – Fields-Medaille an Peter Scholze. Der Rektor gratuliert. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Jsb6yuiGQLI> (date of access: 15.01.2019).
- XI – Herzlichen Glückwunsch zum 95. Geburtstag Ehrensator Henry Arnhold! URL: https://www.youtube.com/watch?v=brRseI_AEyc (date of access: 15.01.2019).
- XII – Poděkování za práci Ing. Jaroslavu Fibingrovi při odchodu do důchodu. URL: <https://zachranar.cz/2014/01/podekovani-za-praci-ing-jaroslavu-fibingrovi-pri-odchodu-do-duchodu/> (date of access: 15.01.2019).
- XIII – Poděkování za vynikající práci vodohospodáře v našem regionu. URL: <https://www.svs.cz/cz/verejnost/aktuality/archiv/podekovani-za-vynikajici-praci-vodohospodare-nasem-regionu.html> (date of access: 16.01.2019).
- XIV – Proslov k udělení Medaile města Liberec J. Janečkovi. URL: <https://www.liberec.cz/cz/radnice/dalsi-organy-mesta/zastupitelstvo-mesta/clenove-zastupitelstva/phdr-mgr-ivan-langr/blog-langr/proslov-k-udeleni-medaile-mesta-liberec-j-janeckovi.html> (date of access: 15.01.2019).
- XV – Proslov u příležitosti 50. výročí vzniku Matematicko-fyzikální fakulty Univerzity Karlovy. URL: <https://www.cuni.cz/UK-1125.html> (date of access: 15.01.2019).
- XVI – Rede von Oberbürgermeister Dr. Siegfried Balleis anlässlich des Festakts Stadtgeburtstag und „200 Jahre Erlangen bei Bayern“ am 16. Juli 2010 am Gedenkstein im Eichenwald. URL: https://www.balleis.de/fileadmin/user_upload/Reden/OBM-Rede_200_Jahre_Erlangen_bei_Bayern_am_16072010.pdf (date of access: 15.01.2019).
- XVII – Rektor ocenil vynikající zásluhy emeritního přednosty I. chirurgické kliniky Vladimíra Krále. URL: <https://www.zurnal.upol.cz/nc/pl/zprava/clanek/rektor-ocenil-vynikajici-zasluchy-emeritniho-prednosty-i-chirurgicke-kliniky-vladimira-krale/> (date of access: 15.01.2019).
- XVIII – Životní jubileum docenta Radima Kočvary. URL: www.cus.cz/pro-odborniky/o-spolecnosti/

osobni-zpravy/zivotni-jubileum-docent-radima-kocvary/?print=print (date of access: 15.01.2019).

REFERENCES

- Ankholt S., Hildret Dzh., 2010. *Brend Amerika: mat vsekh brendov* [Brand America: The Mother of all Brands]. Moscow, Dobraya kniga Publ. 232 p.
- Bakmann-Medik D., 2017. *Kulturnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kulture* [Cultural Turns. New Orientations in the Humanities and Social Sciences]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 504 p.
- Berdyayev N., 1934. *Ya i mir obyektov: (Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya)* [The Ego and the World of Objects. Attempting a Philosophy of Loneliness and Community]. Paris, Ymca-press. 187 p.
- Gurevich L.S., 2012. Yazykovaya kontseptualizatsiya pozdravleniya v russkoyazychnoy i angloyazychnoy lingvokulturakh [Linguistic Conceptualization of Congratulation in Russian and English Lingvocultures]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, vol. 2s (18), pp. 80-84.
- Evtushenko O.A., 2012. Korporativnyy zhanr pozdravleniya v administrativnom diskurse [Corporate Genre Congratulation in the Administrative Discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Filologiya* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University. Philology], vol. 1, no. 1, pp. 149-154.
- Ilyinova E. Yu., Kochetova L.A., 2018. Diskursivnaya samoreprezentatsiya lichnosti v angloyazychnom mezhlichnostnom obshchenii: korpusnyy pragmasotsiolingvisticheskiy analiz [Self-Representation in English Spoken Discourse: Corpus-Based Pragmatic-and-Sociolinguistic Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 3, pp. 35-48. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.4>.
- Karasik V.I., 2009. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnozis Publ. 406 p.
- Kulikova L.V., 2004. Osobennosti russko-nemetskoj kommunikatsii kak otrazhenie konfrontatsii natsionalnykh komunikativnykh stiley [Russian-German Communication Features as a Reflection of National Communicative Styles Confrontation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:*

- Lingvistika i mezhkulturnaya komunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 2, pp. 52-60.
- Kyerkegor S., 1993. *Strakh i trepet* [Fear and Awe]. Moscow, Respublika Publ. 383 p.
- Nizeeva D.P., 2015. Freymovyy podkhod v prepodavanii nemetskoy etiketnoy rechi (na primere pismennykh tekstov pozdravleniy) [Frame Approach in Teaching the German Etiquette Speech (On the Example of Written Texts of Congratulations)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23409> (accessed 15 January 2019).
- Olyanich A.V., 2004. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Discourse Presentation Theory]. Volgograd, Paradigma Publ. 507 p.
- Olyanich A.V., 2015. *Prezentatsionnyy diskurs* [Presentation Discourse]. *Diskurs-Pi*, no. 3/4 (20/21), pp. 148-150.
- Romashova I.P., 2015. K opredeleniyu termina «korporativnyy diskurs» v sovremennoy lingvistike [To the Definition of the Term “Corporate Discourse” in Modern Linguistics]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], no. 3 (139), pp. 42-45.
- Rusakova O.F., Rusakov V.M., 2011. *PR-Diskurs: teoretiko-metodologicheskii analiz* [PR Discourse: Theoretical and Methodological approach]. Yekaterinburg, Diskurs-Pi Publ. 333 p.
- Tarasenko T.V., 2016. Pozdravlenie kak etiketnaya situatsiya v russkoy, angliyskoy i kitayskoy lingvokulturakh [Congratulation as Etiquette Situation in the Russian, English and Chinese Lingo Cultures]. *Russkaya grammatika 4.0: sb. tez. Mezhdunar. nauch. simpoz. (g. Moskva, 13–15 apr. 2016 g.)* [Russian Grammar 4.0. Collection of Proceedings of the International Scientific Symposium (Moscow, 13–15 April, 2016)]. Moscow, Gos. IRYa im. A.S. Pushkina, pp. 396-398.
- Anholt S., 2009. *Places: Identity, Image and Reputation*. New York, Palgrave Macmillan. 256 p.
- Chamonikolasová J., 2005. Věcný text v české a anglosaské kultuře. Z. Fišer, ed. *Tvůrčí psaní – klíčová kompetence na vysoké škole*. Brno, Doplněk, pp. 157-165.
- Čmejková S., Daneš F., Světlá J., 1999. *Jak napsat odborný text*. Praha, LEDA. 255 p.
- Goldhahn A., 2017. Tschechische und deutsche Wissenschaftssprache im Vergleich: Wissenschaftliche Artikel der Linguistik. *Forum für Fachsprachen-Forschung*. Berlin, Frank & Timme. Band 133. 218 p.
- Schreiber M., 1993. Übersetzung und Bearbeitung. Zur Differenzierung und Abgrenzung des Übersetzungsbegriffs [Translation and Editing. For the Differentiation of the Translation Concept]. Tübingen, Narr. 353 p.

SOURCES

- Glava Volgograda Andrey Kosolapov pozdravil kolektiv «LUKOIL-Nizhnevolzhsknefteprodukt» s 25-letnim yubileem Kompanii* [The Head of Volgograd Andrey Kosolapov Congratulated the Staff of LUKOIL-Nizhnevolzhsknefteprodukt on the 25th Anniversary of the Company]. URL: <http://www.gazeta-vid.ru/statii/kompaniya/item/1983-glava-volgograda-andrej-kosolapov-pozdravil-kollektiv-lukoil-nizhnevolzhsknefteprodukt-s-25-letnim-yubileem-kompanii> (accessed 15 January 2019).
- Pozdravleniya M.M. Arslanovu s yubileem* [Congratulatory to M.M. Arslanov on the Anniversary]. URL: <https://kpfu.ru/math/conference/mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferenciya-39algebra/pozdravleniya-s-yubileem> (accessed 15 January 2019).
- Pozdravleniya OAO «Surgutneftegaz»* [Congratulatory to OJSC “Surgutneftegaz”]. URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2012-09/4> (accessed 15 January 2019)
- Pozdravleniya rektoru UrFU V.A. Koksharova s yubileem* [Congratulatory to Rector of UrFU V.A. Koksharov on the Anniversary]. URL: <https://urfu.ru/ru/media/opinions/congratulation-anniversary/> (accessed 17 January 2019).
- Pozdravleniya s yubileem prinimaet generalnyy direktor OOO «Gazpromtransgaz Stavropol» Aleksey Zavgorodnev* [Alexey Zavgorodnev, General Director of OJSC “Gazpromtransgaz Stavropol”, Receives Congratulations on the Anniversary]. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/26505/3374471/> (accessed 15 January 2019).
- 10 Jahre Agentur FIRST CONTACT- Porsche gratuliert*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z5IENqqCoVo> (accessed 18 January 2019)
- BLAHOPŘEJEME panu Prof. Ing. Pavlu Valíčkovi, DrSc. – prvnímu předsedovi ČVS k významnému životnímu jubileu*. URL: <http://www.cvs-praha.cz/?p=847>: (accessed 15 January 2019).
- Bundestrainer Joachim Löw gratuliert der Alemannia*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4yjMzR3XSgw> (accessed 16 January 2019).
- Dr. Sebastian Giesen zu 30 Jahre Kulturstiftung der Länder* <https://www.youtube.com/watch?v=o-pL09my81U> (accessed 19 January 2019).

Fields-Medaille an Peter Scholze. Der Rektor gratuliert.

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Jsb6yuiGQLI> (accessed 15 January 2019).

Herzlichen Glückwunsch zum 95. Geburtstag

Ehrensator Henry Arnhold! URL: https://www.youtube.com/watch?v=brRseI_AEyc (accessed 15 January 2019).

Poděkování za práci Ing. Jaroslavu Fibingrovi při

odchodu do důchodu. URL: <https://zachranar.cz/2014/01/podekovani-za-praci-ing-jaroslavu-fibingrovi-pri-odchodu-do-duchodu/> (accessed 15 January 2019).

Poděkování za vynikající práci vodohospodáře v

našem regionu. URL: <https://www.svs.cz/cz/verejnost/aktuality/archiv/podekovani-za-vynikajici-praci-vodohospodare-nasem-regionu.html> (accessed 16 January 2019).

Proslov k udělení Medaile města Liberec J. Janečkovi.

URL: <https://www.liberec.cz/cz/radnice/dalsi-organy-mesta/zastupitelstvo-mesta/clenove-zastupitelstva/phdr-mgr-ivan-langr/blog-langr/proslov-k-udeleni-medaile-mesta-liberec-j-janeckovi.html> (accessed 15 January 2019).

Proslov u příležitosti 50. výročí vzniku Matematicko-

fyzikální fakulty Univerzity Karlovy. URL: <https://www.cuni.cz/UK-1125.html> (accessed 15 January 2019).

Rede von Oberbürgermeister Dr. Siegfried Balleis

anlässlich des Festakts Stadtgeburtstag und „200 Jahre Erlangen bei Bayern“ am 16. Juli 2010 am Gedenkstein im Eichenwald. URL: https://www.balleis.de/fileadmin/user_upload/Reden/OBM-Rede_200_Jahre_Erlangen_bei_Bayern_am_16072010.pdf (accessed 15 January 2019).

Rektor ocenil vynikající zásluhy emeritního

přednosta I. chirurgické kliniky Vladimíra Krále. URL: <https://www.zurnal.upol.cz/nc/pl/zprava/clanek/rektor-ocenil-vynikajici-zasluchy-emeritniho-prednosta-i-chirurgicke-kliniky-vladimira-krale/> (accessed 15 January 2019).

Životní jubileum docenta Radima Kočvary. URL:

www.cus.cz/pro-odborniky/o-spolecnosti/osobni-zpravy/zivotni-jubileum-docenta-radima-kocvary/?print=print (accessed 15 January 2019).

Information about the Authors

Vera A. Mityagina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Elina Yu. Novikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Lenka Vankova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of German Studies, University of Ostrava, Realny St., 5, 701 03 Ostrava, Czech Republic, lenka.vankova@osu.cz, <https://orcid.org/0000-0003-2760-5037>

Информация об авторах

Вера Александровна Митягина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Элина Юрьевна Новикова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Ленка Ванкова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии, Оставский университет, ул. Реальны 5, 701 03 г. Острава, Чехия, lenka.vankova@osu.cz, <https://orcid.org/0000-0003-2760-5037>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.13>

UDC 811.112.2'271
LBC 81.432.4-553

Submitted: 14.05.2019
Accepted: 29.08.2019

**ELECTRONIC COMMUNICATION
IN THE ASPECT OF LINGUISTIC POLITENESS
(BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN LINGUOCULTURE)¹**

Rafael A. Gazizov

Bashkir State University, Ufa, Russia

Anna V. Lenets

South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Svetlana S. Takhtarova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article presents major ways of implementing linguistic politeness in electronic communication of the German linguocultural community. Following basic communicative principles of positive politeness, the authors analyze such e-mails speech acts as greeting, appeal, parting, congratulations, wishes, gratitude, that actualize strategies of positive politeness, or strategies of reconciliation in the virtual interaction of communicants. In German linguoculture the communicative strategies of reconciliation are the attention-and-care strategy, the strategy of using in-group identity markers, the strategy of exaggeration, the strategy of giving communicative gifts, the strategy of demonstrating intense interest; their implementation is supported with various means and methods of expressiveness, including contact appeals, adjectives, pronoun *viel*, modal verb *mögen*, performative verbs of wishes and gratitude, subjunctive mood, etc. It is stated that the communicative strategies of politeness are aimed at preserving the positive face of the addressee, that is, satisfying the needs of a person to show attention, care, interest, sympathy, love towards the addressee. It should be noted that study of the principle of politeness in email writing is viewed as a priority for German linguoculture, since communication via e-mail is one of the most popular and common ways of virtual written communication both at home and in business.

Key words: electronic communication, linguistic politeness, e-mail, strategies of positive politeness, strategies of negative politeness, addresser, addressee.

Citation. Gazizov R.A., Lenets A.V., Takhtarova S.S. Electronic Communication in the Aspect of Linguistic Politeness (Based on the Material of German Linguoculture). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 162-171. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.13>

УДК 811.112.2'271
ББК 81.432.4-553

Дата поступления статьи: 14.05.2019
Дата принятия статьи: 29.08.2019

**ЭЛЕКТРОННАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)¹**

Рафаэль Аркадьевич Газизов

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Анна Викторовна Ленец

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Светлана Салаватовна Тахтарова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы основные способы реализации лингвистической вежливости в электронной коммуникации на немецком языке лингвокультурной общности. На материале электронных писем рассмотрены речевые акты приветствия, обращения, прощания, поздравления, пожелания, благодарности, актуализирующие стратегии позитивной вежливости, или стратегии сближения в виртуальном взаимодействии коммуникантов. Среди коммуникативных стратегий сближения наиболее распространенными в немецкой лингвокультуре являются стратегии оказания внимания и заботы, маркирования внутригрупповой принадлежности, преувеличения, дарения коммуникативных подарков, демонстрации усиленного интереса, для реализации которых использованы различные средства и приемы экспрессивизации: контактные обращения, имена прилагательные, местоимение *viel*, модальный глагол *mögen*, перформативные глаголы пожелания и благодарности, формы сослагательного наклонения и др. Выделенные коммуникативные стратегии вежливости направлены на сохранение позитивного лица адресата: удовлетворение потребностей человека в проявлении внимания, заботы, интереса, симпатии, любви по отношению к адресату. Установлено, что для немецкой лингвокультуры соблюдение принципа вежливости в письменной речи также приоритетно, как и в устной коммуникации, поскольку общение посредством электронной почты представляет собой один из наиболее востребованных и распространенных способов виртуальной письменной коммуникации как в бытовой, так и в деловой сфере.

Ключевые слова: электронная коммуникация, лингвистическая вежливость, электронное письмо, стратегии позитивной вежливости, стратегии негативной вежливости, адресант, адресат.

Цитирование. Газизов Р. А., Ленец А. В., Тахтарова С. С. Электронная коммуникация в аспекте лингвистической вежливости (на материале немецкой лингвокультуры) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 162–171. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.13>

Introduction

Communication through electronic tools, that is, information exchange in virtual space, is getting popular in modern era of globalization and rapid development of Internet technologies. Electronic communication (also called computer-mediated communication, Internet communication, virtual communication) can be carried out either orally (via Skype, video conferencing, video calling, etc.) or in writing (using e-mail, SMS messages, messengers, forums, chats, social networks, etc.), and it has a number of features that distinguish it from ordinary speech communication (for more details on the properties and parameters of electronic communication, see: [Bergelson, 2002; Goroshko, 2012; Morozova, 2010; Trepak, 2011]).

The development of new tools and means of communication have resulted in reorganization of the way people communicate, in particular, linguists point to some evident changes in the style of interactions through e-mail, social networks, chat rooms, forums, instant messengers, which are called network etiquette (netiquette). The studies of the netiquette are in their initial stage, thus, some researchers note some variety

between rules of correspondence by e-mail (E-mail etiquette) or SMS messages (SMS etiquette) [Polyakova, 2002, p. 91]. However, there are much more vital topics that require consideration. As people's communication always impose certain manners of speech behavior, the idea of speech etiquette should stay in the focus of linguistics studies. It is worth mentioning that politeness as a conversational principles is always considered vital within the framework of communication analysis, so the netiquette, a new style of electronic communications that is being shaped with the aim to regulate virtual interaction between participants, deserves special attention.

In our opinion, the study of methods for implementing electronic communication in the aspect of linguistic politeness seems to be very relevant. It should involve the analysis of communicative strategies of positive and negative politeness, which participants in virtual communication resort to ensure conflict-free interaction with each other. Researcher T.V. Larina supposes that the essence of linguistic politeness (cf. verbal politeness, sprachliche Höflichkeit) is derived from the definition of politeness as a national-specific communicative category, the

content of which is a system of ritualized strategies for communicative behavior (linguistic and non-linguistic) aimed at harmonious, conflict-free communication and observance of socially accepted norms in interactive communication (establishing, maintaining and completing interpersonal contact) [Larina, 2003, p. 53]. Thus, linguistic politeness may be described as a system of communicative strategies and tactics, as well as the linguistic means of verbal and nonverbal levels that help in implementation of politeness principles.

Being a system of communicative strategies and tactics, linguistic politeness in communication is aimed at preserving the face of both the speaker and the listener (addresser and addressee). The authors of the theory of face conservation P. Brown and S. Levinson suggest distinction between a positive and a negative face [Brown, Levinson, 1987]. If a positive face, according to the scientists, is associated with a desire to be respected and loved, to receive approval, sympathy, care, then the needs of a negative face, in turn, imply a person's desire to give him freedom of action and not violate the boundaries of personal space at the partner's side communications. The conversational dichotomy of the face principle by P. Brown and S. Levinson is efficiently developed in modern works. Each of the politeness types represents a certain system of communicative strategies and tactics, with the help of which the communicants strive to organize polite, conflict-free interaction with each other and then achieve their goals. For example, the strategies of positive politeness, or strategies of rapprochement (in the terminology of T.V. Larina) are aimed at demonstrating the unity and solidarity of the speaker with the listener. These politeness strategies imply the desire of the addresser to raise the positive image of the addressee by showing attention and interest in him, striving for agreement and mutual understanding with him, taking into account his inclinations and desires, creating an atmosphere of intragroup identity. In turn, strategies of negative politeness, or strategies of estrangement, are associated with the provision of freedom of action to the addressee, with the satisfaction of his need for the inviolability of personal space. They are aimed at mitigating those speech acts that could threaten a person's negative face, for example, direct requests, criticisms of the interlocutor, orders, etc.

Material and subject of the research

Having stated the general vitality of the politeness principle, we are going to consider the specificity of politeness in the netiquette of the German linguocultural community, the material for studying polite ways of virtual interaction was the e-mails. Exchanging information via e-mail is one of the most convenient ways of virtual interaction both in an informal and formal communication environment, and the analysis of verbal means of virtual communicative etiquette might reflect some specific features of politeness typical of one particular linguocultural community.

The implementation of linguistic politeness principles in electronic communication is primarily associated with the use of expressive and directive speech acts. In the e-mails of the Germans we found a frequent use of such expressive speech acts as greeting, appeal, farewell, apology, gratitude, congratulations, and wishes. Among the directives used by the Germans in electronic communication, speech acts of requests, proposals, advice, and invitation can be mentioned. If expressiveness is associated, first of all, with the strategies of positive politeness, that is, strategies for getting closer to a communication partner, then directive speech acts update the strategies of negative politeness that are necessary to express respect for the addressee and satisfy his needs for personal privacy. The scope of this article does not allow us to describe the strategies of the two types of politeness, so we restrict ourselves to one of them.

The subject of the research in this article are speech acts of greeting, appeal, farewell, congratulations, wishes and gratitude, which are thought as actualizing strategies of positive politeness.

The speech acts of greeting and appeal are being analyzed as a pair since in e-mails these speech acts are interchangeable and thereby fulfill the same functions. So, in addition to the contact-setting function, speech acts of greeting and appeal also serve to express politeness in order to strengthen the social relations of communicants not only in oral, but also in written communication.

Results

Among greeting formulae we have noted the lexeme *Hallo* and *Hi* in combination with the

personal name of the addressee: *Hallo Frank* (*Hello, Frank*), *Hallo Sofia*, *hallo Tim* (*Hello, Sophia, hello, Tim*), *Hi Olaf* (*Hi, Olaf*). The usage of personal names within these greeting formulae expresses the strategy of rapprochement “Address by the name” and the strategy of “Use in-group identity markers”, whose meaning can be conveyed by A.G. Maslou’s words that any man longs for warm friendly relationships, he needs a social group to provide him with such relationships, a family to accept him as their own [Maslou, 1999, p. 86-87]. According to classification by T.V. Larina, the strategies “Address by the name” and “Use in-group identity markers” [Larina, 2009, p. 170] are the strategies of rapprochement, aimed at satisfying the need for the positive face of the interlocutor.

We have already noted that address formulae used in e-mail letters perform the same functions as greeting formulae. In informal communication addresses with the lexeme *Liebe(r)* are used: *Lieber Wolfgang* (*Dear Wolfgang*), *Liebe Ute* (*Dear Ute*), in formal communication – forms of address with the expression *Sehr geehrte(r)*: *Sehr geehrte Damen und Herren* (*Dear ladies and gentlemen*), *Sehr geehrter Prof. Werner Nel* (*Dear prof. Werner Nel*), *Sehr geehrte Frau Dr. Manja Hussner* (*Dear Madam Dr. Manja Hussner*).

In German languaculture forms of address, extended with “attitude epithets” [Formanovskaya, 2005, p. 115] as means of expressiveness and strengthening are often used. It is a well-known fact, that forms of address realize the “Give deference” strategy of politeness. According to P. Brown and S. Levinson, the authors of “saving the face” theory, this strategy is referred to negative politeness, since it objectifies reverence and respect on the part of the sender regarding the addressee. To our mind, this thesis is relevant in case of using formal forms of address, whereas in informal communication when using contact addresses the “Use in-group identity markers” the strategy of positive politeness is realized.

O.A. Vasilyeva considers the strategy of expressing deference as negative in case of using formal forms of address and as positive, if the speaker uses personal names or informal forms of address. The investigator emphasizes that as positive strategy deference in the form of address

serves to satisfy the need of a person for love and respect (on the part of others), whereas as negative strategy deference is meant to emphasize a big social distance and authority degree of the addressee [Vasilyeva, 2000, p. 89]. We suppose that the notion of deference might be referred to the sphere of negative politeness, therefore while using contact addresses we should speak about the “Use in-group identity markers” strategy realization.

In e-mail letters the sender can express greetings with the help of the lexeme *Gruß* after the form of address: *Liebe Ute, liebe Petra und liebe Frank, hier kommt Urlaubsgruß!* (lit.: *Dear Ute, dear Petra and dear Frank, here come holiday regards!*); *Lieber Wolfgang, hier kommt ein kurzer Gruß aus Berlin* (lit.: *Dear Wolfgang, here comes a brief regard from Berlin*). Sending the addressee positive news also enhances their positive face: *Hallo Leon, Überraschung! ... ich habe schon ein Zimmer für dich* (lit.: *Hello, Leon, I have a surprise! ... I have already found a room for you*).

It is well-known that we can express care and affection for a person by asking questions about the health of the addressee, their family, the state of things. Such questions accompany greetings: *Liebe Günter, ich hoffe, es geht dir schon besser. Musst du noch weiter behandelt werden oder hat die Krankengymnastik schon genützt?* (lit.: *Dear Gunter, I hope, you are feeling better. Do you still have to undergo treatment or has the healing gymnastic helped?*); *Hallo Sofia, hallo Tim, Wie sind eure Ferien?* (lit.: *Hello, Sophia, hello, Tim, how is your holiday?*); *Liebe Lena, wie geht es dir? Wie ist Florenz?* (lit.: *Dear Lena, how are you? How is Florenz?*); *Liebe Schan, wie geht es dir in Erfurt?* (lit.: *Dear Shan, how are you there in Erfurt?*). In these cases such strategies of positive politeness as “Notice, attend to H. (his interests, wants, needs, goods)” and “Intensify interest to H.” are realized.

Within some greetings and address formulae we can use certain means and ways of expressiveness, that might denote joy in reference to meeting somebody, sympathy for the interlocutor, for instance, via a performative verb *sich freuen*. With the help of it *exaggeration strategy* of positive politeness is performed: “*Sehr geehrte Prüfungsbeauftragte, wir freuen uns, Sie bei*

unserem Seminar in Bonn begrüßen zu dürfen (lit.: *Dear examiners, we are glad to greet you at our seminar in Bonn*).

It is also noteworthy, that at present there is a tendency to simplify forms of address, i.e. to use informal forms of address in formal contexts. We can use *Lieber Herr Gazizov, Hallo Herr Gazizov* instead of *Sehr geehrter Herr Gazizov*.

German greetings and forms of address perform communication strategies of reconciliation, they are aimed at expressing consideration, sympathy, care, marking in-group identity, demonstration of intensified interest.

While greetings and forms of address mark the beginning of an act of communication, phrases of parting acknowledgement denotes its end. Via these forms partners identify the prospect of their further interaction. The choice of a certain farewell formulae at the end of electronic letters depends on the degree of intimacy, confidentiality or official character between partners in communication.

Among most frequently used formulae of greeting we have identified the lexeme *Gruß* (*Greetings, Regards*). This component can be used mostly in the plural and in combination with the following words: 1) with the adjectives *lieb, freundlich, herzlich, schön*, for example: *Liebe Grüße, Freundliche Grüße, Herzlichen Gruß / Herzliche Grüße, Schöne Grüße*; 2) with the adjective *gut* in the superlative degree: *Beste Grüße*; 3) with the indefinite pronoun *viel*: *Viele Grüße*. To intensify the degree of politeness in order to improve the positive image of the addressee the combination of the pronoun *viel* and the adjective *lieb*: *Viele liebe Grüße* may be applied to. The lexeme *Gruß* (*Hello, greeting*) is used most often in the plural and can be used in combination with: 1) adjectives *lieb, freundlich, herzlich, schön*, eg.: *Liebe Grüße, Freundliche Grüße, Herzlichen Gruß / Herzliche Grüße, Schöne Grüße*; 2) with the adjective *gut* in the superlative degree: *Beste Grüße*; 3) with the indefinite pronoun *viel*: *Viele Grüße*. For the sake of enhancing the level of politeness to uplift the positive image of the addressee a combination of the pronoun *viel* and the adjective *lieb* is used: *Viele liebe Grüße*. Some formulas are constructed with the help of the preposition *mit*: *Mit herzlichem Gruß / Mit herzlichen Grüßen* (lit.: *Heartfelt greetings, Mit freundlichem*

Gruß / Mit freundlichen Grüßen (lit.: *With friendly greetings*), *Mit besten Grüßen* (lit.: *Best regards*).

The formulas presented in the performative verb *grüßen* (*to welcome*) in combination with the adverb *bestens* (*better, the best*) are characterized by stylistically increased connotation and are used in official communication: *Für Fragen stehen wir Ihnen gerne zur Verfügung und grüßen bestens* (lit.: *If you have any questions, we are at your disposal and would like to say Hello*), *Es grüßt bestens* (lit.: *Gladly to say hello*). Compare also the use of the performative verb *grüßen* in the passive voice: *Sei herzlich begrüßt* (lit.: *Heartfelt greetings*) and in combination with the adjective *herzlich* (*heartfelt*): *Wir grüßen euch herzlich aus Kroatien* (lit.: *We give you heartfelt greetings from Croatia*).

The strategy “Intensify interest to H.” is expressed in the positive way by saying hello to friends and family, which makes the addressee feels pleased: *Viele liebe Grüße, auch an deine Frau – Robert* (lit.: *Tell hello also to your wife – Robert*), *Bis bald und Gruß an Mama und Papa – Bernhard* (lit.: *See you soon and best regards to your mom and dad – Bernhard*).

The use of the addressee’s personal name with the possessive pronoun *dein* as part of the farewell formulas marks the intragroup affiliation: *Viele liebe Grüße, deine Nicole*.

One of important strategies of positive politeness is “Exaggerate (interest, approval, sympathy with H.)”. When parting it is often implemented by means of expressing wishes, which can replace the formulae of farewell, performing the function of completing a speech act in writing: *Weihnachtsgrüße aus Bochum* (lit.: *Christmas greetings from Bochum*), *Ein frohes Fest und einen guten Start ins Jahr 2013* (lit.: *Happy holiday and a good start in 2013*). However, in many cases formulae of wishing in German e-mails complement the formulae of farewell, eg.: *Schöne Gruesse und einen erholsamen Abend* (lit.: *Ardent greetings and pleasant evening*), *Herzlichen Gruß und eine schöne Woche!* (lit.: *Heartfelt greetings and a wonderful week!*), *Liebe Grüße und schöne Ostern* (lit.: *Heartfelt greetings and happy Easter*), *Tschüß dann, bis in zwei Wochen und viel Spaß bei der Radtour!* (lit.: *Bye then, see*

you in two weeks and wish you lots of fun on your bike tour!).

It should be emphasized that the use of some formulae of wishes when saying goodbye in the German linguoculture, for example, *Einen schönen Tag wünsche ich Ihnen* (lit.: *Wish You a good rest of the day*), *Einen erholsamen Abend* (lit.: *Have a relaxing evening*) shows an increasing tendency to express the so-called “new German sincerity, cordiality” (“*neue deutsche Herzlichkeit*”) [Stephan, 1996].

Due to the fact that in writing it is impossible to use non-verbal components of communication, the addresser can verbalize, for example, hugs and kisses: *Ich umarme dich, Lara* (lit.: *I embrace you, your Lara*), *Dir weiter gute Besserung und einen dicken Kuss – von deiner Sandra* (lit.: *Wish You further recovery and send you a strong kiss – your Sandra*).

The formulas of farewell can be supplemented by verbal acts of gratitude, which increases the degree of closeness and trust between communicants, which, in turn, indicates the importance of the principle of courtesy in the German linguoculture, not only in speech communication, but also in writing: *Großen Dank vorab und herzliche Grüße* (lit.: *First of all thank you very much and heartfelt greetings to you*), *Nochmals vielen Dank und freundliche Grüße* (lit.: *Thanks again and friendly greetings*), *Mit herzlichem Dank und besten Grüßen* (lit.: *Heartfelt thanks and kind regards*), *Es dankt bestens und grüßt ebenso nach Ufa* (lit.: *We thank you from the bottom of our hearts and also send our greetings to Ufa*).

The strategies of positive politeness are also implemented through speech acts of congratulation, often in combination with speech acts of wishing that are used on the occasion of certain festive events in a person's life. It should be noted that the Germans rarely use the performative verb *gratulieren* (to congratulate), unlike the verb *wünschen* (to wish), compare congratulations:

a) Happy New Year: *Ich wünsche Ihnen ein erfolgreiches und gesundes Jahr 2012* (lit.: *I wish You a successful and healthy 2012*), *Ich wünsche Ihnen ebenfalls einen guten Rutsch ins neue Jahr 2012* (lit.: *I wish You also a good new year 2012*);

b) Merry Christmas: *Ein erholsames, schönes Weihnachtsfest wünsche ich Ihnen*

(lit.: *Wish You a lovely peaceful Christmas day*), *Ich wünsche Ihnen schon einmal eine schöne vorweihnachtliche Zeit* (lit.: *I wish You a wonderful pre-Christmas time now*);

c) Happy Easter: *Ich wünsche Ihnen allen erholsame und hoffentlich frühlinghafte Ostern* (lit.: *I wish You all a quiet and spring Easter*).

In some cases the verb *wünschen* may be omitted: *Ein frohes Fest und einen guten Start ins Jahr 2013* (lit.: *Happy holiday and a good start in 2013*), *Einen guten Rutsch ins neue Jahr!* (lit.: *Happy meeting the New year!*).

Congratulations and wishes can also be used in a pair with the formulae of farewell, for example:

a) Happy New year greeting: *Viele Grüße und noch alles Gute für 2016!* (lit.: *With friendly greetings and all the best in 2016!*);

b) Easter greetings: *Liebe Grüße und schöne Ostern* (lit.: *Send you friendly greetings and wish happy Easter*);

c) wishes in everyday life: *schöne Gruesse und einen erholsamen Abend* (lit.: *Send you my friendly greetings and wish a relaxing evening!*), *Einen schönen Tag wünsche ich Ihnen und verbleibe mit herzlichen grüßen* (lit.: *I wish You a good day and convey my heartfelt greetings*).

The following examples of wishes are used instead of formulae of farewell, like the wishes for the weekend: *Ich wünsche Ihnen trotz allem ein erholsames Wochenende* (lit.: *I wish You despite everything a relaxing weekend*), *Ich wünsche Ihnen ein schönes und hoffentlich sommerliches Wochenende* (lit.: *I wish You a wonderful and, I hope, summer weekend*), *Bis dahin wünsche ich Ihnen ein schönes Wochenende* (lit.: *Until then, I wish You a wonderful weekend*). In this case, the strategy of positive politeness is aimed at demonstrating care to the partner in electronic communication, so that he can have a good rest during the weekend and gain strength.

Wishing successful performance of tasks, and also readiness of the addresser to answer questions of the partner along with the above-described forms of the wish are the next means of implementation of the “rendering attention and care” strategy: *Ich wünsche Ihnen einen reibungslosen Prüfungsverlauf* (lit.: *Wish You a coherent / systematic examination*); *Wir*

wünschen Ihnen eine erfolgreiche Durchfuehrung der Pruefung (lit.: *We wish You a successful exam*); Alles Gute, Fragen aber wie immer gern. Herzlichen Gruß (lit.: *All the best, I'm eager to answer the questions. With cordial greetings*).

The strategy of politeness is actualized also with the help of formulae of wishing, combined with the formulae of gratitude: *Schon jetzt danken wir Ihnen herzlich für ihr Engagement und wünschen Ihnen ein schönes Weihnachtsfest und ein glückliches und gesundes Jahr 2013!* (lit.: *Right now we thank You sincerely for Your work and wish You a wonderful Christmas and a happy, healthy 2013!*); *Wir danken Ihnen und wünschen eine erfolgreiche Testdurchführung* (lit.: *We thank You and wish you a successful exam*); *Vielen Dank für Ihre Unterstützung und ein schönes Wochenende* (lit.: *Thank you very much for Your support and wish You a wonderful weekend*). In the first example, the addressee increases the degree of gratitude through the adjective *herzlich* (*cordially*), while actualizing an exaggeration strategy that is aimed at demonstrating increased interest in his communication partner.

It should be noted that the use of the formulae of congratulations and wishes in e-mails is limited by the possibilities of written speech, in which the implementation of such types of communicative etiquette as table and occasional etiquette may be marked with a certain formulae of congratulations and wishes. On the contrary, greetings and wishes are widely used in different types of communication etiquette, including festive, table, diplomatic, business etiquette, etc.

Among the communicative strategies of positive politeness in e-mails Germans often use the strategy of “*Give gifts to H. (goods, sympathy, understanding, cooperation)*” or the *strategy of giving communicative gifts*. The point of this strategy of rapprochement is to express a benevolent attitude, sympathy, disposition to the interlocutor. As well as the strategy of giving attention, concern and interest, this politeness strategy is aimed at enhancing the positive image of the addressee, meeting the needs of his positive personality. While in verbal communication for the implementation of this strategy apart from the verbal means, non-verbal

communication components are widely used (smile, embrace, handshake, kiss, etc.), in e-mails the strategy of giving communicative gifts is most often realized via gratitude formulas. Although in electronic communication, in particular, when communicating on social networks, instant messengers, using text messages, WhatsApp, etc., non-verbal components of communication are widely used in the form of emoticons, or so-called “emojis”, expressing certain emotions and actions.

As it is well-known, one of the most common forms of gratitude expression in the German linguoculture is the speech act *Danke!*, used in both formal and informal communication settings. As a rule, this gratitude formula in German e-mails can be extended with the help of:

a) adjectives *schön, herzlich, groß: Dankeschön* (lit.: *Thank you very much*), *Herzlichen Dank fuer Ihre Unterstuetzung* (lit.: *Warm thanks for your support*), *Großen Dank vorab und herzliche Grüße* (lit.: *Thanks a lot in advance and cordial greetings*);

b) the pronoun *viel: Vielen Dank im Voraus für Ihre Antwort* (lit.: *Thank you very much in advance for your reply*).

Many formulas of gratitude, as well as forms of greeting, farewell, apology, etc. are desemantized and clichéd, which confirms their frequent use in the communicative behavior of the German linguocultural community. The semantic emptiness of many German formulas of speech etiquette caused the use of some strengthening markers in their composition, by which such a strategy of positive politeness as the strategy “*Exaggerate (interest, approval, sympathy with H.)*”, or the strategy of exaggerating interest and sympathy with a communication partner is implemented. Thus, among politeness intensifiers, we can distinguish:

a) the adjective *gut* in the superlative degree: *Es dankt bestens und grüßt ebenso nach Ufa* (lit.: *We gladly thank you and send best regards to Ufa*);

b) adverbs *ganz* and *sehr: Ganz herzlichen Dank für Ihre freundlichen Worten* (lit.: *Heartfelt gratitude for your kind words*); *Wir würden uns freuen, wenn Sie wieder so erfolgreich Werbung machen würden und danken Ihnen schon jetzt sehr herzlich!* (lit.: *We would be glad if you could hold such a*

successful advertising campaign again and we thank you now wholeheartedly!);

c) the pronoun *viel* in combination with the adjective *herzlich*: *Vielen herzlichen Dank für Ihre freundliche Antwort* (lit.: *Many heartfelt thanks for your friendly reply*);

d) repeated gratitude: *Nochmals vielen Dank und freundliche Grüße* (lit.: *Thanks again, and friendly greetings*).

In many cases thank-you formulas with empty semantics are used, as a rule, they are formal markers of politeness, or peculiar communicative gifts [Larina, 2009, p. 342], the following formulas are used as a sign of gratitude for the service actually provided:

a) using performative verbs *danken* and *sich bedanken* (to thank): *Schon jetzt danken wir Ihnen herzlich für Ihre Unterstützung!* (lit.: *Already we thank you for your support!*); *Über eine Rückmeldung bedanke ich mich im Voraus* (lit.: *I thank you in advance for your reply*);

b) especially in combination with the adjective *herzlich* in the function of an adverbial modifier: *Ich ... danke Ihnen ganz herzlich für die gute Zusammenarbeit in den letzten Jahren* (lit.: *I sincerely thank you for your close cooperation in recent years*).

In the following example, the addresser refers to a double form of gratitude: *So kann ich Ihnen danken: Vielen, vielen Dank! Ich bin so froh!* (lit.: *So I can thank you: thank you very much! I am so glad!*). Such forms of gratitude increase the degree of politeness of etiquette units and thereby implement the strategy of exaggerating interest and sympathy.

Another method of intensification and enhancement that help in realizing the strategy of exaggeration, is the use of modal verbs in the composition of thank-you formulas, cf. the use of the verb *mögen*: *Wir möchten uns für Ihren Beitrag bedanken* (lit.: *We would like to thank you for your report*), *Ich möchte mich nun sehr gern persönlich bei Ihnen bedanken und Ihnen auch einen Finderlohn geben* (lit.: *I would like to thank you personally and give you reward for finding*). It should be noted that the verb *mögen* is used exclusively in the subjunctive mood, since in the indicative it has the meaning “to like, to love”. According to R.Z. Muryasov, the status of the verb *mögen* is the most speculative. The researcher points out that the

Preterit form in the conjunctive of this verb – *möchte* should be recognized as an independent verb, because like the English modal verb *might* (from *may*) it is deprived of a temporal meaning and expanded by the pragmatic connotation of diplomacy and politeness [Muryasov, 2011, p. 253].

Conclusion and perspectives

Thus, in the German linguoculture, communication via e-mail is one of the most common and convenient ways of virtual written communication in both casual and business fields. Compliance with the principle of politeness through the use of communicative strategies is aimed at regulating harmonious, conflict-free communication, during which communicators achieve their goals. In the German linguoculture adherence to the principle of politeness in communicative interaction of interlocutors is a priority both in verbal communication and in written speech.

The identified and analyzed strategies of positive politeness used by the Germans in electronic correspondence are aimed at expressing interest, sympathy, caring for the addressee, i.e. maintenance of his positive personality. In the German linguoculture, relating to the individualistic type, such cultural values as independence, personal autonomy, non-interference, and inadmissibility of communicative pressure are especially revered. In turn, as the research revealed, equally important are the need to express a friendly and respectful attitude towards a communication partner, expression of attention, sympathy, care and interest in him, marking an intra-group affiliation, and demonstrating increased interest, which is possible through the use of strategies of positive politeness.

It appears to be promising to study ways to implement strategies of negative politeness aimed at meeting the needs of a negative face, as well as to study the functioning of the principle of politeness in other forms of electronic communication.

NOTE

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-00226 A “Modeling of the

Influence of Social Processes on the Formation of Linguistic-Cultural Constants of the Modern German-Speaking Space of Europe and Optimizing Intercultural Communication”.

REFERENCES

- Bergelson M.B., 2002. Yazykovye aspekty virtualnoy kommunikatsii [Language Aspects of Virtual Communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 19, Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 55-67.
- Brown P., Levinson S.C., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 345 p.
- Formanovskaya N.I., 2005. Emotsii, chuvstva, intentsii, ekspressii v yazykovom i rechevom vyrazhenii [Emotions, Feelings, Intentions, Expression in Language and Speech Expression]. Sharonov I.A., ed. *Emotsii v yazyke i rechi: Sbornik nauchnykh statey* [Emotions in Language and Speech. Collection of Scientific Articles]. Moscow, RGGU, pp. 106-116.
- Goroshko E.I., 2012. Sovremennaya internet-kommunikatsiya: struktura i osnovnye parametry [Modern Internet Communication: Structure and Main Parameters]. Kolokoltseva T.N., Lutovinova O.V., eds. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya: kollektiv. monogr.* [Internet Communication as a New Speech Formation. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 9-52.
- Larina T.V., 2003. Vezhlivost kak natsionalno-spetsificheskaya kommunikativnaya kategoriya [Politeness as a National-Specific Communicative Category]. Sternin I.A., ed. *Kommunikativnoe povedenie. Vyp. 17. Vezhlivost kak kommunikativnaya kategoriya* [Communicative Behavior. Iss. 17. Politeness as a Communicative Category]. Voronezh, Istoki Publ., pp. 48-57.
- Larina T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural Traditions]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 512 p.
- Maslou A.G., 1999. *Motivatsiya i lichnost* [Motivation and Personality]. Saint Petersburg, Evraziya Publ. 478 p.
- Morozova O.N., 2010. Osobennosti Internet-kommunikatsii: opredeleniye i svoystva [Features of Internet Communication: Definition and Peculiarities]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], vol. 1, no. 5, pp. 150-158.
- Muryasov R.Z., 2011. *Tipologiya glagola v raznostrukturnykh yazykakh* [Verb Typology in Structurally Different Languages]. Ufa, RICz BashGU. 328 p.
- Polyakova O.Yu., 2002. *Delovoy etiket v upravlenii vpechatleniem* [Business Etiquette in the Management of the Impression]. Moscow, Voronezh, Kvarta Publ. 320 p.
- Stephan C., 1996. *Neue deutsche Etikette* [New German Etiquette]. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH. 159 p.
- Trepak Ya.V., 2011. Osnovnye kharakteristiki elektronnoy kommunikatsii [Basic Characteristics of Computer-Mediated Communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 3, pp. 83-89.
- Vasilyeva O.A., 2000. *Realizatsiya maksim vezhlivosti v angliyskom i russkom dialogakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Implementation of the Maxims of Politeness in English and Russian Dialogues. Cand. phil. sci. diss.]. Ufa. 158 p.

Information about the Authors

Rafael A. Gazizov, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Romano-Germanic Philology, Bashkir State University, Kommunisticheskaya St., 19, 450076 Ufa, Russia, fund-lingua@rambler.ru, tasufa.gazizov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1391-5288>

Anna V. Lenets, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of German Philology, South Federal University, Bolshaya Sadovaya St., 33, 344082 Rostov-on-Don, Russia, annalenets@sfdedu.ru, annalenets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

Svetlana S. Takhtarova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Translation, Kazan Federal University, Kremlyovskaya St., 18, 420018 Kazan, Russia, sstahtarova@kpfu.ru, teor.prakt.per@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Информация об авторах

Рафаэль Аркадьевич Газизов, доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии, Башкирский государственный университет, ул. Коммунистическая, 19, 450076 г. Уфа, Россия, fund-lingua@rambler.ru, tasufa.gazizov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1391-5288>

Анна Викторовна Ленец, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкой филологии, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33, 344082 г. Ростов-на-Дону, Россия, annalenets@sfedu.ru, annalenets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

Светлана Салаватовна Тахтарова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420018 г. Казань, Россия, sstahtarova@kpfu.ru, teor.prakt.per@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.14>

UDC 81'22:005.57
LBC 81.002

Submitted: 24.01.2019
Accepted: 10.06.2019

SEMIOLINGUISTICS OF PROTECTIVE COMMUNICATION

Tatyana N. Astafurova

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Andrey V. Olyanich

Adyghe State University, Maykop, Russia

Abstract. The current paper investigates the notion of protective communication represented by systems of signs, texts, rituals which the authors regard as means of neutralizing cognitive constructs, generated by phobias of varying degrees of irrationality. Classification of phobias on psycho- and sociolinguistic grounds allows developing their typology from the point of view of the cause of their origin: supernatural entities (superstition), individual fearful images (prejudice), social suspicion (bias). As the study showed, sacred horror caused by destructive forces of nature, climatic phenomena not subjected to man, and astronomical events gave rise to supernatural, esoteric phobias reflected in superstitions. Biological phobias appeared in response to real dangers, associated with daily human activities, personal imaginary troubles and fears, which generated a system of prejudice invented by man himself. Social interaction of people, with its negative stereotyping and categorization of social space, entailed a wide range of phobias (racial, religious, age, gender, etc.) which turned into social biases. On his way of development, a man tried hard to find protection against phobias of different nature, creating an extensive system of protective means incorporated in religious, magical and intolerant types of discourse, consequently neutralizing superstitions, prejudices and biases in specific genres, verbal and non-verbal signs, texts and rituals of the above mentioned types of discourse.

Key words: protective communication, superstition, prejudice, bias, religious discourse, magical discourse, intolerant discourse.

Citation. Astafurova T.N., Olyanich A.V. Semiolinguistics of Protective Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 172-181. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.14>

УДК 81'22:005.57
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 24.01.2019
Дата принятия статьи: 10.06.2019

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ПРОТЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Татьяна Николаевна Астафурова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;
Волгоградский государственный технический университет,
г. Волгоград, Россия

Андрей Владимирович Олянич

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Аннотация. В статье рассматривается феномен протективной коммуникации, представленной системами знаков, текстов, ритуалов, которые авторы репрезентируют как средства нейтрализации когнитивных конструкций, порождаемых фобиями различной степени иррациональности. Классификация фобий по психо- и социолингвистическим критериям позволила разработать их типологию с точки зрения причи-

ны возникновения: эзотерические, личностные, социальные. Как показало исследование, священный ужас перед разрушительными природными, климатическими, астрономическими явлениями, не зависящими от человека, привел к возникновению фобий сверхъестественного, эзотерического характера; которые породили суеверия. Биологические фобии возникли в ответ на реальные опасности, связанные с повседневной деятельностью и личными воображаемыми страхами людей. Эти фобии составили основу системы предрассудков. Институциональное взаимодействие людей обусловило негативную категоризацию / стереотипизацию социального пространства и появление фобий, в результате которых образовались предрассудки расового, религиозного, полового, возрастного и пр. характера. На протяжении своего развития человек пытался найти защиту от разного рода фобий, создавая разветвленную систему протективных средств в рамках религиозного, магического, интолерантного дискурсов, нейтрализующих суеверия, предрассудки и предрассудки в конкретных жанрах, вербальных и невербальных знаках, текстах и ритуалах названных дискурсов.

Ключевые слова: протективная коммуникация, суеверие, предрассудок, предрассудок, предрассудок, религиозный дискурс, магический дискурс, интолерантный дискурс.

Цитирование. Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Лингвосомиотика протективной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 172–181. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.14>

The phenomenon of protective communication

Semioliinguistic models of protective communication include systems of signs, texts, rituals that neutralize cognitive constructs (superstitions, prejudices, preconceptions) generated by phobias of varying irrationality degrees and fixed respectively to religious, magic and intolerant types of discourses.

Semiotics (Greek *semeion* – a sign) is a field of knowledge that deals with the comparative study of sign systems from the simplest signaling systems to natural languages and formalized languages of science [Benveniste, 1971; Morris, 1938]. The main functions of the sign system are: 1) transmitting a message or expressing meaning; 2) ensuring addressee perceives a transmitted message motivation with a respond of being emotionally impacted.

Implementing any of these functions implies a certain internal organization of sign systems and laws of their combinability.

Cognitive mastering of the world by man is inseparably linked with semiosis, understood as the process of sign presentation of information in all spheres of natural and social life, where information exchanges occur [Mechkovskaya, 1998]. The most ancient example of such a process is the semiosis of prejudice, which is a mode for Homo sapiens to combat forces of nature and his fear of them, ensuring survival of man as a species. Irrational fear, enshrined in the ethno-specific system of omen signs, helped to obtain information about

sources of danger of esoteric, natural and tribal character and develop a special type of communication that would neutralize these fears.

Nature “warns” a man about danger with signs of different properties and purposes, and a man, decoding these signs, masters his communicative behavior in accordance with the received semiotic information. Danger signs form an algorithm to counteract prejudice and become part of ethnos irrational picture of the world. Primitive irrational fears of hostile, inaccessible to perceiving forces of nature that threaten the security of human existence, greatly influenced ancient conceptualization of the world. Having learned to distinguish degrees of danger of certain phenomena through cognitive acquisition of environment in past times, modern man still retains these subconscious archaic structures of cognition, they are based on irrational phobias and gave rise to a complex system of prejudice [Astafurova, Olyanich, 2018].

Phobias accompany man throughout his life, penetrate into all spheres of activity, develop with him, change forms of their manifestation, expand the list of their causes. Initially, there existed esoteric and biological phobias (primitive, as response to real dangers of life), which gave rise to different types of prejudice. With the development of social relations, social phobias appear, giving rise to prejudice associated with threats of social character: poverty, violence, social exclusion, etc.

Classification of phobias on psycho- and sociolinguistic grounds [Luria, 1998; Shcherbatykh,

2007] allows developing a typology of the phenomenon under study from the point of view of the cause of its occurrence. Causes of phobias can be diversified: 1) supernatural, esoteric, independent of man, 2) determined by personal factors, i.e. come up with a man, 3) established by social factors associated with institutional interaction of members within ethnic group. The types of phobias are presented in Figure 1.

Esoteric phobias, as compared to social phobias, are more ancient and genetically determined. The cause of this type of phobias is connected with external factors in the form of natural phenomena, natural disasters, i.e. the event that a person can neither change nor predict, or avoid. In the language, such phobias are verbalized with the help of mono-semantic composite lexemes of Greek-Latin origin: *staoprophobia* (fear of crosses and crucifixes), *agiophobia* (fear of sacred objects), *teleophobia* (fear of religious ceremonies). These are also phobias associated with the manifestation of natural phenomena, such as *brontophobia* (fear of thunder and lightning), *eosophobia* (fear of the day), *selenophobia* (fear of the moon), *nektofobiya* (fear of the night), *photophobia* (fear of light) and *photo-uglofobiya* (fear of bright light), *chionophobia* (fear of snow), *ombrofobiya* (fear of rain), *anthlofobiya* (fear of floods), etc.

The nature of personal phobias is different: it is not genetically determined, but has an acquired character, largely dependent on the psyche of the individual and the fears imagined. According to Y. Shcherbatykh, an animal can fear only specific dangers, but a person is afraid of imaginary troubles due to his imagination [Shcherbatykh, 2007]. Personal phobias are commonly understood

as fears caused by human internal mental processes resulting from the work of the human imagination and verbalized by mono-semantic units: *virginitiphobia* (fear of rape), *isolophobia* (fear of loneliness), *atazogorophobia* (remain unnoticed by society) In the framework of personal phobias, in our opinion, we can consider *tanatophobia* (fear of death), *taffephobia* (fear of being buried alive), *hemophobia* (fear of blood), etc. The basis of these phobias are, as a rule, real reasons that are caused by the active work of human thought, originating and existing in human imagination. Really reasonable phobias include such as *latrophobia* (fear of visiting the doctor), *siderodromophobia* (fear of traveling by train), *monophobia* (fear of being alone), *clinophobia* (fear of going to bed), *ablutophobia* (fear of swimming), *aerophobia* (fear of flying), *glossophobia* (fear of public speaking), *godophobia* (fear of traveling), *cyberphobia* (fear of working at a computer), etc.

Social phobias arise as a result of stereotyping and negative categorization of institutional space (an alien relation to objects of prejudice on racial, religious, class, group, sex, age, sexual and other grounds). Among social phobias, the most frequent are *xenophobia* (fear of strangers), *peniophobia* (fear of poverty), *plutophobia* (fear of wealth), *hypheniophobia* (fear of responsibility), *elefterofobiya* (fear of freedom), *enissophobia* (fear of social criticism), *lithicophobia* (fear of lawsuits), *rhabdophobia* (fear of social punishment), *cathagelophobia* (fear of social ridicule), etc.

Phobias semiosis is a complex dynamic phenomenon, which is based on:

– supernatural entities underlying sacred horror (awe) before destructive natural, climatic,

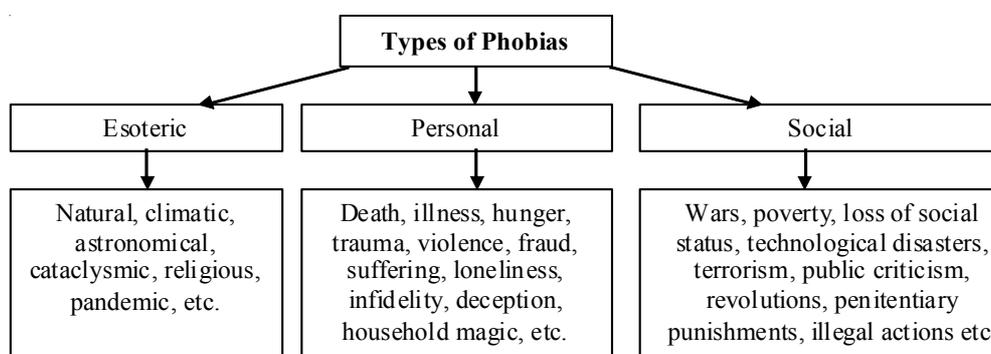

Fig. 1. The types of phobias

astronomical phenomena, pandemic and endemic cataclysms as manifestations of the higher forces of Evil, which were protected in ancient times by worshiping sacred symbols, performing sacral rituals and following religious precepts as manifestations of the higher powers of God;

– mental constructs, generating in individual consciousness fearful images of death, disease, hunger, trauma, violence, suffering, loneliness, deceit, etc., to relieve the fear of which people turned to means of “everyday magic” (charms, spells, amulets, talismans, etc.);

– social suspicion (mistrust) of racial, ethnic, class, group, gender, age, sexual and other alienation, preventing adequate perception of the object of alimationation, which is expressed in fear of power, poverty, war, revolution, terrorism, man-made disasters, unlawful actions of antisocial elements, social reprimand, penitentiary punishments, etc.

Different types of phobias give rise to corresponding prejudices, which are characterized by universal, national and ethno-specific parameters. *Superstitions* are generated by esoteric phenomena which are inaccessible to rational analysis of a person and as a result are the basis for the emergence of various kinds of superstitions. The endowment of an object, phenomenon, process with an unusual quality, sacred content leads to their sacralization, i.e. to their realization through symbol, word, ceremonial / ritual texts, representing the sacred code of esoteric information. Thus, sacredness is connected with the semiosis of superstition as a process of meaningfulness of the irrational world phenomena which are not cognitively mastered by ordinary consciousness.

Prejudices arise as a result of the work of human imagination based on personal experiences and unmotivated reactions to fears caused by the events of the outside world. Prejudices constantly accompany a person throughout his / her life, have a pronounced ethno-specific marking and retain their stability even in case when fears themselves are groundless. *Biases* result from negative interpersonal, intergroup, interclass and other interactions, as well as communicative practices that generate psychological attitudes that distort the object, negatively stereotyping it, thus preventing adequate perception of information due to its uncritical use. Socially-marked opposition “native vs. alien” lies at the bottom of prejudiced personal

interaction, generating racial, ethnic, age, gender, status, political and other types of prejudices.

The distinction between superstitions, prejudices and biases is associated not only with different types of phobias, but also with different areas of neutralizing them, which correlate with religion (superstition), everyday magic (prejudice) and social intolerance (bias). Therefore, religious, magical and intolerant types of discourse form a semi-linguistic space of protective communication, aimed at protecting from “after life” punishment for unjust acts, everyday and psychosomatic dangers, social aggression and discrimination.

Protection against superstitions in religious discourse

Superstitions as phenomena of esoteric origin are based on symbolic essences, and ways of neutralizing phobias that generate them are revealed in religious and mythological knowledge, divine revelations and theological chronotopology. They appear as signs and myths in the multi-genre sacred texts of religious discourse: the Old and New Testaments, revelations and lives of saints, prayers, psalms. Religious discourse is organized around a key concept – Faith – as a trust union of man with God and is based on compliance with the moral law specified in the commandments; it functions and manifests itself in typical chronotopes, rituals, genres and precedent texts. The main pragmatic functions of religious discourse are protection from punishment for mortal sins, reward for believers following the Ten Commandments of God and resisting temptation to commit the seven mortal sins (pride, anger, envy, murder, lust, gluttony, covetousness).

Prayers and psalms, being precedent sacral texts, serve as verbal means of moral purification, neutralizing superstitious fear (awe = holy fear) of death, horrors of the Last Judgment (Doomsday Trial) and the torments of burning in hell, as punishment in the future afterlife. The basic religious maxims that regulate virtuous behavior are prescriptive: prohibition of idolatry; prohibition of adultery; prohibition of stealing; prohibition of idolatry; prohibition of false testimony; prohibition of coveting a neighbor’s property; prohibition against coveting a neighbor’s wife.

The removal of superstitious fear is greatly facilitated by religious semiotics (the Cross = symbol of Christianity, the Holy Trinity = symbol

of Christianity, the Star of Bethlehem = symbol of Messiah as the savior and liberator of humankind) and the rituals (Christmas = festival held on December 25 to celebrate the birth of Jesus Christ; Good Friday = Friday immediately preceding Easter, celebrated by Christians as the anniversary of Christ's crucifixion; Easter = Christian feast commemorating the Resurrection of Jesus; the Eucharist, etc).

Various sacred texts of religious discourse reflect the theosophical system of religious ideas (concepts) about God and his commandments, the other world and the Lord's judgment, paradise as a reward for righteous life and hell as punishment for unjust acts, ways of salvation due to adherence to religious and ethical norms and rituals.

Ritual semiolinguistics is deliberately archaic: a significant number of archaic verbal signs and their combinations mark cognitive processes and unshakable theosophical tenets that have not changed for thousands of years. This is manifested in the use of obsolete lexical units: *thee* (object form of "you"), *thou* (you), *thy* (your), *beseech* (ask eagerly and anxiously); *affianced* (engaged); *wrought* (worked, done), *smite* (punish), *hearken* (listen to), etc.; grammatical forms of *standeth* (stands), *art* (are), *shalt* (shall); *behold* (look at ...); *thou smitest* (you punish); *be it done unto ...*; *blessed art thou*.

In religious discourse we distinguish primary and secondary speech genres: psalms, parables and prayers as primary ones refer to precedent religious texts, primary sources; sermons and confessions as interpretation of primary genres refer to secondary ones. The main subject concentrates around the issues of man's belief in a supernatural element, fear of punishment for sinful acts and hopes for forgiveness, bringing happiness and welfare in the afterlife.

Anglican religious communication involves virtual (the God, Jesus Christ, the Virgin Mary, Saints, Angels, etc.) and real participants as intermediaries of intercourse with God (priests, bishops, abbots, monks, deans, deacons, vicars) and flocks (believers, churchgoers, congregation).

Values and anti-values of Anglican religious discourse are represented by the following concept spheres:

– The Good and its categories – Virtue, Chastity, Temperance, Charity, Diligence, Forgiveness, Kindness, Humility;

– The Evil and its categories – vice, pride, lust, gluttony, greed, sloth, wrath, envy.

Religious discourse is characterized by appellative, ritual, prohibitive, inspirational and protective functions. The latter is the leading one and associated with sacred fear of punishment for the sins committed in earthly life. Protective function of the sacred text of Psalm 91 is realized through nominations of salvation promise, protection and defense (*For he shall give his angels charge over thee: to keep thee in all thy ways; They shall bear thee in their hands: that thou hurt not thy foot against a stone*) [bible.com>bible/1/PSA.91], getting rid of the fear of physical and moral suffering under the condition of love for God, faith in him and the fulfillment of his commandments.

Parables are the basic element of pastoral conversations, which describe examples of God's protection of true Christians and the miracles performed by him (*Christ's resurrection of Lazarus; healing a leper, a lame man, a blind man; God satisfying the famine of sufferers with bread*, etc.). Most parables are based on allegory, in which text literal meaning hides its original one, which is easily predicted, understood and deduced from the content.

Thus, semiolinguistic model of neutralizing esoteric phobias which generate superstitions (see Fig. 2) is based on universal, sustainable, rational presuppositions of sacred awe. Their neutralization is carried out in religious discourse through the observance of religious precepts, following moral and ethical maxims / dogmas and Christian rituals, fulfillment of which grants reward in the afterlife (Paradise), and their violation threatens punishment (Hell).

Protection against prejudice in magic discourse

Prejudices that go back to the naive picture of the world are categorized in magical texts, which allow them to psychologically counteract negative influence of the environment. Such texts and related ritual actions may be referred to everyday magic discourse and function in relevant genres: spells, charms, love spell, removal of spoiling and damage, etc. Ontological, primary consciousness believes that the word has magical power if pronounced in a certain way and at a

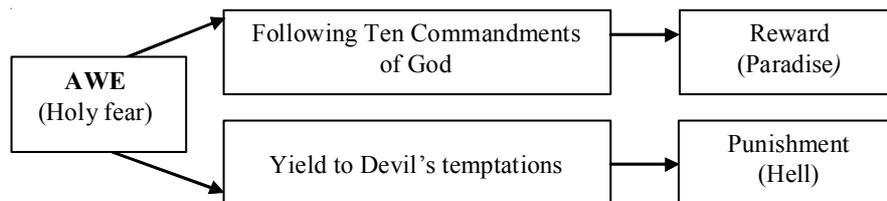

Fig. 2. Semiolinguistic model of neutralizing esoteric phobias which generate superstitions

certain moment, i.e. it is capable of impacting reality, causing changes in it and, to a large extent, influencing behavior of a modern man. At the household level, this is manifested in having a dread of the evil word, addressing mysticism, using spells and charms.

Magical thinking is hidden deep in the subconscious and floats to the surface in situations which require psychological protection from a wide range of personal phobias. Following the logic of a charm text, it is possible to change the state of things, verbally denoting not only all possible “objects of application” of magic power, but bringing together lexemes that have a formally-semantic similarity as well.

Unlike religious discourse, based on sacredness as the basis for neutralizing esoteric phobias, magical discourse is based on the mystical content of texts. Its participants are clients (persons in need of protection and healing) and agents of magic (persons using techniques of magical protection and healing). Axiological system of magical discourse is formed by the intentional dyad “virtue – evil”, which includes positive values (philanthropy, hard work, honesty, chastity, generosity, health, etc.) opposed to negative antivalues (hate, deception, slander, disease, damage, greed, adultery). Axiological significance of the distinguished constants makes it possible to define them as a means of parametrizing universal folk experience which is ethnospecifically reflected in national paremiology and aphoristics.

Magic discourse realizes protective functions associated with drive-away and purifying magic and is aimed at neutralizing household phobias (fear of illness, failure, mystical negative influence of the evil eye, etc.) with the help of:

- magical semiotics (charms, amulets, talismans, tools, etc.);
- magical verbalica (texts of spells and charms, signs, etc., describing mechanism of

human influence on the world around us in order to protect against its negative impact);

- mystical artifacts (dummies, wax figure, bells, candle, magic recipe, brew, broth, needle, thread, jar, moly, wand, wand, magic ring, magic mirror), to which suggestive power is attributed within the framework of protective magical ritual.

Magical herbs that protect against evil spirits and witchcraft are endowed with a special suggestive force: *anise*, its leaves protect from the elements and human vices; *bay* (laurel) has power to heal, purify, break hexes, remove family curses, to remove the evil eye; *juniper* is used to guard against black magic, supernatural entities, enemies, disease and accidents; *elder* (elderberry) is used to destroy evil forces, bringing well-being, luck, love, physical health, fulfillment of desires; *acacia* is used to liberate from ill influence of ill-wishers, to increase psychic powers, etc.

A different combination of prognostics, suggestion and action semiotics makes it possible to distinguish in magic discourse genres that provide a protective function:

- *verbal-prognostic*, aimed at prediction, warning of danger and anticipation / reaction to protective predictions (omen = prognostic sign);
- *verbal suggestive*, aimed at executing magic (chant = a suggestive monotonous rhythmic and rhymed protection; verse or formula charms);
- *verbal action*, aimed at executing household magic rituals which support magic texts in the form of spells (charm = a magic action or word).

From the semiolinguistic point of view, the most interesting is the verbal- actional genre of magic discourse, pragmatic setting of which is mystical action – the ritual accompanying protective spell text [Astafurova, Olyanich, 2015]. A survey of Internet respondents on websites demonstrating methods of protection using everyday magic, revealed most frequent types of spells used as protections. They include: purification spell to break a curse, fire protection spell, anti-slander spell, spell against a trouble-

maker, protection spell for reputation, spell to make an enemy move away, spell to stop someone from stealing, etc.

Magic text has a clearly pronounced protective potential, it is symbolically saturated and implements basic strategies of caution, correction and protection. *Caution* is expressed in prognostic attitudes (verbal-prognostic genre) aimed at warning about possible dangers reflected in the ethnospecific system of warning signs. *Correction* is aimed at healing ailments and normalizing deviant psychosomatic state due to clearly algorithmized, semiotically rich rituals and plots (verbal-suggestive genre). *Protection* is connected with defending against hostile external influence through spells and symbolically rich rituals (verbal-actional genre).

Poetic and rhymed form of spells, supported by magical signs and artifacts, aim at neutralizing fears. Prognostic signs of good / bad luck may be of different nature:

- *anthropomorphic* (It's very lucky to meet a chimney sweep by chance. Make a wish when meeting one, and the wish will come true);
- *somatic* (If your nose itches you will soon be kissed by a fool);
- *actional* (If you make a wish throwing a coin into a fountain, the wish will come true; if you tell someone your wish, it won't come true);
- *zoomorphic* (It is a bad luck to see an owl in the sunlight; to kill a raven is to harm the spirit of King Arthur who visits the world in the form of a raven);
- *phloromorphic* (Ivy growing near a house protects the inhabitants from witchcraft and evil);
- *gluttonic* (Put salt on the doorstep of a new house and no evil will enter);
- *naturmorphic* (A rainbow in the Eastern sky, the morrow will be fine and dry);
- *artifactual* (If someone sweeping the floor sweeps over your feet, you'll never get married);
- *coloromorphic* (A red ribbon should be placed on a child who has been sick to keep the illness from returning);

– *numerological* (Counting crows – One is bad, Two is luck, Three is health, Four is wealth, Five is sickness, Six is death; sneeze – One for sorrow, Two for joy, Three for a letter, Four for a boy);

– *ritual* (A wedding day with certain days of the week, and certain months of the year being good or ill signs for a wedding: “Married when the year is new, he will be loving, kind and true; When February birds do mate, You wed nor dread your fate; When December snows fall fast, marry and true love will last”).

Thus, semiolinguistic model of neutralizing phobias that generate household prejudices (Fig. 3) is aimed at perceiving a system of luck / failure signs, predicting safety / danger of life situations. This semiolinguistic system of prognostic signs, fixed in ethno-cognition, is based on the nationally specific behavioral presuppositions of irrational nature. The prognostic signs of failure are neutralized in everyday magical discourse through mystical texts of spells, charms, removal of spoiling and damage; they are aimed at ensuring individual security, self-confidence and self-defense.

Protection against bias in intolerant discourse

Prejudice or bias as a prototypical concept of racial, ethnic, class, age, gender, and professional inequality verbalizes in intolerant (discriminatory) discourse or discourse of hatred, intolerance [Dijk, 1985] with its agonistic ideology. It is the fear of an alien / stranger that generates “outrageous” texts containing ideologies of hatred and rejection of ethnic and social groups within a certain ethno-culture.

The way representatives of one ethnic group talk about “other” ethnic groups depends on various factors. “Others” can be represented both in neutral or positive light, but at the same time, “others” can be represented as an alien / dangerous social group, ridiculing it miserably, hanging a derogatory label on it or giving it a contemptuous nickname. In this case, linguistic

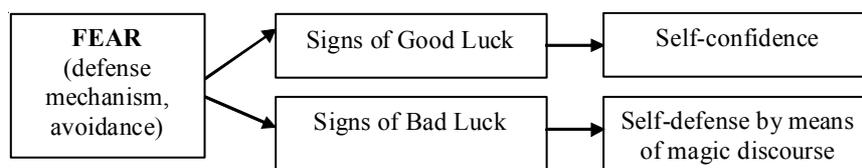

Fig. 3. Semiolinguistic model of neutralizing personal phobias which generate household prejudices

markers of intolerant discourse appear, since alien out-group description is perceived as a hidden danger [Wodak, 1996].

Bias system is inspired by representatives of in-group, and is based on different interests and meanings. Bias against representatives of another race, ethnic / minority group, gender, profession, age, carriers of socially dangerous diseases, etc. is based on different traditions and used for different political purposes [Allport, 1954]. Semiosis of bias is made up of a system of alienator signs, acting as negative labels and nicknames that mark stereotypical notions of dominant in-group about marginal out-group. Alienator signs are not homogeneous in their composition and can be classified according to gradual scale of language aggression: anti-locution (denigrative) signs, avoidance (separative) signs and discriminatory signs, which are implemented in mass media communication.

Neutralizing language aggression and, accordingly, social bias, is carried out in carnival (laughter) genres of intolerant discourse, namely, in speech genres of harmless joke (humor), derogatory / abusive anecdote (irony) and pejorative conversation (sarcasm).

Denigrative signs are based on negative English stereotypes and images which form strong bias system using parameters of:

- Gender (*broad* = mildly offensive term referring to women, which is not acceptable in polite society);

- Age (*pimply* = [slightly offensive] applied to older people);

- Exterior (*tubby* = [mildly offensive] an underweight and short person, fat in the stomach; *skinny* = [slightly derogative] thin, underweight).

Separative signs are associated with situations of social class alienation, in which implicit fear of in-group to lose its social superiority manifests itself. These include signs of class, group and profession isolation:

- Class (*white trash* = a derogatory term directed at whites, esp. poor whites);

- Group (*empty nester* = [derogative] applied to either member of a couple whose children have grown up and left home);

- Professional (*dummy* = [offensive] professionally unskilled).

Discriminatory signs are characterized by agonality and aimed at depriving institutional rights

of out-group representatives on the basis of false or fabricated stereotypes. The signs of discrimination can be of different character:

- Racial-ethnic (*chink* = [highly derogative] (U.S.) used to refer to people of perceived Chinese descent);

- Religious (*Muhammadanism* [strongly offensive] = the Muslim religion, Islam);

- Physiological (*wheelchair* = [very offensive] a person who has physical disability).

Linguistic form of bias representation varies and depends on readership, content and context, but all discriminatory speech statements usually appeal to action, physical violence or destruction of relevant social minorities. Effective social communication based on Grice's maxims and J. Leech's cooperative principle implies elimination of social bias due to institutional prescriptive norms, certain semantic and formal requirements for mass media communication: objectivity, avoiding one's personal assessment, respecting standards of integrity and neutrality, representing opinions of others, etc., which distinguish tolerant discourse [Ivanova, 2002] with politically correct ideologems.

However, a number of researchers [Bakhtin, 1997; Condor, 2006; Dijk, 1985; Wetherell, 1987; Wodak, 1996] argue that social phobias can be neutralized primarily in intolerant (racist) discourse with varying degrees of agonality. According to them, the stronger social dangers provoke phobias, the more aggressive form of bias representation is. Signs of social alienation are ranked according to degree of agonality (denigrative, separative and discriminative) and neutralized respectively in "carnival" [Bakhtin, 1997] genres of intolerant discourse: humor (low degree of intolerance), irony (medium degree of intolerance) and sarcasm (high degree of intolerance).

Thus, semi-linguistic model of neutralizing phobias that generate social bias (see Fig. 4) is based on ethno-social and / or individual presuppositions of rational nature. Their variability is determined by danger / security indices attributed by representatives of in-group to members of out-group in the framework of intolerant discourse. Alienation of out-group representatives is neutralized by means of intolerant discourse of low, medium and high degree of communicative aggression.

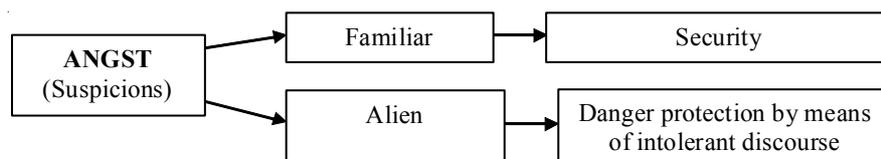

Fig. 4. Semiolinguistic model of neutralizing social phobias which generate bias

Conclusion

Consequently, superstitions, prejudice and bias, as complex lingua-cognitive constructs are generated by phobias, which are being neutralized in semiolinguistic space of protective communication. Protective communication includes religious, magical and intolerant types of discourses with their inherent verbal and non-verbal means of protecting man from threats and dangers of irrational (esoteric and personal phobias) and rational (social phobias) nature.

Verbal means of protective communication include texts of sustainable type, allowing attributing them to specific speech genres. Speech genres of protective communication are distinguished by the following parameters: communicative purpose, author, addressee, event content, language representation [Shmelyova, 1995]. In accordance with the distinguished content parameters, pragmatic function of protective communication genres is to protect the subject by means of religious, magical and intolerant types of discourse, within which he / she uses semiolinguistic security tools. Based on prototypical images of the most ancient conceptualization of the world, i.e. primitive irrational awe and fear of hostile nature forces which are inaccessible to understanding, man learned to cognitively master the environment by distinguishing between different degrees of danger of phenomena.

This vector of danger awareness received inevitable orientation to the future, perceived in Christian theosophy as eternal bliss or torment. In the name of “happy” afterlife, man sought to follow Christian commandments and atone for sins in prayers and fasting, ensure his own security by magical rituals and minimizing social danger through speech aggression of varying degrees of intensity. Content specificity of protective communication genres is aimed at ensuring security of individual’s personal, interpersonal and social space, verbalized in religious, magical and intolerant types of discourse.

REFERENCES

- Allport G.W., 1954. *The Nature of Prejudice*. Reading, Addison-Wesley. 467 p.
- Astafurova T.N., Olyanich A.V. 2015. Lingvosemiotika vlastnogo rituala [Lingua-Semiotics of Power Ritual]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (26), pp. 41-49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.5>.
- Astafurova T.N., Olyanich A.V., 2018. Semiolinguistics of Sacred Power. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 180-187. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.17>.
- Bakhtin M.M., 1997. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Sobranie sochineniy. V 7 t. T. 5* [Collected Works. In 7 vols. Vol. 5]. Moscow, Russkie slovari Publ., pp. 159-206.
- Benveniste E., 1971. *General Linguistics*. University of Miami Press. 371 p.
- Condor S., 2006. Social Identity and Time. Robinson W.P., ed. *Social Groups and Identities: Developing the Legacy of Henri Tajfel*. London, Butterworth / Heinemann, pp. 285-315.
- Dijk T.A. van, 1985. *Prejudice in Discourse*. Amsterdam, Benjamin. 170 p.
- Ivanova O.F., 2002. Politkorrektnost v Rossii [Political Correctness in Russia]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], no. 3. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9457411> (accessed 5 May 2018).
- Luria A.R., 1998. *Language and Consciousness*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta. 335 p.
- Mechkovskaya N.I., 1998. *Language and Religion*. Moscow, Fair Publ. 352 p.
- Morris C., 1938. *Foundations of the Theory of Signs*. New York, George Brazillies. 60 p.
- Shcherbatykh Yu.V., 2007. *Psychology of Fear*. Moscow, Eksmo Publ. 512 p.
- Shmelyova T.V., 1995. Rechevoy zhanr: opyt obshchepilologicheskogo osmysleniya [Speech Genre: the Experience of a General Philological Understanding]. *Collegium*, no. 1/2, pp. 57-65.

Wetherell M., 1987. Unequal Egalitarianism: A Preliminary Study of Discourses Concerning Gender and Employment Opportunities. *Social Psychology*, vol. 26, iss. 1, pp. 59-71.

Wodak R., 1996. The Genesis of Racist Discourse in Austria since 1989. Caldas-Coulthard C.R., Coulthard M., eds. *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. London, Routledge, pp. 107-128.

Information about the Authors

Tatyana N. Astafurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German and Romanic Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, pic@volsu.ru; Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Andrey V. Olyanich, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology, Adyghe State University, Pervomayskaya St., 208, 385000 Maykop, Russia, aolyanich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3990-5707>

Информация об авторах

Татьяна Николаевна Астафурова, доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, pic@volsu.ru; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Андрей Владимирович Олянич, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Адыгейский государственный университет, ул. Первомайская, 208, 385000 г. Майкоп, Россия, aolyanich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3990-5707>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.15>

UDC 811.111'42:004.738.5
LBC 81.432.1-51

Submitted: 14.01.2019
Accepted: 30.08.2019

LINGUISTIC PRAGMATICS OF ENGLISH LANGUAGE RESTAURANT ONLINE DISCOURSE

Nikolay L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena B. Pavlova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The paper presents an analysis of linguistic pragmatics of restaurant online discourse that is plunged into studying the content of English versions of British restaurant websites. The authors state that the investigated segment of virtual restaurant communication is organized on the basis of a linguistic-and-pragmatic model, which is constructed from the following components: discourse goal, discourse addresser's intention / communicative-pragmatic purposes with corresponding strategies and tactics. Special attention is paid to the main communication strategies of the discourse under analysis, among which there are the strategies of creating positive emotional mood, constructing an attractive image of the restaurant, increasing the activity of restaurant guests. It is established that these strategies are implemented by a set of tactics. The authors distinguish and describe verbal (lexical, lexical-grammatical and stylistic features), as well as non-verbal means that are used by site moderators for implementing the desired tactics. It is stated that the most frequent linguistic means are lexical units with emotional-expressive and attitudinal meanings, metaphorical and pleonastic constructions, modal verbs, superlatives; interrogative-responsive and imperative structures; non-verbal means of communication are represented by graphics, font and colour highlighting, various illustrations and photographs. The suggested linguistic and pragmatic model uncovers the following restaurant online discourse regularities: location of zones with verbal or non-verbal dominating means is defined by visual assessment factors of information representation on the website.

Key words: restaurant discourse, internet communication, communication strategy, communication tactics, linguistic-and-pragmatic organization, linguistic-and-pragmatic model, English language.

Citation. Shamne N.L., Pavlova E.B. Linguistic Pragmatics of English Language Restaurant Online Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 182-194. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.15>

УДК 811.111'42:004.738.5
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 14.01.2019
Дата принятия статьи: 30.08.2019

ЛИНГВОПРАГМАТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕСТОРАННОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Николай Леонидович Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Борисовна Павлова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье на основе изучения контента англоязычных сайтов британских ресторанов дана характеристика ресторанного интернет-дискурса в лингвопрагматическом аспекте. Установлено, что исследуемый сегмент виртуальной ресторанной коммуникации организуется на базе универсальной лингвопрагматической модели, включающей следующие компоненты: цель дискурса, интенции адресанта / коммуника-

тивно-прагматические целеустановки и соответствующие им стратегии и тактики. Среди коммуникативных стратегий в качестве основных выделены создание положительного эмоционального настроения, формирование привлекательного имиджа заведения, повышение активности клиента. Определены реализующие их тактики; описаны вербальные (лексические, лексико-грамматические и стилистические) и невербальные средства их актуализации. Выявлено, что в качестве основных языковых средств используются: лексические единицы с эмоционально-экспрессивными и оценочными значениями, метафоры, плеоназмы; модальные глаголы, суперлативы; вопросно-ответные и побудительные конструкции; среди невербальных средств реализации установленных тактик частотны графика, шрифтовое, цветовое выделение, различные иллюстрации и фотографии. Расположение зон с доминирующими вербальными или невербальными средствами обусловлено законами визуального восприятия адресатом информации на сайте ресторана, что согласуется с предложенной авторами лингвопрагматической моделью.

Ключевые слова: ресторанный дискурс, интернет-коммуникация, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, лингвопрагматическая организация, лингвопрагматическая модель, английский язык.

Цитирование. Шамне Н. Л., Павлова Е. Б. Лингвопрагматика англоязычного ресторанного интернет-дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 182–194. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.15>

Introduction

Cooking and eating communication is multidimensional. This fact creates a variety of discursive practices related to the idea of nutrition, and a large number of terms for them [Katsunova, 2012]. The following types of discourse are distinguished in the scientific literature: gastronomic [Berghe, 2010; Cherednikova, 2011; Golovnitckaya, 2006; Kositskaya, Zaytseva, 2016], culinary [Banman, 2009; Rossato, 2009], culinary and gastronomic [Savelyeva, Voloshina, 2017], gluttonic [Olyanich, 2007], nutritional [Gracia-Arnaiz, 2001; Undritsova, 2012]. Restaurant discourse should be singled out among the mentioned culinary-gastronomic and nutritional discourses since it is the most institutionalized variety and it implements the discursive practice of the expert-professional community (restaurateurs, staff, restaurant critics) [Davis, 2009]. This type of discourse has been studied actively by domestic and foreign experts. In the works of recent decades, restaurant discourse is considered within the framework of the linguistic and cultural paradigm [Kozko, Pozhidaeva, 2012]. First of all, menus are seen as cultural productions and as representations of the type of cultural consumption in which their audiences participate [Versola, 2010]. In a number of works, features of the discursive practices of restaurant communication [Katsunova, Egorova, 2012], including those related to advertising in restaurant business [Alekseeva, 2008], are revealed. Reviews and feedback as the genres of restaurant

discourse are of great interest among researches. The experts note that the magazine review narrowly focuses on food, wine and ambience over other categories such as service, chefs, cost / value, and owner / operator [Williamson et al., 2009]. The newspaper review is based on a different scenario, as a rule, it is structured chronologically and is arranged in the following order: experience of choice, entering, dining, paying, and consideration of another visit [Hsiao-I Hou, 2012].

The restaurant online discourse, has been studied to a lesser extent, but the publications available are mainly devoted to the study of its genres, with such popular genres as online comments of restaurant visitors in social networks [Napolitano, 2018; Pantelidis, 2010] and user-generated restaurant reviews posted on various websites are analyzed [Chik, Vásquez, 2017].

A number of studies emphasize the impact of professional foodie blogger communities on restaurant online discourse. These “foodie customers derive added value from their ‘skilled consumption’, and this is evident in their knowledgeable contributions to discussion and sharing of their experiences of restaurants” [Watson, Morgan, Hemmington, 2008]. In general, experts note the great role of online communication in how the restaurant discourse functions. “The explosion of blogs, interactive websites and more recently social media sites such as Facebook and Twitter has brought about dramatic changes in the way information is generated and shared, not least in the way people can access information about restaurants” [Vincent, 2018].

In addition, as can be seen from the available publications, restaurant online discourse is gradually taking on the role of a key driver of innovation in restaurant business with three main functions: conceptualizing innovations, socializing innovations, and controlling innovations [Pilar Opazo, 2012]. This direction is especially clearly manifested in the English-language restaurant online discourse due to the globality of English. A review of the scientific literature also shows that the English-language restaurant online discourse is the medium of active formation of ideology of consumerism. However, the linguistic-pragmatic component of the restaurant online discourse in relation to the interaction of “agent – client” in service consumption has not yet received a comprehensive scientific description.

This paper presents the results of research on some linguistic features of the English-language restaurant online discourse (intentions, attitudes, strategies, tactics), as well as verbal and non-verbal means that form its pragmatic potential. In this paper, restaurant online discourse is used to refer to the segment of communication between the addresser or agent and the addressee or client within the framework of restaurant business social institution implemented by means of modern digital technologies. The original English-language websites of British restaurants, pubs, cafes offering mainly British and European cuisine were materials for the study. 100 English-language websites were analyzed (the total amount of text material was about 187.5 printed sheets).

The study of linguistic pragmatics of the restaurant online discourse involves clarification of such concepts as the intention of the addresser, the pragmatic attitude of the text, communicative strategy, and tactics. The concept developed by V.L. Nayer, including the definition of “pragmatic attitude”, enabled us to distinguish it from the close concept of “intention of the addressee”. The scientist stressed it that the intention is related to the sphere of human mental activity, and the pragmatic attitude belongs to speech, although “they are, of course, connected with each other and are like the sides of one coin” [Nayer, 1985, p. 4]. It is important that the pragmatic attitude in the concept of V.L. Nayer is considered in a number of other pragmatic parts of the whole text: the addresser, the addressee, the pragmatic content, the pragmatic effect.

The definition of the concepts of “communication strategy” and “communication tactic” is also valuable for the analysis of restaurant online discourse. Following O.S. Issers, by communication strategy, we mean a set of speech acts aimed at achieving a communication goal [Issers, 2008, p. 54], and by communicative tactics, we mean a specific speech act that contributes to the implementation of the strategy [Issers, 2008, p. 60]. In this study, the communication strategy is separated from the speech strategy due to the fact that the speech strategy does not include extralinguistic components of the communicative interaction [Salakhova, 2006]. We base our approach on the opinion of Yu.K. Pirogova, who described positioning and optimizing communication strategies [Pirogova, 2001], which allows us to specify the linguistic pragmatics of the discourse under investigation by finding distinction between positioning or optimizing strategies.

Linguistic-and-pragmatic organization of the English-language restaurant online discourse

Linguistic and pragmatic organization of the English-language restaurant online discourse should be described through the concepts of goal, intention, pragmatic attitude, strategies, tactics [Shamne, Pavlova, 2017]. The concept of goal has an institutionalized status and is determined by the desire to “create a guest” for restaurant discourse. The concepts of intention and pragmatic attitude are interpreted as a two-side realization of the author’s intention in a speech message: the first (non-verbalized) is a stage of forming some intention to communicate something, the second – the stage of verbalization of this intention, its specific realization in speech. We consider the pragmatic attitude as the concrete addresser’s intention embodied in the text to influence the addressee. The strategy is understood as a conceptual and thematic plan of a speech act, involving many options for its realization; the tactic is specific realization of the strategy [Pavlova, 2019].

Thus, the goal of the restaurant online discourse is the determining factor for building its linguistic and pragmatic model, which includes the following components (see Fig. 1).

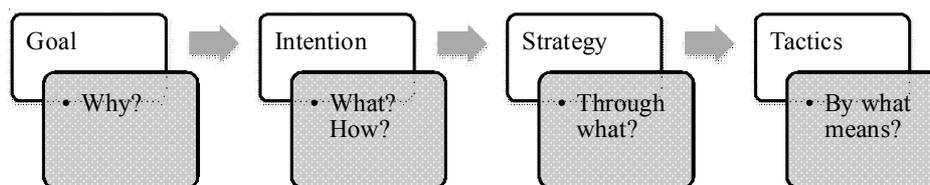

Fig. 1. Linguistic and pragmatic model of the restaurant online discourse

This model is proposed to be specified as follows: **Goal** (why?) to create a guest – **intention** (what?) to influence the addressee / (how?) **communicative and pragmatic attitudes** (how?) positively orienting attitude (to attract attention), attitude of uniqueness / advantage (to hold attention), informing attitude (to focus it) – (how?) **strategies** (through what?) (creating a positive emotional mood; creating an attractive image of the restaurant; increasing the activity of restaurant guests) – (by what means?) **tactics**.

The goal of the restaurant online discourse “to create a guest” is implemented through attracting the attention of guests, informing them about the features and advantages of the restaurant, encouraging them for specific actions. So, the linguistic and pragmatic potential of text messages is created through the use of verbal and nonverbal means to ensure the implementation of intentions / communicative and pragmatic attitudes of the addresser. The organization of restaurant website text space is subordinated to these challenges and meets the following requirements. A restaurant website should:

- create a positive emotional mood and a sense of psychological comfort in potential guests, have visual appeal, cause a desire to visit this restaurant;

- be as informative as possible, contain information about the location of the restaurant, average bill, menu, wine list, special halls for private and business events, dress code, additional services, special offers, etc.;

- be convenient to book a table online; provide customer feedback;

- implement the strategy of optimizing that stimulates the activity of the addressee, i.e. potential guests.

The analysis of factual material allows for schematic depiction of the linguistic-and-pragmatic organization of the restaurant online discourse, including one goal, three intentions /

attitudes, three strategies corresponding to the attitudes, and 17 tactics (see Fig. 2).

Based on the classification of Yu.K. Pirogova, we define the strategies of creating a positive emotional mood and creating an attractive image of the restaurant as positioning ones, and the strategy of increasing the activity of restaurant guests as an optimizing one.

Strategy and tactic organization of the restaurant online discourse

Strategic and tactical organization is the most comprehensive part of the English-language restaurant online discourse model, and the strategies are worth being described in detail.

The strategy of creating a positive emotional mood is implemented in the text space of restaurant websites by tactics for *national colour, detailing, promise of pleasure, visual representation, and hidden compliment*.

The tactic for national colour gives emphasis on different periods and events in British history (The Tudor period, 1485–1558; The Victorian era, 1837–1901) or highlights some historic personalities associated with certain eras, which are significant for the restaurant concept.

At the verbal level, this tactic is implemented by onomastic lexical units, with chrononyms, historical anthroponyms, urbanonyms that are represented most widely (*The Great War, Tudors, Napoleon, campaign in Egypt, South Kensington*), for example:

(1) From our iconic Meat Fruit, a dish from the courts of **the Tudors** (Dinner by Heston);

(2) Upstairs at Rules – our reinvented cocktail bar where once **Edward VII** and his mistress **Lillie Langtry** dined in private (Rules Restaurant);

(3) Situated in the heart of **Covent Garden**, our unique private dining rooms offer elegant and charming surroundings ideal for entertaining clients and colleagues and for celebrating with family and friends (Rules Restaurant).

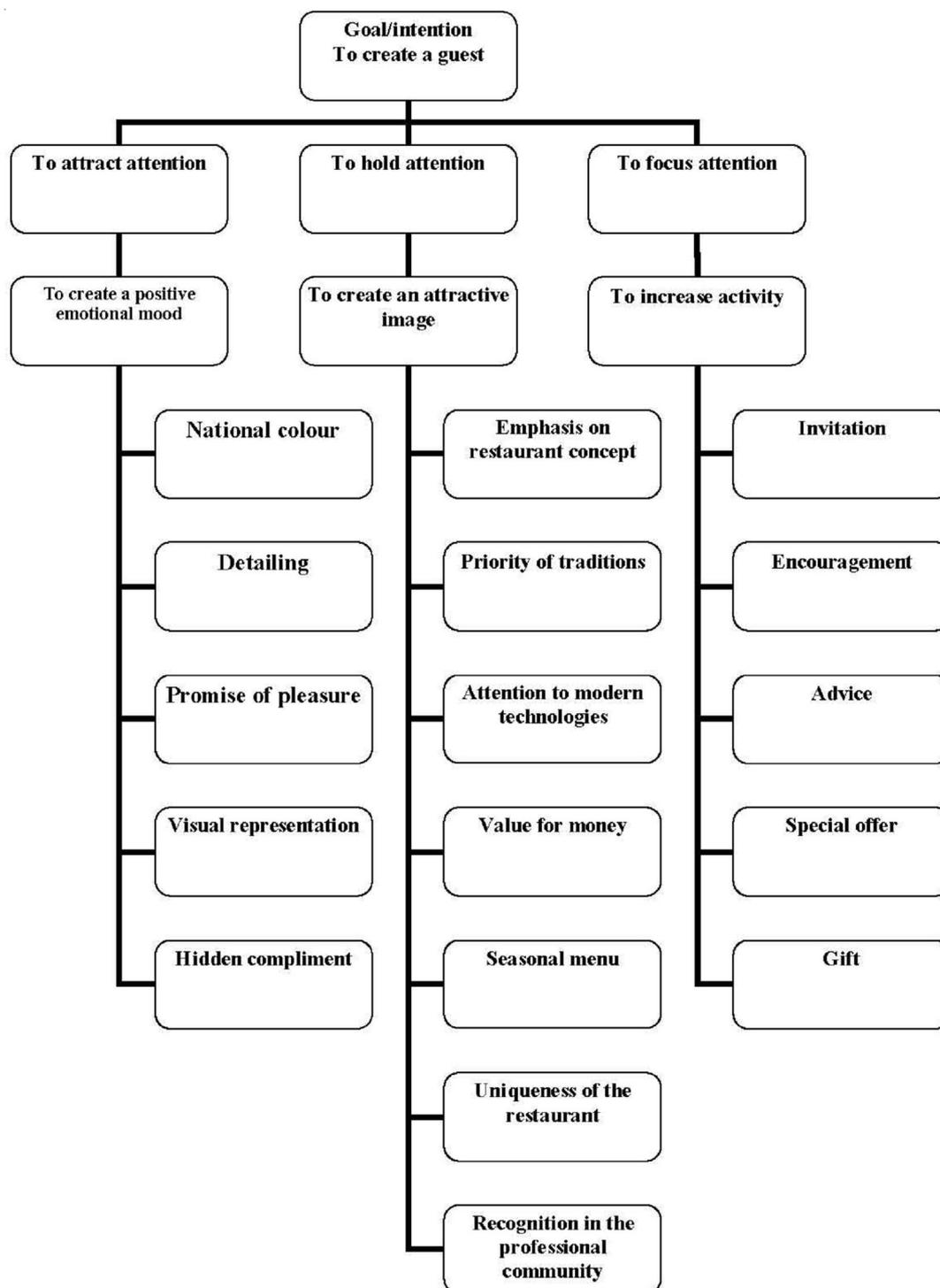

Fig. 2. Linguistic and pragmatic organization of the English-language restaurant online discourse

In the first example, the chrononym *Tudors* emphasizes the benefits of dishes from the era of the Tudor courts, symbolizing the transition of England from the Middle Ages to the New Age. In the second example, the historical anthroponyms – the names of Edward VII and Lillie Langtry – are used to describe the reinvented

cocktail bar. The image of Edward VII combined with the idea of *creating a positive emotional mood* when visiting the restaurant, immerses its guests at the time when the British, like their king, were acquiring a taste for life. In the third example, the urbanonym *Covent Garden* emphasizes the tactic for national colour. This

proper name is a symbol of London. The national colour is also supported by troponyms which are referred to traditional British food, for example:

(4) We champion the very best British produce with a focus on **game** and **wild food** (The Andover Arms).

Here, the tactic for national colour is very close to *the tactic for detailing*, which is implemented through a detailed description of the restaurant's interior:

(5) The **interior** of Fera has been created by British designer Guy Oliver to reflect the **creative and natural style** of the restaurant but without compromising the much-loved **art deco glamour** of Claridge's. Guy Oliver's unique approach is rooted in respect for **architectural heritage**, overlaid with **distinctly contemporary style**. His use of **warm, natural tones of walnut, bronze and green** connects the restaurant's deep understanding of nature with its urban setting in the heart of Mayfair. Central to the experience is the kitchen, **which is framed by a floor-to-ceiling mural depicting organic shapes**. Guests are tempted in through open double doors, and invited to pull up a stool and watch the team at work (Fera at Claridge's).

It is clear from the above example that this tactic is objectified with the help of vocabulary related to the subject area "Style and interior design", and adjectives that specify the features of style, details of furniture and cause positive emotions in the addressee.

The tactic for promise of pleasure creates expectations about the restaurant as the ideal place for rest and pleasure. As a rule, the implementation of this tactic focuses on impressive service, a careful selection of first-class delicacies and drinks, charming atmosphere:

(6) You can **comfortably** sit and **enjoy** the lunchtime market menu at the bar (Corrigan's Mayfair);

(7) Situated in the heart of Covent Garden, our **unique private dining rooms** offer **elegant and charming** surroundings ideal for... (Rules Restaurant).

The tactic for promise of pleasure in the example below is concretized by the description of the reinstated large glass atrium and the fashionable type of so-called "open kitchen", which allows visitors to gain an emotional experience while observing the work of the chefs:

(8) Following an eight week refurbishment, this former music venue has been **meticulously** transformed into an **elegant and comfortable** public house, **perfect for drinking and dining at any time of the day**. The team have carefully reinstated **the large glass atrium**, which was **originally installed in the 19th Century**. **This impressive historic feature** spans the rear dining area and highlights the **open kitchen**, which gives diners a preview of the action backstage (The Wilmington Public House and Dining).

This tactic is formed verbally by lexical units of different parts of speech with emotional-expressive and evaluative meanings (*meticulously, elegant, comfortable, perfect, carefully, impressive*).

The tactic for promise of pleasure can be objectified by why not questions, which express a hedged performative:

(9) **Why not slip away** from the outside world and into one of our Dry Martinis... (Rules Restaurant).

The tactic for promise of pleasure is consistent with *the tactic for visual representation*, suggesting such perception of the restaurant to the addressee, which would cause in their mind a pleasant image. This tactic is implemented by verbal expressive means similarly to the tactic for promise of pleasure. In addition, the tactic for visual representation often objectifies emotional drivers:

(10) Chris Lacey's... cocktails have **a certain soft, lingering flavour. It is hard to describe, but utterly delicious** (Angler);

(11) The dish compliments **the grassy, citrus tones... Sound delicious? Wait till you see him cooking it!** (Angler).

To enhance the perlocutionary effect, a question-answer form of creating text fragments can be used:

(12) **Looking for somewhere** to host a large conference, product launch or large dinner? **RICS at Parliament Square** as a range of meeting and large banqueting rooms (Roux At Parliament Square).

In order to attract the client's attention, the element of surprise is used and created, for example, by stylizing a well-known clichéd phrase with a humorous continuation:

(13) **Warning: Video contains scenes of** frothing, mouthwatering butter – do not watch if you are hungry and do not have a snack to hand (Angler).

The tactic of hidden compliment is verbalized mainly in such formulas as

(14) **For those in the know** (Rules Restaurant);

(15) **For savvy London diners** (Angler).

The strategy of creating an attractive restaurant image is represented by the *tactic for emphasizing the priority of its original concept*, which, for example, can be associated with its more than 200 years:

(16) **In over 200 years**, spanning the reigns of nine monarchs, it has been owned by only three families (Rules Restaurant).

This strategy is consistent with *the tactic for emphasizing uniqueness of the restaurant*, which is reflected in the restaurant's presentation text:

(17) Rules still flourishes, **the oldest restaurant** in London and **one of the most celebrated in the world...** (Rules Restaurant).

The uniqueness of the restaurant can be associated with specialties, drinks, or its chef and/or founder. Chef Heston Blumenthal demonstrates unusual author's idea of the Dinner restaurant and its name, stressing that in the British Isles, dinner can be served at different times:

(18) **Even today, depending where you are in the British Isles, 'dinner' might be served at lunchtime, suppertime or, indeed, dinnertime!** This made 'Dinner' the natural choice for its typically British quirky history and linguistic playfulness... - Heston (Dinner by Heston).

The original concept of a restaurant is sometimes transmitted through the translation of its name. Thus, in the presentation text of the restaurant Fera At Claridge's, it is written that the word Fera in Latin means "wild". This name, according to the creators of the restaurant, reflects the powerful connection to nature, which underlies the idea of the restaurant:

(19) **Our name, the Latin word for 'wild'**, reflects the powerful connection to nature that's at the heart of our restaurant (Fera At Claridge's).

The strategy of creating an attractive image of the restaurant can be implemented by *the tactic for emphasizing the priority of traditions*, which is reflected most clearly in the slogans of such restaurants as Rules (**Star-Studded Past**) or "Piquet" (**The best of the great British larder**). This tactic can be actualized with the help of a narrative beginning explaining the origin of the tradition. In the fragment below, the presence of the story and the actor activates the attention of a potential guest. To enhance the perlocutionary effect, the text uses expressive phrases (*a twist of creativity*), vocabulary with a general positive meaning (*fresh, to proud, specialties*):

(20) Afternoon Tea

It is said that **Anna Russell, 7th Duchess of Bedford**, invented Afternoon Tea in 1840. This was to satisfy her peckishness during the long wait between lunch and dinner. Today, we are **proud** to continue this English ritual – with a **twist of Claridge's creativity**.

Prepared and served **fresh** each day, our menu faithfully follows the traditional combination of sweet and savoury. The ingredients include **British specialties** such as poached Scottish salmon – and our pastries change to reflect the fruits of the season. Of course, at the heart of the experience is the drink itself (Claridge's).

The custom of afternoon tea is reflected on the website of Terry's Cafe, where the opportunity to drink a cup of your favorite brew is seen as an occasion to think a little about the world and appreciate its attractiveness:

(21) World peace & Positivity

Have you seen the news lately? It seems like every day there's another **war, scandal** or **natural disaster**. Just thinking about it would make your head spin. While you're at Terry's, we'd like to encourage you **to pause for thought and meditate over a cup of your favourite brew**. It'll help you put things in perspective and appreciate the **wonderful world we live in** (Terry's).

In this text fragment, vocabulary with a common negative meaning (*war, scandal, disaster*) is opposed to lexical units with a general positive meaning, associated with the idea of traditional afternoon tea (*favourite, wonderful, positivity, a cup of your favourite brew*). The question at the beginning of the text *Have you seen the news lately?* attracts the attention

of a potential guest and sets a relaxed tone for the whole text fragment.

The strategy of creating an attractive image of the restaurant is implemented in headings, which can be distinguished according to the semantic-syntactic basis into nominative headings, slogan headings, and appeal headings.

The nominative headings represent the name of the restaurant, for example: *The Wolseley; Launceston Place; Dinner by Heston Blumenthal.*

The slogan headings have a more complex structure; they include the name of the restaurant and short phrases characterized by emotional and expressive colouring: *Cheneston's Restaurant. Delectable Dining; The Gilbert Scott. Great British dining and imaginative imbibing in a stunning setting from team Marcus Wareing.* Sometimes a short slogan heading (*From Hook to Hill*) can have a subheading (*Fresh fish × Seasonal dishes × Notting Hill*) which is then specified in the presentation text: *We guarantee from hook to Hill within 48 hours!* (The Chipping Forecast Fish&Chips).

Appeal headings briefly express the main idea of the addresser – to invite a potential guest to spend a pleasant pastime in the restaurant:

(22) St. JOHN – **Welcome to St. JOHN!** (St. John);

(23) **Welcome to** The Gilbert Scott (The Gilbert Scott).

The strategy of creating an attractive image of the restaurant is actualized by *the tactic for emphasizing the priority of modern trends* and the inspiring origin of tradition for innovation in the present:

(24) The restaurant interior has been conceived as a subtle, elegant portrait – **contemporary and innovative, yet mindful of tradition** (Dinner by Heston).

This strategy is also represented by *the tactics for the priority of quality, seasonal local products, affordable prices, or value for money, achievements and recognition in the professional community*, for example:

(25) **Seasonal ingredients.** Allan's food is **classic, superb quality** (Piquet Restaurant);

(26) Our generous portions combine to provide **excellent value for money** (The Andover Arms);

(27) Rules serves the traditional food of this country **at its best – and at affordable prices** (Rules Restaurant);

(28) **RECOGNITION The Michelin Guide Two stars, 2015** (Dinner by Heston).

The text space of restaurant websites is regularly organized on the basis of *the strategy of increasing the activity of restaurant guests*, which is objectified by tactics for *invitation*:

(29) **Welcome to** St. JOHN (St. John Restaurant);

encouragement:

(30) **Come to** The Gilbert Scott for the classic British roast (The Gilbert Scott);

(31) **Book** your table now!!! (The Andover Arms);

(32) **Read** more about the different elements of Angler below (Angler);

advice and recommendation:

(33) To enjoy the full experience **we recommend joining us** for lunch at 12:30 and for dinner at 19:30 (Dinner by Heston).

In addition, this strategy is implemented through the tactics for *special offers, announcement of special events*:

(34) Rules **First Annual Whisky Dinner Thursday**, 13th November 2014 7.30 pm – 10.30 pm Hosted by Colin Dunn, Whisky Specialist Venue (Rules Restaurant);

gift certificates and vouchers:

(35) Still not sure what to give the foodie in your life? **Treat them with a gift voucher for Angler** (Angler).

Pragmatics of non-verbal communication of the restaurant online discourse

The pragmatic potential of restaurant websites, in addition to verbal means, is also created by non-verbal means, including *font and size, colour, contrast, centring, image, animation, logo*.

The Figure 3 below shows the percentage of verbal and non-verbal means of implementing the strategies.

As can be seen from Figure 3, the strategies of creating a positive emotional mood and creating a positive image of the restaurant are implemented by verbal and non-verbal means in approximately equal shares, which is explained by wide possibilities of using graphic tools to achieve a

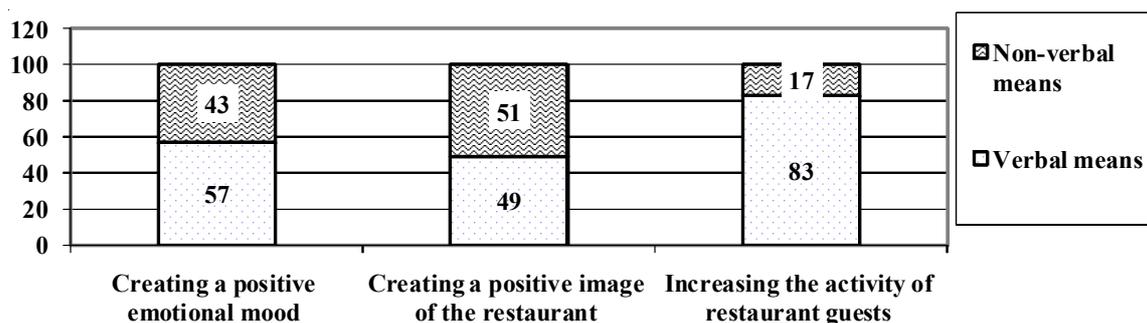

Fig. 3. The ratio of verbal and non-verbal means implementing the strategy and tactic organization of the text space of English-language restaurant websites

persuasive pragmatic effect. Thus, a complex of verbal and non-verbal means helps the addressee interact with the information [Shamne, Shishkina, 2018, p. 172].

As the main non-verbal means that implements positioning strategies, a logo is usually used, which is decorated with an individual graphic, colour combinations and creates a positive emotional mood, focuses the client's attention on the advantages of the restaurant.

The logo's main message is conveyed by lettering made in original fonts. For example, the logo of Rules, in addition to its name, contains a graphically highlighted word *Bicentenary*, located on a stylized ribbon and framed by the numbers 1798–1998, emphasizing the restaurant's two hundred year history. The corporate logo of Dinner includes the original lettering of its name with a stylized image of the fork in place of the letter I.

The restaurant's logo can contain images reflecting its basic concept, for example: an Irish deer – *Corrigan's*, the restaurant serving English and Irish cuisine; a pig – *The St. JOHN*, the meat restaurant located in a former smokehouse; a fish and hat – *Angler*, the British seafood restaurant. There can be images in logos that trigger associations – a fork in *Dinner*, a crown in *The Victoria* pub logo.

The tactics for *promise of pleasure, visual presentation, emphasizing restaurant concept, priority of seasonal local products and achievements* are actualized mainly with the help of various images, galleries / slide shows of professional photos of dishes, serving elements, interiors. Michelin stars, photos of the chef, pastry chef, sommelier, team of cooks and waiters have a great pragmatic effect. The tactics for

emphasizing the priority of traditions, invitations, and motivations are reflected in graphic and font styling, animation, small videos, and virtual tours.

The optimizing strategy of increasing the activity of restaurant guests which involves following certain instruction (*Sign up for the latest news; Subscribe to our newsletter; Explore the menu*) is implemented mainly by verbal means. The non-verbal means of this strategy are fonts, animation elements, the presence of interactive maps, etc.

Figure 4 below schematically shows the locations of verbal and nonverbal communication areas on a typical homepage of the restaurant website.

Verbal means are represented at the top (the website heading), centre, edges of the webpage (navigation menus, reservations, presentation text, special offer subscriptions), where positioning and optimizing strategies intersect; the optimizing strategy is represented mainly by verbal means and is implemented where navigation menus, reservations, subscriptions to news and special offers / reviews or comments are located.

Non-verbal means of communication are concentrated at the top (website heading), centre and bottom of the webpage and focused on the implementation of positioning strategies.

In general, the location of areas with dominant verbal or non-verbal means of communication is due to the laws of visual perception of information on the website by the addressee. First, the user, as a rule, pays attention to a text with font styling, and then to graphics, moving the eyes along a trajectory resembling the letter Z.

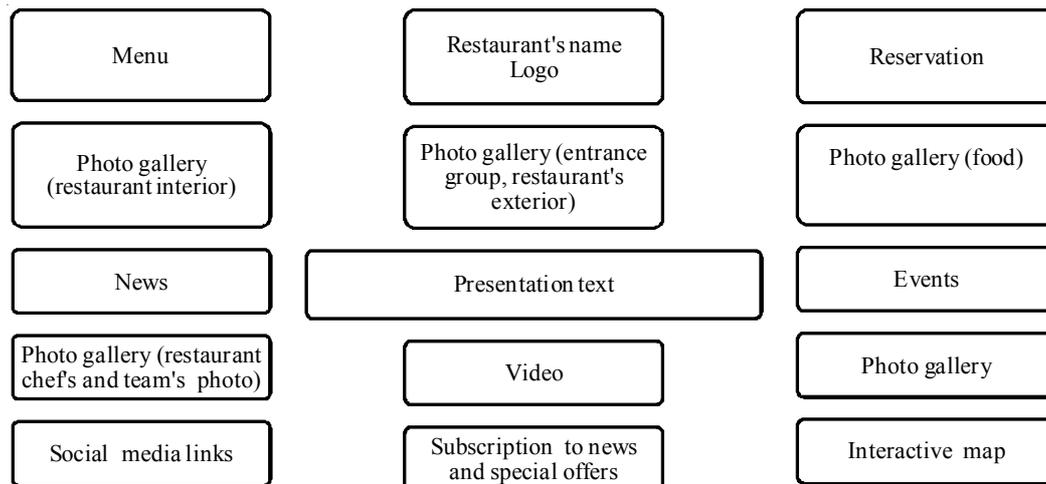

Fig. 4. Location of non-verbal and verbal means of communication on a standard restaurant homepage

Conclusion

The linguistic and pragmatic organization of the restaurant Internet discourse corresponds to a generalized model that includes such components as goal, intentions / communicative and pragmatic attitudes, strategies, tactics. The crucial element of this model is the goal of the restaurant online discourse – to create a guest.

The generalized linguistic-and-pragmatic model revealing the addresser's intentions is specified for the English-language restaurant online discourse with the help of the questions: (why speak?) → (what is the intention behind your speech?) → (how?) → (through what speech acts?) → (with what means of language?).

The pragmatics of the English-language restaurant online discourse is implemented by a system of communicative and pragmatic attitudes, including *the positively orienting attitude*, which creates an attractive image of the restaurant; *the attitude to the uniqueness and / or advantage*, which implies keeping a potential guest's attention, and *the informing attitude*, which is based on familiarizing the guest with the most significant positions (type of cuisine, menu, location, average bill).

The system of communicative and pragmatic attitudes determines the strategy and tactic organization of website hypertext space, which is based on three dominant strategies (*creating a positive emotional mood; creating an attractive image of the restaurant; increasing the activity of restaurant guests*) and implemented by a certain set of tactics.

The linguistic-and-pragmatic potential of the studied segment of the restaurant online discourse is constructed with a combination of *verbal and non-verbal means*. The language means are mainly nominations of historical events, literary figures, toponyms, urbanonyms, ergonyms, troponyms, lexical units with emotional-expressive and attitudinal meanings, metaphorical and pleonastic uses, and idioms. Adjectives, adverbs, personal pronouns, imperatives, modal verbs, superlatives, question and answer and motivational language patterns, parenthetical expressions, phrases playing upon clichés, expressions with hedged performatives, omissions dominate at the grammatical and lexicogrammatical levels. Non-verbal means of communication (graphics, fonts, contrast range, colour highlighting, various illustrations and photographs), located mainly at the top, centre or bottom of the webpage, are focused on the implementation of positioning strategies.

The results of the study show the prospects of studying the restaurant online discourse from the linguistic-and-pragmatic point of view and may be used in the analysis of different types of discourses, as well as in market research.

REFERENCES

- Alekseeva M.S., 2008. Pretsedentnye fenomeny kak istochnik kommunikativnykh neudach v reklame predpriyatij restorannogo biznesa [Precedent Phenomena as a Cause of Communicative Failures in Restaurant Business Advertisements].

- Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], no. 2 (25), pp. 122-126.
- Banman P.P., 2009. *Kulinarnyy diskurs* [Culinary Discourse]. Stavropol, Stavropolskoe knizhnoe izd-vo. 280 p.
- Berghe S. van, 2010. The Language of Luxury. Opulence in Gastronomic Discourse, 1960–2000. *Luxury in the Low Countries. Miscellaneous Reflections on Netherlandish Material Culture, 1500 to the Present*. Brussels, ASP Publishers, pp. 239-258.
- Cherednikova E.A., 2011. Aksiologicheskie kharakteristiki gastronomicheskogo diskursa [Axiological Characteristics of Gastronomic Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 5, pp. 78-82.
- Chik A., Vásquez C., 2017. A Comparative Multimodal Analysis of Restaurant Reviews from Two Geographical Contexts. *Visual Communication*, vol. 16, iss. 1, pp. 3-26. DOI: 10.1177/1470357216634005.
- Davis M.A., 2009. *Taste for New York: Restaurant Reviews, Food Discourse and the Field of Gastronomy in America*. New York, New York University. 292 p.
- Golovnitskaya N.P., 2006. Konstitutivnye priznaki nemetskoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa [Constitutive Signs of German Language Gastronomic Discourse]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Spetsialnyy vypusk: «Aktualnye problemy gumanitarnykh issledovaniy»* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Special issue “Actual problems of humanitarian research”], no. 1, pp. 85-92.
- Gracia-Arnaiz M., 2001. Nutritional Discourse in Food Advertising: Between Persuasion and Cacophony. *Anthropology of Food*. URL: https://www.researchgate.net/publication/30454236_Nutritional_Discourse_in_Food_Advertising_Between_Persuasion_and_Cacophony.
- Hsiao-I Hou, 2012. A Corpus Approach to Discourse Analysis of Newspaper Restaurant Reviews: A Preliminary Analysis. *Studies in Literature and Language*, vol. 5, no. 3, pp. 95-100.
- Issers O.S., 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of the Russian Speech]. Moscow, Izd-vo LKI. 288 p.
- Katsunova N.N., 2012. K voprosu o «sinonimizatsii» diskursov [On the Problem of Discourse Doubling]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 2 (19), pp. 187-192.
- Katsunova N.N., Egorova T.O., 2012. Otklonenie kak narushenie stsenariya restorannogo diskursa (na materiale angliyskogo yazyka) [Deviation as a Violation of the Script Restaurant Discourse (On the Basis of the English Language)]. *Vestnik gumanitarnogo nauchnogo obrazovaniya*, no. 7 (21), pp. 17-19.
- Kositskaya F.L., Zaytseva I.E., 2016. Frantsuzskiy gastronomicheskii diskurs i ego zhanrovaya palitra [French Gastronomic Discourse and Its Genre Palette]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 2 (167), pp. 25-29.
- Kozko N.A., Pozhidaeva E.V., 2012. Sovremennyy britanskiy restorannyi diskurs: lingvokultura pitaniya i pitya [Contemporary British Restaurant Discourse: Language of Food and Drinking Culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], vol. 1, no. 4, pp. 166-175.
- Napolitano A., 2018. Image Repair or Self-Destruction? A Genre and Corpus-Assisted Discourse Analysis of Restaurants’ Responses to Online Complaints. *CADAAD Journal*, vol. 10, iss. 1, pp. 135-153.
- Nayer V.L., 1985. Pragmatika teksta i ee sostavlyayushchie [Pragmatics of the Text and Its Components]. Batalova T.M., ed. *Pragmatika i stilistika: sb. nauch. tr. Vyp. 245* [Pragmatics and Stylistic. Collection of Scientific Works. Iss. 245]. Moscow, MGPIYA im. M. Toreza, pp. 4-19.
- Olyanich A.V., 2007. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentation Theory of Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 407 p.
- Pantelidis I., 2010. Electronic Meal Experience: A Content Analysis of Online Restaurant Comments. *Cornell Hospitality Quarterly*, vol. 51, no. 4, pp. 483-491.
- Pavlova E.B., 2019. Lingvopragmaticheskaya organizatsiya angloyazychnogo ekologicheskogo internet-diskursa [Linguistic-Pragmatic Organization of English Language Ecological Internet Discourse]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 1, pp. 88-100. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-88-100.
- Pilar Opazo M., 2012. Discourse as Driver of Innovation in Contemporary Haute Cuisine: The Case of elBulli Restaurant. *International Journal of Gastronomy and Food Science*, vol. 1, iss. 2, pp. 82-89. DOI: 10.1016/j.ijgfs.2013.06.001.
- Pirogova Yu.K., 2001. Strategii kommunikativnogo vozdeystviya v reklame: opyt tipologizatsii [Strategies of Communicative Impact in Advertising: Typologization Experience]. *Trudy*

- mezhdunarodnogo seminara «Dialog 2001» po kompyuternoy lingvistike i ee prilozheniyam* [Proceedings of the International Seminar "Dialogue 2001" on Computer Linguistics and Its Applications]. URL: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=6778&y=2001&vol=6077> (accessed 4 July 2016).
- Rossato L., 2009. *The Discourse of British TV Cookery*. Phd. diss. Italy, Universita di Napoli Federico II.
- Salakhova A.G., 2006. Kommunikativnye strategii v religioznom diskurse [Communicative Strategies in Religious Discourse]. Makeeva M.N., Arestova A.A., Ryabtseva E.V., eds. *Yazykoznanie i Literaturovedenie v sinkhronii i diakhronii: Mezhevuz. sb. nauch. st.* Iss. 1. [Linguistics and Literature Studies in the Synchronic and Diachronic Aspect. Interuniversity Collection of Scientific Articles. Iss. I]. Tambov, Tambovpoligrafizdat, pp. 449-450.
- Savelyeva O.G., Voloshina K.S. 2017. Realizatsiya kontsepta «Eda» v leksicheskom tezauruse: antropotsentricheskii podkhod ["Food" Concept Realization in the Lexical Thesaurus: Anthropocentric Approach]. Guryva Z.I., ed. *Aktualnye aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkulturnoy kommunikatsii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Krasnodar)* [Actual Aspects of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication. Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference (Krasnodar)], pp. 160-169.
- Shamne N.L., Pavlova E.B., 2017. Institutional, Genre and Discursive Characteristics of British Restaurant Online Discours. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*, vol. 97, pp. 214-220. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/cildiah-17/25886104>.
- Shamne N.L., Shishkina E.V., 2018. Osobennosti leksicheskogo sostava meditsinskogo nauchno-populyarnogo diskursa (na materiale nemetskoyazychnykh internet-izdaniy) [The Vocabulary of Science-Popular Medical Discourse (As Exemplified in German Online Media)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 170-179. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.16>
- Undritsova M.V., 2012. Gastronomicheskiy diskurs: lingvokulturologicheskie i perevodcheskie aspekty [Gastronomic Discourse: Linguo-Cultural and Translational Aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22, Teoriya perevoda* [The Moscow University Herald. Series 22. Translation Theory], no. 2, pp. 86-91.
- Versola L., 2010. Sounds Delicious: A Comparative Discourse Analysis of Restaurant Menus. *Honors Projects*. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/honorsprojects/29> (accessed 2 January 2019).
- Vincent A., 2018. Shaping Tastes: Authority versus Democracy, Professionals versus Amateurs. *Dublin Gastronomy Symposium*. URL: <https://arrow.dit.ie/dgs> (accessed 2 January 2019).
- Watson P., Morgan M., Hemmington N., 2008. Online Communities and the Sharing of Extraordinary Restaurant Experiences. *Journal of Food service*, vol. 19, iss. 6, pp. 289-302.
- Williamson D., Tregidga H., Harris C., Keen C., 2009. The Working Engines of Distinction: Discourse for Main Course in Restaurant Reviews. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, vol. 16, iss. 1, pp. 55-61.

SOURCES

- Angler*. URL: <http://www.anglerrestaurant.com>.
- Claridges*. URL: <http://www.claridges.co.uk>.
- Corrigan's Mayfair*. URL: <http://www.corrigansmayfair.co.uk>.
- Dinner by Heston*. URL: <http://www.dinnerbyheston.com>.
- Fera At Claridge's*. URL: <http://feraatclaridges.co.uk>.
- Piquet Restaurant*. URL: <http://www.piquet-restaurant.co.uk>.
- Roux At Parliament Square*. URL: <http://rouxatparliamentsquare.co.uk>.
- Rules Restaurant*. URL: <http://www.rules.co.uk>.
- St. John*. URL: <https://www.stjohngroup.uk.com>.
- Terry's Cafe*. URL: <http://www.terryscafe.co.uk>.
- The Andover Arms*. URL: <http://theandoverarms.com>.
- The Chipping Forecast Fish&Chips*. URL: <http://chippingforecast.com>.
- The Gilbert Scott*. URL: <http://www.thegilbertscott.co.uk>.
- The Wilmington Public House and Dining*. URL: <http://www.wilmingtonclerkenwell.com>.

Information about the Authors

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Elena Borisovna Pavlova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 6, 117198 Moscow, Russia, pavlova-eb@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5817-3463>

Информация об авторах

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Елена Борисовна Павлова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, pavlova-eb@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5817-3463>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.16>

UDC 811.111:82-52
LBC 81.432.1-51

Submitted: 19.06.2019
Accepted: 30.09.2019

HYPERBOLE AS A PERSUASION TOOL IN POLITICAL DISCOURSE (THE CASE OF BRITISH POLITICIANS' SPEECH)

Tatyana M. Golubeva

Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article investigates hyperboles as a persuasion tool in British political discourse. The corpus under analysis comprises scripts of speeches by UK Permanent Representative to the UN Karen Pierce, Prime Minister Theresa May and Foreign Secretary Boris Johnson which are devoted to the incident in Salisbury. The research has shown that to describe the event under study the politicians use rhetoric devices that exaggerate its social and political importance. In political discourse hyperboles have an impact on three modes of persuasion – logos, pathos and ethos, but in political communication the effectiveness of a hyperbole as a persuasion tool mainly depends on ethos, i.e. conditions of a speech act which determine the relevance of this rhetorical device and a speaker's personality. In some statements hyperboles are so efficiently embedded the communicative context that they are interpreted literally. In political discourse persuasion is often implemented through the use of hyperboles and other rhetorical devices (analogy, alliteration, anaphora, climax). The evocative character of hyperbole is key to the implementation of its persuasive function in political discourse. Under the influence of the representations evoked by hyperbole, the object of exaggerated description acquires characteristics which quantitatively and, in some cases, qualitatively differ from its real properties.

Key words: hyperbole, persuasive function, logos, pathos, ethos, metaphorical hyperboles, political discourse, evocation.

Citation. Golubeva T.M. Hyperbole as a Persuasion Tool in Political Discourse (The Case of British Politicians' Speech). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 195-205. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.16>

УДК 811.111:82-52
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 19.06.2019
Дата принятия статьи: 30.09.2019

ПЕРСУАЗИВНОСТЬ ГИПЕРБОЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ)

Татьяна Михайловна Голубева

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет),
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ гипербол в британском политическом дискурсе. Материалом для исследования послужили высказывания представителя в ООН К. Пирс, премьер-министра Т. Мэй и министра иностранных дел Б. Джонсона, посвященные теме инцидента в Солсбери. Доказано, что выражения, используемые политиками для характеристики данного события, преувеличивают его общественную и политическую значимость. Выявлено, что в политическом дискурсе гиперболы обуславливают реализацию функции убеждения посредством обращения к логосу, пафосу и этосу. Установлено, что эффективность гиперболы как инструмента убеждения в политике в значительной степени зависит от условий речевой ситуации, детерминирующих уместность употребления данного риторического приема, и личности говорящего. Показано, что искусно встроены в коммуникативный контекст ги-

перболы могут восприниматься буквально. Наряду с другими риторическими приемами (аналогией, аллитерацией, анафорой, градацией) они усиливают убедительность высказывания. Важную роль в реализации персуазивной функции гипербола в политическом дискурсе играет способность вызывать определенные представления, в рамках которых объект гиперболической репрезентации приобретает свойства, отличающиеся от его реальных характеристик в количественном, а иногда и качественном отношении.

Ключевые слова: гипербола, персуазивная функция, логос, пафос, этос, метафорические гиперболы, политический дискурс, эвокативность.

Цитирование. Голубева Т. М. Персуазивность гиперболы в политическом дискурсе (на материале высказываний британских политиков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 195–205. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.16>

Введение

На протяжении веков гипербола являлась предметом активного изучения философов, лингвистов, литературоведов. Однако усилия исследователей в этой области были, как правило, сосредоточены на определении ее языкового статуса, разработке классификаций видов и описании лексико-грамматических средств ее создания, а также сравнительном анализе использования гипербол в различных языках. Заметный вклад в изучение гиперболы внесли исследователи, занимающиеся вопросами психолингвистики и когнитивной лингвистики (см.: [Крысин, 2006; Cano Mora, 2006; Claridge, 2011; Colston, O'Brien, 2000; McCarthy, Carter, 2004; Roberts, Kreuz, 1994]). Учеными было установлено, что гипербола обладает двойственной природой, поскольку она не только количественно увеличивает свойства предметов или явлений до предельных размеров, но и, как показано Л. Кано Мора, выражает субъективную оценку объективного факта [Cano Mora, 2006, p. 33]. По мнению Л.П. Крысина, «отсутствие контраста между действительной ситуацией и смыслом описывающего ее высказывания или же отсутствие преувеличивающей оценки говорящим сообщаемых фактов делают невозможным употребление языковых средств для создания именно гиперболического эффекта» [Крысин, 2006, с. 112]. В процессе коммуникации гиперболы используются не только с целью усиления эмоционального тона высказывания, но и для выражения юмора, насмешки, сочувствия, солидарности, антипатии и других эмоций, при этом они также выполняют эвалюативную и персуазивную функции (см. об этом: [McCarthy, Carter, 2004, p. 176]). Очевидно,

гиперболы благодаря своей выразительности и оценочности частотны в речи политиков. Однако, несмотря на обилие и разнообразие научных работ, посвященных анализу политического дискурса в целом и характерных для него риторических приемов в частности, гипербола не стала предметом детального изучения, хотя и является, как уже было отмечено, одним из наиболее распространенных тропов в политической риторике. В то же время те немногочисленные современные работы, которые затрагивают тему функционирования гиперболы в политическом дискурсе [Claridge, 2011; Kalkhoven, De Landtsheer, 2016; Mattiello, 2016; Snoeck Henkemans, 2017], свидетельствуют о том, что высказывания гиперболического характера – это мощное орудие убеждения в политических выступлениях, используемое, как отмечает К. Клэридж, для того, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации, актуализировать необходимость совершения какого-либо действия, подвергнуть критике позицию или действия политического оппонента и представить в выгодном свете свою партию или политический курс [Claridge, 2011, p. 265]. Таким образом, в речи политиков гипербола может употребляться в качестве средства убеждения, то есть выполнять персуазивную функцию, которая, по мнению Е. Маттиелло, является наиболее значимой для политической риторики с ее ярко выраженной аргументативностью [Mattiello, 2016, p. 160].

Цель данной работы – выявить и описать персуазивность гипербол в британском политическом дискурсе. Материалом для анализа послужили высказывания британских политиков, посвященные теме так называемого инцидента в Солсбери – покушения на бывшего российского разведчика С. Скрипаля и

его дочь в английском городе Солсбери в марте 2018 года. Выбор материала исследования обусловлен наличием в анализируемых высказываниях риторически выразительных случаев употребления гипербол с целью убеждения. Актуальность работы обусловлена необходимостью более глубокого и детального изучения функций гиперболы в политическом дискурсе, а также расширения представлений о роли этого приема в формировании у реципиента определенного отношения к предмету сообщения.

Методология исследования

В работе за основу принимается трактовка гиперболы как преувеличенной формы высказывания, в котором слова или словосочетания представляют реальность в крайней степени [Kalkhoven, De Landtsheer, 2016, p. 186]. Данное определение является наиболее приемлемым, поскольку позволяет охватить различные виды преувеличения, используемые говорящим для решения поставленных им риторических и прагматических задач.

В античной риторике, преимущественно в трудах римского ритора Квинтилиана, гиперболе приписываются две эпистемологические функции, актуализирующие, по словам Дж. Риттера, ее разрушительный и трансформативный характер: выражение возможного посредством невозможного и представление лжи как элемента правды [Ritter, 2010, p. 24]. Детальное изучение данных функций позволило Дж. Риттеру вывести метафункцию, или «закон» гиперболы: переориентация посредством дезориентации [Ritter, 2010, p. 22]. Как подчеркивает ученый, сформулировать содержание метафункции ему помогло высказывание философа П. Рикера о том, что гипербола переориентирует после того как дезориентирует (закон парадокса и гиперболы) и заставляет экстраординарное проявляться в ординарном (закон избыточности) [Ricoeur, 1995, p. 229]. Преувеличение направлено на дезориентацию целевой аудитории, чтобы затем настроить ее на восприятие еще неосознаваемых представлений и реальностей. Соответственно, по Дж. Риттеру, основная цель говорящего, употребляющего в своей речи гиперболы, – изменить

представления или эмоциональное состояние адресата сообщения [Ritter, 2010, p. 163]. Способность преувеличения модифицировать мнения, знания, чувства и отношения может использоваться оратором для решения определенных коммуникативных задач, например, для убеждения целевой аудитории в правильности его позиции по какому-либо вопросу. Поскольку гипербола, как отмечает Дж. Риттер, является чрезвычайно рискованным тропом, в ее восприятии важную роль играют этос и пафос [Ritter, 2010, p. 141]. Эффективность гиперболы, как никакого другого тропа, зависит от готовности или предрасположенности целевой аудитории к преувеличению и избыточности, то есть от этоса, и поэтому ее использование является контекстуально-обусловленным. Именно этос и пафос создают субъективное обоснование употребления приема преувеличения в речи [Ritter, 2010, p. 208]. Однако, будучи детерминированной условиями речевой ситуации (этосом) и эмоциональным фоном речевой ситуации (пафосом), гипербола может влиять на реализацию данных риторических категорий в высказывании. Ее способность апеллировать к пафосу, этосу и логосу, выраженный трансформативный характер обуславливают частое использование этого приема с целью убеждения. В работе К. Клэридж показано, что применительно к логосу гипербола может заметно усилить некоторые аспекты доказательств и при этом ослабить другие; применительно к пафосу – представить явления и события как более важные, более пугающие или более желательные и таким образом вызвать у реципиента определенные чувства; что касается этоса, то оратор, склонный к постоянному преувеличению, может произвести впечатление человека, не заслуживающего доверия, в то время как оратор, который постоянно преуменьшает, может показаться неубедительным или скучным – вот почему степень преувеличения должна быть аккуратно выверенной [Claridge, 2011, p. 217].

Анализ высказываний британских политиков на тему инцидента в Солсбери свидетельствует о том, что используемые ими гиперболы апеллируют ко всем трем аспектам убеждения.

Результаты и обсуждение

*Гиперболы в речи
британского представителя в ООН
Карен Пирс*

В выступлении на заседании Совета безопасности от 5 апреля 2018 г. британский представитель в ООН Карен Пирс называет химическое вещество, которым, согласно докладу британских экспертов, были отравлены С. Скрипаль и его дочь, «оружием массового поражения», а само покушение – «попыткой убить мирных жителей на британской земле»:

(1) We all know that investigation is under ways, it's because a military grade nerve agent was used in **an attempt to kill civilians on British soil**. It was carried out recklessly, and it was carried out without regard for public safety. **It was a weapon of mass destruction** (VII).

В данном коммуникативном контексте эти формулировки имеют выраженный гиперболический характер, поскольку семантически они относятся к военной терминологии и традиционно используются для описания действий и событий, происходящих в зоне активных военных действий. Эффект преувеличения создается также при помощи аналогии, которую К. Пирс проводит между масштабными химическими атаками в Сирии в 2014 и 2017 гг. и происшествием в английском провинциальном городке:

(2) Mr. President, there should be no more victims of **chemical weapons attacks**, whether they take place **in the warzone of Syria or in an English country town** (V).

Следуя логике высказывания, инцидент в Солсбери является атакой с применением химического оружия и не уступает по своей общественной значимости официально подтвержденным случаям массовых потерь среди гражданского населения во время сирийского военного конфликта. В другом контексте прагматический эффект аналогии усиливается за счет использования стилистического приема аллитерации (*in Syria and in Salisbury*), позволяющего сделать заявление К. Пирс еще более эмоционально выразительным и запоминающимся:

(3) But we cannot ignore what has happened in Salisbury. We cannot ignore Russia turning a blind eye to **the use of chemical weapons in Syria and in Salisbury** (VII).

Употребление британским политиком данных гиперболических высказываний имеет целью убедить адресата сообщения в том, что происшедшее событие представляет смертельную угрозу для граждан страны.

В выступлении от 4 апреля 2018 г. К. Пирс квалифицирует инцидент в Солсбери как событие, «подвергающее риску международный порядок». Обращаясь к аудитории с призывом предпринять необходимые меры по защите институтов международного права, К. Пирс использует гиперболические высказывания, актуализирующие масштаб трагических последствий, которые могут иметь место, если собравшиеся не поддержат ее позицию по данному вопросу. В частности, она заявляет, что «если мы не предпримем действий, мы подведем жителей Сирии, мы подведем жителей Солсбери и мы подведем весь мир»:

(4) **The rules-based international order and its institutions are too valuable to be put at risk in this way**. It is our collective duty to protect them and seek accountability for those who choose to defy them. **We fail the people of Syria, we fail the people of Salisbury, we fail the world if we do not act** (V).

В данном случае интенсификация гиперболического эффекта достигается за счет использования стилистического приема градации: степень преувеличения, выражаемая следующими друг за другом гиперболами, достигает своего максимального значения в последнем элементе трехчленной цепочки. Особое ритмико-синтаксическое построение предложения, основанное на анафоре, способствует усилению эмоционального, обличительного тона высказывания.

В рассмотренных высказываниях гиперболы апеллируют не только к знаниям адресата, но и его эмоциям (страху, тревоге), а также чувству ответственности. Характеризуя преувеличения в аспекте этоса, отметим, что они настолько искусно встроены в речевой контекст, что могут быть восприняты буквально. В данном случае немалую роль играет и личность говорящего. Авторитет К. Пирс как высокопоставленного дипломата и экспер-

та по международным делам, а также коммуникативно уместное использование ею определенной политической лексики и некоторых прагматически значимых аналогий способствуют более успешному принятию адресатом ее оценки происшедшего события. Употребляемые К. Пирс гиперболические выражения воссоздают нужный ей образ, формируя у адресата представление о предмете обсуждения, количественно, а в некоторых случаях и качественно не отражающее реального положения дел. В этом отношении справедливо замечание Псевдо-Лонгина о том, что лучшая гипербола – это та, которая скрывает сам факт того, что она является таковой. Это происходит в том случае, когда гипербола произносится под влиянием эмоций в ситуации великого кризиса [Longinus, 1995, p. 283].

Примером обращения гиперболы к логосу может служить высказывание К. Пирс, в котором приводятся конкретные «доказательства» того, что инцидент является чрезвычайным происшествием национального масштаба:

(5) Following the poisoning on 4 March in Salisbury of Sergei and Yulia Skripal, the UK has launched **one of the most comprehensive and complex investigations into the use of a chemical weapon ever**, it involves more than **250 police detectives**. They are supported by a range of specialist experts and partners. They are trawling through more than **5 000 hours of CCTV**. They are examining more than **1,350 seized exhibits**. And they are interviewing more than **500 witnesses** (VII).

К. Пирс заявляет, что «Соединенное Королевство предприняло одно из самых всесторонних и комплексных из когда-либо проводившихся расследований применения химического оружия, в котором были задействованы более 250 полицейских и большое количество экспертов, занимающихся просмотром более 5 000 часов записи с камер видеонаблюдения, изучением более 1 350 предметов и допросом более 500 свидетелей». Несмотря на то, что количественные данные, как правило, приводятся с целью конкретизировать ситуацию и составить у адресата более четкое представление о происходящих событиях, в данном случае их использование носит отнюдь не информативный характер. В высказывании К. Пирс они призваны сформировать у адре-

сата сообщения представление о чрезвычайной важности обсуждаемой проблемы. Этот прием аргументации, названный Т.А. ван Дейком «игрой в числа» (number game), часто употребляется в политическом дискурсе с целью придать реплике объективность и достоверность. Кроме того, он является риторическим средством создания эмфазы и гиперболизации [Dijk, 2005, p. 87]. Действительно, в рассматриваемом примере не столь принципиально важно, какое именно количество полицейских участвовало в расследовании – 250 или 285, какое именно количество свидетелей было допрошено – 500 или 520. Эти цифры в первую очередь призваны подчеркнуть общественную значимость инцидента в Солсбери и создать у целевой аудитории представление о существовании угрозы для жизни и благополучия британцев.

***Гиперболы в речи
британского премьер-министра
Терезы Мэй***

В своих выступлениях на тему инцидента в Солсбери Тереза Мэй, бывшая тогда премьер-министром Великобритании, употребляет гиперболические высказывания, актуализирующие не только высокую общественную, но и политическую значимость события. В частности, в парламентской речи от 14 марта 2018 г. она характеризует это событие как «использование боевого отравляющего вещества в Европе» и «незаконное применение силы российским государством против Соединенного Королевства» на фоне «сложившейся модели агрессии российского государства в Европе и за ее пределами»:

(6) They have treated **the use of a military grade nerve agent in Europe** with sarcasm, contempt and defiance. So Mr. Speaker, there is no alternative conclusion other than that the Russian State was culpable for the attempted murder of Mr. Skripal and his daughter – and for threatening the lives of other British citizens in Salisbury, including Detective Sergeant Nick Bailey. This represents **an unlawful use of force by the Russian State against the United Kingdom**. And as I set out on Monday it has taken place against the backdrop **of a well-established pattern of Russian State aggression across Europe and beyond** (IV).

В первом предложении вместо топонима Salisbury (Солсбери) употреблено название части света *Europe* (Европа), имеющее обобщающее значение и при этом указывающее на место происшествия. Это обуславливает расширение масштаба описываемого события в географическом плане, а использование таких синонимичных единиц, как *unlawful use of force* (незаконное применение силы) и *aggression* (агрессия), увеличивает его значимость в политическом плане. Учитывая, что случаи применения боевых отравляющих веществ в Европе были зафиксированы только во время Первой и Второй мировых войн, а агрессия определяется Уставом ООН как применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства (IX), можно утверждать, что указанные слова и словосочетания являются гиперболами. В этом же выступлении Т. Мэй называет происшедшее событие «угрозой национальной безопасности»:

(7) So this debate is taking place, Mr. Speaker, because there is no greater responsibility for this House – for this government and for me as Prime Minister – than recognizing **threats to our national security** and acting to meet them (IV).

Оценка, которую в своем высказывании британский премьер-министр дает инциденту в Солсбери, является существенно преувеличенной и не соответствует действительности. Согласно информации, представленной на официальном сайте правительства Великобритании, к основным угрозам национальной безопасности относятся терроризм, шпионаж, кибератаки и распространение оружия массового поражения, которые могут оказать воздействие на национальную инфраструктуру Соединенного Королевства (I), что не позволяет расценивать покушение на жизнь двух человек (один из них – британский подданный, другой – гражданин России) как угрозу подобного масштаба и значения. В этом отношении справедливо замечание К. Клэридж о том, что контекст играет важную роль в интерпретации гиперболических высказываний, поскольку то, что является преувеличением в одном случае, может таковым и не быть в другом [Claridge, 2011, p. 12]. Рассмотренные при-

меры подтверждают наблюдение Л.П. Крысина, согласно которому «гипербола может создаваться в контексте высказывания – путем смыслового сдвига слов и выражений: от значения единичности к значению регулярности или постоянности действия, от конкретности к обобщенности и т. д.» [Крысин, 2006, с. 118].

В парламентской речи от 26 марта 2018 г., озаглавленной как «PM Commons Statement on National Security and Russia» («Заявления по вопросу национальной безопасности и России»), британский премьер-министр квалифицирует происшедшее событие как «посягательство на наши фундаментальные ценности и международную систему правопорядка», «элемент модели агрессивного поведения России», а также как «новую и опасную фазу во враждебной деятельности России на нашем континенте и за его пределами»:

(8) It was **an assault on our fundamental values and the rules based international system that upholds them**. And it was part of a pattern of increasingly **aggressive Russian behavior**, but which – with the first **offensive use of a nerve agent on European soil** since the foundation of NATO – also represents a new and dangerous phase in **Russia’s hostile activity within our continent and beyond** (III).

Примечательно, что в словосочетаниях *our fundamental values* (наши фундаментальные ценности) и *within our continent* (на нашем континенте) референтами притяжательного местоимения *our* (наш) являются Т. Мэй и европейцы, а не британцы. Следовательно, действительная единица *our* участвует в конструировании дискурса «общего дела», актуализирующего солидарность позиции британского премьер-министра и европейских политиков по обсуждаемой теме.

В аспекте апелляции к логосу рассмотренные гиперболы актуализируют представления о том, что происшедшее событие является опасностью для жизни и благополучия европейцев. При этом оказывается эмоциональное воздействие на адресата: данные высказывания создают определенный патетический настрой, позволяющий говорящему убедить слушающего в правильности и целесообразности предлагаемых им действий. На выраженную эмоциональность использования гипербол указывают многие исследователи.

Так, Г. Колстон и Дж. О’Браен отмечают, что гиперболы подчеркивают несоответствие между ожиданиями или желаниями говорящего и реальным положением дел. Поэтому многие люди используют их для выражения своего недовольства происходящим [Colston, 2015, p. 95]. К. Клэридж указывает, что при помощи преувеличения говорящие передают свое эмоциональное отношение к событиям и ситуациям, при этом степень контраста между гиперболическим высказыванием и реальным положением дел зависит от силы выражаемого чувства [Claridge, 2011, p. 20]. В рассмотренных выше примерах высокая степень контраста между гиперболами и событием, которое они характеризуют, свидетельствует о крайнем недовольстве и возмущении британского премьер-министра. Использование преувеличений в речи преследует цель вызвать такие же эмоции и у аудитории. В аспекте этого данные гиперболические выражения, преимущественно представляющие собой термины политологии и международного права, позволяют Т. Мэй подчеркнуть свой статус политика высокого мирового уровня, владеющего необходимыми знаниями, а также позиционировать себя как сильного и ответственного лидера, заботящегося о безопасности и благополучии своих граждан.

Гиперболы в речи британского министра иностранных дел Бориса Джонсона

Свое мнение по поводу инцидента в Солсбери Борис Джонсон, министр иностранных дел с 2016 по 2018 г., представил вниманию общественности не в официальных пресс-релизах подведомственного ему министерства, а в информационно-аналитических статьях, опубликованных в британской прессе. Эти статьи написаны в соответствии с функционально-стилистическими особенностями языка средств массовой информации и характеризуются использованием риторических средств, создающих экспрессивность и образность. В частности, одним из таких средств являются метафорические гиперболы. Согласно исследованиям языка СМИ, медиатексты «изобилуют тропами, сравнениями, метафорами и прочими стилистическими приемами,

которые используются для оказания воздействия на аудиторию. При этом особое внимание уделяется функционированию метафор, способность которых емко отображать действительность с помощью ярких запоминающихся образов активно используется в журналистской практике всего мира» [Добросклонская, 2008, с. 52]. Известно, что гипербола, как никакой другой троп, обладает способностью сочетаться с разными фигурами речи: метафорой, иронией, метонимией, эпитетом, антитезой и др. (подробно об этом см., например, [Carston, Wearing, 2015, p. 82]). Совместное употребление метафоры и гиперболы может способствовать усилению выразительности и убедительности высказывания.

В статьях Б. Джонсона метафорические гиперболы используются для характеристики официальной позиции и заявлений российского правительства по делу о покушении на С. Скрипаля и его дочь. В статье, опубликованной в газете «Телеграф» 20 марта 2018 г., политик заявляет, что «Россия прибегает к своей обычной стратегии, заключающейся в том, чтобы спрятать иголку правды в стоге лжи и путаницы»:

(9) The Russian state is resorting to its usual strategy of **trying to conceal the needle of truth in a haystack of lies and obfuscation** (VI).

В своем высказывании он перефразирует идиоматическое выражение *look for a needle in a haystack* (искать иголку в стоге сена), которое представляет собой так называемый адинатон – разновидность гиперболы, выражающей преувеличение в настолько высокой степени, что описываемая при ее помощи гипотетическая ситуация в принципе не может быть возможной (ЕВ). Использование хорошо известной поговорки и экспрессивной метафорической гиперболы *a haystack of lies and obfuscation* позволяет сделать высказывание более выразительным и запоминающимся. Прагматически значимым является актуализируемое указанной идиомой противопоставление «истинное положение дел – ложные заявления», поскольку в данном контексте оно обуславливает вывод инференции о том, что именно Россия несет ответственность за случившееся: если заявления российского правительства о непричастности к ин-

циденту в Солсбери ложны, то правда заключается в том, что оно на самом деле к нему причастно. В статье, вышедшей в газете «Таймс» 27 марта 2018 г., британский политик употребляет метафорическую гиперболу *a deluge of lies* (поток лжи) для характеристики заявлений российского правительства, опубликованных в СМИ:

(10) Our allies have not been deterred by Russia's usual tactics for avoiding pressure. Sure enough, the Kremlin began **pumping out a deluge of lies** almost as soon as Sergei and Yulia Skripal had entered intensive care (VIII).

В другом материале, представленном вниманию читателей в газете «Сандэй Таймс» 8 апреля 2018 г., Б. Джонсон использует две гиперболы в словосочетаниях *an avalanche of lies and disinformation* (лавина лжи и дезинформации) и *the torrent of absurdity* (поток абсурда):

(11) The essence of a Kremlin cover-up is a cynical attempt to bury awkward facts beneath **an avalanche of lies and disinformation**. ... This time, **the torrent of absurdity** has availed the Kremlin little: 28 countries and NATO delivered their emphatic answer by siding with Britain and evicting more than 150 Russian diplomats, the largest collective expulsion in history (II).

В приведенных примерах Б. Джонсон называет заявления российского правительства по поводу инцидента в Солсбери ложью, абсурдом, дезинформацией, а также использует гиперболы, актуализирующие неправдоподобный, угрожающе большой объем этих заявлений, что в данном контексте способствует усилению негативного впечатления. Кроме того, указанные гиперболы создают особый эффект обобщения, благодаря которому любые заявления российских властей расцениваются как ложные. В дискурсе данный эффект обобщения реализуется и другими языковыми средствами: прилагательным *usual* (обычный): *The Russian state is resorting to its usual strategy*, вводной конструкцией *sure enough* (конечно же), а также обстоятельством времени *this time*, употребленными с целью формирования у аудитории представления о том, что действия России, о которых идет речь, совершались ранее и вполне ожидаемы.

В аспекте пафоса указанные негативно-оценочные метафорические гиперболы, апеллирующие к разрушительным и смертельно опасным явлениям природы, обуславливают формирование отрицательного отношения к предмету высказывания. С точки зрения этоса употребление таких образных, даже художественных выражений в официальной речи политического деятеля было бы неуместно, а в текстах публицистического стиля, напротив, вполне приемлемо и оправданно.

Заключение

Проведенный анализ показал, что использование гипербол в политическом дискурсе имеет выраженную персуазивную направленность. Они обуславливают реализацию функции убеждения посредством обращения к логосу, пафосу и этосу. Применительно к логосу гиперболы актуализируют высокую общественную и политическую значимость характеризуемого при их помощи события. Применительно к пафосу гиперболы выражают негативное эмоциональное отношение говорящего к предмету сообщения (негодование, возмущение) и имеют целью вызвать аналогичные эмоции у аудитории, что обуславливает их частое использование в политическом дискурсе для критики и дискредитации оппонента и его действий. Эффективность гиперболы как инструмента убеждения в политике в значительной степени зависит от этоса, то есть условий речевой ситуации, детерминирующих уместность употребления данного риторического приема, и личности говорящего. Использование политиком гипербол, семантически и ситуационно соотносимых с его профессиональной компетенцией и сферой деятельности (например, дипломатия, международная политика), способствует более успешному принятию данных преувеличивающих выражений, содержание которых воспринимается адресатом как правильное и/или соответствующее действительности. В некоторых высказываниях гиперболы настолько искусно встроены в коммуникативный контекст, что могут восприниматься буквально. Употребление образных метафорических гипербол с целью формирования у адресата определенного отношения к предмету сообщения зафиксиро-

вано только в публицистических текстах информационно-аналитического типа и обусловлено функционально-стилистическими особенностями языка СМИ. В политическом дискурсе взаимодействие преувеличения с другими риторическими приемами (аналогией, аллитерацией, анафорой, градацией) делает высказывание более экспрессивным и убедительным. В некоторых случаях негативно-оценочные метафорические гиперболы совместно с лексическими средствами могут создавать контекстуальный эффект обобщения, позволяющий придать большую убедительность заявлениям адресанта. Важную роль в реализации персуазивной функции гиперболы в политическом дискурсе играет ее эвокативность, то есть способность вызывать определенные представления, в рамках которых объект гиперболической репрезентации приобретает свойства, значительно отличающиеся от его реальных характеристик в количественном, а иногда и качественном отношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добросклонская Т. Г., 2008. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М. : Флинта : Наука. 264 с.
- Крысин Л. П., 2006. Гипербола в художественном тексте и в обыденной речи // Язык художественной литературы. Литературный язык : сб. ст. к 80-летию М.Б. Борисовой. Саратов : Научная книга. С. 112–120.
- Cano Mora L., 2006. How to Make a Mountain Out of a Molehill. A Corpus-Based Pragmatic and Conversational Analysis Study of Hyperbole in Interaction. Valencia : University of Valencia Press. 328 p.
- Carston R., Wearing C., 2015. Hyperbolic Language and its Relation to Metaphor and Irony // Journal of Pragmatics. Vol. 79. P. 79–92.
- Claridge C., 2011. Hyperbole in English. A Corpus-Based Study of Exaggeration. Cambridge : Cambridge University Press. 325 p.
- Colston H. L., 2015. Using figurative language. Cambridge : Cambridge University Press. 284 p.
- Colston H., O'Brien J., 2000. Contrast of Kind Versus Contrast of Magnitude: The Pragmatic Accomplishments of Irony and Hyperbole // Discourse Processes. Vol. 30, iss. 2. P. 179–199.
- Dijk T. A. van, 2005. War Rhetoric of a Little Ally // Journal of Language and Politics. Vol. 4. P. 65–91.
- Kalkhoven L., De Landtsheer Ch., 2016. Politics, It Has Never Been So Simple. Complex Versus Simple Rhetoric and the Use of Hyperbole in Political Decision-making in the Netherlands // Complex political decision-making. Leadership, Legitimacy and Communication / P. Bursens (ed.). London : Taylor and Francis. P. 183–198.
- Longinus, 1995. On the Sublime. The Loeb Classical Library / transl. by W. H. Fyfe. Cambridge : Harvard University Press. 533 p.
- Mattiello E., 2016. Understatement and Overstatement: Two Powerful Persuasive Tools in English and Italian Political Speeches // The language of politics = La politique et ses langages / M. Degani, P. Frassi, M. Ivana Lorenzetti (eds.). Cambridge : Cambridge Scholars Publishing. Vol. 1. P. 159–178.
- McCarthy M., Carter R., 2004. There's Millions of Them: Hyperbole in Everyday Conversation // Journal of Pragmatics. Vol. 36, iss. 2. P. 149–184.
- Ricoeur P., 1995. Figuring the Sacred: Religion, Narrative, and Imagination / transl. by D. Pellauer. Minneapolis : Fortress Press. 340 p.
- Ritter J., 2010. Recovering Hyperbole: Re-Imagining the Limits of Rhetoric for an Age of Excess. Dissertation. Atlanta : Georgia State University. 326 p.
- Roberts R., Kreuz R., 1994. Why do people use figurative language? // Psychological Science. Vol. 5. P. 159–163.
- Snoeck Henkemans A. F., 2017. Strategic Maneuvering with Hyperbole in Political Debate // Contextualizing Pragma-Dialectics / F. H. van Eemeren, W. Peng (eds.). Amsterdam : John Benjamin Publishing Company. P. 269–280.

ИСТОЧНИКИ

- I – National Security Threats // Centre for the Protection of National Infrastructure. URL: <https://www.cpni.gov.uk/national-security-threats>.
- II – Only Russia could have committed this crime: article by Boris Johnson // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/only-russia-could-have-committed-this-crime-article-by-boris-johnson>.
- III – PM Commons statement on National Security and Russia: 26 March 2018 // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-national-security-and-russia-26-march-2018>.
- IV – PM Commons Statement on Salisbury incident response: 14 March 2018 // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-response-14-march-2018>.

- V – Protecting Victims of Chemical Weapons Attacks in Syria, Salisbury and Internationally // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/protecting-victims-of-chemical-weapons-attacks-in-syria-salisbury-and-internationally>.
- VI – Putin's sinister threats and lies extend far beyond his own country: article by Boris Johnson // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/putins-sinister-threats-and-lies-extend-far-beyond-his-own-country-article-by-boris-johnson>.
- VII – We cannot ignore what has happened in Salisbury: UN Security Council statement, 5 April 2018 // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/we-cannot-ignore-what-has-happened-in-salisbury>.
- VIII – West takes a stand to halt reckless ambitions: article by Boris Johnson // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/west-takes-a-stand-to-halt-reckless-ambitions-article-by-boris-johnson>.
- IX – Определение агрессии // Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.
- EB – Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/art/adytonatn>.

REFERENCES

- Dobrosklonskaya T.G., 2008. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech* [Medialinguistics: A System Approach to Studying the Language of Mass Media: Contemporary English Media Speech]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 264 p.
- Krysin L.P., 2006. Giperbola v khudozhestvennom tekste i v obydennoy rechi [Hyperbole in Fiction and in Everyday Speech]. *Yazik khudozhestvennoy literatury. Literaturnyy yazyk: sb. k 80-letiyu M.B. Borisovoy* [Language of Fiction. Literary Language. Collection of Articles to the 80th Anniversary of M.B. Borisova]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., pp. 112-120.
- Cano Mora L., 2006. *How to Make a Mountain out of a Molehill. A Corpus-Based Pragmatic and Conversational Analysis Study of Hyperbole in Interaction*. Valencia, University of Valencia Press. 328 p.
- Carston R., Wearing C., 2015. Hyperbolic Language and Its Relation to Metaphor and Irony. *Journal of Pragmatics*, vol. 79, pp. 79-92.
- Claridge C., 2011. *Hyperbole in English. A Corpus-Based Study of Exaggeration*. Cambridge, Cambridge University Press. 325 p.

- Colston H.L., 2015. *Using Figurative Language*. Cambridge University Press. 284 p.
- Colston H., O'Brien J., 2000. Contrast of Kind Versus Contrast of Magnitude: The Pragmatic Accomplishments of Irony and Hyperbole. *Discourse Processes*, vol. 30, iss. 2, pp. 179-199.
- Dijk T.A. van, 2005. War Rhetoric of a Little Ally. *Journal of Language and Politics*, vol. 4, pp. 65-91.
- Kalkhoven L., De Landtsheer Ch., 2016. Politics, It Has Never Been So Simple. Complex Versus Simple Rhetoric and the Use of Hyperbole in Political Decision-making in the Netherlands. Bursens P., ed. *Complex Political Decision-Making. Leadership, Legitimacy and Communication*. London, Taylor and Francis, pp. 183-198.
- Longinus, 1995. *On the Sublime. The Loeb Classical Library*. Cambridge, Harvard University Press. 533 p.
- Mattiello E., 2016. Understatement and Overstatement: Two Powerful Persuasive Tools in English and Italian Political Speeches. Degani M., Frassi P., Ivana Lorenzetti M., eds. *The Language of Politics = La politique et ses langages*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, vol. 1, pp. 159-178.
- McCarthy M., Carter R., 2004. There's Millions of Them: Hyperbole in Everyday Conversation. *Journal of Pragmatics*, vol. 36, iss. 2, pp. 149-184.
- Ricoeur P., 1995. *Figuring the Sacred: Religion, Narrative, and Imagination*. Minneapolis, Fortress Press. 340 p.
- Ritter J. *Recovering Hyperbole: Re-Imagining the Limits of Rhetoric for an Age of Excess. Dissertation*. Atlanta, Georgia State University. 326 p.
- Roberts R., Kreuz R., 1994. Why Do People Use Figurative Language? *Psychological Science*, vol. 5, pp. 159-163.
- Snoeck Henkemans A.F., 2017. Strategic Maneuvering with Hyperbole in Political Debate. Eemeren F.H. van, Peng W., eds. *Contextualizing Pragma-Dialectics*. Amsterdam, John Benjamin Publishing Company, pp. 269-280.

SOURCES

- National Security Threats. *Centre for the Protection of National Infrastructure*. URL: <https://www.cpni.gov.uk/national-security-threats>.
- Only Russia could have committed this crime: article by Boris Johnson. *Gov.uk*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/only-russia-could-have-committed-this-crime-article-by-boris-johnson>.

- PM Commons Statement on National Security and Russia: 26 March 2018. *Gov.uk*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-national-security-and-russia-26-march-2018>.
- PM Commons Statement on Salisbury Incident Response: 14 March 2018. *Gov.uk*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-response-14-march-2018>.
- Protecting Victims of Chemical Weapons Attacks in Syria, Salisbury and Internationally. *Gov.uk*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/protecting-victims-of-chemical-weapons-attacks-in-syria-salisbury-and-internationally>.
- Putin's Sinister Threats and Lies Extend far Beyond His Own Country: Article by Boris Johnson. *Gov.uk*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/putins-sinister-threats-and-lies-extend-far-beyond-his-own-country-article-by-boris-johnson>.
- We Cannot Ignore What Has Happened in Salisbury: UN Security Council Statement, 5 April 2018. *Gov.uk*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/we-cannot-ignore-what-has-happened-in-salisbury>.
- West Takes a Stand to Halt Reckless Ambitions: Article by Boris Johnson. *Gov.uk*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/west-takes-a-stand-to-halt-reckless-ambitions-article-by-boris-johnson>.
- Opređenje agresije [Definition of Aggression]. *Konvencije i soglasenja* [Conventions and Agreements]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.
- Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/art/odynaton>.

Information about the Author

Tatyana M. Golubeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Professional Communication in Foreign Languages, Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod (Minin University), Ulyanova St., 1, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, gtm77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-5364>

Информация об авторе

Татьяна Михайловна Голубева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет), ул. Ульянова, 1, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, gtm77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-5364>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>

UDC 81'1:32
LBC 81.055.5

Submitted: 06.09.2018
Accepted: 19.03.2019

CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

Marina S. Matytsina

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

Abstract. The article is devoted to formation and development of discourse analysis as an effective method to study functional aspects of political communication in global political space. It reports on main theoretical and methodological approaches to critical analysis of political discourse. Mainly, it deals with theoretical and methodological perspectives of three leading schools of critical discourse analysis: discourse analysis of N. Fairclough, that presents a relational approach to considering social problems in their relation to textual analysis; socio-cognitive theory of T.A. van Dijk, oriented to investigating relations between cognitive structures, discourse and social coordination; discourse analysis of R. Wodak, that uses historical approach to discourse and is aimed at description of powerful language of the elite that helps to maintain dominance in society. The paper characterizes some frameworks of critical analysis of political discourse, including the Duisburg School of Critical Discourse Analysis (S. Jäger, F. Maier), System-Functional and Social-Semiotic Theory (M. Halliday, T. van Leeuwen), and Mediated Discourse Analysis (R. Scollon, S. Scollon). It is stated that within its boundaries critical discourse analysis includes a variety of approaches, analytical tools and methodologies. The author underlines that scientific consideration of critical discourse analysis will demonstrate its potential and prospects for integrating this interdisciplinary qualitative methodology into a set of empirical tools of modern political science.

Key words: political discourse, critical discourse analysis, discursive practices, critical linguistics, political communication.

Citation. Matytsina M.S. Critical Discourse Analysis: Theoretical and Methodological Approaches. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 206-216. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>

УДК 81'1:32
ББК 81.055.5

Дата поступления статьи: 06.09.2018
Дата принятия статьи: 19.03.2019

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Марина Станиславовна Матыцина

Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Россия

Аннотация. Статья посвящена одному из методов исследования коммуникации в глобальном политическом пространстве – дискурс-анализу. Описаны основные теоретико-методологические направления критического дискурс-анализа. Осмыслены достижения трех ведущих школ: дискурс-анализ Н. Фэрклоу, базирующийся на диалектико-реляционном подходе и имеющий целью рассмотрение социальных проблем в тес-

ной взаимосвязи с текстовым анализом; социо-когнитивная теория Т. ван Дейка, ориентированная на изучение отношений между когнитивными механизмами познания, дискурсом и социальным взаимодействием; дискурс-анализ Р. Водак, опирающийся на дискурсивно-исторический подход и нацеленный на выявление особенностей использования языка властными элитами для поддержания своего доминирования. Охарактеризованы также другие направления критического анализа политического дискурса: Дуйсбургская школа критического дискурс-анализа (З. Егер, Ф. Майер), системно-функциональная и социально-семиотическая теория (М. Халлидей, Т. ван Лювен) и опосредованный дискурс-анализ (Р. Сколлон, С. Сколлон). Отмечено, что критический дискурс-анализ включает разнообразные подходы, аналитические инструменты и методики. Сделан вывод о необходимости научного осмысления сущности критического дискурс-анализа, его возможностей, целесообразности и эмпирической ценности интеграции этого междисциплинарного метода в комплекс методов современной политической науки.

Ключевые слова: политический дискурс, критический дискурс-анализ, дискурсивные практики, критическая лингвистика, политическая коммуникация.

Цитирование. Матыцина М. С. Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические подходы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 206–216. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>

Введение

Анализ активно развивающихся направлений изучения политической коммуникации позволяет определить круг наиболее разрабатываемых вопросов, мотивирует потребность в синтезе знаний, уже накопленных в области дискурс-анализа, и их практического применения с целью устранения теоретико-методологических лагун в осмыслении сущности политического дискурса и повышения эффективности речевого взаимодействия во всех сферах жизни социума.

В настоящее время, когда для изучения коммуникативного своеобразия субъекта социального действия необходимо синтезировать идеи, разработанные в языкознании, социологии, психологии, философии, этнографии и культурологии, появилось большое количество междисциплинарных теорий и научных исследований, позволяющих глубже понять природу политического дискурса, рассмотреть его с разных точек зрения и получить целостное представление о нем. На аксиологическом уровне методологии выделяют два основных направления анализа политической коммуникации: дескриптивный и критический [Fairclough, 1985].

Дескриптивный подход восходит к трудам Аристотеля и Цицерона, которые проводили всесторонний риторический анализ речей политиков своего времени [Аристотель, 1978; Цицерон, 1994, с. 162–371]. Политический дискурс отождествлялся с понятием «риторика», включавшим представления обо всех

возможных формах убеждения на политических собраниях [Cicero, 1971]. В современной лингвистике существует большое количество работ, посвященных изучению специфики текстов политической коммуникации с позиций риторики [Aune, Medhurst, 2008; Finlayson, 2007; Lunsford, Wilson, Eberly, 2008; Parry-Giles, Hogan, 2010]. В этих исследованиях основное внимание уделяется речевой деятельности политиков: изучаются языковые средства, риторические приемы, стратегии манипулирования, используемые политиками с целью убеждения. Политический дискурс также рассматривается в аспекте теории риторической аргументации (см., например, [Connolly, 1993]). Дескриптивность заключается в том, что анализируемые феномены описываются и объясняются без экспликации идеологических оценок, связанных с политическими убеждениями субъекта исследования.

Ключевое место в современной методологии изучения взаимодействия языка и общества принадлежит критическому дискурс-анализу (КДА), цель которого – исследование выраженного в дискурсе социального неравенства. При этом ученые, работающие в данном направлении, по мнению Т. ван Дейка, не могут занимать отстраненную и тем более индифферентную позицию [Dijk, 1993].

В становлении теории критического анализа политического дискурса важную роль сыграли труды К. Маркса. Большой вклад в формирование этого направления внесли идеи А. Грамши, Л.П. Альтюссера, М. Бахтина, работы последователей Франкфуртской шко-

лы, в особенности Ю. Хабермаса, французских структуралистов А.Ж. Греймаса, К. Бремона, Ц. Тодорова, Р. Барта, группы лингвистов из лондонской школы М. Халлидея, представителей французской школы постструктурализма – М. Фуко, П. Серио, М. Пеше. Основу КДА составляют исследования реализующегося через дискурс социального угнетения, доминирования и принуждения, раскрывающие сущность этих явлений. Политологи М. Эдельман, Д. Грабер, группа лингвистов из школы М. Халлидея в Университете Восточной Англии, Г. Кресс, Р. Ходж, Р. Фулер в своих трудах разработали технику «критической лингвистики». Н. Фэрклоу, Р. Водак, Т. ван Дейк и другие представители этого направления анализируют сложные взаимоотношения между дискурсом и обществом, отражение и воспроизводство социальной организации власти в языке, рассматривают проблему социального неравенства, выраженного в дискурсе.

Несмотря на очевидное сходство изучаемых круга вопросов и общность категориального аппарата, которая заключается в том, что все школы КДА оперируют такими категориями, как время (*tense*), дейксис (*deixis*), метафора (*metaphor*), атрибутивы (*attribute*) и аргументативные топосы (*argumentative topos*), теоретическая база и методология разных школ КДА имеют некоторые отличия. В одних доминируют дедуктивные методы анализа, в других – экспериментальные. Первые строят свои объяснения, используя сравнительно небольшое количество примеров; вторые опираются на данные, полученные в результате большого количества экспериментов, и оперируют надежными и объективными данными.

Основные подходы критического дискурс-анализа

1. *Диалектико-реляционный подход (Dialectical-Relational Approach)* к изучению КДА, разработанный Н. Фэрклоу, основан преимущественно на идеях марксизма, что наглядно проявляется в его исследованиях языка, идеологии и власти [Fairclough, 1989; 1995]. Ученый оперирует такими терминами, как «доминирование» (*dominance*), «сопротивле-

ние» (*resistance*), «гибридизация дискурсивных практик» (*hybridisation of discursive practices*), «технологизация дискурса» (*technologisation of discourse*) и «конверсационализация публичного дискурса» (*conversationalisation of public discourse*), называя КДА чем-то средним между анализом конкретных текстов и тем, что именуется «порядком дискурса», под которым мы понимаем дискурсивное измерение социального порядка [Fairclough, 2003, p. 3]. По мнению Р. Водак и М. Мейер, исследование Н. Фэрклоу сводится к изучению семиотического отражения социального конфликта в дискурсе [Wodak, Meyer, 2009]. Этим объясняется необходимость изучения социальных практик с целью критического разоблачения закодированных в дискурсивных практиках способов злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства. Прагматический аспект данного подхода проявляется в том, что язык рассматривается как форма социальной практики, тесно связанной с механизмами реализации власти, в ходе которой властные структуры конструируют, воспроизводят и изменяют окружающую действительность, одновременно испытывая на себе ее влияние, что, по Н. Фэрклоу, составляет основу лингводидактики [Fairclough, 1999].

Одно из ведущих мест в КДА занимает анализ текста. Н. Фэрклоу предлагает включить в поле исследования три этапа анализа дискурса [Fairclough, 2003, p. 99]. Первый этап – это рассмотрение социальной проблемы в тесной взаимосвязи с текстовым анализом. Обоснованием служит тот факт, что тексты являются индикаторами социальных изменений. Н. Фэрклоу подчеркивает значимость критической ориентации дискурс-анализа: власть и социальный контроль, как правило, реализуются с помощью текстовых средств. Подход к языку как семиотической практике предполагает, что язык обеспечивает формирование социальных идентичностей, конструирование реальности и, наконец, текста. При таком понимании дискурсивного пространства учитывается существование диалектических отношений между отдельным дискурсивным событием и социальными структурами, которые его формируют. Дискурс организуется, как считает Н. Фэрклоу, социальными структурами и

практиками, а также социальными агентами – людьми, вовлеченными в социальные события [Fairclough, 2003, p. 22]. Это позволяет, по мнению исследователя, выяснить, как материализуется, воспроизводится и навязывается принятая в том или ином обществе система взглядов, ценностей и целеустановок. В то же время дискурсивные события вносят свой вклад в изменение и укрепление существующих социальных отношений, влияют посредством семиотического кода на социальные структуры, конструируют реальность согласно собственным образцам. Следовательно, дискурс и социальные структуры являются взаимно конституирующими сущностями: социальные структуры создают дискурсивное событие, а оно формирует социальную и политическую реальность [Fairclough, Wodak, 1997].

Анализ текста опирается не только на изучение языковых (речевых) единиц, он включает также междискурсивный анализ: дискурсивное описание конкретной социальной проблемы исследуется посредством определения стилей (семиотических образов), жанров (способов поведения и производства социальной жизни, имеющих семиотическую природу) и дискурсов (семиотических способов толкования мира); затем между ними выявляются различия и в завершении проводится изучение способов их взаимодействия и сочетания. Следовательно, социальное измерение дискурса, или порядок дискурса, представляет собой особое состояние дискурсивной среды как результат социокультурной детерминации и контролирования дискурсивных практик.

Вторым этапом КДА является структурный анализ контекста и позиций социальных акторов, учет времени предложения, переходности, модальности, а также иных семиотических систем, например, языка тела и визуальных изображений.

На третьем этапе проводится исследование интердискурсивности с целью определения роли дискурсов в процессах социального изменения.

Одной из сильных сторон диалектико-реляционного подхода является междисциплинарность. Это означает, что несмотря на схожесть знаковой природы элементов соци-

альной практики, у них есть существенные различия, что предполагает использование междисциплинарного подхода для их исследования [Fairclough, 2000]. КДА занимается интерпретацией дискурса сквозь призму таких дисциплин, как прагматика, конверсационный и нарративный анализ, риторика, стилистика, социолингвистика [Fairclough, Wodak, 1997]. С позиций диалектико-реляционного подхода в КДА интегративная цель исследований обуславливает междисциплинарную методологию, а именно: установление идеологических функций языка в производстве, воспроизводстве и изменениях социальных структур, связей, субъектов, раскрытие природы власти и доминирования, а также анализ имплицитных и в то же время очевидных проявлений дискриминации, господства, власти и контроля, выраженных посредством языка.

2. Социо-когнитивный подход (Socio-Cognitive Approach), разрабатываемый Т. ван Дейком, основан на взаимосвязи между когнитивными структурами, дискурсом и обществом. Этот подход сформировался как результат объединения когнитивного анализа механизмов познания, лингвистического анализа и изучения особенностей социального взаимодействия. Т. ван Дейка интересуют дискурсивное воспроизводство стереотипов (stereotypes), этнических предрассудков (the reproduction of ethnic prejudice), злоупотребление властью со стороны элит (power abuse by elites) и сопротивление угнетаемых групп (resistance by dominated groups). Исследователь подчеркивает важность выявления взаимодействия между дискурсом и властными социальными структурами, под которым понимается не простое корреляционное взаимодействие, а сложный социокогнитивный процесс, включающий ментальные модели в сознании участников, испытывающих влияние дискурсивных структур и в то же время влияющих на формирование новых дискурсов. Структуры доминирования посредством кодирования информации в дискурсе не только формируют новые коллективные знания о мире, хранящиеся в кратковременной и долговременной памяти, но и обновляют существующие. «Встроенные» в текст лингвистические механизмы наилучшим образом воспроизводят посредством дискурса властные

отношения в обществе. Процесс декодирования информации в дискурсе в свою очередь формирует наши представления о мире, структурируя социальную реальность (а значит, и будущие дискурсы). В качестве инструмента для производства и лучшего понимания дискурса Т. ван Дейк выделяет структурные знания (K-device). Данное понятие, представляющее собой соотношение личностного, межличностного, группового, институционального, национального и культурного знания, используется для самопрезентации группы и обособления ее от других [Dijk, 2005].

Разделение общего социокультурного знания всеми членами одного эпистемического сообщества служит основой стратегии прагматического управления этим знанием. Дискурс понимается как совокупность текста и социально-когнитивных факторов. Согласно Т. ван Дейку, во-первых, его следует изучать как текст, требующий анализа на синтаксическом, семантическом, стилистическом и коммуникативном уровнях. Во-вторых, его необходимо рассматривать с учетом процессов производства, получения и понимания информации собеседниками. В-третьих, дискурс следует понимать как последовательность контекстуализированных, контролируемых и целенаправленных действий, совершаемых в обществе, то есть дискурс – это форма социальных действий, происходящих в контексте [Дейк, 2013; Dijk, 2009]. Когнитивные структуры, представляющие собой субъективный ментальный конструкт участников, – связующее звено между дискурсивными и социальными структурами [Dijk, 2009].

Обязательным компонентом исследований является определение взаимосвязи и взаимообусловленности семиотических структур дискурса и социальных структур. Последние, как полагают Н. Фэрклоу и Р. Водак, вводятся, устанавливаются, легитимируются, утверждаются или оспариваются текстом и речью [Fairclough, Wodak, 1997, p. 266]. Т. ван Дейк считает, что для проведения КДА необходимо учитывать категорию контекста в русле теории социального представления С. Московичи [Moscovici, 2000]: когнитивные модели членов социума, то есть система понятий, ценностей, норм и представлений, разделяемая той или иной социальной группой, опосре-

дует как создание и восприятие дискурсов, так и задаваемые идеологией представления о социальной структуре [Dijk, 2009]. Контексты являются субъективными конструктами участников дискурса и включают в себя когнитивную, социальную, историческую, культурную и политическую составляющие коммуникативной ситуации, от которых производится концептуальная модель текстуальных или разговорных структур [Dijk, 2008, p. 117]. Поскольку контексты связаны со знаниями членов общества о социальных ситуациях и институтах и том, как использовать в них язык, Т. ван Дейк утверждает, что каждый контекст контролирует конкретный тип дискурса и каждый дискурс зависит от конкретного типа контекста. Исследователь вводит понятие контекстуальной модели (contextual model), которая определяется как «ментальная модель, представленная в эпизодической памяти. Контекстуальные модели управляют многими свойствами порождения и восприятия дискурса, речевыми актами, стилем, выбором лексических средств, форматом, риторикой, семантическими стратегиями и т. д.» [Дейк, 2013, с. 230]. Т. ван Дейк активно выступает за проведение анализа семантических макроструктур, значений слов в конкретном тексте, формальных структур, глобальной и локальной структуры дискурса, специфичных лингвистических реализаций и контекста. Особое внимание он уделяет когерентности, выбору лексики и темы, риторическим фигурам, речевым актам, пропозициональным структурам, импликации и импликатуре, хезитации и смене коммуникативных ролей.

3. При *дискурсивно-историческом подходе (Discourse-Historical Approach)* цель анализа заключается в выявлении того, как властные элиты используют язык и другие семиотические системы для поддержания своего господства [Reisigl, Wodak, 2009]. Первоначально внимание исследователей было обращено на изучение послевоенного антисемитизма в Австрии. В настоящее время в работах ученых, придерживающихся данного подхода, рассматриваются вопросы, касающиеся конструирования дискурсов национальной, наднациональной, региональной идентичности и социальной изоляции аут-групп, потенциала политического дискурса как инструмен-

та воспроизводства социального доминирования, позволяющего осуществлять некую категоризацию, создавать идентичности, относить различные группы к тем или иным «классам». Дискурсивно-исторический метод основывается на идеях Франкфуртской философской школы и прежде всего Ю. Хабермаса, в теории которого понятие рационального действия является одним из ключевых, а стратегическое и коммуникативное действие, направленное на успех, противопоставляется коммуникации, ориентированной на достижение понимания. По мнению Р. Водак, дискурс – это «продукт» коммуникативного действия, выраженный в речевой форме (в виде текста или разговора), форма социального действия – социально конститутивная и социально сформированная [Fairclough, Wodak, 1997, p. 276]. Обязательным этапом исследования становится проведение текстуального и контекстуального анализа. При этом модель контекста понимается как сложный феномен, включающий четыре уровня: (а) лингвистический ко-текст (linguistic co-text), (б) интертекстуальный и интердискурсивный (intertextual and interdiscursive level), (в) экстралингвистический уровень (extralinguistic level), (г) социально-политический и исторический (sociopolitical and historical level) [Wodak, Meyer, 2009]. Взаимосвязь между текстами и дискурсами ведет к деконтекстуализации и реконтекстуализации, под которыми понимается «перемещение» текстуальных или дискурсивных элементов, ассоциируемых с определенными речевыми событиями, в новые контексты.

Дискурсивно-исторический подход способствовал появлению целого ряда аналитических и описательных инструментов, в основе которых лежат лингвистические модели анализа и теория аргументации. В частности, его ключевые понятия связаны с установлением следующих дискурсивных стратегий: 1) номинации (referent) социальных акторов; 2) предикации (predication) их социальных действий; 3) аргументации (argumentation) и аргументативных схем, основанных на определенных топосах, посредством которых социальные акторы пытаются оправдать и узаконить политическое включение или исключение, дискриминационное или преференциаль-

ное обращение; 4) создания перспективы – перспективации (perspectivization), с помощью которой социальный актор или группа характеризуются с точки зрения говорящего / пишущего; 5) интенсификации и митигации (intensification / mitigation), модифицирующих иллюкутивное воздействие высказывания с целью усиления или снижения интенсивности его побудительного заряда [Wodak, 2011]. Учитывая конституирующую роль контекста в понимании дискурса, а также контекстуальные уровни дискурса, ситуативно обуславливающие дискурс и накладывающие на него ряд ограничений, следует отметить, что текстуальный и контекстуальный уровни анализа диалогично взаимосвязаны.

Одной из сильных сторон данного подхода является сочетание наблюдения, теории и практики, а также ориентированность на поиск и интегрирование информации применительно к различным уровням письменного и устного текста. Кроме того, важной частью дискурсивно-исторической методологии, в частности, в исследовании жанров, представляется исторический, политический и социологический анализ, направленный на определение арсенала эффективных приемов оказания прагматического воздействия на аудиторию, способствующего созданию предвзятого мнения в дискурсе.

Дополнительные направления критического анализа политического дискурса

Помимо характеристики трех основных подходов следует сказать о Дуйсбургской школе критического дискурс-анализа, системно-функциональном подходе к анализу дискурса и об опосредованном дискурс-анализе.

Дуйсбургскую школу критического дискурс-анализа возглавляет З. Егер. На ее становление и развитие значительное влияние оказали работы М. Фуко, главная мысль которых заключается в том, что именно дискурс определяет содержание. По мнению З. Егера, производство, восприятие и понимание дискурса конкретным индивидуумом зависят от его положения в системе исторически обусловленных связей и представляют собой институционализированную модель пове-

дения, мышления и речи. Этот подход, в основе которого лежат социальный конструктивизм [Laclau, 1980] и теория деятельности [Leontyev, 1978], называют также диспозитивным. Согласно ему социальные акторы являются частью семиотической системы, включающей не только коммуникативное взаимодействие, но и юридические практики, обычаи, ритуалы, социальные институты, способы деятельности, принятые в данной культуре, что позволяет считать дискурс конвенциональным процессом. К основным понятиям, которыми оперирует данный подход, относятся: дискурсивный уровень (*diskursive Ebene*), дискурсивное ответвление (*diskursiver Zweig*), дискурс-фрагмент (*Diskursfragmente*), дискурсивное событие (*diskursives Ereignis*), дискурсивный контекст (*diskursiver Kontext*) [Jäger, Zimmermann, 2010, p. 38–42]. Дискурс рассматривается как институционализируемая манера речи, регламентирующая действие тех или иных отношений и создающая таким образом предпосылки для появления властной асимметрии [Link, 1983, p. 60]. Социальные акторы следует характеризовать как субъекты, вплетенные в социоисторически заданные «дискурсивные контексты» [Jäger, 2001, p. 22]. Это значит, что они формируют социальную действительность исходя из представлений, заложенных в дискурсе. В рамках дуйсбургской школы особое внимание уделяется изучению метафор, стилей, импликации, стратегии аргументации и символов.

Последовательность процедур анализа такова: сначала осуществляется выбор конкретного предмета исследования и анализу подвергается одна предметная область, затем проводится структурный анализ элементов отдельного дискурс-фрагмента, под которым понимается то, что уже сказано или может быть сказано в определенный момент времени, или его части, тематически связанной с тем или иным общественным дискурсом [Jäger, Maier, 2013]. Дискурсивные практики (вербальные способы коммуникации) исследуются путем анализа текстов; невербальные – с помощью этнографических методик. Практически каждый текст объединяет в себе несколько дискурсов, продолжает уже существующие тексты и порождает новые (принцип интертекстуальности) [Jäger, Zimmermann, 2010, p. 112].

В такой перспективе он всегда «вплетен» в социоисторический контекст и содержит фрагменты социоисторических дискурсов.

Основателем *системно-функционального подхода* к языку как семиотической системе является М. Халлидей, последователями которого стала группа лингвистов Университета Восточной Англии – Г. Кресс, Р. Ходж, Р. Фулер [Fowler et al., 1979; Kress, Hodge, 1979], разработавших технику «критической лингвистики». Согласно принципам системной функциональной грамматики М. Халлидея, различные лингвистические описания одного и того же фрагмента социальной реальности конструируют этот фрагмент по-разному. Ученый рассматривает язык как систему «потенциального значения», или совокупность инструментов, влияющих на процесс речевой деятельности в определенном социальном контексте [Halliday, 1978, p. 39]. Следовательно, одно и то же исторически происходящее событие можно охарактеризовать, например, как бунт, демонстрацию или протест, при этом социальные акторы могут быть представлены либо как активные социальные деятели, либо как жертвы в зависимости от выбора говорящим соответствующих грамматических структур. Тексты – формы социальной практики (то есть регулируемые способы ведения дел), которые предполагают наличие социальных агентов, их действий, поведенческих моделей, способов саморепрезентации, а также умений и ресурсов, требуемых для их осуществления.

Т. ван Лювен разработал теоретические основы системной функциональной грамматики с целью проведения классификации типов социальных акторов семиотической системы и различных способов их лингвистического представления [Leeuwen, 2008]. По мнению исследователя, элементы социальной практики претерпевают изменения за счет использования таких трансформаций, как исключение, подмена, перестановка и дополнение. Реконтекстуализация дискурса отвечает на вопрос, зачем и почему существуют те или иные социальные практики. Т. ван Лювен высказал следующее предположение: социальные акторы могут быть как включены в дискурс, так и исключены из него посредством называния или умалчивания в тексте действий актора или

самого актора; действия могут быть представлены как в динамике, так и без нее вне зависимости от присутствия в дискурсе социальных агентов; социальные акторы могут быть репрезентированы в виде чисел и обобщенных существительных или посредством поименной персонификации за счет указания конкретных акторов; социальные практики или их элементы могут быть как включены в контекст, так и исключены из него. Указывая способы, с помощью которых социальные акторы, их действия и цели могут быть отражены в текстах, Т. ван Лювен делает попытку проанализировать, как различные дискурсы легитимизируют их.

Опосредованный дискурс-анализ (*Mediated Discourse Analysis*), разрабатываемый Р. Сколлоном и С. Сколлоном, опирается на эвристику этнографии и семиотики [Scollon, Wong Scollon, 2005]. Он имеет схожие черты с дискурсивно-историческим подходом и акцентирует внимание на исследовании дискурса в диахронии, при этом тексты рассматриваются как ситуативный дискурс [Scollon, 2003]. Кроме того, Р. Сколлоном и С. Сколлоном обращаются к идеям французского социолога П. Бурдьё, в частности, к понятию габитуса – системы прочных приобретенных предрасположенностей, предназначенных для функционирования в качестве особых структур, то есть принципов, которые, интегрируя прошлый опыт, определяют восприятие, суждения и действия, порождают и организуют практики и представления, объективно приспособленные для достижения определенных результатов, но не предполагающие сознательной нацеленности на эти результаты и не требующие особого мастерства [Бурдьё, 1995]. Данный подход опирается также на философию Китаро Нисиды, используя разработанные им понятия «интуиция действия» (*action-intuition*) и «историческое тело» (*historical body*), сочетающие социальное и психологическое. По мнению Р. Сколлона и С. Сколлона, дискурсы всегда присутствуют там, где человек является социальным актором, вовлеченным в общество различных социальных групп [Scollon, 2003, p. 172]. Следовательно, одна из целей опосредованного дискурс-анализа – поиск связи между действием индивида и общественным дискурсом с целью понять, как мы восприни-

маем социальный мир и как посредством интуиции действия реализуется историческое тело социального актора.

Выводы

Представленный обзор, не претендуя на полный охват всего методологического многообразия концепций критического дискурс-анализа, существующих в современной научной литературе, обеспечивает полное представление о состоянии методологии исследований развития и функционирования политической коммуникации в глобальном политическом пространстве и свидетельствует об актуальности изучения в современной лингвистике роли дискурса в конструировании социального мира. Разнообразие теоретико-методологических направлений КДА позволяет говорить о том, что он постоянно развивается и совершенствуется в соответствии с поставленными задачами, а также о целесообразности и эмпирической ценности его интеграции в комплекс методов современной политической науки. Критическое осмысление возможностей КДА и практика его применения в лингвистических исследованиях ведут к появлению целого ряда новых направлений, акцентирующих те или иные аспекты политической коммуникации. Наука лишь тогда приобретает достоверность, прикладную и теоретическую ценность, когда находится в постоянной динамике. Установление тесной взаимосвязи между дискурсивными и социальными структурами в их развитии позволяет усовершенствовать существующие представления о современном политическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель, 1978. Риторика. М.: Лабиринт. С. 15–164.
 Бурдьё П., 1995. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас / сост., пер. и вступ. ст. А. В. Леденевой. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та. С. 16–31.
 Дейк Т. ван, 2013. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком. 344 с.
 Цицерон, 1994. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. М.: Искусство. 540 с.

- Aune J. A., Medhurst M. J., 2008. The Prospect of Presidential Rhetoric. Texas : A&M University Press. 400 p.
- Cicero, 1971. Selected works. Harmondsworth : Penguin. 272 p.
- Connolly W., 1993. The terms of political discourse. Princeton : Princeton University Press. 272 p.
- Dijk T. A. van, 1993. Principles of critical discourse analysis // *Discourse and Society*. Vol. 4, № 2. P. 243–289.
- Dijk T. A. van, 2005. Contextual knowledge management in discourse Production: a CDA perspective // *A new agenda in (critical) discourse analysis* / R. Wodak, P. Chilton (eds.). Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. P. 71–100.
- Dijk T. A. van, 2008. Discourse and context: a sociocognitive approach. New York : Cambridge University Press. 267 p.
- Dijk T. A. van, 2009. Critical discourse studies: a sociocognitive approach // *Methods of critical discourse analysis* / R. Wodak, M. Meyer (eds.). London : Sage. P. 62–86.
- Fairclough N., 1985. Critical and descriptive goals in discourse analysis // *Journal of Pragmatics*. Vol. 9, № 6. P. 739–763.
- Fairclough N., 1989. Language and power. London : Longman. 259 p.
- Fairclough N., 1995. Critical discourse analysis. London : Longman. 265 p.
- Fairclough N., 1999. Global capitalism and critical awareness of language. *Language Awareness*. Vol. 8, № 2. P. 71–83.
- Fairclough N., 2000. Discourse, social theory and social research: the discourse of welfare reform // *Journal of Sociolinguistics*. Vol. 4. P. 163–195.
- Fairclough N., 2003. Textual analysis for social research. New York : Routledge. 270 p.
- Fairclough N., Wodak R., 1997. Critical discourse analysis // *Discourse and social interaction* / T. van Dijk (ed.). London : Sage. P. 258–284.
- Finlayson A., 2007. From beliefs to arguments: interpretive methodology and rhetorical political analysis // *British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 9. P. 545–565.
- Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T., 1979. Language and control. London : Routledge & Kegan Paul. 224 p.
- Halliday M. A. K., 1978. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. Maryland : University Park Press. 256 p.
- Jäger S., 2001. Kritische diskursanalyse: eine einfühung. Duisburg : DISS Studien. 258 s.
- Jäger S., Maier F., 2013. Theoretical and methodological aspects of foucauldian critical discourse analysis and dispositive analysis // *Critical discourse analysis* / R. Wodak (ed.). London : Sage. Vol. 1. P. 165–195.
- Jäger S., Zimmermann J., 2010. Lexikon kritische diskursanalyse: eine aftferkzeugkiste. Munster : Unrast-Verlag. 144 S.
- Kress G., Hodge R., 1979. Language and ideology. London : Routledge & Kegan Paul. 163 p.
- Laclau E., 1980. Populist rupture and discourse // *Screen Education*. Vol. 34. P. 87–93.
- Leeuwen T. van, 2008. Discourse and practice. New tools for critical discourse analysis. Oxford : OUP. 184 p.
- Leontyev A. N., 1978. Activity, consciousness, and personality. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall. 192 p.
- Link Ju., 1983. Was ist und was bringt diskurstaktik // *KultuRRevoluion*. Band. 2. S. 60–66.
- Lunsford A. A., Wilson K. H., Eberly R. A., 2008. The handbook of rhetorical studies. London : Sage. 712 p.
- Moscovici S., 2000. Social representations. Cambridge : Polity Press. 313 p.
- Parry-Giles S. J., Hogan J. M., 2010. The handbook of rhetoric and public address. Oxford : Wiley-Blackwell. 496 p.
- Reisigl M., Wodak R., 2009. The discourse-historical approach // *Methods of critical discourse analysis* / R. Wodak, M. Meyer (eds.). London : Sage. P. 87–121.
- Scollon S., 2003. Political and somatic alignment: habitus, ideology and social practice // *Critical discourse analysis. Theory and interdisciplinarity* / G. Weiss, R. Wodak (eds.). New York : Palgrave Macmillan. P. 167–198.
- Scollon R., Wong Scollon S., 2005. Lighting the stove: why habitus isn't enough for critical discourse analysis // *A new agenda in (critical) discourse analysis* / R. Wodak, P. Chilton (eds.). Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. P. 101–117.
- Wodak R., 2011. The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual. New York : Palgrave Macmillan. 252 p.
- Wodak R., Meyer M., 2009. Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology // *Methods of critical discourse analysis* / R. Wodak, M. Meyer (eds.). London : Sage. P. 1–33.

REFERENCES

- Aristotel, 1978. *Ritorika* [Rhetoric]. Moscow, Labirint Publ., pp. 15-164.
- Burdye P., 1995. *Struktury, habitus, praktiki* [Structures, Habitus, Practices]. Novosibirsk, Izd-vo Novosibirskogo universiteta, pp. 16-31.

- Cicero, 1994. *Estetika: Traktaty. Rechi. Pisma* [Aesthetics: Treatises. Speeches. Letters]. Moscow, Iskusstvo Publ. 540 p.
- Aune J.A., Medhurst M.J., 2008. *The Prospect of Presidential Rhetoric*. Texas, A&M University Press. 400 p.
- Cicero, 1971. *Selected Works*. Harmondsworth, Penguin. 272 p.
- Connolly W., 1993. *The Terms of Political Discourse*. Princeton, Princeton University Press. 272 p.
- Dijk T.A. van, 1993. Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse and Society*, vol. 4, no. 2, pp. 243-289.
- Dijk T.A. van, 2005. Contextual Knowledge Management in Discourse Production: A CDA Perspective. Wodak R., Chilton P., eds. *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 71-100.
- Dijk T.A. van, 2008. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. New York, Cambridge University Press. 267 p.
- Dijk T.A. van, 2009. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. Wodak R., Meyer M., eds. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Sage, pp. 62-86.
- Fairclough N., 1985. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis. *Journal of Pragmatics*, vol. 9, no. 6, pp. 739-763.
- Fairclough N., 1989. *Language and Power*. London, Longman. 259 p.
- Fairclough N., 1995. *Critical Discourse Analysis*. London, Longman. 265 p.
- Fairclough N., 1999. Global Capitalism and Critical Awareness of Language. *Language Awareness*, vol. 8, no. 2, pp. 71-83.
- Fairclough N., 2000. Discourse, Social Theory and Social Research: The Discourse of Welfare Reform. *Journal of Sociolinguistics*, vol. 4, pp. 163-195.
- Fairclough N., 2003. *Textual Analysis for Social Research*. New York, Routledge. 270 p.
- Fairclough N., Wodak R., 1997. Critical discourse analysis. T. van Dijk ed. *Discourse and social interaction*. London, Sage, pp. 258-284.
- Finlayson A., 2007. From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 9, pp. 545-565.
- Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T., 1979. *Language and Control*. London, Routledge & Kegan Paul. 224 p.
- Halliday, M.A.K., 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Maryland, University Park Press. 256 p.
- Jäger S., 2001. *Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung*. Duisburg, DISS Studien. 258 S.
- Jäger S., Maier F., 2013. Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. Wodak R., ed. *Critical Discourse Analysis*. London, Sage, vol. 1, pp. 165-195.
- Jäger S., Zimmermann J., 2010. *Lexikon kritische Diskursanalyse: Eine Aftferkzeugkiste*. Munster, Unrast-Verlag. 144 S.
- Kress G., Hodge R., 1979. *Language and Ideology*. London, Routledge & Kegan Paul. 163 p.
- Laclau E., 1980. *Populist Rupture and Discourse*. Screen Education, vol. 34, pp. 87-93.
- Leeuwen T. van, 2008. *Discourse and Practice. New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford, OUP. 184 p.
- Leontyev A.N., 1978. *Activity, Consciousness, and Personality*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice Hall. 192 p.
- Link Ju., 1983. *Was ist und was bringt Diskurstaktik*. KulturRRvolution, vol. 2, S. 60-66.
- Lunsford A.A., Kirt H., Wilson, Eberly R.A., 2008. *The Handbook of Rhetorical Studies*. London, Sage. 712 p.
- Moscovici S., 2000. *Social Representations*. Cambridge, Polity Press. 313 p.
- Parry-Giles Shawn J., Hogan J. Michael, 2010. *The Handbook of Rhetoric and Public Address*. Oxford, Wiley-Blackwell. 496 p.
- Reisigl M., Wodak R., 2009. The Discourse-Historical Approach. Wodak R., Meyer M., eds. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Sage, pp. 87-121.
- Scollon S., 2003. Political and Somatic Alignment: Habitus, Ideology and Social Practice. Weiss G., Wodak R., eds. *Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 167-198.
- Scollon R., Suzie Wong S., 2005. Lighting the Stove: Why Habitus Isn't Enough for Critical Discourse Analysis. Wodak R., Chilton P., eds. *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis*. Amsterdam and Philadelphia, John Benjamins, pp. 101-117.
- Wodak R., Meyer M., 2009. Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology. Wodak R., Meyer M., eds. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Sage, pp. 1-33.
- Wodak R., 2011. *The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual*. New York, Palgrave Macmillan. 252 p.

Information about the Author

Marina S. Matytsina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Lipetsk State Technical University, Moskovskaya St., 30, 398055 Lipetsk, Russia, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

Информация об авторе

Марина Станиславовна Матыцина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, 30, 398055 г. Липецк, Россия, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.18>

UDC 81'374:651
LBC 81.054

Submitted: 30.04.2019
Accepted: 26.08.2019

THE CONCEPTS OF OFFICE WORK AND ARCHIVING IN TERMINOLOGICAL STANDARDS: A COMPARATIVE ASPECT

Alina I. Topaz

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. In the article, in order to identify the dynamics of the conceptual apparatus of the subject area of records management and archival business, a comparative analysis of standards for terms and definitions of GOST R 51141-98 and GOST R 7.0.8-2013 is carried out. The standard is characterized as a type of document that fixes special concepts, as an important lexicographic source that contributes to the unification and normalization of terminology. The properties of conventionality and definitiveness of terminological units, which are important for the process of standardization and determine the features of the term as a language sign and affect its unambiguous interpretation by specialists, are considered. The similarities and differences in the structure of the standards under consideration, in the body of special tokens that are used in professional communication in the field of records management and archival business are revealed. The comparison of the GOST R 7.0.8-2013 with the previous document resulted in distinguishing several groups of terminological units with regard to their semantics, which is expressed in definitions, and significance in the modern system of concept record management and archival affairs: the terms, which are not included in the standard as obsolete; the terms, which preserved the former meaning; the terms with altered meaning; new terms, the appearance of which is associated with the development of the professional sector. The factors that determine the dynamics of the term system of records management and archival business are established.

Key words: paperwork, archiving, document, terminological standard, standardization, term, definition, lexicography.

Citation. Topaz A.I. The Concepts of Office Work and Archiving in Terminological Standards: A Comparative Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 217-226. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.18>

УДК 81'374:651
ББК 81.054

Дата поступления статьи: 30.04.2019
Дата принятия статьи: 26.08.2019

ПОНЯТИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И АРХИВНОГО ДЕЛА В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СТАНДАРТАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Алина Игоревна Топаз

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье с целью выявления динамики понятийного аппарата предметной области делопроизводства и архивного дела проведен сопоставительный анализ стандартов на термины и определения – ГОСТ Р 51141-98 и ГОСТ Р 7.0.8-2013. Стандарт охарактеризован как вид документа, фиксирующий специальные понятия, и как лексикографический источник, способствующий унификации и нормированию терминологии. Рассмотрены важные для процесса стандартизации свойства конвенциональности и дефинитивности терминологических единиц, обуславливающие особенности термина как языкового знака и

влияющие на его однозначную трактовку специалистами. Выявлены сходства и различия в структуре анализируемых стандартов, в корпусе специальных лексем, которые используются в профессиональной коммуникации сферы делопроизводства и архивного дела. На основе сравнения терминологических стандартов выделены группы терминологических единиц с учетом их семантики, формой выражения которой служит дефиниция, и значимости в современной системе понятий делопроизводства и архивного дела: термины, не включенные в стандарт как вышедшие из употребления; термины, сохранившие прежнее значение; термины, значение которых изменилось; новые термины, появление которых связано с развитием профессиональной отрасли. Установлены факторы, обуславливающие динамику терминосистемы делопроизводства и архивного дела.

Ключевые слова: делопроизводство, архивное дело, документ, терминологический стандарт, стандартизация, термин, дефиниция, лексикография.

Цитирование. Топаз А. И. Понятия делопроизводства и архивного дела в терминологических стандартах: сопоставительный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 217–226. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.18>

Введение

Архивы играют важную роль в формировании современного информационного социума, обеспечивая сохранение историко-культурного наследия государства. Предоставляя доступ к ретроспективной информации, они содействуют, как отмечает Л.С. Кузнецов, решению задач социально-экономического, политического, образовательного, воспитательного и культурного характера, способствуют развитию гражданского общества и эффективному государственному управлению [Кузнецов, 2010].

Современная государственная политика в сфере архивного дела направлена на совершенствование предоставления информационных услуг пользователям – государственным органам, органам местного самоуправления, юридическим и физическим лицам. Реализация данной политики обуславливает изменение правовой и научно-методической базы архивного дела, регламентацию исполнения архивных услуг, обеспечивает безопасность хранения документов, большую доступность архивных информационных услуг [Топаз, 2017]. В этом процессе важная роль отводится *стандартизации* – деятельности, направленной на разработку и установление характеристик какого-либо объекта, правил, упорядочивающих осуществление процесса (ГОСТ 1.1-2002). Предлагаемые характеристики и правила находят воплощение в стандарте как особом виде регламентирующего документа.

Эффективность производственных процессов во многом обуславливается однознач-

ным пониманием и правильным использованием терминов, отражающих понятия соответствующей предметной области, что требует стандартизации понятийно-терминологического аппарата и его фиксации в лексикографических источниках – стандартах на термины и определения, или терминологических стандартах.

Стандарт как регулирующий документ обеспечивает успешность деловой коммуникации, однако развитие практической деятельности, в частности внедрение новых технологий, модернизация процессов, связанная с информатизацией и др., приводит к несоответствию содержания терминов, используемых в практической деятельности специалистов, и терминов, отраженных в терминологических стандартах. В связи с этим возникает необходимость корректировки стандарта, упорядочения содержащихся в нем терминов.

Так, за последние 20 лет в сфере делопроизводства и архивного дела отмечается немало позитивных процессов, в частности появились новые исследования, связанные с изучением документных систем, результаты которых позволили ввести в делопроизводственную практику более совершенные технологии, по-новому организовать процессы создания и обработки документов на всех этапах их жизненного цикла, включая передачу на архивное хранение, на новом уровне. Эти процессы определили изменение понятийно-терминологического аппарата архивоведения и появление в 2013 г. нового терминологического стандарта, который заменил стандарт 1998 года.

Сопоставление разных в хронологическом отношении стандартов позволяет выявить динамику терминосистемы сферы делопроизводства и архивного дела, факторы, которые ее детерминируют, и представить направления и способы совершенствования деловой коммуникации в соответствующей профессиональной сфере.

Терминологический стандарт как лексикографический нормативный источник

Действующее российское законодательство определяет *стандарт* как документ, в котором в целях добровольного многократного использования устанавливаются характеристики продукции, правила осуществления и характеристики процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг (Федеральный закон № 125-ФЗ). Стандарт также может содержать правила и методы исследований (испытаний) и измерений, правила отбора образцов, требования к терминологии, символике, упаковке, маркировке или этикеткам и правилам их нанесения.

Система стандартов была разработана и внедрена в практику еще в СССР. С 1992 г. государственный стандарт Российской Федерации имеет обозначение ГОСТ Р. Он подтверждает, что продукция прошла проверку и отвечает всем требованиям безопасности. В 2003 г. государственные стандарты, которые были приняты Госстандартом России до 1 июля 2003 г., признаны национальными.

С помощью стандартов осуществляется процесс унификации формы документов, в определенной степени единообразно структурируется их содержания, что делает удобной работу с ними. В этом отношении стандарт служит «типовым документом», образцом, которому должны соответствовать «конкретные» документы того или иного вида. Оформление документа в соответствии с требованиями стандарта придает ему юридическую силу, а область действия стандартов и их содержание определяются государственными органами управления. Государственные стандарты в со-

ответствии с законом «О стандартизации» (Федеральный закон № 162-ФЗ) принимает Госстандарт.

Терминологический стандарт представляет собой контролируемый профессиональным сообществом словарь специальных единиц, в котором раскрывается их содержание и дается оценка с точки зрения нормы.

Терминологические стандарты создаются для единообразного понимания терминов и для достижения следующих целей:

- ускорения процессов коммуникации и обмена информацией;
- нормативного закрепления содержания терминов, что обеспечивает их использование на практике в рамках единого подхода;
- устранения коммуникативных барьеров в профессиональном общении;
- языковой репрезентации современной научной информации;
- унификации терминологии, то есть приведения терминов к единообразию на содержательном, логическом и лингвистическом уровнях с учетом общих норм и закономерностей языка, что обеспечивает однозначное соответствие между системой понятий и терминосистемой.

Кроме того, как отмечает В.Ф. Янковая, стандарты, «будучи инструментом организации и координации терминологической подсистемы определенной предметной области знаний, могут выполнять роль методического справочника по терминологии на этапе создания полноценной терминосистемы той или иной области знания» [Янковая, 2014, с. 22–23].

Стандартизованные термины обязательны для применения во всех видах документации и специальной литературы в конкретной отрасли. Каждый ГОСТ содержит термины с их краткими вариантами, а также недопустимыми синонимами (с пометами «Ндп», «Нрк»), дефиниции понятий, называемых терминами, и эквиваленты. Для оформления используются разные шрифты: стандартизуемый термин выделяется полужирным шрифтом, недопустимый или нерекомендуемый – курсивом. Однако эти обязательные компоненты стандарта допускают некоторую вариативность, встраиваясь в общую, целостную композиционно-содержательную структуру документа.

Структура стандартов на термины и определения сферы делопроизводства и архивного дела

Обратимся к двум стандартам, которые содержат термины, используемые в сфере делопроизводства и архивного дела, и их определения: ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» и введенный взамен его ГОСТ Р 7.0.8-2013 «СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения».

Документы различаются количеством содержащихся в них единиц. ГОСТ Р 51141-98 включает 125 терминов, ГОСТ Р 7.0.8-2013 – 174 термина, что отражает качественные изменения, происшедшие в терминосистеме с 1998 по 2013 год.

Структура документов имеет общие черты. В частности, их текст делится на 3 основных раздела: «Общие понятия», «Делопроизводство» и «Архивное дело», внутри которых выделяются подразделы, отражающие содержательные части предметных областей (см. таблицу).

Сравнение показывает, что термины в рассматриваемых стандартах распределены по разделам неодинаково. В ГОСТ Р 51141-98 раздел «Архивное дело» имеет три подраздела, связанные с организацией работы архива: «Организация документов Архивного фонда Российской Федерации», «Обеспечение сохран-

ности документов», «Научно-информационная деятельность архивов»; в ГОСТ Р 7.0.8-2013 – три подраздела, отражающие направления деятельности архива: «Хранение и учет архивных документов», «Комплектование архива», «Информационная деятельность архива». Как показывает практика, структурирование содержания по направлениям деятельности архивов обеспечивает более быстрый поиск в документе необходимой информации.

По-разному осуществлена и систематизация терминов. Одни и те же терминологические единицы включены в стандартах в разные разделы. Например, термины *архив*, *архивный документ*, *экспертиза ценности документов* в ГОСТ Р 51141-98 находятся в подразделе «Организация документов Архивного фонда Российской Федерации» раздела «Архивное дело», а в ГОСТ Р 7.0.8-2013 – в разделе «Общие понятия». В ГОСТ Р 51141-98 термин *постоянное хранение документов* входит в подраздел «Обеспечение сохранности документов» раздела «Архивное дело», а в ГОСТ Р 7.0.8-2013 – в раздел «Общие понятия».

Сходство стандартов ГОСТ Р 51141-98 и ГОСТ Р 7.0.8-2013 обнаруживается в одинаковом графическом оформлении терминов: стандартизированные термины набраны полужирным шрифтом, их краткие формы (аббревиатуры) даны без выделения, синонимы маркированы курсивом, например:

Структура стандартов на термины

ГОСТ Р 51141-98	ГОСТ Р 7.0.8-2013
Предисловие	Предисловие
Введение	Введение
1. Область применения	1. Область применения
–	2. Нормативные ссылки
2. Стандартизованные термины с определениями	3. Термины и определения
2.1. Общие понятия	3.1. Общие понятия
2.2. Делопроизводство	3.2. Делопроизводство
2.2.1. Документирование	3.2.1. Документирование
2.2.2. Организация работы с документами	3.2.2. Организация работы с документами
2.3. Архивное дело	3.3. Архивное дело
2.3.1. Организация документов Архивного фонда Российской Федерации	3.3.1. Хранение и учет архивных документов
2.3.2. Обеспечение сохранности документов	3.3.2. Комплектование архива
2.3.3. Научно-информационная деятельность архивов	3.3.3. Информационная деятельность архива
Алфавитный указатель терминов на русском языке	Алфавитный указатель терминов

научно-справочный аппарат архива, *справочно-поисковые средства архива*; НСА архива: Совокупность описаний архивных документов.

В обоих ГОСТ ряд терминов содержит части, заключенные в круглые скобки, например: *документационное обеспечение (управления)*, *ДОУ*. При использовании термина в документах часть, заключенная в скобки, может быть опущена.

Недопустимые или нерекомендуемые к применению термины-синонимы приведены в круглых скобках после стандартизованного термина и обозначены пометами «Нрк» или «Ндп». Термины-синонимы без пометы приведены в качестве справочных, например:

архив (Нрк *архивохранилище*): Организация или структурное подразделение организации, осуществляющее комплектование, учет, хранение и использование архивных документов.

Динамика терминологической системы делопроизводства и архивного дела

В процессе стандартизации терминологии, подготовки ее для отражения в терминологическом стандарте необходимо учитывать свойства термина как языкового знака [Янковая, 2014].

В.Ф. Янковая отмечает, что «термин представляет собой единицу языка (слово, словосочетание, аббревиатура, символ, сочетание слова и символов в виде букв или цифр), которая является наименованием специального понятия какой-либо сферы научной или профессиональной деятельности и употребляется в особых условиях» [Янковая, 2014]. Термины обладают рядом отличительных свойств, однако для представления их в терминологическом стандарте релевантны прежде всего конвенциональность и дефинитивность.

В широком смысле *конвенциональность* означает, по мнению С.В. Гринева-Гриневича, «договоренность относительно содержания термина, целенаправленный характер его появления, то есть сознательное терминотворчество» [Гринев-Гриневич, 2008, с. 29]. А.В. Лемов понимает конвенциональность термина как соглашение по меньшей мере нескольких специалистов принять предложенную одним из них форму выражения нового тер-

мина и применять ее к определенному создателем термина содержанию [Лемов, 2000, с. 85–86]. Конвенциональность термина допускает некоторую свободу в его использовании, дает возможность выразить авторский взгляд на то или иное явление, что обычно происходит в сфере науки и способствует научному поиску; в то же время конвенциональность становится одной из причин многозначности в терминологии, что затрудняет практическую профессиональную коммуникацию.

С конвенциональностью связано свойство *дефинитивности* – наличие у термина дефиниции, которая раскрывает содержание обозначенного им понятия. В.В. Белый рассматривает дефиницию термина как важнейшее связующее звено в соотношении «термин – понятие», необходимую составляющую специального лексического значения термина, которое приписывается ему в результате коллективной договоренности [Белый, 1982, с. 23]. В научной литературе отмечается, что дефиниция термина дает общее представление об именуемом объекте, одновременно устраняя возможную неоднозначность, свойственную одноименному слову общего языка. Она должна быть соизмеримой с тем, что она определяет, не должна содержать порочного круга и -быть негативной там, где возможно позитивное определение [Янковая, 2014].

Дефиниция должна с необходимой степенью достоверности отразить главные информационные характеристики предмета, то есть однозначно указать на него, обнаружить среди других предметов и выделить его системные особенности. Дефиниция позволяет определить сущность термина для дальнейшего его употребления в той или иной сфере деятельности. В терминологическом стандарте дефиниция закрепляет значение термина, отражая совокупность признаков, необходимых и достаточных для выделения его среди других терминов.

Что касается терминов и раскрывающих их значение дефиниций, то в сравниваемых нами стандартах обнаруживаются как сходства, так и различия.

Дефиниция термина раскрывает содержание понятия. Однако научные понятия не являются статичными: познание объекта исследования меняет их содержание и объем,

что должно найти отражение в дефиниции термина [Касавин, 2009].

Научные знания системны, и это получает отражение в системе терминов, или терминосистеме, – совокупности терминологических единиц, связанных определенными отношениями (род – вид, часть – целое, сходство – противоположность и др.). В лингвистике, и в частности терминоведении как одном из частных лингвистических направлений, принято разграничивать понятия «терминология» и «терминосистема». При этом терминологией называют не совсем упорядоченную совокупность терминов, характерную для формирующихся наук, а терминосистемой – хорошо организованную, «строгую» систему единиц, которая, возможно, подверглась сознательному вмешательству специалистов, осуществивших унификацию и стандартизацию терминологических единиц.

Система языка, и в частности любая терминологическая система как ее часть, постоянно находится в динамике. Это важно учитывать при проведении лингвистического анализа. Так, рассматривая терминологию стандарта, мы используем понятия «хронологическая динамика» (изменение терминов и терминосистемы в целом во времени, что проявляется при сопоставлении разных в хронологическом отношении стандартов) и «синхроническая динамика» (нестатичное состояние терминосистемы на уровне одного синхронного среза, проявляющееся в вариативности форм и содержания единиц, что обнаруживается в тексте одного стандарта).

Анализ ГОСТ Р 7.0.8-2013 и сравнение его с предшествующим позволил выделить следующие группы терминов:

1. Термины, не включенные в ГОСТ Р 7.0.8-2013 как вышедшие из употребления.

Например,

документ на машинном носителе: Документ, созданный с использованием носителей и способов записи, обеспечивающих обработку его информации электронно-вычислительной машиной (ГОСТ Р 51141-98);

машиннописный документ: Письменный документ, при создании которого знаки письма наносят техническими средствами (ГОСТ Р 51141-98);

рукописный документ: Письменный документ, при создании которого знаки письма наносят от руки (ГОСТ Р 51141-98) –

не вошли в ГОСТ Р 7.0.8-2013, так как утратили свою практическую значимость.

2. Термины, содержание и дефиниция которых не изменились.

Например:

дело: Документ или совокупность документов, относящихся к одному вопросу или участку деятельности, помещенных в отдельную обложку (ГОСТ Р 7.0.8-2013);

фондообразователь: Юридическое или физическое лицо, в процессе деятельности которого образуется документальный фонд (ГОСТ Р 7.0.8-2013).

Ср.:

дело: Совокупность документов или документ, относящихся к одному вопросу или участку деятельности, помещенных в отдельную обложку (ГОСТ Р 51141-98);

фондообразователь: Юридическое или физическое лицо, в деятельности которого образуется документальный фонд (ГОСТ Р 51141-98).

3. Термины, содержание и дефиниция которых изменились.

В этой группе отмечено несколько терминов, обозначающих базовые понятия документоведения и архивного дела. Изменение их семантики связано с расширением содержания и объема понятия, включением в него дополнительных признаков. Например:

архивное дело: Отрасль деятельности, обеспечивающая организацию хранения и использования архивных документов (ГОСТ Р 51141-98);

архивное дело: Деятельность, обеспечивающая организацию хранения, комплектования, учета и использования архивных документов (ГОСТ Р 7.0.8-2013);

постоянное хранение документов: Бессрочное хранение документов в архивном учреждении, государственном музее, библиотеке (ГОСТ Р 51141-98);

постоянное хранение документов: Вечное хранение документов без права их уничтожения (ГОСТ Р 7.0.8-2013).

Значительная часть терминов этой группы называет понятия, связанные с технологиями документирования. Например:

кинодокумент: Изобразительный или аудиовизуальный документ, созданный кинематографическим способом (ГОСТ Р 51141-98);

кинодокумент: Изобразительный или аудиовизуальный документ, созданный фотографическим или электронным (цифровым) способом, фикс-

сирующей информацию в виде последовательно расположенных изображений – динамичных образов (ГОСТ Р 7.0.8-2013).

4. Термины, которых не было в ГОСТ Р 51141-98, которые введены в ГОСТ Р 7.0.8-2013 и составляют новую часть терминосистемы.

Включение в стандарт таких терминов обусловлено разными причинами.

1. Повышение уровня организации работы с документами.

Это обусловило появление нового термина *управление документами*, отграничение его от предшествующих и связанных с ним единиц *делопроизводство* и *документационное обеспечение (управления)*. *Делопроизводство* определяется как деятельность организации по созданию, обработке, использованию и оперативному хранению документов; *документационное обеспечение (управления)*, *ДОУ* – как отрасль деятельности, обеспечивающая документирование и организацию работы с документами и документированной информацией в управлении; *управление документами* – как функция организации, заключающаяся в реализации единой политики и стандартов по отношению к документальному фонду организации на всех стадиях жизненного цикла документа.

2. Научное осмысление модернизации сферы делопроизводства и архивного дела, внедрение информационных технологий.

На сегодняшний день модернизация архивной отрасли является приоритетным вектором развития государственной политики, направленной на эффективную организацию предоставления информационных услуг пользователям (Распоряжение Правительства РФ № 2227-р). Вопросы модернизации делопроизводства и архивной отрасли получили освещение в специальной литературе, где используются обозначающие их термины. Так, исследователями сформулированы и обоснованы современные цели и задачи автоматизации архивного дела, охарактеризованы объекты автоматизации работы архива, рассмотрены вопросы создания информационно-поисковых систем архива, организации внедрения информационных технологий в архиве (см., например: [Алексеева и др., 2003; Куз-

нецов, 2010]). И.Н. Киселевым представлен проект развития отечественной архивной сферы в условиях внедрения автоматизированных архивных технологий, показаны преимущества, которые будут иметь отечественные архивы и архивное дело в результате применения информационных технологий [Киселев, 2002].

Задачами модернизации являются: обеспечение доступности предоставления архивных информационных услуг посредством внедрения и широкого применения новых информационно-коммуникационных технологий, а также совершенствования законодательной и научно-методической базы архивного дела в новых условиях; обеспечение сохранности архивных ресурсов; оптимизация комплектования архивов; развитие информационного потенциала Архивного фонда РФ. Выполнение этих задач станет условием функционирования архивной отрасли на новом уровне, соответствующем динамике инновационного развития. Это позволит наиболее эффективно использовать архивные документы для удовлетворения потребностей граждан, информационного обеспечения деятельности органов государственной власти, образовательных и научных учреждений, общественных организаций [Косова, Топаз, 2018].

В ГОСТ Р 7.0.8-2013 вошли термины, которые появились в научных текстах и уже начали использоваться на практике. Например:

аутентичность (электронного документа): Свойство электронного документа, гарантирующее, что электронный документ идентичен заявленному;

пригодность для использования (электронного документа): Свойство электронного документа, позволяющее его локализовать и воспроизвести в любой момент времени;

электронная подпись: Информация в электронной форме, присоединенная к электронному документу или иным образом связанная с ним и позволяющая идентифицировать лицо, подписавшее электронный документ;

электронный документооборот: Документооборот с использованием автоматизированной информационной системы (системы электронного документооборота).

3. Методическое осмысление практического опыта.

Например, в методической литературе используется термин *фонд личного проис-*

хождения (Методические рекомендации), выделяются разновидности фондов личного происхождения, обосновывается практическая целесообразность разграничения таких комплексов, как *коллекция, собрание, персональное собрание*. ГОСТ Р 7.0.8-2013 содержит термин, применяемый к документам личного происхождения:

архивный фонд личного происхождения: Архивный фонд, состоящий из документов, образовавшихся в процессе жизни и деятельности физического лица, семьи, рода.

4. Учет зарубежного опыта, нашедшего отражение в зарубежных источниках, в частности в международных стандартах.

Использование общероссийских и международных стандартов открывает российским архивам возможность быть включенными в международное информационное пространство. Это обуславливает применение на практике заимствованных терминов и включение их в российские стандарты, что способствует устранению барьеров в международной коммуникации, содействию научно-техническому прогрессу и сотрудничеству в различных областях.

Так, из стандарта ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 «СИБИД. Управление документами. Общие требования» перенесен в ГОСТ Р 7.0.8-2013 ряд терминов, например: *конвертирование, метаданные, управление документами*.

Выводы

Таким образом, стандарт на термины и определения является особым видом регламентирующего документа, лексикографического источника, который фиксирует форму и содержание терминов, упорядочивает систему понятий, обеспечивает единство подходов к толкованию терминов специалистами, тем самым способствуя успешной деловой профессиональной коммуникации. Он должен полно и точно отражать понятийный аппарат определенной профессиональной сферы.

Сопоставительный анализ действующего терминологического стандарта в сфере делопроизводства и архивного дела (ГОСТ Р 7.0.8-2013) и предшествующего ему документа (ГОСТ Р 51141-98) позволил показать

динамику понятийно-терминологического аппарата, установить факторы, которые обусловили изменение содержания терминов и появление новых единиц.

Полученные сведения о закономерностях изменения системы понятий и обозначающих их терминах не только позволят определить направления и способы оптимизации профессиональной коммуникации, но и дополнят имеющиеся в лингвистике представления о термине как единице языка, об особенностях использования терминов в документном тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. В., Афанасьева Л. П., Бутова Е. М., Осичкина Г. А., 2003. Архивоведческие аспекты в делопроизводстве: внедрение информационных технологий в работу архива // Секретарское дело. № 11. С. 59–64.
- Белый В. В., 1982. Структурная и семантическая характеристика терминов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 23 с.
- Гринев-Гриневич С. В., 2008. Терминоведение. М. : Академия. 302 с.
- Касавин И. Т., 2009. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+ : Реабилитация. 1248 с.
- Киселев И. Н., 2002. Информационное общество и архивы России // Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков : материалы конф. (г. Москва, 1–2 марта 2001 г.) / сост.: И. Н. Киселев, Ю. И. Садчиков. М. : Изд. центр РОИА. С. 107–114.
- Косова М. В., Топаз А. И., 2018. Терминология архивной отрасли в условиях модернизации документационных процессов // Четвертые Моисеевские чтения : национальные и региональные особенности языка : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (г. Оренбург, 22–24 нояб. 2018 г.) / сост. и науч. ред. П. А. Якимов. Оренбург : Оренбург. кн. С. 154–157.
- Кузнецов С. Л., 2010. «Электронное правительство» и организация межведомственного электронного документооборота // Делопроизводство. № 3. С. 29–33.
- Лемов А. В., 2000. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та. 359 с.
- Топаз А. И., 2017. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в архивную от-

расль Калининградской области: основные задачи // Документ как текст культуры : сб. науч. тр. Тула : Тул. произв. полигр. об-ние. Вып. 9. С. 62–65.

Янковая В. Ф., 2014. Новый ГОСТ Р 7.0.8-2013 взамен ГОСТ Р 51141-98 // Секретарь-референт. № 3. URL: https://www.profiz.ru/sr/3_2014/ (дата обращения: 18.03.2019).

ИСТОЧНИКИ

ГОСТ Р 51141-98 – ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Введ. 1999-01-01. М. : Изд-во стандартов, 1998. 8 с.

ГОСТ 1.1-2002 – ГОСТ 1.1-2002. Межгосударственная система стандартизации. Термины и определения. Введ. 2003-07-01. М. : Изд-во стандартов, 2003. 30 с.

ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 – Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. СИБИД. Управление документами. Общие требования. Введ. 2007-07-01. М. : Стандартинформ, 2007. 34 с.

ГОСТ Р 7.0.8-2013 – Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013. СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Взамен ГОСТ Р 51141-98. Введ. 2014-03-01. М. : Стандартинформ, 2014. 26 с.

Методические рекомендации – Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения (литература и искусство). М. : ЦГАЛИ, 1990. 255 с.

Распоряжение Правительства РФ № 2227-р – Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федеральный закон № 125-ФЗ – Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (ред. от 13.05.2008) // Собрание законодательства РФ. 2004. 25 окт. (№ 43). Ст. 4169.

Федеральный закон № 162-ФЗ – Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. 6 июля (№ 27). Ст. 3953.

REFERENCES

Alekseeva E.V., Afanasyeva L.P., Burova E.M., Osichkina G.A., 2003. Arkhivovedcheskie aspekty v deloproizvodstve: vnedrenie

informatsionnykh tekhnologiy v rabotu arkhiva [Archival Aspects in Clerical Work: The Introduction of Information Technologies in the Work of the Archive]. *Sekretarskoe delo*, no. 11, pp. 59-64.

Belyy V.V., 1982. *Strukturnaya i semanticheskaya kharakteristika terminov v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic Characteristics of Terms in the Modern Russian Language. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 23 p.

Grinev-Grinevich S.V., 2008. *Terminovedenie* [Terminology Studies]. Moscow, *Academiya Publ.* 302 p.

Kasavin I.T., 2009. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow, *Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ.* 1248 p.

Kiselev I.N., 2002. Informatsionnoe obshchestvo i arkhivy Rossii [Information Society and Archives of Russia]. Kiselev I.N., Sadchikov Yu.I., eds. *Izmenyayushchayasya Rossiya i rossiyskie arkhivy na rubezhe vekov: materialy konf. (g. Moskva, 1–2 marta 2001 g.)* [Changing Russia and Russian Archives at the Turn of the Century. Proceedings of the Conference (Moscow, March 1–2, 2001)]. Moscow, *Izdatelskiy tsentr ROIA*, pp. 107-114.

Kosova M.V., Topaz A.I., 2018. Terminologiya arkhivnoy otrasli v usloviyakh modernizatsii dokumentatsionnykh protsessov [Terminology of the Archival Industry in the Context of Modernization of Documentation Processes]. Yakimov P.A., ed. *Chetvertye Moiseevskie chteniya: natsionalnye i regionalnye osobennosti yazyka: materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. (g. Orenburg, 22–24 noyab. 2018 g.)* [Fourth Moiseev Readings: National and Regional Features of the Language. Proceedings of the All-Russian (With International Participance) Scientific Conference (Orenburg, November 22–24, 2018)]. Orenburg, *Orenburg. kn.*, pp. 154-157.

Kuznetsov S.L., 2010. «Elektronnoe pravitelstvo» i organizatsiya mezhvedomstvennogo elektronnoy dokumentooborota [“Electronic Government” and the Organization of Interdepartmental Electronic Document Management]. *Deloproizvodstvo*, no. 3, pp. 29-33.

Lemov A.V., 2000. *Sistema, struktura i funkcionirovanie nauchnogo termina (na materiale russkoy lingvisticheskoy terminologii)* [System, Structure and Functioning of a Scientific Term (On the Material

- of Russian Linguistic Terminology)]. Saransk, Izd-vo Mordovskogo universiteta. 359 p.
- Topaz A.I., 2017. Vnedrenie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v arkhivnyuyu otasl Kaliningradskoy oblasti: osnovnye zadachi [Implementation of Information and Communication Technologies in the Archival Industry of Kaliningrad Region: The Main Tasks]. *Dokument kak tekst kultury: sb. nauch. tr.* [Document as a Text of Culture. Collection of Scientific Works]. Tula, Tulscoe proizvodstvennoe poligrafskoe obyedinenie, iss. 9, pp. 62-65.
- Yankovaya V.F., 2014. Novyy GOST R 7.0.8-2013 vzamen GOST R 51141-98 [New GOST R 7.0.8-2013 Instead of GOST R 51141-98]. *Sekretar-referent*, no. 3. URL: https://www.profiz.ru/sr/3_2014/ (accessed 18 March 2019).
- Requirements. Introduced July 1, 2007]. Moscow, Standartinform, 2007. 34 p.
- Natsionalnyy standart RF GOST R 7.0.8-2013. SIBID. Deloproizvodstvo i arkhivnoe delo. Terminy i opredeleniya. Vzamen GOST R 51141-98. Vved. 2014-03-01* [The National Standard of the Russian Federation GOST P 7.0.8-2013. System of Standards for Information, Librarianship and Publishing. Records Management and Archive Keeping. Terms and Definitions. Instead of GOST P 51141-98. Introduced March 1, 2014]. Moscow, Standartinform, 2014. 26 p.
- Metodicheskie rekomendatsii po rabote s dokumentami lichnogo proiskhozhdeniya (literatura i iskusstvo)* [Guidelines for Working with Documents of Personal Origin (Literature and Art)]. Moscow, TSGALI, 1990. 255 p.
- Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 08.12.2011 № 2227-r «O Strategii innovatsionnogo razvitiya RF na period do 2020 goda»* [Order of the Government of the Russian Federation of December 8, 2011 no. 2227-p “On the Strategy of Innovative Development of the Russian Federation for the Period Until 2020”]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.
- Federalnyy zakon ot 22.10.2004 № 125-FZ «Ob arkhivnom dele v Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 13.05.2008) [Federal Law of October 22, 2004 no. 125-FZ “On Archival Affairs in the Russian Federation” (as Amended on May 13, 2008)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2004, October 25 (no. 43), art. 4169.
- Federalnyy zakon ot 29.06.2015 № 162-FZ «O standartizatsii v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of June 29, 2015 no. 162-FZ “On Standardization in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2015, July 6 (no. 27) artl. 3953.

SOURCES

- GOST R 51141-98. Deloproizvodstvo i arkhivnoe delo. Terminy i opredeleniya. Vved. 1999-01-01.* [GOST P 51141-98. Records Management and Archive Keeping. Terms and Definitions. Introduced January 1, 1999]. Moscow, Izd-vo standartov, 1998. 8 p.
- GOST 1.1-2002. Mezhgosudarstvennaya sistema standartizatsii. Terminy i opredeleniya. Vved. 2003-07-01* [GOST 1.1-2002. Interstate Standardization System. Terms and Definitions. Introduced July 1, 2003]. Moscow, Izd-vo standartov, 2003. 30 p.
- Natsionalnyy standart RF GOST R ISO 15489-1-2007. SIBID. Upravlenie dokumentami. Obshchie trebovaniya. Vved. 2007-07-01* [The National Standard of the Russian Federation GOST P ISO 15489-1-2007. The System of Standards for Information, Librarianship and Publishing. Document Management. General

Information about the Author

Alina I. Topaz, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, alina-topaz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9230-2684>

Информация об авторе

Алина Игоревна Топаз, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, alina-topaz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9230-2684>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.19>

UDC 81'276.6
LBC 81.025.7

Submitted: 14.01.2019
Accepted: 26.08.2019

CHREMATONYMS IN THE PROFESSIONAL DISCOURSE OF THE NUCLEAR AND SPACE INDUSTRY

Natalya V. Yudina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nataliya B. Feldman

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir, Russia;
Vladimir Information Center of Nuclear Energy, Vladimir, Russia

Abstract. The article focuses on studying chrematonyms in nuclear and space industry professional discourse. The analysis of 734 Russian, English, Italian, French, German, Polish and Japanese lexemes nominating spacecraft, spaceships, nuclear reactors and nuclear research facilities resulted in discovering three common ways in the process of generating and functioning of chrematonyms in the professional discourse, including a lexico-semantic nomination (formed by means of onimization of appellatives, transonymization of personal and precedent names, toponyms, chrematonyms and cosmonims, deonimization); the word-formation considers the sound, syllabic and mixed abbreviation, as well as the formation of compound words; the syntactic method involves the formation of simple and complex substantive combinations of words. The authors conclude that chrematonyms as a class of onims have a specific linguistic meaning, affecting the semantic generation of the proper name in an inanimate object of material culture and emphasizing the unique and differential feature of the object and point to their specifically professional linguistic feature: motivation, derivative character, terminological unity, and frequency of usage. The research demonstrates the following special aspects of functioning of chrematonyms in the professional discourse: play on words, allusions and metaphors, ameliorative and deteriorative connotative meanings, which reflect non-typical processes for professional lexis and perform a peace-maintaining function of the language.

Key words: professional discourse, language for special purposes, chrematonyms, onimization, transonymization, nomenclature unit, personal precedent names.

Citation. Yudina N.V., Feldman N.B. Chrematonyms in the Professional Discourse of the Nuclear and Space Industry. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 227-238. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.19>

УДК 81'276.6
ББК 81.04

Дата поступления статьи: 14.01.2019
Дата принятия статьи: 26.08.2019

ХРЕМАТОНИМЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ АТОМНОЙ И КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛЕЙ

Наталья Владимировна Юдина

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Наталья Борисовна Фельдман

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия;
Информационный центр по атомной энергии г. Владимира, г. Владимир, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию хремотонимов, представленных в профессиональном дискурсе атомной и космической отраслей науки и производства. На материале 734 русскоязычных и иноязычных (английских, индийских, итальянских, французских, немецких, польских, японских) наименований космических ап-

паратов и кораблей, атомных реакторов и ядерных исследовательских установок показана общность процессов возникновения и функционирования хрематонимов в профессиональном дискурсе. Установлено, что в разных языках образование хрематонимов осуществляется тремя способами: лексико-семантическим (онимизация апеллятивов, трансонимизация личных и прецедентных имен, топонимов, хрематонимов и космонимов, деонимизация), словообразовательным (звуковая, слоговая, смешанная аббревиация, образование сложных слов), синтаксическим (образование простых и сложных субстантивных словосочетаний). Отмечены присущие анализируемому языковому материалу специфические черты профессиональной лексики: вторичность, системность, мотивированность и относительная ограниченность использования. Показаны особенности употребления хрематонимов в профессиональном дискурсе атомной и космической отраслей науки и производства: охарактеризованы случаи языковой игры, появления литературных аллюзий и метафор, формирования мелиоративных и пейоративных коннотативных значений. Перечисленные особенности функционирования хрематонимов отражают несвойственные для профессиональной лексики процессы и одновременно способствуют реализации миросозидающей, или ориентирующей, функции языка.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, язык для специальных целей, хрематоним, онимизация, трансонимизация, номенклатурная единица, личное прецедентное имя.

Цитирование. Юдина Н. В., Фельдман Н. Б. Хрематонимы в профессиональном дискурсе атомной и космической отраслей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 227–238. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.19>

Введение

Российские исследователи современного ономастического пространства проводят разыскания в рамках общей теории имени собственного [Рут, 2003; 2015; Суперанская, Подольская, Васильева, 2009; Супрун, 2011] и отдельных ее разделов: антропонимики [Феоктистова, 2016], топонимики [Березович, 2010] и др. Однако ономастические единицы в профессиональном общении остаются еще малоизученными.

Профессиональный дискурс реализуется в первую очередь через использование языка для специальных целей (далее – ЯСЦ), выступающего в качестве средства организации профессионального взаимодействия и социальной коммуникации в профессиональной среде. Изучением ЯСЦ как лингвистического феномена занимались Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 2004; 2009], В.М. Лейчик [Лейчик, 2009б], А.В. Суперанская [Суперанская, 2009], Э.А. Сорокина [Сорокина, 2016], Т.Н. Хомутова [Хомутова, 2008] и др. Е.С. Кубрякова, в частности, отмечает, что язык в целом характеризуется дихотомией когниции и коммуникации, но при этом когнитивные и коммуникативные задачи связаны с реализацией одной из функций языка – ориентирующей, или миросозидающей [Кубрякова, 2009, с. 7]. Язык для специальных целей предназначен, по мнению Т.Н. Хомутовой, для обеспечения эффективности коммуникации специалистов в конкрет-

ной области [Хомутова, 2008, с. 98]. Лексическое ядро ЯСЦ, его центр составляют термины. Периферия лексического поля ЯСЦ формируется профессионализмами и жаргонизмами [Сорокина, 2016, с. 170], а также единицами, возникающими в результате онимизации, трансонимизации, деонимизации профессиональной и терминологической лексики, в частности хрематонимами, которые, помимо лексико-семантического, образуются словообразовательным и синтаксическим способами.

Исследование, результаты которого обобщены в статье, посвящено изучению формирования и функционирования хрематонимов в профессиональном дискурсе на примере лексики атомной и космической отраслей. Обе отрасли активно развиваются начиная со второй половины XX в. и отличаются разработкой уникальных аппаратов и механизмов, в большинстве своем получивших собственные имена. Для создания космических кораблей и аппаратов, ядерных реакторов и разного рода установок требовались прорывные научные решения и технологии. Реализация этих масштабных проектов сопровождалась необходимостью соблюдения секретности, и само назначение создаваемых аппаратов и механизмов не предполагало (и не предполагает) их массового серийного выпуска, как, например, это происходит со станками, автомобилями и другими сложными технологическими устройствами. Возникновение онима вместо характеризующего наименования у объектов, по

мнению М.Э. Рут, определяется социальной потребностью в присвоении собственного имени объекту [Рут, 2003, с. 122]. В случае с механизмами и устройствами, созданными в атомной и космической отраслях, на наш взгляд, эта социальная потребность обусловлена секретностью разрабатываемых технологий в сочетании с тенденцией экономии языковых средств: оним, чаще всего однословный, для называния конкретного уникального предмета более удобен, чем многословный термин или аббревиатура как сокращение сложного наименования. Кроме того, присвоение механизму собственного имени, которое является мотивированным только для представителя соответствующей отрасли, сближает этот оним с профессиональной лексикой, демонстрируя относительную узость употребления.

Актуальность предлагаемого исследования заключается в недостаточной изученности хремотонимов, функционирующих в профессиональном дискурсе. Кроме того, рассматриваемые нами единицы не подвергались специальному системному описанию, на что указывает А.В. Суперанская с соавторами [Суперанская и др., 2009, с. 30].

Проблематика нашего исследования определяется тем, что при строгости, системности и упорядоченности ЯСЦ в российской и зарубежной практике обнаруживается возможность для лингвотворческой деятельности современной языковой личности. Вследствие этого хремотонимы в профессиональном дискурсе демонстрируют нехарактерные для ЯСЦ процессы: языковую игру, использование литературных аллюзий и метафор, формирование коннотативных значений. Как отмечает А.В. Суперанская, при переходе имени нарицательного в имя собственное редуцируются в первую очередь «эмоциональные обертоны» [Суперанская, 2009, с. 246].

Указанные процессы иллюстрируют следующую языковую тенденцию: на процесс наречения, представляющий собой акт выбора из имеющегося перечня имен либо «механического переведения нарицательного имени в ранг собственного» [Рут, 2003, с. 123], влияют экстралингвистические ресурсы, вследствие чего внутри системы ЯСЦ, предполагающей строгую регламентацию, возникают

нехарактерные для нее языковые явления. Основным экстралингвистическим фактором выступают особенности номинатора – современной языковой личности, к которым относится, в частности, креативность, склонность к инновационным процессам и разрушению стереотипов [Юдина, 2010, с. 171], которые и приводят к использованию языковой игры, литературных аллюзий, выбору прецедентных имен и т. п. При этом важным условием становится общее для номинатора и реципиента культурное знание.

Согласно мнению Н.В. Подольской, под хремотонимом следует понимать «собственное имя предмета материальной культуры», возникающее вследствие исключительной ценности либо уникальности [Подольская, 1978, с. 161]. А.В. Суперанская определяет хремотонимы как отдельные высокоценные предметы [Суперанская и др., 2009, с. 30]. В настоящей статье термин «хремотоним» мы используем по отношению к именам собственным объектов, аппаратов, механизмов и устройств, разработанных атомной и космической промышленностью для реализации различных практических задач.

Анализируемый языковой материал включает имена собственные экспериментальных и исследовательских космических спутников, аппаратов и устройств, а также ядерных реакторов, устройств и механизмов, использующихся в атомной отрасли, разработанных в России и за рубежом, происхождение наименований которых достоверно установлено на основании анализа контекстов. Нами было проанализировано 117 русских единиц и 617 иноязычных единиц (английских, индийских, итальянских, немецких, польских, французских, японских), используемых в 1000 контекстов (300 контекстов, в которых употреблены 163 названия космических спутников и аппаратов, и 700 контекстов, в которых употреблено 571 название ядерных реакторов, энергоблоков и исследовательских установок). Источниками языкового материала послужили российские и зарубежные официальные сайты и информационные ресурсы, посвященные атомной и космической отраслям науки и промышленности (см. список источников; ссылки на источники даются только при интерпретации содержания термина).

Способы образования хремотонимов

Лексико-семантический способ образования хремотонимов в профессиональном дискурсе связан преимущественно с процессами трансонимизации и онимизации. По мнению А.В. Суперанской, трансонимизация является «одним из очень распространенных путей образования новых имен собственных всех разрядов» и происходит этот процесс как перенос известного имени в иной ономастический класс [Суперанская и др., 2009, с. 46]. Лексико-семантическим способом образовано 549 хремотонимов атомной отрасли и 147 хремотонимов космической отрасли. Классификация хремотонимов построена на основе процессов в семантике производящей лексической единицы (другого онима или апеллятива).

1. Онимизация апеллятивов (85 единиц). В этот процесс вовлечены существительные, разнообразные по значению и стилистической окраске:

1) существительные с общим значением ‘исследователь, первопроходец, путешественник’: исследовательские космические аппараты *Ranger*, *Voyageur*, *Pioneer*, *Mariner*;

2) отвлеченные существительные: марсоходы *Opportunity*, *Curiosity*;

3) существительные, обозначающие природные явления: космические аппараты *Dawn*, «Акацуки»; корабли «Заря», «Восход», «Буран»;

4) существительные, обозначающие стороны света: корабль «Восток»; плавучая АЭС «Север»;

5) существительные, обозначающие космические объекты: пилотируемый космический корабль «Звезда»;

6) существительные, обозначающие устройства: космический аппарат «Зонд»; авиационно-космическая система «Спираль»;

7) названия цветов: критический стенд «Астра»; реактор *CROCUS* (Швейцария);

8) названия камней и минералов: установка «Агат»; реактор *Celestin I* (Франция); реактор *SAPHIR* (Швейцария); космический корабль «Алмаз»;

9) названия музыкальных произведений: исследовательские реакторы *Masurca* и *Rhapsodie* (Франция);

10) термины из квантовой физики: критический стенд «Квант»; фотохимическая установка «ФОТОН»;

11) многозначные слова: критический стенд «Дельта»; реактор «Гамма»; импульсный растворный реактор «Гидра»; исследовательские реакторы *JEEP* (Норвегия), *VIPER* (Англия);

12) жаргонизмы: антарктический реактор *Nukey poo*.

2. Трансонимизация онимов. В группу входят 15 единиц космической отрасли и 397 единиц атомной отрасли:

1) трансонимизация антропонимов:

а) личные имена: реактор «Аннушка»; польские исследовательские реакторы *Anna*, *Agata* и *Maryla*, норвежский реактор *NORA*;

б) прецедентные личные имена:

– фамилии реально существовавших людей: автоматический космический аппарат «Галилео» (англ. *Galileo*); межпланетная станция «Магеллан»; плавучая АЭС «Академик Ломоносов»; реактор *Enrico Fermi* (Италия);

– личные имена мифологических, литературных и сказочных персонажей: автоматическая межпланетная станция «Улисс» (англ. *Ulysses*); автоматическая межпланетная станция НАСА «Юнона»; растворный реактор «Аргус»; индийский реактор *Apsara reactor*; российский реактор «Иван» – при отнесении хремотонима в эту группу мы опирались на информацию, зафиксированную в «Большом лингвострановедческом словаре», включающем в том числе имена фольклорных персонажей (Россия, с. 216–217);

2) трансонимизация топонимов: передвижная атомная энергетическая станция «Памир»; спускаемый аппарат «Филы» (англ. *Philaelander*). К этой же группе можно отнести и иноязычные хремотонимы – названия ядерных энергоблоков, установленных на зарубежных АЭС. Таких единиц более 350;

3) трансонимизация хремотонимов: автоматическая межпланетная станция «Розетта» (англ. *Rosetta*) (названа в честь знаменитого Розеттского камня);

4) трансонимизация космонимов: космические аппараты «Венера», «Луна», «Марс», «Фобос»; бельгийский реактор *VENUS* (Венера) и английский реактор *PLUTO* (Плутон).

3. Деонимизация. Под процессом деонимизации мы понимаем переход онимов в номенклатурные единицы и переход номенклатурных единиц в апеллятивы. Как отмечает В.М. Лейчик, номенклатурными знаками становятся названия космических кораблей, искусственных спутников и прочих устройств, выпускаемых сериями, и каждой последующей аналогичной модели присваивается порядковый номер [Лейчик, 2009б, с. 33]. В анализируемом языковом материале среди хремотонимов космической отрасли насчитывается 53 номенклатурных единицы советского периода и 31 зарубежная языковая единица, а также 115 номенклатурных единиц атомной отрасли:

1) переход онимов в номенклатурные единицы. Переход хремотонимов атомной отрасли, называющих зарубежные ядерные энергоблоки АЭС, в номенклатурные единицы происходит практически сразу же после начала постройки второго и последующих энергоблоков станции, которым присваиваются порядковые номера, добавляемые к имени-названию: аргентинские энергоблоки *Atucha-1 – Atucha-3*. Аналогичный процесс происходит с хремотонимами космической отрасли: аппараты «*Венера-1*» – «*Венера-16*»; «*Луна-1*» – «*Луна-28*»; *Mariner-1 – Mariner-10*; *Pioneer-1 – Pioneer-11*. Однако чаще всего этим характеристикам отвечают номинации зарубежных реакторных энергоблоков: *Kozloduy-1, Diablo Canyon – 2, Donald C. Cook – 1*. Они именуются по названию АЭС, на которой установлены, и сопровождаются порядковым номером. Имя собственное для АЭС образуется в результате процесса трансонимизации топонима, гидронима либо антропонима. Выбор топонима или гидронима обусловлен пространственной близостью, а антропонимы представляют собой имена реально существующих людей, внесших значимый вклад в строительство или развитие объекта. В русской лингвокультурной традиции серийные ядерные энергоблоки на АЭС не получают личных имен, а обозначаются порядковыми номерами, указывающими на хронологию строительства, с добавлением названия атомной электростанции, например: *первый энергоблок Ленинградской АЭС*;

2) переход номенклатурной единицы в апеллятив: *токамак*.

Словообразовательный способ создания хремотонимов представлен аббревиацией и словосложением (17 единиц атомной отрасли и 6 единиц космической отрасли). Нами не зафиксированы примеры буквенной аббревиации, что объясняется естественными языковыми законами: любое имя собственное ассоциируется с первичной языковой единицей, от которой было образовано, как на семантическом, так и на фонетическом уровне.

Представлены:

1. Аббревиация. Под аббревиатурным именем мы, вслед за В.И. Супруном, будем понимать производное имя собственное, образованное путем сокращения производящих слов [Супрун, 2011, с. 136]. К основным типам аббревиации у хремотонимов атомной и космической отраслей относятся:

1) звуковая аббревиация: американский искусственный спутник для исследования атмосферы Марса *MAVEN* (от англ. *Mars Atmosphere and Volatile Evolution*); солнечные батареи *SCARLET* (*Solar Concentrator Array of Refractive Linear Element Technologies*); ядерные реакторы «*МИП*», *Ewa, FREYA, Zoé*;

2) слоговая аббревиация: автоматическая межпланетная станция «*Vega*» (от названия проекта «*Венера – и комета Галлея*»);

3) смешанная аббревиация: *токамак* (*ток, камера, магнит, катушка*); реактор «*РУСЛАН*»; канадский реактор *The SLOWPOKE* (*Safe LOW-Power Kritical Experiment*); американская автоматическая межпланетная станция «*Мессенджер*» (англ. *Mercury Surface, Space ENvironment, GEochemistry and Ranging – MESSENGER*).

2. Словосложение. Это нехарактерный способ деривации хремотонимов в профессиональном дискурсе. В нашем материале зафиксировано 3 языковые единицы атомной отрасли и 2 языковые единицы космической отрасли:

1) сложные слова со слитным написанием: установка гамма-излучения «*Гаммарид*»; автоматическая межпланетная станция «*Стардаст*» (англ. *Stardust* – дословно ‘звездная пыль’);

2) сложные слова с дефисным написанием: установка для испытаний термоэмис-

сионных электрогенерирующих каналов «НОТ-КОМПАС»; установка «РАСПЛАВ-Salt»; автоматическая межпланетная станция «Кассини-Гюйгенс» (англ. *Cassini-Huygens*).

Особенность приведенных в этом разделе наименований заключается в том, что, будучи аббревиатурами по способу образования, они представляют собой значимое слово, которое по лексико-семантическому основанию также может быть включено в одну из групп (в частности, в группу апеллятивов либо прецедентных имен).

Синтаксическим способом образованы 10 хрематонимов космической отрасли и 5 хрематонимов атомной отрасли. Анализируемые комбинации являются субстантивными словосочетаниями с зависимым словом – определением, выраженным либо прилагательным, либо существительным в роли приложения:

1. Простые словосочетания (8 единиц): *Deep Impact, Mars Express, Mars Odyssey, Mars Pathfinder, New Horizons, Venus Express, Eau lourde* (дословно ‘тяжелая вода’), *Prototype à terre* (дословно ‘прототип на земле’).

2. Сложные словосочетания (7 единиц): *Deep Space 1, Mars Global Surveyor, Mars Reconnaissance Orbiter, Trace Gas Orbiter,*

Chaufferie avancée prototype (Cap) (‘продвинутый прототип котельной – колпачок’); *Réacteur nouvelle génération (RNG)* (‘реактор нового поколения’); *Réacteur à Haut Flux* (‘реактор высокого потока’).

Соотношение хрематонимов атомной и космической отраслей

Соотношение русскоязычных и иноязычных хрематонимов в соответствии с вышеприведенной классификацией в лексике атомной и космической отраслей отражено в таблицах 1 и 2.

В анализируемом языковом материале самый продуктивный способ образования хрематонимов – трансонимизация топонимов. Продуктивность модели обусловлена традицией присвоения собственных имен зарубежным ядерным реакторам, установленным на АЭС. В космическом профессиональном дискурсе использование топонимов является непродуктивным способом образования хрематонимов.

В профессиональном дискурсе широко представлены хрематонимы, перешедшие в номенклатурные единицы. Их использование помогает сохранить уникальность и узнавае-

Таблица 1

Количественная представленность способов образования хрематонимов космической отрасли

Рубрики классификации	Количество анализируемых единиц	
	Русскоязычные	Иноязычные
Лексико-семантический способ		
Онимизация	8	40
Апеллятивы	8	40
Трансонимизация	5	10
Прецедентные имена	0	8
Топонимы	1	1
Хрематонимы	0	1
Космонимы	4	0
Деонимизация	53	31
Номенклатурные единицы	53	31
Словообразовательный способ		
Аббревиация	1	3
Звуковая аббревиация	0	1
Слоговая аббревиация	1	0
Смешанная аббревиация	0	2
Словосложение	0	2
Сложные слова	0	2
Синтаксический способ		
Словосочетания	0	10
Итого	67	96

Количественная представленность способов образования хремотонимов атомной отрасли

Рубрики классификации	Количество анализируемых единиц	
	Русскоязычные	Иноязычные
Лексико-семантический способ		
Онимизация	19	18
Апеллятивы	19	18
Трансонимизация	9	388
Личные имена	2	4
Прецедентные имена	5	32
Топонимы	2	350
Космонимы	0	2
Деонимизация	15	100
Номенклатурные единицы	15	100
Словообразовательный способ		
Аббревиация	6	8
Звуковая аббревиация	5	4
Смешанная аббревиация	1	4
Словосложение	1	2
Сложные слова	1	2
Синтаксический способ		
Словосочетания	0	5
Итого	50	521

мость именуемого объекта и одновременно указывать на принадлежность к определенной серии и очередность создания. Эта особенность наблюдается как в русскоязычной, так и в иноязычной традиции.

На основании приведенных в таблицах данных мы также можем сделать вывод о том, что продуктивным способом номинации в лексике атомной и космической отраслей является использование апеллятивов и личных прецедентных имен, включающих 2 подгруппы: личные имена реально существующих людей и имена мифологических персонажей.

Синтаксический способ образования хремотонимов в профессиональном дискурсе более характерен для иноязычной традиции.

Функционирование хремотонимов в профессиональном дискурсе

С одной стороны, собственные имена, как справедливо отмечает А.В. Суперанская, сближаются с терминологической и специальной лексикой благодаря факту вторичности их специального использования [Суперанская, 2009, с. 32–36], а также благодаря функции знака-обозначения, которую выделяет у терминов В.М. Лейчик [Лейчик, 2009а, с. 26] и

которую исследователи называют одной из основных характеристик имен собственных. С другой стороны, коммуникативная, апеллятивная, экспрессивная и дейктическая функции собственных имен [Суперанская, 2009, с. 272–273] наряду с воздействием экстралингвистических факторов обуславливают возникновение нехарактерных для ЯСЦ и профессионального дискурса явлений: языковой игры, литературных аллюзий и метафор, формирования особых коннотативных полей. Рассмотрим указанные процессы на примере проанализированного языкового материала.

1. Языковая игра реализуется посредством следующих приемов:

1) использование многозначных слов для наименования установок и механизмов: критический стенд «Дельта»; реактор «Гамма»; импульсный растворный реактор «Гидра»; исследовательские реакторы *JEEP* (Норвегия), *VIPER* (Англия). Этот прием позволяет подчеркнуть уникальность объекта, выделить его из ряда других и одновременно сохранить секретность технологии, присвоив немотивированное название в виде многозначного слова, чтобы исключить семантическую соотнесенность. Теми же причинами можно объяснить образование хремотонимов от названий

цветов, камней, минералов и музыкальных произведений, терминов из смежной отрасли. Имена не мотивированы, но при этом у людей, причастных к созданию и эксплуатации этих устройств, существует точная соотнесенность имени и механизма, обозначаемого этим именем;

2) созвучие слов, рифма. Названия английских исследовательских реакторов *LIDO* ('открытый плавательный бассейн') и *DIDO* ('шалость, проказа'), построенных примерно в одно и то же время, рифмуются, отличаясь всего одним звуком.

2. Появлению в профессиональном дискурсе литературных аллюзий и метафор способствуют:

1) использование личных прецедентных имен, представляющих собой имена мифологических и литературных персонажей. Согласно мнению Д.Б. Гудкова, под прецедентными именами следует понимать группу внутри индивидуальных имен, выделяющуюся на основании особенностей их функционирования в дискурсе в качестве культурного знака, символа [Гудков, 1999, с. 62]. В.В. Красных называет прецедентное имя результатом «эмоционально-образного восприятия уникального лица-персонажа», обусловленным культурой и являющимся общим достоянием [Красных, 2016, с. 276]. Так, хрематоним «*РВСЛАН*» возник как аббревиатура. В книге воспоминаний В.Н. Новоселова приводятся такие варианты расшифровки: *реакторная установка с лантаном* или *реакторная установка с литиево-алюминиевым наполнением* (Новоселов, Носач, Ентяков, с. 133). Анализируемый хрематоним совпадает с прецедентным именем собственным, отсылающим русскоязычного читателя к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Возможно, в связи с воздействием вышеуказанного прецедентного текста вслед за именем реактора «*РВСЛАН*», запущенного в 1979 г., появилось и имя «*Людмила*», которым называли реактор «ЛФ-2», построенный в 1988 году;

2) подбор хрематонима, передающего характер / способ работы устройства, механизма. Например, название реактора *The SLOWPOKE (Safe LOW-POwer Kritical Experiment)* на тепловых (медленных) нейтронах переводится как «тугодум», а ошибка

в слове *Kritical* допущена авторами названия намеренно (правильный вариант написания – *Critical*), для подчеркивания ассоциативной связи между получившимся именем реактора и способом его работы;

3) использование для образования хрематонимов космической отрасли апеллятивов с общим значением 'исследователь, первопроходец, путешественник': *Ranger, Voyageur, Pioneer*; отвлеченных существительных: *Opportunity, Curiosity*; природных явлений: *Dawn*, «*Акацуки*». Этот прием формирует метафору, передающую обширность изучаемого пространства, исследовательский дух, движение вперед в познании неизведанного;

4) выбор имени, создающий прецедентную ситуацию. Автоматическая межпланетная станция НАСА «*Юнона*» (также «*Джуно*», от англ. *Juno, Jupiter Polar Orbite*) создана для изучения Юпитера. Соответственно, выбор имени «*Юнона*» отсылает нас к древнеримскому варианту древнегреческого пантеона богов, где Юнона – ревнивая жена Юпитера, которая контролирует и проверяет его.

3. Выражение отношения говорящего к объекту:

1) мелиоративное коннотативное значение создается за счет появления у объекта дополнительного неофициального имени. Ярким примером этого служит имя реактора «*Аннушка*». Употребление деминутива в профессиональном дискурсе, для которого нехарактерно функционирование слов с эмоциональной окраской, формирует особое коннотативное поле: участники атомного проекта в своих воспоминаниях о строительстве и эксплуатации «объекта А», как первоначально называли этот реактор, используют слова с мелиоративной коннотацией: *уранграфитовый реактор А, или, как его иногда любовно называют, Аннушка* (Бурдаков, с. 97); *С тех пор первенец атомной промышленности стал называться «Аннушкой».* Это ласковое женское имя всем понравилось, быстро распространилось и прижилось (Трякин, с. 384). Приведем еще один пример: межпланетная космическая станция «*Акацуки*» (яп. *あかつき* 'рассвет', 'утренняя заря') официально известна как проект *PLANET-C*. Появление у неодушевленных предметов с офици-

альным наименованием дополнительных неофициальных имен выполняет две функции, как считает О.В. Махнборода: усиление идентификации объекта и выражение субъективного отношения говорящего к этому объекту [Махнборода, 2007, с. 155];

2) имя-жаргонизм антарктического реактора *Nukey poo* демонстрирует возникновение пейоративной коннотации. Происхождение этого имени связано с частыми утечками радиации у реактора: *A reactor at Antarctica's McMurdo Station that operated through the 1960s was nicknamed "nukey poo" because of its poor performance and reliability (though some reports simply point to "frequent radioactive leaks")* (The Story of Nukey Poo). В некоторых комментариях реактор называют мальчиком: *The video of Nuclear Boy and his stinky poo* – и используют жаргонные и стилистически сниженные слова (*stinky poo*, дословно 'вонючая кашка'), образно описывающие результат утечки радиоактивного топлива и одновременно выражающие негативное отношение говорящего к этому процессу, дополняет пейоративную коннотацию хремотонима.

Наряду с перечисленными особенностями хремотонимов в профессиональном дискурсе в нем отражаются принципы именования, демонстрирующие характеристики профессиональной лексики: вторичность, системность, мотивированность и относительную ограниченность использования.

Выводы

Анализ хремотонимов атомной и космической отраслей на материале английского (76,3 %), итальянского (1,2 %), немецкого (0,5 %), польского (0,7 %), русского (16 %), французского (2,7 %), хинди (1 %), японского (1,6 %) языков показал, что к хремотонимам обеих отраслей можно применить единую классификацию, свидетельствующую об общих законах возникновения и функционирования хремотонимов в профессиональном дискурсе.

На основании анализа нами были сделаны следующие выводы:

1. Хремотонимы как класс имен собственных, функционирующих в профессио-

нальном дискурсе, обладают специфическим значением, в основе которого лежит уникальность объекта и его семантическая отнесенность, возникшая в результате трансформации. Этот вывод соотносится с исследованиями Е.С. Кубряковой и Т.Н. Хомутовой, в которых отмечены коммуникативная роль ЯСЦ в профессиональном дискурсе и ориентирующая функция языка, которую реализуют хремотонимы именно в результате возникновения специфического значения.

2. Способ образования хремотонима в меньшей степени влияет на его морфологические и лексико-семантические характеристики: даже будучи образованными способом звуковой либо смешанной аббревиации, хремотонимы в профессиональном дискурсе представляют собой значимое слово, соотносящееся с существующим антропонимом либо апеллятивом.

3. Образование хремотонимов в профессиональном дискурсе отличается использованием языковой игры, литературных аллюзий и метафор, формированием мелиоративных и пейоративных коннотативных полей, что отражает нехарактерные для профессиональной лексики процессы и одновременно реализует мирозозидающую функцию языка. На примере функционирования хремотонимов также можно проследить присущие анализируемому языковому материалу специфические черты профессиональной лексики: вторичность, системность, мотивированность и относительную ограниченность использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович Е. Л., 2010. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : Мифопоэтический образ пространства. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : КомКнига. 240 с.
- Гудков Д. Б., 1999. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М. : Изд-во МГУ. 152 с.
- Красных В. В., 2016. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис. 496 с.
- Кубрякова Е. С., 2004. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Яз. слав. культуры. 560 с.

- Кубрякова Е. С., 2009. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (18). С. 5–12.
- Лейчик В. М., 2009а. Терминоведение : Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М. : ЛИБРОКОМ. 256 с.
- Лейчик В. М., 2009б. Люди и слова : Как рождаются и живут слова в русском языке / отв. ред. Г. В. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : ЛИБРОКОМ. 216 с.
- Махниборода О. В., 2007. О классификации неофициальных дополнительных имен неодушевленных предметов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 19 (45). С. 155–158.
- Подольская Н. В., 1978. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука. 198 с.
- Рут М. Э., 2003. Номинация, наречение и имя собственное // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. Вып. 4. С. 120–124.
- Рут М. Э., 2015. Ономастиология? Мотивация? Семантика? Идеография? О классификациях имен собственных // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, 7–11 сент. 2015 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 231–233.
- Сорокина Э. А., 2016. Язык для специальных целей как средство общения // Вестник Челябинского государственного университета. № 4 (386), вып. 100. С. 169–172.
- Суперанская А. В., 2009. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. Изд. 3-е, испр. М. : ЛИБРОКОМ. 367 с.
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В., 2009. Общая терминология : Вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 5-е. М. : ЛИБРОКОМ. 248 с.
- Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х., 2009. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. П. Непокупный. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ. 256 с.
- Супрун В. И., 2011. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 8 (62). С. 133–138.
- Феоктистова Л. А., 2016. К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. Т. 13, № 1. С. 85–116.
- Хомутова Т. Н., 2008. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 71. С. 96–106.
- Юдина Н. В., 2010. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М. : Гнозис. 293 с.

ИСТОЧНИКИ

- Бурдаков – Бурдаков Н. С. Записки ветерана-атомщика. Озерск : Ред.-изд. центр ВРБ, 2009. 256 с.
- Новоселов, Носач, Ентяков – Новоселов В. Н., Носач В. Ф., Ентяков Б. Н. Атомное сердце России. Челябинск : Автограф, 2014. 528 с.
- Россия – Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 736 с.
- Трякин – Трякин П. И. Аннушка // Творцы ядерного щита / отв. ред. П. И. Трякин. Озерск : Маяк, 1998. 444 с.
- Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902193080> (дата обращения: 26.01.2018).
- Международное агентство по атомной энергии. URL: <https://www.iaea.org/ru>.
- Росатом. URL: <http://www.biblioatom.ru/> (дата обращения: 26.01.2018).
- Astronet. URL: <http://www.astronet.ru/db/msg/1170734/spacecraft.html> (date of access: 26.01.2018).
- European Nuclear Society. URL: <https://www.euronuclear.org/> (date of access: 26.01.2018).
- SpaScraffrocket.org. URL: https://www.spascraftrocket.org/chronology_spacecrafts.html (date of access: 26.01.2018).
- The Story of Nukey Poo. URL: <http://maisonbisson.com/post/15797/the-story-of-nukey-poo/> (date of access: 26.01.2018).
- Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_nuclear_reactors (date of access: 26.01.2018).
- World Nuclear Association. URL: <https://www.world-nuclear.org/> (date of access: 26.01.2018).

REFERENCES

- Berezovich E.L., 2010. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskiy obraz prostranstva* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Mythopoetic Image of Space]. Moscow, KomKniga Publ. 240 p.
- Gudkov D.B., 1999. *Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti* [Precedent Proper Name and Aspects of Precedence]. Moscow, Izd-vo MGU. 152p.
- Krasnykh V.V., 2016. *Slovar i grammatika lingvokultury. Osnovy psikholingvokulturologii* [Vocabulary and Grammar of Linguoculture. Principles of Psycholinguistics Culturology]. Moscow, Gnozis Publ. 496 p.

- Kubryakova E.S., 2004. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Acquiring of Language Knowledge: Parts of Speech in the Cognitive Aspect. The Role of Language in the Worldview]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 560 p.
- Kubryakova E.S., 2009. V poiskakh sushchnosti yazyka [In Search of the Essence of the Language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 1 (18), pp. 5-12.
- Leychik V.M., 2009a. *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology Studies: Subject, Methods, Structure]. Moscow, LIBROKOM Publ. 256 p.
- Leychik V.M., 2009b. *Lyudi i slova: Kak rozhdaiutsya i zhivut slova v russkom yazyke* [People and Words: How Words Are Generated and Developed in Russian]. Moscow, LIBROKOM Publ. 216 p.
- Makhniboroda O.V., 2007. Oklassifikatsii neofitsialnykh dopolnitelnykh imen neodushlevlennykh predmetov [Classification of Informal Additional Names of Inanimate Objects]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 19 (45), pp. 155-158.
- Podolskaya N.V., 1978. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ. 198 p.
- Rut M.E., 2003. Nominatsiya, narechenie i imya sobstvennoe [Nomination, Appellation and Proper Name]. *Onomastika i dialektnaya leksika: sb. nauch. tr.* [Onomastics and Dialectal Vocabulary. Collection of Scientific Works]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta, iss. 4, pp. 120-124.
- Rut M.E., 2015. Onomasiologiya? Motivatsiya? Semantika? Ideografiya? O klassifikatsiyakh imen sobstvennykh [Onomasiology? Motivation? Semantics? Ideography? About classifications of Proper Names]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ekaterinburg, 7-11 sent. 2015)* [Ethnolinguistics. Onomatology. Etymology. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference (Yekaterinburg, September 7–11, 2015)]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta, pp. 231-233.
- Sorokina E.A., 2016. Yazyk dlya spetsialnykh tseley kak sredstvo obshcheniya [Language for Special Purposes as a Means of Communication]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 4 (386), iss. 100, pp. 169-172.
- Superanskaya A.V., 2009. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Name]. Moscow, LIBROKOM Publ. 367 p.
- Superanskaya A.V., 2009. Podolskaya N.V., Vasilyeva N.V. *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General Terminology: Theory Aspects]. Moscow, LIBROKOM Publ. 248 p.
- Superanskaya A.V., Stal'tman V.E., Podolskaya N.V., Sultanov A.H., 2009b. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and Methodology of Onomastic Research]. Moscow, LIBROKOM Publ. 256 p.
- Suprun V.I., 2011. Razmyshleniya nad onomasticheskoy terminologiyey [Reflection on Onomastic Terminology]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 8 (62), pp. 133-138.
- Feoktistova L.A., 2016. K metodike analiza assotsiativno-derivatsionnoy semantiki lichnogo imeni [Towards a Methodology for the Analysis of Associative-Derivational Meaning of a Personal Name]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 13, no. 1, pp. 85-116.
- Khomutova T.N., 2008. Yazyk dlya spetsialnykh tseley (LSP): lingvisticheskiy aspekt [Language for Special Purposes (LSP): Linguistic Aspect]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 71, pp. 96-106.
- Yudina N.V., 2010. *Russkiy yazyk v XXI veke: krizis? evolyutsiya? progress?* [Russian Language in the 21st Century: Crisis? Evolution? Progress?]. Moscow, Gnozis Publ. 293 p.

SOURCES

- Burdakov N.S. *Zapiski veterana-atomshchika* [Memoirs of a Nuclear Veteran]. Ozersk, Redaktsionno-izdatelskiy tsentr VRB, 2009. 256 p.
- Novoselov V.N., Nosach V.F., Entyakov B.N. *Atomnoe serdtse Rossii* [The Atomic Heart of Russia]. Chelyabinsk, Avtograf Publ., 2014. 528 p.
- Prokhorova Yu.E., ed. *Rossiya. Bolshoy lingvostranovedcheskiy slovar* [Russia. Big Linguosocial Dictionary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2009. 736 p.

Tryakin P.I. Annushka. Tryakin P.I., ed. *Tvortsy yadernogo shchita* [Creators of the Nuclear Shield]. Ozersk, Mayak Publ., 1998. 444 p.

Konsortsiy «Kodeks» [“Kodeks” Consortium]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902193080> (accessed 26 January 2018).

Mezhdunarodnoe agentstvo po atomnoy energii [International Atomic Energy Agency]. URL: <https://www.iaea.org/ru>.

Rosatom. URL: <http://www.biblioatom.ru/> (accessed 26 January 2018).

Astronet. URL: <http://www.astronet.ru/db/msg/1170734/spacecraft.html> (accessed 26 January 2018).

European Nuclear Society. URL: <https://www.euronuclear.org/> (accessed 26 January 2018).

SpaSecraftrocket.org. URL: https://www.spacecraftrocket.org/chronology_spacecrafts.html (accessed 26 January 2018).

The Story of Nukey Poo. URL: <http://maisonbisson.com/post/15797/the-story-of-nukey-poo/> (accessed 26 January 2018).

Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_nuclear_reactors (accessed 26 January 2018).

World Nuclear Association. URL: <https://www.world-nuclear.org/> (accessed 26 January 2018).

Information about the Authors

Natalya V. Yudina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Language Training, Vice-Rector Deputy for Authorities Cooperation, Regional Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, GSP-3, 125993 Moscow, Russia, dr.yudina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>

Nataliya B. Feldman, Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Gorkogo St., 87, 600000 Vladimir, Russia; Coordinator of Special Projects, Vladimir Information Center of Nuclear Energy, Prosp. Oktyabrskiy, 3, 600000 Vladimir, Russia, nbfeldman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0354-3778>

Информация об авторах

Наталья Владимировна Юдина, доктор филологических наук, профессор департамента языковой подготовки, заместитель первого проректора по работе с органами власти и региональному развитию, Финансовый университет при Правительстве РФ, просп. Ленинградский, 49, ГСП-3, 125993 г. Москва, Россия, dr.yudina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>

Наталья Борисовна Фельдман, аспирант кафедры русского языка, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, ул. Горького, 87, 600000 г. Владимир, Россия; координатор специальных проектов, Информационный центр по атомной энергии г. Владимира, просп. Октябрьский, 3, 600000 г. Владимир, Россия, nbfeldman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0354-3778>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.20>

UDC 81'221:001.53
LBC 81.04

Submitted: 04.04.2019
Accepted: 12.09.2019

**A MODEL OF NON-VERBAL COMMUNICATION MEANS STRUCTURING:
AN INTERCULTURAL ASPECT
(ON THE MATERIAL OF THE CZECH AND RUSSIAN CULTURES)**

Vitezslav Vilimek

University of Ostrava, Ostrava, Czech Republic;
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Tatyana Yu. Makhortova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Irina G. Sidorova

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper focuses on the problem of structuring of non-verbal communication in the context of studying the process of intercultural contacts. The relevance of the proposed approach to the classification of non-verbal communication means is determined by its complex feature. The authors substantiate the fact that an effective classification should take into account the achievements of several scientific disciplines having the fundamental value to the understanding of the current problem: psychology, psychophysiology, human ethology and linguistics. Also, it is necessary to take into consideration the polycode character of intercultural communication. Based on the previously published classifications, the current state of scientific knowledge on this problem, the experience of a theoretical study of this problem, and practical and didactic applications, the author propose a two-level typological model which is specially designed to compare the non-verbal behaviours of different cultures representatives. Logically, this model comprises the following categories of non-verbal communication means: paraverbal means; kinesic means; sensory perception means of communication; spatial and temporal means. To define the categories and their sub-categories the authors exemplify the means of communication with the context of interactions between representatives of the Czech and Russian cultures. The authors concluded that non-verbal means of communication should be structured taking into account the specific purpose of the study.

Key words: non-verbal communication, typology of non-verbal communication means, intercultural communication, comparative studies, national cultures, intercultural comparison.

Citation. Vilimek V., Makhortova T.Yu., Sidorova I.G. A Model of Non-Verbal Communication Means Structuring: An Intercultural Aspect (On the Material of the Czech and Russian Cultures). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 239-250. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.20>

УДК 81'221:001.53
ББК 81.04

Дата поступления статьи: 04.04.2019
Дата принятия статьи: 12.09.2019

**МОДЕЛЬ СТРУКТУРИРОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ
КОММУНИКАЦИИ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕШСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР)**

Витезслав Вилимек

Оставский университет, г. Острава, Чехия;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Татьяна Юрьевна Махортова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ирина Геннадьевна Сидорова

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В центре внимания авторов статьи находится проблема структурирования невербальной коммуникации в контексте изучения процесса межкультурных контактов. Актуальность предлагаемого подхода к классификации средств невербальной коммуникации определяется его комплексным характером. Обосновывается положение о том, что при построении эффективной классификации должны учитываться достижения ряда научных дисциплин, имеющих фундаментальное значение для понимания рассматриваемого вопроса: психологии, психофизиологии, этологии человека и лингвистики, а также поликодовость межкультурной коммуникации. Исходя из уже существующих в науке классификаций, из современного состояния науки, опыта теоретического исследования проблемы, практической и дидактической аппликации, авторы статьи предложили модель двухуровневой типологии, специально разработанную для целей сопоставления невербального поведения представителей различных культур. Эта модель включает в логической последовательности следующие категории средств невербальной коммуникации: паравербальные средства; кинесические средства; средства коммуникации, воспринимаемые при помощи органов чувств; пространственно-временные средства. Даны определения категорий и входящих в них субкатегорий, приведены примеры реализации средств коммуникации в контексте взаимодействия представителей чешской и русской культур. Сделан вывод о необходимости структурирования невербальных средств коммуникации с учетом конкретной цели исследования.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, типология невербальных средств, межкультурная коммуникация, сопоставительные исследования, национальные культуры, межкультурное сопоставление.

Цитирование. Вилимек В., Махортова Т. Ю., Сидорова И. Г. Модель структурирования невербальных средств коммуникации: межкультурный аспект (на примере чешской и русской культур) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 239–250. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.20>

Introduction

Spoken and written speech is rightly considered to be the top of the sign systems that serve people for transmission and preservation of information content. However, we must not forget that together with the information encoded in the form of signs of a language system, the information is always transmitted using non-verbal code, both consciously and subconsciously. It can be perceived by visual, auditory, tactile, olfactory and even taste channels. The wide range of ways to pass the information considerably complicates the scientific definition of non-verbal communication. Often, it can be found in the literature in the form of a non-scientific definition, in the lists of examples of the most typical forms of non-verbal communication. The wide range and the relative heterogeneity of non-verbal communication are one of the reasons why the models of their structure differ from an author to another one.

Generally, non-verbal communication is defined as “communication without words”

[DeVito, 2005, p. 105]; “communication without words through a variety of communication channels” [Ting-Toomey, 1999, p. 200]; “messages expressed by non-linguistic means” [Adler, Proctor, 2010, p. 200]; and also as “all behaviours, attributes and objects (not related to words) that transmit messages and have a common social meaning” [Morreale, Spitzberg, Barge, 2007, p. 110]. However, such a broad interpretation of non-verbal communication contributes little to the study and clarification of the essence of this particular cultural and historical phenomenon. We consider that it is important to realize that not all non-verbal manifestations accompanying some verbal messages can be a means of communication, but only those that have a meaning, can act as a sign and perform the function of a message.

More logical and reasonable for our study is the definition of A.P. Sadokhin, who notes that the non-verbal communication implies a set of non-linguistic means, symbols and signs used for transmitting information and messages in the communication process [Sadokhin, 2004, p. 152].

I.N. Gorelov emphasizing the symbolic essence of non-verbal communication implies that a non-verbal component of the speech act is the thought of as an improper linguistic sign because of its difference from the actual one. Also, the researcher mentions that this fact can be understood by the originality of substance and structure and by the special, different from other linguistic signs, possibilities to designate and abilities to mix with the similar signs and others [Gorelov, 2003, p. 173].

Non-verbal communication is the exchange of non-verbal messages between people, the understanding and interpretation of these messages. This may be considered as because the non-verbal manifestations of human behaviour have a certain meaning, understandable to others. People can use non-verbal communication to express their thoughts, feelings and emotions more fully, more accurately and more clearly. However, it is important to consider that in different cultures some non-verbal signs may have different meanings, and they may be given different meanings. Thus, we can confirm that non-verbal messages are analogous to speech and writing in some ways, as every word, posture or gesture, have the appropriate a particular culture values [Sadokhin, 2004, p. 154-155].

In our opinion, it is very important to realize that the study of non-verbal means accompanying language communication is as necessary as the study of languages since non-verbal means are an integral part of human communication. Non-verbal communication is a type of human communication, closely related to and interacting with speech communication. However, being different from the speech communication the non-verbal means of information transmitting have been insufficiently studied. Significantly, this is because the body language became the subject of scientific studies starting from the 50s of the 20th century. This explains, for example, the lack of a unified scientific methodology, some terminological distinguishing, as well as shortcomings in the description of the structure of the subject.

Nevertheless, the issues of non-verbal communication concerned and continue to concern many researchers from different countries, among which the most famous ones are R.L. Birdwhistell, M. Argyle, A.S. Hayes,

P. Ekman, W.V. Friesen, D. Crystal, M.L. Knapp, T.M. Nikolaeva, E.A. Uspensky, G.V. Kolshansky, A.A. Akishina, I.N. Gorelov, V.A. Labunskaya, G.E. Craidlin and etc.

According to the widening and deepening of the intercultural contacts, the studies of non-verbal communication in the national and cultural aspect have become particularly important. Even in the 60s of the 20th century researcher A.S. Hayes noted that “the study of conventional gestures, without which it is indispensable for representatives of different peoples to understand each other, is of the same importance as the knowledge of culture, geography, history, economy, lifestyle, way of life and morals of the target language country” [Hayes, 1964, p. 146]. Among the language experts who study national peculiarities of non-verbal communication, we can refer to some of them: E.T. Hall, M. Argyle, E. Apeltauer, J.H. Heringer, E. Broszinsky-Schwabe, S. Ting-Toomey, E.M. Vereschagin, V.G. Kostomarov, A.P. Sadokhin, J.E. Prokhorov, A.S. Gerd, V.I. Tkhoryk, etc.

The means of non-verbal communication play a very important role for purposes of intercultural communication. The effectiveness of communication depends not only on how the spoken words are clear, but also on the ability to interpret adequately the information transmitted by gestures, facial expressions, body movements, voice tone and other non-verbal means of communication. We should state that the study of non-verbal communication means contributes to a more effective understanding of the meaning of communication process since they can transmit the information about the communicator’s personality, the attitude of communicators to each other, and the attitude of them to the certain situation. L.V. Kulikova rightly remarks that the study of verbal and non-verbal signals of different cultures, the correct understanding of communicative signs of a foreign cultural area and the communicators’ activities adequately organized to achieve a pragmatic result provide a mechanism for the intercultural communication success [Kulikova, 2004, p. 6]. Nowadays most of the researchers agree that any non-verbal signs and signals should be considered in dedicated consistency with verbal messages accompanying them since verbal and non-verbal channels to transmit information are closely related and interdependent.

The problem of non-verbal communication means structuring

Because of the wide range and heterogeneity of non-verbal communication means, to create an ordered system of non-verbal communication is quite a difficult task. Also, non-verbal means transmitting information are the subject of the study of many sciences, including biology, psychology, sociology, anthropology, ethology, linguistics, etc., so there are many approaches to classify the components of non-verbal communication, which are quite diverse.

One of the widely known classification of non-verbal signals is that one of American researchers M. Knapp and D. Hall, who refer to the sphere of non-verbal communication *environmental factors and conditions of communication* (furniture, architectural style, interior, lighting, colours, noise or music, as well as area in communication); *physical characteristics of communicators* (figure, facial features, general physical attractiveness, height, weight, hair, skin colour, voice tone, and etc., as well as the objects associated with communicators (artefacts) – clothing, cosmetics, glasses, wigs and hairpieces, false eyelashes, jewellery and accessories); *human behaviours in the process of communication* (gestures, poses, touches, facial expressions, gaze, voice characteristics) [Knapp, Hall, 2007, p. 21-24].

Many researchers, who describe non-verbal communication means, unfortunately, do not indicate their approach or the principle according to which, in their opinion, the individual components are organized within the framework of the whole system. We consider that it is a marked disadvantage of such classifications. So, the Czech psychologist Z. Vybíral gives an accent to the following means by which a person communicates in a non-verbal way: 1) gestures, head movements and other body movements; 2) postures; 3) facial expressions (mimics); 4) gaze; 5) the distance and the occupation of location in the space; 6) bodily contact; 7) the tone of voice and other non-verbal aspects of speech; 8) clothing, jewellery, and other physical aspects of their appearance [Vybíral, 2000, p. 64-66]. Another psychologist, J. DeVito, who refers to non-verbal means the communicative meaning of time, smell, colour and handling of objects,

guesses them more widely, although he does not represent a systematic list of non-verbal means in his work [DeVito, 2001, p. 136-151].

E. Broszinsky-Schwabe refers to the language of non-verbal communication body postures, gestures, facial expressions, eye contact, touches, smells, and the usage of space (distance and proximity). Besides, referring to the signs of non-verbal communication the researcher adds clothes, hair, body hygiene, body decoration (piercing, tattoos), artefacts of watches and jewellery, colour and graphic symbols, as well as gifts and flowers [Broszinsky-Schwabe, 2017, p. 133]. Unfortunately, the author does not give any signs structuring these components in the system of non-verbal communication.

A more acceptable example in terms of systematization of non-verbal communication means is the concept of M.L. Butovskaya, who classifies non-verbal signals according to the communication channels: the olfactory channel – smells; the visual channel – facial expressions, gestures, postures; the tactile channel – tactile contact; the sound channel – the tone and emotional modulation of the voice; the symbolic channel – clothes, jewellery, tattoos, perfumeries and other externally observable manipulations with the body [Butovskaya, 2004, p. 24].

M.S. Andrianov mentions that, by the different sensory channels involved in the implementation of non-verbal communication, some researchers divide the system of non-verbal communication means into separate *substructures*:

– *visual or optical substructure* – including physiognomy, body peculiarities, ways to modify the appearance (clothing, cosmetics, glasses, jewellery, beard, moustache, tattoos, and etc.); skin and physiological reactions (sweating, redness, pupil dilation, and etc.); kinesics – movements of the hands, legs, head, torso, facial expressions and pantomimic, eye expression, gaze direction and visual contact, manner of walking, posture, and etc.;

– *acoustic, or sound substructure* – prosodics (tempo, timbre, the pitch of the tone, volume, rhythm, intonation, speech pauses and their localization in the text) and extra-linguistic means (laughter, crying, coughing, sigh, grinding of teeth, etc.);

– *kinesthetically tactile and thermoreceptor substructure* – takesics (static and dynamic touch – a handshake, a kiss, a caress, a patting,

etc.), physical force (pushing, hitting, keeping hand contact dance, etc.), as well as temperature sensation and impacts;

– *olfactory and chemoreceptor substructure* – the system of odours (pleasant and unpleasant odours of the environment, natural and artificial body odours), as well as special odours caused by specific substances for men and women – pheromones that affect the human subconscious;

– *proximal or distant substructure* – spatial and temporal organization of communication (the distance to the communicator, the angle of rotation to him, personal space, etc.) [Andreyeva, 1988; Andrianov, 2007; Krysko, 2004; Labunskaya, 1986].

Thus, the polysensory nature of non-verbal communication makes it possible for a person to perceive almost all biologically and socially significant types of information from the outside world. It is also important that in the process of direct communication some activities can occur, such as: a) the interaction of all types of non-verbal information transmitted through channels of different sensory modalities, and b) its interaction with the actual speech verbal information. This ensures high reliability of perception and understanding of people [Morozov, 1998, p. 20].

However, it should be noted that most classifications of non-verbal means presented in the scientific publications are based only on biological and psychophysiological parameters of a person. This fact is quite insufficient to establish the specifics of non-verbal signs in the context of intercultural communication. Therefore, we would like to offer our model to structure non-verbal means of communication, which can be applied to the study and description of the specifics of the intercultural aspect of communication, including crosslingual communication.

Generally, non-verbal communication is the result of as culture influencing, memorizing of signs and behavioural patterns, as natural reactions or state expressions. Depending on the situational and psychological factors in some cases, an individual's non-verbal behaviour is influenced by natural and universal factors, to a greater extent.

On the contrary, non-verbal communication is typically involved in the process of messages

transmission related to emotions or an internal essence. Therefore, to structure non-verbal means it is necessary to take into account both psychological and ethological aspects of communication.

Based on our analysis of intercultural communication, the results of that are presented in some publications, for example [Vilimek, 2011a; 2011b], we confirm that creating a classification relevant to the study of non-verbal communication in the intercultural aspect, it is necessary to be based on its simultaneous attention in several areas, specifically in terms of psychology, psychophysiology, ethology and linguistics.

Also, it is necessary to imply a modern vector of language and culture research, specifically their multimodal orientation, specified by the complex multidimensional reality which is constantly updated with new verbal and non-verbal means. The researchers register the transition to a new interdisciplinary model of knowledge transfer, which is naturally polycode since it involves such types of knowledge as visual, auditory, synaesthetic, etc. This fact is associated with the study of communication processes in their semiotic integrity. In linguistics and linguocultural studies, there is a focus on communication polycodity (polymode, multimediality and multimodality), especially on intercultural one. It is emphasized that it is necessary to take into account the variety of semiotic means used by communicants, both verbal and almost unstudied non-verbal ones (gesture, intonation, colour, size, body movements, etc.), assessing the significance and difference of their contribution to the communication process [Molchanova, 2014, p. 14-15].

In line with the above, we decided to propose our classification of non-verbal communication means developed on the basis of structuring non-verbal communication, offered in the publication of J. DeVito [DeVito, 2001, p. 123-151]. This classification is the revised version of the model, previously developed by one of the authors of the current research [Vilimek, 2011b]. The requirement for clarity for any classification and the need to avoid inaccuracies in the structuring of definitions – all of them are reflected in the division of non-verbal communication into two levels: categories and sub-categories. Categories denote specific sections of non-verbal means which are different in, generally, by the

used means, the method of their production and perception. Sub-categories, therefore, denote smaller divisions of related means of communication.

So, non-verbal human communication in the context of intercultural can be structured as:

1. *Non-verbal means of speech production:*
– paralinguistics (non-verbal characteristics of spoken speech);

– paragraphemics (non-verbal characteristics of written speech).

2. *Non-verbal means of body language, or kinesics:*

– posturology (body position as a whole);
– gestures (movements of separate parts of the body);

– facial expressions (expressions on the face);

– oculusics (gazes);

– haptics (touchings).

3. *Sensory perception means of non-verbal communication:*

– olfactics (olfactory signals);
– gastics (communication properties of taste perception);

– appearance (ways of personal appearance modification).

4. *Spatial and temporal non-verbal means:*
– proxemics (the use of distance in communication and territorial behaviour);

– chronemics (orientation in time and its disposal).

In the following, we give a brief interpretation of mentioned elements and consider their realization in intercultural media on the example of interrelations of the representatives of the Czech and Russian cultures.

Implementation of non-verbal communication means in the intercultural context

The study of intercultural interaction was conducted on the example of two culture groups – Czech majoritarian and Russian minority, which are non-traditional for the Czech culture and belong to the Slavic language group. We analysed non-verbal means of communication in terms of distinguishes in the behaviours of Czechs and Russians who are long-term or permanent residents of the Czech Republic. The examples

and comments are based on our observations made throughout long-term studies of the Czech and Russian non-verbal communication.

1. Non-verbal means of speech production

Paralinguistics includes several specifics of the sound speech, phrasing, dynamics, in general, pronouncing of separate sounds and words, etc. These factors are most closely related to psychology, but their assessment and understanding are determined by the phonetic norm, which is inherent in a particular national language. So, it is especially important, in the context of intercultural communication, to observe for linguistic usage, which is inherent in a particular society and serving as an indicator of belonging to it. Therefore, violations by a foreigner, not speaking the native language, often lead to the communication barrier.

According to paralinguistic communication plan, we should mention that many supra-segmental phenomena, which differ in Russians living in the Czech Republic from the native Czech people. The Russian roots are transferred with the Russian phonetic patterns into the Czech language (whereby we identify reduction, a brighter melody of sentences, etc.), and these peculiarities compose the samples of speech melodies which are typical for this group of foreigners. They are also manifested, for example, in the efficacy of sounding in certain speech situations: at the act of arguing, defending one's point of view, exclaiming, congratulating, expressing astonishment, etc.

As an analogue of the paralinguistic characteristics of the oral text, it should also be noted *the paragraphemic means* that are associated with the visual design of the written text. The concept and its content are used according to the principles of Josef Mistrik [Mistrik, 1999]. In his manuscript, they are mostly subject to the influence of psychological factors than culture. However, paragraphemic means are also used in the printed text. As an example, we can mention the use of historicizing Church Slavonic font in the Orthodox press, which gives the text a certain solemnity and uniquely identifies it with traditional Church texts. The importance of paragraphemic means was also paid attention to by G.V. Kolshansky [Kolshansky, 1974] and

T.M. Nikolaeva with B.A. Uspensky [Nikolaeva, Uspensky, 1966].

2. *Non-verbal means of body language, or kinesics*

Posturology is the posture of the whole body, i.e. the body position, posture and mutual configuration of its separate parts. These non-verbal means are more defined by the impact of the psyche and natural reactions of the body than by culturally oriented behavioural patterns. However, even here there are differences between related cultures: the position, in which the man spreads his legs and rests the palms of his hands on his hips with widely spreading the elbows, has the value of determination in the Czech culture and is commonly used in many more situations than in the Russians, who condemn it because of its too strong aggressiveness.

The sub-category of *gestures* includes movements of separate parts of the body (the head and the neck, shoulders, legs, etc.) oftener than hands. In the process of communication, they often complement, clarify or emphasize the verbal information. However, in many contexts they are used as a substitute for the natural language, i.e. spoken speech. There are two specific groups of gestures – the emblem gestures that have a double meaning: on the one hand, they are defined as the list of gestures, and on the other hand, they function as a language and are similar to a word [Ekman, Friesen, 1969]. At present the researchers discuss not only the semantics of gestures but also the special syntactic rules that the gestures use [Kreydlin, 2004, p. 126-131]. At the same time, it should be mentioned that not all means of gesturing are ‘culturally standardized movements’, as some linguists note [Mistrik, 1999, p. 51].

Also, we should note that the list of gestures and their meanings in individual nations and social groups is quite wide and specific. One of the examples of gesture that can differ in meanings in different cultures is ‘dulya’ or ‘kukish’ (fig sign). It means a refusal (for example, in Russia, Poland and Slovakia), a lucky symbol (in Portugal and Brazil), a playful gesture (in the UK), and denotes sexual relationship (in Denmark, Netherlands, Germany, France, Turkey, Greece), or it is almost completely out of use in modern society (for

example, in the Czech Republic) [Jarzabek, Pintarić, 2012; Klein, 1998; Klokova, Dmitrieva, Pavlova, 2003; Ružičková, 2001].

The gesture of handshaking is known to be a typical example of etiquette gestures, and there are plenty of studies regarding the use of which by representatives of different ethnic cultures; and the results of them can convincingly complement the field of the problems of intercultural differences related to gestures. Trying to shake hands greeting or making the acquaintance there happens to be a communication barrier between the Czech men and the Russian women: the Czechs feel embarrassed and aggrievedly, as the Russian women avoid shaking hands. This is explained by the Russian cultural canons according to which the women do not shake hands with someone. Contrastingly, in European society, when not responding to the handshake, it is considered as an offence. Following this behavioural habit, especially in business relations, may be considered one of the features of foreigner exhibiting.

Kinesic behaviour of the Russians differs from the Czechs mostly by more being emotional expressed. This emotionality manifests itself in the extent of use and the visibility of the gestures (i.e., the range of motions). If the adopted postures are dominantly identical, there is a great difference in the field of gestures, especially among emblem gestures that have a culturally fixed symbolic meaning. Among them, there are not only gestures with partial deviations (e.g., with its stylistic connotation), but also “lacuna” gestures or forms that are completely or noticeably the same in their execution, but differ in their meaning. As examples we cite the following Russian lacunae: ‘dulya’ or ‘shish’ (a fig sign), ‘raspaltsovka’ (a gang sing) and almost all the gestures associated with the culture of alcohol-drinking: flicking a finger on the neck, ‘figure it out for three people’ (index and middle fingers are straightened and moved away from each other, the other fingers are clenched into a fist, the arm is bent at the elbow and pressed to the body) [Akishina, Kano, 1980; Grigorieva, Grigoriev, Kreydlin, 2001].

The Czech lacunae are: “A je to” (henceforward, in Czech) is an abrupt vertical movement on the stomach level by the arm, bent in the elbow with the hand clenched in a fist, and means being satisfied with the work done; “Držet

palce / pěsti” is a gesture when the thumb is clenched within the fist and means to wish good luck for a sport competition or exam; “Strouhat mrkvičku / křen” is a gesture of repetitive rapid short movements in the direction of the communicator with the tip of a straightened index finger of one hand on the index finger of another (whereby, all the other fingers are clenched in a fist) and means sneering (it is a child gesture) and bullying “Serves you right!”; “Tůdle” is a gesture when a person retracts a lower eyelid by an index finger and means a vulgar refusal and disrespect.

The concept of *facial expressions* involves the movement of facial muscles. Since facial expressions reflect the inner feelings, emotions and moods of a person and the culture regulates, first of all, the relevance or compatibility of the manifestation of these emotions in society, it is impossible to assume any special differences in this sphere. The nationalities, which we analyse, are related, and both belong to so-called ‘unsmiling cultures’. However, Czech-residents of the province, unlike with Russians, love to smile and greet, even unfamiliar passers-by in the street. We consider that the difference between these cultures is in that fact that the Russian women are at liberty to use strong facial signals (for example, crying or pained expression); but it leads to a mistaken interpretation of the same behavioural habits which are assumed as feigned or immature in the Czech cultural norms.

The controversial issue is what place *oculesics* is taken in the models of non-verbal communication. This term is meant by visual contact. This is a variety of eye movements as well as the intensity and number of views given to individuals or objects. Most authors consider this area as kinesics, whereas V.V. Kochetkov [Kochetkov, 2002, p. 327] includes it together with the structure of facial features (as opposed to facial expressions as facial muscle movements) into the section of physiognomy. The allocation of oculesics from the section of kinesics and placing it on the same level of the independent category of the non-verbal communication means are proved by the fact that in contrast to the own movements and body position, which is engaged in kinesics, the eye is the organ of vision that also provides the perception of the environment.

The means and mechanisms of action of oculesics are innate and universal for all ethnic groups; however, the culture determines the relevance or irrelevance of using a particular signal in a particular situation. We think that there are no big differences in oculesics among Czechs and Russians, but it is worth considering that the observation of these non-verbal means implementing is quite difficult.

A typical example of intercultural differences in eye contact is the Japanese, who do not look straight into each other’s eyes, and the Russians, who are even encouraged to stare into each other’s eyes. T.G. Stefanenko notes that Japan is one of the least ‘staring’ cultures, whereas the Russian culture is ‘gawking’ compared to Anglo-Saxon cultures [Stefanenko, 2004, p. 173].

Haptics is the language of touches and tactile communication. It is known that Russians belong to high-context culture. Especially, in the case of a ‘heart to heart’ talking or in friendly and family relations, they tend to use more touches than the Czechs. These can be not only friendly hugs or touches to the communicator but also two or three kisses on the cheeks when greeting, taking leave or congratulating. Russian residents of the Czech Republic are aware of this difference, and in order not to cause discomfort, they try to restrain their behavioural habits, but in the case of heightened emotions, the patterns of ‘mother culture’ may appear.

3. Sensory perception means of non-verbal communication

Compared with the previous categories, communication means, perceived by smell and taste, have much less importance in the communication of modern human. Observations in the field of olfaction and olfactory organs used in the communication process [Mistik, 1999, p. 68] are called *olfactics*. The example of intercultural differences in the olfactory sphere is the increased tolerance to the natural smell of the human body in the Russians and the preference for artificial smells in the Germans [Kochetkov, 2002, p. 191].

Hasticsis defined as the transmission of information content using taste perception, which can be carried out through the symbolic and communicative function of food, drinks and meals,

through the cultural and communicative function of refreshments, through the specificity of taste preferences within the national cuisine. National peculiarities in taste perception and preference of some taste characteristics and combinations of tastes are preserved in Russians, living in the Czech Republic for a long time, and very slowly and poorly influenced by the new environment. As an example of the Czech-Russian taste differences, we can mention about the preferences for the sweeter taste of drinks and sweet things among the Russians than among the Czechs.

The sub-category of *appearance* implies externally observable manipulations with the body, transformations of appearance and their role in communication. This includes clothing, jewellery, makeup, beard, moustache, tattoos, etc. We consider that the cultural conditionality of manifestations and perceptions several elements of appearance justifies this category construction in the means of non-verbal communication.

The ways of body decoration and the style of clothing are one of the characteristic differences between male and female representatives of the Czech and Russian cultures. So, the Russians, living in the Czech Republic for a long time, turn to the ideals of fashion, relevant in Russia. This is reflected in the style of the clothes, the choice of material and its colours, the choice of clothing for particular events, haircutting, jewellery, noticeable due to the intricacy of the design, etc. Besides, the degree of brightness of colours used in clothing, decoration of housing or workplace, the colour combination of women's clothing, jewellery, makeup and manicure are different. It should be noted that the pattern of a well-groomed and unkempt woman, has a very strong meaning in the Russians, and most cases for many years, or even a lifetime, it is not changed not only about himself but also in the assessment of others.

4. *Spatial and temporal non-verbal means*

Proxemics is defined by its founder E.T. Hall as "interrelated observations and theories of human use of space mediated by culture" [Hall, 1963, p. 1003]. This is not only a horizontal distance in the process of communication and the well-known four zones (intimate, personal, social and public) used in communication, but also the

understanding and structuring of space, in general, and the vertical plane of communication.

Until now we have not identified the clear differences in proxemics peculiarities which are the basis of the Czech or Russian cultures. As a typical example of intercultural differences, we can provide the average metric values of the above-mentioned zones, which are narrower for the Russian residents than for the Czechs or Germans, but much wider than for citizens living in East Asian megalopolises.

Chronemics considers the communicative role of understanding the time and orientation in it. This category is regulated by the culture, i.e. by belonging to a certain society, and it is very different in particular ethnic groups and social groups. The field of study of chronemics includes as the usual units of the time change, units of the 'informal' quantification of time, and also ideas about the typical development of human life, the flow of time, the attitude to time as a limited resource, etc. Subconsciously, the time understanding is perceived as something natural and universal for all, however, it entails the appearance of communication barriers.

It is logically to cite the example illustrating the differences in the time understanding which can lead to difficulties in communication. Originally, the Russians, living in the Czech Republic, are confused about why the Czechs, beginning from 9 am, usually say "Good afternoon!" not "Good morning!". The fact is that in the Czech mind the day begins at 6 or even 5 o'clock, so most the Czechs from 9 am rather say "Dobrý den" (Good afternoon!) and it is strange for them to hear at 10-11 o'clock in the morning "Dobré ráno!" (Good morning!). This cultural tradition dates back to the historical traditions of the Austro-Hungarian Empire, and at that time any work began very early. It was maintained for centuries, especially during the regime of Franz Joseph.

Intercultural differences are observed in the understanding of time at the global and ideological level, and also in the organization of working and free time, to the extent of agreements obligation regarding the time and the allowability to being late. The great permissive freedom of Russians associated with this fact is often interpreted as unreliability or disrespect for the partner.

Conclusion

The national culture is known to be manifested not only in the material and linguistic signs but also in the forms of non-verbal behaviour of members of a certain ethnic group. And also non-verbal communication comprises a very extensive set of various means, signs, signals that can transmit information and messages wordlessly. This phenomenon is in the focus of research interest of many scientists; however, nowadays non-verbal communication remains poorly studied: the actual research methodology has not developed, and there is no unified terminological apparatus and a clear structuring of the subject of the systematic study.

Besides, under modern conditions of multidimensional reality, new verbal and non-verbal means of information transmitting are constantly emerging. The modern interdisciplinary model of knowledge transfer is polycode, involving visual, auditory, synaesthetic and other types of knowledge. In this regard, we draw the conclusion that conducting linguocultural studies it is necessary to take into account the polycode character of intercultural communication. Also, it is important to take into consideration the diversity of both verbal and non-verbal means used by communicators, to assess the significance of their role in the communication process and to study the communication processes in their semiotic integrity.

The widest range and heterogeneity of means of non-verbal communication significantly complicate the creation of an ordered system of non-verbal means of communication. Moreover, the undertaken review of scientific publications showed that there are many approaches to their classification (from quite broad to quite narrow). And, in our opinion, it is necessary to structure non-verbal means taking into account the specific purpose of the study. Based on our experience of practical analysis of intercultural communication, we concluded that the typology of non-verbal means meeting the objectives of the study of non-verbal communication in the context of intercultural communication should be built on the psychological, psychophysiological, ethological and linguistic aspects.

The model of non-verbal communication means structuring proposed in this paper is based on previously published classifications, which are

partially out of date due to the limited range of the described means. The relevance of this typology involves its complex nature: a two-level division of means of non-verbal communication into categories and sub-categories allows separating clearly specific sections of non-verbal means which differ in the used means, a way of their production and perception from all others. We carried out the study of peculiarities of the prominent non-verbal communication means manifestation in an intercultural medium based on the interaction between representatives of the Czech and Russian cultures. Initially, we assumed that each of the separated categories has space for intercultural differences. However, in the result of our research we concluded that the size of this space is not the same and depends primarily on the degree of connectivity with the national language (e.g., paralinguistics), national etiquette and rules of good behaviour (e.g., haptics, chronemics), and material culture (e.g., appearance).

We presume that the discussion in the scientific community and the experience of its application in the future can show, to what degree the proposed typology can be applied as a guide for a comprehensive analysis of non-verbal behaviour of an individual or an ethnic group, and to what degree it can meet the researchers interests of different profiles in the field of intercultural communication.

REFERENCES

- Adler R.B., Proctor R.F., 2010. *Looking out, Looking in*. Australia, Boston, Wadsworth/Cengage Learning. 462 p.
- Akishina A.A., Kano H., 1980. *Slovar russkikh zhestov i mimiki* [The Dictionary of Russian Gestures and Facial Expressions]. Tokio, Nauka Publ. 345 p.
- Andreeva G.M., 1988. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow, Izd-vo MGU. 429 p.
- Andrianov M.S., 2007. *Neverbalnaya kommunikatsiya: psikhologiya i pravo* [Non-Verbal Communication: Psychology and Law]. Moscow, The Institute of Humanities Research. 256 p.
- Broszinsky-Schwabe E., 2017. *Interkulturelle Kommunikation: Missverständnisse und Verständigung*. Springer-Verlag. 288 p.
- Butovskaya M.L., 2004. *Yazyk tela: priroda i kultura* [The Language of the Body: Nature and Culture]. Moscow, Nauchnyy mir Publ. 440 p.

- DeVito J.A., 2001. *Základy mezilidské komunikace*. Praha, Grada Publishing. 420 p.
- DeVito J.A., 2005. *Human Communication: The Basic Course*. Boston, London, Pearson/Allyn & Bacon. 480 p.
- Ekman P., Friesen W.V., 1969. The Repertoire of Non-Verbal Behaviour: Categories, Usage and Coding. *Semiotica*, vol. 1, pp. 49-98.
- Gorelov I.N., 2003. *Izbrannye trudy po psikholingvistike* [Selected Studies in Psycholinguistics]. Moscow, Labirint Publ. 320 p.
- Grigoryeva S.A., Grigoryev N.V., Kreydlin G.E., 2001. *Slovar yazyka russkikh zhestov* [The Dictionary of Russian Gestures]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., Vienna, Wiener Slavistischer Almanach. 256 p.
- Hall E.T., 1963. A System for the Notation of Proxemic Behaviour. *American Anthropologist*, vol. 65, iss. 5, pp. 1003-1026.
- Hayes A.S., 1964. Paralinguistics and Kinesics: Pedagogical Perspectives. Sebeok T.A., Hayes A.S., Bateson M.C., eds. *Approaches to Semiotics: Cultural Anthropology, Education, Linguistics, Psychiatry, Psychology*. Hague, Mouton and Co., pp. 145-172.
- Jarząbek K., Pintarić N., 2012. *Polsko-chorwacki słownik gestykulacji, mimiki i postaw ciała – Poljsko-hrvatski rječnik gestikulacije, mimike i stava tijela*. Katowice, Akant Publ. 171 p.
- Klein Z., 1998. *Atlas sémantických gest*. Praha, HZ editio. 201 p.
- Kloková L.N., Dmitrieva L.I., Pavlova V.V., 2003. *Slovar yazyka zhestov* [The Dictionary of the Language of Gestures]. Moscow, Astrel Publ. 320 p.
- Knapp M., Hall J., 2007. *Neverbalnoe obshchenie: mimika, dvizheniya, pozy i ikh znacheniya* [Non-Verbal Communication: Mimics, Gestures, Motions, Poses and Their Meanings]. Saint Petesburg, Prime-Evroznak Publ. 512 p.
- Kochetkov V.V., 2002. *Psikhologia mezhkulturnykh razlichiy* [Psychology of the Intercultural Differences]. Moscow, PER SE Publ. 416 p.
- Kolshansky G.V., 1974. *Paralingvistika* [Paralinguistics]. Moscow, Nauka Publ. 80 p.
- Kreydlin G.E., 2004. *Neverbalnaya semiotika: Yazyk tela i estestvennyy yazyk* [Non-Verbal Semiotics: The Language of the Body and the Natural Language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 581 p.
- Krysko V.G., 2004. *Sotsialnaya psikhologiya: slovar-spravochnik* [Social Psychology: Dictionary]. Minsk, Kharvest Publ. 688 p.
- Kulikova L.V., 2004. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Na materiale russkoy i nemetskoy lingvokultur* [Intercultural Communication: Theoretical and Practical Aspects. On the Material the Russian and German Lingvocultures]. Krasnoyarsk, RIO KSPU Publ. 196 p.
- Labunskaya V.A., 1986. *Neverbalnoe povedenie (sotsialno-pertseptivnyy podkhod)* [Non-Verbal Behaviour (A Social and Perceptive Approach)]. Rostov-on-Don, Rostov University Publ. 135 p.
- Mistrik J., 1999. *Vektory komunikácie*. Bratislava, Univerzita Komenského. 80 p.
- Molchanova G.G., 2014. Kognitivnaya neverbalika kak polikodovoe sredstvo mezhkulturnoy kommunikatsii: kinesika [Cognitive Body Language as a Poly-Code Means of Intercultural Communication: Kinesics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19, Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 2, pp. 13-30.
- Morozov V.P., 1998. *Iskusstvo i nauka obshcheniya: neverbalnaya kommunikatsiya* [The Art and the Science of Communication: Non-Verbal Communication]. Moscow, Iskusstvo i nauka Publ. 189 p.
- Morreale S.P., Spitzberg B.H., Barge J.K., 2007. *Human Communication: Motivation, Knowledge, and Skills*. Belmont, CA, Thomson Wadsworth. 490 p.
- Nikolaeva T.M., Uspensky B.A., 1966. Yazykoznanie i paralingvistika [Linguistics and Paralinguistics]. *Lingvisticheskie issledovaniya po obshchey slavyanskoy tipologii* [Linguistic Research in General Slavic Typology]. Moscow, Nauka Publ, pp. 63-74.
- Ružičková E., 2001. *Picture Dictionary of Gestures. American, Slovak, Japanese and Chinese*. Bratislava, Comenius University Publishing House. 195 p.
- Sadokhin A.P., 2004. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Intercultural Communication]. Moscow, Alfa-M Publ., INFRA-M Publ. 195 p.
- Stefanenko T.G., 2004. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow, Aspect Press Publ. 368 p.
- Ting-Toomey S., 1999. *Communicating Across Cultures*. New York, London, The Guilford Press. 261 p.
- Vilimek V., 2011a. Otrazhenie etnicheskoy prinadlezhnosti v neverbalnom plane obshcheniya [The Reflection of the Ethnical Identity in Non-Verbal Communication]. *Tozsamosť na styku kultur*. Vilnius, Edukologija Publ., vol. 2, pp. 284-292.
- Vilimek V., 2011b. *Sémantické gestá v interlingválnej komunikácii*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa Publ. 156 p.
- Vybíral Z., 2000. *Psychologie lidské komunikace*. Praha, Portál Publ. 263 p.

Information about the Authors

Vitezslav Vilimek, PhD (Translation Studies), Senior Lecturer, Department of Slavonic Studies, University of Ostrava, Realni St., 3, 70103 Ostrava, Czech Republic; Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, vitezslav.vilimek@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9289-494X>

Tatyana Yu. Makhortova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, machortova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5984-5735>

Irina G. Sidorova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russia, ira.sidorovafomicheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6153-6798>

Информация об авторах

Витезслав Вилимек, PhD (переводоведение), старший преподаватель кафедры славистики, Остравский университет, ул. Реални, 3, 70103 г. Острава, Чехия; доцент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, vitezslav.vilimek@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9289-494X>

Татьяна Юрьевна Махортова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, machortova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5984-5735>

Ирина Геннадьевна Сидорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Россия, ira.sidorovafomicheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6153-6798>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.21>

UDC 81'42:81'373.612.2
LBC 81.055.1

Submitted: 21.01.2019
Accepted: 14.05.2019

**ON LINGUISTIC AND COGNITIVE MECHANISMS
OF AUTHOR'S IDENTITY REPRESENTATION IN POETIC DISCOURSE**

Irina V. Yanovskaya

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia

Olga V. Chizhikova

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia

Natalya V. Zolotykh

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia

Abstract. The purpose of the article is to justify the linguistic-and-cognitive basis of an author's identity in poetic discourse. The analysis of linguistic-and-cognitive mechanisms of artistic idiosyncrasy individuality representation is carried out on the basis of Arseny Tarkovsky's works. The hermeneutic analysis of poetics in the works by Tarkovsky allowed confirming the assumption about a Gestalt-type cognitive structure that might generate meanings erasing in image-bearing systems and depict them as the system of interpenetrating motifs. The specificity of the above named structure is in its ad hoc production, which does not allow to represent it as a pattern of a syntactic type that consists of some elements. This structure has the status of a fundamental (world-forming) cognitive model, which seems immanent to a prior structure of the poet's subjectivity and acquires the highest value rank in its axiological universe. Its status of immanent mediation between powerful faceless meanings circling in the sphere of the unconscious, and the manifest (created) aspect of the artistic world, that is, its sophianic, substantive (text-forming) nature, is confirmed in the article. The semiotic and cognitive specificity of Arseny Tarkovsky's idiosyncrasy is predetermined by the fact that the metaphysical source of his texts is introspection, immanent to insight, in which the "intelligent face" of the world is revealed, that determines the gnostic character of the conceptually defining motives of his poetics.

Key words: metaphor, author's identity, poetic discourse, linguistic-and-cognitive mechanisms, idiosyncrasy.

Citation. Yanovskaya I.V., Chizhikova O.V., Zolotykh N.V. On Linguistic and Cognitive Mechanisms of Author's Identity Representation in Poetic Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 251-261. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.21>

УДК 81'42:81'373.612.2
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 21.01.2019
Дата принятия статьи: 14.05.2019

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО НАЧАЛА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Ирина Владимировна Яновская

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Россия

Ольга Васильевна Чижикова

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Россия

Наталья Владимировна Золотых

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Цель статьи – обосновать лингвокогнитивную сущность индивидуально-авторского начала в поэтическом дискурсе. Исследование лингвокогнитивных механизмов субъективности художественного идиостиля выполнено на материале произведений Арсения Тарковского. В результате анализа поэтики его стихотворений с применением элементов герменевтики подтверждено предположение о существовании когнитивной структуры гештальтного типа, генерирующей смыслы, которые зарождаются в образных системах и реализуются в системе взаимопроникающих мотивов. Специфика названной структуры, имеющей статус становящейся формы, не позволяет сформулировать ее в виде структуры синтаксического типа, состоящей из существующих элементов. Данная структура представляет собой фундаментальную (мирообразующую) когнитивную модель, которая имманентна априорной структуре субъективности поэта и занимает высший ценностный ранг в его аксиологическом универсуме. Подтвержден ее статус имманентного опосредования между смыслами, относящимися к сфере бессознательного, и явленным (тварным) аспектом художественного мира, то есть ее софийная, текстообразующая природа. Семиотическая и когнитивная специфика идиостиля Арсения Тарковского предопределяется тем, что метафизический источник его текстов составляет интроспекция, свойственная умопостижению, в котором открывается умный лик мира. Это обуславливает гностический характер концептуально определяющих мотивов его поэтики.

Ключевые слова: метафора, индивидуально-авторское начало, поэтический дискурс, лингвокогнитивные механизмы, идиостиль.

Цитирование. Яновская И. В., Чижикова О. В., Золотых Н. В. Лингвокогнитивные механизмы индивидуально-авторского начала в поэтическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 251–261. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.21>

Введение

Поэзия Новейшего времени, характеризующаяся обостренной философичностью, а следовательно реализующая вертикальную тенденцию глубины в смысловой организации текста, ставит перед аналитиком проблему метафизически обусловленной избирательности художественного видения, порождающего экзистенциально невозможные в других поэтиках образы. Таковы концептуально определяющие образы и мотивы в поэзии Арсения Тарковского: *Я по каменной книге учу вневременный язык, Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти, И уже я по горло в двухмерную плоскость проник, Мне хребет размолот на мельнице жизни и смерти* (Тарковский, с. 337); *И когда запеваля свой гимн стрекоза, меж зеленых ладов проходя, как комета, Я-то знал, что любая росинка – слеза* (Тарковский, с. 188); *Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете, Мы все уже на берегу морском, и я из тех, кто выбирает сети, Когда идет бессмертье косяком* (Тарковский, с. 331). Образ стре-

козы-кометы, проходящей *меж зеленых ладов*, и сама авторская интенция – *Я ловил соответствия цвета и звука* (Тарковский, с. 188), образы бессмертия-косяка и поэта – ловца бессмертия, жизни и смерти как жерновов, размалывающих хребет человека, отличаются экстремальной субъективностью, невозможной в поэтике классического канона. Сугубая индивидуальность образов Тарковского не противоречит повышенной интертекстуальности его дискурсов.

Интуитивно осязаемое единство символики произведений Арсения Тарковского ставит исследователя перед проблемой поиска лингвокогнитивной сущности индивидуально-авторского начала в поэтическом тексте.

В нашем исследовании выдвигается гипотеза о существовании глубинной генерирующей структуры гештальтного типа (трансцендентальной идеи), представляющей собой первоконцепцию мира, явленного в сознании того или иного значительного поэта (писателя) и отчасти им созданного. Данная структура скреплена глубокой идентичностью с индивидуальностью художника, поэтому ее мож-

но, используя философию О. Шпенглера, обозначить как априорную структуру субъективности художника. Она выполняет зиждательную функцию, поэтому художественный текст, с точки зрения его онтологического статуса, можно назвать реализацией (инобытием) априорной структуры субъективности художника. Исследование поэзии Арсения Тарковского позволило выдвинуть предположение о том, что космогоническая доминанта идиостиля поэта, предопределяющая лингвокогнитивную специфику его поэтического дискурса, – закономерно сопряженное с модерном гностическое начало, проявляющееся не только в системе взаимопроникающих образов и мотивов, но и в смысловой организации слова.

Цель статьи – обосновать лингвокогнитивную природу априорной структуры субъективности, определить ее роль в создании семиотической специфики идиостиля Тарковского. Для этого в работе использовался метод целостного анализа стихотворного произведения, предполагающий применение элементов герменевтики.

Интерпретация нереферентных смыслов в современной лингвистической парадигме

Асемантическая и нереферентная природа сверхзначимых смыслов, скрытых в оболочке образов, не подлежит сомнению. Очевиден и наметившийся в современной когнитивной лингвистике всплеск интереса к изучению механизмов словесной репрезентации ноуменального, во многом основывающегося на интроспекции аппарата теоретического описания, непосредственным образом отражающего анализируемый феномен, а потому внутренне изоморфного ему. В данной связи следует отметить характерные для ряда современных лингвистических исследований концепты не прямой, косвенной референции, недескриптивных смыслов, небуквального значения, выдающие довлеющий над сознанием ученых феномен, – классическое языковое значение. Именно оно предопределяет точку концептуального отсчета, необходимую, но зачастую детерминирующую и едва ли не навязывающую свои способы категоризации лингвистической реальности. Так, В.Ю. Кузнецов

пишет о сложившейся в современном языкознании парадоксальной ситуации, когда исследователь (как только речь заходит об означивании) попадает под неодолимый пресс дескриптивности и, таким образом, «восприятие и понимание языка оказывается сконцентрированным вокруг его прямореференциальных возможностей, при том что практически все косвенные и неявные остаются в тени» [Кузнецов, 2001, с. 218]. Это высказывание свидетельствует о модернистской переоценке феномена языкового значения в сознании аналитиков и наметившейся эволюции стили мышления по направлению к интерпретации недескриптивных смыслов, что может привести к существенной трансформации когнитивной парадигмы и усилению ее психолингвистической направленности. Происходит ценностный сдвиг в отношении объекта исследования – им становится метафора, классический пример знака с не прямой референцией [Кузнецов, 2001, с. 219]. Парадоксальный характер данного тропа заключается в отсутствии полной произвольности: «В любом случае необходима та или иная привязка к устойчивым ассоциативным полям и спектрам интерпретативных ожиданий, иначе текст рискует достичь сингулярно замкнутого, экзотерически не воспринимаемого состояния» [Кузнецов, 2001, с. 219].

Таким образом, элемент транскаузальности, присутствующий в любой, в особенности высокохудожественной метафоре, не только не исключает, но и предполагает опору на устойчивые спектры интерпретативных ожиданий, в основе которых лежит архетипический (метафизический) прецедент, сопряженный с опытом критически осмысленной действительности. Логически структурированное и иррационально-образное в семантическом пространстве метафорического знака пребывают в семиотически напряженной структуре *смешения несмесимого и разделения нераздельного* (характеристика отношений ипостасей Троицы в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона). Именно это живое иррациональное единство предопределяет психолингвистическую и семиотическую двойственность метафоры.

Амбивалентная сущность метафоры, обращенной к таинственным объемам,

открывающей перед изумленным интерпретатором трансдефинитный «сверхъестественно-исторический аспект становления» (по формуле О. Шпенглера [Шпенглер, 1993, с. 219]), и одновременно вожделеющей к логосу, меняет видение языка (языкочувствование) – от классического трехмерного (евклидовского) пространства к многомерному симультанному пространству множеств Минковского.

Самосознание постмодерна неустойчиво, в нем всегда коренится поиск подлинности, высших смыслов, бытийственной полноты и субстанциального единства, присущих классическому канону. Названные качества предопределяют природу слова русской классической литературы, и прежде всего святость этого слова, обладающего целостностью и потенцией благого возрастания в духе и продолжающего христианскую традицию перформативного Слова-Дела, восходящего к прецеденту Божественного Слова-демиурга. Согласно В. Топорову, «русская культура в ее вершинных проявлениях исходила из основополагающего единства Слова и “разыгрываемых” им высших смыслов, творимых художником, и из понимания Слова как духовного делания (Слово как Дело – реально, как у великих писателей, или интенционально, в виде идеальной цели, у многих других)» [Топоров, 1995, с. 220].

В контексте изучения стилистики постмодерна интерес представляют исследования Д.И. Руденко. В попытках «нетривиально и доказательно центрировать хаотично-игровую ситуацию постмодерна – прежде всего путем ответа на вопрос: что наступает после постмодерна?», ученый обращается к лингвофилософской концепции нового реализма Ю.С. Степанова [Руденко, 2001, с. 235]. В ней слову как «плотной сущности», и в особенности слову-концепту, приписывается специфическое, срединное бытие, придающее ему онтологический статус духовной реальности, а следовательно, потенциального (свернутого) текста [Руденко, 2001, с. 235]. В этой связи приведем мнение Ю.С. Степанова о том, что «русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты» [Степанов, 1997, с. 9].

Важной для концепции Д.И. Руденко является мысль Ю.С. Степанова о требовании

«практической морали» Лейбница (по Лейбницу, «человек должен стремиться, в меру своих сил, познавать “достаточные основания”, то есть в ограниченном виде идти тем же путем, каким действовал Бог при создании тварного мира, осуществлять индивидуальное движение к лучшему» [Степанов, 1998, с. 753]), а также его идея о природе исследовательских интенций.

Д.И. Руденко ссылается на обобщающую книгу Ю.С. Степанова «Язык и Метод. К современной философии языка» [Степанов, 1998], в которой выдающийся лингвист и философ языка, подводя итоги исследования, отмечает, что «если устремление к Современной философии языка способствует достижению хотя бы этой, лейбницевской цели, то задача настоящей книги уже выполнена» [Степанов, 1998, с. 753].

Заметим, что требование «практической морали» базируется на одном из видов аналитических суждений (онтологических суждений, согласно Лейбницу, не бывает) – суждениях о факте, анализ которых уходит в бесконечность, а завершение под силу только всезнающему существу – Богу. В этой связи можно предположить, что фактические суждения Лейбница соотносятся с индивидуально-авторской метафорой, которая является асимптотой, направленной к бесконечно удаленной точке реальности, а стремление к познанию достаточных оснований есть не что иное, как зароненное в каждом человеке тяготение к предустановленной (априорной) гармонии и целостности.

Концептуально значимым для нашего исследования представляется мнение Д.И. Руденко о том, что «стремление... к познанию “достаточных оснований” характеризует большинство социокультурных ситуаций “усталости от эклектики” – и одновременно центрирует, придает целостность эклектичным гносеологическим построениям» [Руденко, 2001, с. 235]. Следует согласиться с выводом ученого о стремлении к «познанию достаточных оснований», за которым стоит поиск уставшей от эклектики, рушащейся души современного человека – вплоть до тяготения к гнозису как окончательному возврату, когда в гностической рефлексии душа осознает не только свое экзистенциальное одиночество, но и пос-

леднее совершенство. Именно в гнозисе происходит софийное восстановление целостности, собирание и сосредоточение души, «в рассеянии сущей», но не до конца уловленной миром (современный исследователь гностической философии Г. Ионас пишет о том, что «гнозис стучится в дверь человеческого бытия» (цит. по: [Степанов, 2004, с. 483])), как возможность противостояния силам отчуждения, обрушивающимся на современного человека.

Образ мира-ловца возник в гностическом и раннехристианском сознании Византийской империи, но вышел за концептуальные пределы Античности и приобрел значение инварианта, становясь нравственным императивом отдельной личности или предопределяя умонастроение целой эпохи. В этой связи важными представляются слова Константина Философа, который в юности не был чужд гностическим соблазнам: «Благословен Бог наш, иже не вдасть нас в ловитву зубомъ невидимых врагъ наших, но сеть их сокруши ся и избави нас от истления ихъ» (см.: [Топоров, 1995, с. 182]).

Необходимо отметить внутреннюю противоречивость текстов постмодерна, а также осознаваемую, отчасти культивируемую авторами эфемерность и едва ли не иллюзорность их гармонии, обнаруживающей себя в оксюморонном характере глоссария. «Эклектику следовало бы определить как нечто среднее и посредничающее между духом и вожделием»; «гармония постмодерна – это та энергия, которую дает если не хаос, когда его не боятся, то эклектика» – высказывания Р. Музиля, создающие эффект экзистенциально невоспроизводимой, но несомненной истины, лишенной интуитивной застрахованности, предпосылки априорного синтеза (цит. по: [Руденко, 2001, с. 235]).

Исследования по семиотике и лингвистике текста указывают на фундаментальные особенности художественного дискурса, важнейшими из которых, по мнению В.А. Лукина, являются следующие:

– «гиперсемантизация» языкового кода (У. Вайнрайх);

– непредсказуемость элементов художественного дискурса: «Коды различных текстов сходны в том, что их важнейшие элементы должны быть непредсказуемы» (М. Риффатер);

– наличие в художественном тексте двух семиотических систем, обуславливающее принципиальную гетерогенность художественного текста: «Всякий художественный текст закодирован дважды, а следовательно, принципиально гетерогенен» (Ю. Лотман);

– бытийственный характер художественного текста, отсылающий к прустовскому мотиву реальности искусства: «...тот рассказ хорош, который... не умертвил жизни, а как бы “пересадил” ее, не повредив, в наше читательское сознание» (В. Шукшин) [Лукин, 2001, с. 586].

Перечисленные признаки относятся к общей семиотике художественного языка и не являются релевантными с точки зрения семиотической специфики художественных идиостилей, предполагающих третью семиотическую систему, в основе которой лежат лингвокогнитивные механизмы реализации авторской субъективности.

Семиотическая специфика идиостиля Арсения Тарковского

Сканирование семиотического пространства художественных текстов предполагает вовлечение в сферу исследовательских интенций мотивов и сопряженных с ними концептов и образов – как реализующих индивидуальное художественное мировидение, которое осуществляется, как правило, в пределах культурной (литературной) парадигмы, так и воплощающих национально-культурное мироощущение (прежде всего в произведениях классического канона).

В русской литературоведческой традиции мотив интерпретируется как устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста, выделяемый и в пределах одного (или нескольких) произведения писателя, и в контексте всего его творчества и тесно связанный с духовным миром писателя. Образы и мотивы можно рассматривать как микрокосм сознания писателя и (когда речь идет о произведениях классического канона) в большей степени локус, в котором со всей полнотой реализовался стиль мышления, присутствующий той или иной культурной (литературной) парадигме. Что касается мотивов и образных систем произведений авторов, отступающих от классического канона, то в связи с их экст-

ремальной субъективностью возникает кантовская проблема «как возможно», погружающая аналитика в почти космогоническую ситуацию «приведения из небытия к бытию», становления данного художественного мира, а следовательно выдвигающая на первый план проблему авторского начала в тексте. Если речь идет о поэтическом дискурсе, такой текст приобретает статус не просто модели «чужого фантазирующего сознания», но исповеди души автора. При этом подчеркнем, что различие классического канона и послеканонических направлений в литературе весьма глубоко, в них представлены разные ценности, предопределяющие подчас противоположную направленность творческой воли.

Проблема выявления лингвокогнитивных механизмов авторской субъективности возникает и в отношении поэтического дискурса Арсения Тарковского. Герменевтическое восприятие текстов поэта ставит перед учеными проблему его индивидуальности. Это вовлекает в сферу исследовательских интенций вопросы онтологического статуса, лингвокогнитивной сущности и функций структур, реализующих авторское мироощущение.

Творческое сознание Тарковского имеет духовидческий характер, о чем свидетельствует рефлексивное высказывание поэта, определяющее доминирующую модальность в его поэтике мировосприятия: *И странно: от всего живого Я принял только свет и звук, – Еще грядущее ни слова Не заронило в этот круг...* (Тарковский, с. 330). Поэт умел видеть невидимое и слышать неслышимое (слова Игоря Золотусского о Владимире Набокове) и, подобно Набокову, модернистски разрушал классический канон, «засвечивая» смыслы, кружащие в сфере бессознательного, – смыслы, которые лишают слово софийной целостности и, в сущности, ставят его по ту сторону добра и зла. Болезненная утонченность некоторых смыслов Тарковского свидетельствует о своеобразном *растлении* слова (значение общеславянского слова *тло* – «испод, основа, то, что находится под спудом» (Даль, с. 408) и не должно выводиться наружу, то есть изображаться или подвергаться концептуализации).

В поэзии Тарковского этот процесс едва намечен, однако смысловая структура его текстов наводит на мысль о своеобразной Со-

фии гностиков, «рождающей чудовищ». Гностическая аберрация поэтического видения Тарковского вызвана тем, что объектом его изображения является «умный лик» вещей, порождающий в его поэзии «образы образов», то есть вторгающийся в ускользающую от рефлексии область сверхзначимых и безликих проблем, знакомую гностикам.

К модернистским смыслам, разрушающим диатоническую основу семантики классического высказывания и раскалывающим читательское восприятие на «ультрахроматические механизмы реагирования» (К.А. Свасьян о стилистике книги О. Шпенглера «Закат Европы»), относятся, в частности, образы-смыслы стихотворения А. Тарковского «Я учился траве...». Они всплывают из глубины и укоренены в особом рода внутренней чувственности, отделенной от оптически связанного восприятия. Их визионерный и гностический характер очевиден. Это вынужденные и насильственные образы, добываемые в мучительной интроспекции. Напряженность дискурса Тарковского сродни драматизму гностических текстов; жизнеборческая отказчивость его текстов свидетельствует о космическом сиротстве его души, обретающей экзистенциальную полноту перед лицом смерти и воскресения в духе. Мотив сиротства присутствует в поэтике Тарковского и закономерно сопряжен с гностическим мотивом аннигиляции пространства и числа: *Не надо мне числа; я был, и емь, и буду. Жизнь – чудо из чудес, и на колени чуду один, как сирота, я сам себя кладу...* (Тарковский, с. 376).

К гностическим относятся и мотивы перформативного слова, «выколдовывающего» действительность и равного ей: *В слове «правда» мне слышалась правда сама* (Тарковский, с. 188), и мотивы неудовлетворенности: *Я тень из тех теней, которые, однажды испив земной воды, не утолили жажды* (Тарковский, с. 377), неподлинности бытия: *Я тот, кто жил во времена мои, но не был мной* (Тарковский, с. 295), памяти и Слова как условий бессмертия, присутствующие в Евангелии от Иоанна: *Что, если память вне земных условий Бессильна день восстанет в ночи? Что, если тень, покинув землю, в слове не пьет бессмертья?* (Тарковский, с. 564).

Гностический мотив преображения преопределяет поэтику переломного цикла «После войны», в котором используется дендрологический код – образ обрушивающегося корнями вверх, разбрызгивающего землю над собой дерева, плывущего по быстрине, перебирающей ветви; дерева, олицетворяющего тварную ипостась лирического героя, отслоившуюся от внезапно обретенной подлинной сущности и названную Лазарем. Обрушившееся дерево – образ Лазаря, – является в евангельском тексте амбивалентным символом смерти-воскресения, но в тексте Тарковского – символом тлетворности жизни, которая сильнее тлетворности смерти, – тлетворности, отсылающей к прецедентному тексту Константина Философа о Слове, решающем духовную задачу отлучения человека от «тления плоти гноящей». Именно с этой стороны личности прощается лирический герой, осознавший свою внутреннюю слабость: *Вослед себе я с высоты смотрю и за сердце хватаюсь. Кто мне дал трепещущие ветви, мощный ствол и слабые, беспомощные корни?* (Тарковский, с. 280). Далее поэт высказывает парадоксальную мысль, в которой в полной мере воплотился жизнеборческий характер его мироощущения и творческой воли: *Тлетворна смерть, но жизнь еще тлетворней* (Тарковский, с. 280).

В поэтике Тарковского представлен феномен разложения гармонии средствами красочности, описанный в исследовании Эрнста Курта «Романтическая гармония и ее кризис в “Тристане” Рихарда Вагнера» (см.: [Свасьян, 1993]). Данный феномен реализуется в смысловой организации как всего текста, так и поэтического слова; преопределяет «развоплощающий» характер словопреображения в поэтическом дискурсе Тарковского; обуславливает центробежные тенденции в семантическом пространстве слова поэта; втягивает читателя в особое пространство, где противопоставление субъекта и объекта преодолено, снято. Возникающая красочность оттесняет денотативную и сигнификативную (понятийную) основу семантики поэтического слова Тарковского: «Это расплзающееся в туман, экстатическое, становящееся все более прозрачным и магическим слово, эти самоуничтожающиеся смыслы, являющиеся

выражением византийской души Тарковского, трассируют поверх читательского восприятия, ориентированного на золотой канон классической русской литературы» [Чижикова, Яновская, 2017, с. 73]. Экстремальная субъективность образных систем поэта, взвинченная духовная экспрессия его искусства, лишенного всякого намека на самодовлеющую телесность и стремящегося к самоуничтожению, ставит исследователя перед проблемой когнитивной сущности искусства Тарковского, а следовательно, возникает проблема метода ее изучения.

Лингвокогнитивный аспект индивидуально-авторского начала в поэтическом дискурсе

В отличие от обыденного дискурса, сложность которого преимущественно экстенсивна, художественный дискурс сложен интенсивно, что обусловлено особым характером его символики, предполагающим решение специфической проблемы эстетического словопреображения в поэзии. При этом анализ художественных миров менее многомерен, по сравнению с изучением обыденного дискурса. Типичные схемы практической и коммуникативной деятельности и фреймовых моделей, содержащих информацию социокультурного характера, как правило, не находятся в фокусе внимания исследователя. Художественные миры в их априорной целостности выдвигают на первый план проблему лингвокогнитивной природы личностного начала. Они позволяют применить феноменологический метод, который является радикально антропологическим, а точнее душецентрическим, ибо отражает основной принцип искусства: онтологическую субъективность (самость) как условие целостного когнитивно-дискурсивного моделирования действительности, выступающей в подобной модели как умопостигаемая реальность. При феноменологическом подходе речь идет о существовании субъективных когнитивных структур, обращенных к личному опыту каждого и всей системе знаний о мире в целом, то есть тех структур сознания, которые помечают преопределенные авторской индивидуальностью концептуальные границы его художественного мира. По-

добный метод не может не быть герменевтическим, по крайней мере, на начальном этапе исследования. Герменевтический метод предполагает допредикативное переживание индивидуально-авторского текста, когда исследователь позволяет тексту непосредственно воздействовать на чувства, присваивает априорную целостность впечатления и, развивая ее до трансцендентной глубины, интерпретирует его в метафизических категориях. Этот метод означает аскетическое самоограничение ученого, а именно: исходное владение только одной данностью – смысловым переживанием символа, концепта, текста в целом в его непосредственности, поэтому теория на начальном этапе становится дешифровкой эзотерического переживания, в котором пытаются отыскать трансцендентальные предпосылки когнитивной организации символического универсума данного идиолекта. В нем открывается сверхъестественно-исторический аспект становления символики и текста в целом: преодолевается частичность ставшего, наличного, экстенсивного и эксплицитного в символе (тексте), фиксируемого понятийно-дискурсивным познанием, и частичность самого символа или текста, а также совершается «выход не в экстенсивное вовне, а в интенсивную внутреннюю глубину» [Топоров, 1995, с. 79].

Подобный подход имманентен реальности (в нем объект предстает не на объектном расстоянии, а как непосредственная данность в гностическом переживании глубинно-онтологического всеединства реальности) и рефлексивен, поскольку является не только познанием, но и самопознанием. В какой-то степени он соотносится с философией гностического знания – Софией-Премудростью, которая «в качестве осуществляющейся потенции абсолютного всеединства обеспечивает максимальный уровень самопознания в мире и может быть уподоблена стреле эволюции, которая неустанно порождает и осознает самое себя» [Топоров, 1995, с. 79]. Естественно, что герменевтический способ анализа художественных идиолектов сопряжен с возможностью «гностических соблазнов и без контроля волевого, логосного и эмпирического начала, без осознания исследователем собственных целей и истоков таит определенную

опасность», как пишет В. Топоров о переживании Софии-Премудрости Божией [Топоров, 1995, с. 80]. Герменевтический метод позволяет прочувствовать трансцендентальную идею, обладающую статусом демиурга и первопричины по отношению к препостулируемому ею художественному миру, или установить субъективную психическую структуру (когнитивную конструкцию) детерминирующего характера, которая сообщает художественному миру внутреннее единство.

Глубинные когнитивные структуры выводятся из переживания априорной целостности. Они являются способами репрезентации знания, существующими в мозгу индивида, и выходят за рамки когнитивного сценария Ж. Пиаже, согласно которому познание начинается с действия, а всякое действие повторяется (генерализуется) через применение к новым объектам, порождая тем самым некоторую «схему» – своего рода практический концепт [Пиаже, 2001, с. 99].

Внутреннее единство идиолектов значительных художников (подобные идиолекты характеризуются интенсивностью символики) предопределяется детерминирующей когнитивной структурой, которую, вслед за О. Шпенглером, назовем априорной структурой субъективности (АСС) художника. Психолингвистической предпосылкой возникновения АСС является доказанный в когнитивной науке «факт наличия у индивида системы модальностей восприятия, благодаря которой осуществляется общение индивида и реальности. Качественные различия между модальностями можно... объяснить различиями в функциональной организации сенсорных анализаторов модальности, которыми располагает индивид» [Калашникова, 2006, с. 20]. АСС представляет собой метафизическую абстракцию высокого ранга, возникающую как когнитивная модель прочувствованного времени-становления, или трансцендентальная идея становящегося пространства (прочувствованный смысл времени, который выражается через пространство). АСС – это макрометафора, иницирующая концептуализацию мира художником и, следовательно, являющаяся источником, генерирующим образы-символы до тех пор, пока не будет изжита.

Вопрос об априорном статусе АСС является дискуссионным и уводит исследование в область психологии. Ж. Пиаже утверждал, что у человека «не существует априорных или врожденных когнитивных структур: наследственным является лишь функционирование интеллекта, которое порождает структуры через организацию последовательных действий, осуществляемых над объектами» [Пиаже, 2001, с. 98]. Независимо от того, признаем ли мы данную когнитивную структуру априорной или апостериорной, на первый план выдвигается проблема генезиса данной структуры и ее семиотической специфики.

Выводы

Исследование лингвокогнитивных механизмов субъективности художественного идиостиля применительно к поэтическому дискурсу Арсения Тарковского позволило подтвердить гипотезу существования глубинной структуры гештальтного типа, генерирующей асемантические смыслы, которые возникают в образных системах и находят воплощение в интегрированной системе взаимопроникающих мотивов, избранных с безальтернативной внутренней самоочевидностью. Специфика названной структуры, имеющей статус становящейся формы, не позволяет сформулировать ее в виде системы синтаксического типа, состоящей из наличных, ставших элементов. Данная структура гештальтного типа представляет собой фундаментальную (мирообразующую) когнитивную модель, которая имманентна априорной структуре субъективности поэта и занимает высший ценностный ранг в его аксиологическом универсуме. В результате исследования подтвержден ее статус имманентного опосредования между смыслами, относящимися к сфере бессознательного, и явленным (тварным) аспектом художественного мира.

Семиотическая и когнитивная специфика идиостиля Арсения Тарковского предопределяется тем, что на первый план выступает не столько созерцание мира через призму субъективности поэта, сколько напряженная, полная страстной взволнованности интроспекция, имманентная умопостижению, в котором открывается умный лик мира, и переходящая в почти насильственное сканирование внутренне-

го пространства, в мучительный внутренний допрос. Объект художественного изображения является объектом второго порядка: это не мир, а его ноуменальный аспект – умопостижимое и сам процесс умопостижения, иными словами, первый ум гностиков, в котором ум и умопостижимое – одно по числу. Сказанное обуславливает специфику поэтики Тарковского. Искусство поэта – жизнеборческое и умозрительное, лишенное самодовлеющей телесности. Вспышки духовной экспрессии в поэтике метафизически родственны пробелам в иконописной технике Феофана Грека. Поэзия Арсения Тарковского пронизана ослепительным холодным светом Преображения, светом Григория Паламы, в ней веет сухая душа византийских мистиков. Лирическое «я» когнитивно, в высшей степени духовно и интеллектуально, его самовыражение – это самовыражение гностика. Актуально совершающийся гнозис предопределяет единство символики Тарковского, и прежде всего систему образов и мотивов, в основе которой лежит принцип соборности.

Магическая душа поэта чувствовала мир как таинственное единство, пронизанное духовной субстанцией высшего ранга, единственно придающей ему онтологический статус. Это обусловило и ценностную обостренность дискурсов Тарковского, и экстремальную энергию развоплощения, предопределившую избирательность его художественного зрения, и лингвокогнитивную сущность его слова, в котором властвует динамика центробежных, рвущихся наружу смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Калашникова Л. В., 2006. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов) : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Волгоград. 40 с.
- Кузнецов В. Ю., 2001. Философия языка и непрямая референция // Язык и культура. Факты и ценности : сб. ст. / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М. : Яз. слав. культуры. С. 217–224.
- Лукин В. А., 2001. «Как-художественный» текст и его структура // Язык и культура. Факты и ценности : сб. ст. / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М. : Яз. слав. культуры. С. 585–595.
- Пиаже Ж., 2001. Схемы действия и усвоение языка // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степа-

- нов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Акад. проект ; Екатеринбург : Деловая кн. С. 144–150.
- Руденко Д. И., 2001. «Новый русский реализм»: в берегах и вне берегов постмодернизма // Язык и культура. Факты и ценности : сб. ст. / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М. : Яз. слав. культуры. С. 235–246.
- Свасьян К. А., 1993. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / О. Шпенглер. М. : Мысль. Т. 1. С. 5–19.
- Степанов Ю. С., 1997. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Акад. проект. 824 с.
- Степанов Ю. С., 1998. Язык и Метод. К современной философии языка. М. : Яз. рус. культуры. 784 с.
- Степанов Ю. С., 2004. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Акад. проект. 992 с.
- Топоров В. Н., 1995. Святость и святые в русской духовной культуре. Первый век христианства на Руси : в 2 т. М. : Гнозис ; Яз. рус. культуры. Т. 1. 874 с.
- Чижикова О. В., Яновская И. В., 2017. Мотив перформативного слова в поэзии Арсения Тарковского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (78), ч. 3. С. 72–76.
- Шпенглер О., 1993. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. 667 с.
- Kuznetsov V.Yu., 2001. *Filosofiya yazyka i nepryamaya referentsiya* [Philosophy of Language and Indirect Reference]. *Yazyk i kultura. Fakty i tsennosty* [Language and Culture. Facts and Values]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 217-224.
- Lukin V.A., 2001. «*Kak-khudozhestvennyy*» *tekst i ego struktura* [How-Fiction Text and Its Structure. Language and Culture. Facts and Values]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 585-595.
- Piaget J., 2001. *Skhemy deystviya i usvoenie yazyka* [Schemes of Action and Language Learning]. *Semiotika: antropologiya* [Semiotics: Anthology]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ.; Yekaterinburg, Delovaya kniga Publ., pp. 144-150.
- Rudenko D.I., 2001. «Novyy russkiy realizm»: v beregakh i vne beregov postmodernizma [“New Russian Realism”: In the Shores and Beyond the Shores of Postmodernism]. Kubryakova E.S., Yanko T.E., eds. *Yazyk i kultura. Fakty i tsennosti: sb. st.* [Language and Culture. Facts and Values. Collected Articles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 235-246.
- Svasyan K.A., 1993. *Osvald Shpengler i ego rekviem po Zapadu* [Oswald Spengler and His Requiem on the West]. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii: v 2 t.* [Sunset of Europe. Essays on the Morphology of World History. In 2 vols]. Moscow, Mysl Publ., vol. 1, pp. 5-19.
- Stepanov Yu.S., 1997. *Konstanty: slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. 824 p.
- Stepanov Yu.S., 1998. *Yazyk i Metod. K sovremennoy filosofii yazyka* [Language and Method. Toward the Modern Philosophy of Language]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 784 p.
- Stepanov Yu.S., 2004. *Konstanty: slovar russkoy kultury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. 992 p.
- Toporov V.N., 1995. *Svyatost i svyaty v russkoy dukhovnoy kulture. Pervyy vek khristianstva na Rusi: v 2 t.* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. In 2 vols.]. Moscow, Gnosis Publ., Yazyki russkoy kultury Publ., vol. 1. 874 p.
- Chizhikova O.V., Yanovskaya I.V., 2017. *Motiv performativnogo slova v poezii Arseniya Tarkovskogo* [The Motive of Performative Word in Arseny Tarkovsky’s Poetry]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 12 (78), part 3, pp. 72-76.
- Shpengler O., 1993. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii: v 2 t* [Decline Of Europe. Essays

ИСТОЧНИК

Тарковский – Тарковский А. А.. Стихотворения. Поэмы. М. : Э, 2017. 544 с.

СЛОВАРЬ

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 5-е изд., стер. М. : Дрофа : Рус. яз. Медиа, 2008. Т. 4. 683 с.

REFERENCES

Kalashnikova L.V., 2006. *Metafora kak mekhanizm kognitivno-diskursivnogo modelirovaniya deystvitelnosti (na materiale khudozhestvennykh tekstov): avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk* [Metaphor as a Mechanism for Cognitive-Discursive Modeling of Reality (On the Material of Literary Texts). Dr. philol. sci. diss.]. Volgograd. 40 p.

on World History Morphology. In 2 vols.].
Moscow, Mysl Publ., vol. 1. 667 p.

DICTIONARY

SOURCE

Tarkovskiy A.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poesy. Poems]. Moscow, E Publ., 2017. 544 p.

Dal V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Drofa Publ., Russkiy yazyk Media Publ., 2008, vol. 4. 683 p.

Information about the Authors

Irina V. Yanovskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Methods of Professional Education, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russia, pedagogika25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9208-2271>

Olga V. Chizhikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Methods of Professional Education, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russia, pedagogika25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4329-9439>

Natalya V. Zolotykh, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Methods of Professional Education, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russia, pedagogika25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4586-510X>

Информация об авторах

Ирина Владимировна Яновская, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики профессионального обучения, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Россия, pedagogika25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9208-2271>

Ольга Васильевна Чижикова, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики профессионального обучения, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Россия, pedagogika25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4329-9439>

Наталья Владимировна Золотых, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики профессионального обучения, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Россия, pedagogika25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4586-510X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.22>

UDC 81'42(051)
LBC 81.055.51

Submitted: 10.06.2019
Accepted: 04.09.2019

LITERARY MAGAZINE: ITS SOCIAL-AND-CULTURAL MISSION AND FUNCTIONS IN THE LITERARY COMMUNICATION

Olga G. Shilnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Galina S. Belolipskaya

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Abstract. The article analyzes the functions of the literary magazine in the current social-and-cultural space. The educational, communicative, creative, social-and-cultural potential of modern monthly publications is revealed. It is stated that multifunctionality is one of the most valuable typological features of national literary magazines. Over a long period of Russian journalism, culture, and history development it was this specificity that ensured the stability of this type of media. At the same time, multifunctionality is the key to the further literary journal evolution as a publication type. In the article the objective and subjective causes of the modern journals crisis are determined. Due to the specificity of the content, literary publications face serious troubles in adapting to new social-and-cultural reality that is losing its artistic literary centrality and to the media product functioning aspects in the digital age, when literary communication takes on a altered quality and different forms. These circumstances largely determine the instability of the typological profile and the functional paradigm of modern magazines. A comprehensive way of overcoming crisis phenomena is proposed. It is proved that the future of literary magazines consists in integration into the new information reality and the new media system, while maintaining its unique cultural functionality. It is important that each publication concretizes its typological model: its mission, tasks, place in the cultural space, target audience; ideological and substantial vector of literary, critical, publicistic discourses and ways of their representation, structural features, authors, directions of extrajournalistic sociocultural activities.

Key words: literary magazine, context of a magazine, publication type, function of a magazine, cultural situation, literary and art communication, literary discourse, polydiscourse characteristics.

Citation. Shilnikova O.G., Belolipskaya G.S. Literary Magazine: Its Social-and-Cultural Mission and Functions in the Literary Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 262-275. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.22>

УДК 81'42(051)
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 10.06.2019
Дата принятия статьи: 04.09.2019

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ И ФУНКЦИИ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ольга Геннадьевна Шильникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Галина Сергеевна Белолипская

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ функций литературно-художественного журнала в актуальном социокультурном пространстве. Выявлен просветительский, коммуникативный, литературно-творческий, социокультурный потенциал современных ежемесячников. Показано, что полифункциональность –

один из ценнейших типологических признаков отечественных журналов. В течение длительного периода развития российской журналистики, культуры, истории именно это качество во многом обеспечивало устойчивость данного типа СМИ. Одновременно полифункциональность – залог дальнейшей эволюции литературно-художественного журнала как типа издания. Определены объективные и субъективные причины кризиса современных журналов. Литературно-художественные издания в силу специфики их контента сложно адаптируются к теряющей литературоцентричность социокультурной реальности и особенностям функционирования медиапродуктов в цифровую эпоху, когда литературно-художественная коммуникация приобретает иное качество и иные формы. Названные обстоятельства во многом обуславливают неустойчивость типологического профиля и функциональной парадигмы журналов. В статье предложен путь преодоления кризисных явлений. Доказано, что будущее журналов в том, чтобы интегрироваться в новую информационную реальность и систему новых медиа, сохраняя свою уникальную культурную направленность. Важно, чтобы этот процесс сопровождался конкретизацией каждым изданием его типологической модели: миссии, задач, места в культурном пространстве, целевой аудитории, мировоззренческого и содержательного вектора художественного, критического, публицистического дискурсов и способов их репрезентации, структурных особенностей, авторского состава, направлений внежурнальной социокультурной деятельности.

Ключевые слова: литературно-художественный журнал, журнальный контекст, тип издания, функция журнала, культурная ситуация, литературно-художественная коммуникация, художественный дискурс, полидискурсивность.

Цитирование. Шильникова О. Г., Белолипская Г. С. Литературно-художественный журнал: социокультурная миссия и функции в литературно-художественной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 262–275. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.22>

Введение

О судьбе традиционного литературно-художественного («толстого») журнала в России активно начали дискутировать с 1990-х гг., когда кризис переживала отечественная периодика в целом. Многим казалось, что перспектив у ежемесячника нет. За прошедшие годы положение журналов отчасти стабилизировалось. Однако вопрос об их дальнейшей судьбе остается открытым. «Журналы оказались в новой реальности. Это очень трудный, сложный и болезненный процесс – найти свое место в новой реальности, в новой России и вообще в этом веке», – справедливо заметил критик и редактор сетевой версии журнала «Новый мир» Сергей Костырко (цит. по: [«Толстяки на Урале»]).

Чтобы ответить на вопрос о перспективах «толстого» журнала, следует понять, какое место занимает этот социокультурный и эстетический феномен в жизни современной России. Есть ли те социальные и культурные сферы, где сохранилась потребность в изданиях подобного типа, какие обязанности они берут и могут взять на себя в актуальном социокультурном дискурсе, какие задачи способны решать. Другими словами, надо ответить на вопрос о функциях журна-

ла – литературных, культурно-просветительских, социальных.

В научно-теоретическом аспекте исследование функциональной парадигмы современных журналов поможет в решении задач, связанных с определением оснований для дифференциации типологических вариантов литературно-художественных изданий как настоящего, так и прошлого.

Изучение исторической эволюции отечественного «толстого» журнала свидетельствует: в течение двухсот лет он формировался как издание полифункциональное, полидискурсивное, многоаспектное, динамическое в своих структурно-содержательных проявлениях. Отсюда следуют базовые принципы его исследования.

Поскольку журнал, в том числе современный, одновременно функционирует в нескольких сферах социальной реальности – литературной, культурно-просветительской, рекреативной, социальной, образовательной, и системе актуальных медиа, являясь неотъемлемой частью последних, он, несомненно, участвует (может участвовать) в их формировании, а значит, имеет несколько функциональных парадигм. Поэтому в процессе его научного осмысления следует использовать междисциплинарный подход – историко-журнали-

стский, культурологический, филологический (в том числе и лингвистический), социологический. В данной статье приоритетными являются структурно-функциональный, типологический и культурологический анализ современных «толстых» журналов, а также метод научного прогнозирования. Последний базируется как на учете исторического опыта российских литературно-художественных журналов, так и на суждениях профессиональных литераторов и журналистов – критиков, редакторов, руководителей СМИ, имеющих серьезный издательский опыт и в настоящее время активно ищущих пути сохранения «толстого» журнала в современном информационно-коммуникативном пространстве в качестве *авторитетного агента влияния на литературную и социокультурную ситуацию в России*.

Комплексная задача настоящей статьи – выявить реальные и потенциальные возможности современных литературно-художественных журналов, дать системный анализ причин их кризисного состояния в настоящий момент с учетом изменившихся социокультурных, экономических, технологических реалий информационного общества, наметить возможные пути выхода этих изданий на новый уровень.

Функции «толстого» журнала в литературном процессе

С конца прошлого столетия ведущие российские журналы стали активно позиционировать себя как *защитники «вечных» духовных ценностей, хранители литературных традиций и высоких эстетических стандартов*. В конце XX – начале XXI в. это было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, журналы пытались найти свое место в стремительных переменах, происходивших в литературном процессе, среди которых пересмотр отношения к официальной литературе советского периода, «легализация» постмодернизма, необходимость определения статуса возвращенных писателей, лавинообразное наступление массовой «лотосной» (А.И. Солженицын) литературы, зачастую низкопробной, банальной, дурно влияющей на читательские вкусы. Во-вторых, ме-

диапространство в целом переживало процессы структурного и качественного переформирования. На рубеже веков шло бурное развитие журнально-газетного рынка, появлялось множество глянцевого еженедельников, привлекающих читателя новизной предлагаемого контента, порою почти маргинального, непривычными способами его репрезентации, яркостью оформления с акцентом на визуальном ряде. Для новой прессы была характерна мобильность реагирования на выходящую в свет художественную продукцию, оперативность ее подачи аудитории и одновременно неизбежная при издательском конвейере облегченность эстетических суждений о литературе, меньшая филологическая компетентность и авторов и критиков, поверхностность анализа артефактов. На этом фоне печатные версии «толстых» журналов действительно традиционно воспринимались читателями как более квалифицированные и вызывающие доверие литературно-эстетические издания.

Руководители современных журналов также справедливо подчеркивают их роль в качестве *одного из экспертных каналов трансляции высоких гуманистических и художественных идеалов*. До настоящего времени «уровень толстых журналов, качество публикуемых ими текстов не вызывает ни малейшего сомнения, они держат планку», – констатирует Дмитрий Бак [Бак, 2015].

Журналы все еще остаются *литературной формой», создающей оптимальные условия для культивирования и даже сохранения малых художественных, художественно-публицистических и литературно-критических жанров*, которым трудно, а подчас и невозможно существовать в автономном режиме, – стихов, рассказов, очерков, эссе, рецензий, новелл.

Традиционное для литературной политики журналов внимание к малым жанровым формам отражает основные тенденции в области чтения современной аудитории. Культурологи, социологи, филологи фиксируют сдвиги читательских предпочтений от книги к текстам СМИ, трансформацию художественно-эстетических вкусов от больших жанровых форм к средним и малым. По данным Б.В. Дубина, «подавляющая часть сегодняшней публики, включая образованные слои рос-

сиян среднего и старшего возраста, с середины 1990-х гг. перешла в чтении на жанровую и серийную словесность карманного масштаба» [Дубин, 2010, с. 71].

Чутко улавливают эту тенденцию и литературно-художественные журналы, на страницах которых современный читатель находит излюбленные малые художественные формы – рассказы, стихи, очерки, фельетоны, новеллы, пейзажные зарисовки, лирические миниатюры. Так, 10-й номер «Октября» за 2014 г. полностью был посвящен «короткой и свехкороткой» прозе. Культивируя коммерчески не окупаемые жанры, журналы не только следуют за читательской модой, но *сохраняют и преумножают жанровую палитру отечественной словесности*. Вспомним значение «толстых» журналов перестроечного периода в культивировании и кристаллизации жанра современного художественно-публицистического эссе, для публикации которых оперативно вводились специальные рубрики. В «Звезде» появилась «Эссеистика и критика», в «Дружбе народов» – «Эссе», в «Иностранной литературе» – «Статьи и эссе». В возрождении жанра проблемной литературно-критической статьи публицистического типа не меньшую роль сыграло «Знамя». «Наша задача... выпускать в свет и тем самым поддерживать заведомо некоммерческие явления в современной русской литературе. То есть стихи. То есть эссеистику. То есть малую прозу (рассказы, повести, etc.)», – заметил С. Чупринин уже в 2014 г. [Чупринин, 2014].

Пока еще нет равноценной альтернативы журналу в качестве своеобразной селекционной лаборатории, а также сцены для начинающих писателей, поэтов, публицистов. У него есть возможность *участвовать в формировании достойной интеллектуальной и художественной элиты России*. Литературно-художественный журнал, как правило, обладает авторитетом, имеет высокопрофессиональный кадровый состав. Для редколлегии экспертная оценка нового автора и артефакта (внутреннее рецензирование) является привычной и хорошо отработанной процедурой. В «толстых» журналах «с историей» работают те, кто хранит традиции высокопрофессиональной редатуры и культуры языка. «Мы и сейчас в основном поддерживаем и по-

ощряем молодую литературу, а значит, эксперимент», – говорит главный редактор «Октября» Ирина Барметова [Барметова, 2017, с. 20].

Это направление деятельности журналов находит отражение не только в кропотливой предварительной работе с рукописями начинающих литераторов, но и в реальном журнальном контексте. Так, в «Знамени», одном из лучших современных журналов, есть рубрика «Карт-бланш», где литературные мэтры представляют начинающих авторов: Анатолий Курчаткин – Сергея Алтухова (2009. № 12), Владимир Маканин – Сергея Писщикова (2012. № 9), Вероника Долина – поэта Сергея Николаева (2015. № 7), Людмила Улицкая – Настю Коваленкову (2015. № 8), Ольга Славникова – Нонну Гудиеву (2017. № 10), Сергей Чупринин – Ирину Турченко (2014. № 10). Страницы мартовского номера за 2019 г. редакция «Знамени» полностью предоставила молодым писателям, а вслед за тем организовала дискуссию на тему «Новое литературное поколение: существует ли оно?», результаты которой были опубликованы в очередном номере журнала (2019. № 6).

В современном интернет-пространстве реализуются разнообразные и достаточно эффективные и наглядные для массовой аудитории стратегии самопрезентации писателя, в том числе начинающего: паблисити, скайп-конференция, фотогалерея, автобиография, распространение имиджевых сведений, перепечатка положительных отзывов о своем творчестве, которые даны критиками, прессой, литературоведами, общественными структурами, организация собственных читательских форумов, тематических сообществ и многое другое [Анисимова, Ярова, 2011]. Однако квалифицированными читателями такие формы самопродвижения часто воспринимаются как слишком откровенный и не заслуживающий доверия пиар. Между тем блоги и сайты постоянных авторов, сопряженные с ведущими тенденциями редакционной политики того или иного журнала, могли бы стать органической частью его журнального интернет-проекта – сайта, портала, расширенной электронной версии.

Еще одна важная функция «толстого» ежемесячника – *представлять панораму современной словесности в динамике, являя ее всегда мозаичный, ценностно нео-*

днородный и постоянно обновляющийся срез. Благодаря контексту, остросовременному и предельно погруженному в актуальную действительность, журнал имеет возможность *воссоздавать полный, часто противоречивый образ текущего литературного процесса*. Отсюда одна из тенденций литературной политики многих современных «толстых» журналов, отчетливо проявившаяся в постперестроечный период, – стремление к репрезентации художественного опыта представителей самых разных направлений, а также анализ и оценка крупномасштабных (тектонических) сдвигов в культурном поле, желание познакомить читателей с эстетическими инновациями, периферийными субкультурами, артефактами, находящимися на границе культурной и профанной сфер художественного творчества.

«Толстый» журнал, благодаря своей трехчастной структуре, включающей художественный, публицистический, литературно-критический модули и гибкую систему полидискурсивных рубрик и жанров, имеет возможность «максимально широко охватить современное книжное поле, воссоздать многообразие представленных в нем художественных жанров, видов, форм художественного творчества и, наконец, дает возможность продемонстрировать объективность проводимой литературной политики, широту подхода к освещению культурной жизни и даже эстетическую толерантность по отношению к “чужим” авторам» [Шильникова, 2011, с. 213].

Приведем авторитетное редакторское мнение Андрея Василевского. Он считает, что зеркалом литературного момента 2000-х гг. являлся не только художественный отдел журнала, где печатались новые тексты – стихи и проза, но также критические обзоры и рецензии. Основной принцип литературно-критической политики журнала в этот период главный редактор «Нового мира» формулировал так: «Печатать не все, а видеть, по возможности, все. Даже то, что нам несимпатично. И в этом, информационном, смысле “Новый мир” отличается от многих других журналов – по насыщенности упоминаниями, ссылками на другие издания, книги, публикации и т. д. Плюс рецензии, “книжные полки”, обзоры» [Василевский, 2005]. А. Василевский считает необхо-

димым «замечать, что у других происходит, отмечать даже маргинальные (или пока маргинальные) явления» [Василевский, 2005].

В последние несколько лет журнальная критика и редакционные коллективы в целом с энтузиазмом взялись за выполнение несколько забытой, но вполне конгениальной типологической природе «толстого» журнала задачи – *аксиологическую дифференциацию и ценностное моделирование современного художественного дискурса*: «...у “толстых” журналов есть общая литературная стратегия. Они структурируют литературное пространство, просто принимая одни тексты к публикации и отказывая другим. Без журналов литературный мир сдвинулся бы в сторону Прозы.ру и Стихов.ру, а критику заменили блоги. Журнал вносит в литературу порядок, систему, иерархию. Так было и так будет», – уверен заместитель главного редактора журнала «Урал» Сергей Беляков [Беляков, 2015].

Решение этой задачи осуществляется в разных организационных формах.

1. «Журналы непрерывно... поддерживают (развивают) традиции литературы в их разнообразии, содержательном, жанровом, стилистическом, языковом и... постоянно обновляют ее, меняют, преображают, ежемесячно вводят совсем новых авторов, привносящих в нее новые неожиданные произведения, новые парадоксальные по отношению к традиции тексты, а вместе с ними и новые смыслы» [Иванова, 2015].

2. Аксиологические функции выполняет традиционный для «толстого» журнала литературно-критический модуль с устойчивой и разнообразной системой оценочных жанров. Современные журнальные критики, как правило, не обременены коммерческими интересами. Дополнительный вес их оценочным суждениям придает авторитет журнала. Но главное в том, что продуцирование эстетических стандартов и критериев оценки художественного объекта – это и есть механизм работы литературно-критической рефлексии. Литературный аналитик вырабатывает критерии «для себя» в качестве операционного инструмента профессиональной деятельности. Однако выходя со своим мнением в публичное пространство, он тем самым предьявляет квалифицированную оценочную шкалу всему социуму.

Поэтому деятельность журнальных критиков неизбежно *формирует и поддерживает определенный уровень эстетического сознания общества*, что в условиях тотального снижения художественных вкусов крайне важно не только для любителей чтения, но и для профессиональных участников литературно-художественной коммуникации и образовательной системы страны.

3. Оформились и стали авторитетными для авторов и востребованными у читателей такие виды аксиологической деятельности журналов, как *присуждение литературных премий, комментирование решений премиальных комиссий, разъяснение и аргументация рейтинговых «листов»*, а в спорных случаях и *выполнение роли общественного арбитра в процессе обсуждения неоднозначных художественных явлений* не только в литературе, но и в кино, живописи, театральном и музыкальном искусстве. В этом же ряду находятся весьма продуктивные дискуссии о состоянии современной словесности, регулярно проводимые ведущими российскими ежесеместриками.

Присуждение премий и связанная с этим организационная деятельность редакций – один из наглядных для аудитории способов ценностного моделирования культурного пространства, помогающий читателям разобраться в иерархии крайне неоднородного в аксиологической плане современного книжного поля, в прагматическом аспекте – это форма поддержки писателей, возможный путь формирования репутации и продвижения автора.

Учредителями собственных литературных премий являются не только заслуженные столичные журналы – «Звезда», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Иностранная литература», но и региональные издания. Страницы 4-го номера «Знамени» за 2015 г. были полностью отданы произведениям авторов, которым с 1993 г. присуждалась премия журнала. В настоящее время это известные писатели, признанные и критикой, и читателями: Михаил Шишкин, Анатолий Курчаткин, Тимур Кибиров, Владимир Войнович, Сергей Гандлевский, Юрий Буйда, Марина Вишневецкая, Вячеслав Пьецух, Андрей Волос, Владимир Маканин, Александр Кабаков, Андрей Турков, Роман Сенчин, Олег Чухонцев,

Мая Кучерская, Алексей Слаповский, Александр Архангельский, Ольга Славникова. Всего более шестидесяти имен. Лауреатами премий «Знамени» в 2017 г. стали Марина Вишневецкая, Константин Куприянов, Ольга Славникова; в 2018 г. – Арина Обух, Владимир Орлов, Мария Рыбакова, Павел Селуков, Алексей Федяров. Орденов журнала за постоянное и плодотворное сотрудничество удостоены Денис Драгунский, Александр Кушнер.

4. В своем *противостоянии массовой литературе и «аксиологическому нигилизму»* в художественно-эстетической сфере журналы используют такой традиционный маркетинговый инструмент, как выпуск тематических и юбилейных номеров.

Раз в год выходит специальный номер «Звезды», целиком посвященный определенному культурному явлению: творчеству Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Владимира Набокова, Александра Солженицына, Иосифа Бродского, Сергея Довлатова, истории американской, немецкой, польской литературы. Спецпроект «Без таких городов не представить Россию» реализует воронежский «Подъем». Тематические выпуски-приложения последних лет связаны с литературой разных районов Воронежской области. Вышло уже более двух десятков таких номеров. Удачная творческая находка редакции «Знамени» – выпуск тематических номеров, посвященных значимым историческим вехам в жизни нашей страны. Это специальные номера «1917–2017», изданные к юбилею революции (2017. № 11), «Памяти Оттепели» (2018. № 8), которые были удостоены премии Российской государственной детской библиотеки «Память, говори».

Благодаря усилиям «толстых» журналов происходит *формирование «синхронного самосознания» современных ежесеместриков*. В начале XXI в. судьба изданий данного типа оказалась в зоне внимания именно редакционных коллективов и журнальной литературной критики. Работа ведется в нескольких направлениях.

1. Публикация программных манифестов, интервью, организация опросов, дискуссий о роли, назначении, содержании, экономическом положении журналов (при активном содействии главных редакторов и журнальных аналитиков России).

2. Участие в научных и общественных мероприятиях, где в том или ином ракурсе обсуждается состояние журнального поля. Так, летом 2015 г. в Москве прошел круглый стол «Журнальная Россия. История русской литературы XX века». В 2016 г. состоялся VI парламентский форум историко-культурного наследия России, где от Ассоциации литературных журналов выступала главный редактор «Октябрь» Ирина Барметова.

3. Организация собственных профессиональных форумов, на которых не только постоянно звучат вопросы о дальнейшей судьбе «толстого» журнала, о том, почему так затянулся переходный период журналов, а кризисные явления представляются почти непреодолимыми, но и происходит обмен позитивным опытом, налаживаются связи между столичными и региональными изданиями. В 2015 г. в Екатеринбурге состоялся первый фестиваль литературных журналов «Толстяки на Урале» в рамках объявленного в стране Года литературы. В мае 2018 г., в год 60-летия «Урала» и под его эгидой, прошел четвертый такой фестиваль и круглый стол «Урал – опорный край журналов», где собрались главные редакторы ведущих «толстых» журналов страны и авторы этих изданий. В программе были литературные чтения, презентации книг, просмотр фильмов, снятых по произведениям, опубликованным в литературных журналах.

В каждом из перечисленных мероприятий задействованы все участники художественной коммуникации: редакторы, журналисты, критики, публицисты, писатели и читатели, общественные и властные структуры. Поэтому можно констатировать, что отечественные журналы стремятся выполнять важнейшую функцию *форума, площадки, где благодаря обмену опытом, смыслами, ценностями создаются условия для достижения консенсуса по вопросам художественно-эстетической и социокультурной жизни страны.*

Хорошо известно, что в XIX и XX вв. журнальная публикация и критический отзыв во многом предопределяли писательский триумф или провал. И сейчас журнал в состоянии *играть роль экспериментального полигона для книгоиздателей, желающих предвидеть,*

будет ли произведение пользоваться читательским спросом, и выяснить каким тиражом следует его издавать. По-прежнему в силах журнала *создание устойчивой положительной (равно как и отрицательной) писательской репутации.* По мнению критика и публициста Валентина Лукьянина, «толстые» журналы окончательно «из литературного обихода не вытеснены и на оставшемся под их контролем плацдарме продержатся... неопределенно долго. <...>. Дело в том, что сейчас они в области литературного творчества составляют главную и едва ли не единственную альтернативу рынку. То есть именно благодаря “толстым” журналам понятие литературного имени еще не вытеснено понятием “брэнда”, а понятие художественной ценности – рейтингом продаж» [Лукьянин, 2005].

Художественные тексты в блоке с литературной критикой, эксплицируемые в журнальном контексте как «единое литературное событие» (В. Шкловский), – это проверенная временем и эффективная оптимальная модель «продвижения» произведения и автора. Однако с начала XXI в. появилось множество новых механизмов брендинга книги и форм продвижения писателя: рекламный коллаж, таргетинг, Ambient Media, буктрейлер, адверториал, мерчендайзинг, создание аудиокниг, виртуальных компьютерных игр [Анисимова, Ярова, 2011]. Проблема не в том, что PR-технологии соперничают с журналом и вытесняют его, а в том, что журналы могли бы включить рекламно-издательский инструментарий в арсенал работы со своей целевой аудиторией и авторами.

В условиях кардинальной качественной трансформации общества, культуры и медиасредств журналы стали консолидирующими центрами, в рамках которых *активно формируется и развивается «синхронное самосознание» литературно-художественной критики.* Эта крайне важная миссия оказалась периферийной и для массовой газетной, и для книжной, и для коммерческой, и тем более «глянцевого» критики. Да и собственно концептуальная критическая аналитика традиционно остается прерогативой «толстых» журналов. Трудно не согласиться с мнением заместителя главного редактора журнала «Наш современник» Александром Казинцевым: «Профес-

сиональный анализ может быть только в журнале. Не будет журналов, не будет критики. Не будет критики, не будет радостного открытия обществом новой литературы... и не будет, главное, тех критериев, которые вырабатывает критика, утверждают журналы и которые позволяют давать какую-то объективность. Не будет оценки, немислимо будет и само творчество, оно не будет иметь никакой цены» (цит. по: [«Толстяки на Урале»]).

Разговор о самой критике, который ведут на страницах журналов лучшие и действующие представители профессии, всегда отличается глубиной, заинтересованностью, искренностью. Обсуждаемые вопросы о целях, задачах, аудитории, назначении в обществе, традиционных и новых форматах критического суждения для участников дискуссий являются не отвлеченными теоретическими конструктами, а требующими немедленного решения реальными проблемами. Свидетельство тому – два круглых стола, проведенные «Знаменем»: «Критика: последний призыв 1» (1999. № 12), «Критика: последний призыв 2» (2019. № 1).

Большинство участников дискуссии 2019 г. констатировали, что критика – «живой жанр литературы и журналистики» (Валерия Пустовая). В нее пришли молодые талантливые интеллектуалы, у которых есть профессиональный и личностный запрос на литературный диалог с аудиторией в пространстве художественного текста, на «развернутое аналитическое высказывание» (Борис Кутенков).

Между тем появление новых каналов литературной коммуникации изменило характер общения с аудиторией, форматы, временные рамки, жанрово-риторические характеристики критического высказывания. Сформировались новые векторы развития литературно-критического дискурса: книжная, блогерская, партиципаторная, коммерческая модели. Их роль и место в критическом модуле, соотношение с «традиционной» критикой не до конца прояснены, что и создает иллюзию кризиса.

«Толстожурнальная» критика «по-прежнему работает на порождение смыслов внутри литпроцесса, на его формирование в целом» [Подлубнова, 2019]. Однако, по мнению Галины Юзефович, она «сменила за последние

тридцать лет свой статус – из массового чтения для более-менее образованных людей она превратилась в захватывающее интеллектуальное приключение для сравнительно немногочисленных истинных фанатов. Это значит, что теперь ей предстоит пере придумать себя, найти свое новое место, выработать методологию, поймать интонацию. Но даже и в этой – в самом деле проблемной – области работа идет» [Юзефович, 2019].

В течение XIX–XX вв. отечественные журналы успешно играют такую же роль, как и литературные кружки и салоны карамзинской и пушкинской эпох. Вокруг редакций, внутри них происходит *средоточие творческих интеллектуальных сил нации, создается область высокого духовного напряжения, где искусство напрямую сопрягается с «художественным бытом»* в тыняновской интерпретации этого явления. Недаром хронотоп «толстого» журнала поразительно совпадает с выделенным в работах М.М. Бахтина хронотопом «гостиная-салон», где происходит «сплетение исторического и общественно-публичного с частным и даже сугубо приватным... исторического ряда с бытовым и биографическим. Здесь сгущены, сконцентрированы наглядно-зримые приметы как исторического времени, так и времени биографического и бытового, и в то же время они теснейшим образом переплетены друг с другом, слиты в единые приметы эпохи. Эпоха становится наглядно-зримой и сюжетно-зримой» [Бахтин, 2000, с. 181].

Самим фактом повседневной постоянной работы внутри редакций и в процессе общения литераторов разных профессиональных специализаций с коллективами коллег журналы *воссоздают среду, откуда в ходе литературной эволюции в словесность вливаются неизвестные ранее в искусстве художественные формы, где в ходе бытового общения и профессиональных обсуждений идет непрерывный процесс кристаллизации новых образов, идей, мировоззренческих матриц и ценностных установок.*

Множество примеров того, как это происходило, можно найти в дневниковых записях А.Т. Твардовского «Из рабочих тетрадей (1953–1960)» (Знамя. 1987. № 7–9), в его «Рабочих тетрадях 60-х» (Знамя. 2000. № 6, 7, 9, 11, 12), в «Но-

вомирском дневнике» А.И. Кондратовича (1991), в «Берегах культуры» В.Я. Лакшина (1994) – о «Новом мире», в статьях и дневниках эпохи перестройки С.Ю. Куняева о «Нашем современнике» (1990), в мемуарном романе Н.Б. Ивановой «Ветер и песок: Роман с литературой в кратком изложении» (Знамя. 2015. № 3, 10) и ее же «романе-комментарии с ненаучными приложениями» «Такова литературная жизнь» (2017) – о «Знамени» и не только, в воспоминаниях Е. Мовчан «Моя “Дружба народов”: от оттепели до перестройки» (Дружба народов. 2019. № 3).

Так, Елена Мовчан, многолетний редактор книжного приложения к журналу, рассказывает, как кипела в период оттепели начала 1960-х гг. редакционная жизнь, когда границы между литературой и событиями, происходившими в стране, были слиты в единый бурный поток. В «Юность», где публиковались стихи Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, молодых сотрудников «Дружбы народов» приглашали «послушать интересные дискуссии, или молодых поэтов, или Юлия Кима и Юрия Ковалева с их озорными песенками на якобы исторические темы» [Мовчан, 2019, с. 214]. А в редакцию «Дружбы народов» постоянно заходили писатели и переводчики из республик, разных российских городов, Москвы, «приносили свои произведения и беседовали с редакторами о литературе и жизни, некоторые заглядывали и в корректорскую поблагодарить нас за хорошую работу. <...> Иногда утром... заглядывал Иракий Андроников... и рассказывал нам свои замечательные истории. <...> На праздники обычно приходили гости – авторы. Поэты иногда читали стихи, но больше просто разговаривали и много шутили. Приходил остроумный и обаятельный Михаил Светлов. <...> Смеляков, в противоположность Светлову, был всегда угрюм и мрачен... часто распекал авторов за неудачную рифму или за не понравившийся ему перевод» [Мовчан, 2019, с. 216–217].

«Литературный быт» способствует сплочению содружества единомышленников, что плодотворно и для литературы, и для создающих ее людей, и для читателей. В XIX в. во многом благодаря коллегиальной редакционной деятельности внутри литературных журналов происходила *концептуализация художественных школ*, на что не раз в своих ра-

ботах указывал В.Б. Смирнов. В течение XX столетия журналы активно участвовали в *формировании преимущественно идейно-мировоззренческих направлений отечественной словесности*. Поэтому далеко не случайна приверженность писателя, критика «своему» журналу: И. Роднянской и В. Богомолова – «Новому миру», Л. Анненского и Б. Окуджавы – «Дружбе народов», где была опубликована вся проза поэтов. Елена Мовчан вспоминает, как предложила Валентину Распутину издать у них книгу и услышала в ответ решительное: «Нет, не могу, я печатаюсь только в “Нашем современнике”» [Мовчан, 2019, с. 224]

Представляется, что, когда каждый из современных журналов определится типологически и функционально, это писательское ощущение «своего» журнала возвратится. А значит, оно вернется и к читателю.

Социокультурная миссия «толстого» журнала

Несмотря на широкий круг полномочий в области литературы, отечественный «толстый» журнал всегда продуцировал и публицистический дискурс в его общественно-политическом, культурологическом, научно-популярном, социологическом изводах. В течение почти двух столетий это позволяло российскому журналу не просто нести читателю универсальное знание, но и *эффективно участвовать в формировании общественного мнения и силовых линий идеологического поля*. Исчерпал ли журнал свой публицистический и идеологический ресурс? М.О. Чудакова в постперестроечный период нашей истории отмечала, что ежемесячник имеет право на существование, если будет «всеми силами, оглядываясь на живую жизнь общества, стремиться быть обществу полезным» [Чудакова, 2000].

Будущее «толстых» журналов исследователь обуславливала тем, что в настоящий период российской истории наряду с традиционной просветительской функцией они призваны *осуществлять более глобальную мировоззренческую миссию*. Их главная цель – *всесторонний (интеллектуальный, философский, политический) анализ жизни России* в трагически противоречивом XX веке.

Современная общественно-политическая обстановка также требует не только беглой газетной строки, но и вдумчивого осмысления в неравнодушной журнальной публицистике. Именно ее, к сожалению, остро не хватает даже во многих столичных журналах, где преобладает культурологическая составляющая публицистического дискурса. В этом, на наш взгляд, одна из причин падения читательского интереса к «толстым» журналам.

Между тем их уникальный контекст и универсальная структура позволяют решать сложнейшую задачу по глубокому и многофакторному анализу реальности. «Органическое сочетание искусствоведческой и социальной информации, эстетической и идеологической проблематики, то есть одновременное функционирование в едином смысловом и текстовом пространстве художественного и публицистического дискурсов, дает возможность своевременно вводить в общественное сознание актуальные темы, новый эстетический, социальный, научный, нравственный опыт, увлекательно и убедительно говорить с читателями не только об искусстве, но и об окружающей их и постоянно меняющейся действительности, в том числе общественной, идеологической, политико-экономической» [Шильникова, 2011, с. 253–254].

Исторический опыт отечественных журналов свидетельствует о том, что именно они часто *формировали в русском обществе информационную повестку дня, осуществляли процедуру включения в дискуссию самых разных слоев населения, фокусируя общественное внимание на важнейших вопросах национального развития*. Декабристы в своих изданиях инициировали полемику о народности и национальных основах культуры; шестидесятники и народники – о путях проведения реформы по отмене крепостного права и ее последствиях; в «толстых» журналах эпохи перестройки шли ожесточенные споры о восточной или западной ориентации России и новом экономическом укладе.

Некоторые журналы начинают откликаться на этот запрос, что неизбежно ведет к значительному расширению социально-публицистического дискурса издания. Из современных ежемесячников не намерен «отказываться ни от ясного обнаружения своих мировоззренчес-

ких и... идеологических позиций, ни от пристального внимания к процессам, что идут внутри российского общества» [Чупринин, 2014] журнал «Знамя», для которого важнейшим компонентом публицистического дискурса остается очеркистика и аналитика. Главный редактор «Иностранной литературы» Александр Ливергант в 2015 г. отмечал, что журнал не просто активно публикует документалистику разных жанров (дневники, мемуары, путевые очерки, документальные романы), но вопреки традиционной структуре «толстого» журнала, порою номер именно с нее начинается, а замыкается художественной литературой.

«Новый мир», напротив, объявляет основным ориентиром для своей редакционной политики ряд принципов, которые отчасти противоречат друг другу: респектабельность, сочетание художественной новизны с интеллектуальной основательностью и даже своего рода академизмом, демократизм, консерватизм и историзм [История журнала]. В журнальном контексте это находит воплощение в постоянном обращении к прошлому, публикации значительного количества исторических, архивных материалов, что деформирует традиционный типологический алгоритм «толстого» журнала как органа СМИ. Нарушается феноменологическая целостность контекста, так как его содержание перестает корреспондировать с названием и историческим прошлым издания как заметного явления российской культуры.

Российские «толстые» журналы всегда принимали участие в решении таких социально значимых задач, как *повышение уровня общекультурной компетентности российских читателей, организация их досуга, расширение кругозора*. Для реализации функций образовательно-просветительского и рекреативного плана отечественные журналы в процессе своей эволюции выработали специальные механизмы и коммуникативные стратегии.

1. Популяризация творчества писателей и книг определенной направленности, самого процесса чтения как одного из путей самообразования личности с помощью литературно-критических текстов популяризаторского и аксиологического типа. Такова, например, рекомендательная колонка «Пестрая лента» руб-

рики «Гуттенберг» Натальи Ивановой в «Знамени», представляющая собой аннотированные списки книг для чтения, отобранных квалифицированным знатоком и ценителем современной словесности.

2. Обязательное наличие в журнальном контексте мобильного библиографического отдела, где регулярно публикуются критические тексты информационных жанров (рецензии «газетного» типа, аннотации, заметки, полемические реплики), которые выполняют *рекламно-справочные функции*, а также в своей совокупности (например, годовой) *воссоздают в сознании читателей виртуальные ценностные литературные иерархии*.

3. Активное использование журнальных паратекстов в жанровых формах, которые корреспондируют с литературно-критическим дискурсом. Среди них – различные варианты комментариев, предисловий и послесловий, вступлений к художественным текстам (вступление-рекомендация, вступление-рецензия, вступление-биография, вступление-литературный портрет писателя, вступление-обзор). Журнальные паратексты, помимо информирования и просвещения читателей, расширения их кругозора, косвенно или напрямую направляют читательское восприятие, настраивают его на определенную аксиологическую волну, формируя отношение к автору, его творчеству и самому журналу.

В настоящее время все более востребованными у читателей становятся визуальные паратексты. Например, «вклейка» в 3-м номере за 2019 г. в «Дружбе народов», посвященная 80-летию журнала, где его история представлена в виде фотогалереи из личных архивов сотрудников издания.

4. Наличие театральных и др. рубрик по искусству, существующих с начала издания «толстых» журналов. Многие из современных изданий, в соответствии с тенденциями развития искусства, знакомят читателей с яркими знаковыми событиями, происходящими в мире музыки, выставочной сфере, архитектуре, графике, живописи, кинематографе, области Рулинта (статья С. Костырко из «Нового мира») или литературной блогосфере (публикации 2019 г. О. Брейнингер в «Дружбе народов»).

5. Использование потенциала «ученой критики» (термин В.Г. Белинского), являющей-

ся традиционным компонентом журнального контекста. Ее цель – ориентация читателей в безбрежном море современной книжной продукции, ценностный отбор и рекомендация читателям по самым разным отраслям знаний – от философии и математики до биологии и педагогики, естествознания и истории. Например, раздел «Попутное чтение» С. Чупринина в «Знамени».

6. Издание журналом книжных приложений. В советский период такой опыт был у журнала «Огонек», где в качестве книжных приложений огромными тиражами выходили собрания сочинений русской и зарубежной классики. «Библиотека “Дружбы народов”» специализировалась на произведениях современных писателей, прежде всего «своих» авторов. Это не только привлекало к ежемесячнику достойных и популярных литераторов, но и поддерживало интерес аудитории к самому журнальному изданию.

Некоторые из современных журналов развивают традицию книжных «приложений», экспериментируя с их форматами. Таким образом периодическое издание выходит за контуры журнального поля, что в перспективе может повысить его авторитет и расширить аудиторную базу. В 2010 г. в «Урале» появилась рубрика «Детская», где публиковались лучшие тексты современной детской литературы. Через пять лет она переросла в регулярно выходящий при редакции альманах для семейного чтения, имеющий на сайте журнала свою страницу. Литературный журнал «Носорог», основанный в 2014 г., через четыре года расширил свою издательскую деятельность за счет одноименного издательства. По словам редакции, оно продолжает политику журнала по знакомству читателей с крупными прозаическими текстами, которым тесно в журнальных рамках. В 2000 г. журнал «Иностранная литература» стал учредителем издательства «Иностранка», которое занимается в основном современной переводной литературой и работает в тесном сотрудничестве с журналом.

Заключение

Полифункциональность – один из ценнейших типологических признаков отечественных

литературно-художественных журналов. В течение длительного периода развития отечественной журналистики, культуры, истории именно это качество во многом обеспечивало устойчивость данного типа СМИ. Одновременно полифункциональность является залогом дальнейшей эволюции литературно-художественного журнала как типа издания.

Большинство современных литературно-художественных журналов декларируют стремление сохранить структурно-содержательную типологическую матрицу универсального русского ежемесячника и обусловленную ею функциональную парадигму. Однако в полном объеме функциональный потенциал изданий подобного типа не реализуется, что обусловлено комплексом объективных и субъективных факторов.

Среди субъективных факторов, создающих в современном журнальном поле «функциональную энтропию», следует назвать отсутствие у редакций должного внимания к типологическому определению изданий. Непродуктивно игнорировать тот факт, что журналы «литературно-художественный», «литературно-публицистический», «литературный и общественно-политический» – это разные по функциональной направленности, структуре, содержанию, составу целевой аудитории издания. Между тем их руководители главной и практически единственной причиной затянувшегося журнального кризиса считают недостаток финансирования и отсутствие помощи со стороны государства, несмотря на то, что многие из журналов давно являются собственностью коллектива.

К объективным факторам можно отнести новые экономические и технологические реалии, в которых оказалась система отечественных и мировых медиа, а также последовавшие за ними трансформации всей коммуникативной системы, в том числе формирование иных качества субъектов и форм литературно-художественной коммуникации.

В сфере литературной журналистики это ознаменовалось возникновением разнообразных сетевых версий литературно-художественных изданий, типологический профиль которых находится в стадии становления и потому не до конца ясен. Отсюда спорное мнение традиционных изданий, что переход журналов в элек-

тронный формат разрушает единство литературно-журнального поля и является одной из причин его кризисного состояния.

Представляется, что будущее литературно-художественных журналов в том, чтобы стать полноправной частью новой информационной реальности и системы новых медиа. Важно, чтобы этот процесс сопровождался конкретизацией каждым изданием своего типологического профиля (миссии, цели, задач, целевой аудитории и того, что она, публика, определяет), своего сектора художественного поля, качества критического, публицистического дискурсов и способов их репрезентации, структурных особенностей, авторского состава, композиционно-графической модели, направлений внежурнальной социокультурной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Т. В., Ярова И. В., 2011. Реклама в издательском деле. Ижевск : КнигоГрад. 199 с.
- Бак Д., 2015. Журнальная Россия. История русской литературы XX века. Круглый стол. 7 июля 2015 г. URL: <http://litteratura.org/publicism/1371-tolstye-zhurnaly-nastoyashee-bez-budushego.html> (дата обращения: 03.10.2018).
- Барметова И., 2017. Дело «Октября». Почему погибают литературные журналы. Интервью с главным редактором журнала «Октябрь» Ириной Барметовой // Русский репортер. № 9 (426). С. 20–21.
- Бахтин М. М., 2000. Эпос и роман. СПб. : Азбука. 304 с.
- Беляков С., 2015. «Толстые» журналы: три вопроса редакторам // Знамя. № 1. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=5776> (дата обращения: 24.04.2017).
- Василевский А., 2005. Юбилей в рабочем порядке. Беседа А. Василевского с корреспондентом газеты «Ex libris НГ» Александром Вознесенским 21 января 2005 г. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/vas/interv80.html. (дата обращения: 15.05.2017).
- Дубин Б., 2010. О чтении и нечтении сегодня // Вестник общественного мнения. № 3 (105). С. 66–74.
- Иванова Н., 2015. «Непрерывное производство». Десять тезисов о судьбе журнального дела // Знамя. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2015/9/nepreryvnoe-proizvodstvo.html> (дата обращения: 23.04.2019).
- История журнала «Новый мир». URL: <http://www.nm1925.ru/AboutMagazine/14/Default.aspx> (дата обращения: 23.04.2019).

- «Толстяки на Урале», 2016 / подгот. А. Вдовин, Н. Колтышева // Урал. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2016/2/tolstyaki-na-urale.html> (дата обращения: 14.12.2018).
- Лукьянин В., 2005. Литературные итоги – 2004, обсуждают: Леонид Быков, Валентин Лукьянин. Анкета журнала «Урал» // Урал. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/3> (дата обращения: 10.12.2017).
- Мовчан Е., 2019. Моя «Дружба народов»: от оттепели до перестройки // Дружба народов. № 3. С. 214–228.
- Подлубнова Ю., 2019. Критика: последний призыв // Знамя. № 1. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7149> (дата обращения: 23.04.2019).
- Чудакова М., 2000. На пороге новых дней. Андрей Василевский беседует с М.О. Чудаковой // Новый мир. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2000/1/na-poroge-novyh-dnej.html (дата обращения: 23.04.2019).
- Чупринин С., 2014. «Знамя» в 2014 году: декларация о намерениях // Знамя. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/1/1ch.html> (дата обращения: 01.04.2016).
- Шильникова О. Г., 2011. Литературная критика в журнальном контексте рубежа XX–XXI веков: принципы функционирования и качественно-го взаимодействия текстов. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 284 с.
- Юзефович Г., 2019. Критика: последний призыв // Знамя. № 1. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7149> (дата обращения: 23.04.2019).
- Belyakov S., 2015. «Tolstye» zhurnaly: tri voprosa redaktoram [“Thick” Magazines: Three Questions to Editors]. *Znamya*, no. 1. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=5776> (accessed 24 April 2017).
- Vasilevskiy A., 2005. *Yubiley v rabochem poryadke. Beseda A. Vasilevskogo s korrespondentom gazety «Ekh libris NG» Aleksandrom Voznesenskim 21 yanvarya 2005 g.* [Anniversary in Working Order. Conversation of A. Vasilevskiy with Correspondent of “Ex Libris NG” Newspaper Aleksander Voznesenskiy on January 21, 2005]. URL: http://magazines.russ.ru/novy_mi/redkol/vas/interv80.html (accessed 15 May 2017).
- Dubin B., 2010. O chtenii i nechtenii segodnya [On Reading and Non-Reading Today]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Russian Public Opinion], no. 3 (105), pp. 66-74.
- Ivanova N., 2015. «Nepreryvnoe proizvodstvo». Desyat tezisov o sudbe zhurnalnogo dela [“Continuous Production”. Ten Theses About the Fate of the Magazine Business]. *Znamya*, no. 9. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2015/9/nepreryvnoe-proizvodstvo.html> (accessed 23 April 2019).
- Istoriya zhurnala «Novyy mir»*, 2019. [History of “New World” Journal]. URL: <http://www.nm1925.ru/AboutMagazine/14/Default.aspx> (accessed 23 April 2019).
- «Tolstyaki na Urale», 2016. [The “Fat in the Urals”]. *Ural*, no. 2. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2016/2/tolstyaki-na-urale.html> (accessed 14 December 2018).
- Lukyanin V., 2005. Literaturnye itogi – 2004, obsuzhdayut: Leonid Bykov, Valentin Lukyanin. Anketazhurnala «Ural» [Literary End of 2004, Discuss: Leonid Bykov, Valentin Lukyanin. The Questionnaire of “Ural” Journal]. *Ural*, no. 3. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/3> (accessed 10 December 2017).
- Movchan E., 2019. Moya «Druzhba narodov»: ot ottepeli do perestroyki [My “Friendship of Peoples”: From Thaw to Perestroika]. *Druzhba narodov*, no. 3, pp. 214-228.
- Podlubnova Yu., 2019. Kritika: posledniy prizyv [Criticism: The Latest Call]. *Znamya*, no. 1. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7149> (accessed 23 April 2019).
- Chudakova M., 2000. Na poroge novykh dney. Andrey Vasilevskiy beseduet s M.O. Chudakovoy [On the Threshold of New Days. Andrey Vasilevskiy Talks with M.O. Chudakova]. *Novyy mir*, no. 1. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2000/1/na-poroge-novyh-dnej.html (accessed 23 April 2019).

REFERENCES

- Anisimova T.V., Yarova I.V., 2011. *Reklama v izdatelskom dele* [Advertising in Publishing]. Izhevsk, KnigoGrad Publ. 199 p.
- Bak D., 2015. *Zhurnalnaya Rossiya. Istoriya russkoy literatury XX veka. Kruglyy stol. 7 iyulya 2015 g.* [Magazine Russia. History of Russian Literature of the 20th Century. Round Table. July 7, 2015]. URL: <http://litteratura.org/publicism/1371-tolstye-zhurnaly-nastoyashee-bez-buduschego.html> (accessed 3 October 2018).
- Barmetova I., 2017. Delo «Oktyabrya». Pochemu pogibayut literaturnye zhurnaly. Intervyu s glavnym redaktorom zhurnala «Oktyabr» Irinoy Barmetovoy [“October” Case. Why Literary Magazines Die. Interview with Editor-in-Chief of “October” Magazine Irina Barmetova]. *Russkiy reporter*, no. 9 (426), pp. 20-21.
- Bakhtin M.M., 2000. *Epos i roman* [Epic and Novel]. Saint Petersburg, Azbuka Publ. 304 p.

Chuprinin S., 2014. «Znamya» v 2014 godu: deklaratsiya o namereniyakh [“Znamya” in 2014: Declaration of Intentions]. *Znamya*, no. 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/1/1ch.html> (accessed 1 April 2016).

Shilnikova O.G., 2011. *Literaturnaya kritika v zhurnalnom kontekste rubezha XX–XXI vekov: printsipy funktsionirovaniya i kachestvennogo*

vzaimodeystviya tekstov [Literary Criticism in the Journal Context of the Turn of 20th – 21st Centuries: Principles of Functioning and Qualitative Interaction of Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 284 p.

Yuzefovich G., 2019. Kritika: posledniy prizyv [Criticism: The Latest Call]. *Znamya*, no. 1. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7149> (accessed 23 April 2019).

Information about the Authors

Olga G. Shilnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, glossa2@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7857-3648>

Galina S. Belolipskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Journalism, Astrakhan State University, Tatischeva St., 20a, 414056 Astrakhan, Russia, asu@asu.edu.ru, gbelolipskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0133-5729>

Информация об авторах

Ольга Геннадьевна Шильникова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, glossa2@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7857-3648>

Галина Сергеевна Белолипская, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории журналистики, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Россия, asu@asu.edu.ru, gbelolipskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0133-5729>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.23>

UDC 81'42
LBC 81.055.1

Submitted: 27.06.2019
Accepted: 29.08.2019

**WRITING COMMUNICATION:
TEXTUAL AND LINGUISTIC APPROACHES TO THEORY AND EMPIRISM ¹**

(Book Review: *Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuanatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift [Text]* / H. Hausendorf, W. Kesselheim, H. Kato, M. Breitholz. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2017. – 414 S.)

Anna A. Petrova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Marina I. Solnyshkina

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 27.06.2019
Дата принятия статьи: 29.08.2019

**ПИСЬМЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ТЕКСТОВЫЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ И ЭМПИРИИ ¹**

(Рец. на кн.: *Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuanatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift [Text]* / H. Hausendorf, W. Kesselheim, H. Kato, M. Breitholz. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2017. – 414 S.)

Анна Александровна Петрова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Марина Ивановна Солнышкина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

В лингвистике текста на данный момент существуют различные аналитические направления, практически не связанные между собой. Эта неудовлетворительная ситуация послужила импульсом для выдвижения нового теоретического подхода к текстовой коммуникации, который и представлен в рецензируемой коллективной монографии. Он базируется на двух основополагающих по-

сылках: текстовая коммуникация – это социальная действительность *sui generis*; существование и построение этой социальной действительности происходит в медиапространстве посредством письма. Основное условие такой коммуникации – это не-присутствие участников общения, но наличие «читаемости» текста: коммуникация совершается в момент акта чтения на основе опреде-

ленных указаний на возможность читаемости текста. Текст в этом случае представляет собой ансамбль таких ссылок, которые используются при чтении в зависимости от ситуации и контекста. Указания на читаемость текста и составляют, по мысли авторов, предмет лингвистики текста. Предлагаемая теория текстовой коммуникации позволяет представить чтение как естественное социальное событие, основой которого является не конкретное понимание текста каким-либо эмпирическим читателем, а само понятие о социальной читаемости. В традиционной лингвистике текста существует комплекс определений, формирующий общую теорию текстуальности, при этом осознается необходимость введения понятия читаемости текста, но для того, чтобы реализовалась возможность чтения, «нечто» должно прежде всего восприниматься как текст.

Теория текстовой коммуникации представляется авторами монографии как теория о читаемости текста: читаемость есть обязательное условие (*conditio sine qua non*) письменной коммуникации. Без указаний, составляющих «читаемость текста» невозможен процесс письменной коммуникации.

Монография включает ряд эмпирических исследований, выполненных на основе корпусов текстов различных видов. Текст изучается на предмет критериев его читаемости: ограниченности, членимости, связанности, соотношенности с внешним миром (тематизация), прагматической направленности (или пригодности), интертекстуальности и наглядности. В качестве основы для эмпирического анализа были выбраны тексты, традиционно находящиеся на периферии лингвистических интересов и являющиеся с точки зрения традиционной лингвистики текстами малых форм (флайеры, проездные билеты, описания на нижней части пластиковых пакетов, Tweets в твиттере, Postings на интернет-форумах, записи о восхождении в дневнике альпинистов и т. п.).

Теория читаемости текста описывается в понятиях коммуникативного условия, указаний на читаемость, источников читаемости, признаков читаемости, ограниченности, связанности, тематической принадлежности, прагматической пригодности, интертекстуальности, наглядности. Каждому из

указанных понятий посвящается отдельная глава в монографии.

Во введении при обосновании нового подхода подвергается критике «теория текстуальности» Р.-А. де Богранда и В. Дресслера. Терминологическое обозначение этой теории есть не что иное, как гиперонимическое наименование критериев текстуальности, с помощью которых определяется, является ли текст коммуникативным или нет. При этом четко не указывается, кто и на основе каких данных решает, что подразумевается под термином «коммуникативный» и каким образом связываются между собой текстовость и коммуникативность (см.: [Beaugrande, Dressler, 1981]). Попытка создать новый теоретический подход созрела, по словам авторов, давно (см., например: [Sandig, 2000, S. 94; Vater, 2001, S. 28; Wolff, 2006, S. 255]). В предыдущих работах Х. Хаузендорфа и В. Кессельхайма – авторов рецензируемой монографии – показано, что текстовая или письменная коммуникация обслуживается набором определенных постоянных знаков и обе формы не предполагают присутствия партнера по коммуникации (об этом мы подробно писали в статье: [Петрова, 2018, с. 242]). В то же время в теории текстуальности при фокусировании внимания на применении и употреблении языка не обсуждается различие между face-to-face интеракцией и письменной коммуникацией, между коммуникацией и когницией, а лишь выделяются критерии когеренции и когезии при существовании других не менее важных характеристик. Не поднимается вопроса, когда начинается и прекращается коммуникация в условиях ее существования в письменной форме.

Авторы монографии полагают, что для решения данных вопросов необходимо обратиться к социологической теории, которая и поможет теоретически эксплицировать то, что коммуникация посредством текстов начинается в момент чтения и основное ее условие – читаемость текста. Исследователи уверены, что когеренция и когезия входят в состав не только критериев, но и источников текстуальности. При выделении критериев текстуальности знание наряду с языком и ситуацией становится третьим ресурсом, который также составляет основу процесса чтения. Они

подчеркивают, что источники и критерии текстуальности образуют разные области, и выдвигают собственную категорию источников текстуальности, а также принципы разграничения когезии и когеренции. Базовым при характеристике понятия «читае́мость» выступает следующий тезис: текст не является какой-либо формой интеракции. основополагающая идея такова: с точки зрения лингвистики текста интерес представляет не то, что читатель «действительно» прочитал и «понял» из прочитанного, а вид и способ, позволяющие установить, как возможные процессы чтения структурируются или уже структурированы посредством текста и в тексте. Процесс чтения можно реконструировать, исследуя реализацию условий читаемости текста. Следовательно, принцип качества читаемого, зафиксированного структурой текста, делает возможным замену термина «текстуальность» на «читае́мость», вытеснив вероятность и частоту прочитанного (не имеет значения, сколько человек прочитали одно и то же стихотворение и сколько интерпретаций прочитанного существует). Текст, таким образом, есть не что иное, как общность своих указаний на читае́мость, которые читатели в конкретной ситуации чтения и в зависимости от контекста воспринимают, демонстрируют и актуализируют.

Читае́мость текста всегда конечна; она закладывается и определяется самой структурой текста. Это потенциал, который ограничивается структурой текста, в то же время он, с одной стороны, задает количество возможностей его прочтения и интерпретаций, с другой – исключает индивидуальные, тенденциозные или спекулятивные толкования прочитанного.

Читае́мость текста представлена как модель [Hausendorf et al., 2017, S. 24] (см. рисунок).

Модель читае́мости текста

Эта модель – триада указаний, источников и признаков читае́мости – составляет интегральную теоретическую основу текстовой коммуникации. Авторы уверены: тот, кто не отождествляет текстовую коммуникацию с обработкой текста, а коммуникацию – с когнитивной, нуждается в новом теоретическом понятии коммуникации. Процесс текстовой коммуникации теоретически и эмпирически является не когнитивным, но социальным процессом. Соответственно, с одной стороны, интересен текст с точки зрения того, как и каким образом социальная реальность, к которой он отсылается, становится читаемой; с другой – представляют интерес социальные реальности автора и читателя текста. Когда же такая коммуникация происходит? По мнению исследователей, ответ однозначен: только в момент чтения, в котором коммуникация совершается через письмо, а точнее, читателем в процессе чтения, но не автором в процессе написания. К источникам читае́мости относится язык, однако не в акустической форме, как в интеракции face-to-face, а в оптической, письменной фиксации.

Указания на читае́мость включают в себя указания на членимость и ограниченность, связанность и тематизацию, пригодность, интертекстуальность и наглядность.

Понятие «указания на читае́мость текста» предполагает, что читае́мость осуществляется имплицитным, естественным образом и представляет собой результат действия указаний на читае́мость. Текст есть манифестация таких процессов и одновременно ответ на вопрос о возможности существования читае́мости в организованной и систематизированной форме. Если понимать текст как форму проявления коммуникации, то это значит признать его субстратом указаний на читае́мость, который может быть реконструирован. Такая

реконструкция и позволит выявить систему организации указаний на читаемость в тексте. Речь идет о реконструкции структур читаемости, возможности их обнаружения в тексте (как некой совокупности, зависимой от восприятия указаний на читаемость). Структура указаний читаемости представляется следующим образом: а) ответ на вопрос, где начитается текст и где он заканчивается, предполагает поиск указаний на ограниченность текста; б) ответ на вопрос, как части текста связаны друг с другом, предполагает наличие указаний на связанность текста; в) ответ на вопрос, какова функция текста, является ответом на вопрос о прагматической пригодности текста и т. п. Такая систематизация приводит к мысли о существовании признаков читаемости.

Изучая восприятие как источник читаемости, авторы выделяют следующие его признаки: материальность как восприятие субстанции, в которой написанное воспринимается осмысленно; восприятие вида и образа письменно зафиксированного текста (от руки, напечатано в типографии или на принтере, качество и вид печати и т. д.); локализованность как восприятие размещения субстрата текста на определенном месте чтения.

Представим отдельные составляющие структуры указаний на читаемость текста, как это видят авторы монографии.

Аспект ограниченности рассматривается на примере восприятия знаков дорожного движения, состоящих из изображения и текста в объективной реальности. Показано, что ограниченность включает не только восприятие текста и изображения, но и его локализацию в пространстве (на обочине проезжей трассы) как закрепленной вывески (таблицы), то есть ее материализацию, при этом рамка дорожного знака тоже попадает под ограниченность. Границы между рамкой и пространством – границы чтения – манифестируются через вид рамки (ее цветовое решение: черная, желтая, красная), так что читателем фиксируется двойное ограничение, позволяющее прочитать текст особым образом и воспринять его как дорожный знак. Ограниченность чтения в подобных случаях вряд ли основывается на восприятии лишь языковых указаний читаемости, но совершается вместе с восприятием ситуации чтения.

Аспект связанности рассматривается на примере страниц твиттера, в котором отдельные Tweets репрезентируются как релевантные и в то же время взаимодействующие друг с другом единицы чтения, указывающие на его организацию и являющиеся указаниями на связанность; к таковым относятся, например, стандартное построение Tweets (указание на повторяемость: слева всегда портрет пользователя, справа – имя пользователя и сообщение) и т. д. [Hausendorf et al., 2017, S. 172]. Похожие и одновременно относительно автономные единицы (микротексты – микроблоги) тесно связаны между собой и образует особое единство (проявление стратегии связанности), которое позволяет представить страницу твиттера в качестве собрания текстов, как, например, в коллективной монографии или статье в газете. В твиттере существуют и языковые указания на тему (тематизация). Такое языковое маркирование предвосхищает автоматизм обработки всех Tweets читателем.

Аспект прагматической пригодности раскрывается на примере текстов малых форм – проездных билетов. При этом понятие «малый» включает в себя многообразие следующих факторов: величину (малые тексты всегда кратки и пространственно обозримы); сложность (малые тексты всегда просты, чаще всего состоят из одного слова, фразы, устойчивого выражения); функциональность (малые тексты чаще всего практически направлены или пригодны); форму (малые тексты всегда шаблонны и стереотипны). Так, прагматическая пригодность проездного билета очевидна: это документ, предъявляемый по требованию и служащий подтверждением права на проезд. Одновременно проездной билет представляет собой «нечто читаемое», имеющее малый формат, напечатанное на бумаге или картоне, оформленное небольшим набором языковых средств. Такие характеристики при наличии определенных внешних условий, как, например, контролер или автомат для контроля проездных документов, иными словами, ситуации и контекста, позволяют выделить следующие условия прагматической пригодности билетов: узнаваемость, контролируемость.

Теория читаемости текста во многом разделяется российскими учеными, занима-

ющимися проблемами восприятия и сложности текста (см., например: [Solovyev et al., 2019]). В российской парадигме лингвистики текста, весьма динамично развивающейся на данном этапе, используются четыре основных термина, интенционалы которые во многом совпадают: «сложность», «читабельность», «трудность», «понятность» (см., например: [Солнышкина, Кисельников, 2015]). Экспериментальные исследования восприятия школьниками учебного текста, осуществленные в Казанском (Приволжском) федеральном университете, подтвердили выводы швейцарских ученых о значимости лексических и тематических повторов как основных метрик референциальной связности текста [Solovyev, Ivanov, Solnyshkina, 2018]. Для изучения прагматической пригодности, постулируемой швейцарскими учеными как один из параметров читаемости текста, в современной российской парадигме предлагается тематическое моделирование коллекций текстов [Ivanov, Solnyshkina, Solovyev, 2018], при помощи которого определяются наиболее «читаемые» тексты.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена за счет средств гранта РФФИ № 18-18-00436 «Сложность текстов на русском языке».

The work was funded by the Russian Science Foundation grant number 18-18-00436 “Complexity of Texts in the Russian Language”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Петрова А. А., 2018. Интеракционная архитектура, социальная топография и интеракционное пространство как ключевые понятия институциональной коммуникации (Рец. на кн.: *Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum* / H. Hausendorf, R. Schmitt, W. Kesselheim (Hg.). – Tübingen : Narr, 2016. – 448 S. – (Studien zur Deutschen Sprache ; Bd. 72)) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 4. С. 240–244. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.23>.

Солнышкина М. И., Кисельников А. С., 2015. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании // Вестник Том-

ского государственного университета. Филология. № 6 (38). С. 86–99.

Beaugrande R.-A. de, Dressler W. U., 1981. *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen : Max Niemeyer. 290 S. (Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft; Bd. 28).

Ivanov V. V., Solnyshkina M. I., Solovyev V. D., 2018. Efficiency of text readability features in Russian academic texts // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г.). Вып. 17 (24). С. 284–293. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4560/_-dialog2018scopus.pdf.

Hausendorf H., Kesselheim W., Kato H., Breitholz M., 2017. *Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuansatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift*. Berlin; Boston : De Gruyter. 414 S.

Sandig B., 2000. Text als prototypisches Konzept // *Prototypentheorie in der Linguistik. Anwendungsbeispiele – Methodenreflexion – Perspektiven* / M. Mangasser-Wahl (Hrsg.). Tübingen : Stauffenburg. S. 93–112.

Solovyev V., Ivanov V., Solnyshkina M., 2018. Assessment of reading difficulty levels in Russian academic texts: Approaches and Metrics // *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*. Vol. 34, iss 5. P. 3049–3058. DOI: 10.3233/JIFS-169489.

Solovyev V., Solnyshkina M., Ivanov V., Batyrshin I., 2019. Prediction of reading difficulty in Russian academic texts // *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*. Vol. 36, iss. 5. P. 4553–4563. DOI: 10.3233/JIFS-179007.

Vater H., 2001. *Einführung in die Textlinguistik. Struktur und Verstehen von Texten*. München : Fink. 222 S.

Wolff S., 2006. *Textanalyse // Qualitative Methoden der Medienforschung* / R. Ayaß, J. R. Bergmann (Hrsg.). Reinbek bei Hamburg : Rowohlt. S. 245–273.

REFERENCES

Petrova A.A., 2018. Interaktionnaya arkhitektura, sotsialnaya topografiya i interaktionnoe prostranstvo kak klyuchevye ponyatiya institutsionalnoy kommunikatsii (Rets. na kн.: *Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum* / H. Hausendorf, R. Schmitt, W. Kesselheim (Hg.). – Tübingen: Narr, 2016. – 448 S. – (Studien zur Deutschen Sprache ; Bd. 72)) [Architecture-for-Interaction, Social Topography and Interaction Space as Key Concepts for the Analysis of Communication in

- Institutions (Book Review: Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum /H. Hausendorf, R. Schmitt, W. Kesselheim (Hg.). – Tübingen: Narr, 2016. – 448 S. – (Studien zur Deutschen Sprache; Bd. 72)). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 240-244. DOI: doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.23.
- Solnyshkina M.I., Kisel'nikov A.S., 2015. Slozhnost teksta: etapy izucheniya v otechestvennom prikladnom yazykoznanii [Text Complexity: Study Phases in Russian Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 6 (38), pp. 86-99.
- Beaugrande R.-A. de, Dressler, W.U., 1981. *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen, Max Niemeyer, 290 S. (Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft 28).
- Ivanov V.V, Solnyshkina M.I, Solovyev V.D., 2018. Efficiency of Text Readability Features in Russian Academic Texts. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (Moskva, 30 maya – 2 iyunya 2018 g.)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Moscow, May 30 – June 2, 2018)]. Moscow, iss. 17, pp. 284-293. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4560/_-dialog2018scopus.pdf.
- Sandig B., 2000. Text als prototypisches Konzept. M. Mangasser-Wahl, Hrsg. *Prototypentheorie in der Linguistik. Anwendungsbeispiele – Methodenreflexion – Perspektiven*. Tübingen, Stauffenburg, S. 93-112.
- Solovyev V., Ivanov V., Solnyshkina M., 2018. Assessment of Reading Difficulty Levels in Russian Academic Texts: Approaches and Metrics. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*, vol. 34, iss 5, pp. 3049-3058. DOI: 10.3233/JIFS-169489.
- Solovyev V., Solnyshkina M., Ivanov V., Batyrshin I., 2019. Prediction of Reading Difficulty in Russian Academic Texts. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*, vol. 36, iss. 5, pp. 4553-4563. DOI: 10.3233/JIFS-179007.
- Vater H., 2001. *Einführung in die Textlinguistik. Struktur und Verstehen von*. München, Fink. 222 S.
- Wolff S., 2006. Textanalyse. Ayas R., Bergmann J.R., Hrsg. *Qualitative Methoden der Medienforschung*. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt, S. 245-273.

Information about the Authors

Anna A. Petrova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, Research Laboratory “Intellectual Technologies of Text Management”, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, petrova16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Marina I. Solnyshkina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Theory and Practice of Foreign Languages Teaching, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, mesoln@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1885-3039>

Информация об авторах

Анна Александровна Петрова, доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник НИЛ «Интеллектуальные технологии управления текстами», Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, petrova16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Марина Ивановна Солнышкина, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, mesoln@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1885-3039>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском и немецком языках, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2020 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2020 года 934 руб. 94 коп. Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English and German, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2020 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2020 is 934.94 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

